

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 4

**Ростов-на-Дону
2019**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Главный редактор ИГНАТОВА Т.В.,
доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора ЧЕРКАСОВА Т.П.,
доктор экономических наук, доцент

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Ушаков Д.С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В.А., докт. экон. наук, доц.; Голобородько А.Ю., докт. полит. наук, доц.; Золочевская Е.Ю., докт. экон. наук, доц.; Кизим А.А., докт. экон. наук, проф.; Кислицын С.А., докт. ист. наук, проф.; Кокин А.В., докт. г.-м. наук, проф.; Колядин А.П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е.М., докт. экон. наук, проф.; Кюрджиев С.П., докт. экон. наук, проф.; Минаева Е.В., докт. экон. наук, проф.; Овакимян М.А., канд. экон. наук, доц.; Овчаренко Г.В., докт. экон. наук, проф.; Овчаренко Р.К., докт. социол. наук, доц.; Понделков А.В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Пономарев А.И., докт. экон. наук, проф.; Попова Е.А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н.Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В.А., докт. социол. наук, проф.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216.
Тел. 8-863-203-63-89,
e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 4

**Rostov-on-Don
2019**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T.V.,
Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T.P.,
Doctor of Economic science, docent

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of political science, Professor, head of the Department of applied sociology, faculty of sociology, Yerevan state University, Armenia; *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Arsenieva V.A., Doctor of Economic science, docent; *Goloborodko A.Yu.*, Doctor of political Sciences, docent; *Zolochevskaja E.Yu.*, Doctor of Economic science, docent; *Kizim A.A.*, Doctor of Economic science, professor; *Kislitsyn S.A.*, Doctor of Historic science, professor; *Kokin A.V.*, Doctor of Geological and Mineralogical science, professor; *Kryukova E.M.*, Doctor of Economics, professor; *Kolyadin A.P.*, Doctor of Economic science, professor; *Kyurdzhiev S.P.*, Doctor of Economic science, professor; *Minaeva E.V.*, Doctor of Economic science, professor; *Ovakimyan M.A.*, Candidate of Economic science, docent; *Ovcharenko G.V.*, Doctor of Economic science, professor; *Ovcharenko R.K.*, Doctor of Sociology, docent; *Ponedelkov A.V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political science, professor; *Ponomarev A.I.*, Doctor of Economic science, professor; *Popova E.A.*, Doctor of Political science, docent; *Skvortsov N.G.*, Doctor of sociological Sciences, Professor; *Sologub V.A.*, Doctor of Sociology, professor.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216

Tel: 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
<i>С.А. Еварович, Н.Э. Готовщикова, Т.Б. Лаврова</i> НОВАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	11
<i>Н.В. Гонтарь</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)	17
<i>А.В. Каплина</i> ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА ГАРМОНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРАХ	24
<i>В.В. Келарев, Ф.М. Шакова, А.С. Машлыкина</i> МАРКЕТИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРИМЕНЕНИЯ	30
<i>Н.С. Котова, Е.А. Гельпей, Г.С. Котов</i> КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ.....	37
<i>О.В. Маркин</i> МЕХАНИЗМЫ ДОСТИЖЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕЗОНАНСА В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ ДОБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ	42
<i>Л.Г. Матвеева, О.А. Чернова</i> УМНЫЙ МОНИТОРИНГ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	46
<i>И.В. Мишурова, Н.В. Николаева, А.В. Павлюкова</i> РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИЙ	50
<i>Ю.Ю. Садовникова, Л.Н. Тимейчук, Г.Г. Уварова</i> ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТРЕНДЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ	55
<i>В.А. Фоменко</i> КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	64
<i>А.М. Шаповалова</i> ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ТУРЦИИ).....	70
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	76
<i>Е.В. Михалкина, О.Я. Герасимова</i> УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	76
<i>Д.С. Ушаков, Т.В. Подольская, Л.А. Томашевская, А.А. Сысоева</i> МИРОВОЙ РЫНОК КРИПТОВАЛЮТ И СПЕЦИФИКА ЕГО РАЗВИТИЯ	85
<i>Е.Х. Бежанова, Р.В. Шхагошев, А.А. Шетов</i> АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ НА ДИНАМИКУ ЧИСЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РОССИИ	90
<i>Н.В. Брюханова, Д.И. Дынник</i> ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ	96

Н.А. Ершова ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ РОЛЬ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ	102
Е.А. Капогузов ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА	106
Т.В. Кашникова СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СГЛАЖИВАНИЯ	112
А.Н. Козлов ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	116
В.В. Матвеев, Л.В. Мазур, В.А. Тарасов ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА	121
Е.В. Минаева, О.В. Юткина, М.В. Александрова НАЛОГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАНЫ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ	125
А.В. Павлюкова РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЮГА РОССИИ	129
Т.Ф. Рябова, Е.А. Маслюкова, О.В. Юткина АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	133
Н.В. Сергеева ОБЗОР ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	139
Е.А. Стрельченко ЮВЕЛИРНЫЙ БРЕНД GRAFF: КЛЮЧЕВЫЕ ЧЕРТЫ БИЗНЕС-СТРАТЕГИИ	143
А.А. Татуев, М.А. Керемов, С.А. Склярченко НОВЫЕ ВЕКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ ЗЕЛЕННЫХ ФИНАНСОВ НА РУБЕЖЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ.....	147
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА.....	152
Л.Х. Батагова, Л.Х. Дзахова НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ: ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	152
В.В. Власов, О.С. Городнина РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА	158
Ш.Р. Кашаф, Р.В. Нуруллина ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ ИСЛАМСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	164
А.В. Макаров ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГЕРМАНИИ	168
С.В. Петрова ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	173
Е.А. Попова, З.С. Мартемьянова РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	177
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	181
Я.В. Артамонова, Н.К. Бинева, А.Н. Дьяченко МОЛОДЕЖЬ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	181
Н.В. Бережная КОНЦЕПТ ДЕСТРУКТИРОВАНИЯ В МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	187

Н.А. Вялых, А.А. Беспалова СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ	192
Н.Н. Гонтаренко, Я.А. Асланов, Д.Н. Стукалова ДИНАМИКА И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014-2019 ГОДАХ	197
А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, А.В. Сериков ОБЩЕСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	205
А.В. Бедрик, Н.К. Бинеева, А.Н. Дьяченко СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	213
Э.М. Загирова, М.М. Шахбанова ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОЙ И РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ	218
Д.С. Загутин, В.В. Касьянов, А.В. Рачипа ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА	224
Т.Ю. Захарова, Н.Х. Гафиатулина, Я.В. Артамонова СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ И МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА	230
Н.С. Котова, В.Ю. Кравцова, Г.С. Котов ДВОЙНАЯ ФУНКЦИЯ «#УВОЛЬТЕ МЕНЯ» В КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ	235
О.А. Нор-Аревян ФАКТОРЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ ВРАЧЕЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	240
Р.К. Овчаренко, О.Г. Осипов ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	246
А.В. Сериков, В.З. Зарбалиев ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ: РОЛЬ ИНСТИТУТОВ МИРОРЕГУЛИРОВАНИЯ В ИХ РАЗРЕШЕНИИ	250
М.М. Шахбанова, Ю.М. Лысенко РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВКАХ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ	255
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	262
С.А. Галдавадзе ПРОБЛЕМА БЕЗРАБОТИЦЫ СРЕДИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	262
Г.В. Дашкевич ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ИНДИКАТОРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ	267
К.А. Крылов ХОЛДИНГОВАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ	271
Л.Н. Сокол ОТНОШЕНИЕ КУРСАНТОВ УВЦ И СТУДЕНТОВ ВОЕННЫХ КАФЕДР К ВЫСШЕМУ ВОЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ВОЕННОЙ КАРЬЕРЕ	278
Ю.В. Солодянкина ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	284
Е.И. Фирсов ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА	289
А.И. Черевкова, Г.И. Чикарова ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ АКТЕРОВ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ	296
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	303

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	11
<i>Evarovich Svetlana Anatolyevna, Gotovshchikova Natalya Eduardovna, Lavrova Tatyana Budayevna</i> NEW MODEL OF ORGANIZATION OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF CIVIL SERVANTS AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION	11
<i>Gontar Nikolay Vladimirovich</i> MODERN PROBLEMS OF MANAGEMENT OF THE FISHING INDUSTRY (RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE).....	17
<i>Kaplina Anastasia Valeryevna</i> INFORMATION AND DIGITAL PLATFORM FOR HARMONIZATION OF MANAGEMENT DECISIONS IN REGIONAL CLUSTERS.....	24
<i>Kelarev Vladimir Viktorovich, Shakova Fatima Muradinovna, Mashlykina Anastasia Stanislavovna</i> MARKETING TECHNOLOGIES IN REGIONAL MANAGEMENT PRACTICE: CONCEPTUAL CONTENT AND APPLICATION TOOLS.....	30
<i>Kotova Nina Sergeevna, Gelpy Elena Aleksandrovna, Kotov Grigory Sergeevich</i> CRITICAL THINKING AS AN ESSENTIAL COMPETENCE FOR TRAINING TODAY'S MANAGERIAL STAFF.....	37
<i>Markin Oleg Vladimirovich</i> MECHANISMS FOR ACHIEVING MANAGERIAL RESONANCE IN THE FRAMEWORK OF INTERACTION BETWEEN PARTICIPANTS IN THE PROCESS OF CREATING ADDED VALUE IN THE OIL INDUSTRY	42
<i>Matveeva Lyudmila Grigoryevna, Chernova Olga Anatolyevna</i> SMART MONITORING OF WATER BODIES IN THE REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM	46
<i>Mishurova Irina Vladimirovna, Nikolaeva Natalya Vasilievna, Pavlyukova Antonina Viktorovna</i> FORESIGHT-BASED REGIONAL DEVELOPMENT	50
<i>Sadovnikova Julia Yuriyevna, Timeychuk Lyudmila Nikolaevna, Uvarova Galina Gennad'evna</i> ASSESSMENT OF HEALTH SYSTEM MANAGEMENT EFFICIENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN CHALLENGES AND REFORMING TRENDS	55
<i>Fomenko Vita Alexandrovna</i> THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF LABOR POTENTIAL OF THE TOURISM INDUSTRY IN THE REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM	64
<i>Shapovalova Anna Mikhaelovna</i> EVOLUTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN BORDER AREAS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND TURKEY).....	70
PROBLEMS OF ECONOMICS	76
<i>Mikhalkina Elena Vladimirovna, Gerasimova Olga Yaroslavovna</i> SATISFACTION OF UNIVERSITY GRADUATES WITH THE QUALITY OF EDUCATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION	76
<i>Ushakov Denis Sergeevich, Podolskaya Tatiana Valentinovna, Tomashevskaya Ludmila Avramovna, Sysoeva Anna Andreevna</i> INTERNATIONAL CRYPTOCURRENCY MARKET AND DISTINGUISHING FEATURES OF ITS DEVELOPMENT.....	85
<i>Bezhanova Elena Khusinovna, Shkhagoshev Rustam Valentinovich, Shetov Arthur Arsenovich</i> ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF VARIOUS FACTORS ON THE DYNAMICS OF THE NUMBER OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS	90
<i>Bruhanova Natalia Vladimirovna, Dynnik Dmitry Igorevich</i> FINANCIAL AND ECONOMIC SUPPORT FOR INTEGRATED RURAL DEVELOPMENT	96
<i>Ershova Natalya Anatolyevna</i> DIGITAL ECONOMY AND ITS ROLE IN MANAGEMENT OF MODERN SOCIAL AND ECONOMIC RELATIONS.....	102
<i>Kapoguzov Evgeny Alekseevich</i> INSTITUTIONAL ANALYSIS OF NATIONAL PROJECTS IN THE FIELD OF DEMOGRAPHIC POLICY: ECONOMIST GLANCE.....	106

<i>Kashnikova Tatyana Vasilievna</i> SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY OF POPULATION IN RUSSIA: CAUSAL-INVESTIGATIVE ANALYSIS AND WAYS SMOOTHING.....	112
<i>Kozlov Andrey Nikolaevich</i> EFFICIENCY OF TRANSNATIONALIZATION AS A FACTOR OF INSTITUTIONALIZATION OF ECONOMIC POTENTIAL	116
<i>Matveev Vladimir Vladimirovich, Mazur Lidia Viktorovna, Tarasov Vadim Aleksandrovich</i> INFLUENCE OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT ON FORMATION OF REGIONAL TAX POTENTIAL	121
<i>Minaeva Elena Vyacheslavovna, Yutkina Olga Vladimirovna, Alexandrova Margarita Valeryevna</i> TAX POTENTIAL OF THE COUNTRY AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONS	125
<i>Pavlyukova Antonina Viktorovna</i> RISK-MANAGEMENT AS A BASE OF FINANCIAL SECURITY SYSTEM OF ORGANIZATIONS OF SOUTH RUSSIA	129
<i>Ryabova Taisiya Fominichna, Maslyukova Ekaterina Aleksandrovna, Yutkina Olga Vladimirovna</i> TOPICAL ISSUES OF DEVELOPMENT OF NATIONAL INFRASTRUCTURE BASED ON STATE-PRIVATE INTERACTION.....	133
<i>Sergeeva Nadezhda Vladimirovna</i> REVIEW OF APPROACHES TO THE CONCEPT OF BALANCED DEVELOPMENT OF THE REGION	139
<i>Strelchenko Elena Aleksandrovna</i> HIGH JEWELRY BRAND GRAFF: KEY FEATURES OF BUSINESS STRATEGY	143
<i>Tatuev Arsen Azidovich, Kerefov Murat Anatolevich, Sklyarenko Semen Alexandrovich</i> NEW VECTORS IN THE FORMATION OF GREEN FINANCE MECHANISMS AT THE TURN OF THE DECADES.....	147
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	152
<i>Batagova Lyudmila Khazretovna, Dzakhova Larisa Khasanovna</i> SOME ASPECTS OF THE INTERACTION OF THE STATE AND RELIGION: ALL-RUSSIAN TRENDS AND REGIONAL CHARACTERISTICS.....	152
<i>Vlasov Vitaly Vitalievich, Gorodnina Olga Sergeevna</i> RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE POLITICAL PROCESS IN THE CRISIS OF MODERN LIBERALISM	158
<i>Kashaf Shamil Ravilyevich, Nurullina Roza Vagizovna</i> BUILDING UP THE RUSSIAN NATIONAL IDENTITY AMONG THE STUDENTS OF ISLAMIC TEACHING INSTITUTIONS.....	164
<i>Makarov Aleksey Vladimirovich</i> GEOPOLITICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF EDUCATIONAL SPACE IN GERMANY	168
<i>Petrova Svetlana Vladislavovna</i> POLITICAL PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION	173
<i>Popova Ekaterina Aleksandrovna, Martemyanova Zlataslava Sergeevna</i> THE ROLE OF POLITICAL ELITES IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN A DIGITAL ENVIRONMENT	177
SOCIOLOGY PROBLEMS.....	181
<i>Artamonova Yana Viktorovna, Bineeva Natalya Kamiliyevna,</i> <i>Dyachenko Angela Nikolaevna</i> YOUTH IN THE ROSTOV REGION UNDER THE CONDITIONS OF CHANGING REALITY: FEATURES OF SOCIAL SETTINGS AND SOCIAL BEHAVIOR.....	181
<i>Berezhnaya Natalya Victorovna</i> THE CONCEPT OF DESTRUCTURING IN METHODOLOGY ANALYSIS OF DECENTRALIZATION AND DECONSTRUCTION MODERN CULTURE	187
<i>Vyalykh Nikita Andreevich, Bespalova Anna Aleksandrovna</i> SOCIAL PERCEPTIONS AND THE FEATURES OF THE YOUTH BEHAVIOR IN THE FIELD OF HEALTH CARE IN THE SOUTH OF RUSSIA	192
<i>Gontarenko Nadezhda Nikolaevna, Aslanov Yakov Andreevich, Stukalova Daria Nikolaevna</i> DYNAMICS AND MAIN TRENDS OF THE INTERNATIONAL MIGRATION FLOW IN THE ROSTOV REGION IN 2014-2019	197

Dyatlov Alexander Viktorovich, Kovalyov Vitaly Vladimirovich, Serikov Anton Vladimirovich	
PUBLIC SOLVENCY OF THE INSTITUTE OF CITY MANAGEMENT IN THE ESTIMATES OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF CRIMEA	205
Bedrik Andrey Vladimirovich, Bineeva Natalya Kamilyevna, Diatchenko Angela Nikolaevna	
PRESERVATION OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL POLICY.....	213
Zagirova Elvira Makhachevna, Shakhbanova Madina Magomedkamilovna	
TYPES OF RELIGIOUSITY AND RELIGIOUS SOCIALIZATION OF MOUNTAIN JEWS.....	218
Zagutin Dmitry Sergeyeovich, Kasyanov Valery Vasilyevich, Rachipa Andrey Valeryevich	
PRINCIPLES AND DIRECTIONS OF INCREASE OF EFFICIENCY OF MANAGEMENT OF LABOR MOTIVATION OF THE PERSONNEL	224
Zakharova Tatyana Yunalyevna, Gafiatulina Natalya Halilovna, Artamonova Yana Viktorovna	
CONCEPTUALISING SOCIAL HEALTH OF THE RUSSIAN YOUNG FAMILY AND MODELS OF PARENTAL BEHAVIOUR IN A RISK SOCIETY	230
Kotova Nina Sergeevna, Kravtsova Viktoria Yurievna, Kotov Grigory Sergeevich	
THE DUAL ROLE OF “#FIREME” IN CIVIL SERVANTS COMMUNICATOIN	235
Nor-Areyyan Oksana Avedikovna	
FACTORS AND ADVANTAGES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL DYNASTIES OF DOCTORS IN THE SOVIET PERIOD.....	240
Ovcharenko Roman Konstantinovich, Osipov Oleg Georgievich	
PUBLIC MANAGEMENT OF MIGRATION PROCESSES IN ROSTOV REGION.....	246
Serikov Anton Vladimirovich, Zarbaliev Vadim Zagiddinovich	
THE ORIGIN OF INTERNATIONAL CONFLICTS AND THE ROLE OF INSTITUTIONS OF PEACEFUL REGULATION IN THEIR RESOLUTION.....	250
Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Lysenko Yulia Mikhaelovna	
RELIGIOUS FACTOR IN LIFE INSTITUTIONS OF MOUNTAIN JEWS.....	255
YOUNG SCIENTISTS	262
Galdavadze Sofya Amiranovna	
THE PROBLEM OF UNEMPLOYMENT AMONG GRADUATES OF RUSSIAN UNIVERSITIES.....	262
Dashkevich Galina Vasilyevna	
ELECTORAL SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE PROBLEM AREA OF SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE: INDICATORS OF THE SOCIOLOGICAL MEASUREMENT	267
Krylov Konstantin Aleksandrovich	
BUSINESS ORGANIZATION HOLDING MODEL AS A TOOL FOR TAX OPTIMIZATION.....	271
Sokol Larisa Nikolaevna	
MTC CADETS' AND MILITARY DEPARTMENTS' UNDERGRADUATES' ATTITUDES TOWARD HIGHER MILITARY EDUCATION AND MILITARY CAREER.....	278
Solodyankina Yulia Vitalyevna	
TRENDS AND PROBLEMS OF REGIONAL HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN BELGOROD REGION	284
Firsov Evgeny Igorevich	
INSTITUTIONAL AND LEGAL IMPLEMENTATION OF THE LEGAL BASIS OF EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE SYSTEM OF MEETING THE NEEDS OF THE PUBLIC SECTOR.....	289
Cherevkova Alena Igorevna, Chikarova Galina Igorevna	
FORMATION FACTORS OF PROFESSIONAL DYNASTIES OF ACTORS IN SOVIET SOCIETY	296
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	303

НОВАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Еварович Светлана Анатольевна** кандидат педагогических наук, вед. научн. сотр. научно-исследовательской лаборатории «Современные технологии в государственном управлении», зам. директора экспертно-аналитического центра государственной и муниципальной службы Института «Высшая школа государственного управления», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: evarovich-sa@ranepa.ru
- Готовщикова Наталья Эдуардовна** кандидат филологических наук, ст. научн. сотр. научно-исследовательской лаборатории «Современные технологии в государственном управлении» Института «Высшая школа государственного управления», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: gotovschikova-ne@ranepa.ru
- Лаврова Татьяна Будаевна** кандидат экономических наук, зав. научно-исследовательской лабораторией «Современные технологии в государственном управлении», директор центра современных технологий обучения и онлайн ресурсов Института «Высшая школа государственного управления», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: batueva@ranepa.ru

Аннотация

В статье представлено описание базовых элементов новой модели организации профессионального развития государственных гражданских служащих, которая рассматривается как фактор трансформации государственной службы и государственного управления. Материалом исследования выступают научные данные отечественных ученых, нормативно-правовые акты, вступившие в силу в течение последних трех лет и методические материалы, разработанные Минтрудом России. На основе анализа документов выявлены направления развития формирующейся системы профессионального развития в контексте современных вызовов государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, государственная гражданская служба, модель организации профессионального развития, гражданские служащие, реформирование государственной службы, должностные регламенты, современные административные парадигмы, система профессионального развития, результативность профессиональной деятельности.

Проблемы развития государственной службы являются предметом научных дискуссий в нашей стране и за рубежом. Волна исследований последнего десятилетия в России во многом обусловлена стремлением провести анализ происходящих в публичном управлении изменений и определить факторы, формирующие вектор трансформации, который был задан программами реформирования и развития государственной службы, начиная с 2002 г.¹

Многие авторы акцентируют внимание на взаимосвязи успешности реформирования государственной службы с эффективностью государственного управления, устойчивостью развития государства [1], [2], а изменение подходов к организации профессионального развития гражданских служащих рассматривают в качестве одного из факторов трансформации гражданской службы [3].

В настоящей статье – в контексте изучения проблемы модернизации гражданской службы и обозначения места и роли системы профессионального развития гражданских служащих в этом процессе – предпринята попытка ответить на ряд вопросов:

- 1) каковы задачи государственного управления на современном этапе развития общества?
- 2) каковы характеристики новой модели организации профессионального развития гражданских служащих, отвечающей современным вызовам, и в чем ее отличие от существовавшей ранее?

¹ Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003 – 2005 годы)»; федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)»; федеральная программа «Развитие государственной службы Российской Федерации (2015 – 2018 годы)»; Указ Президента РФ от 24.06.2019 № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019 – 2021 годы».

3) насколько формируемая модель соответствует заданному вектору трансформации государственного управления и гражданской службы?

Материалом исследования послужили научные данные отечественных ученых, нормативно-правовые акты, вступившие в силу в течение последних трех лет, а также методические материалы, предложенные для применения в органах государственной власти Минтрудом России.

Обратимся к *первому* вопросу. Для понимания содержания и механизмов новой модели организации профессионального развития следует обозначить контекст современных вызовов и задач государственного управления. С позиции теории государственного управления, происходящие в мире изменения демонстрируют понятный тренд – «стремление к деbüroкратизации управления, поиск новой модели исполнительной власти» [4].

По мнению исследователей, современный знаниевый, информационный этап развития постиндустриальности характеризуется появлением актуальной для государственного управления задачи – создать для каждого человека возможности реализации собственного потенциала [5]. В этой связи в литературе употребляется термин «управление, основанное на знаниях», в который вкладывается идея о мобилизации «знаниевого» потенциала не только общества, но сотрудников аппарата управления [6].

Ученые сосредоточены на проведении глубокого анализа современных административных парадигм и моделей государственного управления для разработки механизма преодоления кризиса в государственном управлении, который сегодня переживают многие страны [7], [8]. Ряд авторов отмечают, что в России реформирование государственного управления и государственной службы в большой степени происходит в контексте «нового государственного управления» (New Public Management, или NPM). Данная парадигма государственного управления исходит из понимания сервисной роли государства (ориентации на качество оказания государственных услуг), целесообразности применения технологий бизнеса в государственном секторе. Среди инструментов, которые должны обеспечить эффективность, – сокращение расходов на государственный аппарат, реструктуризация; развитие законодательства о государственном заказе. В системе государственной гражданской службы речь идет о применении должностных регламентов, разработанных с учетом процессных показателей эффективности и являющихся основанием для оценки служебной деятельности (методология KPI) [8].

В научном дискурсе также выделяются аспекты технологической трансформации государственного управления. Как считают специалисты, для обеспечения конкурентоспособности государства в долгосрочной перспективе, расширения государственных сервисов и реализации принципов открытости в деятельности государственного аппарата, необходимо создание «системы организации и исполнения функций органов государственной власти, построенной на базе интегрированных цифровизированных процессов» [9, с. 7]. Кроме того, подчеркивается, что концепт «государства развития» является административным инструментом реализации курса «прорывного научно-технологического и социально-экономического развития», который был заявлен в мае 2018 г. Данный концепт предполагает превращение государственного аппарата и гражданских служащих в «администраторов развития», что обуславливает иные требования к качеству кадрового состава, организации кадровых процессов, включая систему профессионального развития гражданских служащих [10].

Таким образом, на основе анализа мнений ученых можно выделить следующие актуальные задачи государственного управления и государственной службы:

- мобилизация «знаниевого» потенциала гражданских служащих;
- превращение гражданских служащих в «администраторов развития»;
- внедрение «платформенного» подхода в государственное управление;
- обеспечение эффективности в деятельности гражданских служащих.

Все это в свою очередь формирует определенные требования к системе профессионального развития и той новой модели ее организации, которая создается в рамках реформирования гражданской службы.

В исследованиях, посвященных вопросам методологии профессионализации гражданских служащих, в качестве ключевой проблемы действующей модели обозначается слабая ориентация существующих программ и технологий профессионального развития гражданских служащих на компетенции должности и повышение эффективности и результативности профессиональной деятельности [3, с. 112].

Учитывая сказанное, при рассмотрении *второго* поставленного вопроса – о характеристиках новой модели организации профессионального развития гражданских служащих, – в качестве основных требований к такой модели, с нашей точки зрения, могут быть названы:

- возможность реализации потенциала гражданских служащих;
- оперативность в обновлении знаний и востребованных профессиональной деятельностью навыков;
- создание мотивационных условий для внедрения изменений гражданскими служащими при выполнении ими служебных обязанностей.

Модель организации профессионального развития гражданских служащих как форма отображения данного кадрового процесса содержит существенные элементы: цель, принципы, этапы, формы и механизмы обеспечения профессионального развития, показатели эффективности и инструменты их оценки.

Для описания элементов новой модели перейдем к анализу нормативно-правовых актов, вступивших в силу в течение последних трех лет, а также методических материалов, предложенных для применения в органах государственной власти Минтрудом России.

Обновление подходов к организации профессионального развития гражданских служащих связано с осуществлением Плана мероприятий («дорожной карта») по реализации Основных направлений развития государственной гражданской службы на 2016-2018 гг.¹ В рамках мероприятий «дорожной карты» были внесены существенные изменения в 62 и 63 статьи Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – ФЗ № 79).

Новеллами законодательства стали (статья 62 ФЗ № 79):

- введение понятия «профессиональное развитие» и расширение его содержания за счет включения, кроме дополнительных профессиональных программ (ДПП), иных мероприятий по профессиональному развитию;
- законодательное закрепление непрерывного, перманентного характера профессионального развития гражданских служащих;
- создание дополнительного инструмента осуществления дополнительных профессиональных программ – образовательного сертификата [11].

Таким образом, за счет введения в содержание профессионального развития, наряду с ДПП, иных мероприятий по профессиональному развитию, а также расширения оснований для принятия решения о направлении гражданского служащего на мероприятия по профессиональному развитию созданы условия для более оперативного реагирования на потребности государственных органов в обучении гражданских служащих. Кроме того, предложен новый организационно-финансовый инструмент индивидуального характера, который может способствовать удовлетворению индивидуальных запросов на ДПП, связанных с узкой спецификой профессиональной деятельности.

Нововведения коснулись также вопросов финансирования и планирования профессионального развития гражданских служащих:

- предусмотрено несколько вариантов финансирования мероприятий по профессиональному развитию: государственное задание, государственный заказ, средства государственного органа (в рамках требований и процедур Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»), на основании именных образовательных сертификатов (статья 63 ФЗ № 79);
- изменен порядок формирования государственного заказа: ранее ответственность возлагалась на государственный орган, и требовалось согласование с соответствующим органом по управлению государственной службой, – теперь ответственность возлагается на соответствующий орган по управлению государственной службой. Порядок планирования предусматривает подготовку государственными органами заявок с учетом их функций и специализации, профессионального образования по должностям гражданской службы. Далее орган по управлению государственной службой на основе заявок формирует государственный заказ. Измененный порядок также может способствовать более оперативному и качественному планированию профессионального развития гражданских служащих.

Следующий этап в совершенствовании системы профессионального развития гражданских служащих связан с вступлением в силу Указа Президента Российской Федерации от 21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» и постановлениями Правительства Российской Федерации от 18 мая 2019 г.²

В развитие норм ФЗ № 79 в рамках Положения о порядке осуществления профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации (далее – Положение), утвержденного Указом Президента РФ от 21.02.2019 № 68:

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 года № 403; Распоряжение Правительства РФ № 1919-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016 – 2018 годы», утв. Указом Президента РФ от 11.08.2016 № 403».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2019 № 617 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2019 № 618 «Об утверждении Положения о прохождении служебной стажировки государственными гражданскими служащими Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2019 № 619 «О государственном образовательном сертификате на дополнительное профессиональное образование государственного гражданского служащего Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2019 № 620 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета грантов в форме субсидий организациям, осуществляющим образовательную деятельность, в целях возмещения затрат, связанных с обучением федеральных государственных гражданских служащих на основании государственных образовательных сертификатов на дополнительное профессиональное образование».

– расширено толкование термина «профессиональное развитие», которое заключается в приобретении гражданским служащим на системной основе новых знаний и умений, развитии его профессиональных и личностных качеств (п. 3 Положения);

– проведена градация «иных» мероприятий по профессиональному развитию в зависимости от цели участия в нем гражданских служащих: для ускоренного приобретения гражданскими служащими новых знаний и умений предлагаются семинары, тренинги, мастер-классы, иные мероприятия; для изучения передового опыта и обмена им предусмотрены конференции, круглые столы, служебные стажировки и иные мероприятия; поддержано развитие практики самообразования в рамках направлений профессиональной служебной деятельности посредством использования единого специализированного информационного ресурса;

– определена последовательность действий ответственных при планировании централизованного обучения федеральных гражданских служащих в рамках приоритетных направлений профессионального развития, а также реализации государственного заказа на мероприятия по профессиональному развитию и на осуществление обучения федеральных государственных гражданских служащих на основании образовательных сертификатов;

– предусмотрено использование федеральной государственной информационной системы в области государственной службы для осуществления контроля и учета мероприятий по профессиональному развитию федеральных государственных гражданских служащих.

Вместе с тем Положение не содержит упоминания об индивидуальных планах профессионального развития гражданских служащих и программах государственных органов по профессиональному развитию гражданских служащих. Таким образом, планирование профессионального развития гражданских служащих может осуществляться с использованием различных инструментов и подходов к планированию с учетом специфики кадровой политики исполнительных органов государственной власти. Положение также связывает результаты профессионального развития с процессами оценки профессиональной деятельности (в рамках аттестации) и должностного роста.

Итак, на основе анализа отдельных положений нормативно-правовых актов, регулирующих систему профессионального развития гражданских служащих, можно описать базовые элементы новой модели организации профессионального развития.

В качестве цели декларируется «поддержание и повышение уровня квалификации, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими» (п. 3 Положения). Прослеживаются принципы построения новой модели: системность, непрерывность, ориентация на квалификационный подход, технологизация (цифровизация). Данные принципы заложены в различных положениях обновленного законодательства.

Этапы организации профессионального развития гражданских служащих описаны в Рекомендациях по организации дополнительного профессионального образования и иных мероприятий по профессиональному развитию государственных гражданских служащих Российской Федерации (далее – Рекомендации), которые были разработанным Минтрудом России в 2018 г.¹

В тексте Рекомендаций уточняется цель мероприятий по профессиональному развитию: «обеспечить получение гражданскими служащими знаний и умений, позволяющих эффективно решать поставленные перед государственным органом задачи». Далее предлагается технология планирования данных мероприятий, включающая разработку ежегодного плана на основе анализа потребностей гражданских служащих и соответствующих ключевым направлениям деятельности государственного органа.

В Рекомендациях находит продолжение применение квалификационного подхода к организации кадровых процессов. В рамках процедуры планирования мероприятий профессионального развития рекомендуется использовать следующие целевые направления:

– получение предметных знаний и умений, необходимых для исполнения должностных обязанностей;

– развитие профессиональных и личностных качеств;

– получение знаний и умений в области технологий управления и стратегического планирования.

При этом гражданские служащие условно разделены на группы с учетом замещаемой ими должности государственной гражданской службы: «исполнители», «руководители среднего уровня», «руководители высшего уровня». Разработчиками предложены формулировки задач в области профессионального развития, а также алгоритм пошаговых действий при его планировании и подведении итогов.

Следует отметить, что Рекомендации являются логическим продолжением внедрения квалификационного подхода в систему кадровой работы и той модели профессиональных и личностных качеств, которые легли в основу Единой методики проведения конкурсов при замещении вакантных

¹ <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/3/3>

должностей и включении в кадровый резерв¹. В перечень данных качеств включены: лидерские качества, стратегическое мышление, аналитические способности; коммуникабельность, управление конфликтами; умение формировать команду и работать в команде и др.

Таким образом, в основу механизма организации профессионального развития положен квалификационный подход, который в том числе содержит описание требований к профессиональным и личностным качествам (компетенциям). Принятие решения о направлении гражданских служащих на мероприятия по профессиональному развитию базируется на понимании специфики и задач профессиональной деятельности.

В качестве показателей оценки деятельности кадровых служб по организации профессионального развития предложены следующие процессы²:

- анализ потребности структурных подразделений в профессиональном развитии гражданских служащих (доля гражданских служащих, в отношении которых запланированы мероприятия по профессиональному развитию);
- формирование ежегодного перечня планируемых к проведению мероприятий по профессиональному развитию гражданских служащих по тематике, соответствующей основным направлениям деятельности федерального органа исполнительной власти (среднее число мероприятий на одного гражданского служащего);
- организация и проведение в федеральном органе исполнительной власти мероприятий по профессиональному развитию гражданских служащих (внутриведомственных семинаров, тренингов, мастер-классов, конференций, круглых столов, в том числе с привлечением представителей экспертного сообщества).

Методикой предусмотрены и соответствующие индикаторы: доля гражданских служащих, ежегодно участвующих в иных мероприятиях по профессиональному развитию; доля гражданских служащих, положительно оценивших результаты наставничества (оценивается через год после установления наставничества); доля гражданских служащих, удовлетворенных результатами освоения дополнительных профессиональных программ от общего числа гражданских служащих, прошедших обучение.

Данная методика оценки характерна для начального этапа становления новой системы, которая сосредоточена на задачах внедрения новых форм профессионального развития. Оценка эффективности мероприятий предлагается с позиции самих слушателей и пока не содержит показателей и индикаторов, которые позволили бы делать выводы о качестве работы с точки зрения практико-применимости.

Отвечая на **третий** вопрос, – насколько новая модель организации профессионального развития соответствует заданным трендам государственного управления, – в целом следует констатировать, что прослеживается внедрение менеджериального подхода, который сопровождается развитием механизмов оценки результативности и мониторинга.

На сегодняшний день созданы условия для более оперативного принятия решений о профессиональном развитии гражданских служащих, предложены адекватные формы профессионального развития, описана технология планирования и оценки данного кадрового процесса. Вместе с тем предложенное законодателями толкование цели профессионального развития лишь частично отражает требования нового этапа. Не явно прослеживается ориентация на решение перспективных задач государственного управления (готовность к выполнению роли «администратора развития»).

В отношении принципов обновленной модели организации профессионального развития возможна более четкая их артикуляция в качестве принципов в рамках текста Положения о порядке осуществления профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации или Рекомендаций Минтруда России. Кроме того, в контексте вызовов времени целесообразна декларация дополнительных принципов, связанных с трендами государственного управления.

Важным представляется исследование содержания деятельности гражданских служащих (по выделенным условным группам), предложенных требований в формате компетенций и современных задач государственного управления для возможной корректировки – так, на наш взгляд, необходимым является включение требований, связанных с готовностью гражданского служащего осуществлять профессиональную деятельность в условиях цифровой экономики и постоянных изменений.

Литература

1. Борщевский Г.А. В поисках оптимальной модели управления государственной службой (опыт российских регионов) // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 63. Август 2017. С. 67 – 98.
2. Кушлин В.И. Устенко В.С. Реформирование государственной службы как фактор управления социально-экономическим развитием (опыт развитых стран) // Современные технологии управления. 2015. № 5(53). С. 42 – 47.

¹ Постановление Правительства РФ от 31.03.2018 № 397 «Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов».

² Методика оценки показателей повышения эффективности и результативности работы кадровых служб федеральных органов исполнительной власти, включая показатели эффективности использования кадровых резервов. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/strategy/1>

3. Меркулов П.А. Профессиональное развитие как элемент государственной политики повышения эффективности государственной гражданской службы // Вестник экспертного совета. № 1 (8). 2017. С. 107 – 112.
4. Оболонский А.В. Бюрократия: поисках новой модели // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 5 – 22.
5. Мартынова С.Э. «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации: Монография. СПб.: Социально-гуманитарное знание. 2015. 346 с.
6. Понкин И.В. Теория публичного управления: учебник для магистратуры и программ МРА / Институт государственной службы и управления РАНХиГС. М.: Буки Веди, 2017. 728 с.
7. Барабашев Г.А. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163 – 194.
8. Стрижов С.А. и др. Трансформация государственного управления в условиях новых вызовов: Монография / С.А. Стрижов, Е.А. Богатырева, Т.Г. Богатырева. М.: Изд-во «Проспект», 2018. 156 с.
9. Буров В.В., Петров М.В., Шклярук М.С., Шаров А.В. «Государство как платформа»: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления. // Государственная служба. 2018. № 3. С. 6 – 17.
10. Слатинов В.В., Меркулов К.Г. Реформа бюрократии как условие становления «государства развития»: перспективы и ограничения модернизации государственной службы России // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 161 – 177.
11. Топильская А.Н., Трифонов Ю.Н. Система профессионального развития государственных гражданских служащих: новеллы законодательства и дальнейшие перспективы // Современное общество и власть (Электронный журнал). 2018. № 2 (16). С. 128 – 134.

Evarovich Svetlana Anatolyevna, PhD (Pedag.), Leading Researcher, Research Laboratory «Modern Technologies in Public Management», Deputy Director of Expert and Analytical Center for Public Service of the Graduate School of Public Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Ave. Vernadsky, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: evarovich-sa@ranepa.ru

Gotovshchikova Natalya Eduardovna, PhD (Philol.), Senior Researcher, Research Laboratory «Modern Technologies in Public Management» of the Graduate School of Public Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Ave. Vernadsky, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: gotovshchikova-ne@ranepa.ru

Lavrova Tatyana Budayevna, PhD (Econ.), Head of Research Laboratory «Modern Technologies in Public Management», Director of the Center for Modern Teaching Technologies and Online Resources of the Graduate School of Public Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Ave. Vernadsky, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: batueva@ranepa.ru

NEW MODEL OF ORGANIZATION OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF CIVIL SERVANTS AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract

The article describes the basic elements of a new civil servant professional development model, which is considered as a transformation factor of public service and public administration. The research material is the scientific data of domestic scientists, legal acts that have entered into force over the past three years, and methodological materials developed by the Russian Ministry of Labor. Based on the analysis of documents, the directions development for the emerging system of civil servant professional development in the context of modern challenges in public administration are identified.

Keywords: public administration, public civil service, professional development model, civil servants, public service reform, job regulations, modern administrative paradigm, professional development system, professional performance.

References

1. Borshchevskij G.A. V poiskah optimal'noj modeli upravleniya gosudarstvennoj sluzhboj (opyt rossijskikh regionov) // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. Vyp. 63. Avgust 2017. P. 67 – 98.
2. Kushlin V.I. Ustenko V.S. Reformirovanie gosudarstvennoj sluzhby kak faktor upravleniya social'no-ekonomicheskim razvitiem (opyt razvityh stran) // Sovremennye tekhnologii upravleniya. 2015. № 5(53). P. 42 – 47.
3. Merkulov P.A. Professional'noe razvitie kak element gosudarstvennoj politiki povysheniya effektivnosti gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby // Vestnik ekspertnogo soveta. № 1 (8). 2017. P. 107 – 112.
4. Obolonskij A.V. Byurokратиya: poiskah novej modeli // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 3. P. 5 – 22.
5. Martynova S.E. «Servisnaya» model' municipal'nogo upravleniya v sociologicheskoy interpretacii: Monografiya. SPb.: Social'no-gumanitarnoe znanie. 2015. 346 p.
6. Ponkin I.V. Teoriya publichnogo upravleniya: uchebnik dlya magistratury i programm MPA / Institut gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya RANHiGS. M.: Buki Vedi, 2017. 728 p.
7. Barabashev G.A. Krizis gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye administrativnye paradigmy gosudarstva i byurokratii // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo pravleniya. 2016. № 3. P. 163 – 194.
8. Strizhov S.A. i dr. Transformaciya gosudarstvennogo upravleniya v usloviyah novyh vyzovov: Monografiya / S.A. Strizhov, E.A. Bogatyreva, T.G. Bogatyreva. M.: Izd-vo «Prospekt», 2018. 156 p.
9. Burov V.V., Petrov M.V., SHklyaruk M.S., SHarov A.V. «Gosudarstvo kak platforma»: podhod k realizacii vysokotekhnologichnoj sistemy gosudarstvennogo upravleniya // Gosudarstvennaya sluzhba. 2018. № 3. P. 6 – 17.
10. Slatinov V.V., Merkulov K.G. Reforma byurokratii kak uslovie stanovleniya «gosudarstva razvitiya»: perspektivy i ograniчениya modernizacii gosudarstvennoj sluzhby Rossii // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2019. Т. 14. № 1. P. 161 – 177.
11. Topil'skaya A.N., Trifonov YU.N. Sistema professional'nogo razvitiya gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih: novelly zakonodatel'stva i dal'nejshie perspektivy // Sovremennoe obshchestvo i vlast' (Elektronnyj zhurnal). 2018. № 2 (16). P. 128-134.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ
(РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)***

Гонтарь Николай Владимирович кандидат географических наук, доцент, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
E-mail: passat01@mail.ru

Аннотация

Формирование траектории развития экономики, обеспечивающей устойчивый рост и глобальную конкурентоспособность, предполагает создание адекватных современным условиям конкуренции механизмов управления в пространственном и отраслевом измерении. Россия, обладая значимыми природными ресурсами развития рыбохозяйственного комплекса и традициями развития отрасли, имеет значительный потенциал наращивания производства продукции рыболовства и аквакультуры на мировом уровне. В статье исследуются актуальные механизмы развития комплекса, риски административного регулирования его развития, а также мировой опыт (ЕС и Китая) совершенствования принципов управления отраслью в России. предложен спектр мер оптимизации системы управления отраслью.

Ключевые слова: *рыбохозяйственный комплекс, отраслевое управление, система управления развитием рыбохозяйственного комплекса, аквакультура, мариккультура, рыбопереработка, Россия, Китай, Дальний Восток.*

Введение. Формирование нового качества экономики России и её регионов выступает приоритетом современных экономических преобразований. Современным вектором такой политики, согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», выступает создание высокопроизводительного сектора на базе современных технологий и качественного кадрового потенциала. Сложный, регионально диверсифицированный и экспортно ориентированный рыбохозяйственный комплекс должен при этом выступать одним из ключевых факторов такой трансформации: согласно Указу, объем экспорта продукции АПК и рыбохозяйственного комплекса должен составить 45 млрд. долл. Стимулом развития комплекса является и его значимая роль в достижении параметров продовольственной безопасности РФ, отраженных в Доктрине продовольственной безопасности¹ (объем отечественной рыбной продукции на рынке – не менее 80 %), формировании качества питания, продолжительности и качестве жизни населения². Значимость позиций комплекса в России и в отдельных её регионах обуславливает актуальность как анализа складывающихся практик управления, так и поиска путей оптимизации развития комплекса.

Исследования рыбохозяйственного комплекса в контексте современных позиций отрасли. Согласно ФАО³, к 2030 г. производство продукции рыболовства и аквакультуры вырастет в мире до 201 млн т/год (171 млн т в 2019 г.). Сегодня в отрасли занято 59,6 млн чел., на планете насчитывается 4,6 млн рыболовных судов. При этом лидерство по уровню вылова рыбы, производству аквакультуры и морских растений принадлежит Китаю. Он же (а также Норвегия, Вьетнам и Таиланд) – крупнейший экспортер рыбы.

Максимально растущим сегментом является аквакультура: в 2000 г. её доля составляла 25,7 %, в 2016 году – 46,8 %, и - по прогнозу ФАО⁴ – 54 % в 2030 г. При этом 89 % мирового производства аквакультуры приходится на Китай.

Столь значимые позиции сектора формируют также институциональную среду и управленческую инфраструктуру, призванную координировать развитие сектора, обеспечивать его перспективы и преодолевать проблемы его развития.

Сегодня управление отраслью составляет важный компонент морской политики ЕС, причем определение таковой в 50-е гг. XX в. началось с определения позиций именно по рыболовству. Сегодня ЕС оперирует представлением о «комплексной морской политике (с 2007 г.), в сферу которой входит рыболовство [1]. Первоначальной основой таковой стали Сообщение Еврокомиссии «Комплексная морская политика ЕС» («Синяя книга») [2] и уже имеющийся опыт управления: так, в Норвегии в 2002 – 2006 гг. был разработан «Комплексный план управления Баренцевым морем».

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № РНФ № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

¹ Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. N 120 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации".

² Постановление Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2010 г. № 2205П об утверждении «Стратегии развития морской деятельности РФ».

³ Доклад ФАО «Состояние мирового рыболовства и аквакультуры». 2018//<http://www.fao.org/home/ru/>

⁴ Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) <http://www.fao.org/home/ru/>

Такой комплексный и интеграционный подход был признан максимально эффективным [3]. Основные инструменты реализации морской политики ЕС сегодня – это морское пространственное планирование и комплексное управление прибрежными территориями, программа VASAB (Vision and Strategy Around the Baltic Sea) [1, 4].

Столь же системный характер носит и управленческий подход, основанный на идее «синей экономики», выдвинутый на «Рио + 20», что также предполагает сохранение среды обитания как экономического ресурса морских государств [2].

В российской исследовательской практике внимание уделяется широкому кругу проблем управления развитием сопряженных отраслей, обеспечивающих рыбохозяйственную деятельность, а также - пространственному измерению управления комплексом. Анализ рисков и проблем развития рыбохозяйственного комплекса призван сформировать выводы относительно возможных перспективных векторов развития в условиях РФ, с учетом практик управления отраслью в регионах мира, имеющих значительные традиции рыболовства или современные лидерские позиции. В качестве первых рассматривается ЕС, пример второго рода - Китай как современный глобальный лидер отрасли.

В качестве информационной платформы анализа использовались Доклады и Информационные ресурсы ФАО и ЮНКТАД, Стратегии и Программы развития отрасли и сопряженных секторов (судостроение, транспорт, наука), данные Росрыболовства и Госкомстата РФ, региональная аналитика отрасли.

Позиции и тренды рыбохозяйственного комплекса в экономике России. Россия является одним из лидеров мирового рыболовства с показателем вылова свыше 5 млн. т в год. Согласно Концепции развития рыбного хозяйства РФ¹, рыбное хозяйство является градообразующим во многих приморских регионах, в особенности - Дальнего Востока и Крайнего Севера. В 2019 г. мультипликативный эффект от рыбного рынка РФ был оценен в 2 трлн рублей; отмечается, что один рыбак в море создает до 7 рабочих мест на суше [5]. При условии поступательного развития, к 2030 г. прогнозировался дополнительный ежегодный вклад отрасли в ВВП страны в объеме 600 млрд руб.

Современным преимуществом РФ выступает не только обширная акватория морей, но и рыбохозяйственный фонд водоемов, используемых в аквакультуре (22,5 млн. га озер, 4,3 млн. га водохранилищ, другие водоемы, 523 тыс. км рек). В морской среде площадь акваторий, пригодная для марикультуры, достигает 0,38 млн. кв. км, из которых сегодня используется 25 тыс. га; доля аквакультуры в продукции рыбной отрасли России составляет менее 3 % вылова [6].

Для России существенны пространственные различия организации отрасли: так, ок. 2/3 вылова обеспечивается на Дальнем Востоке, ок. 1/6 – в Северном бассейне, до 10 % – в зонах иностранных государств. В Западном, а также в Азово-Черноморском и Каспийском рыбохозяйственных бассейнах вылавливается лишь по несколько процентов рыбы РФ, однако данная продукция имеет значение для локальных рынков. В регионе максимальной концентрации отрасли (Дальний Восток) она выступает ключевой специализацией: так, рыболовство и рыбопереработка составляют 15–17 % объема промышленного производства Дальнего Востока (на Камчатке – 50–60 %); здесь занято до 40 % всех работающих в рыбном хозяйстве РФ (свыше 150 тыс. чел.) [6]. В 2018 г. к рекордному для РФ вылову в 5 млн. т. прибавился рекорд по добыче на Дальнем Востоке тихоокеанских лососей (676 тыс. т). Производство объектов товарной аквакультуры увеличилось на 9% - до почти 240 тыс. т. Прибыль рыбохозяйственной отрасли увеличилась на 22,7% – до 104 млрд руб., инвестиции в отрасли в 2018 г. достигли 32,5 млрд руб. (рост на 22%).

Вместе с тем, рыбохозяйственному комплексу присущ и ряд проблем, унаследованных из переходного периода. Это, в частности [7]:

- износ судов (так, на Дальнем Востоке сверх нормативного срока эксплуатируются 70 % рыбопромысловых судов, их возраст достигает 20–25 лет); потребность РФ в промысловых судах к 2025 г. оценивается в 180 крупных и средних, и не менее 220 малых судов,
- судостроительные компании не загружены, при том, что российские рыбаки строят и ремонтируют суда за границей (в Южной Корее, Китае, Норвегии и т.д.) в силу серьезной разницы в качестве и цене: строительство рыболовного траулера в Китае и Южной Корее обходится в 50–70 млн долл., в России – в 80–100 млн долл.,
- отсутствие сопутствующих условий развития (доступные кредиты, достаточная береговая инфраструктура и проч.). Так, в 2018 г. недостаточными в условиях роста вылова оказались мощности берегового приема, хранения и переработки (в частности, на Дальнем Востоке). Неготовность коснулась и транспортных рефрижераторов,
- невысокий уровень переработки и маржинальности продукции рыболовческих компаний России (80 % рыбной продукции – это рыба, прошедшая только первичную обработку) [6],

¹ Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 г. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 2 сентября 2003 г. № 1265-р.

• отсутствие современных технологий по переработке, удаленность и высокий износ предприятий инфраструктуры, что отрицательно сказывается на качестве рыбной продукции.

Концепция развития рыбного хозяйства РФ¹ в этой связи отмечала замедление обновления ОПФ рыбохозяйственного комплекса (в 1990 г. в Приморском крае насчитывалось 499 судна, в 2008 г. – 474, а в 2015 г. – уже 314) [8], снижение технологической и технической оснащенности.

Цели и механизмы государственной политики в отношении рыбопромышленного комплекса. Охарактеризованные проблемы отрасли предопределили формирование современной системы управления развитием рыбохозяйственного комплекса, включая как субсидирование, так и нефинансовые меры стимулирования. В частности, Доктрина продовольственной безопасности РФ² в числе стратегических целей обозначает расширение и более интенсивное использование потенциала водных биологических ресурсов и новых технологий индустриального выращивания; развитие научно-потенциала АПК и рыбохозяйственного комплекса; увеличение темпов их структурно-технологической модернизации, воспроизводства природно-экологического потенциала; развитие системы подготовки кадров; совершенствование механизмов регулирования рынков; повышение эффективности государственной поддержки, совершенствование нормативно-правовой базы.

В 2018 г. на Госпрограмму³ развития рыбохозяйственного комплекса было направлено 12,3 млрд руб. В 2019 г. сумма увеличена на 2 млрд руб. В целом федеральный бюджет финансирует 144,5 млрд. руб. расходов по Программе. Программа имеет целью переход от экспортно-сырьевого к инновационному развитию отрасли, для чего предполагается деятельность в том числе на международном уровне, реализация экологической и научной политики, содействие рыночным процессам и модернизации в отрасли, а также – увеличение эффективности управления и формирования правовой базы.

В качестве обоснованной (в частности, - по причине отсутствия прямых бюджетных затрат) меры развития отрасли можно оценить программу инвестиционных квот (предоставление квот на вылов в обмен на строительство новых рыболовецких судов). В рамках программы будут построены более 100 судов рыбопромыслового флота, что потребует около 200 млрд руб. инвестиций. Строительство идет в обмен на предоставление квот, перезаключение договоров и закрепление долей квот на 15 лет. По итогам первых двух этапов заключены 33 договора по строительству судов и 22 – по созданию заводов. Суммарный объем инвестиций составит 132 млрд рублей. По итогам третьего этапа распределения квот будут построены 10 судов и 4 рыбоперерабатывающих завода. Объем дополнительных инвестиций превысит 56 млрд руб. Таким образом, планируется обновить 40 % мощностей рыбопромыслового флота.

Господдержка строительства малого рыбопромыслового флота в РФ (в рамках госпрограммы "Развитие судостроения для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы") осуществляется в виде субсидии из бюджета РФ на возмещение части капитальных затрат в размере до 30% от общей стоимости при строительстве судов малого рыболовецкого флота, и должна составить 14,4 млрд рублей в 2020–2025 годах. По оценкам Минсельхоза, это позволит нарастить добычу водных биоресурсов не менее чем на 200 тыс. т в год, и увеличит вклад отрасли в ВВП на 2,5 млрд руб. (сегодня малые и средние предприятия дают до 10% выручки отрасли, без учета лососевых). Этот инструмент в первую очередь важен для Азово-Черноморского, Волго-Каспийского и Западного бассейнов, где флот значительно изношен. Всего в рамках данной меры господдержки предполагается строительство около 120 малых и средних судов, включая 20 судов для марикультурных предприятий (возможно расширение поддержки на строительство судов-рефрижераторов).

Перспективная, также не требующая бюджетных затрат мера - стимулирование прибрежного лова, с поставкой вылова на прибрежные предприятия и рынки, состоит в увеличении (при выполнении условий поддержки) закрепленной квоты на 20 % для предприятий, готовых вести промысел в режиме прибрежного рыболовства. Вместе с тем, существенно и наличие стимулов развития береговой инфраструктуры. Сегодня основную часть обслуживаемого в России рыбопромыслового флота составляют малотоннажные суда. Ок. 90% таких судов ремонтируется и обслуживается в РФ. В сегментах средне- и крупнотоннажных, а также транспортных судов услугами российских поставщиков услуг пользуется не более половины судов. В портах Ю. Кореи и Китая ремонт и обслуживание проходит треть общей мощности рыбопромыслового флота Д. Востока (современные и эффективные суда крупных рыбопромышленных компаний). В этой связи Стратегия развития морских терминалов⁴ предпо-

¹ Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года. Одобр. расп. Правительства РФ от 2 сентября 2003 г. № 1265-р.

² Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ" // Российская газета – Федеральный выпуск № 21(5100) 3 февраля 2010 г.

³ Постановление правительства РФ от 27 марта 2019 г. № 324 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Развитие рыбохозяйственного комплекса"».

⁴ Приказ «Об утверждении Стратегии развития морских терминалов для комплексного обслуживания судов рыбопромыслового флота с учетом береговой логистической инфраструктуры, предназначенной для транспортировки, хранения и дистрибуции рыбной продукции» от 20 апреля 2017 г. № 189.

лагают формирование нового качества таковых для реализации полного спектра услуг терминалов к 2030 г.

Одновременно, структурная модернизация производства в отрасли предполагает развитие аквакультуры: в Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса предусмотрено достижение к 2030 г. уровня производства в 700 тыс. т. Государственная поддержка этого направления состоит в проведении противозпизоотических мероприятий, поддержке племенных хозяйств, субсидировании ставок кредитов.

В Азово-Черноморском бассейне, лидирующем сегодня по производству продукции аквакультуры, за четыре года, к 2018 г., объем выращивания товарной рыбы вырос на 15,9 тыс. т – до 78,7 тыс. т.

Согласно «Стратегии развития аквакультуры...¹», на крупных и средних водоемах аквакультура может осуществляться при непосредственном участии государства, во взаимодействии с бизнесом. Сопутствующие инструменты государственной политики – государственный заказ на производство посадочного материала для зарыбления водоемов пастбищного рыбоводства, а также рекреационных хозяйств, прямое финансирование противозпизоотических мероприятий, реконструкции прудов, их мелиорации, господдержки племенного рыбоводства, информационного обеспечения отрасли. Следует отметить факт федеральной собственности на водоемы, что требует решения вопросов сдачи водоемов в аренду, приобретения в лизинг техники для предприятий аквакультуры и фермерских хозяйств, облегчения импорта техники, формирования аквакультурных кооперативов, цепочек поставок продукции.

Согласно проекту Стратегии развития рыбного хозяйства России, к 2030 г. планируется увеличить объемы производства продукции аквакультуры втрое за счет пастбищного рыбоводства, включая лососеводство.

Существенным, ввиду добычи основного объема рыбы на Востоке России и расположения основной части потребителей на Западе, выступает вопрос транспорта и логистики. В этой связи Федеральное агентство по рыболовству планирует создать 5 оптово-логистических центров, формирующих логистику отрасли². Возможными местами для строительства терминалов являются Новосибирск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург и Москва. Одновременно, дискуссионным вопросом в отрасли является стоимость услуг железнодорожного транспорта – основного поставщика услуг транспорта рыбной продукции с востока на запад страны.

В контексте задачи повышения маржинальности рыбохозяйственного комплекса в целом приоритетом является увеличение в 5 раз доли переработанной продукции (рыбное филе, рыбная мука), которая пойдет за рубеж. При этом доля вывоза замороженной рыбы должна снизиться с 85% в 2018 г. до 39% в 2024-м.

Формированию ресурсной базы переработки способствовала введенная с 1.01.2009 норма об обязательной доставке уловов водных биоресурсов и произведенной из них продукции на таможенную территорию РФ (непосредственно выгружаются уловы, предназначенные для российского рынка). В 2015-2016 гг. произошел рост объема выгрузки рыбы в порты на 15% по сравнению со среднегодовым объемом за предшествующие 5 лет, - с 1,3 млн т до 1,5 млн т. В рамках идеи продвижения российской продукции в мире инициировано создание пулом рыбопромышленных компаний некоммерческой организации по продвижению российской рыбы (АНО «Русская рыба»).

Итогами мер стимулирования стало изменение структуры экспорта рыбной продукции в 2018 г.: вырос объем поставок филе и ракообразных на фоне снижения объемов мороженой рыбы и консервов. Переход на производство качественного филе и фарша из минтая позволит нарастить отдачу с тонны ресурса с нынешних 1,1-1,2 тыс. долл. до 1,4 тыс. долл., а при продлении производственной цепочки до конечного продукта (рыбные палочки и проч.) – до 3,5 тыс. долл. Целью является рост выручки от экспорта отрасли в два раза – до 8 млрд долл.

Административные риски регулирования развития комплекса. В системе рисков, которые следует учесть для адаптации политики управления комплексом к реальным потребностям рынка можно выделить два типа: присущие государственному регулированию в целом, и – риски непосредственно регулирования рыбохозяйственной отрасли. Риски *первого типа* – это:

- избыточная административная нагрузка. Так, в Концепции развития рыбохозяйственного комплекса административные барьеры и инфраструктурные ограничения названы причиной низкой эффективности государственного администрирования в отрасли,

- избыточное расширение круга задач государственных Программ и Стратегий. Так, государственная Стратегия рыбного хозяйства Российской Федерации до 2020 г. в числе задач указывает не только естественные для системы управления («совершенствование нормативной правовой базы и

¹ Стратегия развития аквакультуры в Российской Федерации на период до 2020 года 10 сентября 2007 г.

² Федеральное агентство по рыболовству <http://fish.gov.ru>

проч.), но и задачи, реализуемые рынком (создание технологий добычи водных биологических ресурсов, развитие рыбоперерабатывающих мощностей),

- Несвойственная государству предпринимательская функция. Так, в федеральной собственности сохранены ключевые инфраструктуры (грузовые причалы, пирсы, берегоукрепительные сооружения), что требует формирования механизмов использования данного имущества государственными операторами,

- нестабильность мер поддержки и регулирования ввиду как зависимости бюджетной политики от экономической конъюнктуры, так и значимости лоббирования интересов конкретных компаний. Пример этого - распределение на аукционах 50 % квот на вылов краба, что пересматривает решения, принятые несколько лет назад, нарушая бизнес-планирование компаний, пример чего – сокращения на новом рыбоперерабатывающем комплексе в Невельске¹,

- риск отсутствия компетенции исполнителей. Так, госпрограмма развития рыбохозяйственной деятельности до 2020 обращает внимание на риск реализации программы ввиду недостаточной компетенции исполнителей.

Характеризуя *второй тип рисков* управления, специфичных для рыбохозяйственной отрасли, отметим ряд таковых. Так, по мнению А.М. Коновалова [4], государственное стратегическое планирование в сфере освоения морских пространств и ресурсов, а также в сфере социально-экономического развития приморских регионов решают задачи разрозненно, фрагментарно и несистемно. В постановке и решении задач преобладает ведомственный подход; конкуренция Программ ведомств по поводу одних и тех же акваторий, но разных ресурсов, может спровоцировать конфликты между видами морской деятельности. Существенным риском выступает также отсутствие эффекта развития отрасли для регионов их базирования. Здесь значимо отсутствие организационных механизмов решения задач на региональных направлениях морской политики (такие задачи не возложены ни на одну федеральную структуру).

Совокупность обозначенных проблем требует поиска их решения с учетом, в том числе, имеющегося мирового опыта.

Опыт управления рыбохозяйственной деятельностью в Китае и китайско-российское взаимодействие. Формирование сбалансированной политики в отношении рыбохозяйственного комплекса РФ может быть скорректировано с учетом имеющегося опыта стран с развитой рыбной отраслью и регулированием комплекса, примером чего сегодня является Китай. Доля морского хозяйства КНР в целом в общенациональном ВВП колеблется у отметки 10% [9]. Согласно ФАО², Китай вылавливает 16,3 млн. т рыбы (к 2018 г.), выращивая также 47,1 млн. т аквакультуры, существенно опережая следующие за ним страны (Индонезия, Индия, США, РФ). При этом, если рост добычи рыбы прекратился, то рост производства аквакультуры продолжается. Экспорт рыбы Китаем составил 22,1 млн. т (в 2019 г.), импорт – 23,5 млн. т (2019 г.). В рыболовстве и аквакультуре Китая число занятых в 2012-2016 гг. колебалось в пределах 14,2-14,6 млн чел. (1/4 работников мирового рыбного хозяйства). Основа морской политики КНР – это Госстратегия развития морских ресурсов, «Закон КНР о территориальных водах и близлежащих к ним районах», «Повестка дня Китая по морям и океанам на XXI век» [10].

В современной структуре отрасли в КНР доминирует аквакультура, что связано с проблемой переэксплуатации морских прибрежных ресурсов. Со 2-й пол. 1990-х гг. власти ограничивают промышленный лов [9]. В 2016 г. Китай достиг уровня производства в аквакультуре, который также было решено заморозить (ввиду экологической нагрузки), переориентировавшись на повышение качества и рентабельности производства. Развитие рыболовства в Китае поддержано мощным судостроительным комплексом. В 1994 г. КНР вышла на 3 место в мире по объемам судостроения (вслед за Японией и Ю. Кореей). Мощная господдержка и кооперация с японскими и южнокорейскими компаниями обеспечили Китаю быстрый выход на лидерские позиции [7]; сегодня КНР строит 36 % тоннажа мирового флота.

Отличительная особенность политики КНР – широкое научное обеспечение рыбохозяйственной отрасли. Так, созданы Государственный морской информационный центр, сеть обмена информацией, включая государственные ведомства, отраслевые органы, научно-исследовательские учреждения приморских районов. В «Стратегии перехода экономики КНР к инновационной модели развития» уделено большое внимание созданию научно-производственных центров новейших технологий аква- и марикультуры. Новый проект для приморских территорий – создание морских биотехнопарков (в кооперации с НИИ) [10]. Национальный центр расширения технологий в области рыболовства включает обширную сеть станций (филиалов), обеспечивающих поддержку рыбо-

¹ Игра на мажорных квотах// Новая газета. 2019. №91. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/16/81633-igra-na-mazhorneyh-kvotah> № 91-2019

² Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. <http://www.fao.org/home/ru/>

промышленников и обучение фермеров аквакультуре, действует Китайская академия рыбохозяйственных наук, включая 10 НИИ [8].

В то же время для отрасли в Китае имеют значение и негативные факторы: неразвитость береговой инфраструктуры, незаконный промысел, несовершенство системы управления и охраны водных биологических ресурсов, влияние групп интересов, включая власти на местах. Последние, в частности, в обход Закона КНР об управлении использованием морских акваторий, санкционируют осушение участков акватории, затем продавая их девелоперам, что служит источником поступлений в местные бюджеты [9]. Переориентация на доминирование аквакультуры реализуется посредством развития садкового и загонного выращивания на базе государственных стандартов. Марикультура (выращивание в оффшорных садках) требует крупных инвестиций и несет риски, что рассматривается как основание включения в такие проекты государства [11].

Важный компонент морской политики Китая в рыбохозяйственной сфере – развитие популяций осетровых, лососевых и других видов, в том числе в сотрудничестве с Россией [10]. Однако данная деятельность неоднозначно оценивается с точки зрения стратегических интересов России, учитывая, что КНДР и КНР стремятся получить оплодотворенную икру тихоокеанских лососей из ближайших рек России (бассейна Амура и южного Приморья), а выпуск молоди лососей странами в свои реки в соответствии с международным законодательством дает им право предъявлять претензии на добычу лососей в российских водах. Это, в частности, требует пресекать попытки формирования лососевого стада в Китае и С. Корее за счет российского ресурса [12].

Охарактеризованные тренды развития рыбохозяйственного комплекса определяют «дизайн» системы управления отраслью; сравнительные её отличия выступают отражением проблем развития отрасли (см. табл.).

Таблица

**Ключевые проблемы отраслевого развития и организации системы управления
рыбохозяйственным комплексом России и КНР**

Проблемы отрасли	Организационные предпосылки формирования системы управления	Проблемы организации управления
Россия		
Ограниченность мощностей судостроения, портовых терминалов по обслуживанию рыболовецких судов	Сохранение государственной собственности на портовые инфраструктуры и акватории развития аквакультуры	Административно-регуляторная нагрузка на компании отрасли
Высокая стоимость транспортировки рыбы с Д. Востока	Широкое субсидирование	Сохранение предпринимательской функции государства
Преобладание низкомаржинального экспорта (замороженная рыба)	Механизм расширения квот как стимул обновления рыболовецкого флота	Неразработанность институциональной базы по ряду аспектов
Сокращение флота рыболовецких судов, устаревание и неэффективность флота	Общегосударственные схемы логистики	Лоббирование, частый пересмотр «правил игры» в отрасли
Неразвитость аквакультуры	Формирование и продвижение бренда российской продукции отрасли	Отсутствие интеграции отраслевых и региональных стратегий
	Формирование и реализация целей по росту маржинальности отрасли	Преобладание ведомственного подхода к стратегированию Отсутствие согласования развития рыбохозяйственного и др. отраслей морехозяйственного комплекса
КНР		
«Перегрев» отрасли	Экологизация политики	Централизация контрольно-плановых функций
Истощение запасов рыбы в прибрежной зоне, видовое обеднение	Усиление вектора международного сотрудничества на Д. Востоке как инструмент доступа к ресурсам	Неполная подконтрольность деятельности провинций в сфере морского управления
Переориентация на импорт продуктов лова	Политика сокращения старого и нелегального рыболовецкого флота.	Недостаточность институциональной базы развития
Расширение деятельности в иностранных и международных акваториях	Политика инноваций и научной поддержки отрасли Системность мер в отношении морехозяйственного комплекса Поддержка со стороны смежных отраслей (судостроение, транспорт, переработка)	Лоббирование интересов провинций

Основываясь на учете опыта управления отраслью в России и Китае, можно указать на ряд стратегических векторов трансформации практики управления комплексом в РФ:

- снижение административных барьеров, оптимизация системы контроля, сокращение сроков оформления импорта и рыбопродукции;
- долгосрочные льготные налоговые режимы для компаний в сфере переработки, поддержка транспорта и логистики на основе инвестиционных налоговых льгот,
- интеграция региональных и отраслевых стратегий и программ, с синхронизацией финансирования с учетом приоритетов морской экономики,
- финансово обеспеченное и регионально адаптированное научное обеспечение развития новых технологий отрасли,
- замещение субсидиарного механизма формированием условий рыночной адаптации к спросу (кредит, импорт комплектующих и технологий, обучение),
- международное сотрудничество при условии сохранения конкурентных преимуществ и суверенитета РФ над ресурсами российских акваторий.

Заключение. Современное состояние рыбохозяйственного комплекса РФ характеризуется достижением исторически высоких показателей лова, развитием аквакультуры, ростом глубины рыбопереработки, формированием механизмов обновления рыболовецкого флота. Вместе с тем, отрасль имеет значимый потенциал роста, который может быть реализован посредством устранения проблем развития, продуцируемых неполнотой и нестабильностью институциональных условий. К инструментам реализации соответствующих приоритетов можно отнести использование опыта стран с развитой системой управления отраслью, в том числе на основе прямых контактов в зонах наиболее активного рыболовства и в отдельных сферах отрасли.

Литература

1. Колесникова М. Морская политика европейского союза и её экономические аспекты // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 78 – 86.
2. Комарова И.И., Контева Е.Н., Кондаков А.В. Морские кластеры как инструмент управления «синей экономикой» // Современные производительные силы. 2015. № 2. С. 145 – 154.
3. Турчанинова Т.В., Храпов В.Е., Кибиткин А.И. Системный подход к пространственной организации морехозяйственной деятельности прибрежного региона // Экономика в промышленности. 2015. № 1. С. 25 – 33.
4. Коновалов А.М. Комплексный подход – ключ к реализации национальной морской политики России программно-целевым методом // Современные производительные силы. 2012. № 1. С. 56 – 69.
5. Волкогон В.А., Кострикова Н.А., Яфасов А.Я. Возвращение России в Мировой океан и проблемы рыболовства // Управленческое консультирование. 2013. № 3 (51). С. 036-042.
6. Рагозина Н.Н. Рыбная отрасль дальнего востока: состояние и перспективы сотрудничества с КНР // Вестник Дальрыбвтуза. 2014. № 3. С. 104 – 108.
7. Дехтярук Ю. и др. Форсайт гражданского судостроения – 2030 // Форсайт. 2014. Т. 8. № 2. С. 30 – 45.
8. Корнейко О.В., Ли Ф. Перспективы развития рыбной промышленности Приморского края в контексте китайского опыта // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4 (39). С. 18 – 27.
9. Мозиас П. Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 25 – 39.
10. Кранина Е. Роль аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 78 – 88.
11. Жицкий А.А. Зарубежный опыт обеспечения устойчивого развития рыбопромышленного комплекса (на примере Китая) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 3 (29). С. 317 – 326.
12. Курмазов А.А., Цыгир В.В. Усиление влияния Китая на морскую деятельность Северной Кореи в Японском море // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2011. № 3 (56). С. 40 – 45.

Gontar Nikolay Vladimirovich, candidate of geographical Sciences, associate Professor, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).

E-mail: passat01@mail.ru

MODERN PROBLEMS OF MANAGEMENT OF THE FISHING INDUSTRY (RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE)

Abstract

The formation of the trajectories of development of the economy, ensuring sustainable growth and global competitiveness, involves the formation of adequate to modern conditions of competition management mechanisms in a spatial and sectoral dimension. Russia has significant natural resources development of fishery industry, and traditions of the industry has significant growth potential at world level in production of fisheries and aquaculture. The article examines the current mechanisms of development of the complex, significant risks of the dominance of

administrative regulation and industry development, as well as international experience (EU and China) as a basis for improving the management of the industry in Russia.

Keywords: *fishery industry management, aquaculture, mariculture, fish processing, management system of fisheries complex development, Russia, China, the far East.*

References

1. Kolesnikova M. Morskaya politika evropejskogo soyuza i eyo ekonomicheskie aspekty // *Sovremennaya Evropa*. 2017. № 4 (76). P. 78 – 86.
2. Komarova I.I., Kopteva E.N., Kondakov A.V. Morskie klasteri kak instrument upravleniya «sinej ekonomikoj» // *Sovremennye proizvoditel'nye sily*. 2015. № 2. P. 145 – 154.
3. Turchaninova T.V., Hrapov V.E., Kibitkin A.I. Sistemnyj podhod k prostranstvennoj organizacii morekhozaystvennoj deyatel'nosti pribrezhnogo regiona // *Ekonomika v promyshlennosti*. 2015. № 1. P. 25 – 33.
4. Konovalov A.M. Kompleksnyj podhod – klyuch k realizacii nacional'noj morskoy politiki Rossii programmno-celevym metodom // *Sovremennye proizvoditel'nye sily*. 2012. № 1. P. 56 – 69.
5. Volkogon V.A., Kostrikova N.A., Yafasov A.YA. Vozvrashchenie Rossii v Mirovoj okean i problemy rybolovstva // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2013. № 3 (51). P. 036-042.
6. Ragozina N.N. Rybnaya otrasl' dal'nego vostoka: sostoyanie i perspektivy sotrudnichestva s KNR // *Vestnik Dal'rybvtuza*. 2014. № 3. P. 104 – 108.
7. Dekhtyaruk YU. i dr. Forsajt grazhdanskogo sudostroeniya – 2030 // *Forsajt*. 2014. Т. 8. № 2. P. 30 – 45.
8. Kornejko O.V., Li F. Perspektivy razvitiya rybnoj promyshlennosti Primorskogo kraja v kontekste kitajskogo opyta // *Territoriya novyh vozmozhnostej*. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2017. Т. 9. № 4 (39). P. 18 – 27.
9. Mozias P. Morskaya deyatel'nost' Kitaya: ekonomicheskie i geopoliticheskie aspekty // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2013. № 1. P. 25 – 39.
10. Kranina E. Rol' akvakul'tury v obespechenii prodovol'stvennoj bezopasnosti Kitaya // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2010. № 2. P. 78 – 88.
11. Zhickij A.A. Zarubezhnyj opyt obespecheniya ustojchivogo razvitiya rybopromyshlennogo kompleksa (na primere Kitaya) // *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2011. № 3 (29). P. 317 – 326.
12. Kurmazov A.A., Cygir V.V. Usilenie vliyaniya Kitaya na morskuyu deyatel'nost' Severnoj Korei v YAponskom more // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2011. № 3 (56). P. 40 – 45.

УДК 332

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-24-29

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА ГАРМОНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРАХ

Каплина Анастасия Валерьевна кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69). E-mail: Nastasiy84@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема снижения дисгармонии управленческих решений, принимаемых в структурных подразделениях регионального кластера в процессе его реструктуризации с использованием возможностей информационно-цифровых технологий. Основное внимание в процессе управления организационными проектами уделяется согласованию и гармонизации в соответствии с целевыми установками финансовых потоков, направляемых в территориально рассредоточенные филиалы кластерной структуры. Приведена примерная модель оценки уровня гармонизации управленческих решений в подразделениях регионального кластера в процессе его реструктуризации с учетом финансовой составляющей.

Ключевые слова: *региональный кластер, информационно-цифровая платформа, гармонизация управленческих процессов, реструктуризация, финансовые потоки, инновационное пространство, информационное пространство, цифровой потенциал муниципального образования, управленческие решения.*

Основным концептуальным приемом к формированию инновационного пространства региона в мировых практиках явился кластерный подход. Опыт зарубежных стран показал, что создание инновационно-ориентированных региональных кластеров является одним из основных факторов продуктивного экономического развития. Высокий интеграционный потенциал кластерного объединения позволяет его участникам занимать лидирующие позиции как в инновационном поле региона, так и в формировании его информационно-цифровой инфраструктуры. При этом практикой последних лет тестируется перманентное взаимовлияние информационно-цифрового потенциала региона и кластера: региональные детерминанты в данной области стимулируют наращивание соответствующих компонент потенциала регионального кластера; и наоборот – высокие показатели информатизации и цифровизации управленческих и производственно-инновационных

процессов в значимых для региона кластерных образованиях оказывают заметное влияние на развитие информационного и цифрового потенциала муниципального образования, региона и государства. То есть речь идет об объективно сформировавшейся ценологической вложенности подсистем информационно-цифрового общества (пространства) макро- (государство), мезо- (регион), муниципального и кластерного иерархических уровней (рис. 1).

Рис. 1. Ценологическая вложенность подсистем информационно-цифрового общества разных иерархических уровней

В обозначенном контексте в достижении согласованности (снижении дисгармонии) принимаемых в подразделениях кластера управленческих решений определяющая роль принадлежит качественной и эффективной информационно-цифровой платформе, которая в современных условиях, как считает большое число ученых [1-10], является неотъемлемым атрибутом и даже инструментом процесса их принятия и реализации.

Аналогичным образом можно представить и структуру информационного пространства отдельного регионального кластера как крупной социально-экономической системы, состоящей из совокупности относительно самостоятельных подсистем (участников кластера). Это в полной мере подтверждается результатами проведенного автором статьи анализа, позволившими сформулировать следующие особенности кластеризации региональной экономики:

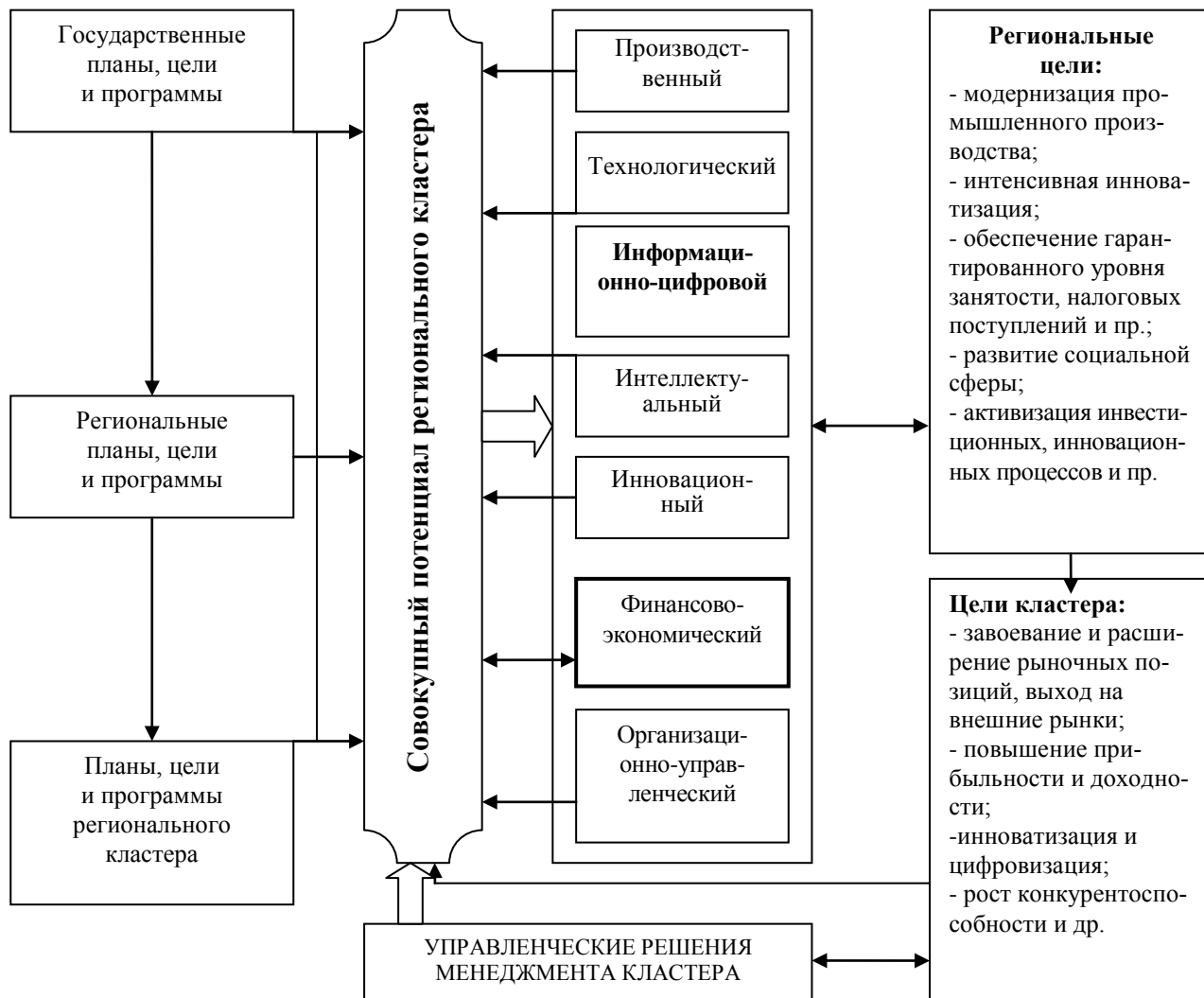
- рост региональных кластеров во многих случаях происходит за счет увеличения числа участников инновационного процесса;
- в кластерных системах регионального уровня осуществляется непосредственное производственно-технологическое и информационно-инновационное взаимодействие разномасштабных экономических акторов;
- функционирование предприятия в рамках кластера за счет целеориентированного информационного обмена и производственно-технологического (а также инновационного) взаимодействия дает возможность повышения конкурентоспособности как самого предприятия, так и кластера, отрасли и региона в целом;
- кластерный механизм способствует развитию как регионального, странового, так и глобального инновационного пространства.

Для определения и формализации информационно-цифровой составляющей процесса гармонизации управленческих решений в кластере в процессе его реструктуризации представляется методологически значимым уточнить ряд сопряженных понятийно-терминологических конструктов.

В частности, важно учитывать, что императивы информационной и цифровой экономики предопределяют также «качественные трансформации хозяйственного развития экономических субъектов, а следовательно, постановку принципиально новых задач в системе их информационного менеджмента в контексте формирования нового ландшафта экономических взаимодействий в глобальной информационной среде, а именно:

- формирование корпоративных сетей и кластеров (в том числе транснациональных), взаимодействие в которых строится на базе современных телекоммуникационных и цифровых технологий (Интернет, облачные технологии и мобильные сервисы);

– развитие электронного бизнеса как нового атрибута информационной экономики, формирующего новую философию производственно-хозяйственных межфирменных взаимодействий в кластерах, а также взаимодействий кластера и потребителей его продукции;
 – трансформацию традиционных инструментов и технологий управления в кластерах (развитие открытых платформ с целью вовлечения максимального количества участников и повышения эффективности их взаимодействия) и др» [1], способствующих снижению дисгармонии управленческих решений в подразделениях кластера в координатах информационно-цифровой среды сопряженности процессов управления на разных уровнях экономической иерархии (рис. 2).

ЕДИНОЕ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА И КЛАСТЕРА

Рис. 2. Информационно-цифровая среда сопряженности управленческих решений на разных уровнях иерархии

Как видно на рис. 2, в число основных составляющих совокупного потенциала регионального кластера входит информационная компонента, выполняющая системообразующие и определяющие функции, формируя единую информационно-цифровую среду кластера. Наличие последней, в свою очередь, является залогом эффективного управления кластерным потенциалом, т.е. всеми его составляющими в совокупности, посредством чего и достигается положительный синергетический эффект, необходимый кластеру для достижения поставленных целей и конкурентных преимуществ, в том числе в процессе реструктуризации.

Отсюда возникает необходимость использования методов системного подхода и системного анализа, который представляет собой методологию исследования труднопознаваемых и труднонаблюдаемых свойств и отношений в сложноструктурированных образованиях с помощью представления их в виде целенаправленных систем (рис. 3).

Рис. 3. Системный подход к определению варианта реструктуризации кластера: гармонизация управленческих решений

В контексте необходимости гармонизации управленческих решений во всех подразделениях кластера следует учитывать, что каждое инициируемое слияние отличается нетипичностью и требует индивидуального подхода к планированию. Это связано с возникновением субъективности в оценке целесообразности реструктуризации кластерной компании, которая также влияет на степень достижения согласованности принимаемых решений. Отсюда возникает проблема невозможности унификации подготовки и планирования интеграционных (структурных) изменений, связанных с процессами сбора, обработки и анализа всевозможных данных о потенциальной компании-участнике ввиду их неструктурированности, разрозненности и множества различных источников информации.

Кроме того, процесс консолидации подготовленных данных о диагностируемой компании занимает много времени. Как показал анализ, весьма эффективной для этих целей может стать специальная информационная система, разрабатываемая средствами Microsoft Excel, позволяющая анализировать деятельность кластерной компании в двух указанных выше ситуациях: с новым участником и без него. Использование такого рода информационной системы позволит существенно оптимизировать процесс принятия решения при планировании вариантов реструктуризации кластера.

Таким образом, все сказанное свидетельствует в пользу формирования действенного информационно-цифрового пространства регионального кластера, поскольку оно является важным инструментом поддержки принятия сбалансированных управленческих решений в подсистемах кластера, причем как в текущем, так и стратегическом контексте, в частности, в процессе реструктуризации.

Для проведения объективной оценки уровня гармонизации управленческих решений в подразделениях регионального кластера в процессе его реструктуризации в табл. 1 приведен примерный перечень мер, направленных на достижение баланса интересов участников кластера в процессе финансирования соответствующих кластерных инициатив.

Совершенно очевидно, что успешная реализация приведенных в табл. 1 мер возможна при наличии у лиц, принимающих решения, объективной, достоверной и полной информации, циркулирующей в рамках единого информационно-цифрового пространства кластера, а также современных информационно-коммуникационных технологий и экономико-математического инструментария, в совокупности формирующих систему поддержки принятия и реализации во всех подразделениях кластера сбалансированных по целям и результатам управленческих решений.

Таблица 1

Перечень мер по повышению уровня гармонизации управленческих решений в подразделениях регионального кластера в процессе его реструктуризации

Блок	Орг.-упр. блок	Орг.-инфрастр. блок	Институциональный блок	Результативный блок	Характеристика состояния кластерной системы	Управленческие рекомендации в подсистемах кластера
Уровень развития	Высокий	Высокий	Высокий	высокий	Эффективное функционирование системы. Сбалансированность развития основных компонентов системы.	Поддержание в подразделениях кластера существующих тенденций развития.
	Низкий				Реализация модели финансирования кластерных инициатив реструктуризации «снизу-вверх». Значительная роль частных инвестиций в реализации кластерной политики.	Синхронизация и сбалансированность структурных трансформаций в подразделениях кластера, баланс интересов.
	Высокий	Низкий			Результаты реализации кластерной политики обусловлены инициативами «сверху». Реализуется дирижистская модель реструктуризации. Незначительная роль частного капитала.	Стимулирование частного бизнеса к участию в инвестировании модернизмов и инноваций в подразделениях кластера.
	Низкий				Кластерные проекты реструктуризации реализуются за счет внешних инвестиций.	Синхронизация объемов притока внешних инвестиций в подсистемы кластера.
Уровень развития	Высокий	Высокий	Низкий	Высокий	Потенциал региональной системы финансирования кластерных инициатив используется не в полной мере, поскольку отсутствует единая нормативно-правовая база, регламентирующая процедуру получения кредитных и других ресурсов.	Адаптация институциональной основы функционирования системы финансирования, к специфике территориальных подразделений кластера.
	Низкий				Потенциал региональной системы финансирования кластерных инициатив используется не в полной мере вследствие несовершенной институциональной среды.	Разработка и реализация финансовых механизмов, стимулирующих подразделения кластера к инновациям.
	Высокий	Высокий			Высокий	Низкий

Литература

1. Матвеева Л.Г., Никитаева А.Ю., Чернова О.А., Маслюкова Е.В. Информационная экономика. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. 380 с.
2. Рябинская С.С. Информатизация общества в России: особенности формирования и сопутствующие угрозы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 4. С. 281–285. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/64057.htm>.
3. Матвеева Л.Г., Чернова О.А. Информационный менеджмент. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 156 с.
4. Лавреш И.И., Трифанов А.В. Информационные технологии в региональном управлении, 2013 // <http://lib.sfi.komi.com/ft/301-000519.pdf>.
5. Саак А.А., Пахомов Е.В., Тюшняков В.Н. Информационные технологии управления. СПб.: Питер, 2005. 320 с.
6. Князев Р.М. Информационные технологии взаимодействия в муниципальном управлении: история и современность // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. науч. конф. Т. II. М.: РИОР, 2011. С. 19 – 24.
7. Корнейчук Б.В. Информационная экономика. СПб.: Питер, 2006. 400 с.
8. Спиридонов Э.С., Клыков М.С., Рукин М.Д., Григорьев Н.П., Балалаева Т.И., Смуров А.В. Информационная экономика. М.: Изд-во "URSS", 2010. 312 с.
9. The Information Economy and the Open-Source Principle. Aaron Swartz's A Programmable Web: An Unfinished Work (2013/2009), Morgan & Claypool, p. 28 // The Microeconomics of Complex Economies/ 2015 Elsevier Inc.

Kaplina Anastasia Valeryevna, candidate of economic Sciences, associate Professor, Rostov state economic University (RINH) (69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: Nastasiy84@mail.ru

**INFORMATION AND DIGITAL PLATFORM FOR HARMONIZATION OF MANAGEMENT DECISIONS
IN REGIONAL CLUSTERS**

Abstract

The article deals with the problem of reducing the disharmony of management decisions taken in the structural units of the regional cluster in the process of its restructuring with the use of information and digital technologies. The main attention in the process of managing organizational projects is paid to the coordination and harmonization in accordance with the target settings of financial flows directed to geographically dispersed branches of the cluster structure. An approximate model for assessing the level of harmonization of management decisions in the units of a regional cluster in the process of its restructuring, taking into account the financial component, is presented.

Keywords: regional cluster, information and digital platform, harmonization of management processes, restructuring, financial flows, innovation space, information space, digital potential of the municipality, management solutions.

References

1. Matveeva L.G., Nikitaeva A.YU., Chernova O.A., Maslyukova E.V. Informacionnaya ekonomika. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU, 2017. 380 p.
2. Ryabinskaya S.S. Informatizaciya obshchestva v Rossii: osobennosti formirovaniya i soputstvuyushchie ugrozy // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2013. T. 4. S. 281–285. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/64057.htm>.
3. Matveeva L.G., Chernova O.A. Informacionnyj menedzhment. Rostov n/D.: Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 156 p.
4. Lavresh I.I., Trifanov A.V. Informacionnye tekhnologii v regional'nom upravlenii, 2013 // <http://lib.sfi.komi.com/ft/301-000519.pdf>.
5. Saak A.A., Pahomov E.V., Tyushnyakov V.N. Informacionnye tekhnologii upravleniya. SPb.: Piter, 2005. 320 p.
6. Knyazev R.M. Informacionnye tekhnologii vzaimodejstviya v municipal'nom upravlenii: istoriya i sovremenost' // Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya: materialy mezhdunar. nauch. konf. T. II. M.: RIOR, 2011. P. 19 – 24.
7. Kornejchuk B.V. Informacionnaya ekonomika. SPb.: Piter, 2006. 400 p.
8. Spiridonov E.S., Klykov M.S., Rukin M.D., Grigor'ev N.P., Balalaeva T.I., Smurov A.V. Informacion-naya ekonomika. M.: Izd-vo "URSS", 2010. 312 p.
9. The Information Economy and the Open-Source Principle. Aaron Swartz's A Programmable Web: An Unfinished Work (2013/2009), Morgan & Claypool, p. 28 // The Microeconomics of Complex Economies/ 2015 Elsevier Inc.

МАРКЕТИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРИМЕНЕНИЯ

Келарев Владимир Викторович	доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: vkelarev@yandex.ru
Шакова Фатима Мурадиновна	кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухгалтерский учет», Северо-Кавказская государственная академия (369000, Россия, КЧР, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36). E-mail: Shakovaf@mail.ru
Машлыкина Анастасия Станиславовна	магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: nastya.mashlykina@mail.ru

Аннотация

В статье актуализируется необходимость совершенствования системы регионального управления на базе регионального маркетинга. Выделены предпосылки активизации маркетинговых технологий в управлении регионом. Показана необходимость использования концептуального подхода в практике регионального маркетинга, который обосновывается многофункциональными возможностями и стратегической определенностью маркетингового воздействия. Раскрыты конкретные функции и инструменты маркетинговых технологий, которые можно использовать в практике регионального управления.

Ключевые слова: *региональное управление, маркетинговые технологии, региональный маркетинг, функции маркетинга, инструменты маркетинговых технологий, рыночная среда, региональные органы власти, муниципальный маркетинг, региональная экономика.*

Вот уже на протяжении последних десятка лет в современной российской экономике приоритетной задачей является усиление значимости региональных экономик в общей картине экономического и социального положения страны. Исходя из этого, управление региональной экономикой требует новых методов и технологий решения задач регионального развития. Такой посыл исходит из того, что управление в рыночной среде предполагает несколько иные инструменты, формы и методы воздействия для получения результата, в отличие от среды административно-командного управления.

Одними из таких инструментов и методов могут стать маркетинговые технологии. Коммерческий маркетинг и маркетинг, применяемый в системе регионального управления, имеет много общих целей и задач. Вместе с тем, эффективность первого в достижении бизнес задач, значительно опережает эффективность методов, которые использовались и используются в системе государственного управления. Вместе с тем, на наш взгляд, в системе регионального управления концепция регионального маркетинга, как совокупности маркетинговых технологий, не находит своего полного отражения и недооценена в полной мере.

В первую очередь, данный вывод исходит из того, что теоретические, методологические и методические разработки самого содержания и инструментария регионального маркетинга, концептуальности его использования не в полной мере способствуют получения максимального эффекта от практического применения маркетинговых технологий для большей эффективности решения задач территориальной управленческой направленности.

К тому же заметим, что жители региона являются своего рода потребителями и клиентами услуг, предоставляемыми региональными органами власти. Речь идет о системе снабжения населения продовольствием и товарами, функционировании инфраструктуры региональной экономической и социальной среды, организации процесса коммуникаций, транспортной сети, работе социальных и иных учреждений и т.д. А если житель это клиент и потребитель – субъект управления, то и механизм взаимодействия с ним, должен опираться на коммерческие маркетинговые технологии. Речь идет о необходимости изучения спроса, мотивации поведения и предпочтений жителей, поиска законов наиболее эффективного воздействия на его действия и т.д. Таким образом, механизм регионального управления должен опираться на те лучшие элементы, которые есть в механизме коммерческого маркетинга. В целом же, маркетинговые технологии дают ответы на вопросы: как именно выстроить систему доверия, коммуникации, качественного сервиса и другие механизмы решения региональных задач, чтобы региональный потребитель был удовлетворен системой управления территориальных властей.

Предпосылки к необходимости использования маркетинга и маркетинговых технологий в системе регионального управления исходят из следующих аргументов: современная экономическая и социальная среда региона постоянно подвергается внешним и внутренним вызовам, которые требуют нового осмысления в отношении способов и методов реакции на их проявления и выработке адекватных методов в их отношении. Примерами таких вызовов могут быть: цифровизация отношений, усиление внешнеполитического давления на экономику страны, экологические и техногенные катастрофы, природные катаклизмы и т.д. Так, например, отмечается, что с активизацией цифровой экономики перестают работать законы свободного ценообразования, так как посредством банковских карт продавец и покупатель обезличены [1, с. 125 – 129].

Содержание регионального маркетинга, как части системы регионального управления, в научном мире обсуждается достаточно регулярно. Такая дискуссия дает возможность понять, как маркетинг как коммерческая наука о мониторинге рынка и его сегментов, продвижении продукции, создании системы устойчивых отношений с потребителями, рекламе продукции и т.д. концептуально способствует разработке новых подходов в региональном управлении.

Как утверждают авторы статей о маркетинге территорий, такой подход «отражает макро - и мезотерриториальные экономические уровни – региональный маркетинг и муниципальный маркетинг». Такой посыл дает основания предположить, что региональная экономика - это отдельный объект управления со своими присущими только ей особенностями и отличиями, и которая требует отдельных механизмов управления. Одним из которых, и является региональный маркетинг. Вместе с тем, отметим, что региональный маркетинг – это часть системы регионального управления, которую зачастую называют региональным менеджментом. [1, с. 125 – 129].

На наш взгляд, возникновение регионального маркетинга связано диалектическим воздействием триады категорий: государственное управление – управление территориями – региональное управление [2]. Если первая предполагает управление в масштабах страны, второе в масштабах федеральных округов, то именно в системе регионального управления и стоит определять место исследуемого нами объекта.

Не останавливаясь на раскрытии сущности первых двух, отметим, что региональное управление своей целью ставит регулирование хозяйственных и экономических отношений между субъектами экономических процессов на конкретной территории. Исходя из этого, региональный маркетинг предполагает, что именно региональная экономика является объектом управления посредством использования маркетинговых технологий, направленных на удовлетворение потребностей субъектов данной территории в обозначенных целях по развитию самой территории.

Отметим, что содержание регионального маркетинга носит характер дискуссионной категории. Среди наиболее основных направлений этой дискуссии стоят разные подходы к раскрытию содержания. Наиболее существенные подходы заключены в следующих позициях:

- «Региональный маркетинг с позиции экономико-географического и маркетингового подхода», определен как элемент системы рыночных отношений, спроецированный не на микроуровень (уровень предприятий и фирм), а на мезоуровень (уровень области, края, республики) [3].

- Региональный маркетинг как процесс «управления городом в условиях рыночной экономики – подход маркетинговый» [4]. Цель такого управления – «привлечение в город новых экономических агентов» [5, с. 36 – 38].

- Региональный маркетинг на основе зарубежного опыта. Он выражен как «маркетинг места» и предполагает стратегического развитие места, за счет адаптации данного «места» к рыночным преобразованиям совместными усилиями общества, граждан и различных институтов.

Не дискутируя с представленными направлениями по содержанию регионального маркетинга, определим нашу позицию, заключающуюся в следующем: на наш взгляд, региональный маркетинг это процесс управления развитием региона в интересах субъектов региональной власти и граждан данного региона, целью которого является продвижение и развитие региональной экономики – социальной системы, за счет использования и создания конкурентных преимуществ, на основе новых инновационных технологий, как в процессе создания новых продуктов и услуг, так и в системе регионального и муниципального управления.

К субъектам регионального маркетинга следует отнести с одной стороны субъектов органов власти (разного уровня) на данной территории, предпринимательские структуры, научные и общественные организации, непосредственно самих граждан и ряд институтов гражданского общества, занимающихся вопросами социально-экономического развития данной территории.

Исходя из нашего подхода, рассмотрим основные задачи регионального маркетинга, как достаточного нового инструмента в реализации задач развития региона. Наиболее полно эти задачи представлены у Ергуновой О.Т. [5].

Среди них главными задачами выделим следующие:

- Повышение эффективности использования существующих ценностей и особенностей территории, с целью реализации конкурентных преимуществ данной территории.
- Создание новых конкурентных преимуществ, за счет внедрения прогрессивных и инновационных технологий для расширения доли совокупного территориального продукта на внутреннем и международном рынках.
- Усиление позиционирования территории на рынке за счет создания и использования особенностей территориальной экономики и инфраструктуры, с целью создания позитивного имиджа региона.
- Генерирование как новых производств, так и продуцирование адекватной новым реалиям и возможностям структуры региональной экономики с учетом существующей инфраструктуры и потенциальных возможностей и особенностей региональной территории.

Таким образом, можно сделать вывод, что главной целью регионального маркетинга является использование внешней среды территории и ее внутренних особенностей «для разработки инновационных подходов к развитию экономики территории, ориентированных на возможности внешней среды и инновационных методов реализации данных подходов». Это необходимо для адаптации региона к постоянно изменяющимся внутренним и внешним условиям рыночных отношений. Цель такой адаптации – создать и сгенерировать опираясь на запросы жителей, проживающих на его территории, качественные условия для развития всех сфер жизнедеятельности в интересах региона [5, с. 12].

Важной чертой адаптации маркетинговых технологий к региональному управлению является их концептуальность, т.е. применение не отдельных элементов и инструментов маркетинга, а целостного и системного использования всей палитры возможностей для достижения единой концептуальной задачи развития региона. К тому же, концептуальность определяется тем, что содержание классического маркетинга не ограничивается только задачами оперативного и тактического характера, но и важной чертой является стратегическое видение и развитие фирмы. То же самое это в полной мере относится и к региональному маркетингу. На рис. 1 показана структура концептуального характера регионального маркетинга.

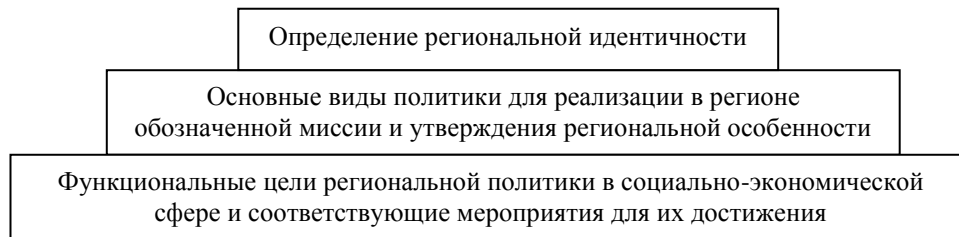

Рис. 1. Иерархическая лестница региональной концепции развития на основе аналитических инструментов маркетинга (разработан авторами)

Инструменты маркетинговых технологий связаны с многими этапами и задачами регионального управления. Так, например, в работах Кетовой Н.П. весь инструментарий маркетинговых технологий охватывает все этапы работы, по созданию концепции регионального продукта и его продвижению [6, с. 156 – 163]. Среди них следующие направления:

- Определение целей и задач региона на основе инструментов аналитики.
- Формирование комплексных программ по реализации с использованием инструментов - создание баз данных, определение целевых ориентиров, разработка системы мероприятий.
- Реализация комплекса программ посредством таких инструментов маркетинговых технологий, как выбор рынков, кластеров, отраслевых структур; объединение субъектов, реализующих программы, разработка алгоритмов, механизмов, инструментов реализации программных целей, организация контроля за реализацией маркетинговых задач.
- Оценка эффективности стратегии. Эта задача решается с помощью маркетинговых технологий: оценка результата и выбор наиболее подходящей методики для этого; корректировка действий за счет оценки эффективности, применяемой маркетинговой технологией.

Таким образом, отметим, что стратегический маркетинг в региональном менеджменте становится важнейшим инструментом в управлении, так как он ориентирует регион на такие важнейшие направления, определяющие его развитие, как:

- управление развитием региона с ориентацией на внутренние и внешние рынки;
- акцентирование внимание на производство регионального конкурентоспособного продукта, который смог бы стать локомотивом региональной экономики;

• постоянное внимание к потребностям жителей региона с целью повышения качества их жизни, учет их потребностей, как нормы управления; включение в механизмы управления регионом только заинтересованных субъектов территории.

Таким образом, стратегический маркетинг, это путь и направление которые выделяет вектора в развитии региональной экономики, ее инфраструктуры. Управление на принципах стратегического маркетинга способно всегда отвечать вызовам современного мира.

Концептуальность регионального маркетинга выражается в его функциях [7, с. 441-446].

• Аналитические функции, задачи, которые аккумулируют информацию о средах региона, его особенностях, региональных рынках и др.

• Производственные функции, целью которых служит концентрация на разработках товаров и услуг, которые являются лицом региона и отождествляют его региональную идентичность.

• Информационно-сбытовые функции, в рамках которых определяются и выделяются наиболее лучшие формы и направления логистики товаров и услуг в регионе, обеспечиваются необходимые рынки всеми атрибутами и условиями. Информационное сопровождение необходимо для прозрачного обеспечения регионального управления и доступности всех субъектов региона к необходимым знаниям и информации.

• Функции планирования и управления, в основном обеспечивают нацеленность региональных властей на выделение особых конкурентных ценностей территории, которые в будущем могут стать ключевыми конкурентными преимуществами. Именно на это нацелены мероприятия стратегического маркетинга.

Анализируя значимость регионального маркетинга как концепции управления регионом, можно отметить, что во многих территориях страны региональный маркетинг это технология с многофункциональными особенностями. Так, по мнению Константиныди Х.А., целями регионального маркетинга могут стать: «перелом действующей тенденции миграционного движения населения, смена чистого оттока высококвалифицированной рабочей силы на ее чистый приток; формирование благоприятной среды для развития малого и среднего бизнеса; расширение локальных рынков, привлечение в них новых участников и новых видов продуктов; рост территориальной занятости и доходов постоянного населения; дополнительные поступления налоговых и неналоговых доходов в региональный бюджет; наращивание капитализации региональных корпораций; улучшение имиджа региона; вовлечение региональной экономики в глобальные инвестиционные проекты» [8, с. 52 – 59].

В целом можно сказать, что региональный маркетинг способствует охвату большинства важнейших направлений в деятельности региональных органов власти. Подтверждением этому, может служить табл. 1, в которой представлены все ключевые направления регионального управления, которые решаются с помощью регионального маркетинга и обозначены его основные задачи и средства их достижения.

Таблица 1

Направления регионального маркетинга в системе регионального менеджмента и основные задачи и методы их реализации (разработана авторами)

Направления регионального маркетинга	Задачи и методы достижения целей
Ресурсное обеспечение	Создание системы бесперебойного обеспечения имеющими ресурсами и продвижение новых ресурсов на основе методов стимулирования, пропагандирования и мотивации
Инвестиционно-технологическое	Внедрение новых инновационных и прогрессивных технологий за счет создания условий для инвестиционной привлекательности региона посредством методов поддержки, продвижения, информационного обеспечения данных процессов
Социальное	Создание в системе управления новых компетенций, новых специализаций по вопросам социальной политики с помощью учебных и научных организаций, с помощью нового знания в части овладения этими знаниями
Институциональное	Создание новых форм отношений между органами власти и субъектами региональной экономики в части продвижения регионального бренда. Такая задача может быть достигнута за счет создания оргструктур в части создания новой системы отношений (инкубаторы, технопарки, зоны инновационного развития и т.д.)
Информационное	Поиск, анализ, продвижения новых форм отношения, новых знаний и компетенций, рекламное сопровождение и т.д., для решение задачи информационного обеспечения процесса управления и получение обратной связи
Организационное	Создание и апробация новых организационных структур, инфраструктурное воздействие и обеспечение процесса управления. Адаптация опыта лучших площадок регионального маркетинга в стране

Как видно из представленной таблицы, каждое направление регионального маркетинга – это самостоятельный вид деятельности. Но особенность их в том, что в целом они представляют собой когнитивную систему управления, то есть такую систему, когда взаимосвязанность и взаимозависимость действий дает комплексный, целостный и концептуальный результат.

Заметим, что система регионального маркетинга нацелена не только на внутренние задачи региона. Зачастую его цели выражены и для укрепления межнациональных и внешнеэкономических связей. Это дает возможность создавать условия для позитивного имиджа данного региона, «обеспечивающего его инвестиционную привлекательность у зарубежных и отечественных инвесторов, что в свою очередь, позволит более бережливо использовать внутри региональный потенциал в отношении региональных органов власти, как главному носителю положительного образа региона» [9, с. 83 – 89].

В этом контексте региональный маркетинг также реализует себя с двух сторон одновременно: как аналитическая технология возможностей региона на международных рынках, так и управленческая технология, связанная с созданием системы управления повышением конкурентоспособности территории на международных рынках. Таким образом, налицо концептуальная особенность регионального маркетинга, как комплексной технологии с многофункциональными возможностями и многоцелевым воздействием.

Рассмотрим основные виды маркетинговых технологий и их место в системе регионального управления для функционального воздействия. Маркетинговые технологии как инструменты регионального маркетинга представляют собой последовательный набор действий с помощью различных форм и методов для реализации поставленной цели. Поэтому важно посмотреть, какие задачи стоят перед региональными органами власти с точки зрения перспектив развития, и как маркетинговые технологии помогут решать эти цели. В табл. 2 показаны соотношение целей и задач региональной политики и функции маркетинговых технологий, которые в состоянии эти задачи решить более эффективно.

Таблица 2

**Функции маркетинговых технологий и их воздействие
на основные задачи региональной политики (разработана авторами)**

Основные направления региональной политики	Маркетинговые технологии и их функции
Разработка стратегических планов развития региона	<p>Технологии аналитического исследования рынков Функции:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Сегментальный анализ рынков. • Изучение потребительского поведения и региональных предпочтений. • Анализ перспектив продвижения и спроса производимой региональной продукции. • Поиск перспективных направлений развития региональной экономики и определение ее узких мест.
Социальные задачи региона	<p>Коммуникативные технологии Функции: Мониторинг эффективности социальных реформ и мероприятий в регионе. Создание системы непрерывных коммуникаций между населением/группами населения и органами региональной и муниципальной власти. Производство и организация качественного сервиса услуг населению региона.</p>
Инвестиционные задачи	<p>Рекламные и информационные технологии Функции: Создание инвестиционного имиджа и бренда территории с целью повышения его привлекательности для внешних и внутренних инвесторов и привлечение туристов с других регионов</p>
Региональный менеджмент	<p>Управленческая технология Функции: Своевременное создание организационных структур для решения оперативных задач. Планирование ориентиров и направлений деятельности. Анализ и оценка эффективности проводимых мероприятий и работы организаций.</p>

В таблице представлены далеко не все направления региональной политики. Но даже в представленных направлениях видно, что маркетинговые технологии могут значительно помочь в их решении.

Особо стоит остановить внимание на таком направлении регионального маркетинга, как маркетинг инноваций. Например, по оценкам ряда специалистов: «Положение России на мировом рынке инновационной продукции в 2014 году было довольно невысоким: ее доля по различным видам деятельности составляла от 0,35% до 1%. Дело в том, что в основном на российских пред-

приятных инновационная деятельность реализуется за счет приобретения машин и оборудования производства иностранных государств, в то время как создание собственных инноваций менее приоритетно и менее развито. Причины такого положения вытекают из общего состояния современной отечественной экономики» [10, с. 102 – 104]. В данном контексте инструменты регионального маркетинга должны быть направлены на два вектора: первый это мотивация разработки, освоения и внедрения непосредственно самих инноваций, и второе продвижение самих инноваций всеми доступными маркетинговыми инструментами: создание спроса на инновации, организационно-инвестиционное обеспечение процесса инновационного создания продукта, кадровая подготовка и обучение и др.

В целом, в ряде регионов маркетинг инноваций страдает общими для страны проблемами, среди которых:

- Инновационные фирмы и производства работают в условиях нехватки финансов и необходимых ресурсов.
- Большие фирмы не стремятся к внедрению инновационных идей из риска.
- В инновационной и технологической среде нет конкуренции, а значит, данные отрасли не развиваются.
- Мало специалистов и программ по подготовки необходимых инновационных кадров.

В целом, анализируя весь спектр инструментов маркетинговых технологий отметим, что можно их классифицировать по следующим направлениям: аналитические, мониторинговые, коммуникационные, информационно-рекламные, продвижение регионального продукта.

Так, например, к информационно-рекламным инструментам весь арсенал методов информирования, продвижения, привлечения внимания и акцентирование на нужной информации, как с использованием традиционных средства донесения информации, так и с использованием цифровых технологий, Интернет-способов, спутниковой связи и др.

К коммуникационным инструментам следует отнести: лоббирование, или оказание воздействий на официальных лиц, представляющих властные структуры, бизнес для продвижения интересов региона; интерактивные возможности связи с потребителями или органами власти, информационная обеспеченность проявляется в работе интернет-порталов органов власти, и т.д.

Можно привести следующие маркетинговые инструменты, которые решают данные задачи: «проведение выставок; организация инвестиционных форумов; - интеграция продвигаемых товаров, брендов, событий и объектов в структуру глобальных проектов (например, проведение Олимпиады в Сочи, подготовка к чемпионату мира по футболу и др.); организация культурных фестивалей; - торжественное отмечание юбилейных дат; проведение конкурса среди специалистов; организация научных конгрессов, форумов на территории и др.» [8].

Для продвижения имиджа региона используются следующие меры: «спонсорство (специальные акции по привлечению внимания и формированию хорошего имиджа территории: поддержка спорта, культуры и искусства, проведение фестивалей, праздников и т.д.); визиты, встречи, презентации; конференции и семинары; выставки, ярмарки, международное сотрудничество; специальные проекты; обслуживание потенциальных инвесторов по принципу единого окна, использование высокопрофессионального персонала; курирование, сопровождение и поддержка стратегических инвесторов» [8].

К инновационным инструментам маркетинга относят бенчмаркинг, брендинг, интернет-маркетинг, концептуальное моделирование развития территорий, ABC-анализ ресурсных возможностей региона и т.д.

Несложно заметить, что деятельность в обозначенных направлениях и сферах региональных органов власти требует и новых подходов к самой парадигме управления. Речь идет о том, что использование инструментов регионального маркетинга в системе управления регионом, создает новые ориентиры работы для органов региональной власти. Парадигма в том, что они превращаются в партнеров для субъектов регионального бизнеса, потому что не только уполномочены принимать «решения по развитию региона, но и решают задачи осуществления взаимодействия между органами власти и целевыми рынками: производителями, потребителями, инвесторами, новыми жителями, туристами и другими. В этом смысле региональный маркетинг можно представить как совместную деятельность коммерческих и некоммерческих субъектов в рыночной среде, основанную на принципах современного социально ориентированного маркетинга» [11, с. 1-7].

В заключении можно сказать, что региональный маркетинг как новая альтернатива управления нацелена на использование адекватных маркетинговых принципов и методов в коммерческой среде к среде региональной управленческой системы. Тем самым обеспечивая эту региональную систему необходимым современным потенциалом. Кроме этого, отметим, что региональный маркетинг это непрерывно действующая система, направленная на устойчивое развитие региона и формирование его позитивного имиджа во внутрироссийском и мировом рыночном пространстве.

Литература

1. Хартанович К.В., Миленский А.В., Дмитриев Ю.А. Эволюция регионального маркетинга // Ученые записки. 2018. № 1 (25). С. 125 – 129.
2. Игнатова Т.В., Мартыненко Т.В. Управление муниципальной собственностью в аспекте теории конкурентоспособности территории // Гуманитарий Юга России. 2018. Том 7. № 2. С. 122 – 134.
3. Кетова Н.П. Региональный маркетинг в системе инструментов и принципов управления территориальным развитием // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5. Экономика. 2012. № 1. С. 156 – 163.
4. Пономарева А.М., Игнатова Т.В. Разработка матрицы инновационно-креативного развития города на основе индексного метода // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9. № 3. С. 37 – 47.
5. Ергунова О.Т. Маркетинг территории. Учеб. пособие. Екатеринбург. Изд.во Урал. ун-та, 2017. 136 с.
6. Кетова, Н.П., Тасина Е.Д., Овчинников В.Н. Формирование позитивного бренда региона: учет особенностей периферийных территорий, маркетинговый механизм реализации. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие-XXI век», 2015. 96 с.
7. Долгова И.В. Современный взгляд на проблемы развития регионального маркетинга в России // Аллея науки. 2017. Т. 3. № 13. С. 441 – 446.
8. Константиныди Х.А. Применение маркетинга территорий как инструмента государственной (региональной) экономической политики // Маркетинг и логистика. 2017. № 4 (12). С. 52 – 59.
9. Кириллов Н.П., Соколова Ж.А. Развитие регионального маркетинга в России // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 4-2 (17). С. 83 – 89.
10. Онуфриева М.А. Маркетинг инноваций в Российской Федерации // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2018. № 1. С. 102 – 104.
11. Зиннуров И.Ф. Инструменты территориального маркетинга как фактор повышения конкурентоспособности региона // Региональная экономика и управление. 2008. № 1 (13). С. 1 – 7.

Kelarev Vladimir Viktorovich, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: vkelarev@yandex.ru
Shakova Fatima Muradinovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Accounting Department, North Caucasus State Academy (36, Stavropolskaya Str., Cherkessk, KCR, 369000, Russian Federation). E-mail: hakovaf@mail.ru
Mashlykina Anastasia Stanislavovna, Postgraduate, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: nastya.mashlykina@mail.ru

**MARKETING TECHNOLOGIES IN REGIONAL MANAGEMENT PRACTICE:
CONCEPTUAL CONTENT AND APPLICATION TOOLS**

Abstract

The article actualizes the need to improve the regional management system based on regional marketing. The article highlights the prerequisites for the activation of marketing technologies in regional management. The article explains the necessity of conceptual approach application in the practice of regional marketing, which is justified by multifunctional capabilities and strategic certainty of the marketing impact. The specific functions and tools of marketing technologies that can be used in the practice of regional management are presented.

Keywords: regional government, marketing technologies, regional marketing, marketing functions, tools of marketing technologies, market environment, regional authorities, municipal marketing, regional economy.

References

1. Hartanovich K.V., Milen'kij A.V., Dmitriev YU.A. Evolyuciya regional'nogo marketinga // Uchenye zapiski. 2018. № 1 (25). P. 125 – 129.
2. Ignatova T.V., Martynenko T.V. Upravlenie municipal'noj sobstvennost'yu v aspekte teorii konkurentosposobnosti territorii // Gumanitarij YUGa Rossii. 2018. Tom 7. № 2. P. 122 – 134.
3. Ketova N.P. Regional'nyj marketing v sisteme instrumentov i principov upravleniya territorial'nym razvitiem // Vestnik Aдыgejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika. 2012. № 1. P. 156 – 163.
4. Ponomareva A.M., Ignatova T.V. Razrabotka matricy innovacionno-kreativnogo razvitiya goroda na osnove indeksnogo metoda // Journal of economic regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki). 2018. T. 9. № 3. P. 37 – 47.
5. Ergunova O.T. Marketing territorii. Ucheb. posobie. Ekaterinburg. Izd.vo Ural. un-ta, 2017. 136 p.
6. Ketova, N.P., Tasina E.D., Ovchinnikov V.N. Formirovanie pozitivnogo brenda regiona: uchet osobennostej periferijnyh territorij, marketingovyy mekhanizm realizacii. Rostov n/D: Izd-vo «Sodejstvie-XXI vek», 2015. 96 p.
7. Dolgova I.V. Sovremennyy vzglyad na problemy razvitiya regional'nogo marketinga v Rossii // Alleya nauki. 2017. T. 3. № 13. P. 441 – 446.
8. Konstantinidi H.A. Primenenie marketinga territorij kak instrumenta gosudarstvennoj (regional'noj) ekonomicheskoy politiki // Marketing i logistika. 2017. № 4 (12). P. 52 – 59.
9. Kirillov N.P., Sokolova ZH.A. Razvitie regional'nogo marketinga v Rossii // Materialy Ivanovskih chtenij. 2017. № 4-2 (17). P. 83 – 89.
10. Onufrieva M.A. Marketing innovacij v Rossijskoj Federacii // Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i social'nogo upravleniya. 2018. № 1. P. 102 – 104.
11. Zinnurov I.F. Instrumenty territorial'nogo marketinga kak faktor povysheniya konkurento-sposobnosti regiona // Regional'naya ekonomika i upravlenie. 2008. № 1 (13). P. 1 – 7.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

Котова Нина Сергеевна	доктор филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); профессор кафедры психологии образования, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: ninakotova@mail.ru
Гельпей Елена Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: mail2003@list.ru
Котов Григорий Сергеевич	магистрант Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: Alamorff@yandex.ru

Аннотация

Формирование и развитие навыков критического мышления является базовым требованием к процессу образования в современном мире. Этот навык необходим для подготовки управленческих кадров, способных нестандартно мыслить, оперативно действовать, анализировать, предвидеть проблемы и принимать верные решения, стать востребованным на рынке труда. Авторы рассматривают потребность российских вузов в системном междисциплинарном подходе к формированию и развитию критического мышления на примере студентов и преподавателей ЮРИУ РАНХиГС.

Ключевые слова: критическое мышление, управленческие кадры, междисциплинарный подход, навык, компетенция, трудоустройство, работодатели, интеллектуальные процессы, сфера деятельности.

В последние десятилетия в российской науке и образовании в силу интеграции мировых тенденций обсуждается важность формирования и развития критического мышления учащихся как одного из наиболее востребованных навыков на рынке труда. Кэссерли еще в 2012 г. определил навык критического мышления как один из десяти необходимых навыков для трудоустройства на девять из десяти наиболее востребованных рабочих мест [4]. Как показывает практика, современные успешные руководители, бизнесмены обладают не просто формальными знаниями, а чем-то более важным: способностью нестандартно мыслить и действовать, то есть критическим мышлением, помогающим в профессиональной деятельности решать комплексные задачи, умением правильно поставить вопрос, оперативно принимать верные решения, предвидеть проблемы, что во многом определяет современного управленца, бизнесмена, руководителя.

Критическое мышление в качестве формируемой компетенции включено в ФГОС ВО по различным направлениям подготовки. Тем не менее, по сравнению со многими странами ЕС и США, где обучение критическому мышлению начинается еще в младшей школе, а в вузе носит междисциплинарный характер, в России отмечается отсутствие системного подхода к формированию и развитию способности критически мыслить.

Перед современным вузом, в котором проходят обучение будущие руководители, управленцы, политики, сегодня стоит задача подготовить выпускника с нестандартным мышлением, специалиста, которому недостаточно переработать предложенные ему факты и идеи, пассивно получать знания, а необходимо практиковать навыки критического мышления в аудитории и на практике. Глубокая ориентация на теорию системы российского образования часто вызывает недовольство потенциальных работодателей: отсутствие у выпускников критического мышления, низкий уровень английского языка ограничивают их способность перенимать передовой зарубежный опыт, создавать инновационные и творческие идеи. Чрезмерно теоретизированные курсы дисциплин, подготовка к определенному типу вопросов, желание получать высокие оценки и погоня за рейтинговыми баллами зачастую еще больше стандартизируют студентов, делая из них заурядных учеников, обладающих ограниченным мировоззрением. Такой подход лишает студентов мотивации высказывать свои мысли, не развивает способность рассматривать проблему с разных точек зрения, тем самым негативно влияя на возможность их трудоустройства. Многие работодатели утверждают, что система образования не уделяет достаточного внимания обучению студентов навыкам критически мыслить и адаптироваться к требованиям рабочего мира [22].

В быстро меняющейся экономической среде критическое мышление рассматривается как дополнительное преимущество для выпускников факультета управления экономики, так как позволит им продуктивно функционировать в обществе и на рабочем месте. В соответствии с современными требованиями формулируется цель обучения критическому мышлению в институтах высшего

образования: улучшить навыки мышления студентов в области понимания проблемных вопросов, прогнозирования и принятия правильных решений. Многие исследования показывают, что люди, обученные мыслить критически, демонстрируют больше профессионализма в использовании идей, предположений, умозаключений и осуществлении интеллектуальных процессов [12]. Так способность критически мыслить позволяет учащимся сформировать способность задавать вопросы, давать ответы и высказывать идеи, которые выходят за пределы учебника или лекционного курса.

В современной литературе предлагаются многочисленные определения феномена критического мышления [16], сформулированные в рамках двух подходов: философского и когнитивно-психологического. Философский подход традиционно сложился, начиная с сочинений Сократа, Платона, Аристотеля, а в современной традиции – Мэтью Липмана и Ричарда Пола. В центре философского подхода – гипотетический критический мыслитель с определенным набором характеристик, однако в нем отсутствует модель поведения или действий, которые способен выполнять критический мыслитель [11;21]. Таким образом, философский подход предлагает нам идеального критического мыслителя в идеальных обстоятельствах [20]. Развивая идею Штернберга, Пол рассматривает критическое мышление в контексте «совершенствования мышления» [14].

Когнитивно-психологический подход в рамках бихевиористской традиции рассматривает людей в экспериментальной парадигме, изучая их способность мыслить, принимать решения в реальных условиях [20]. В когнитивной психологии критическое мышление определяется по поведению, типам действий, списку навыков или процедур, которые совершает или способен совершать критический мыслитель [11]. Так, оба подхода положили начало многочисленным авторским интерпретациям понятия критического мышления. Норрис указывал на то, что критическое мышление с точки зрения рационального решает, во что верить или во что нет [13]. Пол приписывал критическому мышлению способность ученого контролировать ход собственного мыслительного процесса [14]. Харрис и Ходжес сравнивали критическое мышление с критической оценкой ценности или воздействия текста в процессе изучения и анализа его качества [8]. Майкл Скривен (профессор Гарвардского университета) как наиболее публикуемый автор проблематики исследования критического мышления, предложил наиболее точно соответствующее современным реалиям определение: «Способность умело интерпретировать и оценивать наблюдения, связи, информацию и выдвигать четкие аргументы, имеющие отношение к дальнейшим мыслям и действиям» [18].

Однако мы не исключаем актуальность разных подходов к данному феномену, так как критическое мышление может нести разные значения в разных обстоятельствах, поэтому ожидания руководителя, управленца, политика, связанные с этим типом мышления, могут различаться в зависимости от ситуации. Таким образом, критическое мышление в современном мире не может пониматься как «общий» навык, а является уникальным умением, специфичным для каждой сферы деятельности. Следовательно, между высшим учебным заведением и работодателем должен быть найден определенный консенсус о том, что такое критическое мышление и чему студенты должны быть обучены, что в конечном итоге должно быть отражено в учебных программах не в качестве отдельных задач или заданий в изучении отдельных курсов, а на системной, междисциплинарной основе.

Некоторые авторы указывают на то, что отсутствие системного подхода в обучении критическому мышлению при подготовке управленцев, экономистов, менеджеров смещает цели подготовки, не оправдывая ожиданий работодателей и выпускников [1;23]. Например, Полсон указывает на различие между навыками (решением повседневных, рутинных задач) и компетенцией (решением нестандартных задач). Также он утверждал, что для эффективного применения навыков необходимы аналитические способности [15, с. 400].

Компетенции руководителя были описаны в зарубежной литературе еще с 1970-х гг. и связывались с личностным поведением, влияющим на качество работы человека [19]. В 1980-х гг. зарубежные компании стали говорить о необходимости развития этих компетенций. Так, был разработан комплекс компетенций, в основе которого легла идея человеческого капитала. Данные компетенции связаны с управленческими способностями [10] и организаторскими способностями [7]. Передовым компаниям и ведущим организациям потребовались руководители, управленцы и менеджеры, обладающие «когнитивными навыками высокого порядка, критическим и проактивным мышлением» [5], «сложными интерактивными навыками» [9, с. 26]. В 2008 г. эти «когнитивные навыки высокого порядка» были названы «продуктом критического мышления».

Таким образом, в управленческие компетенции были включены: способность применять академические знания на практике; способность работать в команде и навыки межличностного общения; способность решать проблемы в динамике; культурное и интеллектуальное развитие и способность учитывать различные точки зрения, способность разумно управлять и реагировать на изменения и сложности внутри организации и в бизнес-среде; способность критически мыслить. Критическое мышление рассматривалось как ключевая компетенция, позволяющая руководителям, управленцам и менеджерам сформировать весь остальной набор управленческих компетенций [6].

Организациям и бизнесу 21 века необходимы руководители и менеджеры, умеющие:

- (1) мыслить в разных областях и понимать трансграничные последствия своих решений,
- (2) демонстрировать высокий уровень междисциплинарного, критического мышления и
- (3) анализировать и синтезировать большие объемы информации [9].

Критическое мышление задействовано в каждом управленческом решении и является связующей компетенцией успешного управления [6, 1-2]. Однако, в той же литературе отмечалось, что большинство студентов не могут продемонстрировать способность критически мыслить в реальных ситуациях, а также не способны переносить навык критического мышления из одной дисциплины в другую в учебном процессе [6].

С помощью правильной методологии преподаватели вуза, независимо от дисциплины – будь то иностранный язык, экономика или менеджмент, должны развивать и совершенствовать в студентах способность мыслить критически. Лекционный курс и традиционный подход к организации семинарских занятий, в которых преобладает либо речь преподавателя, либо подготовленные выступления студентов, не ориентированы на общение, не создают среды, в которой студенты независимы и активны. В традиционную форму необходимо включать задачи, в которых систематически выполняются задания с применением критического мышления учащихся.

При обучении иностранному языку в вузе преподаватели широко используют простой способ классификации выполняемых студентами заданий, по мере их усложнения. Речь идет о предложенной более 60 лет назад таксономии Бенджамина Блума [2]. Этот метод был взят за основу трехуровневой критерии измерения ЗУН (знаний, умений и навыков), в последствии переформатированной в современных нормативных и официальных документах, сопровождающих учебный процесс на уровне критериев сформированности компетенции, в «знает», «умеет» и «владеет»: базовый (низкий, пороговый) уровень требует меньших навыков мышления, в то время как более высокие уровни (средний, высокий) требуют большего.

Считается, что теория критического мышления началась, прежде всего, с работ, в которых выделили шесть областей когнитивной сферы, каждая из которых связана с различными уровнями когнитивных способностей [2]:

- 1) знания: запоминание и чтение информации;
- 2) понимание: взаимосвязь с ранее изученной информацией;
- 3) применение: использование информации в соответствии с правилом или принципом в конкретной ситуации;
- 4) анализ: критическое мышление, определяющее функцию деталей в целом;
- 5) синтез: критическое мышление, позволяющее через соединение частей сформировать новое, оригинальное целое;
- 6) оценка: критическое мышление, позволяющее вынести суждение на основе информации.

В дальнейшем эта модель была подкреплена системой тестирования, по результатам которой студент получает оценку сформированной компетенции. Таким образом, данная образовательная модель, действующая и сегодня, сохраняет тенденцию стандартизации учебного процесса, а акцент на заключительное тестирование сформированной компетенции, не оставляет возможности преподавателю развивать критическое мышление студента [3].

Современный студент еще со школы не приучен к исследованию контента. Натренированный на решение тестовых заданий, учащийся вуза не мотивирован, не хочет и не видит смысла в анализе ресурсов и поиске возможностей применять информацию. Подобный подход к обучению не формирует умение мыслить, учиться независимо, а самостоятельно эти навыки приобретают единицы.

Скривен и Пол в 2007 г. сравнили критическое мышление с научным методом, предписав такому типу мышления системный и процедурный подход [17]. Следовательно, студенты должны изучать принципы процесса критического мышления. Однако в современном вузе отмечаются явные противоречия между требованиями ФГОС ВО, в которых прописана компетенция «способность критически мыслить», и отсутствием системного междисциплинарного подхода к формированию данного навыка:

- 1) многие преподаватели не владеют методикой обучения навыкам критического мышления;
- 2) отсутствуют учебные материалы с заданиями на развитие критического мышления по комплексу дисциплин, подобные задания, как правило, предлагаются только в рамках узкопрофессиональных дисциплин;
- 3) учебники и методические пособия содержат информацию и задания, ориентированные на темы и вопросы для обсуждения, которые не предполагают «пытливость ума»;
- 4) преподаватели и студенты предвзято относятся к методу критического мышления, так как он требует временных и умственных затрат от всех участников учебного процесса.

В 2019 г. авторами статьи в рамках дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере» было проведено анкетирование (Мотивация к изучению предмета «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере» с использованием заданий на раз-

вите критического мышления (табл. 1)) студентов 1-3 курсов факультета управления ЮРИУ РАНХиГС и анкетирование преподавателей иностранного языка ЮРИУ РАНХиГС (Мотивация к преподаванию предмета «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере» с использованием заданий на развитие критического мышления (табл. 2)). В исследовании была поставлена задача – выявить отношение преподавателей и студентов к развитию критического мышления студентов в процессе обучения иностранному языку, определить готовность преподавателей к использованию заданий, ориентированных на развитие критического мышления студентов. Это потребовало изучения научной и методической литературы по организации учебного процесса в англоязычных странах: был проведен анализ существующей методической литературы по развитию критического мышления студентов при изучении английского языка как иностранного, выявлено отношение преподавателей и студентов к данной проблеме. С этой целью были разработаны анкеты для преподавателей и студентов, представленные ниже. В анкетах предлагался список вопросов и вариант ответа в баллах от 0 до 10.

Таблица 1

Анкета для студентов

№	Вопрос или утверждения	Баллы от 0 до 10
1	Приходилось ли вам решать задание на критическое мышление	
2	Критическое мышление необходимо всем, а не только ученому	
3	Современному специалисту необходимо развивать критическое мышление	
4	Решение задач на критическое мышление делает учебный процесс более интересным	
5	Современное образование должно включать больше практических заданий на мыслительную деятельность	
6	Студенту необходимо развивать критическое мышление в процессе обучения иностранному языку	
7	Личность студента обогащается через развитие критического мышления	
8	Критическое мышление участвует в любом аспекте учебной деятельности	
9	Развить критическое мышление можно только в процессе изучения профессиональных дисциплин	
10	Развитие критического мышления возможно, если оно системно включено во все дисциплины	

Интерпретация результатов: до 40 баллов – отрицательное отношение; 40-60 баллов – нейтральная позиция по проблеме; 60 и более – положительное отношение.

Анализ показал, что большая часть студентов, а именно 83%, относится положительно к развитию критического мышления в процессе учебной деятельности. Несмотря на это, 35% опрошенных, отвечая на вопрос № 9 указали максимальные баллы. В целом, большинство опрошенных признают необходимость развития критического мышления для профессиональной деятельности. На вопрос №6 50% опрошенных указали небольшие баллы, что объясняется тем, что у студентов не было на момент опроса опыта выполнения заданий на развитие критического мышления в рамках дисциплины «Иностранный язык».

Таблица 2

Анкета для преподавателей

№	Вопрос или утверждения	Баллы от 0 до 10
1	Приходилось ли вам решать задания на критическое мышление	
2	Критическое мышление необходимо всем, а не только ученому	
3	Современному специалисту необходимо развивать критическое мышление	
4	Решение задач на критическое мышление делает учебный процесс более интересным	
5	Студенту необходимо развивать критическое мышление в процессе обучения иностранному языку	
6	Личность студента обогащается через развитие критического мышления	
7	Приходилось ли вам использовать в работе со студентами задания на критическое мышление	
8	Готовы ли вы внедрить в свою практику задания на критическое мышление	
9	Необходимо ли вам пройти повышение квалификации по использованию заданий на критическое мышление в преподавании иностранного языка	
10	Развитие критического мышления возможно, если оно системно включено во все дисциплины	

Интерпретация оценки результатов: до 40 баллов – отрицательное отношение; 40-60 баллов – нейтральная позиция по проблеме; 60 и более – положительное отношение.

Анализ показал, что большая часть преподавателей, а именно 73%, относится положительно к развитию критического мышления студентов в процессе образовательной деятельности. 82% опрошенных на вопрос №2, №3, №6 и №10 указали максимальные баллы, чем признали необходимость

развития критического мышления в образовательной деятельности. Тем не менее, на вопрос 1, 5, 7 и 8 большинство преподавателей указало от 3 до 6 баллов, что объясняется сложностью подготовки заданий на критическое мышление по иностранному языку и недостаток времени на методическую подготовку. Положительным является тот факт, что большинство преподавателей, а именно, 82% в итоге признали данную проблему важной. Все они выразили желание принять участие в работе методологических семинаров по изучению проблемы развития критического мышления средствами иностранного языка у студентов ЮРИУ РАНХиГС.

В результате анализа зарубежного опыта по проблеме исследования развития мышления у студентов вузов и проведенного опроса среди студентов и преподавателей ЮРИУ РАНХиГС авторы пришли к следующему выводу: во-первых, развитие критического мышления является важной образовательной целью по направлению подготовки государственное муниципальное управление, менеджмент и экономика; во-вторых, обучение критическому мышлению не является легкой задачей, так как, прежде всего, сами преподаватели должны быть готовы к применению на практике заданий на критическое мышление; в-третьих, научить критически мыслить студентов - процесс развития, который требует тщательно спланированной учебной деятельности, прежде всего, сосредоточенной вокруг основных идей по ключевым дисциплинам образовательной программы, то есть на междисциплинарном подходе, и вслед за этим на наполнении учебного процесса соответствующим содержанием.

Литература

1. Astleitner, Hermann (2002) Teaching Critical Thinking Online // Journal of Instructional Psychology, V 01, p. 26-29.
2. Bloom, B. (1956). *A taxonomy of educational objectives. Handbook 1: Cognitive domain*. New York: McKay
3. Brodie P., Irving K. (2007). Assessment in work-based learning: investigating a pedagogical approach to enhance student learning. *Journal of Assessment & Evaluation in Higher Education*, 32(1), 11-19. doi:<http://dx.doi.org/10.1080/02602930600848218>
4. Casserly, M. (December 10, 2012) The 10 skills that will get you hired in 2013. Forbes. Retrieved from <http://www.forbes.com/sites/meghancasserly/2012/12/10/the-10-skills-that-will-get-you-a-job-in-2013/>
5. Chae Mi, L., Wyatt, N., Mariotz, E., & Browning-Samoni, L. (2012). Integrative thinking for business education: Interdisciplinary learning and assessment. *Business Education Innovation Journal*, 4(1), 5-13.
6. French, E., & Tracey, N. (2010). Critical thinking and organization theory: Embedding a process to encourage graduate capabilities. *E-Journal of Business Education & Scholarship of Teaching*, 4(1), 1-10. Retrieved from Education Research Complete, EBSCOhost
7. Gallon, M. R., Stillman, H. M., & Coates, D. (1995). Putting core competency thinking into practice. *Research Technology Management*, 38(3), 20-29. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/213808300?accountid=27965>.
8. Harris, T., & Hodges, R. (Eds.). (1995). *The Literacy Dictionary*, 48. Newark, DE: International Reading Association.
9. Howard, T. (2007). An analysis of the environment and competitive dynamics of management education. *The Journal of Management Development*, 26(1), 9-21. doi:10.1108/02621710710720040
10. Javidan, M. (1998). Core competence: What does it mean in practice? *Long Range Planning*, 31(1), 60-71. doi:10.1016/S0024-6301(97)00091-5
11. Lewis, A., & Smith, D. (1993). Defining higher order thinking. *Theory into Practice*, 32(3), 131-137.
12. Nikoopour J., Farsani M.A., and Maryam N., On the Relationship Between Critical Thinking and Language Learning Strategies Among Iranian EFL Learners // https://www.researchgate.net/publication/265753174_On_the_Relationship_Between_Critical_Thinking_and_Language_Learning_Strategies_Among_Iranian_EFL_Learners/link/54e7764f0cf277664ffaa6c7/download
13. Norris, S. P. (1985). Synthesis of research on critical thinking. *Educational leadership*, 42(8), 40-45.
14. Paul, R. W. (1992). Critical thinking: What, why, and how? *New Directions for Community Colleges*, 1992(77), 3-24.
15. Paulson, E. (2011). Group communication and critical thinking competence development using a reality-based project. *Business Communication Quarterly*, 74(4), 399-411. doi:10.1177/1080569911424484
16. Petress, K. (2004). Critical thinking: An extended definition. *Education*, 124(3), 461-466.
17. Scriven, M., & Paul, R. (2007). *Defining critical thinking*. The Critical Thinking Community: Foundation for Critical Thinking. Retrieved January 2, 2008, from http://www.criticalthinking.org/aboutCT/define_critical_thinking.cfm
18. Scriven, Michael (1997). «The methodology of evaluation». In Stake, R. E. *Curriculum evaluation*. Chicago: Rand McNally. American Educational Research Association (monograph series on evaluation, no).
19. Selmer, J., & Chiu, R. (2004). Required human resources competencies in the future: A framework for developing HR executives in Hong Kong. *Journal of World Business*, 39(4), 324-336. doi:10.1016/j.jwb.2004.08.001
20. Sternberg, R. J. (1986). *Critical thinking: Its nature, measurement, and improvement*. National Institute of Education. Retrieved from <http://eric.ed.gov/PDFS/ED272882.pdf>.
21. Thayer-Bacon, B. J. (2000). *Transforming critical thinking: Thinking constructively*. New York, NY: Teachers College Press.
22. The Star Online (2012). *Education system not producing thinking graduates, say experts*. Retrieved from <http://www.thestar.com.my/news/nation/2012/03/04/education-system-not-producing-thinking-graduates-say-experts/#W43ZYUYmPDh96SZS.99>
23. Young, M., & Warren, D. (2011). Encouraging the development of critical thinking skills in the introductory accounting courses using the challenge problem approach. *Issues in Accounting Education*, 26(4), 859-881. doi:10.2308/iace-50065

Kotova Nina Sergevna, Doctor of Philology, Prof., Candidate of Philosophical Sciences, Head of Cathedra of Foreign languages and speech communication, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Prof. of Cathedra of Educational Psychology, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: ninakotova@mail.ru

Gelpey Elena Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Prof. of Cathedra of Foreign languages and speech communication, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: mail2003@list.ru

Kotov Grigory Sergeevich, post-graduate at the Academy of Psychology and Pedagogics, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: Alamorf@yandex.ru

CRITICAL THINKING AS AN ESSENTIAL COMPETENCE FOR TRAINING TODAY'S MANAGERIAL STAFF

Abstract

Forming and developing critical thinking skill is a fundamental requirement to education in the modern world. This skill is essential for training managers with out- of- the -box thinking, who are capable of acting promptly, analyzing, predicting problems and taking correct decisions. It's critical thinking , which helps employees to be in demand on the labour market. The authors look at the need of Russian higher educational institutions in systematic, interdisciplinary approach to the formation and development of critical thinking on the example of RANEPА students and teachers.

Keywords: *critical thinking, managerial staff, interdisciplinary approach, skill, competence, employment, employers, intellectual processes, field of business.*

УДК 338

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-42-45

МЕХАНИЗМЫ ДОСТИЖЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕЗОНАНСА В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ ДОБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ

Маркин кандидат экономических наук, директор по развитию, ООО "Юг Регион
Олег Трейдинг" (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 144).
Владимирович E-mail: ovmarkin@tnk-bp.com.

Аннотация

В статье рассматривается проблема достижения управленческого резонанса в рамках инновационного взаимодействия участников единого замкнутого технологического цикла по созданию добавочной стоимости в нефтяной отрасли – от добычи нефти до этапа доставки продуктов ее переработки конечному потребителю. Основное внимание уделяется согласованию разнонаправленных интересов участников на каждом этапе технологической цепи (добыча нефти, транспортировка нефти, переработка нефти, транспортировка и реализация нефтепродуктов и т.д.), поскольку нахождение баланса указанных интересов является главным фактором эффективности всего процесса взаимодействия и достижения управленческого консенсуса в вопросах внедрения инноваций на всех этапах. Приведена примерная модель гармонизации управленческих решений, принимаемых участниками технологического взаимодействия в нефтяной отрасли, направленных на рост эффективности использования их потенциала.

Ключевые слова: *управленческий резонанс, участники технологического взаимодействия, нефтяная отрасль, баланс интересов, процесс создания добавочной стоимости, нефтегазовый комплекс, инновационные процессы, биржевой рынок, внедрение инноваций.*

В контексте императивов общенациональной модернизации наиболее ярко проблемы недоиспользования потенциала инноваций высвечиваются в базовых секторах экономики, в числе которых – нефтяная отрасль. Российский опыт убедительно верифицирует тот факт, что в нефтегазовом комплексе в целом и в его отраслевых составляющих существуют значительные проблемы, препятствующие модернизации, среди которых – не только неэффективность системы лицензирования, налогообложения, воспроизводства и охраны сырьевой базы отрасли, но также недостаточный уровень использования управленческого потенциала в рамках взаимодействия участников процесса создания добавочной стоимости. Складывающаяся в последние годы динамика экономических и производственных показателей отрасли свидетельствует о необходимости более эффективного использовании возможностей нефтедобывающих компаний и нефтеперерабатывающих предприятий несмотря на значительный рост связанных с этим экономических, инвестиционных, политических, экологических и других рисков. В этой связи возникает насущная необходимость в совершенствовании управления взаимодействием крупных компаний и предприятий нефтяной отрасли с использованием нового и адаптацией существующего инструментария управления указанным взаимодействием. Иными словами – достижения управленческого резонанса на всех этапах технологической цепи [4].

При этом следует отметить, что несмотря на большое количество публикаций в рамках очерченной проблематики [1, 2, 5-12], отсутствует целостная концептуальная разработка теоретико-методологических и практических вопросов, связанных с разработкой такого рода инструментария организации и управления хозяйственными образованиями в нефтяной отрасли в процессе технологического взаимодействия их участников, адаптированного к меняющимся экономическим условиям, в том числе мировым (продолжающиеся санкции).

Постоянно существующая угроза возникновения новых или усиления уже действующих санкций дает дополнительный толчок к использованию более совершенных технологий управления нефтяными компаниями, активизации инновационных процессов на всех технологических этапах в отрасли, повышению роли импортозамещения [3]. Такие действия важны в особенно чувствительных для стратегических интересов страны областях, в числе которых – нефтяная отрасль. Необходимо заметить, что американские ограничения являются более жесткими по сравнению с Евросоюзом, запретившим поставки в Россию технологий для глубокой добычи нефти, освоения арктического шельфа и разработки сланцевых нефтяных запасов.

Для решения проблем, сопряженных с негативным действием санкций, Министерство финансов России совершенствует налоговую реформу (в части пошлин на экспорт нефти, акцизов на нефтепродукты, компенсации повышения НДС и др.), а также проводит адаптивную финансово-экономическую политику, формируя тем самым пакет макроэкономических детерминант для менеджмента компаний и их подразделений – участников единой технологической цепи. Только при таком грамотном и эффективном управлении нефтяным сектором российской экономики возможно не только нивелирование негативных последствий экономической санкций, но также наращивание потенциала отрасли и получение определенных выгод.

Рассматривая проблему достижения управленческого резонанса на всех этапах технологического взаимодействия участников процесса получения добавочной стоимости, важно учитывать действующую в каждый конкретный период времени методологию формирования цен, поскольку несмотря на общепринятые методы расчета цены на нефть и нефтепродукты, у каждого участника она может существенно отличаться. Именно это обстоятельство является основным источником противоречивости и несогласованности интересов участников единой технологической цепи.

Поэтому только с 1986 г. стал на самом деле работать конкурентный принцип ценообразования. Непрозрачность нефтяного рынка является одной из важнейших проблем его ценообразования, что отражается и на деятельности менеджмента российских нефтяных компаний. Это имеет отношение в первую очередь к оценке базовых факторов – зависимости спроса и предложения, а также внебиржевых цен на нефть.

Создание эффективных инструментов хеджирования декларируется одной из первоочередных целей развития биржевого рынка деривативов. Помимо этого, одной из особенностей менталитета менеджеров нефтяных компаний является то, что под фактором риска они, как правило, подразумевают не всякое изменение цен (волатильность), а только ведущее к расходам. Значительное число независимых исследований в итоге выявляет, что производители хеджируют лишь несущественную часть своих рисков, коррелирующих с изменениями цен на нефть.

В нефтяной отрасли, как и во всех других, инновационные решения повышают эффективность работы компании на всех стадиях производства, начиная от добычи нефти и заканчивая реализацией нефтепродуктов. В условиях активного перехода российской экономики на инновационный путь развития и ухода от сырьевой модели, необходим соответствующий «инновационный» скачок именно в нефтегазовой отрасли.

В планах российского руководства намечена целевая поддержка инновационной деятельности компаний нефтяного сектора. По мнению руководителей крупных российских нефтяных компаний, проблема данного сектора находится в плоскости налоговой политики государства и расходов на НИОКР, а не дефицита идей или возможностей их осуществления. Законы не разрешают полностью учитывать расходы на НИОКР, а также информационные и консультационные услуги научно-технического характера при расчете налога на прибыль.

Основные мероприятия в рамках модернизации нефтяной отрасли на основе внедрения инноваций:

- преодоление спада и обеспечение умеренного роста добычи (производства) энергетических ресурсов при увеличении эффективности их использования за счет внедрения новейших технологий;
- увеличение глубины и эффективности переработки нефти с использованием новых технологий;
- использование экологически чистых технологий, достижение экологической приемлемости действующих и строящихся объектов нефтегазовой промышленности и энергопотребляющих установок;
- создание надежной сырьевой базы и обеспечение устойчивого развития нефтяного комплекса в условиях формирования рыночных отношений;
- энергосбережение и повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов.

Результаты проведенного анализа позволили сделать вывод о том, что традиционные российские ВИНК работают не в полной мере на экономику страны, несмотря на их значительные конкурентные преимущества. В этой связи автором проводилось сравнение кластерного образования и

компаний с вертикальной интеграцией с учетом того, что нефтяным кластерам присущи достоинства ВИНК, кроме того, такая форма интеграции имеет меньше недостатков.

Основные преимущества кластерной организации технологического взаимодействия участников по сравнению с ВИНК состоят в следующем.

Каждый участник кластера (как правило, это субъект определенного этапа технологической цепи создания добавочной стоимости), с одной стороны, обладает определенной самостоятельностью (в том числе юридической), с другой, является членом системы синергетических отношений в кластере, имея возможность получать значительно больший экономический эффект по сравнению с вариантом самостоятельного функционирования.

Как показывает мировой и российский опыт, кластерная модель технологического взаимодействия участников нефтяной отрасли повышает масштабы внедрения инноваций, в том числе управленческих, что дает возможность укреплять конкурентные позиции отрасли (компаний) на мировом рынке. Кластеры могут расширяться, формироваться и углубляться при различных изменениях внешней среды, но при неблагоприятных условиях возможен процесс распада и свертывания таких структур.

Высокий инновационный потенциал кластера позволяет существенно сократить совокупные и индивидуальные (отдельных участников кластера) затраты на разработку и коммерциализацию новшеств (продуктовых, технологических и управленческих) благодаря эффективной производственно-технологической структуре кластера и возможности достижения управленческого резонанса во всех его звеньях. Существуют две модели создания инновационно-ориентированного нефтяного кластера.

Первая модель базируется на идее создания вертикально-интегрированной структуры и ориентирована на задействование ресурсного потенциала уже функционирующей ВИНК, в которую входят как профильные, так и непрофильные (вспомогательные, обслуживающие) предприятия. Данная модель кластеризации ориентирована, во-первых, на существенный рост эффективности функционирования нефтяной отрасли и региона (регионов) локализации деятельности кластера; во-вторых, на скорейшую адаптацию участников кластера к нестабильным факторам внешнего окружения и национальным императивам.

Вторая модель кластеризации в нефтяной сфере – это формирование производственно-инновационного кластера, в рамках которого взаимодействие участников отдельных этапов технологической цепи создания добавочной стоимости осуществляется по принципу вертикальных (цепь покупок и продаж) и горизонтальных связей (трансфер новых технологий добычи нефти, ее транспортировки, переработки, хранения, реализации нефтепродуктов и др.). Именно «взаимодействие внутри инновационного кластера, способность его участников эффективно использовать внутренние и мобилизовать внешние ресурсы влияет на его конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках. В эффективно функционирующих инновационных кластерах ускоряется инновационный процесс, а у участников кластера развиваются такие преимущества, как восприимчивость к инновациям, рационализация бизнеса, опережающий рост производительности и т.д.» [5].

Основной целью системы межкластерного информационного воздействия выступает повышение уровня инновационности действующих хозяйствующих субъектов, а также их инновационно-технологической сбалансированности, достижение управленческого резонанса и синергетического эффекта, который возникает в процессе их взаимодействия. Для повышения эффективности взаимодействия участников важно использовать потенциал единого информационного пространства кластера.

В последние годы происходит движение от коммодитизации к дальнейшей финансовализации рынка нефти. Образованы глобальные институты бумажного рынка нефти, возник целый спектр финансовых продуктов и т.п. Все это послужило тому, что сырая нефть из материального товара превращается в глобальный финансовый актив. Цены определяются за пределами собственно нефтяного рынка за счет горизонтальных перетоков огромных масс ликвидных финансовых ресурсов между разными секторами рынка, частью которого стал рынок бумажной нефти.

Таким образом, нефтегазовый комплекс России имеет все необходимые ресурсы для обеспечения высокой конкурентоспособности на мировом рынке. Но чтобы эта ситуация была стабильной, необходимы усилия как со стороны нефтяных компаний, так и государства.

Литература

1. *Балашова Е.С., Гнездилова О.И.* Совершенствование нормативно-правового обеспечения науки и промышленности как определяющее условие реализации инновационного сценария развития России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 12. № 2. С. 263 – 278.
2. *Дорошенко Ю.А., Сомина И.В.* Оценка трендов и структурных гармоний инвестиционного обеспечения инновационной деятельности малых предприятий России // Креативная экономика. 2015. Т. 9. № 4. С. 461 – 472.
3. *Маркин О.В.* Инновации в нефтяном секторе российской экономики: практика, факторы развития, перспективы // Гуманитарные и социально-экономические науки. СКНЦ ВШ ЮФУ. 2010. № 6. С. 152 – 156.

4. *Матвеева Л.Г., Маркин О.В.* Организационные и управленческие решения в нефтяном комплексе России в условиях модернизации. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011.
5. Прогнозирование, планирование и моделирование: междисциплинарный подход и конвергенция знаний. Коллективная монография. Самара: ООО «Офорт», НОУ ВПО «Самарский институт – Высшая школа приватизации и предпринимательства». 2015.
6. Технологии и инструменты эффективного использования ресурсного потенциала промышленности. Коллективная монография / Под ред. Л.Г. Матвеевой, А.Ю. Никитаевой. Ростов-на-Дону-Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 190 с.
7. *Чернова О.А., Иванов А.В.* Модели интеграционного сотрудничества промышленных предприятий: возможности роста капитализации // Инженерный вестник Дона. 2015. Т. 34. № 1-2. С. 27 – 33.
8. *Чернова О.А.* Оценка целесообразности импортозамещения в производственно-технологических цепочках // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 1 (85). С. 112 – 123.
9. *Balashova E.S., Gromova E.A.* Agile manufacturing as a promising concept for Russian industry // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2018. 393(1),012095.
10. *Balashova E., Gromova E.* Russian industrial sector in the conditions of the Fourth Industrial Revolution // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2018. 404(1),012014.
11. *Doroshenko Y.A., Malykhina I.O., Somina I.V.* Studying the mechanism of infrastructure support of high-tech business as an integrator of innovation-investment development // Espacios. 2018. 39(47).
12. *Doroshenko, Y.A., Malykhina, I.O., Somina, I.V.* Problems and prospects of scaling of high-tech-business as an innovative investment driver of economic systems development // Espacios. 2018. 39(47).

Markin Oleg Vladimirovich, Candidate of Economic Science, Director on Development, LLC "South Region trading" (144, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: ovmarkin@tnk-bp.com

MECHANISMS FOR ACHIEVING MANAGERIAL RESONANCE IN THE FRAMEWORK OF INTERACTION BETWEEN PARTICIPANTS IN THE PROCESS OF CREATING ADDED VALUE IN THE OIL INDUSTRY

Abstract

The article deals with the problem of achieving managerial resonance in the framework of innovative interaction of participants of a single closed technological cycle to create added value in the oil industry – from oil production to the stage of delivery of products of its processing to the final consumer. Focuses on reconciling divergent interests of participants at each stage of technological chain (oil production, oil transportation, oil refining, transportation and marketing of petroleum products, etc.), since the balance of these interests is a major factor in the effectiveness of the whole process of interaction and achieve managerial consensus in the implementation of innovations at all stages. An approximate model of harmonization of management decisions taken by participants of technological interaction in the oil industry, aimed at increasing the efficiency of their potential.

Keywords: *employment management resonance, participants of technological interaction, oil industry, balance of interests, process of creation of additional value, oil and gas complex, innovative processes, stock exchange market, innovation introduction, employers, intellectual processes, sphere of activity.*

References

1. Balashova E.S., Gnezdilova O.I. Sovershenstvovanie normativno-pravovogo obespecheniya nauki i promyshlennosti kak opredelyayushchee uslovie realizatsii innovatsionnogo scenariya razvitiya Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. 2017. Т. 12. № 2. P. 263 – 278.
2. Doroshenko YU.A., Somina I.V. Ocenka trendov i strukturnykh garmonij investitsionnogo obespecheniya innovatsionnoy deyatelnosti malyykh predpriyatij Rossii // Kreativnaya ekonomika. 2015. Т. 9. № 4. P. 461 – 472.
3. Markin O.V. Innovatsii v neftyanom sektore rossijskoj ekonomiki: praktika, factory razvitiya, perspektivy // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. SKNC VSH YUFU. 2010. № 6. P. 152 – 156.
4. Matveeva L.G., Markin O.V. Organizatsionnye i upravlencheskie resheniya v neftyanom komplekse Rossii v usloviyah modernizatsii. Monografiya. Rostov n/D.: Izd-vo YUFU, 2011.
5. Prognozirovaniye, planirovaniye i modelirovaniye: mezhdisciplinarnyy podhod i konvergentsiya znanij. Kollektivnaya monografiya. Samara: ООО «Офорт», НОУ ВПО «Самарский институт – Высшая школа приватизации и предпринимательства». 2015.
6. Tekhnologii i instrumenty effektivnogo ispol'zovaniya resursnogo potentsiala promyshlennosti. Kollektivnaya monografiya / Pod red. L.G.Matveevoy, A.YU.Nikitaevoy. Rostov-na-Donu-Taganrog: Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 190 p.
7. CHernova O.A., Ivanov A.V. Modeli integratsionnogo sotrudnichestva promyshlennykh predpriyatij: vozmozhnosti rosta kapitalizatsii // Inzhenernyy vestnik Dona. 2015. Т. 34. № 1-2. P. 27 – 33.
8. CHernova O.A. Ocenka celesoobraznosti importozameshcheniya v proizvodstvenno-tekhnologicheskikh ce-pochkah // Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. 2018. № 1 (85). P. 112 – 123.
9. Balashova E.S., Gromova E.A. Agile manufacturing as a promising concept for Russian industry // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2018. 393(1), 012095.
10. Balashova E., Gromova E. Russian industrial sector in the conditions of the Fourth Industrial Revolution // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2018. 404(1), 012014.
11. Doroshenko Y.A., Malykhina I.O., Somina I.V. Studying the mechanism of infrastructure support of high-tech business as an integrator of innovation-investment development // Espacios. 2018. 39(47).
12. Doroshenko, Y.A., Malykhina, I.O., Somina, I.V. Problems and prospects of scaling of high-tech-business as an innovative investment driver of economic systems development // Espacios. 2018. 39(47).

УМНЫЙ МОНИТОРИНГ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Матвеева Людмила Григорьевна** доктор экономических наук, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88); главный научный сотрудник, Российский информационно-аналитический и научно-исследовательский водохозяйственный центр (344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Филимоновская, 174). E-mail: matveeva_lg@mail.ru
- Чернова Ольга Анатольевна** доктор экономических наук, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88); ведущий научный сотрудник, Российский информационно-аналитический и научно-исследовательский водохозяйственный центр (344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Филимоновская, 174). E-mail: chernova.olga71@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению роли и места умного мониторинга водных объектов в системе регионального управления в условиях информатизации и цифровизации экономики. Мониторинг водных ресурсов должен быть умным, то есть носить не только и не столько экологический, сколько эколого-экономический и информационный характер и быть основан на использовании умных технологий, способных обеспечить возможности оперативного сбора, качественной обработки и эффективного использования большого массива данных. В целях регионального стратегирования предложено использовать показатели, характеризующие экстенсивное и интенсивное использование водных ресурсов. Сочетание данных показателей позволяет получить динамический портрет территории в целях совершенствования процессов управления ее водными объектами.

Ключевые слова: водные ресурсы, региональное управление, эколого-экономический мониторинг, умные технологии, экстенсивное и интенсивное использование водных ресурсов, водные объекты, водохозяйственная система, природные ресурсы, водохозяйственная политика.

Задача обеспечения сбалансированного развития экономической и экологической систем региона определяет необходимость осуществления непрерывного мониторинга объектов водного бассейна с точки зрения выявления и отслеживания реальных и потенциальных возможностей и угроз социально-экономического роста, продуцируемых системой водного хозяйства региона. Потенциальные возможности водохозяйственной системы региона формируются в определяющей степени объективным образом в соответствии с имеющимися природными ресурсами данного вида, а также во многом зависят от качества проводимой в регионе водохозяйственной политики по рациональному распределению водных ресурсов. Угрозы же детерминируются в наибольшей степени качеством управления водным хозяйством региона, а также природно-климатическими условиями каждого конкретного календарного года. Это объясняется тем, что несмотря на существующую мировую статистику, в соответствии с которой Россия является одной из самых водоемких стран, в каждом отдельно регионе существует проблема ограниченности водных ресурсов. Последнее связано, во-первых, с крайне неравномерным распределением природных источников водных ресурсов по территории страны, во-вторых, с неудовлетворительной практикой их распределения, в-третьих, с наличием дополнительной потребности в воде практически у всех ее потребителей, которая тестируется после их нормативного водообеспечения. Эти обстоятельства объективного и субъективного характера еще раз свидетельствуют в пользу проведения непрерывного, объективного и качественного мониторинга водных объектов региона.

Согласно Водному кодексу РФ, «государственный мониторинг водных объектов проводится с целью поддержания определенного уровня экологической безопасности, эффективного водообеспечения и рационального использования водных ресурсов в условиях устойчивого развития хозяйственной деятельности»¹. Соответственно комплексная оценка водных ресурсов включает анализ показателей их состояния и качества воды, берегов и дна водных объектов, подземных источников, а также объемов вод, используемых при потреблении и отведении. В рамках существующего регионально-бассейнового подхода к управлению водными ресурсами [2, 5] такой мониторинг осуществляется в границах бассейновых округов. При этом для осуществления наблюдений за водными объектами и прилегающими к ним территориями в последнее время все большее применение находят современные цифровые (умные) технологии [6, 7]. Это позволяет говорить о проведении «умного мониторинга» водных объектов.

Безусловно, качество и режим использования водных ресурсов, прежде всего, должны исследоваться с позиции учета критериев экологической безопасности территории, что и входит в числе приоритетов мониторинга. Однако следует признать, что состояние водных ресурсов и характер

¹ «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Ст.30. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/06b9ca5cb884b7a7c926a03aede80c275d79e077/

водопотребления имеют не только важное экологическое, но и социально-экономическое значение, детерминируя как природные, так и разнообразные хозяйственные риски в региональных системах. Это обуславливает актуальность решения исследовательской задачи, поставленной в данной статье: рассмотрение роли и места умного мониторинга водных объектов в системе регионального управления в условиях информатизации и цифровизации экономики.

Существующая в настоящее время система мониторинга водных объектов региона предоставляет важную информацию для проведения научного обоснованного регионального планирования и управления, поскольку вода является системообразующим и стратегическим ресурсом экономической системы региона [1, 4, 9, 10]. Как показывает практика последнего времени, умные технологии, способные обеспечить возможности оперативного сбора, качественной обработки и эффективного использования большого массива данных, находят все больше применение и в мониторинге водных объектов, отличающихся значительной протяженностью и большой площадью даже в рамках отдельных водных бассейнов. В связи с этим в последние годы в мониторинге водных ресурсов используются, как отмечалось выше, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), данные картографической съемки спутниковых систем, ГИС-технологии.

Результаты мониторинга водных объектов имеют широкий спектр применения при решении разного рода задач, сопряженных с функционированием водохозяйственных систем и водохозяйственных комплексов регионов. В частности, по результатам мониторинга определяется степень достижения установленных целевых показателей использования водных ресурсов по разработанной системе индикаторов. На основе этих данных формируются мероприятия по достижению целевых показателей состояния водных ресурсов, определяются лимиты и квоты на забор воды из водных объектов и сброс сточных вод, составляются водохозяйственные балансы бассейнов рек. Кроме этого, водохозяйственного, направления, результаты мониторинга водных объектов региона предоставляют важнейшую информацию для проведения научного обоснованного регионального планирования и управления, поскольку вода является системообразующим и стратегическим ресурсом экономической системы региона.

Однако, несмотря на то, что при проведении мониторинга водных ресурсов собирается информация, отражающая многие стороны хозяйственной деятельности территории, система мониторинга водных объектов региона существует относительно обособлено от системы мониторинга показателей социально-экономического развития территории. Получаемые в ней данные не всегда возможно использовать для формирования аналитических материалов о рациональности водопользования и водопотребления в социально-экономической системе региона. Кроме того, отмечаемое специалистами Российского информационно-аналитического и научно-исследовательского водохозяйственного центра отсутствие привязки информации системы мониторинга водных ресурсов к геоинформационной основе, не позволяющее сформировать картографические материалы [8], соответственно не дает возможности пространственных сравнений в разрезе отдельных территорий с концентрацией на них определенных производств – потребителей водных ресурсов.

В то же время, практика регионального стратегирования предполагает необходимость гармонизации процессов водообеспечения и социально-экономического развития территории [3], что может выражаться:

- в рациональном распределении водных ресурсов между отраслями и сферами деятельности с учетом водоемкости производства и стратегических интересов регионального развития;
- в совершенствовании системы согласования и нахождения баланса интересов между субъектами водопользования – важнейшей проблемы в системе водного хозяйства региона;
- в использовании технологий повторного (оборотного) использования водных ресурсов;
- в снижении потерь воды при транспортировке и в процессе ее потребления.

Осуществление умного мониторинга, по мнению авторов данной статьи, позволяет обеспечить достижение указанных целей гармонизации на основе конвергенции регионального и бассейнового подходов (рис. 1). В результате обеспечивается управление водными ресурсами в экологическом, социально-экономическом аспектах (как экологическое мероприятие, как экономическое мероприятие и как условие жизнедеятельности).

В этой связи следует отметить, что мониторинг водных ресурсов должен носить не только и не столько экологический, сколько эколого-экономический и информационный характер. При этом, говоря о качестве водных ресурсов, следует понимать их физико-химические свойства, которые, с одной стороны, «отвечают требованиям существования и воспроизводства видов, адаптированных в процессе эволюционного развития к существованию в условиях конкретного водоема» [4], с другой стороны, соответствуют различным видам производственной и иной деятельности.

Суть авторской идеи интегрирования системы умного мониторинга водных ресурсов в систему регионального управления состоит в том, что в условиях стратегических императивов ресурсосбережения и ресурсоэффективности стратегия промышленной специализации региона должна

базировавшись на рациональном водопользовании, обеспечивая не только продуктивность и конкурентоспособность региональной экономики, но и выход на траекторию ускоренного экономического роста. При этом при разработке такой стратегии должны быть использованы знания третьего вида с акцентом на транспарентность информации о результатах взаимодействия многочисленных акторов водохозяйственной системы региона – менеджеров собственно водохозяйственного комплекса, представителей государственного управления, промышленности, общества и пр.

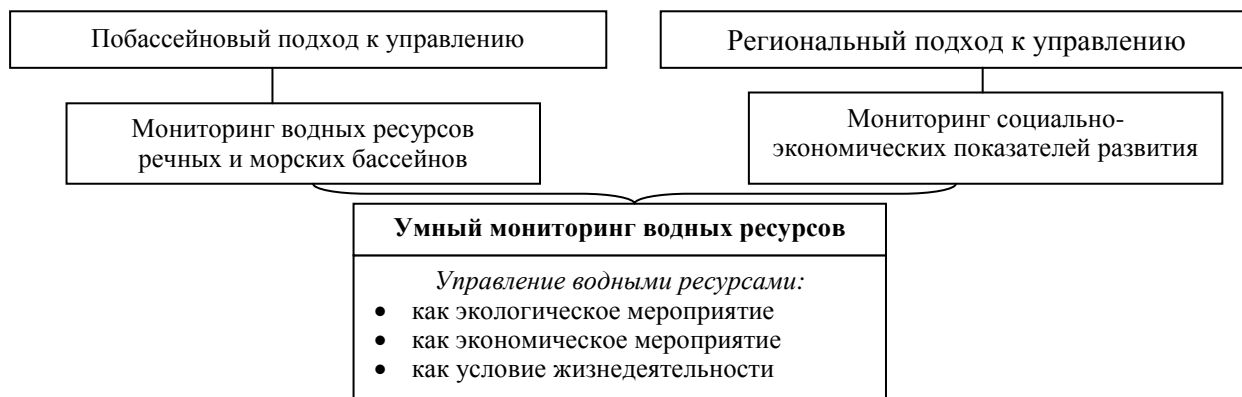

Рис. 1. Конвергенция побассейнового и регионального подходов к управлению водными ресурсами региона

Нелинейность процессов создания и использования таких знаний ставит задачу исследования возможности их использования за пределами некой исходной области. Так, органы регионального управления могут использовать знания показателей мониторинга водных объектов для выявления реальных перспектив получения максимально возможных социальных и экономических эффектов при рациональном использовании водных ресурсов.

В совокупности показателей мониторинга водных ресурсов в целях регионального стратегирования можно выделить показатели, характеризующие экстенсивное и интенсивное использование водных ресурсов в экономике региона. Например, в качестве экстенсивных показателей можно использовать: объемы водопотребления по отраслям и сферам деятельности, объемы сброса сточных вод и т.п. Интенсивными показателями использования водных ресурсов являются: объемы повторного (оборотного) водопотребления, а также водоемкость производства предприятий отдельных отраслей и сфер деятельности.

Сочетание экстенсивных и интенсивных показателей использования водных ресурсов в регионе, позволяет получить не только полную и систематизированную информацию об их состоянии и использовании, но также проводить дифференциацию и ранжирование отдельных территорий одного региона по уровню их водообеспеченности, качеству использования водных ресурсов с позиции рациональности водопотребления.

Кроме того, с использованием этих данных появляется возможность у лица, принимающего решения как тактического (оперативного), так и стратегического характера, определять лимитирующие компоненты в самой системе распределения водных ресурсов по экстенсивным и интенсивным показателям. Иными словами, работа с траекториями точек, отражающих изменение показателей использования водных ресурсов, позволяет сформировать так называемый «динамический портрет» водохозяйственной системы региона как важной составляющей системы регионального управления и стратегирования (рис. 2).

Экстенсивное водопотребление	высокое	Развитие на основе расточительного водопотребления в экономике региона	Гармоничное развитие водохозяйственной и социально-экономической систем региона
	низкое	Неэффективное развитие водохозяйственной системы в условиях отсталой и депрессивной экономики	Интенсивное развитие отдельных отраслей и сфер деятельности при наличии структурных деформаций в экономике региона
		низкое	высокое
Интенсивное водопотребление			

Рис. 2. Характеристика развития водохозяйственной системы региона как составляющей системы регионального управления

Таким образом, умный мониторинг водных объектов позволяет решить ряд важных задач в системе регионального управления:

– упрощает взаимодействие между участниками региональной системы в отношении использования имеющихся водных ресурсов;

- унифицирует и оптимизирует форму данных взаимодействий;
- повышает степень оперативности и скоординированности совместной деятельности в отношении рационального использования водных ресурсов региона;
- формирует единое поле стандартов использования водных ресурсов по реализуемым региональным проектам.

В целом можно сказать, что роль умного мониторинга в системе регионального управления проявляется на следующих уровнях: стратегическом, структурном, организационном, технологическом.

На стратегическом уровне это выражается в том, что использование цифровых технологий в мониторинге обеспечивает возможность повышения эффективности использования водных ресурсов исходя из стратегических представлений о росте потенциала конкурентоспособности территории. Основным стратегическим ресурсом является вода, оптимальное использование которого ведет к ускорению деловых циклов.

На структурном уровне умный мониторинг обеспечивает эффективное равноправное взаимодействие региональных субъектов в отношении рационального водопотребления.

На организационном уровне технологии умного мониторинга позволяют построить взаимодействия, основанные на идеях, компетентности и партнерстве.

На технологическом уровне умного мониторинга в системе регионального управления проявляется в возможности динамического моделирования процессов социально-экономического развития региона, а также возможность постоянного совершенствования процессов управления водными объектами в режиме реального времени.

Литература

1. *Вишневецкий В.Ю.* Проектирование системы мониторинга водных ресурсов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2004. №6. С. 207 – 209.
2. *Данилов-Данильян В.И., Пряжинская В.Г.* Экономические и территориальные аспекты управления водохозяйственным комплексом России. М.: РАСХН, 2013. 311 с.
3. *Косолапова Н.А., Косолапов А.Е., Матвеева Л.Г., Чернова О.А.* Рациональность использования водных ресурсов в экономике горных территорий Северного Кавказа // Устойчивое развитие горных территорий. 2018. № 1 (35). С.48 – 62.
4. *Моисеенко Т.И.* Водные ресурсы Евро-Арктического региона и ключевые проблемы изменения их качества // В сборнике. «Кольскому научному центру РАН – 70 лет»: Природопользование в Евро-Арктическом регионе опыт XX века и перспективы. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2002. 487 с.
5. *Молотов В.С., Гомбоев Б.О., Зомонова Э.М.* Совершенствование системы управления в сфере использования, охраны и модернизации водохозяйственного комплекса России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. №4. С. 204 – 210.
6. *Фонтана К.А., Ерзнкян Б.А.* Анализ информационных систем инновационного управления организациями городского водохозяйственного комплекса // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. №4. С. 157 – 163.
7. *Чепрасова А.С., Кузеванов К.К.* Автоматизация обработки данных локального мониторинга нефтяного загрязнения для повышения эффективности охраны водных ресурсов // Вестник науки Сибири. 2011. № 1 (1). С. 30 – 38.
8. *Чмыхов А.А., Калиманов Т.А., Косолапов А.Е.* Информационное обеспечение в системе Росводресурсов: современное состояние и перспективы развития // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции "Водные ресурсы России: современное состояние и управление", Сочи, 8-14 октября 2018 г. Новочеркасск: Лик, 2018. С. 51 – 59.
9. *Шикломанов И.А., Бабкин В. И., Балонишникова Ж. А.* Водные ресурсы, их использование и водообеспеченность в России: современные и перспективные оценки // Водные ресурсы. 2011. Т. 38. № 2. С. 131–141.
10. *Chernova O. A., Matveeva L. G., Kosolapova N. A., Kosolapov A. E.* Assessment of water resources use efficiency basid on the GRP water intensity indicator // Regional Statistics. Vol. 8. No. 2. 2018. P. 154-169. DOI: 10.15196/RS080201

Matveeva Lyudmila Grigoryevna, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Information Economics, Southern Federal University (88, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Chief Research Officer, Russian Information Analytical and research water management center (174, Filimonovskaya str., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: matveeva_lg@mail.ru

Chernova Olga Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Information Economics, Southern Federal University (88, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); leading researcher, Russian Information Analytical and research water management center (174, Filimonovskaya str., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: chernova.olga71@yandex.ru

SMART MONITORING OF WATER BODIES IN THE REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM

Abstract

The article is devoted to the role and place of smart monitoring of water bodies in the system of regional management in the conditions of informatization and digitalization of the economy. Monitoring of water resources should be smart, that is, it should be not only and not so much ecological, as ecological-economic and informational in nature and be based on the use of smart technologies that can provide opportunities for rapid collection, quality processing and effective use of

a large array of data. For the purpose of regional strategizing it is offered to use the indicators characterizing extensive and intensive use of water resources. The combination of these indicators allows to obtain a dynamic portrait of the territory in order to improve the management of its water bodies.

Keywords: water resources, regional governance, environmental-economic monitoring, smart technologies, extensive and intensive use of water resources, water bodies, water management system, natural resources, water policy.

References

1. Vishneveckij V.YU. Proektirovanie sistemy monitoringa vodnyh resursov // Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki. 2004. №6. P. 207 – 209.
2. Danilov-Danil'yan V.I., Pryazhinskaya V.G. Ekonomicheskie i territorial'nye aspekty upravleniya vodohozyajstvennym kompleksom Rossii. M.: RASKHN, 2013. 311 p.
3. Kosolapova N.A., Kosolapov A.E., Matveeva L.G., Chernova O.A. Racional'nost' ispol'zovaniya vodnyh resursov v ekonomike gornyh territorij Severnogo Kavkaza // Ustojchivoe razvitie gornyh territorij. 2018. № 1 (35). P. 48–62.
4. Moiseenko T.I. Vodnye resursy Evro-Arkticheskogo regiona i klyuchevye problemy izmeneniya ih ka-chestva // V sbornike. «Kol'skomu nauchnomu centru RAN – 70 let»: Prirodopol'zovanie v Evro-Arkticheskom regione opyt HKH veka i perspektivy. Apatity: Izd-vo KNC RAN, 2002. 487 p.
5. Molotov V.S., Gomboev B.O., Zomonova E.M. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya v sfere ispol'zovaniya, ohrany i modernizacii vodohozyajstvennogo kompleksa Rossii // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2011. №4. P. 204-210.
6. Fontana K.A., Erznkyan B.A. Analiz informacionnyh sistem innovacionnogo upravleniya organizaciyami gorodskogo vodohozyajstvennogo kompleksa // Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2018. №4. P. 157 – 163.
7. Sheprasova A.S., Kuzevanov K.K. Avtomatizatsiya obrabotki dannyh lokal'nogo monitoringa neftyanogo zagryazneniya dlya povysheniya effektivnosti ohrany vodnyh resursov // Vestnik nauki Sibiri. 2011. №1 (1). P. 30–38.
8. Chmyhov A.A., Kalimanov T.A., Kosolapov A.E. Informacionnoe obespechenie v sisteme Rosvodresursov: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Vodnye resursy Rossii: sovremennoe sostoyanie i upravlenie", Sochi, 8-14 oktyabrya 2018 g. Novocherkassk: Lik, 2018. P. 51 – 59.
9. Shiklomanov I.A., Babkin V. I., Balonishnikova Zh. A. Vodnye resursy, ih ispol'zovanie i vodoobespechennost' v Rossii: sovremennye i perspektivnye ocenki // Vodnye resursy. 2011. T. 38. № 2. P. 131–141.
10. Chernova O. A., Matveeva L. G., Kosolapova N. A., Kosolapov A. E. Assessment of water resources use efficiency basid on the GRP water intensity indicator // Regional Statistics. Vol. 8. No. 2. 2018. P. 154-169.

УДК 332

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-50-54

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИЙ

- Мишурова Ирина Владимировна** доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой антикризисного и корпоративного управления, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69). E-mail: irina.mishurova@gmail.com
- Николаева Наталья Васильевна** кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: Natalinikolaewa@yandex.ru
- Павлюкова Антонина Викторовна** доктор экономических наук, профессор кафедры управления и экономики таможенного дела, Ростовский филиал Российской таможенной академии, (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденовский, 20). E-mail: bikova_t@list.ru

Аннотация

Современные методы подготовки прогнозов и планов стратегического развития регионов базируются на использовании форсайт-технологий. Эта технология позволяют не только вовлечь все заинтересованные стороны в процесс прогнозирования, обеспечить качество принятия управленческих решений, но и консолидировать усилия участников гражданского общества. Апробация технологии форсайта на примере выбора концепции проведения делового форума для предпринимателей разных масштабов деятельности показала возможности выбора приоритетного решения с учетом мнения руководителей и специалистов из организаций, отвечающих за поддержку малого и среднего предпринимательства и руководителей предпринимательских структур.

Ключевые слова: региональное развитие, форсайт, управление регионом, инструментарий форсайта, стратегия развития территории, национальная конкурентоспособность, стратегическое и индикативное планирование, деловой форум, деловой имидж.

Введение. Проблематика стратегического развития и обеспечения конкурентоспособности регионов в течение длительного периода носит актуальный характер для всех территорий нашей страны. Большинство регионов и крупных городов приняли программы по стратегии развития своих территорий, при этом весьма значимым остается вопрос об инструментарно-методическом обеспечении решения данной проблемы. Для достижения цели успешного социально-экономи-

ческого и научно-технического развития региона необходимы совместные усилия властных и предпринимательских структур. Наиболее подходящим инструментом для решения этой сложной задачи является такая технология, как форсайт¹ [1-4, 7-8].

Традиционный подход к форсайту предполагает разнообразные области его применения. Большая часть исследовательской и практической работы, проделанной до настоящего времени, была сосредоточена на проблемах его использования для повышения национальной конкурентоспособности, особенно в определении приоритетов в различных областях технологического развития. Тем не менее, форсайт часто используется для решения социальных, политических и культурных проблем, как национальном, так и региональном и корпоративном уровне [1, 2, 6, 8].

Технология форсайта предполагает как подготовку аналитических прогнозов социально-экономического развития выбранного объекта исследования, так и построение альтернативных сценариев развития ситуации. Дополнительную ценность данной технологии придает то обстоятельство, что для выработки экспертного мнения объединяются усилия заинтересованных в процессе изменений сторон.

Методы исследования. Аккумулированы данные различных исследований и существующего опыта использования регионального форсайта, использована методология мозгового штурма и SWOT-анализа.

Обсуждение и результаты. Участники круглого стола «Региональный форсайт: возможности и перспективы применения в России», прошедшего в Институте современного развития еще в 2010 г., сошлись во мнении, что без форсайта ни одна стратегия или программа развития региона работать не будет. Это мнение совпадает и с тем важным обстоятельством, что в настоящее время в 50 странах – членах ОЭСР форсайт-технологии считаются обязательным инструментом выработки научно-технологической и инновационной политики. Кроме этого, к государствам, желающим присоединиться к Евросоюзу, предъявляется условие подготовки регионального форсайта в рамках Лиссабонской стратегии [7].

Однако единого мнения по поводу определения форсайта нет. Так Владимир Третьяк определяет форсайт как «технология долгосрочного прогнозирования крупномасштабных процессов, основанных на обработке коллективных экспертных оценок, получаемых от различных слоёв общества, готовых активно содействовать реализации формируемого будущего» [7]. Тогда как, Александр Агеев, генеральный директор Института экономических стратегий говорит о форсайте, как инструменте стратегического управления развитием регионов. При этом он считает его только «одним из методов прогнозирования, способом упаковки информации о будущем», повышающим качество подготовки стратегических решений, затрагивающих регионы².

Технология форсайт-исследований базируется на различных модификациях метода экспертных оценок, таких, как: метод Дельфи, метод сценариев, мозговой штурм, SWOT-анализ, предполагающие обратную связь с экспертами [7; 9]. Исходя из этого, по мнению авторов, следует рассматривать форсайт как комплекс экспертных методов для разработки прогнозов и планов стратегического развития территорий.

Для эффективного использования форсайта в рамках разработки проектов стратегического развития регионов необходима дальнейшая модификация и расширение этих методов, в частности, в рамках таких подходов, как стратегические сессии [7; 10].

Чтобы прогнозировать и управлять региональным развитием, властным структурам необходимо стратегическое и индикативное планирование, социальный и экономический аудит региона, возможность сравнения альтернативных вариантов, экспертная оценка. Тем не менее, эти вопросы часто выходят за рамки интересов исследователей и практиков регионального развития [5].

Для апробации форсайт-технологии и оказания консалтинговой поддержки Департаменту инвестиций и предпринимательства Правительства Ростовской области была проведена стратегическая сессия по проблеме трансформации ежегодного делового форума в Ростовской области «Бизнес Дона» с сотрудниками Министерства экономики Ростовской области и руководителями органов поддержки предпринимательства (модератор Мишурова И.В.). Основной целью было расширение числа участников делового форума – предпринимателей разных отраслей и масштабов деятельности из других регионов России и повышение делового имиджа региона.

На первом этапе мозгового штурма, посвященного созданию новой концепции делового форума, были высказаны 62 идеи для выбора тематики форума. После ранжирования по степени важности, критерии оценки идей расположились следующим образом:

¹ Форсайт, Электронный ресурс. Материалы сайта РОСНАНО [Режим доступа]: <http://www.rusnano.com/Section.aspx/Show/14504>; Форсайт-центр ГУ-ВШЭ: Электронный ресурс. - [Режим доступа]: <http://foresight.hse.ru>

² Форсайт-центр ГУ-ВШЭ: Электронный ресурс. - [Режим доступа]: <http://foresight.hse.ru>

- повышение статуса форума;
- привлекательность для предпринимателей;
- привлекательность для посетителей;
- заинтересованность "первых" лиц регионов;
- экономическая эффективность форума (выход на самоокупаемость за 2-3 года);
- оригинальность темы форума.

На следующем этапе, с помощью выбранных критериев, были отсеяны неподходящие темы, а оставшиеся были сгруппированы в более общие направления. Оставшиеся после отбора темы были объединены в 9 концепций форума:

1. Молодежное предпринимательство (в т.ч. «Хочу стать предпринимателем!»).
2. Субконтракция (в т.ч.: связь крупного и малого бизнеса, франчайзинг, бизнес-инкубаторы, индустриальные и технопарки).
3. Социальная ответственность и культура бизнеса (в т.ч.: социальное предпринимательство, многонациональность, общественная позиция бизнеса, бизнес и жизнь, роль личности в бизнесе).
4. Образование и кадры для бизнеса (в т.ч.: инфраструктура высших и средних специальных учебных заведений, кадровый потенциал, взаимодействие бизнеса и высших и средних учебных заведений, роль личности в бизнесе, обмен опытом).
5. Межрегиональное сотрудничество (в т.ч.: геополитическое положение, глобализация экономики, обмен опытом, внешнеэкономическая деятельность).
6. Инвестиции (в т.ч.: государственно-частное партнерство, кредитно-денежная политика, бизнес и власть, технопарки и индустриальные парки, бизнес-инкубаторы).
7. Поддержка бизнеса (в т.ч.: формы поддержки и защита бизнеса, информационные технологии для бизнеса, защита информации, страхование бизнеса, риски в предпринимательстве, кредитно-денежная политика, гарантийные фонды).
8. Бизнес и власть (в т.ч.: субконтракция, поддержка бизнеса, бизнес-климат, роль государства в бизнесе, государственно-частное партнерство, кредитно-денежная политика).
9. Сделано в России.

Идея делового форума «Сделано в России» родилась в ходе оценки сделанных предложений, что показывает ценность коллегиального обсуждения информированными участниками. Данная концепция, по сути, объединила в себе такие идеи, как «Молодежное предпринимательство» «Межрегиональное сотрудничество» «Инвестиции» и получила в ходе дальнейшего обсуждения наивысший приоритет.

SWOT-анализ идеи проведения всероссийского форума «Сделано в России», получившей наивысший приоритет в ходе мозгового штурма (табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ форума «Сделано в России»

<p>Сильные стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> • новое название; • патриотизм; • оригинальность концепции; • привлекательность для экспонентов (в т.ч. из других регионов); • привлекательность для посетителей; • универсальность и возможность объединить все темы; • повышает статус области. 	<p>Возможности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • выход на другие региональные рынки; • привлечение инвестиций из других регионов; • инновации; • заключение сделок и соглашений на всех уровнях (бизнес, регион); • формирование положительного имиджа России и региона; • рост бюджетной эффективности форума; • возможность трансформации тематики форума.
<p>Слабые стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> • нечеткость (размытость) целевой аудитории; • отсутствие (нехватка) финансирования при такой широкой тематике; • сложность поиска зарубежных партнеров; • неочевидность концепции форума; • необходимость выставлять готовый продукт (устаревший подход к организации форума); • организационные сложности из-за широты темы. 	<p>Угрозы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • необходимость обоснования выбранной темы для Департамента инвестиций и предпринимательства и поиска программы для его финансирования; • низкая посещаемость; • отсутствие интереса "первых" лиц; • отсутствие интереса со стороны потенциальных экспонентов; • превращение форума в ярмарку достижений народного хозяйства; • появление потенциальных конкурентов (повтор тематики в других регионах); • некупаемость форума.

Составлено авторами по результатам исследования

Результатом проведения SWOT-анализа стало формирование стратегий по успешной реализации выбранной концепции проведения форума «Сделано в России».

1. Решение проблем финансирования за счет расширения концепции.
2. Сотрудничество со СМИ.
3. Расширение (детализация) концепции для привлечения инвесторов из других регионов.
4. Изучение опыта других регионов (зарубежного опыта).
5. Привлечение финансовых структур (банков, венчурных фондов и др.).
6. Формирование отличительных особенностей форума (по тематическим разделам).
7. Культурная программа в рамках бизнес-мероприятий.
8. Организация премии (конкурса) в рамках форума.
9. Уточнение (изменение) времени проведения форума (октябрь, апрель).

Проведенная апробация форсайт-технологии показала и ее существенные достоинства и некоторые проблемы в реализации. Активное и заинтересованное обсуждение дало возможность сформировать большое количество альтернативных идей, выработать критерии для определения приоритетов в оценке, выдвинуть принципиально новую идею, аккумулирующую основные предложения и получившую наивысший приоритет в ходе дальнейшего обсуждения. Кроме этого, совместными усилиями были выявлены сильные, слабые стороны, возможности и угрозы приоритетной идеи, высказаны предложения по ее практической реализации. В то же время форсайт-технология не лишена и недостатков.

Следует отметить, что необходим предварительный сбор статистической и аналитической информации, проведение социального и экономического аудита региона для принятия более качественных решений по стратегии регионального развития.

Заключение. Форсайт-технологии получают все более широкое распространение при решении широкого круга социально-экономических проблем на макро-, мезо- и микроуровне. Особенно эффективно они используются при прогнозировании процессов, происходящих в регионах, и при разработке стратегий развития городов и регионов. Апробация форсайта показала существенные преимущества данной технологии, показывающий синергетический эффект коллегиального принятия сложных, комплексных решений. Для дальнейшего развития методологии регионального форсайта его целесообразно дополнять предварительным экономическим и социальным аудитом региона.

Литература

1. *Ахмедов А.Э., Смольянинова И.В., Шаталов М.А.* Технология «Форсайт» как драйвер инновационного развития экономики . - [Режим доступа]: <https://novainfo.ru/article/6999>
2. *Асриев С.В. Мишурова И.В.* Стратегическая вариативность устойчивого развития хозяйствующих субъектов в региональной экономике (монография). Ростов н/Д.: Изд-во «Пересвет», 2015. 116 с.
3. *Калиничев В.Л., Козлов В.А.* Основы форсайта. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 176 с.
4. *Мишурова И.В. Николаева Н.В. Бандурина Е.Н.* Форсайт-технологии при разработке проектов регионального развития // Материалы «Черноморско-Каспийского Форума Сотрудничества: Безопасность | Устойчивость | Развитие» 6 октября 2017, Ростов-на-Дону, ИПК РГЭУ (РИНХ), ISBN 978-5-7972-2396-2.
5. *Николаева Н.В.* Социальный и экономический аудит региона // Экономика и предпринимательство. №2016. № 10-1 (75). С. 814 – 817.
6. *Синюк Т.Ю., Панфилова Е.А.* Предпринимательский форсайт: сравнительные критерии и корректировка корпоративных ошибок // Экономика: теория и практика. 2016. № 4 (44). С. 75-70. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27541977>
7. *Третьяк В.П.* Зачем региону Форсайт? Электронный ресурс. Сайт Наука и технологии в России Режим доступа: <https://issek.hse.ru/press/25054400.htm>
8. *Холопенкова Е.В.* Научно-технологический форсайт как инструмент государственного регулирования инновационной политикой в России // Экономика и экологический менеджмент. 2011. № 1 // <http://economics.open-mechanics.com/>.
9. *Klochko E., Fomenko N., Nekrasova V.* Modelling of network mechanisms of management in the conditions of organizational development // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. Т. 6. № 1. С. 101.
10. *Timofeeva A.A., Bulganina S.V., Fomenko N.M., Khachaturova M.S., Nekrasova M.L., Zakharova E.N.* Features of the implementation of integrated marketing communications: resistance to change // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № S1. С. 27–32.

Mishurova Irina Vladimirovna, Doctor of Economic Science, Professor, Head of Cathedra of Cirsis and Corporate Management, Rostov State Economic University (RINH) (69, B. Sadovaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: irina.mishurova@gmail.com

Nikolaeva Natalya Vasilevna, Candidate of Economic Science, Docent of Cathedra of Taxation and Accounting; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: Natalinikolaewa@yandex.ru

Pavlyukova Antonina Viktorovna, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra of Management and Economy of Customs, Rostov branch of the Russian Customs Academy (20, Ave. Budenovskiy, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: bikova_t@list.ru

REGIONAL DEVELOPMENT BASED ON FORESIGHT TECHNOLOGIES

Abstract

Modern methods for preparing forecasts and plans for the strategic development of regions are based on the use of foresight technologies. This technology allows not only to involve all stakeholders in the forecasting process, to ensure the quality of management decision-making, but also to consolidate the efforts of civil society participants. Testing technology foresight on the example of choosing a concept for a business forum for entrepreneurs of different scales of activity showed the possibility of choosing a priority solution taking into account the opinion of managers and specialists from organizations responsible for supporting small and medium-sized businesses and managers of business structures.

Keywords: regional development, foresight, region management, foresight tools, territory development strategy, national competitiveness, strategic and indicative planning, business forum, business image.

References

1. Ahmedov A.E., Smol'yaninova I.V., SHatalov M.A. Tekhnologiya «Forsajt» kak drajver innovacionnogo razvitiya ekonomiki . - [Rezhim dostupa]: <https://novainfo.ru/article/6999>
2. Asriev S.V. Mishurova I.V. Strategicheskaya variativnost' ustojchivogo razvitiya hozyajstvuyushchih sub"ektov v regional'noj ekonomike (monografiya). Rostov n/D.: Izd-vo «Peresvet», 2015. 116 s.
3. Kalinichev V.L., Kozlov V.A. Osnovy forsajta. M.: NIC INFRA-M, 2015. 176 s.
4. Mishurova I.V. Nikolaeva N.V. Bandurina E.N. Forsajt-tekhnologii pri razrabotke proektov regional'nogo razvitiya // Materialy «CHernomorsko-Kaspijskogo Foruma Sotrudnichestva: Bezopasnost' | Ustojchivost' | Razvitie» 6 oktyabrya 2017, Rostov-na-Donu, IPK RGEU (RINH), ISBN 978-5-7972-2396-2.
5. Nikolaeva N.V. Social'nyj i ekonomicheskij audit regiona // Ekonomika i predprinimatel'stvo. №2016. № 10-1 (75). S. 814 – 817.
6. Sinyuk T.YU., Panfilova E.A. Predprinimatel'skij forsajt: sravnitel'nye kriterii i korrekcirovka korporativnyh oshibok // Ekonomika: teoriya i praktika. 2016. № 4 (44). S. 75-70. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27541977>
7. Tret'yak V.P. Zachem regionu Forsajt? Elektronnyj resurs. Sajt Nauka i tekhnologii v Rossii Rezhim dostupa: <https://issek.hse.ru/press/25054400.htm>
8. Holopenkova E.V. Nauchno-tekhnologicheskij forsajt kak instrument gosudarstvennogo regulirovaniya innovacionnoj politikoj v Rossii // Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2011. № 1 // <http://economics.open-mechanics.com/>.
9. Klochko E., Fomenko N., Nekrasova V. Modelling of network mechanisms of management in the conditions of organizational development // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. T. 6. № 1. S. 101.
10. Timofeeva A.A., Bulganina S.V., Fomenko N.M., Khachaturova M.S., Nekrasova M.L., Zakharova E.N. Features of the implementation of integrated marketing communications: resistance to change // International Review of Management and Marketing. 2016. T. 6. № S1. S. 27–32.

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТРЕНДЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Садовникова Юлия Юрьевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: julia-js16@mail.ru
Тимейчук Людмила Николаевна	старший преподаватель кафедры экономики, финансов и природопользования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: timeichuk@mail.ru
Уварова Галина Геннадьевна	доктор политических наук, профессор кафедры экономики, финансов и природопользования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: 2188799@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию современного состояния системы российского здравоохранения, основных проблем эффективности ее управления и поиску путей их решения на федеральном и региональном уровнях. Авторы анализируют современное состояние и особенности системы российского здравоохранения, ее организационно-правовые и финансовые механизмы функционирования. В статье дается оценка эффективности мероприятий, проводимых федеральными органами власти в области реформирования медицинской отрасли, значительный акцент в исследовании делается на достижениях предыдущих мероприятий государственной политики по модернизации системы охраны здоровья населения Российской Федерации и перспективах реализации национального проекта «Здравоохранение».

Ключевые слова: *система здравоохранения, управление здравоохранением, охрана здоровья, качество и доступность медицинских услуг, национальный проект, финансирование здравоохранения, реформирование здравоохранения, человеческий капитал, совершенствование законодательной базы здравоохранения.*

Ключевым стратегическим интересом Российского государства и базовым приоритетом обеспечения качества жизни населения выступает система здравоохранения, так как именно состояние здоровья нации обуславливает темпы социально-экономического развития страны, эффективность и качество трудовой деятельности, воспроизводство человеческого капитала. В соответствии со Стратегией развития здравоохранения России на период 2015 – 2030 гг. государство выступает гарантом социальной защиты прав и интересов граждан в сфере охраны здоровья, определяя при этом особую значимость системы здравоохранения в современной деятельности органов государственной власти.

Реальность наших дней показывает, что здоровье населения России не улучшилось, напротив, имеется тенденция к его ухудшению. Об этом свидетельствуют показатели смертности, заболеваемости и средней продолжительности жизни.

Увеличение продолжительности жизни в Российской Федерации – одна из основных целей на современном этапе развития страны. Президент РФ в обращении Федеральному Собранию указал на необходимость увеличения продолжительности жизни российских граждан с 73 до 78 лет, что обуславливает в последующем приоритет нахождения ресурсов для выполнения данной задачи.

Современная реформа здравоохранения, проводимая в Российской Федерации, наиболее крупномасштабная и всесторонняя, направлена не только на повышение качества и эффективности медицинского обслуживания, но и включает значительные институциональные преобразования: совершенствование законодательной базы здравоохранения, системы медицинского страхования, структурная перестройка медицинской отрасли, развитие частного сектора здравоохранения. Также идет процесс оптимизации трехуровневой структуры организации и управления медицинской отраслью: муниципальной, региональной и федеральной.

Современным приоритетом развития и совершенствования отечественной системы охраны здоровья выступает повышение доступности, качества и эффективности функционирования региональной системы здравоохранения, как важнейшей составной части национальной системы.

В общем виде систему здравоохранения можно определить как совокупность социальных институтов, социально-экономических и медицинских мероприятий, деятельность которых направлена на формирование здорового образа жизни, охрану и повышение уровня здоровья населения [1].

С организационно-правовой и структурно-функциональной точки зрения охрана здоровья граждан в Российской Федерации является неоднородной и сложно структурированной системой, в состав которой включено значительное количество взаимодействующих между собой ведомств и подведомств на разных уровнях управления.

С организационно-правовой точки зрения выделяют три уровня системы здравоохранения: государственный, муниципальный и частный. Элементы структуры системы здравоохранения представлены на рис. 1. Каждая из этих систем управления имеет свою структуру и функции.

В структурно-организационном плане российская система здравоохранения интегрирует различные типы предприятий и учреждений, подразделяющиеся по различным уровням подчинения, источникам финансирования, профилю деятельности и уровням управления.

Рис. 1. Структура системы здравоохранения РФ [2, с. 148]

В соответствии с номенклатурой в России функционируют многочисленные виды лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ), которые обеспечивают оказание различных видов медицинской и медико-социальной помощи, сеть ЛПУ разделяется в зависимости от подведомственности медицинских учреждений. Классификация ЛПУ представлена на рис. 2. Также выделяют уровни соподчинения ЛПУ в единой системе здравоохранения: амбулаторные и стационарные медицинские учреждения (муниципальный уровень) – межтерриториальные (межмуниципальные) специализированные медицинские центры – региональные специализированные медцентры – федеральные медцентры.

Управление системой здравоохранения – это важнейшая и комплексная задача значительного числа государственных и общественных институтов, включая множество структур управления и секторов экономики, которая осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В соответствии с действующим российским федеральным законодательством, нормативными актами субъектов РФ и органов местного самоуправления реализация и компетенции в сфере здравоохранения относятся к совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, а также органов местного самоуправления.

На федеральном уровне деятельность по охране здоровья населения осуществляет Министерство здравоохранения России, которое реализует государственную политику и управление в области охраны здоровья населения, координирует деятельность в медицинской сфере органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, субъектов государственной системы здравоохранения, муниципальной системы здравоохранения и частной системы здравоохранения; а также контролирует деятельность находящихся в его ведении федеральных органов исполнительной власти.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018г. № 204 «О национальных и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», для достижения к 2024 г. повышения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) до 78 лет (к 2030 г. – до 80 лет) Правительством Российской Федерации совместно с Минздравом РФ и органами государственной власти разработаны и скорректированы национальные проекты по направлениям здравоохранения, демографии и др.[3]

Рис. 2. Классификация лечебно-профилактических учреждений

В основе финансирования здравоохранения РФ лежат принципы разграничения системы межбюджетных финансовых отношений и полномочий в вопросах оказания медицинской помощи между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Модель финансирования системы российского здравоохранения носит бюджетно-страховой характер, формируясь из средств государственного бюджета (федерального и регионального) и средств внебюджетных фондов медицинского страхования (обязательного государственного социального медицинского страхования (ОМС) и добровольного, частного медицинского страхования (ДМС). Финансирование здравоохранения в настоящее время ориентировано на организацию повсеместного одноканального финансирования, т.е. аккумулирование средств системы ОМС на уровне Федерального фонда ОМС.

Здравоохранение в Российской Федерации предусматривает оказание бесплатной и платной медицинской помощи гражданам. Оказание платной медицинской помощи осуществляется за счет средств самих граждан, либо предприятий, и других источников. Бесплатная медицинская помощь оказывается за счет средств обязательного медицинского страхования, средств федерального бюджета и бюджетов регионов на основании программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, которые ежегодно утверждает Правительство России и региональные органы власти.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», начиная с 2019 года увеличивается финансирование онкологической помощи. Предусматривается также уделить больше внимания высокотехнологической медицинской помощи. Фонд обязательного медицинского страхования будет осуществлять распределение финансовых средств, с учетом повышения внимания проблемам онкологии, а также в соответствии с Указами Президента Российской Федерации 2012 г. Правительство Российской Федерации исходит из того, что все эти мероприятия должны положительно сказаться на выполнении проекта «Здравоохранения».

Министерство финансов Российской Федерации (далее – Минфин) в своем докладе «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов» планирует потратить на здравоохранение в 2019 году 459,5 млрд рублей, тогда как в 2018-м этот показатель установлен на уровне 479,7 млрд рублей.

Впоследствии расходы федерального бюджета, по прогнозам Министерства финансов Российской Федерации, все-таки вырастут – до 563,2 млрд руб. в 2020 г. и 572,5 млрд руб. в 2021-м¹.

Расходы на здравоохранение по отчету Минфина в 2018 году составили 3,3 трлн рублей – это, примерно, 3,3% от ВВП. В 2019 году финансирование здравоохранения составит примерно 3,4 трлн рублей, хотя доля ВВП сократится и составит 3,2%. Центр стратегических разработок прогнозирует в 2021 году, что финансирование здравоохранения составит 3,1% ВВП. К 2024 году этот показатель должен быть увеличен до 4%.

В табл. 1 представлены показатели, характеризующие ресурсы российского здравоохранения за 2018 год. Они характеризуются дальнейшим уменьшением показателя «число больных коек», что является положительной тенденцией. Сокращение длительности пребывания больных в стационаре и увеличение оборота койки – один из главных критериев повышения эффективности использования ресурсов медицинского учреждения.

Таблица 1

Основные показатели мощности медицинских организаций в РФ в 2018 г.²

Годы	Число больничных организаций, тыс.	Число больничных коек ²⁾		Число врачебных амбулаторно- поликлинических организаций, тыс.	Мощность врачебных амбулаторно- поликлинических организаций, посещений в смену	
		всего, тыс.	на 10 000 человек населения		всего, тыс.	на 10 000 человек населения
	2003	10,1	1596,6	111,5	21,5	3557,8
2004	9,8	1600,7	112,2	22,1	3577,5	250,8
2005	9,5	1575,4	110,9	21,8	3637,9	256,0
2006	7,5	1553,6	109,0	18,8	3646,2	255,2
2007	6,8	1521,7	106,6	18,3	3673,9	257,4
2008	6,5	1398,5	98,0	15,5	3651,0	255,8
2009	6,5	1373,4	96,2	15,3	3657,2	256,0
2010	6,3	1339,5	93,8	15,7	3685,4	258,0
2011	6,3	1347,1	94,2	16,3	3727,7	260,6
2012	6,2	1332,3	92,9	16,5	3780,4	263,7
2013	5,9	1301,9	90,6	16,5	3799,4	264,5
2014	5,6	1266,8	86,6	17,1	3858,5	263,8
2015	5,4	1222,0	83,4	18,6	3861,0	263,5
2016	5,4	1197,2	81,6	19,1	3914,2	266,6
2017	5,3	1182,7	80,5	20,2	3966,7	270,1

Негативной тенденцией выступает сокращение количества медицинских учреждений, которое свидетельствует о недофинансировании отрасли и ведет к увеличению сектора частных мед-услуг и снижению доступности медпомощи.

Усугубляет положение в здравоохранении и в частности, в медицинских учреждениях, отсутствие или неуккомплектованность медицинскими кадрами (13,0%), наличие проблем в кадровой политике (уровень зарплаты, условия работы) (11,0%) и низкий уровень подготовки современного медперсонала (10,4%)³. Первичным звеном в оказании медицинской помощи является непосредственно врач, который обеспечивает пропускную способность сети здравоохранения. Во всех государственных учреждениях здравоохранения, в отличие от частных клиник, заработная плата устанавливается государством, и сильно отличается от оплаты труда медицинского персонала в частной системе здравоохранения.

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» (утв. Минфином России) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/document/%3Fid_4%3D123006

² Материалы сайта Федеральной службы статистики РФ [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr1-1.xls

³ Материалы сайта Федеральной службы статистики РФ [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main

Другими проблемами российских медицинских учреждений являются:

- неэффективное использование ресурсов здравоохранения обязательным медицинским страхованием, которое призвано способствовать повышению уровню оказания медицинской помощи;
- ограниченность государственных гарантий бесплатной медпомощи;
- низкий уровень финансирования здравоохранения в различных регионах Российской Федерации, а также отличие финансирования одного субъекта от другого в несколько раз;
- неэффективность способов привлечения денежных потоков физических и юридических лиц в систему ОМС;
- снижение с каждым годом доступности медицинской помощи для малообеспеченных лиц;
- отсутствие условий для конкуренции в сфере оказания медицинских услуг.

К базовым проблемам российской медицины также относят несоответствие нормативов и объемов оказания медицинской помощи, оказываемой на основании Программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи, и реальных потребностей населения страны, что приводит к неэффективному обеспечению лекарственными средствами граждан, низкой доступности высокотехнологичной медицинской помощи и невысокому качеству обслуживания пациентов в медучреждениях. Все эти проблемы в первую очередь можно решить с помощью увеличения финансирования со стороны государства. Недофинансирование является причиной недостаточной оплаты труда медицинских работников, ограниченного бесплатного лекарственного обеспечения, что провоцирует нарушение выполнения стандартов оказания медицинской помощи населению и невозможность приобретения лечебными учреждениями современного медицинского оборудования.

Данные Росстата за 2018 год свидетельствуют, что численность медицинского персонала, работающего в государственной системе здравоохранения, сократилось по сравнению с 2017 годом: врачей – на 7,6 тыс. среднего и младшего медицинского персонала сократилась на 38,9 тыс. и 171,3 тыс. соответственно [4]. Эти цифры, по оценкам экспертов, свидетельствуют не только о естественной убыли медперсонала в связи с выходом на пенсию, но и о росте сокращения самих медорганизаций и снижении привлекательности работы в государственном здравоохранении.

Нехватка медицинских кадров в медицинских учреждениях, связана также и с тем, что большая часть работающих врачей и среднего медицинского персонала пенсионного и предпенсионного возраста. Демографический провал 90-х годов 20 века, также в настоящее время сказывается на выпусках медицинских образовательных учреждениях. Дипломированных врачей в ближайшее 5-10 лет будет меньше выпускаться, чем предыдущее десятилетие. Квалификация медицинских кадров очень низкая, что сказывается на качестве оказания медицинской помощи и выражается в неудовлетворительных показателях по сравнению с развитыми странами.

В масштабах страны происходит реорганизация учреждений здравоохранения путем слияния, присоединения, укрупнения лечебных учреждений. Цель данной реорганизации – перераспределить ресурсы не в медицинском, а в имущественном выражении, показателями которого рассматриваются койки и посещения. При этом постоянно, с каждым годом происходит снижение плановой нагрузки на медицинское учреждение на год, полугодие, квартал, что влечет за собой уменьшение финансирования лечебных учреждений. Снижение объемов финансирования учреждения здравоохранения из-за недостатка объема деятельности в значительной степени обуславливает невозможность удовлетворения потребностей текущей деятельности (медикаменты, расходные материалы, расходы на техническое обслуживание медицинского оборудования и т.д.), а обновление ветшающих основных средств становится для него просто недоступным.

Если национальные проекты в области здравоохранения позволяют частично решить проблему с заменой медицинского оборудования, приобретением лекарственных средств, оплатой труда работников медицинского персонала, то технологическое оборудование вспомогательных помещений и оборудования (пищеблока, прачечной, стерилизационной и др.) остается в полном упадке, что также влияет на качество обслуживания пациентов.

В основном, на балансах лечебных учреждений находятся здания, постройки 50-60-х годов прошлого века, которые не только морально устарели, но и не соответствуют всем необходимым противопожарным и санитарно-эпидемиологическим требованиям.

Практически 90% лечебных учреждений требуется капитальный ремонт, реконструкция либо вообще строительство новых современных корпусов, которые бы отвечали всем новейшим требованиям. Современное медицинское оборудование часто выходит из строя по причине устаревания электрической проводки, которая не выдерживает напряжения и требует капитальной замены.

За последние годы развитие системы здравоохранения в России привело к существенным результатам. По сравнению с началом 2000-х гг. к 2017 г. ожидаемая при рождении продолжительность жизни увеличилась почти на восемь лет, наблюдается положительная динамика в снижении смертности населения: от болезней системы кровообращения примерно на 35%, младенческой смертности на 60%, трудоспособного населения на 40%. В 2017 г. были достигнуты исторические

минимумы по показателям материнской и младенческой смертности, а показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении достиг 72,7 года (среднеевропейский показатель – 76 лет).

Тем не менее, основными проблемами здоровья населения России по-прежнему остаются: - высокая смертность трудоспособного населения, в частности смертность мужчин в этом возрасте; высокий уровень инвалидизации населения; усиление тенденции роста заболеваемости, включая увеличение доли социально значимых и тяжелых заболеваний.

Также за период 2006-2016 годов объем высокотехнологичной помощи, оказанной гражданам, вырос более чем в 16 раз и составил 962 тыс. случаев. При этом значительная часть видов высокотехнологичной медицинской помощи сегодня включена в базовую программу обязательного медицинского страхования, что позволяет обеспечивать ее оказание в большом числе учреждений здравоохранения различных форм собственности: не только федеральной, но и региональной, а в ряде случаев и частной.

Значительный прогресс достигнут в области лекарственного обеспечения. Созданная в 2008 г. федеральная программа обеспечения дорогостоящими лекарственными препаратами (получившая распространенное название «Семь нозологий») позволила существенно повысить доступность дорогостоящих лекарств для больных онкогематологическими заболеваниями, гемофилией, рассеянным склерозом и рядом других заболеваний, требующих дорогостоящего и продолжительного лечения, при котором крайне важным является стабильное и регулярное применение лекарственной терапии.

Вместе с тем в настоящее время в отечественном здравоохранении существует множество нерешенных вопросов, без ответа на которые построение по-настоящему пациентоориентированной системы охраны здоровья представляется невозможным. Среди наиболее важных современных проблем здравоохранения следует отметить: 1) высокую смертность россиян от болезней системы кровообращения, 2) отсутствие полного охвата населения государственным здравоохранением (в части амбулаторного лекарственного обеспечения рецептурными лекарственными препаратами), 3) несбалансированную структуру расходов на здравоохранение, 4) несоответствие показателей нормативного обеспечения реальной обеспеченности квалифицированными медицинскими кадрами.

1. Несмотря на значительное снижение смертности населения России от болезней системы кровообращения, произошедшее за период 2003-2016 годов (сокращение стандартизированных коэффициентов смертности для обоих полов составило около 50%), смертность населения России до сих пор остается высокой. В частности, смертность от болезней системы кровообращения в России больше, чем в любой из стран ОЭСР (рис. 3).

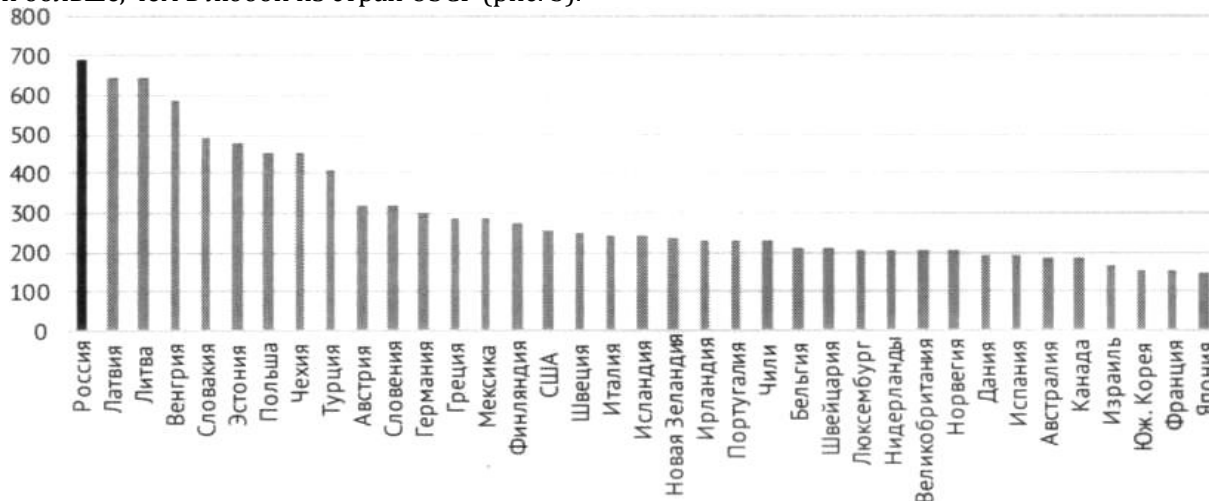

Рис. 3. Смертность населения от болезней системы кровообращения в России и странах ОЭСР в 2015 (или ближайшие) годы, случаев на 100 тыс. стандартного населения обоих полов [5, с. 10]

Смертность от болезней системы кровообращения в России также занимает первое место в структуре смертности населения от всех причин (в большинстве развитых стран на первое место вышли новообразования) и на сегодняшний день соответствует уровню развитых стран, наблюдавшемуся в 1960-1970-е годы. Следовательно, снижение смертности от болезней системы кровообращения должно стать основной задачей системы здравоохранения России в ближайшем будущем, так как, во-первых, это позволит существенно сократить демографические потери и, во-вторых, представляется реальным с учетом накопленного мирового опыта по решению данной проблемы.

2. Отсутствие полного охвата населения государственным здравоохранением (в части амбулаторного лекарственного обеспечения).

Несмотря на всеобъемлющие гарантии в области оказания медицинской помощи, в области лекарственного обеспечения гарантии в России являются ограниченными. В условиях стационара

лекарственное обеспечение предоставляется бесплатно по перечню жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП), однако по общему порядку амбулаторное лекарственное обеспечение финансируется за счет средств пациента.

3. Отдельную проблему также представляет собой сложившаяся структура расходов на здравоохранение. В отличие от зарубежных стран, где в среднем около 70-75% расходов являются государственными, в России доля государственных расходов составляет 55-60%, а остальные финансируются из частных источников, прежде всего из личных средств граждан. Это отражает серьезные проблемы с доступностью помощи в государственном сегменте здравоохранения, в первую очередь с амбулаторным лекарственным обеспечением. Кроме того, согласно ряду оценок, до 30% расходов граждан на платную медицинскую помощь являются теневыми [6], что также подрывает эффективность формальной системы здравоохранения.

4. Отсутствие системы послевузовской подготовки врачей, адекватной современным требованиям, что также сказывается на квалификации медперсонала. В развитых странах подготовка после вуза врачей первичного медицинского звена (амбулаторно-поликлинического) продолжается 2-5 лет, а по сложным специальностям (кардиохирургия, анестезиология и т. п.) – 5–8 лет [3]. В России же врачи общего профиля допускаются к работе сразу после окончания вуза, а узкие специалисты после 2–3 лет подготовки.

В России долгое время сохраняются следующие диспропорции:

- дефицит врачей в амбулаторном звене при избытке в стационаре;
- дефицит врачей в сельской местности при избытке в городской;
- дефицит врачей определенных специальностей (терапевтов, педиатров) при имеющемся

избытке специалистов по «популярным» направлениям: акушеров-гинекологов, стоматологов и др.

Одной из причин высокой нормативной обеспеченности может служить тот факт, что многие процедуры и медицинские манипуляции, которые в других системах здравоохранения выполняет врач общей практики, в России осуществляют несколько специалистов. Все это приводит к снижению качества лечения при первом обращении и неэффективному использованию кадровых ресурсов медицинских организаций. В итоге при сравнительно высокой обеспеченности населения России врачами нередки ситуации, в которых врачей не хватает.

В.В. Путин в Послании Федеральному собранию 20 февраля 2019 года отметил, что «до конца 2020 года медицинская помощь должна стать доступной во всех без исключения населённых пунктах России, для всех граждан, где бы они ни жили. За 2019–2020 годы должно быть построено и модернизировано ещё 1590 врачебных амбулаторий и фельдшерских пунктов»¹.

В рамках действующей реформы российского здравоохранения в ряде регионов реализуется пилотный проект «Бережливая поликлиника», достижения которого должны быть распространены на всю территорию страны. Данный инновационный проект «Создание новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь», базирующийся на концепции Leanproduction [7], действует с 2017 г. Индикаторами достижения целей проекта должны стать показатели повышения удовлетворенности населения качеством оказания медицинской помощи в амбулаторных условиях (к 2020 году – 60 % от всего населения, к 2022 году – о 70 %), сокращение времени ожидания в регистратуре и у кабинета врача во взрослых и детских поликлиниках в три-четыре раза к 2021 г. Результатом его реализации должно стать создание новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь на принципах бережливого производства. Особо следует отметить, что результаты пилотного проекта по внедрению концепции Leanproduction в отечественных медицинских учреждениях на протяжении двух лет стабильно демонстрируют экономическую эффективность и повышение качества медицинской помощи, оказываемой населению.

Также в стране постановлениями Правительства РФ от 14 декабря 2018 года №1556, №1557, №1558, от 18 декабря 2018 года № 2828-р вводится система мониторинга движения лекарственных препаратов с использованием средств идентификации, целью которой является обеспечение населения качественными, эффективными и безопасными лекарственными препаратами.

Серьезным стимулом для поиска инновационных подходов и интенсификации развития медицинской сферы и охраны здоровья стал Указ Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором определены национальные цели развития до 2024 года, включая здравоохранение и демографическое развитие страны. В рамках реализации данного указа были разработаны национальные проекты (программы) по 12 направлениям, включая здравоохранение.

С 1 января 2019 г. стартовал национальный проект «Здравоохранение», который предусматривает 8 федеральных проекта: 4 базовых проекта (первичная медпомощь, сердечно-сосудистые

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

заболевания, онкологические заболевания, детское здравоохранение), а также 4 вспомогательных проекта (научно-исследовательские медцентры, квалифицированные кадры, цифровая медицина, экспорт услуг). В рамках данного проекта должны быть реализованы меры: по созданию эффективной системы оказания первичной медико-санитарной помощи (создать 1,3 тыс. новых мобильных медицинских комплексов); по борьбе с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями (организовать и модернизировать 420 центров амбулаторной онкологической помощи и 160 региональных медорганизаций); по развитию детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям (реконструировать или построить 40 детских больниц и отделений); по обеспечению медорганизаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами (обучить 52,5 тыс. специалистов в области перинатологии, неонатологии и педиатрии), по развитию сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий. Также к 2023 г. необходимо создать единый цифровой контур в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ), внедрить систему электронных рецептов и автоматизированное управление льготным лекарственным обеспечением, единый государственный сервис медуслуг «Моё здоровье».

В результате реализации указанных мер должны быть достигнуты снижение смертности населения трудоспособного возраста, включая уменьшение смертности от болезней системы кровообращения и онкозаболеваний, дальнейшее снижение младенческой и детской смертности, повышение ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 78 лет¹.

На реализацию национального проекта «Здравоохранение» в течение 6 лет выделяется более 1,36 трлн. рублей. Больше половины этих средств будет израсходовано в течение первых трёх лет – 2019, 2020, 2021 годов. В рамках госпрограммы «Развитие здравоохранения» предусмотрено софинансирование расходных обязательств субъектов Федерации, возникающих при реализации нацпроекта «Здравоохранение», что отражено в федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020–2021 годов. При этом в соответствии с постановлением от 24 января 2019 г. № 34 госпрограмма «Развитие здравоохранения» включает ряд правил и условий предоставления субсидий, и критерии отбора субъектов Федерации, включающих заключение соглашения между Минздравом России и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Федерации с использованием государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»².

Таким образом, современные реформы в сфере охраны здоровья в Российской Федерации направлены на решение основной задачи – формирование пациентоориентированной модели здравоохранения. Данный принцип означает, что в центре системы здравоохранения должен оказаться пациент, а усилия всех профессиональных участников системы здравоохранения, в том числе государственных органов, фондов обязательного медицинского страхования, страховых компаний и медицинских организаций, должны быть направлены на максимальное удовлетворение его потребностей и защиты его прав.

В силу наличия определенной специфики здравоохранения как отрасли экономики и общественных отношений такая задача не имеет простого решения, однако известно, что оно невозможно без активного вмешательства государства. При этом последнее не сводится к нормативно-правовому закреплению соответствующих обязанностей указанных выше участников здравоохранения. Для реального построения пациентоориентированной модели необходима организация системы, которая будет создавать корректную мотивацию у каждого из участников системы здравоохранения [8].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, о том, что для достижения основных целей современного этапа модернизации российского здравоохранения – повышения эффективности, доступности и качества медицинской помощи жителям РФ ключевыми принципами должны стать обоснованность структурных преобразований, продуманность кадровой политики и достаточное финансирование новаций в медицинской отрасли. При этом базовыми приоритетами государственной политики развития российского здравоохранения должны стать: обеспечение доступности качественных медицинских услуг, прежде всего первичной медико-санитарной помощи; развитие кадрового потенциала; повышение эффективности системы финансирования здравоохранения; создание эффективной системы лекарственного обеспечения; развитие лечебно-профилактических мер и технологий здорового образа жизни; технологический и инновационный прорыв в здравоохранении.

¹ Заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 3 сентября 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России - Режим доступа: URL: <http://government.ru/news/33829/>

² О порядке софинансирования реализации в субъектах Федерации национального проекта «Здравоохранение» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России - Режим доступа: URL: <http://government.ru/docs/35508/>

Литература

1. Богма К.А. Социальные оценки эффективности управления процессом модернизации системы здравоохранения в России (на примере Ростовской области). Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Юж. федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2017. 22 с.
2. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития / под ред. Т.В. Игнатовой, С.П. Кюрджиева. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 210 с.
3. Зубец, А.Н., Новиков, А.В. О качестве медицинского обслуживания населения в контексте повышения качества жизни в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 6 (36). С. 58 – 67.
4. Бескаравайная Т. Кадры в минусе // Медвестник. 2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://medvestnik.ru/content/articles/Kadry-v-minus.html>
5. Назаров В.С., Авксентьев Н.А., Сисигина Н.Н. Основные направления развития системы здравоохранения России: тренды, развилки, сценарии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 100 с.
6. Шишкин, С.В., Потапчик, Е.Г., Селезнева, Е.В. Оплата медицинской помощи в российской системе здравоохранения: препринт WP8/2014/03. Серия WP8. Государственное и муниципальное управление. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
7. Уйба В.В., Забелин М.В., Миронова В.В., Касымова О.А., Кретов А.С. Технология бережливого производства в здравоохранении (опыт ФМБА России) // Медицина Экстремальных ситуаций. Т. 20. № 3. 2018. С. 248 – 252.
8. Богма К.А. Программно-целевой подход как стратегия эффективного управления региональной системой здравоохранения / В сборнике: Актуальные проблемы повышения эффективности государственной власти и управления в современной России. Сб. трудов молодых ученых: студентов, бакалавров, магистрантов и аспирантов ЮРИУ РАНХиГС. Ростов н/Д., 2016. С. 27 – 32.

Sadovnikova Julia Yurievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economics, Finance and Nature Management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: julia-js16@mail.ru

Timeychuk Lyudmila Nikolaevna, Senior Lecturer, Department of Economics, Finance and Nature Management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: timeichuk@mail.ru

Uvarova Galina Gennad'evna, Doctor of Political Science, Professor of Department of Economics, Finance and Nature Management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (344002, Russia, Rostov-on-don, Pushkinskaya str., 70/54). E-mail: 2188799@mail.ru

**ASSESSMENT OF HEALTH SYSTEM MANAGEMENT EFFICIENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION:
MODERN CHALLENGES AND REFORMING TRENDS**

Abstract

The article is devoted to the study of the current state of the Russian health care system, the main problems of its management efficiency and the search for ways to solve them at the Federal and regional levels. The authors analyze the current state and features of the Russian health care system, its organizational, legal and financial mechanisms of functioning. The article assesses the effectiveness of the activities undertaken by Federal authorities in reforming the medical sector, a significant focus of the study is on the achievements of previous activities of the state policy on modernization of system of public health of the Russian Federation and prospects of implementing the national project "Health".

Keywords: *healthcare system, healthcare management, healthcare, quality and accessibility of healthcare services, national project, healthcare financing, healthcare reform, human capital, improving the legislative framework for health care.*

References

1. Bogma K.A. Social'nye ocenki effektivnosti upravleniya processom modernizacii sistemy zdavoohraneniya v Rossii (na primere Rostovskoj oblasti). Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk / YUzh. feder. un-t. Rostov-na-Donu, 2017. 22 p.
2. Upravlenie v social'noj sfere: sostoyanie, problemy i tendencii razvitiya / pod red. T.V. Ignatovoj, S.P. Kyurdzhieva. Rostov n/D: YURIU RANHiGS, 2018. 210 s.
3. Zubec, A.N., Novikov, A.V. O kachestve medicinskogo obsluzhivaniya naseleniya v kontekste povysheniya kachestva zhizni v Rossii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2018. Т. 8. № 6 (36). P. 58 – 67.
4. Beskaravajnaya T. Kadry v minuse // Medvestnik. 2018 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://medvestnik.ru/content/articles/Kadry-v-minus.html>
5. Nazarov V.S., Avksent'ev N.A., Sisigina N.N. Osnovnye napravleniya razvitiya sistemy zdavoohraneniya Rossii: trendy, razvilki, scenarii. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2019. 100 p.
6. SHishkin, S.V., Potapchik, E.G., Selezneva, E.V. Oplata medicinskoj pomoshchi v rossijskoj sisteme zdavoohraneniya: preprint WP8/2014/03. Seriya WP8. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. M.: Izd. dom Vysšej shkoly ekonomiki, 2014.
7. Ujba V.V., Zabelin M.V., Mironova V.V., Kasymova O.A., Kretov A.S. Tekhnologiya berezhlivogo proizvodstva v zdavoohranenii (opyt FMBA Rossii) // Medicina Ekstremal'nyh situacij. Т. 20. № 3. 2018. S. 248 – 252.
8. Bogma K.A. Programmno-celevoj podhod kak strategiya effektivnogo upravleniya regional'noj sistemoy zdavoohraneniya / V sbornike: Aktual'nye problemy povysheniya effektivnosti gosudarstvennoj vlasti i upravleniya v sovremennoj Rossii. Sb. trudov molodyh uchenyh: studentov, bakalavrov, magistrantov i aspirantov YURIU RANHiGS. Rostov n/D., 2016. P. 27 – 32.

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Фоменко Вита Александровна кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры теории права и государства, истории и философии, зам. декана юридического факультета по воспитательной и социальной работе, Сочинский государственный университет (354055, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94). E-mail: vitafomenco@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению предложений по формированию регионального трудового потенциала, рассмотрено понимание данного процесса как непрерывное создание и реализация его в трудовые ресурсы региона. Конечным результатом трудового потенциала является адекватная его трансформация в рабочую силу с элементами количественного и качественного направления, которые обеспечивают развитие системы региона с точки зрения общества и экономики. Приведены аргументы в пользу прямой связи между интересами и потребностями участников регионального развития, их реализации, стратегией социально-экономического развития региона и системой управления территориями. Составлена схема блоков поэтапного процесса формирования регионального трудового потенциала индустрии туризма, а также таблица интересов и предпочтений участников процесса формирования регионального трудового потенциала.

Ключевые слова: трудовой потенциал, региональное развитие, региональное управление, региональный трудовой потенциал, индустрия туризма, туризм, население, государственная политика, персонал, система управления, концепция развития.

Одной из важнейших целей при развитии трудового потенциала индустрии туризма в системе регионального управления является создание условий для его формирования согласно требованиям стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Главным условием достижения этой стратегии развития выступает определение потребностей и принятие во внимание права выбора следующих участников процесса (рис. 1):

Рис. 1. Система участников, действующих при реализации стратегии социально-экономического развития трудового потенциала в региональном управлении

Рассмотрим всех участников региона при развитии трудового потенциала подробнее.

Населением субъекта Российской Федерации являются физические лица (граждане), проживающие на территории, соответствующей административному устройству государства. В свою очередь население имеет следующий состав:

- занятые граждане – физические лица, которые работают по трудовому договору на условиях полного или неполного рабочего времени, получают заработную плату, включая сезонную и временную работу; зарегистрированные как индивидуальные предприниматели, а также занимающиеся деятельностью, которая подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию; осуществляющие работу по договорам гражданско-правового характера и являющиеся членами производственных кооперативов (артелей); самозанятые; находящиеся на военной, альтернативной гражданской службе, службе в ОВД, ГПС, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы;

являющиеся студентами очной формы обучения в образовательных организациях; учредители (участники) коммерческих организаций; члены крестьянского (фермерского) хозяйства¹.

- безработные граждане – физические лица трудоспособного возраста, состоящие на учете в Государственном казенном учреждении «Центр занятости населения», которые хотят и могут выполнять работу, но не являются занятыми ввиду не зависящих от них причин;

- граждане пенсионного возраста (старше 60 лет женщины и 65 лет – мужчины), являющиеся занятыми или желающие работать;

- граждане предпенсионного возраста, которые на 5 лет младше возраста выхода на пенсию и являющиеся занятыми и желающими работать²;

- лица, имеющие стойкое ограничение жизнедеятельности (инвалиды III группы), являющиеся работниками или желающие работать³;

- работающая и желающая работать несовершеннолетняя молодёжь в возрасте 14-16 лет;

- иностранные граждане, которые временно пребывают в Российской Федерации и могут осуществлять трудовую деятельность в соответствии с законодательством⁴.

Указанный состав населения региона различается по интересам, которые реализуются в процессе труда, и по специфике необходимости поддержки со стороны государства и частного сектора. Вопреки тому, что состав населения субъекта Российской Федерации, являющийся объектом управления, неоднороден, определим общие потребности через интерпретацию следующих условий:

- регион должен располагать стабильными, безопасными и достойно оплачиваемыми рабочими местами для всех категорий трудовых ресурсов;

- наличие системы базовых составляющих для получения востребованной на рынке труда профессии и гарантия трудоустройства;

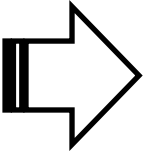
- обязательная возможность получения поддержки со стороны государства при социальных рисках по утрате работы, трудоспособности, заработка, уменьшении значимости профессии, спад уровня качества рабочего места [4].

В процессе реализации общих потребностей и интересов состава населения требуются согласованные действия различных групп и других участников процесса формирования трудового потенциала региона в туриндустрии, к которым относится государство.

Государственное управление посредством функционирования различных отраслей, а в частности набирающей обороты туристской отрасли, предполагает стратегическую цель на всех уровнях административного устройства, которая включает то, что необходимо достигнуть высокого уровня качества жизни людей. Формирование трудового потенциала в стремительно развивающейся в индустрии туризма является одним из способов ее применения, так как базой благосостояния физических лиц выступает предоставление их растущих возможностей при получении высокого заработка, как правило, от трудовой деятельности. Потребности страны можно определить так (табл. 1).

Таблица 1

Потребности и интересы страны в сфере развития трудового потенциала туриндустрии региона [5, 8]

Состав населения	Потребности и интересы государства	Методы и способы реализации	
Граждане трудоспособного возраста	Необходимо поддерживать общественный уровень трудоспособности рабочей силы		1. Провести политику регулирования заработка наемных рабочих.
			2. Осуществление государственного контроля за соблюдением работодателем нормированного труда и отдыха персонала.
			3. Вовлечение граждан трудоспособного возраста в ведение предпринимательской деятельности.
			4. Стимулирование участников в системе управления трудовым потенциалом индустрии туризма субъекта Российской Федерации становится частью программ по социальному партнерству.
			5. Помощь для граждан-инвалидов.
			6. Грамотная политика и работа с трудовыми мигрантами.

¹ Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 11.12.2018) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ, № 17, 22.04.1996, ст. 1915.

² Там же.

³ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 27.11.1995, № 48, ст. 4563.

⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3032.

Состав населения	Потребности и интересы государства	Методы и способы реализации	
Граждане младше трудоспособного возраста	Возможность успешного приспособления молодых людей в условиях рыночной конкуренции		1. Осуществление профориентационной работы в отношении молодых.
			2. Усиление ориентирования образования на современные трансформации рынка труда.
			3. Выработка программы увеличения и стабилизации заработка молодых людей.
Граждане в возрасте старше трудоспособного	Достижение высокого уровня экономически активных групп населения старше трудоспособного возраста		1. Совершенствование пенсионного обеспечения населения.
			2. Обеспечения содействия для эффективного перехода граждан пенсионного возраста в статус занятых.
			3. Увеличение инструментов для открытого доступа к возможности повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

По отношению к трудоспособному населению, которым являются занятые, безработные граждане, граждане пенсионного возраста, граждане предпенсионного возраста, инвалиды, иностранные граждане, потребности и интересы страны заключаются в поддержке общественно-сбалансированного уровня трудоспособности персонала, который реализуется с помощью следующих условий [2]:

1) необходимость проведения политики регулирования уровня оплаты труда персонала, посредством установления на законодательном уровне минимального размера оплаты труда и величины прожиточного минимума, регулирования продолжительности трудоспособного возраста, а также при перераспределении доходов в рамках социальной защиты особых категорий населения;

2) установление обязательного государственного контроля за работодателем и условиями труда работников, которое определяется законодательством в части заключения трудовых контрактов, максимальной продолжительности периода работы, сверхурочных работ и т.д.;

3) регулирование рынка труда с целью обеспечения равновесия между занятостью и безработицей путем вовлечения трудоспособного населения в экономические виды деятельности на основе мероприятий по содействию занятости, социальной защиты безработных, созданию новых рабочих мест, разработки программ по снижению молодежной безработицы на уровне регионов и т.д.;

4) стимулирование работодателей и сопутствующих участников региональной системы управления трудовым потенциалом внедряться в такие программы содействия, как социальное партнерство, бизнес-сообщества, инвестиционные общественные объединения для развития человеческого капитала; повышение результативности расходов государства на высшее и среднее профессиональное образование, профессиональную переподготовку и повышение квалификации; повышение эффективности работы государственных учреждений в процессе содействия занятости населения [9];

5) государственная политика для лиц с ограниченными возможностями, направленная на возможность реабилитации и соответствующий труд для дополнительного источника доходов данной категории населения, и которая реализуется посредством установления размеров квот для трудоустройства, специализированных рабочих мест и предприятий, которые осуществляют контроль за исполнением вышеуказанных условий, а также за адаптацией инвалидов к совместному труду с полностью трудоспособным персоналом;

6) функционирующая государственная программа для трудовых мигрантов, которая направлена на повышение прозрачности инфраструктуры рынка труда и на содействие внешней трудовой миграции [11].

В отношении населения моложе трудоспособного возраста – работающих подростков и молодежи интересы государства лежат в области содействия адаптации молодежи к конкурентной рыночной среде. Он реализуется:

- посредством реализации программ профессиональной ориентации молодежи, создания механизма сочетания образования и трудовой деятельности в рамках системы ученичества, повышения уровня гражданской и юридической грамотности молодежи подростков в области их трудовых прав и т.д.;

- усиление ориентации образовательных услуг на потребности регионального рынка труда путем развития системы профессионального образования в соответствии с потребностями рынков труда на основе долгосрочных прогнозов социально-экономического развития регионов; стимулирования развития системы профессиональных и производственных практик в период обучения; организации профессиональной подготовки молодежи на рабочих местах; развития системы целевого обучения – обучения по направлению предприятий (организаций) с дальнейшим гарантированным трудоустройством;

- формирование политики доходов молодежи, позволяющей вести достойную жизнь и удовлетворять растущие потребности по качеству питания и потребляемых товаров и услуг; иметь детей и возможности их воспитания и развития; в получении необходимого общего и профессионального образования, в поддержании уровня квалификации в соответствии с требованиями рынка труда и т.д.

Бизнес-сообщество региона, которое включает в себя предприятия и организации, принимает непосредственное участие в формировании трудового потенциала посредством реализации политики управления человеческими ресурсами. Такие региональные программы и мероприятия включают постановку и решение следующих задач: планирование наемных рабочих; набор и отбор работников; установление оплаты труда; их профориентация и адаптация, обучение; рост или понижение по карьерной лестнице; кадровый резерв для будущих руководящих должностей. Таким образом, стратегия развития системы управления трудовым потенциалом персонала в современной организации направлена на оптимизацию и улучшение их количественных и качественных характеристик [12].

Среди наиболее влиятельных общественных объединений в Российской Федерации выступают профсоюзные организации, которые занимаются составлением и заключением коллективных трудовых договоров, консультируют работников по вопросам защиты их трудовых прав, имеют право оспаривать увольнения персонала и т.д. Профсоюзные организации, одни из многих других учреждений, принимают активное участие при разработке стратегии формирования регионально-го трудового потенциала и среду, способствующую реализации ее программ и мероприятий [11].

В результате на рис. 1 определены интересы и предпочтения главных участников процесса формирования регионального трудового потенциала.

Население	Свободный выбор стабильных и безопасных рабочих мест
	Наличие востребованной рынком труда профессии
Органы регионального управления	Высокое качество жизни населения на основе формирования регионального трудового потенциала
	Поиск и отбор персонала с оптимальным уровнем необходимого трудового потенциала
Субъекты хозяйствования региона, осуществляющие деятельность на его территории	Обеспечение персонала всеми необходимыми условиями труда
	Контроль и отражение потребностей разных категорий населения в процессе формирования регионального трудового потенциала
Общественные объединения	Эффективность персонала, способного наравне с ИП идти на риск, иметь предпринимательские способности и развивать бизнес
Индивидуальные предприниматели	

Рис. 1. Таблица интересов и предпочтений участников процесса формирования регионального трудового потенциала

С помощью конкретизации вышеизложенного определим этапы формирования регионального трудового потенциала индустрии туризма (см. рис. 2).

Рис. 2. Схема блоков поэтапного процесса формирования регионального трудового потенциала индустрии туризма

Создание регионального трудового потенциала региона представляет собой активную работу субъектов экономики региона государственного и частного характера, которая направлена на формирование необходимых условий для непрерывного функционирования процесса воспроизводства населения, а также его трудового потенциала. Основой для целевых ориентиров трудового потенциала является рост уровня жизни населения и его численности, здоровья; увеличение качества образования для получения востребованной профессии. Вышеуказанному способствуют соответствующая социальная политика в сфере распределения доходов, пенсионного обеспечения, охраны здоровья, образования, жилищной сфере, демографии и миграции [10].

Реализация регионального трудового потенциала в трудовых ресурсах представляет собой работу субъектов экономики региона государственного и частного характера, которая направлена на формирование эффективного использования трудового потенциала в региональных социально-экономических секторах и отраслях, другими словами, его качественной и количественной трансформации в рабочую силу. В процессе реализации регионального трудового потенциала идет упор на следующие аспекты: рост занятости; повышение профессионально-квалификационного уровня персонала согласно требованиям экономики региона; увеличение параметра безопасности на рабочем месте; контроль над усилением содержательной составляющей труда. Для достижения вышеуказанного органы государственной власти реализуют политику по направлению труда и занятости, инвестиций, инноваций.

В процессе реализации регионального трудового потенциала используется особые механизмы рынка труда, которые формируют спрос и предложение рабочей силы [7]. Современная экономическая теория определяет рынок труда как включающий два направления развития - рабочую силу и рабочие места. Созданный трудовой потенциал обращается на рынке труда в рабочую силу, являющейся способностью к труду, совокупностью различных психолого-физических способностей человека и которые могут быть использованы в процессе труда. При реализации управления региональным трудовым потенциалом проводится параллель, отражающая рынок рабочих мест. Рабочими местами являются пространственные зона труда наемных работников, которые оснащены необходимым набором закрепленных основных и вспомогательных средств при выполнении определенных должностных обязанностей. Определение объема, структуры и динамики рабочих мест устанавливается совокупным региональным социально-экономическим потенциалом.

Единство процессов формирования и реализации регионального трудового потенциала в индустрии туризма обеспечивает непрерывность его создания, одним из важнейших условий достижения которого является баланс профессиональных параметров региональной рабочей силы и требований работодателя к количественному и качественному уровню развития трудовых ресурсов в соответствии с региональной стратегией социального и экономического развития. В процессе формирования регионального трудового потенциала в индустрии туризма оказывает влияние следующее: специфические потребности и интересы в сфере труда и занятости основных субъектов экономики региона; возможности экономики региона в рамках ресурсных ограничений социально-экономического потенциала [6].

Формирование трудового потенциала и его трансформация в рабочую силу в системе регионального управления туристической индустрии воплощается с помощью планирования, организации, контроля и регулирования, то есть основных функций управления:

1) Планирование – устанавливаются стратегические и тактические цели при формировании трудового потенциала и трудовых ресурсов согласно стратегии социально-экономического развития региона;

2) Организация – проектирование и создание механизмов реализации стратегии создания трудового потенциала, который обеспечивает его эффективную трансформацию в рабочую силу для повышения качества жизни – одной из главных целей регионального управления;

3) Контроль – организация мониторинга при формировании регионального трудового потенциала и его трансформации в рабочую силу, позволяющая собирать полные и достоверные данные о происходящем в процессе создания и реализации трудового потенциала – что необходимо для обеспечения эффективности механизмов управления региональным социально-экономическим развитием;

4) Регулирование – своевременная разработка системы корректирующих действий, которые направлены на поддержку положительной и ослабление отрицательной динамики для более полноценного достижения стратегии приоритетов социального и экономического развития региона.

В рамках проведенного исследования, концепция развития трудового потенциала индустрии туризма в системе регионального управления складывается следующим образом: главным условием стратегии социально-экономического развития региона с точки зрения формирования системы управления трудовым потенциалом выступает определение потребностей и принятие во внимание права выбора участников процесса, среди которых население субъекта Российской Федерации, органы регионального управления, субъекты хозяйствования региона, осуществляющие деятельность на его территории, общественные объединения, индивидуальные предприниматели.

Сформированная схема блоков поэтапного процесса формирования регионального трудового потенциала индустрии туризма дает представление каким образом происходит процесс формирования регионального трудового потенциала. Трудовой потенциал, его трансформация и формирование в рабочую силу в системе регионального управления туристической индустрии воплощается с помощью планирования, организации, контроля и регулирования, то есть основных функций управления.

Литература

1. Литвиненко И.Л. Система управления региональным развитием на основе инновационно-инвестиционной модели: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 204 с.
2. Дуканова И.В., Морозова Т.Н., Суковатова О.П., Терехин В.И., Чернобродова Л.А. Эффективность управления социально-экономическим развитием административно-территориальных образований: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. В.И. Терехина. М.: ИНФРА-М, 2018. 315 с.
3. Ярашева А.В. Региональный трудовой потенциал: факторы развития // Актуальные социально-экономические вопросы: проблемы и варианты решений. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 94-98.
4. Власова Т.А., Тимохина О.А. Исследование факторов роста эффективности использования трудового потенциала как основы регионального социально-экономического развития // Российская экономика: взгляд в будущее. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 частях. 2018. С. 73-80.
5. Шевякин А.С. Анализ формирования трудового потенциала в условиях развития рынка труда региональной экономики // Научное обозрение: теория и практика. №7. 2018. С. 192 – 198.
6. Секачева Т.В., Крпачетова Н.Г. Проблемы развития трудового потенциала на региональном уровне // Региональная экономика, инвестиции, инновации, социально-экономическое развитие: теория, методология и концепция модернизации. Материалы II Всерос. научно-практ. конф. Себряковский филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»; администрация городского округа город Михайловка Волгоградской области. 2019. С. 306 – 309.
7. Эскиев М.А. Роль и значение трудового потенциала в социально-экономическом развитии региона // Финансовая экономика. 2019. № 5. С. 853 – 855.
8. Реутов В.Е., Кравченко Л.А., Вельгош Н.З. Социально-экономические проблемы развития человеческого потенциала России и её регионов // Сервис в России и за рубежом. Т. 13. №2 (84). 2019. С. 69 – 82.
9. Иванов С.А. Управление трудовым потенциалом региона в контексте инновационного развития экономики // Вестник образования и развития науки российской академии естественных наук. № 1. 2017. С. 5 – 14.
10. Кондратьева М.Н., Рогова Т.Н., Баландина Е.В. Сравнительная оценка и определение экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. № 2 (437). 2017. С. 266-281.
11. Лагутин И.Б. Региональное финансовое право: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 260 с.
12. Петрова С.В., Багдасарян С.Д. Геополитика и геоэкономика туризма: влияние социально-экономических и политических факторов на изменение турпотоков в Краснодарском крае // Олимпийское наследие и крупномасштабные мероприятия: влияние на экономику, экологию и социокультурную сферу принимающих дестинаций. Материалы X Международной научно-практической конференции. 2018. С. 207 – 211.

Fomenko Vita Alexandrovna, Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory Law and State, History and Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Law for Educational and Social Work, Sochi State University (94, Plastunskaya Str., Sochi, 354055, Russian Federation).

E-mail: vitafomenko@mail.ru

THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF LABOR POTENTIAL OF THE TOURISM INDUSTRY IN THE REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM

Abstract

The article is devoted to the study of proposals for the formation of regional labor potential, the understanding of this process as the continuous creation and implementation of it into the labor resources of the region is considered. The end result of labor potential is its adequate transformation into labor force with elements of quantitative and qualitative directions that ensure the development of the region's system from the point of view of society and economy. Arguments are presented in favor of a direct connection between the interests and needs of participants in regional development, their implementation, the strategy of socio-economic development of the region and the territorial management system. A block diagram of the phased process of forming the regional labor potential of the tourism industry, as well as a table of interests and preferences of the participants in the process of forming the regional labor potential, have been compiled.

Keywords: labor potential, regional development, regional management, regional labor potential, tourism industry, tourism, population, state policy, personnel, management system, development concept.

References

1. Litvinenko I.L. Sistema upravleniya regional'nym razvitiem na osnove innovacionno-investicionnoj modeli: monografiya. M.: RIOR: INFRA-M, 2017. 204 p.
2. Dukanova I.V., Morozova T.N., Sukovatova O.P., Terekhin V.I., Chernobrodova L.A. Effektivnost' upravleniya social'no-ekonomicheskim razvitiem administrativno-territorial'nyh obrazovaniy: mono-grafiya / pod red. d-ra ekon. nauk, prof. V.I. Terekhina. M.: INFRA-M, 2018. 315 p.
3. Yarasheva A.V. Regional'nyj trudovoj potencial: faktory razvitiya // Aktual'nye social'no-ekonomicheskie voprosy: problemy i varianty reshenij. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. P. 94-98.
4. Vlasova T.A., Timohina O.A. Issledovanie faktorov rosta effektivnosti ispol'zovaniya trudovogo potenciala kak osnovy regional'nogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya // Rossijskaya ekonomika: vzglyad v budushchee. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3 chastyah. 2018. P. 73-80.
5. Shevyakin A.S. Analiz formirovaniya trudovogo potenciala v usloviyah razvitiya rynka truda regional'noj ekonomiki // Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. №7. 2018. P. 192 - 198.
6. Sekacheva T.V., Krapchetova N.G. Problemy razvitiya trudovogo potenciala na regional'nom urovne // Regional'naya ekonomika, investicii, innovacii, social'no-ekonomicheskoe razvitie: teoriya, metodologiya i koncepciya modernizacii. Materialy II Vseros. nauchno-prakt. konf. Sebyakovskij filial FGBOU VO «Volgogradskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet»; administraciya gorodskogo okruga gorod Mihajlovka Volgogradskoj oblasti. 2019. P. 306 - 309.
7. Eskiev M.A. Rol' i znachenie trudovogo potenciala v social'no-ekonomicheskom razviti regiona // Finansovaya ekonomika. 2019. № 5. P. 853 - 855.
8. Reutov V.E., Kravchenko L.A., Vel'gosh N.Z. Social'no-ekonomicheskie problemy razvitiya chelovecheskogo potenciala Rossii i eyo regionov // Servis v Rossii i za rubezhom. T. 13. №2 (84). 2019. P. 69 - 82.
9. Ivanov S.A. Upravlenie trudovym potencialom regiona v kontekste innovacionnogo razvitiya ekonomiki // Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki rossijskoj akademii estestvennyh nauk. № 1. 2017. P. 5 - 14.
10. Kondrat'eva M.N., Rogova T.N., Balandina E.V. Sravnitel'naya ocenka i opredelenie ekonomicheskogo potenciala regiona // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. T. 15. № 2 (437). 2017. P. 266-281.
11. Lagutin I.B. Regional'noe finansovoe pravo: monografiya. M.: YUsticinform, 2018. 260 p.
12. Petrova S.V., Bagdasaryan S.D. Geopolitika i geoeconomika turizma: vliyanie social'no-ekonomicheskikh i politicheskikh faktorov na izmenenie turpotokov v Krasnodarskom krae // Olimpijskoe nasledie i krupnomasshtabnye meropriyatiya: vliyanie na ekonomiku, ekologiyu i sociokul'turnuyu sferu primimayushchih destinacij. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. P. 207 - 211.

УДК 352

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-70-75

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ТУРЦИИ)*

Шаповалова Анна Михайловна кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: annasfedu@gmail.com

Аннотация

Рассмотрены периоды формирования местного самоуправления в России и Турции, организация местного самоуправления на приграничных территориях на всем протяжении формирования государств, роль местного самоуправления в укреплении государственной целостности.

Ключевые слова: *местное самоуправление, приграничные территории, история развития, Россия, Турция, Евразийский регион, государственная власть, центральная власть, советы старейшин.*

На протяжении всей истории формирования государств, рано или поздно приходили к идее развития системы местного самоуправления, которая сочетает в себе с одной стороны, реализацию государственной власти, а с другой стороны, решение необходимых вопросов в интересах местного сообщества, поэтому местное самоуправление приобретает формы как государственного, так и общественного института. Органы местного самоуправления являются наиболее приближенными к населению властью и наиболее полно и эффективно могут использовать ресурсы территории для удовлетворения основных жизненных потребностей населения, и поэтому действуют в непосредственной связи с ним. С помощью органов местного самоуправления государственная власть становится более гибкой и эффективной, что придает ей уверенности.

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

Особое внимание всегда уделялось организации и осуществлению местного самоуправления на приграничных территориях. Это связано и с процессами глобализации и активным развитием регионального сотрудничества между странами. Органы местного самоуправления, находящиеся в приграничных территориях, всегда обладают особым статусом при осуществлении своих функций и должны соблюдать особые требования при их реализации. Местное самоуправление направленно не только на улучшение качества жизни граждан, но также способствует укреплению государственной целостности.

Рассматривая организацию местного самоуправления и управления в России и Турции, можно проследить эволюцию местного самоуправления на всем протяжении истории стран.

В древнерусских землях верховную власть наряду с князем осуществляли «боярская дума», которая была постоянным советом при князе, решавшим высшие земские вопросы – в пригородах ее аналогом были советы старейшин; и вечевые собрания. Поскольку князь распространял свою власть на всю территорию княжества, она была государственной, местная же власть осуществлялась общинным органом – городским вече, которое являлось всенародным собранием, в котором принимали участие все свободные граждане, живущие в городе. Вече обладало обширными правами, компетенция которого простиралась на всю сферу высших государственных дел управления и суда, решало вопросы войны и мира, изгнания и признания князя, мобилизации народного ополчения, распоряжалось государственными финансами и земельными фондами, народ обладал правом участия в заключении международных договоров, а также за вече было закреплено право определять лиц, которые войдут в княжеский административно-судебный аппарат и которые займут высшие церковные должности в данной волости.

Таким образом, в Киевской Руси центральная власть не была единоличной, могущество князя ограничивала боярская дума и вече. А главную форму территориального общинного самоуправления в Древней Руси можно определить, как «вечевая демократия». Далее, со времен Ивана Грозного, Россия характеризовалась жесткой системой централизованного государственного управления, основанная на царской власти. В период «кормления» (до середины XVI в.) все земли были разделены на белые, которые относились к княжескому двору и черные, где могло устанавливаться местное самоуправление, руководством которыми занимались наместники и волостели как представители верховной власти на местах.

В середине XVI в. особенно развивается местное самоуправление, происходит замена наместников и волостелей, назначаемых центральной властью, специальными органами самоуправления, т.е. выборными губными и земскими учреждениями. В начале XVII в., происходит переход к бюрократическому местному управлению – приказно-воеводскому. Воевода осуществлял свою деятельность, опираясь на приказную избу, и являлся уже государственным служащим, назначаемый центральной властью для осуществления контроля за губными и земскими учреждениями, без вмешательства в сферу их юрисдикции, получая за это специальное жалованье, а не кормился за счет сборов с управляемой территории.

Дальнейшие попытки реформирования системы местного самоуправления приходится на период царствования Петра I. 18 декабря 1708 г. Указом «Об учреждении губерний и о росписи к ним городов» царь изменил всю административно-территориальную структуру Российского государства. Страна разделялась на 8 крупных губерний, возглавляемые с 1710 г. губернаторами, которые обладали всей полнотой административной, судебной и военной власти, затем число губерний росло. Позже, губернии делились на провинции, управляемые воеводами, в руках которых сосредотачивались все функции управления, провинции – на дистрикты, которыми управляли с 1714 г. земские комиссары, занимающиеся сбором подушной подати.

Но первой реформой было учреждение в 1699 г. нового органа местного самоуправления – бурмистрской палаты (ратуша) – центрального финансового органа на основе выборности, а в прочих городах – земских изб и выбранных бурмистров, занимающихся судебскими вопросами, сбором податей и доходов с торгово-промышленных людей. Однако после смерти Петра I стала вновь использоваться система назначения чиновников, в 1727 г. магистраты были упразднены, все управленческие дела сосредоточились в руках губернаторов и воевод.

Коренная реформа в области местного самоуправления, именуемая губернской, была начата в 1775 г. при Екатерине II в. Она упразднила провинции и должности воевод, увеличила в два раза количество губерний, каждая губерния делилась на уезды. Губернию возглавлял губернатор, губернское правление являлось высшим учреждением губернии по административным вопросам, казенная палата – по финансовым делам, а приказ общественного презрения – занимался школами и больницами. Надзор за законностью в губернии осуществлял губернский прокурор и два советника. Во главе уездной администрации стоял земский исправник и нижний земский суд. Появились губернские и уездные дворянские собрания.

Важнейшим документом в области местного самоуправления XVIII в. является «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 1785 г. В Жалованной грамоте городам впервые вводилось понятие «градского общества». Екатерина Великая привнесла упорядоченность в систему городского самоуправления, однако вся система управления строилась по сословному принципу и функционировала под жестким контролем государственных чиновников.

В 1870 г. сделан прогрессивный шаг в развитии местного самоуправления в России – введено новое Городовое положение, которое предоставляло общественному управлению широкую самостоятельность в ведении городских дел и местных проблем.

В 1892 г. произошла земская и городская контрреформа, которая привела к подавлению инициативности и самостоятельности местного самоуправления.

Новая попытка реформирования местного самоуправления была предпринята после Февральской революции 1917 г. Органы земского и городского самоуправления были заменены системой советов. В середине 30-х годов съезды Советов были упразднены. В последствие местные органы власти стали именоваться Советами народных депутатов. Однако «местные Советы так и не обрели качеств органов, самостоятельно решающих вопросы местного значения, а реальная власть в этот период находилась в руках партийного аппарата, волю которого и выполняли Советы».

Первым шагом внедрения нового взгляда на местное управление стало принятие Закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», впервые введившее понятие этого института. Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР», направленный на обеспечение прав граждан самостоятельно решать вопросы местного самоуправления.

На основе Конституции, принятой в 1993 году, был принят Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определивший новые правила организации управления на местах в России и давший толчок для присоединения к ряду международных актов. С принятием в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» произошло качественное изменение порядка организации и осуществления местного самоуправления.

Организация местного самоуправления в Османской империи тесно связана с военно-феодалными принципами турецкой государственности. Местные начальники, которые назначались султаном, были одновременно воинскими командирами территориального ополчения, а также финансовыми главноуправляющими [1, с. 252].

Несмотря на всемогущество султана, его сдерживали законы шариата, коранический закон, да и просто исламская этика, пойти против устоев которых он не мог, а также делегирование его полномочий непосредственно представителям на местах, которые на практике все же обладали некоторой самостоятельностью, а также тот факт, что все поданные султана обладали равными правами между собой и карьерное продвижение зависело только от их заслуг, хотя история Османской империи и свидетельствует о существовании крупных семей и династий, все же ислам не знает разделения по принципу социального положения, как это было, например, в Древнем Риме, где общество классово делилось на патрициев и плебеев.

История Турции берет свое начало с XI в., когда в Малую Азию стали проникать племена тюрков или, по-другому, огузов, которые создали раннефеодалное государство, во главе которого стоял «джабгу». Огузское государство делилось на племена, во главе с беем, а те в свою очередь на уруки (родовые подразделения – семейные кланы) и аймаки, которых было 12. Племена были объединены в крупные племенные союзы, которые назывались «иль», что означает страна. Правители имели соправителей и советников- заместителей (кюль еркин). В связи с тем, что государство огузов опиралось на военную демократию, важнейшими фигурами были военачальники, носившие титул «сюбаши», они вмешивались во все политические события. Власть верховного правителя ограничивалась народным собранием, собиравшееся один раз в год, на котором правом «вето» обладали рядовые члены огузского общества, а потом советом военно-племенной аристократии- знати, который назывался «канкаш». С развитием огузского общества верховная власть стала принадлежать великому и малому курултаям, которые обозначали народовластие тюрков, но нюанс заключается в том, что на курултае сильные позиции имела лишь знать, которая и влияла на принятие решений.

Огузское государство перестало существовать в XI веке, его вытеснил Сельджукский султанат [2, с. 273]. Центральная администрация имела зеркальное отражение в провинциальных структурах, с разделением обязанностей на гражданские и военные.

Но постепенной децентрализации власти способствовал тот факт, что султан, объявив землю государственной собственностью, стал широко раздавать в икта (пожалования) военным, представителям гражданской бюрократии и членам правящей династии государственные и коронные земли взамен жалованья. Сначала это давало возможность султану удерживать власть и ставило держателей икта – мукта в зависимость от султана, который был верховным собственником всего

земельного фонда империи, но в конце XI века, когда завершились завоевания, приносящие знати новые земельные владения, это привело к экономической и политической мощи феодалов-тюркских эмиров, которые становились пожизненными и даже наследственными земельными собственниками.

Влияние на государственный аппарат имело военное сословие, которое привело к ослаблению верховной власти султана и наряду с представителями местного населения – тазиками, вакантные гражданские должности занимала в основном тюркская знать, а племенная монархия султана вовсе походила на организацию оседлого раннего государства: меджлис, представляющий собой собрания военной знати и исполняющий общеполитическую функцию, появились капу - административные канцелярии. В XII в. происходит процесс феодальной раздробленности, Сельджукская держава распадается на ряд феодальных владений и государств: атабекство, эмираты, в которых правили военачальники, а сама действующая система деления на уделы способствовала усилению крупных военачальников в экономическом и политическом смысле.

В конце XIII в. ослабленный Сельджукский султанат распался на 10 (по другим данным, на 16) независимых княжеств – государственных образований (бейликов, или эмиратов), которые были фактически независимы [3].

Процесс становления новых политических объединений обозначился в пограничных областях – удж, передававшиеся по наследству и которые предоставлялись главам отдельных кочевых и полукочевых племен, властители в которых могли кочевать вместе с племенем, собирать дань с подвластного оседлого населения, а также расширять свои владения за счет соседних государств. Жители уджа были вооружены, так их жизнь представляла каждодневные опасения стычек с соседями, набегов с целью захвата новых земель. Племена, жившие на границах, вели определенный военно-кочевой быт с распределением обязанностей, часть кочевников пасла скот, другие занимались хозяйством, третьи несли воинскую службу и т.д.

Османский бейлик породил Великую Османскую империю. На первых порах управление бейликом было примитивным, например, отсутствовало налогообложение. На совете племенной знати утверждались беи, которые выступали в роли военачальников и организовывали военное дело (джихад или газават) против неверных. Беев поддерживали его многочисленные родные, которых они после побед над неверными назначали правителями захваченных земельных наделов, городов, крепостей.

С XIV в. происходит расширение Османского государства, способствующее усложнению системы его управления, а именно разграничению провинций и назначению там наместников, которых утверждала власть из центра. Вместо существовавших уделов начало вводиться административно-территориальное деление завоеванных земель. Территория Османской империи делилась на провинции, или наместничества – бейлербейлик (эялеты с XVI в., их насчитывалось 21), которые являлись самой крупной административно-территориальной единицей. Их возглавлял бейлербей (губернатор), назначаемый султаном, который носил титул паши и обладал полным верховенством на своей территории, сосредотачивал в своих руках полнотой административной и военной власти в провинции, включая назначение должностных лиц и распределение земельных наделов. Каждый бейлербей имел свой двор, канцелярию и диван. Каждый эялет делился на уезды, называемые санджаками, которые считались основной административно-территориальной единицей Османской империи (их количество было доведено с 50 до 250), во главе которых стояли санджак-беи, которые были в подчинении бейлербея, но в пределах своей территории имели те же права, что и бейлербеи в своих провинциях. Они имели в качестве помощников – дефтердаров- финансовых агентов, находящихся в подчинении центру.

Главным представителем гражданской администрации в провинции являлся кадий, который ведал всеми гражданскими и судебными делами в подведомственном ему округе, называвшемся «каза» [4, с. 334]. Каза (кадилик) является более мелкой административно-территориальной единицей в санджаке. Таким образом, границы казы обычно совпадали с границей санджака, и поэтому действия кадий и санджак-беев должны быть согласованными. Но кадии, в отличие от санджак-беев, назначались по султанскому указу и подчинялись непосредственно Стамбулу, то есть султану, что говорит о независимости судебной системы от административного контроля местных властей.

Но необходимо отметить, что части империи были весьма неоднородны, что и обуславливает разные системы управления. Например, горным областям, населенными кочевниками, Высокая Порта (правительство-канцелярия великого визиря и дивана Османской империи) давала значительную автономию вождям таких племен во внутреннем управлении, иными словами предоставляла местную власть – хюкюмет.

Существовали также политические образования со специфическими особенностями, имевшие абсолютную автономию в своих делах и пользовавшиеся покровительством султана, но ежегодно

должны были платить - харадж, преподносить товары (зерно, ткани) в качестве дара – пешкеш, и при необходимости участвовать в военных делах [5, с. 82 – 86].

Провинциальные правители поначалу были только назначенцами центральной власти, которых могли уволить за совершенные несправедливости, а лишаясь своего поста, лишались и земельных владений, но со временем их самостоятельность значительно окрепла. Они стали самостоятельными пашами, наделяясь султаном особыми полномочиями. Но в общих чертах государственно-политическое устройство государства османов сохранялось таким, каким оно образовалось в XVI в.

Необходимо отметить, что самые первые выборы в Османской империи состоялись в 1840 году, когда избирали депутатов местных советов, обязанных осуществлять самоуправление и контроль за общественным порядком в вилайетах. Первая Конституция 1876 г. еще больше расширила прерогативы султана, выборы депутатов были отменены, а положения, посвященные местному управлению, так и не были закреплены. Но это сделала временная Конституция 1921 г., впервые провозгласившая главой исполнительной власти не султана, а выборное Национальное собрание Турции. Отныне Турция делилась на вилайеты (губернии), каза (уезды) и нахие (волости). Прежние санджаки, представлявшие собой среднее звено между вилайетами и каза, были упразднены.

После окончания национально-освободительной борьбы против иноземных захватчиков и провозглашения Турецкой Республики временная конституция 1921 г., уже не отвечала социально-экономическим и политическим требованиям, которые выдвигала турецкая буржуазия [6, с. 26 – 27]. В период подготовки проекта новой конституции местное управление сохранилось на принципах закона «О Специальных административных провинциях» 1913 г.

Конституция 1961 г. лишь упоминает о том, что провинциальная администрация «создается на принципах самоуправления» (ст. 115), «выборы местных административных органов будут производиться в соответствии с законом» (ст. 116). Последняя Конституция 1982 г. положила собой новый и современный этап реформирования системы местного управления, закрепив, наконец, понятие местного самоуправления и порядок формирования их органов.

Рассматривая эволюцию организации местного самоуправления таких двух стран Евразийского региона, как Россия и Турция, можно прийти к выводу, что самоуправление в России существовало на всем протяжении ее истории, равно как и в Турции попытки самостоятельного управления на местах были со времен образования собственно Турции. Местное самоуправление в истории России обладало значительным потенциалом развития, но не было реализовано ввиду отсутствия свободы действия и контроля государства. Что касается местного самоуправления Турции, то говорить, было ли оно тем муниципальным управлением, которое мы понимаем в его классическом значении, наверно, нельзя, тем более что там также существовал постоянный контроль верховной власти [8]. Да и само управление на местах зачастую сводилось лишь к управлению в военной сфере, что обуславливается военными чертами турецкой государственности.

На протяжении всего развития местного самоуправления в странах всегда придавался особый статус органам местного управления на приграничных территориях. Несмотря на разный путь развития государств органы местного управления на приграничных территориях всегда имели особые условия в принятии решений преследуя определенные экономические, политические и военные цели государства [9].

Литература

1. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права: Учебник в 2 т. Издание третье, исправленное. Т. 1. М., 2000. 528 с.
2. *История Востока.* В 6 т. Т. 2. Восток в средние века. М.: Вост. лит., 2002. гл. III.
3. *История стран зарубежной Азии в Средние века /* Под ред. А. М. Голдобина. М.: Наука, 1970. 640 с.
4. *Всемирная история в 10 томах. Том 4. /* Под ред. А. Белявского, Л. Лазаревича, А. Монгайта. М. Издательство социально-экономической литературы. 1958.
5. *Хитцель Ф.* Османская империя. М.: Вече, 2006. 384 с.
6. *Георгиян Э.А.* Турецкая Республика, основные институты государственного строя. М.: Наука. 1975. 220 с.
7. *Шаповалова А.М.* Местное самоуправление: ресурс самоорганизации гражданского общества в России. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
8. *Сериков А.В., Венцель С.В.* Современные геополитические перспективы Турции в Европейском союзе // *Caucasian Science Bridge.* 2018. Т. 1. № 1. С. 12 – 24.
9. *Черноморско-Каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции.* Ростов-на-Дону, 2015. 214 с.

Shapovalova Anna Mikhaelovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional studies of Southern Federal University (160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: annasfedu@gmail.com

**EVOLUTION OF LOCAL GOVERNMENT ORGANIZATION IN BORDER AREAS
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND TURKEY)**

Abstract

The article describes periods of formation of local self-government in Russia and Turkey, organization of local self-government in border territories throughout the formation of states, role of local self-government in strengthening state integrity are considered.

Keywords: *local self-government, border territories, development history, Russia, Turkey, Eurasian region, state power, central power, Councils of Elders.*

References

1. Omel'chenko O.A. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava: Uchebnyk v 2 t. Izdanie tret'e, ispravlennoe. T. 1. M., 2000. 528 p.
2. Istoriya Vostoka. V 6 t. T. 2. Vostok v srednie veka. M.: Vost. lit., 2002. gl. III.
3. Istoriya stran zarubezhnoj Azii v Srednie veka / Pod red. A. M. Goldobina. M.: Nauka, 1970. 640 p.
4. Vsemirnaya istoriya v 10 tomah. Tom 4. / Pod red. A. Belyavskogo, L. Lazarevicha, A. Mongajta. M. Iz-datel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury. 1958.
5. Hitcel' F. Osmanskaya imperiya. M.: Veche, 2006. 384 p.
6. Georgiyan E.A. Tureckaya Respublika, osnovnye instituty gosudarstvennogo stroya. M.: Nauka. 1975. 220 p.
7. SHapovalova A.M. Mestnoe samoupravlenie: resurs samoorganizacii grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
8. Serikov A.V., Vencel' S.V. Sovremennye geopoliticheskie perspektivy Turcii v Evropejskom soyuze // Caucasian Science Bridge. 2018. T. 1. № 1. P. 12 – 24.
9. CHernomorsko-Kaspijskij region: vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii v usloviyah geopoliticheskoy, georeligioznoj i geoekonomicheskoy konkurencii. Rostov-na-Donu, 2015. 214 p.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ*

Михалкина Елена Владимировна	доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88). E-mail: evmihalkina@sfedu.ru
Герасимова Ольга Ярославовна	старший преподаватель кафедры управления человеческими ресурсами экономического факультета, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88). E-mail: osenkiv@sfedu.ru

Аннотация

В условиях цифровизации процессов и результатов деятельности в сфере высшего образования особую актуальность приобретает проблема подготовки конкурентоспособных специалистов. Конкурентоспособность выпускников высших учебных заведений, способность их соответствовать высоким требованиям профессионального рынка труда определяется в первую очередь качеством образования. Качество образования можно оценить через удовлетворенность студентов. В данной статье, на основе систематизации теоретических подходов и практик выявления критериев удовлетворенности студентов полученным высшим образованием в бакалавриате и магистратуре, представлены результаты исследования и оценки индекса удовлетворенности выпускников качеством образования на примере федерального университета. В качестве результатов исследования выделены и оценены параметры удовлетворенности такие, как: «возможность проведения научных исследований, участия в конференциях», «оснащенность материально-техническим оборудованием», «организация образовательного процесса», «эффективность взаимодействия с научным руководителем», «уровень профессионализма научно-педагогических работников».

Ключевые слова: *удовлетворенность, цифровая экономика, выпускники, качество образования, человеческий капитал, цифровая образовательная среда, рынок труда, цифровые технологии, система управления персоналом.*

Повышение качества образования является стратегической целью для России. Для этого необходимо обеспечить глобальную конкурентоспособности российского образования, создать современную и безопасную цифровую образовательную среду¹. Современная система высшего образования должна обеспечивать возможность студентам обучаться по таким программам, чтобы в последствии быть конкурентоспособными на рынке труда, т.е. быть готовыми к применению знаний и навыков в соответствии с потребностями общества и меняющимися условиями. Такие ориентиры особенно актуальны в эпоху цифровизации. Цифровизация, масштабы развития цифрового сектора экономики вносят существенные изменения в сферу занятости, в сферу подготовки специалистов, в развитие и формирование человеческого капитала. Сегодня основной площадкой широкого применения цифровых технологий выступает рынок труда. Изменения, касающиеся качества производительных сил связаны, в первую очередь, с поведением субъектов социально-трудовых отношений и выражаются в возрастающих поколенческих разрывах, в различиях восприимчивости индивидов к изменениям, связанными с трансформациями, обусловленными переходом к четвертому технологическому укладу. В частности, в настоящее время происходит изменение характера и содержания труда. Современный труд характеризуется как сетевой, личностный, творческий, креативный. Все шире используются формы индивидуальной занятости с полным циклом, применяются новые системы оценки результатов труда, востребованности труда, развиваются свободные формы занятости без привязки к рабочим местам, практикуется доместикация рабочих мест. Тестируется этап становления качественно нового уровня развития производительных сил, при котором наблюдается широкое замещение человеческого труда, например, там, где есть строгие алгоритмы, может применяться искусственный интеллект. Изменения происходят и в системе управления персоналом, при отборе и найме эффективных сотрудников. Так, в кредитно-финансовой сфере применяются облачная платформа SAP SuccessFactors, которая представляет собой единый внутренний рынок труда Сбербанка.

* Исследование проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 18-010-00591 «Выбор карьерных стратегий аспирантами».

¹ Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>

Глобальные изменения, вызванные цифровизацией всех сторон жизни, затронули и высшие учебные заведения. Соответствие условиям и темпам развития цифровой революции вызывает потребность не только менять подходы к образованию, но и вводить новые элементы технологии в образовательный процесс, в систему управления университетами. Вся совокупность инновационных цифровых инструментов объединяется в одно понятие «цифровой университет».

Таким образом, чтобы выжить в сфере высоко конкурентного высшего образования необходимо соответствовать постепенно возрастающей роли цифровой революции. Цифровая трансформация формирует потребность в цифровых компетенциях для использования сервисов цифровой экономики. В этих условиях особенно актуальна проблема удовлетворенности качеством образования.

Качество образования в высшей школе можно определить через сформированный человеческий капитал выпускников современных университетов. Качество образования – определенный уровень знаний, умений и навыков, которого достигают обучаемые на определенном этапе, отражающий степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов выпускников нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям.

Ключевым принципом в обеспечении качества образования в эпоху цифровизации является информационная открытость образовательной организации. Так, в ст. 29 Закона «Об образовании» отмечено, что образовательные организации формируют открытые и общедоступные информационные ресурсы¹. Это обеспечит возможности для оценки эффективности образовательной деятельности и для совершенствования процессов управления, а также позволит выявить уровень удовлетворенности обучающихся и выпускников качеством полученного ими образования.

Цифровые инструменты формирования образовательного контента и сопровождения обучающегося по индивидуальной траектории включают личный кабинет руководителя образовательной программы и личный кабинет обучающегося. Личный кабинет обучающегося имеет доступ к структуре образовательной программе, расписанию, результатам рейтинговой оценки, позволяет формировать личное портфолио (курсовые работы, статьи, проекты, сертификаты, участие в конференциях и др.), формирует доступ к цифровой библиотеке, позволяет формировать индивидуальную траекторию развития на основе выбора дисциплин специализации, записи на мероприятия студенческой недели академической мобильности.

Высокую степень значимости приобретают и цифровые компетенции. На уровне компетенций студентов возникает потребность в сквозном формировании базовых цифровых компетенций (включая общие, профессиональные, комплементарные и навыки использования информации) и специализированных траекторий их развития. На уровне формирования цифровых компетенций преподавателей необходимо развивать системы мотивации, контроля и мониторинга оценки компетенций цифровой грамотности при использовании образовательного контента (расширение применения цифровых технологий в образовательном процессе для введения ИКТ в повседневную практику и создания системы «Умного образования» – SMART обучения).

Таким образом, качество образования зависит от ряда факторов, в частности, от доступности образовательной среды цифрового университета; от профессионализма преподавателей; от уровня подготовленности абитуриентов; от уровня материально-технической обеспеченности и доступной инфраструктуры; от вовлеченности студентов в научные проекты и участие в программах академической международной мобильности. Существуют два подхода к оценке качества образования: административный и личностный [3, с. 13]. Согласно административному подходу качество образования обеспечивается соответствием образовательной программы требованиям ФГОС ВО через процедуры лицензирования, аттестации и аккредитации вузов, а также методом рейтинговой оценки вуза (рейтинг лучших университетов мира Times Higher Education, рейтинг мирового аналитического центра Center for World University Rankings (CWUR) и др.). Качество образования согласно рейтингу THE оценивается преимущественно на основании результатов ежегодного глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества и работодателей. Согласно рейтингу CWUR качество образования определяется на базе того, сколько выпускников вуза получили престижные международные научные и академические премии и награды. То есть основным критерием качества выступает востребованность выпускников университета, их авторитет и вес в бизнес-сообществе.

В соответствии с личностным подходом происходит оценка качества образования непосредственными участниками образовательного процесса, на основе тестируемых критериев. Традиционно считается, что при оценке качества ключевым индикатором выступает удовлетворенность потребителей образовательными услугами [15, с. 43]. Оценить удовлетворенность потребителей качеством услуги можно методом социологического опроса, на основании которого могут прини-

¹ Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

маться управленческие решения и корректирующие меры. Именно удовлетворенный студент принимается в качестве одного из источников конкурентного преимущества вуза в национальных и международных академических рейтингах [4, с. 561].

Проблемы удовлетворенности и удержания талантливой молодежи актуальны в исследованиях зарубежных авторов. Так, Элиот К. и Шин Д. фактическое удовлетворение потребностей и ожиданий студентов трактуют как лучший способ для высших учебных заведений привлечь и удержать талантливых студентов [11, с. 198]. Грейс Б. и Ким Дж. отмечали, что лояльность студентов рассматривается высшими учебными заведениями как финансовая основа для академической деятельности [14]. Гинсбург М. отмечал, что высшие учебные заведения уделяют пристальное внимание как ценности навыков и умений своих выпускников в обществе, так и восприятию студентами образовательного опыта в университете [13, 17]. Таким образом, анализ зарубежной и российской практики позволяет заключить, что удовлетворенность выпускников ВУЗа может включать не только вопросы обеспечения высокого качества образования, но и опыт, учебные ресурсы, материально-техническую базу, эффективность образовательной программы, величину оплаты за обучение, имидж университета, политику лояльности и удержания студентов, но самое главное - эффективность преподавателей и их консультации [4, 6, 7, 9, 10, 12, 18]. Назарова Б. считает, что эффективный преподаватель окажет позитивное влияние на удовлетворенность студентами образовательным процессом, если он является эффективным исследователем; имеет опыт работы в ведущих университетах и может преподавать на английском; определился с самоидентификацией (баланс между преподаванием и наукой) [1, с. 63-65]. По нашему мнению, к удовлетворенности также следует отнести возможность трудоустроиться по специальности, карьерные и зарплатные ожидания, культурные достижения, личные цели (саморазвитие). Удовлетворенность студентов широко признана в качестве влиятельного барометра качества образовательного процесса для высших учебных заведений [5, с. 144].

Существует множество методик расчета удовлетворенности, но наиболее популярным является индексный метод, в рамках которого можно рассчитать индекс удовлетворенности по определенным факторам, а также общий индекс удовлетворенности с учетом корректирующего коэффициента.

Индекс удовлетворенности по фактору рассчитывается по формуле:

$$I_{уд. инд} = \frac{\Phi_{ср}}{B_{max}} \times 100\% \quad [2],$$

где $I_{уд. инд}$ - индекс удовлетворенности по фактору, B_{max} - максимальное количество баллов по шкале оценки факторов удовлетворенности, $\Phi_{ср}$ - средний балл по фактору.

Общий индекс удовлетворенности рассчитывается по формуле:

$$I_{уд} = \Phi_{ср} \times W \quad [2],$$

где $I_{уд}$ - индекс удовлетворенности, $\Phi_{ср}$ - средний балл по фактору, W - корректирующий коэффициент.

Для подтверждения теоретических суждений приведем оценки удовлетворенности качеством образования на примере выпускников бакалавриата (115 человек) и магистратуры (93 человека) укрупненной группы специальности 38.00.00 - Экономика и управление федерального университета. Гендерный состав выборки представлен по выпускникам бакалавриата - девушек (69,6%), юношей (30,4%), по выпускникам магистратуры - 50,5% и 49,5% соответственно. Ключевым индикатором удовлетворенности качеством полученного образования и показателем успешности, на наш взгляд, является трудоустройство и трудоустройство по специальности. В ходе исследования выявлено, что 68,7% бакалавров и 84% магистров когда-либо совмещали учебу и работу. Однако из них лишь у 53,2% бакалавров и 64,1% магистров занятость была связана с получаемой специальностью. В перспективе по специальности собираются работать - 57,4% выпускников бакалавриата и 62,37% выпускников магистратуры. Однако по результатам опроса карьерные планы могут поменяться примерно у 25-30% выпускников. Данный показатель является типичным и отражает общие карьерные предпочтения российской молодежи.

Среди причин, сдерживающих трудоустройство по специальности, отмечены такие, как: низкий уровень зарплат специалистов данной профессии, неинтересное содержание работы, низкая востребованность специалистов данного профиля.

В результате опроса получены противоречивые данные как по возможностям трудоустройства по специальности, так и по уровню зарплат, мнения опрошенных разделились в обеих группах. Если рассмотреть ожидания трудоустройства, то выпускники магистратуры настроены более оптимистично, и более 89% считают, что работу по специальности найти достаточно легко (рис. 1).

Если же сравнивать ожидаемый уровень заработной платы, то выпускники магистратуры ожидают более высокий уровень зарплат, чем выпускники бакалавриата. Выпускники бакалавриа-

та и магистратуры весьма оптимистично оценивают свой уровень конкурентоспособности: 61,7% бакалавров и 59,2% магистров считают его выше среднего и высоким (рис. 2).

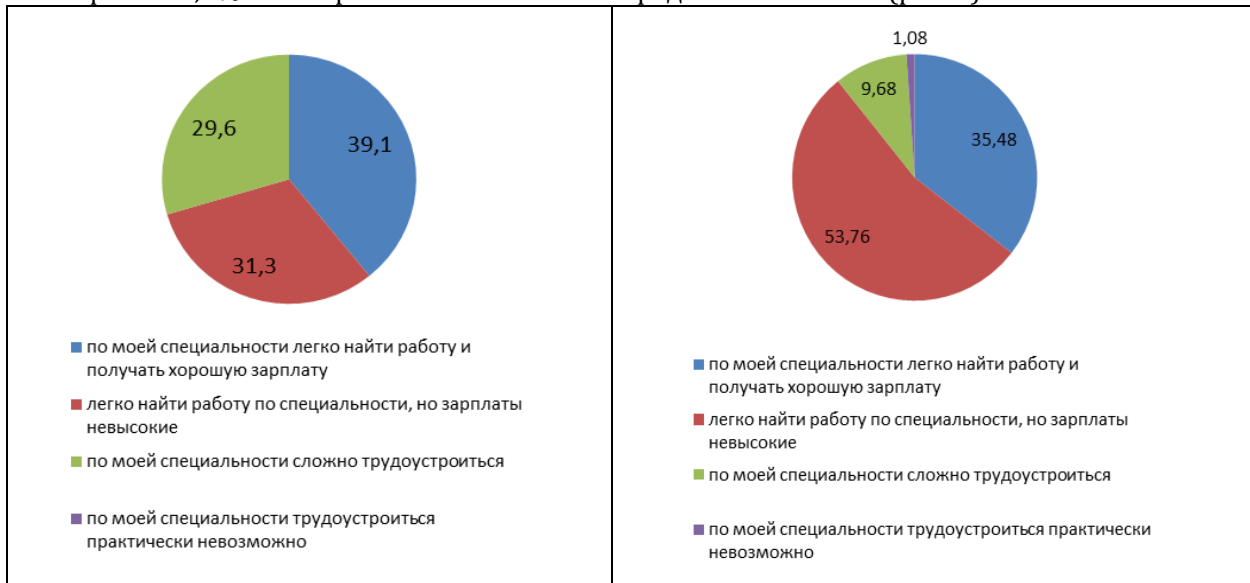

Рис. 1. Возможности трудоустройства выпускников бакалавриата (а) и магистратуры (б), %

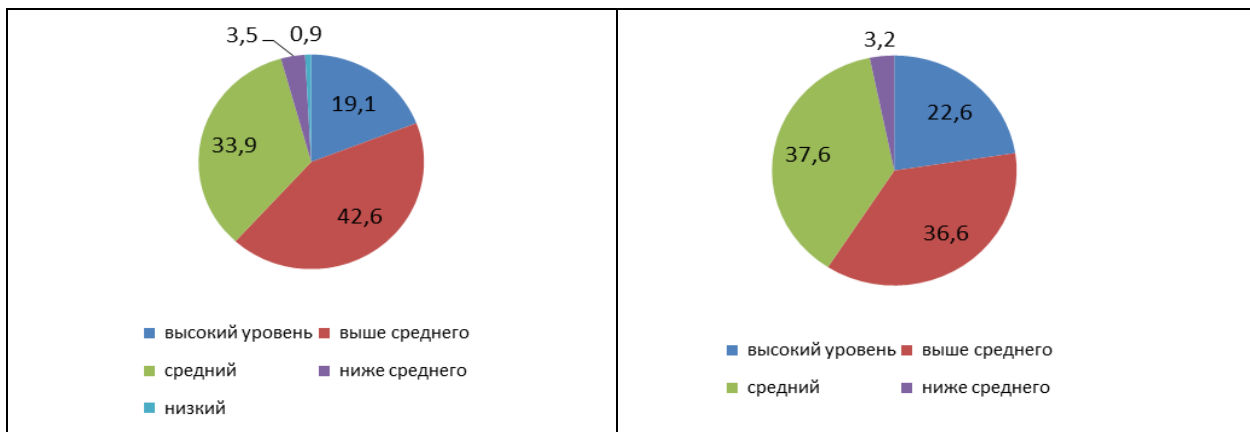

Рис. 2. Субъективная оценка уровня конкурентоспособности как специалиста на рынке труда выпускников бакалавриата (а) и магистратуры (б), %

Успешная карьера выпускников вуза является важной оценкой роли вуза, способности удовлетворять потребности государства и общества в высококвалифицированных кадрах. В исследовании сделана попытка определить, какие критерии конкурентоспособности влияют на эффективность профессиональной деятельности выпускника. Данные представлены на рис. 3. Выпускники бакалавриата и магистратуры выделяют профессиональные знания и компетенции (60% и 58,1% соответственно), личностные качества (42,6% и 52,7%), способность к развитию и обучению (32,2% и 29,0 %).

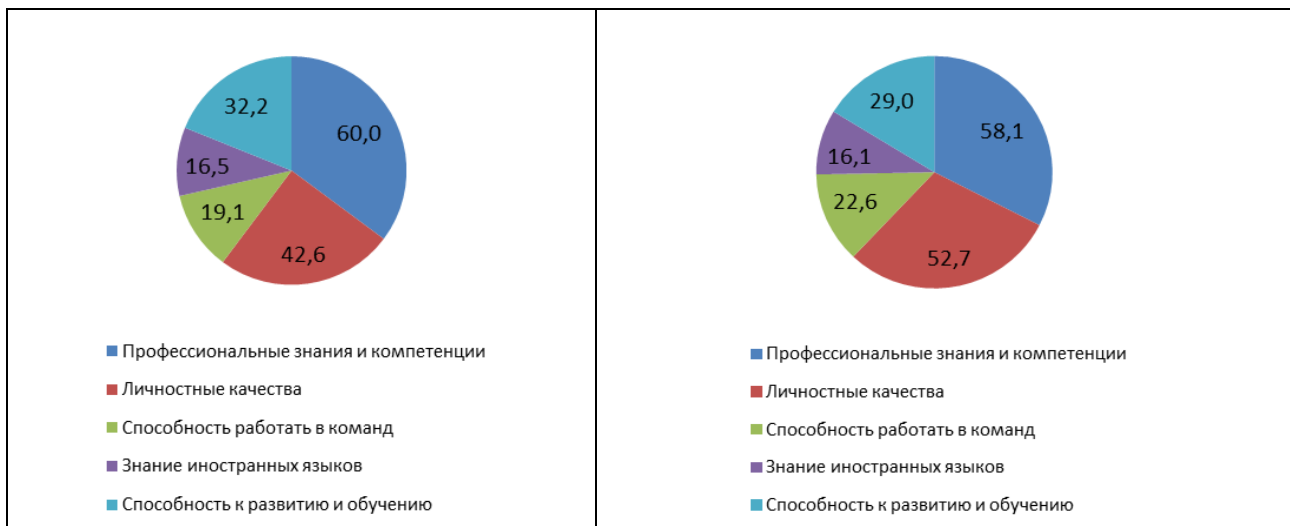

Рис. 3. Субъективные критерии, определяющие уровень конкурентоспособности как специалиста на рынке труда выпускников бакалавриата (а) и магистратуры (б), %

Также исследовательский интерес представляют факторы, которые могут повлиять на выбор сферы деятельности (рис. 4). Лидирующими среди указанных факторов оказались заработная плата, которую назвали 78,3% выпускников бакалавриата и 86% выпускников магистратуры, возможность расти и развиваться в карьере – 69,6% и 47,3% соответственно, интересная работа – 48,7% и 48,4%.

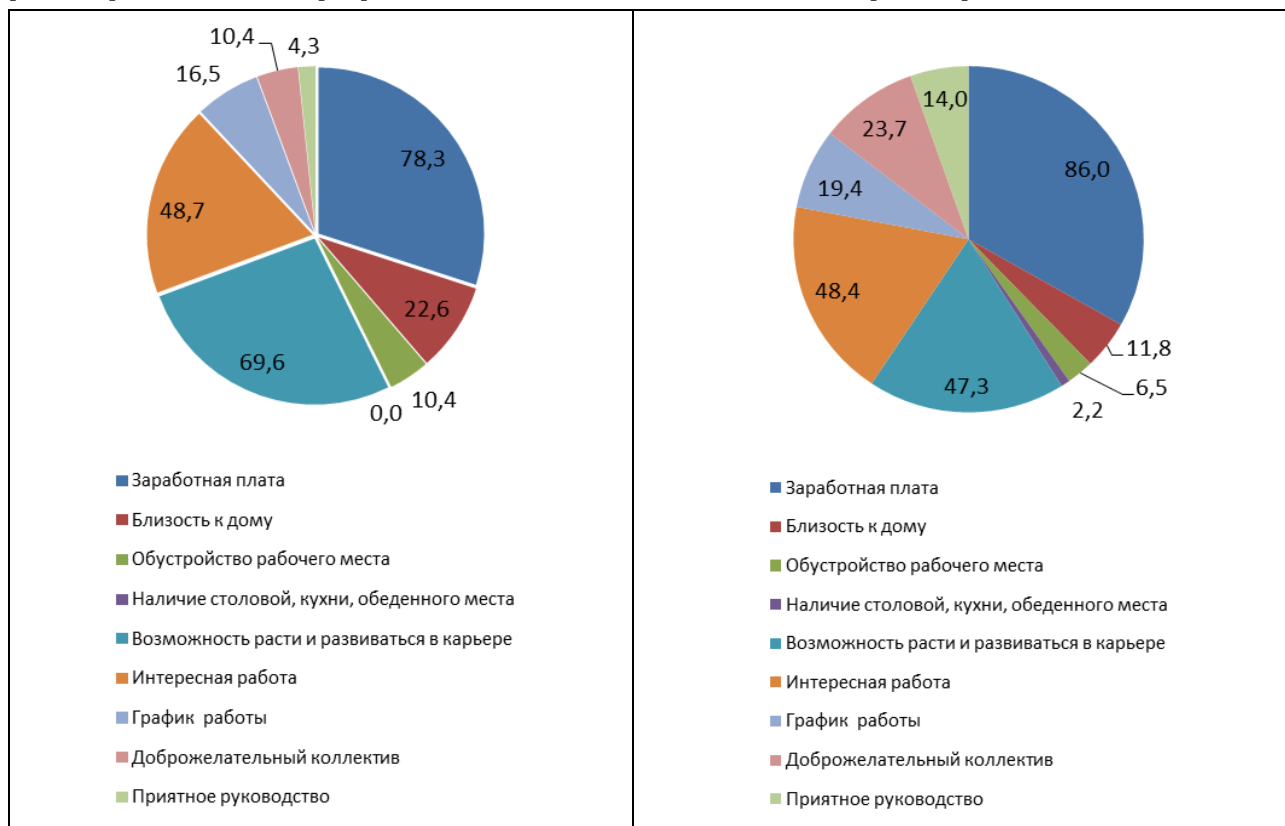

Рис. 4. Факторы трудоустройства выпускников бакалавриата (а) и магистратуры (б), %

При оценке стимулов и мотивов в сфере занятости по 10 балльной шкале у выпускников бакалавриата, по всем критериям мода составила 10, кроме критерия «возможность работать с единомышленниками, близкими по устремлениям и взглядам людьми» (7). Стандартное отклонения по всем пунктам составляет не больше 3. Если же говорить о коэффициенте вариации, то к средней вариации относятся такие признаки, как «постоянное профессиональное развитие», «совершенствование», «возможность сделать карьеру», «продвижение по служебной лестнице», «высокий уровень заработной платы». К значительной вариации относятся такие признаки, как «возможность реализовать свои способности и интересы», «разнообразная, творческая, требующая проявления инициативы работа», «комфортный психологический климат на рабочем месте», «возможность работать с единомышленниками, близкими по устремлениям и взглядам людьми», «удобный график работы», «четко расписанные и понятные функции и обязанности», «хорошие условия работы». Мнения респондентов оказались неоднородными¹ по таким признакам: «возможность работать в известной, престижной компании», «возможность заниматься полезной, востребованной для общества деятельностью», «социальные программы поддержки (например, жилищные программы)».

Аналогично были оценены стимулы и мотивы в работе у выпускников магистратуры: мода составила 10 по следующим критериям: возможность реализовать свои способности и интересы, постоянное профессиональное развитие, совершенствование, возможность сделать карьеру, продвигаться по служебной лестнице, высокий уровень заработной платы, комфортный психологический климат на работе, возможность работать с единомышленниками, близкими по устремлениям и взглядам людьми, хорошие условия работы; наименьшая мода 5 – по критерию социальные программы поддержки (например, жилищные программы).

¹ Если меньше 10%, то изменчивость вариационного ряда принято считать незначительной, от 10% до 20% относится к средней, больше 20% и меньше 33% к значительной, превышает 33%, то это говорит о неоднородности информации).

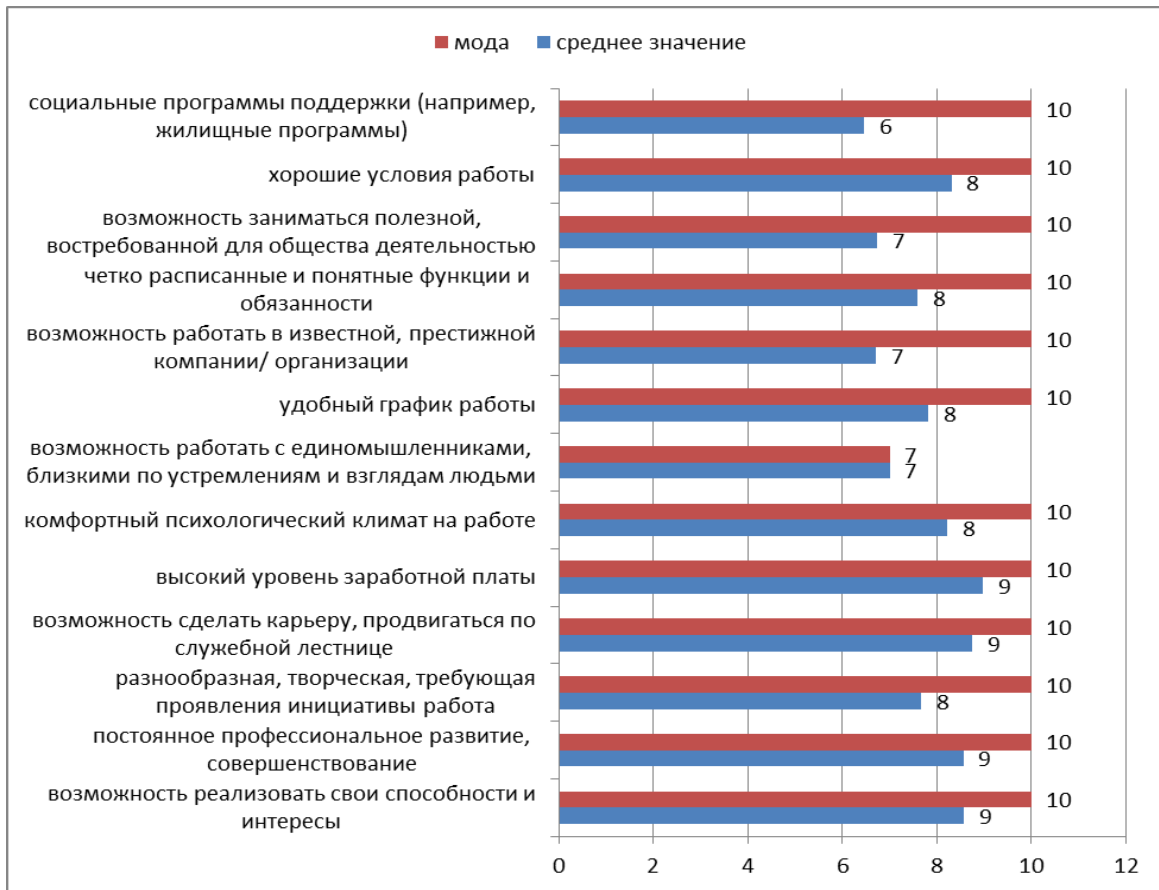

Рис. 5. Мода и средние значения, полученные при оценке стимулов и мотивов в работе выпускников бакалавриата

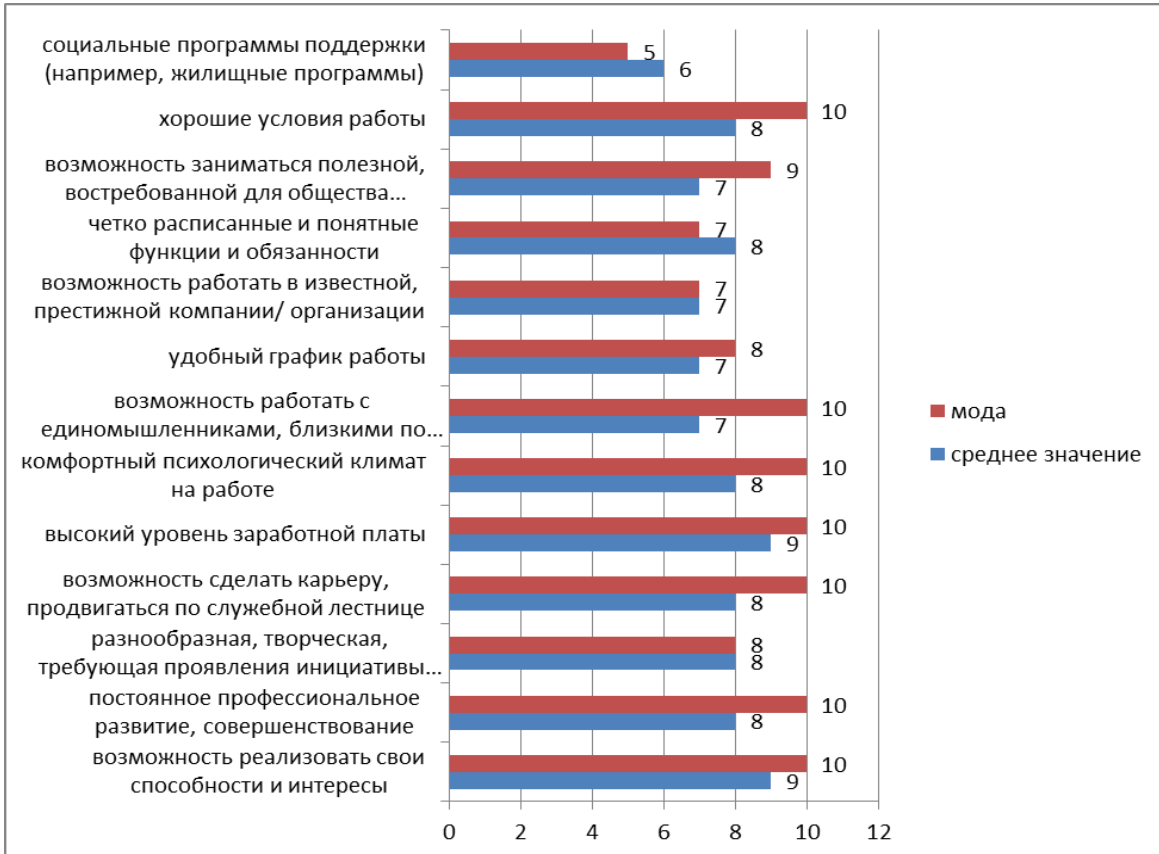

Рис. 6. Мода и средние значения, полученные при оценке стимулов и мотивов в работе выпускников магистратуры

Выпускники магистратуры в отличие от выпускников бакалавриата в большей степени знают, какими критериями будут руководствоваться при выборе места работы, и главным они считают – высокий уровень заработной платы. Далее выпускникам бакалавриата и магистратуры предлагалось оценить различные характеристики обучения по 10 балльной шкале, по всем критериям мода также составила 10, стандартное отклонение – не больше 2.

Анализ коэффициента вариации по опрошенным бакалаврам показал, что к средней вариации относятся такие характеристики, как «уровень профессионализма научно-педагогических работников», «лояльность преподавателей», «организация образовательного процесса (наличие и исполнение расписания, пунктуальность преподавателей, осведомленность о программе бакалавриата)», «эффективность взаимодействия с научным руководителем», «актуальность содержания программ», «возможность проведения научных исследований, участия в конференциях», «оснащенность материально-техническим оборудованием». По оценкам выпускников магистратуры к средней вариации относится такая характеристика, как «уровень профессионализма научно-педагогических работников». Таким образом, можно сделать вывод, что бакалавры более единодушны в своих оценках качества обучения.

В целях анализа характеристик образовательного процесса приведем пример оценки удовлетворенности с применением следующей формулы расчета индекса удовлетворенности по фактору: $I_{уд. инд} = \frac{\Phi_{ср}}{B_{max}} \times 100\%$ [2], где $I_{уд. инд}$ – индекс удовлетворенности по фактору, B_{max} – максимальное количество баллов по шкале оценки факторов удовлетворенности, $\Phi_{ср}$ – средний балл по фактору.

Факторы удовлетворенности	Удовлетворенность по факторам у бакалавров, %	Удовлетворенность по факторам у магистров, %
Уровень профессионализма научно-педагогических работников	92	91
Лояльность преподавателей	86	91
Обеспеченность и доступность библиотек университета	82	90
Организация образовательного процесса (наличие и исполнение расписания, пунктуальность преподавателей, осведомленность о программе бакалавриата / магистратуры)	86	93
Эффективность взаимодействия с научным руководителем	93	94
Актуальность программы / содержания бакалавриата / магистратуры	88	88
Возможность проведения научных исследований, участия в конференциях	87	90
Оснащенность материально-техническим оборудованием	86	90
Возможность научно-исследовательских стажировок в университетах (российских и зарубежных)	83	95

В целом выпускники магистратуры отмечают более высокий уровень удовлетворенности.

Далее сравним компетенции и знания, необходимые в условиях профессиональной деятельности и те, которые формируются по укрупненной группе специальностей 38.00.00 – Экономика и управление. Мода по каждому из критериев снова 10. Поэтому сравним средние значения. Полностью совпадают значения «должно быть» и «есть» по следующим компетенциям: «способность приобретать новые профессиональные знания, воспринимать и анализировать новую информацию, развивать новые идеи», «готовность к самостоятельной работе, нацеленность на конечный результат», «владение умениями интерпретировать результаты исследований», «делать выводы», «способность к организации и планированию», «навыки публичного выступления». Сравнительный анализ показал, что, по мнению выпускников бакалавриата, университет дает знаний и компетенций больше, чем необходимо организациям, по следующим характеристикам: «общетеоретическая подготовка, базовые знания в различных областях», «хорошая теоретическая подготовка по основам профессиональных знаний», «способность к проектной деятельности в профессиональной среде», «владение методами познания, методами решения научных проблем», «способность проводить исследования», «владение технологией создания научного труда (научной статьи, тезисов доклада, монографии, научно-методических рекомендаций)». По мнению выпускников бакалавриата, университет дает знаний и компетенций меньше, чем необходимо организациям, по следующим характеристикам: «практические знания, умения, необходимые для профессиональной деятельности», «способность находить нестандартные решения типовых задач или умение решать нестандартные профессиональные задачи», «инициативность и предприимчивость в работе», «способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности, эффективно представлять себя и результаты своего труда».

По мнению выпускников магистратуры полностью совпадают значения «должно быть» и «есть» по следующим компетенциям: «хорошая теоретическая подготовка по основам профессиональных знаний», «навыки управления информацией (владение эффективными методами и средствами сбора, обмена, хранения и обработки информации, в т.ч. на компьютере)», «способность приобретать новые

профессиональные знания, воспринимать и анализировать новую информацию, развивать новые идеи», «способность к обобщению, анализу и синтезу, постановке целей и выбору путей их решения», «знание профессиональных ПО и информационных продуктов, умение использовать современные информационно-коммуникационные технологии, электронные ресурсы», «способность работать в коллективе, команде», «способность к самоорганизации и самообразованию, стремление к дальнейшему профессиональному развитию», «способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности, эффективно представлять себя и результаты своего труда», «способность находить нестандартные решения типовых задач или умение решать нестандартные профессиональные задачи», «способность к проектной деятельности в профессиональной среде», «способность к организации и планированию». По мнению выпускников магистратуры, университет дает знаний и компетенций больше, чем необходимо организациям, по следующим характеристикам: «общетеоретическая подготовка, базовые знания в различных областях», «владение методами познания, методами решения научных проблем», «способность проводить исследования», «владение умениями интерпретировать результаты исследований, делать выводы», «владение технологией создания научного труда (научной статьи, тезисов доклада, монографии, научно - методических рекомендаций)», «навыки публичного выступления». По мнению выпускников магистратуры, университет дает знаний и компетенций меньше, чем необходимо организациям, по следующим характеристикам: «практические знания, умения, необходимые для профессиональной деятельности», «способность применять имеющиеся знания при решении задач», «готовность к самостоятельной работе, нацеленность на конечный результат», «инициативность и предприимчивость в работе».

Результаты исследования позволили выделить основные достоинства и недостатки в подготовке специалистов по направлению «Экономика и управление». Среди достоинств выпускники отметили: высокий профессионализм преподавателей, эффективность взаимодействия с научным руководителем, высокую общетеоретическую подготовку, базовые знания в различных областях, высокое развитие таких компетенций, как способность приобретать новые профессиональные знания, воспринимать и анализировать новую информацию, развивать новые идеи, готовность к самостоятельной работе, нацеленность на конечный результат, владение умениями интерпретировать результаты исследований, делать выводы, способность к организации и планированию, способность к проектной деятельности в профессиональной среде, владение методами познания, методами решения научных проблем, способность проводить исследования, владение технологией создания научного труда.

Результаты социологического опроса выпускников подтверждают, что уровень удовлетворенности обучением у молодежи довольно высокий. Однако уверенность в успешном трудоустройстве по получаемой специальности гораздо ниже и зависит, в первую очередь, от личностных особенностей обучающегося и его готовности к профессиональной деятельности.

Литература

1. Назарова И.Б. Вызовы для российских университетов и преподавателей // Высшее образование в России. 2015. № 8/9. С. 61 – 68.
2. Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. Оценка удовлетворенности трудом и мотивацией персонала: предпосылки и методика проведения // Мотивация и оплата труда. 2013. №3. С. 190 – 199.
3. Филиппов В.М., Пузанова Ж.В. Качество образования: возможности новых подходов к оценке. Теория и практика общественного развития. 2015. №24. С. 12 – 15.
4. Arambewela R., Hall J. An empirical model of international student satisfaction. Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics. 2009. 21(4), p. 555-569.
5. Arambewela R., Hall J. A comparative analysis of international education satisfaction using SERVQUAL. Journal of Services Research. 6(Special), 2006. p. 141-163.
6. Aldemir C., Gülcan Y. Student satisfaction in higher education: A Turkish case. Higher Education Management and Policy. 2004. 16(2), p. 109-122.
7. Azoury N., Daou L., Khoury C. E. University image and its relationship to student satisfaction-case of the Middle Eastern private business schools. International Strategic Management Review. 2014. 2(1), p. 1-8.
8. Bolliger D., Martindale T. Key Factors for Determining Student Satisfaction in Online Courses, International Journal of E-Learning, 2004. Vol.3, №.1, p.61-67.
9. Clemes M. D., Gan C. E., Kao T.-H. University student satisfaction: An empirical analysis. Journal of Marketing for Higher Education. 2008. 17(2), p. 292-325.
10. Douglas J., Douglas A., Barnes B. Measuring student satisfaction at a UK university. Quality Assurance in Education. 2006. 14(3), p. 251-267.
11. Elliott K.M., Shin D. Student Satisfaction: an alternative approach to assessing this important concept. Journal of Higher Education Policy and Management. 2002. vol. 24, p.197-209.
12. Giner G. R., Rillo A. P. Structural equation modeling of co-creation and its influence on the student's satisfaction and loyalty towards university. Journal of Computational and Applied Mathematics. 2015. p.257-263.
13. Ginsburg M. B. Understanding Educational Reform in Global Context: Economy, Ideology, and the State. Taylor & Francis. 1991.

14. Grace B. Y., Kim J.-H. Testing the mediating effect of the quality of college life in the student satisfaction and student loyalty relationship. *Applied Research in Quality of Life*. 2008. 3(1), p. 1-21.
15. Kotova S.S., Hasanova I. I., The quality of the educational process in the university through students' eyes. *Journal of Education and Science*. 2016. № 9. p. 43-61.
16. Shah M., Nair C., Richardson J., *Measuring and enhancing the student experience/ Chandos Publishing, Cambridge, 2016. p. 188.*
17. Munteanu C., Ceobanu C., Bobâlca C., Anton O. An analysis of customer satisfaction in a higher education context. *International Journal of Public Sector Management*. 2010. 23(2), p. 124-140.
18. Wilkins S., Stephens Balakrishnan M. Assessing student satisfaction in transnational higher education. *International Journal of Educational Management*. 2013. 27(2), p. 143-156.

Mikhalkina Elena Vladimirovna, Doctor of economics, professor, Dean of the Faculty of Economics, Southern Federal University (88, M. Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: evmikhalkina@sfedu.ru

Gerasimova Olga Yaroslavovna, senior lecturer of the human resources management department, faculty of Economics, Southern Federal University (88, M. Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: osenkiv@sfedu.ru

SATISFACTION OF UNIVERSITY GRADUATES WITH THE QUALITY OF EDUCATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract

The problem of training of competitive specialists becomes especially urgent in the conditions of digitalization of processes and results of activity in the sphere of higher education. The competitiveness of graduates of higher educational institutions, their ability to meet the high requirements of the professional labor market is determined by the quality of education primarily. The quality of education can be assessed through student satisfaction. In this article results of research and an assessment of index of satisfaction of graduates with quality of education on the example of Federal University are presented. The results were obtained on the basis of systematization of theoretical approaches and practices to identify criteria of satisfaction of students with higher education in bachelor's and master's degrees. The parameters of satisfaction such as: "the possibility of conducting research, participation in conferences", "equipment with material and technical equipment", "organization of the educational process", "the effectiveness of interaction with the supervisor", "the level of professionalism of scientific and pedagogical workers" are identified and evaluated as the results of the study.

Keywords: *satisfaction, graduates, quality of education, education, human capital, Digital education environment, labour market, digital technology, human resources management system.*

References

1. Nazarova I.B. Vyzovy dlya rossijskih universitetov i prepodavatelej // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. № 8/9. P. 61-68.
2. Mikhalkina E.V., Skachkova L.S. Ocenka udovletvorennosti trudom i motivaciej personala: predposylki i metodika provedeniya // Motivaciya i oplata truda. 2013. №3. P. 190 – 199.
3. Filippov V.M., Puzanova ZH.V. Kachestvo obrazovaniya: vozmozhnosti novyh podhodov k ocenke. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. №24. P. 12 – 15.
4. Arambewela R., Hall J. An empirical model of international student satisfaction. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*. 2009. 21(4), p. 555-569.
5. Arambewela R., Hall J. A comparative analysis of international education satisfaction using SERVQUAL. *Journal of Services Research*. 6(Special), 2006. p. 141-163.
6. Aldemir C., Gülcan Y. Student satisfaction in higher education: A Turkish case. *Higher Education Management and Policy*. 2004. 16(2), p. 109-122.
7. Azoury N., Daou L., Khoury C. E. University image and its relationship to student satisfaction-case of the Middle Eastern private business schools. *International Strategic Management Review*. 2014. 2(1), p. 1-8.
8. Bolliger D., Martindale T. Key Factors for Determining Student Satisfaction in Online Courses, *International Journal of E-Learning*, 2004. Vol.3, №.1, p.61-67.
9. Clemes M. D., Gan C. E., Kao T.-H. University student satisfaction: An empirical analysis. *Journal of Marketing for Higher Education*. 2008. 17(2), p. 292-325.
10. Douglas J., Douglas A., Barnes B. Measuring student satisfaction at a UK university. *Quality Assurance in Education*. 2006. 14(3), p. 251-267.
11. Elliott K.M., Shin D. Student Satisfaction: an alternative approach to assessing this important concept. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2002. vol. 24, p.197-209.
12. Giner G. R., Rillo A. P. Structural equation modeling of co-creation and its influence on the student's satisfaction and loyalty towards university. *Journal of Computational and Applied Mathematics*. 2015. p.257-263.
13. Ginsburg M. B. *Understanding Educational Reform in Global Context: Economy, Ideology, and the State*. Taylor & Francis. 1991
14. Grace B. Y., Kim J.-H. Testing the mediating effect of the quality of college life in the student satisfaction and student loyalty relationship. *Applied Research in Quality of Life*. 2008. 3(1), p. 1-21.
15. Kotova S.S., Hasanova I. I., The quality of the educational process in the university through students' eyes. *Journal of Education and Science*. 2016. № 9. p. 43-61.
16. Shah M., Nair C., Richardson J., *Measuring and enhancing the student experience/ Chandos Publishing, Cambridge, 2016. p. 188.*
17. Munteanu C., Ceobanu C., Bobâlca C., Anton O. An analysis of customer satisfaction in a higher education context. *International Journal of Public Sector Management*. 2010. 23(2), p. 124-140.
18. Wilkins S., Stephens Balakrishnan M. Assessing student satisfaction in transnational higher education. *International Journal of Educational Management*. 2013. 27(2), p. 143-156.

INTERNATIONAL CRYPTOCURRENCY MARKET AND DISTINGUISHING FEATURES OF ITS DEVELOPMENT

**Ushakov
Denis
Sergeevich**

Doctor of Economic Sciences, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (1U-Thong Nok Road, Dusit, Bangkok, 10300, Thailand), Professor of Department of International Economic Relations; South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). Author of 33 publications indexed in IDB Scopus with hi-5 in Scopus. E-mail: fintaliano@yandex.ru

**Podolskaya
Tatiana
Valentinovna**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations; South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: podolskayat@uriu.ranepa.ru

**Tomashevskaya
Ludmila
Avramovna**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Foreign languages and speech communications; South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: inyaz@uriu.ranepa.ru

**Sysoeva
Anna
Andreevna**

Master of Department of International Economic Relations; South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: anna_sysoeva94@mail.ru

Abstract

The article analyzes the emergence and development of cryptocurrency market, gives an overview of different approaches to defining cryptocurrency. It gives an outline of its key participants, their particular functions and factors which have an impact on its current trends.

Keywords: *cryptocurrency, blockchain, Bitcoin, cryptocurrency market, electronic money, financial transactions, finance, capitalization, financial market.*

The blockchain technology development has carved the path for cryptocurrencies. Cryptocurrencies emerged at the center of a complex intersection of economics, cryptography and ideology.

The first virtual currency – Bitcoin – gained widespread recognition and revolutionized the world of finance. Cryptocurrencies have become a generally accepted phenomenon after pseudonymous developer Satoshi Nakamoto designed and created an innovative decentralized ‘peer-to-peer’ (P2P) payment network with no middle-men (such as governments or banks) and no or minimal transaction costs, according to Coase’s theorem.

Bitcoin is an example of how an egalitarian, decentralized organization is able to handle the issues which are beyond the capabilities of traditional financial institutions. Like the Internet, Bitcoin is the property of the entirety of the Bitcoin community. It has no governing or controlling body. It provides incredible opportunities for making financial transactions more efficient and, most notably, more transparent.

The rise of Bitcoin made blockchain, its underlying technology, increasingly popular. A group of pseudonymous developers, the so called cyberpunks, is believed to lay the ground for the cryptocurrency in 1991. The developers were engaged in cryptography and concerned about safeguarding anonymity in the calculations.

In 1993, an American mathematician and programmer Eric Hughes was one of the first to come up with the concept of multistage encryption of payment transactions in order to guarantee their confidentiality and security. At the same time, Timothy May, an electronic engineer and computer scientist at Intel, published a paper on safeguarding the security of payment transactions through encryption, and making transactions without the need for intermediaries. To implement such ideas, it was necessary to create a new settlement mechanism, with no banking sector involved.

In 1998, Wei Dai described the concept of digital b-money, which enabled anonymous interacting parties to enforce contracts among themselves. It was only in 2008 when Satoshi Nakamoto designed and introduced Bitcoin.

The World Bank defines cryptocurrencies as a digital representation of value, which is denominated in their own unit of account, distinct from electronic money, which is simply a digital payment mechanism, represented and denominated in fiat (fiduciary) money [1]. In its 2012 report, the European Central Bank (ECB) classified cryptocurrencies as a subset of virtual currencies; a form of unregulated digital money, usually issued and controlled by their developers and used and accepted among the members of a specific virtual community [2].

In a new report, the ECB defines virtual currency as a digital representation of value not issued by the central bank, credit institution or issuer of electronic money, which in some circumstances can be used as an alternative to money [3]. Cryptocurrencies such as Bitcoin are a decentralized bi-directional (bilateral) virtual currency.

The International Monetary Fund (IMF) classifies virtual currencies as a digital representation of value issued by private developers and denominated in their own unit of account [4]. In line with this view on virtual currency, its scheme includes two elements:

1. The digital expression of value, which can be transferred to the other party.
2. The existence of basic payment and settlement mechanisms, including a publicly distributed ledger system.

The Bank for International Settlements identifies three aspects of cryptocurrencies, which, based on their view, have some monetary characteristics, e.g. they can be used as a medium of exchange. They are not guaranteed by a central bank or public authority, their value is determined by their acceptance as a medium of exchange. Cryptocurrencies are usually exchanged through decentralized, distributed ledgers, which secure P2P-exchange. They are designed and used by non-banking institutions [5].

The FATF (Financial Action Task Force) classifies cryptocurrencies as a subset of virtual currencies, which it defines as a digital representation of value that can be digitally traded and function as a medium of exchange; and/or a unit of account and/or a store of value, but do not have legal tender status in any jurisdiction. This currency performs the above-mentioned functions only by agreement and within the virtual currency user community [6].

Cryptocurrencies are essentially a decentralized payment network of peer users, which is maintained by the users themselves, with no central authorities or intermediaries [7].

'Cryptocurrencies' got their name due to the use of cryptography in decentralized virtual currency systems.

The key features exhibited by cryptocurrencies, according to Marco Streng, are: duration, divisibility, accessibility, globality, anonymity, open source, peer-to-peer, deflationary and decentralized nature [8]. Each unit of cryptocurrency is generated due to the computing power that users use, through a certain complex algorithm.

To understand how the cryptocurrency market works, we will hereafter have a look at its key participants and their particular roles.

A first, and very important, player is the 'cryptocurrency user'. This is a natural person or legal entity who obtains coins to use them to purchase real or virtual goods or services, to make P2P payments, or to hold them for investment purposes (in a speculative manner).

A second player is the 'miner', who participates in validating transactions on the blockchain by solving a 'cryptographic puzzle'. The process of mining relates to cryptocurrencies that are based on a PoW consensus mechanism. A miner supports the network, by harnessing computing power to validate transactions, and is rewarded with newly mined coins (i.e., through an automatic decentralized new issuance) [9].

A third group of key participants are the so called 'cryptocurrency exchanges'. They are online platforms where you can buy, sell or exchange cryptocurrency for the digital currencies or traditional national currency, as well as make more money through the difference in exchange rate. They usually function both as a bourse and as a form of exchange office. Examples of well-known cryptocurrency exchanges are: Bitfinex and Coinbase (both operate both as regular cryptocurrency exchanges and as wallet providers), Binance, HitBTC, Poloniex, and GDAX.

Some exchanges are pure cryptocurrency exchanges, which means that they only accept payments in other cryptocurrencies, usually Bitcoin (e.g. Binance), while others also accept payments in fiat currencies such as the US dollar or euro (e.g. Coinbase). Furthermore, many cryptocurrency exchanges only allow their users to buy a particular selection of coins.

In general, cryptocurrency exchanges offer their users a wide array of payment options, such as wire transfers, PayPal transfers, credit cards and other tokens [10]. Some cryptocurrency exchanges also provide statistics on the cryptocurrency market (like trading volumes and volatility of the coins traded) and offer conversion services to merchants who accept payments in cryptocurrencies.

A fourth group of key participants are 'trading platforms'. They also play an important role in the exchange of cryptocurrencies (and, most notably, allow cryptocurrency users to buy coins with cash). Trading platforms are market places that bring together different cryptocurrency users that are either looking to buy or sell coins, providing them with a platform on which they can directly trade with each other.

Trading platforms are sometimes referred to as 'P2P exchanges' or 'decentralized exchanges' [11]. They differ from cryptocurrency exchanges in a number of ways. Trading platforms simply connect the buyer with the seller, allowing them to conduct a deal online or even locally in-person. A well-known example of a trading platform for Bitcoins is LocalBitcoins.

A fifth group of key players are the so-called 'wallet providers'. Wallet providers are those entities that provide cryptocurrency users with digital wallets or e-wallets, which are used for holding, storing and transferring coins. Simply put, a wallet holds a cryptocurrency user's cryptographic keys. A wallet provider typically translates a cryptocurrency user's transaction history into an easily readable format which looks like a regular bank account [12].

A final group of key players to be distinguished are the so called 'coin offerors'. Coin offerors are individuals or legal entities that offer coins to cryptocurrency users upon the coin's initial release, either against payment (i.e., through a crowd sale), or at no charge (e.g., Stellar), normally to fund the coin's further development or boost its initial popularity. The coins these coin offerors offer to cryptocurrency users are created or 'pre-mined' prior to the coin's official release.

In recent years, the number of cryptocurrencies has grown significantly. Currently, there are several hundred cryptocurrencies in circulation with a total market capitalization of over 110 billion dollars.

Altcoins are all coins that are an alternative to Bitcoin. There are two types of Altcoins:

1. Altcoins that are built using Bitcoin's original open source protocol, with a number of changes to its underlying codes. An example of such an altcoin is Litecoin [13].
2. Altcoins that are not based on the Bitcoin's open source protocol, but that have their own protocol and distributed ledger. Well-known examples of such altcoins are Ethereum and Ripple [14].

3. The cryptocurrencies that have the highest market capitalization include: Bitcoin, Ethereum, XRP and others. Table 1 presents data on the market capitalization of the cryptocurrency market.

Table 1

The market capitalization cryptocurrency online at 2019/2020 year [15]

Title	Capitalization	Price
Total capitalization 2017: \$ 570 billion (December 31, 2017) Total capitalization 2018: \$ 140 billion (December 31, 2018) Total capitalization 2019: \$ 226.8 billion		
1. Bitcoin (BTC) Coins: 18 004 975 BTC	\$ 147.99 billion. Share: 65.25%	\$ 8,219 (↑ 1.44%) 1.0 btc
2. Ethereum (ETH) Coins: 108,238,828 ETH	\$ 18.86 billion. Share: 8.32%	\$ 174.3 (↓ -0.3%) 0.02120792 btc
3. XRP (XRP) Coins: 43242653330 XRP	\$ 12.65 billion. Share: 5.58%	\$ 0.29242 (↓ -0.24%) 0.00003558 btc
4. Bitcoin Cash (BCH) Coins : 18 069 638 BCH	\$ 4.19 billion. Share: 1.85%	\$ 231.7 (↑ 3.64%) 0.02819547 btc
5. Tether (USDT) Coins: 4,108,044,456 USDT	\$ 4.13 billion. Share: 1.82%	\$ 1.004 (↑ 0.17%) 0.00012222 btc

Cryptocurrencies exhibit a wide range of different features. Some of them are based on Bitcoin's original open source protocol, while others constitute an entirely new platform and/or ecosystem. Some utilize a PoW mechanism, others employ another form of consensus mechanism. Most are characterized as pseudo-anonymous, yet some are fully anonymous (meaning that the amount of coins their users own, send and receive is not observable, traceable or linkable through the blockchain's transaction history) [16].

Considerable public interest in cryptocurrencies calls for comprehensive analysis of factors which keep up or affect their popularity and understanding how cryptocurrencies can be built into the economy.

Initially, in 2009, one Bitcoin cost a few cents, and only in February 2011 did its value rise to one dollar. The emergence of cryptocurrency exchanges, recognition of the potential and possibilities to use cryptocurrencies increased their value.

Bitcoin has no internal liquidity value: it does not give the right to future cash flows, it is not a promissory note, there is no guarantee of its use as payment for goods and services. Bitcoin's price is completely determined by the consumers' desire to buy it and the owners' desire (early miners' and investors') to fix the profit. A cryptocurrency's value is made up of its ability to perform a transaction (payment) function and a function of generating income (for investors) [17].

The first tangible cryptocurrency market correction took place in 2013-2014 – it is believed to start on December 5, 2013 – the highest point of the current cryptocurrency market since its inception. Capitalization at that time amounted to \$15.6 billion, and the bitcoin exchange rate was \$1125. It was from this point that the market began to decline. The correction was completed in early 2015, with the price of bitcoin dropping to \$175, and the total capitalization amounting to only \$3 billion. After this minimum, a long-term upward movement began.

In the period of correction described, the market fell by 80%, and Bitcoin decreased by 85%. The internal trends of the market, its overheating and China's intention to ban banks and other financial institutions from accepting cryptocurrency as a medium of exchange resulted in a deep recession. As panic was spreading across the market, the already significant drop only increased. The market growth and fall during that period were greatly influenced by the cryptocurrency market-related news in general.

In 2017, the cryptocurrency market showed strong growth, Bitcoin being the main driver. Early in the year, the value of this cryptocurrency amounted to \$1,000, and the capitalization was \$17.6 billion. Late in May, it grew to \$2,000, and afterwards, with small pullbacks, the price was increasing steadily until it broke the psychological barrier of 10 thousand dollars in November and, finally, 20 thousand dollars in December, with capitalization of \$592 billion.

In 2017, within a year, the market had grown by about 33 times, due to several reasons: the rapid infrastructure development, the increasing interest of institutional and individual investors in cryptocurrencies, the legalization of bitcoin in Japan and other favourable factors.

However, the fascination with cryptocurrencies raised concern at the political level: South Korea announced restrictions on cryptocurrencies, China expressed its desire to ban mining, and India voiced the idea of banning cryptocurrencies. These developments, combined with the newcomers' panic, caused by the declining cryptocurrencies market, brought about the repetition of the 2014 scenario and the market fell even more.

Throughout 2017, the cryptocurrency market showed significant growth, after which most cryptocurrencies underwent correction in early 2018. In January and early February, the price of most popular coins and tokens

fell to the figure of early December, in line with many experts' predictions. A signal to market participants was a change in the Bitcoin's price. In many cases, when the price fell to 30-45% following steep rises, the cost of the remaining altcoins was also subject to adjustment. In February 2018, the cryptocurrency market capitalization fell by another 15% (from \$517 billion to \$440 billion), the negative trend continued in March.

The reason for such market changes was a series of events. In early January 2018, the cryptocurrency market capitalization reached a record figure of \$700 billion, then it increased to \$830 billion, which brought about the growth in the entire market. However, a series of unfavourable events triggered a market decline: Indian banks blocked accounts of Indian cryptocurrency exchanges; the Japanese Cryptocurrency Exchange Coincheck was hacked and about \$500 million were stolen; Facebook banned cryptocurrency ads; and China blocked access to all foreign cryptocurrency exchanges [18].

The Bitcoin exchange rate for the first quarter of 2018 fell by 50%. Its decline was lower than the market dipped, which was due to its lower volatility compared to altcoins. The extensive use of new technologies by large players reduced the commission on transfer within the Bitcoin network which also contributed to the fall.

Ripple's capitalization in the first quarter decreased by over 70%, as a result of the overvaluation in late 2017, which was caused by speculative demand.

In the second quarter, the cryptocurrency market capitalization fell another 2.3% to \$257.7 billion. In April, there was a growth of 60.4%, in May and June the market dipped by 21.7% and 22.2%, respectively [19].

Let us have a look at the key events that influenced the cryptocurrency exchange rate in the second quarter of 2018. In April, the market reacted with growth to a series of positive developments: the first delivery of gasoline from China to Singapore was made, completely built on blockchain technology; the FRS announced it does not consider cryptocurrencies a threat to the US financial system; a \$1.6 billion blockchain investment fund was introduced in China. However, in May-June the positive attitude of the market players turned negative, which affected the market decline: Japan tightened the rules for cryptocurrency exchanges to prevent large-scale attacks on them (e.g. January attack on Coincheck); Korea announced stricter requirements for financial institutions and the regulation of cryptocurrency exchanges as commercial banks; Bitcoin's price fell to \$6,000, updating the minimum of 2018.

The April events mostly had a positive impact on the cryptocurrency market, which led to its growth from \$263.9 to \$423.2 billion, i.e. by \$160 billion. May and June, in turn, saw a drop in the cryptocurrency market by approximately \$165 billion. In the third quarter, capitalization decreased by 13.3% from \$257.7 billion to \$223.3 billion.

Thus, the cryptocurrency market exhibits a rather high volatility – with long periods of strong growth, followed by correction stages of a year or more. Such a period offers good opportunity for those wishing to enter the market on favorable terms. The cryptocurrency market is susceptible to the developments regarding its regulation, hacking of exchanges and wallets, support or prohibition by governments, recognition by major corporations, institutional and reputable private investors – politicians, technology experts. Skepticism regarding cryptocurrencies gave way to fascination, which was triggered by advances in blockchain technology and greatest opportunities for decentralization. While market capitalization was rapidly growing in 2017, many experts presumed that cryptocurrency market exhibited some pyramid features at its core, but gradually such rhetoric has been changing. Financial institutions introduced bitcoin futures, the cryptocurrency market has become attractive to major investors.

To conclude it all, the analysis of various definitions set out above does not allow to identify a generally accepted definition of the term 'cryptocurrency' available in the regulatory space. Furthermore, there is a certain conceptual confusion in distinguishing between virtual, digital money and cryptocurrency. Yet, the differences between cryptocurrencies and virtual money are significant and fundamental. The generation of new cryptocurrency units is usually determined by a computer protocol. No organization can control and regulate the issuance of cryptocurrency, this process is determined by the algorithm embedded in the scheme. Bitcoin, as the first and most popular cryptocurrency, is a network that allows users to exchange rights to the digital asset of the same name. First, the system exchanges digital assets between two participants without an intermediary, then the operation is registered by the network nodes in a decentralized public distributed database, which is the blockchain. The emergence of cryptocurrencies is the only precedent in the world of exchange systems. The introduction of distributed ledger technology and cryptographic protocol made it possible to transfer money as information in payment systems operating on a decentralized basis, that is, without the need for either a third party or a government.

References

1. World Bank Group Distributed Ledger Technology (DLT) and blockchain, 2017, FinTech note, no. Washington 1., D. The C. – [Electronic resource]. Access mode – <http://documents.worldbank.org/curated/en/177911513714062215/pdf/122140-WP-PUBLIC-Distributed-Ledger-Technology-and-Blockchain-Fintech-Notes.pdf>, IV. (Date of access – 29.06.2019).
2. ECB Virtual Currency Schemes, October 2012. – [Electronic resource]. Access mode – <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf>, 13. (Date of access – 29.06.2019).
3. ECB Virtual Currency Schemes – a further analysis, February 2015. – [Electronic resource]. Access mode – <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf>, 4. (Date of access – 29.06.2019).
4. IMF Staff Discussion Note Virtual Currencies and Beyond: Initial Considerations, January 2016. – [Electronic resource]. Access mode – <https://www.imf.org/external/ftp/sdn/2016/sdn1603.pdf>, 7. (Date of access – 29.06.2019).

5. Sberbank CIB. Russian financials. Who innovates wins: Lifting the lift of Fintech in Russia // October, 2016. – [Electronic resource]. Access mode – <http://www.vostokemergingfinance.com/content/uploads/2017/05/Sberbank-Russian-Fintech.pdf> (Date of access 30.06.2019).
6. FATF, “Virtual Currencies – Key Definitions and Potential AML / CFT Risks”, June 2014. – [Electronic resource]. Access mode – <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml--cft-risks.pdf.4>. (Date of access – 30.06.2019).
7. Leiba A. Real life of virtual money // ES-LAWYER. – 2014. – No. 23. – S. 45.
8. Streng M. Blockchain & Opportunities in Cryptocurrencies Mining // Blockchain & Bitcoin Conference Russia // 2017, April 19. – [Electronic resource]. Access mode – <https://www.forbes.com/sites/julianmitchell/2018/06/20/hive-the-blockchain-mining-company-providing-the-backbone-for-cryptocurrency/#77e5886e5a34> (Date of access – 30.06.2019).
9. FATF, “Virtual Currencies – Key Definitions and Potential AML / CFT Risks”, June 2014. – [Electronic resource]. Access mode – <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf.7>. (Date of access – 31.07.2019).
10. ECB Virtual Currency Schemes – a further analysis, February 2015. – [Electronic resource]. Access mode – <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf.8>. (Date of access – 02.07.2019).
11. Marshall A. P 2 P Cryptocurrency Exchanges, Explained, April 2017. – [Electronic resource]. The access mode is <https://cointelegraph.com/explained/p2p-cryptocurrency-exchanges-explained>.
12. Tapscott D. Blockchain technology: what drives financial revolutions today /D. Tapscott. – М.: Eksmo, 2017. P. 226.
13. J. Martindale “What is Litecoin? Here’s everything you need to know”, January 2018. – [Electronic resource]. Access mode – <https://www.digitaltrends.com/computing/what-is-litecoin/>. See also: T. MANDJEE, “Bitcoin, its Legal Classification and its Regulatory Framework”, 15 J. Bus. & Sec. Of L. 157, 2016, <http://digitalcommons.law.msu.edu/jbsl>.
14. A. Zainuddin, “Coins, Tokens & Altcoins: What’s the Difference?”, 2017. – [Electronic resource]. The access mode is <https://masterthecrypto.com/differences-between-cryptocurrency-coins-and-tokens/>.
15. Market capitalization of cryptocurrencies online // URL:<https://zarabotat-na-sajte.ru/bitcoin/kapitalizaciya-kriptovalyut.html> (Date of access – 25.10.2019).
16. A. Zainuddin, “Guide on Privacy Coins: Comparison of Anonymous Cryptocurrencies”, 2017. – [Electronic resource]. The access mode is <https://masterthecrypto.com/privacy-coins-anonymous-cryptocurrencies/>
17. Cryptocurrencies: a new financial system of the 21st century? ACI Financial Association. – [Electronic resource]. The access mode is <https://news.nes.ru/files/NEWS/ACI-Crypto.pdf> (Date of access – 20.10.2019).
18. Overview of key developments in the field of crypto market regulation: USA, EU, Mexico, France, China, OECD. – [Electronic resource]. Access mode – <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/lt-in-focus/russian/2018/12-04.pdf> (Date of access – 12.10.2019).
19. Coinmarketcap market capitalization. – [Electronic resource]. The access mode is <https://coinmarketcap.com/ru/> (Date of access – 12.10.2019).

МИРОВОЙ РЫНОК КРИПТОВАЛЮТ И СПЕЦИФИКА ЕГО РАЗВИТИЯ

Ушаков Денис Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Университет Суан Суанда Раджабат, (10300, Таиланд, г. Бангкок, 1У-Тхонг рд., Дусит), профессор кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). Автор 33 публикаций в журналах и трудах конференций, индексируемых в Scopus (индекс Хирша в Scopus – 5). E-mail: fintaliano@yandex.ru

Подольская Татьяна Валентиновна, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: podolskayat@uriu.ranepa.ru

Томашевская Людмила Аврамовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: inyaz@uriu.ranepa.ru

Сысоева Анна Андреевна, магистрант кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: anna_sysoeva94@mail.ru

Аннотация

В данной статье анализируется процесс появления и развития рынка криптовалют, дается обзор различных подходов к определению содержания понятия «криптовалюта». Авторами также представлен обзор основных участников рынка криптовалют, их функций и факторов, влияющих на современное развитие данной сферы.

Ключевые слова: криптовалюты, блокчейн, Биткойн, рынок криптовалют, электронные деньги, финансовые сделки, финансы, капитализация, финансовый рынок.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ НА ДИНАМИКУ ЧИСЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РОССИИ

Бежанова Елена Хусиновна Шхагошев Рустам Валентинович	кандидат физико-математических наук, доцент, Северо-Кавказская государственная академия (369000, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36). E-mail: lenab-p@mail.ru
Шетов Артур Арсенович	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: shhagoshev@mail.ru
Шетов Артур Арсенович	кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного регулирования экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: shetov_artur@mail.ru

Аннотация

Рассмотрено влияние различных факторов на численность студентов в России, проведен анализ численности студентов, приема в высшие учебные заведения (государственные, муниципальные и частные) на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры по России с использованием данных Росстата. Предлагается статистический анализ временного ряда в виде разработанного программного приложения «Построение прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России»». Программное приложение разработано с применением объектно-ориентированного языка Delphi и реализовано в кроссплатформенной среде визуального программирования Lazarus.

Ключевые слова: *Единый государственный экзамен, абитуриенты, студенты, высшие учебные заведения, качество образования, прогноз, прогнозная модель, временной ряд, массив данных, интерфейс, Lazarus, Delphi, FreeBSD, Mac OS X, Microsoft Windows.*

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности студентов высших учебных заведений России, что обусловлено рядом объективных и субъективных причин. К причинам объективного характера, стоит отнести влияние демографического кризиса 1990-200-х годов в России. Так количество родившихся в 1999 году было два раза меньше чем в 1987 г. Низкая рождаемость в данные годы привела сокращению потенциального количества абитуриентов и студентов вузов (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество родившихся человек в России в 1987-1999 годах¹

Год	Количество родившихся человек
1987	2 499 974
1988	2 348 494
1989	2 160 559
1990	1 988 858
1991	1 794 626
1992	1 587 644
1993	1 378 983
1994	1 408 159
1995	1 363 806
1996	1 304 638
1997	1 259 943
1998	1 283 292
1999	1 214 689

К субъективным причинам сокращения количества студентов можно отнести факторы, связанные с ужесточением требований к сдаче Единого государственного экзамена и увеличением востребованности среди выпускников школ среднего профессионального образования. Стоит отметить, что в течение 1990-х и начале 2000-х гг. количество студентов высших учебных заведений неизменно росло. Так только с 2000 года по 2005 год количество студентов вузов увеличилось с 4,7 млн

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

до 7 млн. Но на определённом этапе в обществе популярность высшего образования начала падать, что во многом было вызвано снижением качества «массового» высшего образования. Это наравне с продолжающимся ужесточением требований к сдаче Единого государственного экзамена вызвало рост востребованности программ СПО. Так, в 2018 г. на программы СПО поступило 909 тыс. человек¹, а на программы бакалавриата и специалитета лишь 903 тыс. человек². По данным Министерства просвещения РФ численность обещающихся по программам СПО и программам подготовки квалифицированных рабочих с 2013 по 2019 год увеличилось на 10% и превысило 3 млн. чел.³

В то же время стоит отметить, что с высокой долей вероятности можно прогнозировать то, что в силу объективных демографических причин численность студентов вузов в ближайшие годы будет увеличиваться. Так начиная с 2000 года наблюдалось устойчивое увеличение рождаемости в стране (см. табл. 2). Именно данное поколение в ближайшие годы будет формировать основную массу абитуриентов вузов.

Таблица 2

Количество родившихся человек в России в 2000-2015 годах⁴

Год	Количество родившихся человек
2000	1 266 800
2001	1 311 604
2002	1 396 967
2003	1 477 301
2004	1 502 477
2005	1 457 376
2006	1 479 637
2007	1 610 122
2008	1 713 947
2009	1 767 687
2010	1 788 948
2011	1 796 629
2012	1 902 084
2013	1 895 822
2014	1 947 301
2015	1 944 136

Кроме того стоит отметить, что значительная доля школьников поступают на программы СПО с целью дальнейшего поступления в вузы по программам ускоренного обучения (на базе СПО) без сдачи ЕГЭ. Как отмечает научный руководитель Института образования НИУ Высшая школа экономики, профессор И.Д. Фрумин «получив среднее специальное образование, можно поступить в вуз на ускоренную программу без ЕГЭ. Во многом этим объясняется его возросшая популярность»⁵. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что значительная масса тех школьников, которая в последнее время пошла в учреждения СПО в ближайшие годы будет поступать в вузы. Так уже сейчас количество поступивших в вузы (903 тыс. человек) значительно меньше выпускников 11-х классов средних общеобразовательных школ (645 тыс. человек), что говорит о том, что определенная часть абитуриентов вузов состоит не из лиц окончивших 11-х классы школ, а выпускников программ СПО. К примеру, в 2018 году из 580 тыс. выпускников программ СПО, 128 тысяч продолжило обучения в вузах [1].

В настоящей статье предлагается статистический анализ временного ряда в виде разработанного программного приложения «Построение прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России»», целью которого показать в цифрах влияния перечисленных факторов на численность студентов высших учебных заведений в стране.

¹ Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ [Электронный ресурс]: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/act/dmaip/stat/svedu/>.

² Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ [Электронный ресурс]: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/act/dmaip/stat/highed/>.

³ Российские школьники стали чаще выбирать техникумы [Электронный ресурс]: https://www.rbc.ru/society/13/11/2019/5dcaaa629a7947d6d4e0a537?from=from_main.

⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

⁵ Российские школьники стали чаще выбирать техникумы [Электронный ресурс]: https://www.rbc.ru/society/13/11/2019/5dcaaa629a7947d6d4e0a537?from=from_main.

Построение статистических прогнозных моделей для временного ряда «Численность студентов по России». Прогнозные модели, поведения исследуемого временного ряда на ближайшие пять лет были построены с использованием разработанного программного продукта «Построение прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России»». Программное приложение разработано с применением объектно-ориентированного языка Delphi и реализовано в кроссплатформенной среде визуального программирования Lazarus.

Lazarus является свободной и интегрированной средой разработки программного обеспечения для компилятора Free Pascal и приложений в Delphi. Он позволяет несложно перенести программы Delphi с графическим интерфейсом в разные операционные системы: Linux, FreeBSD, Mac OS X, Microsoft Windows.

Приложение «Построение прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России»» является многооконным, первое окно позволяет начать анализ временного ряда, рис. 1.

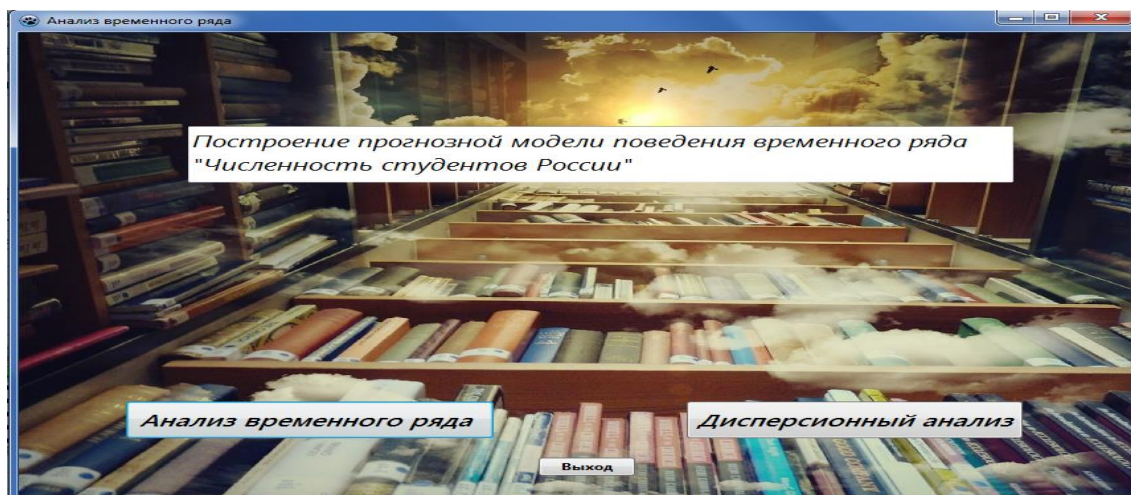

Рис. 1. Интерфейс приложения «Построение прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России»»

Анализ исследуемого временного ряда начинается с ввода исходных данных, в нашем случае, это данные численности студентов по России с 2000 по 2018 годы [2]. Данные временного ряда представлены в табл. 3.

Таблица 3

Численность студентов по России за 2000-2018 годы

Годы	Численность студентов, прием на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (тысячи человек)
2000	4741,4
2001	5426,9
2002	5945,1
2003	5597,8
2004	5861,5
2005	7064,6
2006	6134,3
2007	6208,2
2008	6248,2
2009	6205,6
2010	6075,4
2011	5845,9
2012	5609,1
2013	5454,9
2014	5393,4
2015	5350,4
2016	4399,5
2017	4245,9
2018	4161,7

На рис. 2 показан этап работы приложения «Построение прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России» по заполнению таблицы исходными данными, хочется отметить, что предлагаемый программный продукт, работает при любой размерности временного ряда, т.е., можно проводить статистический анализ с построением прогнозных моделей для любых временных рядов.

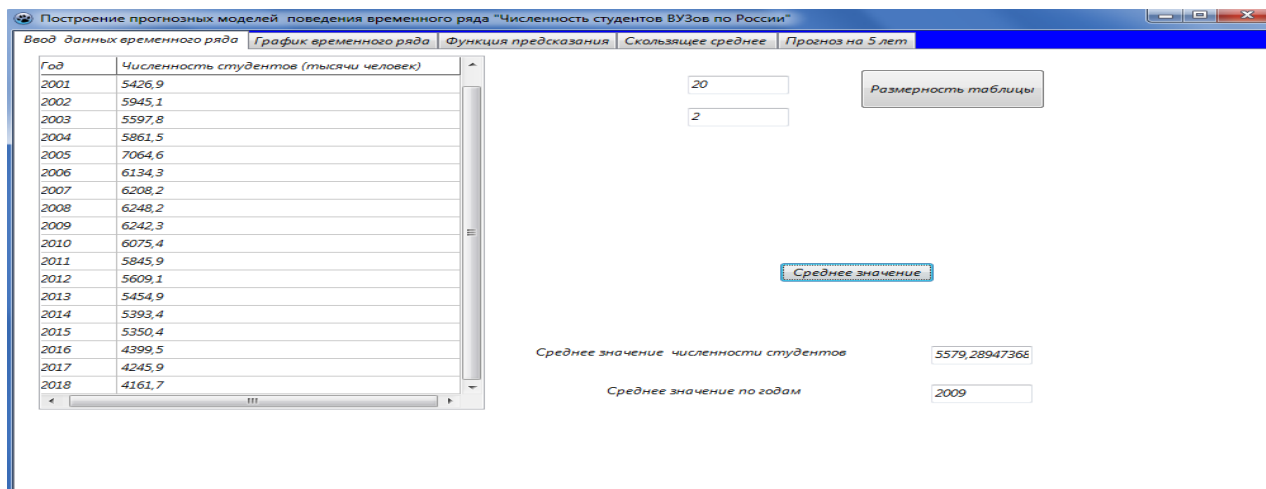

Рис. 2. Заполнение таблицы исходных данных временного ряда

Динамику поведения временного ряда «Численность студентов по России» отображает график, представленный рисунком 3.

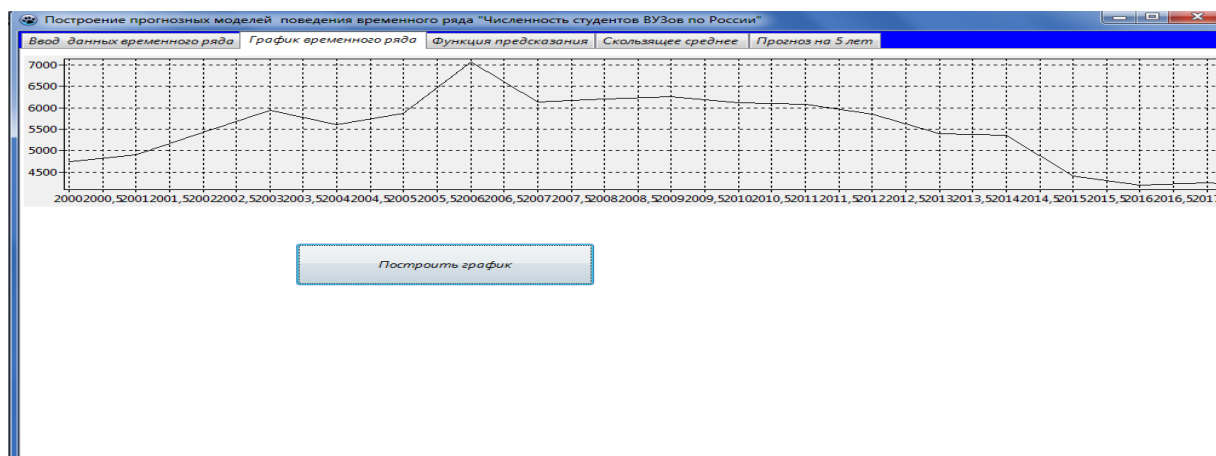

Рис. 3. Динамика поведения исследуемого временного ряда

При построении прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России» использовались статистические методы выявления тренда методом скользящей (подвижной) средней [5].

На рис. 3 показана работа приложения по нахождению промежуточных значений и нахождение коэффициентов метода наименьших квадратов. Приложение предлагает пользователям построение трендов следующих видов, линейного экспоненциального, степенного, гиперболического.

Полученные прогнозные значения отражают следующую картину: начиная с 2019 года наблюдается небольшой подъем с 4161,7 тыс. чел. (2018г) на 4203,8 4161,7 тыс. человек (2019г.), до 2022 г. заметное увеличение численности студентов почти на 12 % (4535,2 4161,7 тыс. чел. в 2020г.), в 2021г. ожидается цифра по набору в высшие учебные заведения страны – 4875,2 4161,7 тыс. человек, что составляет уже 17% от численности студентов за 2018год, это связано, в первую очередь, с ростом рождаемости в 2002 и в 2003 годах [3]. В 2022 и 2023 годах построенные прогнозные модели показывают снижение численности студентов, в сравнении с 2021 годом на 2,8% (4741,1 4161,7 тыс. человек в 2023году).

На завершающем этапе работы программного приложения выводятся прогнозные данные поведения временного ряда на ближайшие пять лет, а также график фактических данных и прогнозных значений временного ряда «Численность студентов по России» (рис. 4).

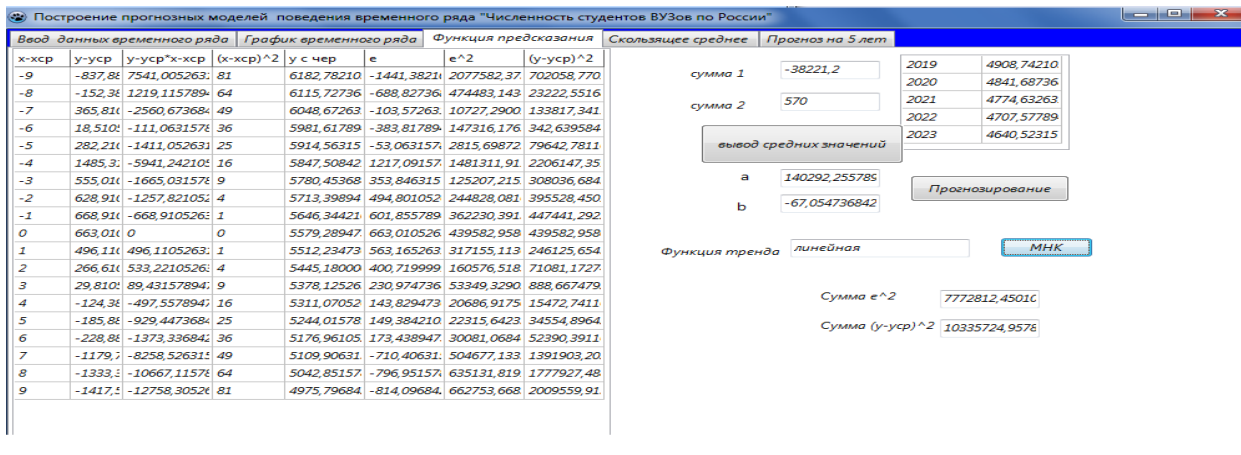

Рис. 3. Промежуточный этап нахождения прогнозных расчетных значений исследуемого временного ряда

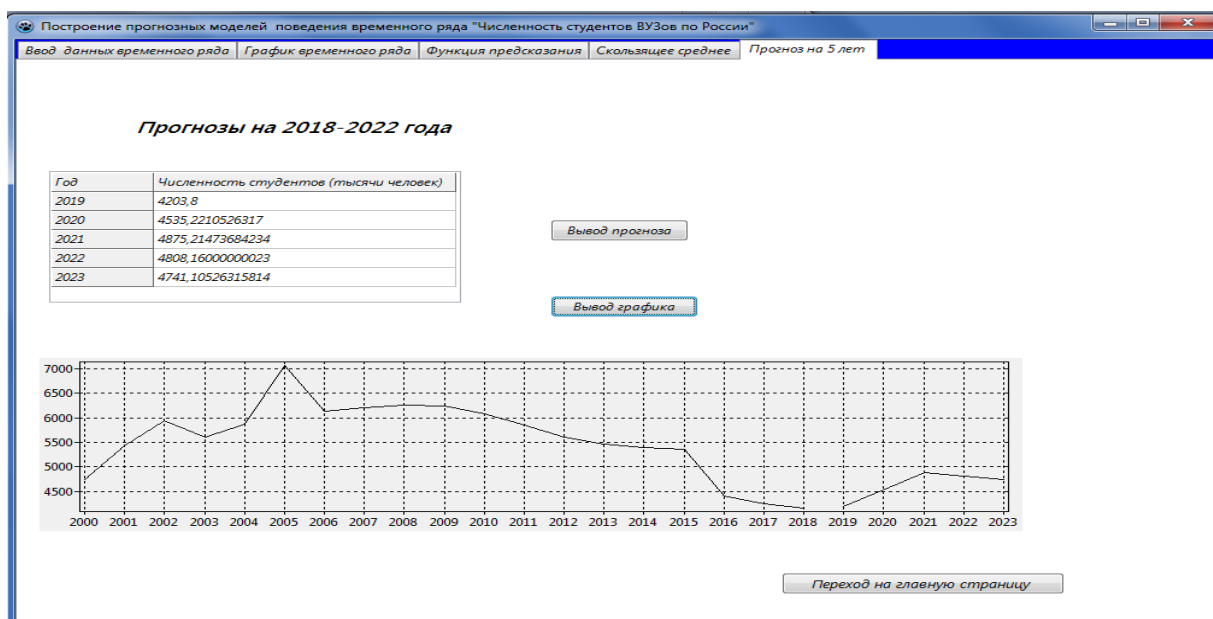

Рис. 4. Прогнозные значения исследуемого временного ряда

Разработанное программное приложение «Построение прогнозной модели поведения временного ряда «Численность студентов по России»» позволяет строить прогнозные модели для любой размерности временного ряда. Оно также является гибким и удобным в эксплуатации.

Используя разработанное приложение, работу которого описали выше, можно анализировать большие массивы данных и на их основе строить прогнозные модели на короткий период (от 3 до 5 лет).

Исходя из вышесказанного можно сделать ряд выводов:

- в последние годы численность студентов вузов сокращается в силу «эха» демографического кризиса 1990-2000-х годов, роста востребованности среднего профессионального образования и ужесточения требований по сдаче Единого государственного экзамена;
- в ближайшие годы будет, увеличивается количество студентов вузов в связи с увеличением количества выпускников средних школ и учреждений СПО.

В связи с этим актуальным становится вопрос о готовности вузов к увеличению обучаемого контингента с точки зрения материально-технической обеспеченности учебного процесса, качественного состава профессорско-преподавательского состава и т.д.¹

¹ Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования [Электронный ресурс]: <http://static.government.ru/media/files/i6yH0TiCpoJ6dcd0zebKpxcts8ttfE42.pdf>

Литература

1. О результатах мониторинга качества подготовки кадров в 2018 году / Информационный бюллетень – М.: МИРЭА – Российский технологический университет, 2018 – 35 с. [Электронный ресурс]: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/2018/_spo/bulletin_RF_spo_motitoring.pdf/
2. Образование в Российской Федерации: 2009. Статистический ежегодник. Министерство образования и науки Российской Федерации, Росстат, Федеральное агентство по образованию, ГУ - Высшая школа экономики. М., 2009.
3. Демография и статистика населения [Электронный ресурс] : сборник задач для бакалавров, получающих образование по направлению «Экономика», профиль подготовки «Статистика». - Электрон. текстовые данные. М.: Логос, 2013. 92 с.
4. Мюллер Г. Анализ временных рядов и прогнозирование: Учебник / Г. Мюллер и др. М.: Финансы и статистика, 2012. 320 с.
5. Прохоров Ю.В., Пономаренко Л.С. Лекции по теории вероятностей и математической статистике [Электронный ресурс]: учебник. – Электрон. текстовые данные. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2012. 254 с.

Bezhanova Elena Khusinovna, Candidate of Physics and Mathematics, associate professor, North Caucasian state academy (36, Stavropolskaya St., Cherkessk, KarachayCherkess Republic, 369000, Russian Federation). E-mail: lenab-p@mail.ru

Shkhagoshev Rustam Valentinovich, Candidate of Economic Science, Docent of Chair of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-onDon, 344002, Russian Federation). E-mail: shhagoshev@mail.ru

Shetov Arthur Arsenovich, Candidate of Economic Science, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: shetov_artur@mail.ru

ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF VARIOUS FACTORS ON THE DYNAMICS OF THE NUMBER OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS

Abstract

The influence of the unified state exam on the number of students in Russia is examined, an analysis of the number of students, admission to higher education institutions (state, municipal and private) on studies under the undergraduate, specialty, and master's programs in Russia using the data of Rosstat is considered, a statistical analysis of the time series in the form of developed software application "Building a predictive model of behavior of the time series" "Number of students in Russia", Software application developed AnO using the object-oriented language Delphi and implemented in the cross-platform visual programming environment Lazarus.

Keywords: Unified State Examination, applicants, students, higher education institutions, quality of education, forecast, forecast model, time series, data array, interface, Lazarus, Delphi, FreeBSD, Mac OS X, Microsoft Windows.

References

1. О резултатах мониторинга качества подготовки кадров в 2018 году / Информационный бюллетень – М.: МИРЭА – Российский технологический университет, 2018 – 35 с. [Электронный ресурс]: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/2018/_spo/bulletin_RF_spo_motitoring.pdf/
2. Образование в Российской Федерации: 2009. Статистический ежегодник. Министерство образования и науки Российской Федерации, Росстат, Федеральное агентство по образованию, ГУ - Высшая школа экономики. М., 2009.
3. Демография и статистика населения [Электронный ресурс] : сборник задач для бакалавров, получающих образование по направлению «Экономика», профиль подготовки «Статистика». - Электрон. текстовые данные. М.: Логос, 2013. 92 с.
4. Myuller G. Analiz vremennyh ryadov i prognozirovanie: Uchebnyk / G. Myuller i dr. M.: Finansy i statistika, 2012. 320 с.
5. Prohorov YU.V., Ponomarenko L.S. Lekcii po teorii veroyatnostej i matematicheskoj statistike [Elektronnyj resurs]: uchebnyk. – Elektron. tekstovye dannye. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, 2012. 254 с. Bruhanova Natalia Vladimirovna, Dynnik Dmitry Igorevich.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Брюханова Наталья Владимировна	кандидат экономических наук, доцент, начальник научно-организационного отдела, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: iubip502@yandex.ru
Дынник Дмитрий Игоревич	старший преподаватель кафедры «Технологии управления в индустрии туризма», Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: iubip502@yandex.ru

Аннотация

В современных условиях наиболее важными становятся вопросы комплексного развития, экономической независимости и обеспеченности территорий финансовыми ресурсами. Возможность региона иметь такие ресурсы в достаточном количестве и объеме для полноценного осуществления поставленных задач, решения экономических и социальных проблем, находящихся в компетенции соответствующего уровня власти, и является его экономической самостоятельностью. Как бы то ни было, регион, обретая такую самостоятельность, в некоторой степени отделяется от других регионов страны в рамках народного хозяйства, а также ограничиваются воспроизводственные связи на данной территории. При этом возникают проблемы, связанные с недостаточностью собственных доходов и зависимостью регионов от безвозмездных поступлений из других уровней бюджетной системы. Комплексное развитие напрямую зависит от финансовой основы (базы), способной его обеспечить. Согласованное и сбалансированное экономическое, социальное и пространственное развитие, с учетом и соблюдением интересов настоящих и будущих поколений представляет собой комплексное развитие территорий. Целью работы является определение новых направлений комплексного развития сельских территорий на примере Багаевского района Ростовской области.

Ключевые слова: комплексное региональное развитие, стратегия, бюджет, доходы бюджета, расходы бюджета, сельские территории, муниципальное образование, система управления, дефицит бюджета, финансовые ресурсы.

1. Комплексное развитие территорий как основа стратегического планирования

Говоря о комплексном региональном развитии нельзя не осветить вопрос значимости муниципальных образований в региональном развитии, так как социально-экономические показатели муниципалитетов во многом оказывают влияние на общие показатели региона. Муниципальное развитие является составной частью комплексного развития региона [1]. С целью эффективного решения вопросов местного значения муниципальных образований, органам местного самоуправления необходимо обеспечить комплексное развитие основных отраслей муниципального хозяйства, частного сектора производства и потребления, социальной сферы, представленных на территории муниципального образования [2].

На муниципальном уровне, ставятся соответствующие задачи, решение которых позволяет внести свой вклад в основные показатели социально-экономического развития региона. Положения Федерального закона № 131-ФЗ [3] освещают основные полномочия органов местного самоуправления, к которым в частности относится разработка, принятие документов стратегического планирования и программ социально-экономического развития муниципального образования. Основные документы стратегического планирования Багаевского района, разрабатываемые исполнительными органами власти, определены статьями 5-6 Федерального Закона № 172-ФЗ [4], основные из них:

- Стратегия социально-экономического развития Багаевского района;
- План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Багаевского района;
- Прогноз социально-экономического развития Багаевского района на среднесрочный и долгосрочный период;
- Бюджетный прогноз Багаевского района на долгосрочный период;
- Муниципальные программы.

Целью стратегического планирования муниципального образования всегда является выход на достаточный самостоятельный уровень развития. Для этого органы МСУ Багаевского района создают дополнительные условия хозяйствующим субъектам на данной территории для привлечения местных ресурсов в процессе социально-экономического развития, обеспечивают доходную часть бюджета. Это значит, что параллельной и синхронизированной задачей вместе со стратегическим планированием идет планирование бюджета. Эти два процесса закладывают основу реализации

разрабатываемых муниципальных программ [5]. Муниципальные программы являются не только документом стратегического планирования, но и находят в частности отражение в самой стратегии и бюджетной смете, которая принимается по итогам бюджетного планирования.

Система целеполагания Стратегии СЭР Багаевского района сформирована в рамках трех муниципальных политик [6]: социальной, экономической и политики развития территорий, которые включают в себя основные проблемные направления.

Каждое направление развития должно обеспечить достижение следующих целей [7]:

- рост социального благополучия населения (человека);
- повышение конкурентоспособности Багаевского района во внешней среде;
- обеспечение реализации целей смежных политик.

Устойчивое развитие муниципального образования «Багаевский район» в комплексе представляет собой параллельное и взаимосвязанное развитие трех составляющих, каждое из которых рассматривается более детализировано при реализации Стратегии. Социальное развитие включает в себя решение вопросов [8]:

- предоставления населению качественных социальных услуг;
- минимизации безработицы и обеспечения экономики качественными трудовыми ресурсами;
- территориальной доступности социальных услуг.

Экономическое развитие представлено обеспечением в муниципальном образовании [9]:

- материального благосостояния и самореализации населения;
- конкурентоспособности и закрепление лидерских позиций экономических субъектов на отраслевых рынках;

- экономической основы для развития бизнеса;
- сбалансированности экономических рычагов развития.

Территориальное развитие Багаевского района направлено на создание:

- достойных условий для комфортной и качественной жизнедеятельности;
- эффективной опорной территориальной основы и сохранение экосистемы;
- инфраструктурных связей без ограничений для социального и экономического развития.

Основа целеполагания Стратегии Багаевского района представлена системными показателями, которые приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели социально-экономического развития Багаевского района за 2017 год, планируемые показатели на 2021, 2030 год

Наименование показателя	2017	2021	2030
Ожидаемая продолжительность жизни лет	73,0	76,0	80,3
Валовый оборот по полному кругу организаций (в текущих ценах, млн. руб.)	4045,6	4234,9	5304,6
Прирост физического объёма валового оборота по полному кругу организаций продукта, (в процентах к 2017 году)	100,0	104,7	131,1
Объём инвестиций в основной капитал (в текущих ценах – млн. руб.)	1,4	1,7	2,8
Прирост физического объёма инвестиций в основной капитал, (в процентах к 2017 году).	100,0	85,8	139,3
Среднемесячная заработная плата населения, (руб.)	21287,4	27917,1	39726,5
Среднемесячная заработная плата, (в процентах к 2017 году)	100,0	131,1	186,7
Численность постоянного населения (среднегодовая, тыс. человек)	34,5	34,2	36,0

Багаевский район стремится к достижению поставленных стратегией СЭР до 2030 года целей, в рамках целевого сценария, что в конечном итоге позволит добиться значительных положительных эффектов, таких как:

- снижение уровня естественной убыли населения муниципального образования и увеличение средней продолжительности жизни до 80 лет;
- обеспечение сбалансированности валового оборота по полному кругу организаций Багаевского района, посредством увеличения темпов роста обрабатывающих отраслей над оборотом розничной торговли;
- рост среднемесячной заработной платы;
- рост объёма инвестиций.

Таким образом, Багаевский район в результате проведения системных изменений будет способен преобразовать свой потенциал в ускорение экономического роста и создание территории социального благополучия к стратегическому рубежу 2030 года.

Численность населения – это важнейший демографический показатель, определяющий экономическую значимость, трудовой потенциал и ёмкость потребительского рынка муниципального образования. Миграционные процессы, происходящие за последние два года в Багаевском районе,

не оказывали влияния на увеличение численности населения. Например, по данным Федеральной службы государственной статистики в 2017 году число прибывших составило 729 человек, а выехавших 1076 чел. Прогнозируется уменьшение численности населения в 2021 году на 320 человек, по сравнению с 2017 годом и увеличение на 1820 человек в 2030 году, по сравнению с 2021 годом.

Ключевым макроэкономическим индикатором, который способен ярко отразить социально-экономическое развитие Багаевского района, является валовый оборот по полному кругу предприятий и организаций, который составил в 2017 году 4045,6 млн. руб. Прогнозируемые показатели валового оборота говорят об увеличении в 2021 году до 4234,9 млн. руб., в 2030 увеличение до 5304,6 млн. рублей. Обеспечить воспроизводство и быстрое развитие экономики и социальной сферы, и определить темпы их перспективного развития позволяет объем инвестиций в основной капитал, составивший 1,4 млн. руб. в Багаевском районе в 2017 году. Планируется дальнейшее увеличение объема инвестиций в основной капитал в 2021 до 1,7 млн. руб. и в 2030 году до 2,8 млн. руб. Показатели за анализируемые периоды 2017 года и плановые 2021-2030 гг., свидетельствуют об их улучшении положения в рамках социально-экономического развития, а значит и об улучшении качества и продолжительности жизни населения.

2. Проблемы комплексного развития сельских территорий

Рассматривая бюджет Багаевского района как основной финансовый инструмент для комплексного развития территорий региона, данная финансовая база не является достаточной в разрезе собственных доходов бюджета муниципалитета. Постоянная зависимость от безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов, высокая дотационность района и крайне низкие поступления по налоговым и неналоговым доходам (11-13 % от общей суммы доходов) является основной проблемой при формировании финансовых ресурсов муниципального образования. В свою очередь эти проблемы отражаются и на комплексном развитии Багаевского района.

Финансирование закладывается и исполняется главным образом в рамках первоочередных статей расходов, которыми являются в основном расходы социальной сферы (образование, здравоохранение, социальная политика). В то же время, такие экономические расходы как поддержка малого предпринимательства, сельхозтоваропроизводителей и других отраслей народного хозяйства, осуществляются в незначительном объеме. По факту исполнения бюджета 2018 г. расходы на поддержку национальной экономики составляют лишь 4 %, что является недостаточным для комплексного развития территории региона. Более того, в 2019 г. планируется снижение данных расходов почти в 2 раза по сравнению с 2018 г. При всем этом, именно развитие экономики территории должно являться основой формирования доходов бюджетов. Проанализировав исполнение расходов бюджета Багаевского района в 2017 году по разделу «Национальная экономика», установлено не выполнение плана муниципальной программы «Экономическое развитие Багаевского района» по подпрограмме 2 – «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Багаевского района», в размере 270 тыс. руб. Мероприятие 2.1 «Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства» не выполнено в связи с тем, что субъектами малого предпринимательства были предоставлены заявки на участие в конкурсе, не соответствующие требованиям постановления администрации Багаевского района от 01.08.2017 № 707 «О порядке предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющих производство товаров (работ, услуг)». Начинаящими предпринимателями заявки на участие в конкурсе не предоставлялись.

В 2018 г. установлено невыполнение по аналогичной муниципальной программе по тем же причинам, финансирование было снято. В 2019 г. на реализацию основного мероприятия 2.8: «Предоставление субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства в Багаевском районе» заложено 300 тыс. рублей, в том числе:

- на предоставление субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере производства товаров (работ, услуг) – 200 тыс. руб.;
- предоставление субсидий начинающим предпринимателям в целях возмещения затрат на организацию собственного дела – 100 тыс. руб.

Так же, при анализе формирования доходной и расходной части бюджета муниципального образования за 2017-2018 гг. и плановый период 2019 года были выявлены следующие проблемы:

- зафиксировано снижение плановых поступлений по ЕСХН в 2019 по сравнению с фактом 2018 г. на 58,2 тыс. руб. и поступлений ЕНВД в 2018 на 541,1 тыс. руб. по сравнению с 2017 г. и в плановом 2019 г. на 200,7 тыс. руб. по сравнению с фактическими поступлениями 2018 г.;

- снижение поступлений по неналоговым доходам в 2018 г. на 2786,7 тыс. руб., а именно: уменьшение объема поступлений по доходам от оказания платных услуг и от платы за негативное воздействие на окружающую среду в 2018 г., снижение показателей 2019 г.;

- снижение запланированных расходов по разделу «национальная экономика» на 2019 г. (24923,3 тыс. руб.) по сравнению с фактическими расходами 2018 г. (49559,0 тыс. руб.) почти в 2 раза.

Анализ проблем комплексного развития Багаевского района выявил наличие проблем по основным направлениям жизнедеятельности населения, которые тоже требуют решения и достаточного финансирования. Вместе с тем, источником финансового обеспечения комплексного развития муниципалитета, наряду с собственными доходами бюджета района и внебюджетными средствами являются поступления из районного бюджета. Для комплексного развития региона зависимость его муниципальных образований от постоянных поступлений из областного бюджета тоже является отягощающим фактором. Поэтому далее речь пойдет о разработке мероприятий на 2019 год, направленных на повышение собственной доходной базы Багаевского района, с целью уменьшения дефицита бюджета и нагрузки на региональный бюджет. На рис. 1 представлены основные проблемы финансирования комплексного развития Багаевского района.

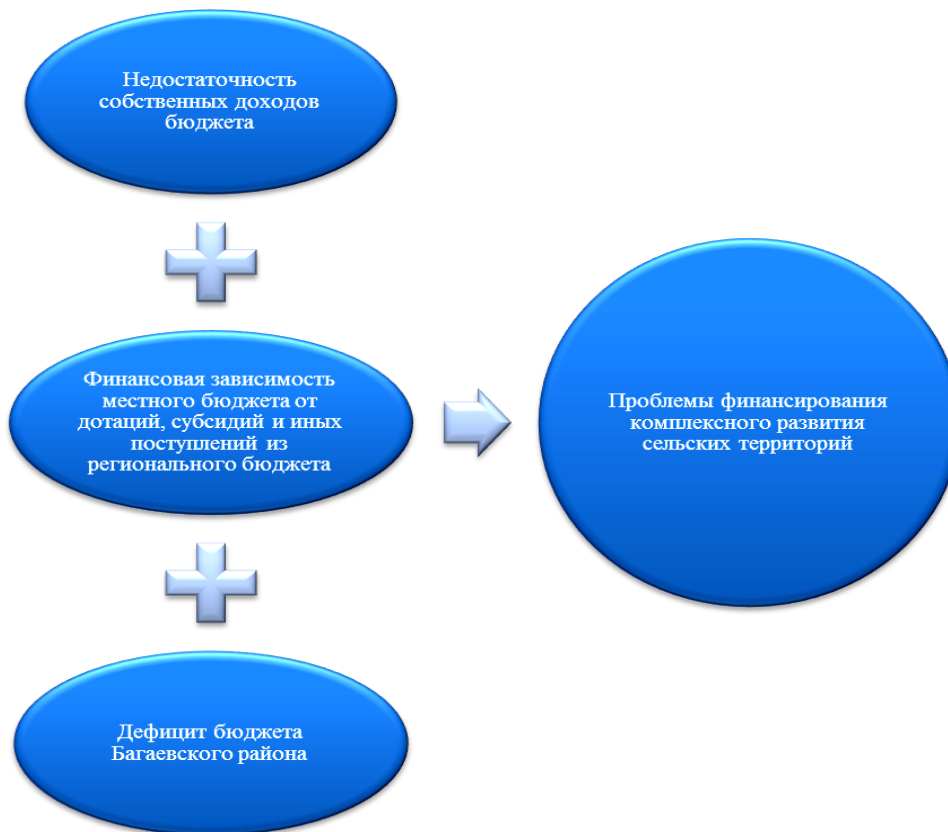

Рис. 1. Основные проблемы финансирования комплексного развития Багаевского района

Как видно из рис. 1 главными проблемами финансирования комплексного развития Багаевского района является недостаток собственных доходов бюджета, финансовая зависимость от безвозмездных поступлений из регионального бюджета и бюджетный дефицит средств бюджета, запланированный на 2019 год в размере 5373,2 тыс. руб.

3. Разработка мероприятий по оптимизации финансовых ресурсов сельских территорий

Для разработки мероприятий по оптимизации финансовых ресурсов в администрации Багаевского района создана малая проектная группа. В ее состав входят специалисты администрации. Малая группа занимается разработкой мероприятий по оптимизации финансовых ресурсов в администрации Багаевского района. Основные задачи по оптимизации финансовых ресурсов Багаевского района являются:

- увеличение собственных доходов Багаевского района;
- оптимизация расходов бюджета.

Для решения первой задачи требуется изыскать дополнительные источники налоговых и неналоговых поступлений в бюджет муниципального образования. Для решения второй – оптимизировать расходы бюджета в 2019 г.

Как было сказано ранее, при формировании доходной части бюджета была выявлена проблема снижения поступлений по ЕНВД за 2018 и плановый 2019 год. Причиной является снятие с налогового учета налогоплательщиков ЕНВД. Вместе с тем практика администрирования поступлений по данному налогу, изученная Минфином РФ в рекомендациях от 31.10.2018 г. [10], свидетельствует о том, что плательщики ЕНВД, несмотря на снятие с учета продолжают использовать муниципальные площади,

предоставленные для размещения рынков, магазинов, парковок. Поэтому, усиление взаимодействия органов межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 13 по Ростовской области, в Багаевском районе (далее МИ ФНС) и Отдела земельных отношений администрации Багаевского района в вопросе администрирования налоговых поступлений, и выявления предпринимателей, снявшихся с налогового учета, но продолжающих вести торговую деятельность, является одним из основных направлений увеличения поступления ЕНВД. В связи с этим, предлагается провести мониторинг по выявлению предпринимателей, осуществляющих деятельность на арендуемых землях муниципалитета, но снявших свою организацию с постановки на налоговый учет. Данное мероприятие будет способствовать выявлению теневой экономики и дополнительным поступлениям по ЕНВД.

В 2018 г. было зарегистрировано 91 предприниматель, арендующий площади муниципалитета под торговые участки. На 01.01.2019 их количество возросло на 14 единиц (15,4 %). В то же время, сведения об увеличении числа зарегистрированных организаций и ИП, осуществляющих торговую деятельность в МИ ФНС № 13 не предоставлялись. Вместо этого существуют сведения о снятии с учета 4-х налогоплательщиков осуществляющих торговую деятельность. Кроме того, отсутствуют уведомления о переходе на другой вид налогообложения. При этом, сведения о дополнительно принятых к учету в 2018 г. налогоплательщиках, были внесены только по двум предпринимателям, впервые зарегистрированным как ИП на патентной системе налогообложения – ремонт жилья и оказание автотранспортных услуг. Следуя логике, налоговые поступления в 2019 г. должны были возрасти, при том, что арендуемая площадь возросла на 1161,02 м² (19,6 %). Однако, проводя анализ налоговых доходов, было выявлено, что поступления по ЕНВД с каждым годом сокращаются. Так в 2017 г. поступления по ЕНВД составили – 4978,8 тыс. руб., в 2018 – 4437,7 тыс. руб. и запланированы на 2019 – 4237,0 тыс. рублей. Предлагается усилить взаимодействие органов МИ ФНС и Отдела земельных отношений Администрации Багаевского района в вопросе администрирования налоговых поступлений, и выявления предпринимателей, снявшихся с налогового учета, но продолжающих вести торговую деятельность.

В соответствии с этим, при возрастании арендуемых торговых площадей на 19,6 % на 01.01.2019 года, поступления ЕНВД при прочих равных условиях деятельности в 2019 году должны вырасти на 19,6 % по отношению к показателю 2018 года. Проведём расчет планируемых поступлений по ЕНВД в 2019 году с учетом внедрения мероприятия по межведомственному взаимодействию органов исполнительно-распорядительной власти и налоговой службы Багаевского района:

- ЕНВД в 2018 году = 4437,7 тыс. рублей;
- ЕНВД, который должен поступить: $4437,7 \cdot 119,6 \% / 100 = 5307,5$ тыс. рублей.

Экономический эффект от данного мероприятия составит: ЕНВД с учетом изменений – запланированный ЕНВД 2019 года: $5307,5 - 4237,0 = 1070,5$ тыс. рублей.

Таким образом, данное мероприятие позволит увеличить доходы бюджета Багаевского района на 1070,5 тыс. руб. Для увеличения доходов бюджета Багаевского района в 2019 г. необходимо внедрить мероприятия по снижению недоимки по налогам, поступающим в бюджет муниципалитета.

Так, на 01.01.2019 года по данным, предоставляемым администрации Багаевского района органами МИ ФНС, общий размер недопоставивших налогов, подлежащих зачислению в бюджет муниципалитета, составил 9009,7 тыс. рублей. Мероприятия направлены на увеличение налоговых и неналоговых поступлений в бюджет, а также способствующие оптимизации расходов бюджета Багаевского района в 2019 году, имеют комплексный эффект.

Рассмотрим, как внедрение данных мероприятий будет отражаться на главных задачах:

- сокращение дефицита бюджета Багаевского района в 2019 году;
- увеличение собственных доходов муниципалитета;

– снижение зависимости бюджета от безвозмездных поступлений из вышестоящих уровней БС РФ при очередном планируемом на 2020 год и плановый период 2021-2022 года бюджете (табл. 2).

Таблица 2

Экономическая эффективность предложенных мероприятий в решении поставленных задач

Наименование	2019 (план)	2019 план с изменениями	Динамика в процентах по отношению к плану 2019 г.
Доходы бюджета всего (тыс. руб.)	1095778,8	1102117,3	101,0
в том числе:			
Безвозмездные поступления из вышестоящих бюджетов	979761,2	979761,2	100,0
Собственные (налоговые и неналоговые доходы) муниципального образования	116017,6	122356,1	105,5
Расходы бюджета (тыс. руб.)	1101152,0	1099460,0	99,8
Дефицит бюджета	(5373,2)	-	-
Профицит бюджета	-	2657,3	-

Стоит отметить, что такая оптимизация финансовых ресурсов будет иметь комплексный эффект в решении социально-экономических задач Багаевского района, что главным образом отразится на комплексном развитии данной территории региона. Увеличив собственные налоговые доходы бюджета на 6338,47 тыс. рублей, и сократив расходы на 1692,00 тыс. рублей, Багаевский район сможет обрести большую экономическую самостоятельность, направив средства, образовавшиеся сверх покрытия расходов бюджета на развитие инфраструктуры, предпринимательства, социальной сферы и решение главных социально-экономических задач. Кроме того, с учетом предложенных мероприятий при планировании бюджета на 2020 год и плановый период 2021-2022 гг., объем дотаций из регионального бюджета будет скорректирован, что даст возможность региону перераспределить бюджетные ресурсы, направив их на социальное и экономическое развитие.

Литература

1. Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Социально-экономическое положение монопрофильного муниципального образования / Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2018. Т. 4. № 1. С. 16 – 21.
2. Шаталова О.И., Мухорьянова О.А., Богданов Д.С., Величенко Е.А., Мурадова С.Ш. Совершенствование управления региональными и муниципальными финансами // Вестник СевКавГТИ. 2018. № 3 (34). С. 44 – 47.
3. Киянова Л.Д. Инструменты устойчивого развития сельских территорий // Человек. Общество. Инклюзия. 2019. № 1 (37). С. 52 – 57.
4. Киянова Л.Д., Литвиненко И.Л. Государственно-частное партнерство как форма взаимодействия государства и бизнеса в целях реализации общественно значимых проектов / В книге: Модернизация предпринимательских структур регионов России как фактор экономического роста: тенденции, вызовы, модели и перспективы. Ростов-на-Дону. 2018. С. 282 – 300.
5. Клюкович З.А., Мамбетова А.А., Мусаелян А.К. Роль бюджетного федерализма в формировании доходной части бюджетов / В сб.: Теоретические и практические аспекты трансформации налоговой системы России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2018. С. 75 – 80.
6. Григорьева Н.С., Колычева Ж.Я. Взаимодействие государственных и предпринимательских структур в сфере ЖКХ муниципальных образований // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2 (93). С. 37 – 41.
7. Курилова Л.М., Дынник Д.И. Проблемы оценки эффективности налоговой политики региона (на примере Ростовской области) // Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. 2017. № 5. С. 264 – 279.
8. Клюкович З.А., Додохан Т.М. Обеспечение социально-экономической составляющей налоговой политики государства // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2018. № 4 (64). С. 172 – 176.
9. Колычева Ж.Я. Развитие малого и среднего бизнеса как одно из направлений обеспечения экономической безопасности российских регионов / В сборнике: Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2017. С. 40 – 45.
10. Джамурзаев Ю.Д. Анализ методов оценки эффективности налогового администрирования // Налоговая политика и практика. 2010. № 7-1 (91). С. 23 – 28.

Bruhanova Natalia Vladimirovna, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Scientific and Organizational Department, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: iubip502@yandex.ru

Dynniki Dmitry Igorevich, Senior Lecturer, Department of Management Technology in the Tourism Industry, Southern Federal University (105/42, st. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: iubip502@yandex.ru

FINANCIAL AND ECONOMIC SUPPORT FOR INTEGRATED RURAL DEVELOPMENT

Abstract

In today's environment, the issues of integrated development, economic independence and financial resources for the Territories are becoming most important. The ability of the region to have such resources in sufficient quantity and volume to fully implement the tasks set, to solve economic and social problems within the competence of the relevant level of power, and is its economic autonomy. In any case, the region, having gained such autonomy, is to some extent separated from other regions of the country within the framework of the national economy, as well as limited reproductive ties in the territory. At the same time, there are problems related to the lack of own revenues and the dependence of regions on free revenues from other levels of the budget system. Integrated development depends directly on the financial basis (base) capable of providing it. Coherent and balanced economic, social and spatial development, taking into account and respecting the interests of present and future generations, constitutes the integrated development of the Territories. The purpose of the work is to define new directions of complex development of rural areas on the example of Bagayevsky district of Rostov region.

Keywords: *complex regional development, strategy, budget, budget revenues, budget expenses, rural territories, municipal unit, control system, budget deficit, financial resources.*

References

1. Bryuhanova N.V., Dynnik D.I. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie monopofil'nogo municipal'nogo obrazovaniya / Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu. 2018. T. 4. № 1. P. 16 – 21.
2. SHatalova O.I., Muhor'yanova O.A., Bogdanov D.S., Velichenko E.A., Muradova S.SH. Sovershenstvovanie upravleniya regional'nymi i municipal'nymi finansami // Vestnik SevKavGTI. 2018. № 3 (34). P. 44 – 47.
3. Kiyanova L.D. Instrumenty ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij // SHe lovek. Obshchestvo. Inklyuziya. 2019. № 1 (37). P. 52 – 57.
4. Kiyanova L.D., Litvinenko I.L. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak forma vzaimodejstviya gosudarstva i biznesa v celyah realizacii obshchestvenno znachimyh proektov / V knige: Modernizaciya predprinimatel'skih struktur regionov Rossii kak faktor ekonomicheskogo rosta: tendencii, vyzovy, modeli i perspektivy. Rostov-na-Donu. 2018. P. 282 – 300.
5. Klyukovich Z.A., Mambetova A.A., Musaelyan A.K. Rol' byudzhetnogo federalizma v formirovanii dohodnoj chasti byudzheta / V sb.: Teoreticheskie i prakticheskie aspekty transformacii nalogovoj sistemy Rossii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov n/D., 2018. P. 75 – 80.
6. Grigor'eva N.S., Kolycheva ZH.YA. Vzaimodejstvie gosudarstvennyh i predprinimatel'skih struktur v sfere ZHKKH municipal'nyh obrazovaniy // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 2 (93). P. 37 – 41.
7. Kurilova L.M., Dynnik D.I. Problemy ocenki effektivnosti nalogovoj politiki regiona (na primere Rostovskoj oblasti) // Uchenye zapiski Instituta upravleniya, biznesa i prava. Seriya: Ekonomika. 2017. № 5. P. 264 – 279.
8. Klyukovich Z.A., Dodohyan T.M. Obespechenie social'no-ekonomicheskoy sostavlyayushchej nalogovoj politiki gosudarstva // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINH). 2018. № 4 (64). P. 172 – 176.
9. Kolycheva ZH.YA. Razvitie malogo i srednego biznesa kak odno iz napravlenij obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti rossijskih regionov / V sbornike: Ekonomiko-pravovye mekhanizmy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti. Materialy Vserossijskoj nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov n/D., 2017. P. 40 – 45.
10. Dzhmurzaev YU.D. Analiz metodov ocenki effektivnosti nalogovogo administrirovaniya // Nalogovaya politika i praktika. 2010. № 7-1 (91). P. 23 – 28.

УДК 338

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-102-105

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ РОЛЬ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Ершова Наталья Анатольевна кандидат экономических наук, доцент кафедры госуправления во внешнеполитической деятельности, Дипломатическая академия МИД России (119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1).
E-mail: nataly_ershova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме анализа влияния «цифровой экономики» на современное состояние российской экономики, на проблему перехода на качественно новый уровень, связанный с требованиями цифровой цивилизации. Автор предлагает ряд конкретных конструктивных предложений по адаптации российской экономики к новой интеллектуально-информационной эпохе. Масштабные технологические изменения сопровождаются изменением институциональной структуры общества.

Ключевые слова: *цифровая экономика, российская экономика, совместное потребление, цифровые технологии, мобильные коммуникации, социальная деятельность, цифровой ресурс, торговые площадки, глобальная экономическая система.*

С интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий в 1995 г. появился термин «цифровая экономика» и был связан прежде всего с развитием интернета и мобильных коммуникаций, которые являются «базовыми технологиями цифровой экономики». В итоге, совершенно очевидно, что эти процессы повлияли на все секторы экономики и социальной деятельности, в том числе производство, здравоохранение, образование, финансовые услуги, транспорт и т. д.

В широком смысле слова цифровая экономика (по определению Всемирного банка) – это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий.

В современной экономике компании цифрового сектора выходят на первый план и становятся точками роста, обеспечивающими экономику цифровым ресурсом. Если в начале XX века основ-

ными локомотивами мировой экономики были крупные нефтяные, металлургические, машиностроительные и горнодобывающие предприятия, то в настоящее время крупнейшими компаниями являются представители сектора цифровой экономики (табл. 1)¹.

Таблица 1

Рейтинг крупнейших компаний мира, 2016 г.

Компания	Основная сфера деятельности	Капитализация, \$
Apple	Производство электроники и информационных технологий	911.1 млрд. США
Alphabet	Индустрия программного обеспечения	788.8 млрд. США
Microsoft	Производство программного обеспечения	695.4 443 млрд. США
Amazon	Торговля в интернете	624.0 млрд. США
Tencent Holdings	Индустрия компьютерных игр	550.2 млрд. Китай
Berkshire Hathaway	Страхование, финансы, железнодорожный транспорт, коммунальные услуги, производство продовольственных и непродовольственных товаров	528.5 млрд. США
Facebook	Социальная сеть	518.3 млрд. США
Alibaba Group	Интернет-торговля, электронная коммерция	470.8 млрд. Китай
Johnson & Johnson	Производство лекарств, медицинского оборудования	394.9 млрд. США
JPMorgan Chase	Инвестиционный банкинг, финансовые услуги	392.0 млрд. США

Снижение стоимости обработки, хранения и передачи данных, развитие инфраструктуры подводят человечество к порогу наиболее масштабного, нового этапа цифровой революции.

Использование больших баз данных и развитие технологической инфраструктуры вызвали масштабную цифровую трансформацию нашего общества. Можно сказать, что предыдущий этап цифровизации характеризовался увеличением миллионов потребителей доступа в интернет, в отличие от нового этапа, который отличает широкий спектр цифровых сервисов, продуктов и систем и их интеграция.

Возникает возможность, благодаря подключенности и обмену данными, более эффективного использования ресурсов, совместного пользования инфраструктурой, более полноценной загрузки мощностей – это так называемая «экономика совместного потребления», объем которой уже сегодня оценивается в 150 млрд долларов США².

Термин **«совместное потребление»** используется для описания экономической модели, основанной на коллективном использовании товаров и услуг, бартере и аренде вместо владения. Основано на идее, что *платить за временный доступ к продукту удобнее, чем владеть этим продуктом*.

Совместное потребление – это прежде всего торговые площадки, такие как eBay и Craigslist, и менее распространенные, такие как системы для обмена путешествиями, обмена вещами и каршеринг-сети, основанные на модели совместного потребления, позволяют обмениваться навыками, вещами, услугами и деньгами. Совместное потребление переосмысливает не только то, что люди приобретают, но и то, как они это получают

Совместное потребление тесно связано с развитием современной одноранговой экономики, в рамках которой возникают горизонтальные сети производства и обмена экономических продуктов, а участники экономической деятельности взаимодействуют друг с другом напрямую без посредников. Совместное потребление позволяет максимизировать эффективность использования ресурсов и является формой общественной кооперации [1].

Все вышеуказанные явления меняют принципиальным образом устройство глобальной экономической системы – возможности потребителей, структуру отраслей, роль государств.

В.В. Путин в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 отметил: *«Предлагаю запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики. В ее реализации будем опираться именно на российские компании, научные, исследовательские и инжиниринговые центры страны. Это вопрос национальной безопасности и технологической независимости России, в полном смысле этого слова – нашего будущего»*³.

¹ Крупнейшие и самые дорогие компании мира. <https://allbanksworld.ru/rejtingi/kompanii-mira/> (дата обращения 01.06.2019)

² Цифровая экономика: История и перспективы <http://ar2016.rostec.ru/digital-history/> (дата обращения 01.06.2019)

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 "Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения 01.06.2019).

Всемирный банк в 2016 году подготовил доклад о состоянии цифровой экономики «Цифровые дивиденды», в котором были подчеркнуты выгоды ее развития, в том числе:

- Рост производительности труда.
- Повышение конкурентоспособности компаний.
- Снижение издержек производства.
- Создание новых рабочих мест.
- Более полное удовлетворение потребностей людей.
- Преодоление бедности и социального неравенства.

К рискам перехода на «цифру» для экономик различных стран отнесены:

- Риски, связанные с кибербезопасностью.
- Массовая безработица.
- Рост «цифрового разрыва» (разрыв в цифровом образовании, в условиях доступа к цифровым услугам и продуктам, как следствие – разрыв в уровне благосостояния) между гражданами и бизнесами внутри стран, а также между странами.

Сегодня цифровая экономика названа одним из приоритетных направлений Стратегии научно-технологического развития России. Полноценная последовательная цифровизация российской экономики станет платформой для качественного изменения ее структуры и долгосрочных возможностей.

Цифровые технологии активно используются многими российскими компаниями. На основе цифровых решений разработаны новые бизнес-модели «Газпромнефти». Одно из структурных подразделений «Газпромнефти». – «Центр «Центр Цифровых Инноваций»» сфокусирован на том, чтобы применять самые современные технологии для повышения эффективности отдельных бизнес-процессов и работы всех подразделений компании в целом. «Центр Цифровых Инноваций» занимается цифровизацией логистики, переработкой и системами сбыта продукции. Совершенствуются все процессы, которые происходят после того, как нефть добыли из недр. Цель – построить единую цепочку управления заводами, перевозкой и взаимодействия с клиентом, чтобы управлять ею, как единым организмом, с учетом не только специфики сегодняшнего дня, но и возможностей быстрой адаптации к потребностям рынка.

На сегодня компания имеет диверсифицированный бизнес: есть разные виды направления, от продажи топлива на АЗС, до заправок самолетов и бункеровки судов, реализации смазочных и битумных материалов. Существует взаимосвязь всех этих сегментов. Есть определенная рентабельность у каждого бизнеса, определенные каналы сбыта, определенные рынки. Поэтому очень важна оптимальная увязка рынка и работы заводов, максимально эффективное производство, и обеспечение клиентов нужным количеством продукции. Такова сложная цепочка процессов, и для управления ими выстраивается единая технологическая основа – собственная цифровая платформа «Газпром нефти».

Под «цифровой экономикой» следует понимать современный тип хозяйствования, характеризующегося преобладающей ролью данных и методов управления ими как определяющего ресурса в сфере производства, распределения, обмена и потребления.

Важно учитывать, что цифровая экономика порождает новые эффекты, связанные с трансформацией экономических отношений, имеющей информационную природу. Иными словами, растет число моделей поведения, основывающихся на данных, которые, зачастую, не отвечают качественным требованиям полноты, достоверности, актуальности. Увеличивается число моделей поведения, использующих искаженную информацию либо намеренно искажающих информацию. Хозяйственный оппортунизм предполагает злоупотребления в использовании данных о конкурентах, рынках и технологиях. Увеличивается число экономических преступлений в киберпространстве, из-за чего фирмы вынуждены нести потери, неизвестные для традиционной экономики. Фактором производства становится даже быстрота получения и обработки определенных, значимых данных, а элементом недобросовестной конкуренции спланированная дезинформация. Экономическая наука не может остаться без внимания к подобным проблемам. Изменениям подвергается старые экономические категории, терминологический аппарат, интерпретация тех или иных понятий. Развитие исследований в области институциональной теории, оперирующей такими категориями, как информация, транзакции, по-нашему мнению, может способствовать преодолению научных затруднений [2].

Базовая компонента нынешней экономической организации заключается в работе с данными и использованием информационно-коммуникационных систем в процессе управления. Происходящие транзакции являются обменом данными и их интерпретацией, от которой зависит характер будущих взаимодействий, что в свою очередь приводит к формированию отношений одних участников к другим, выработке правил поведения, изменению мотивов поведения, трансформации системы ценностей. Институциональная теория, используя аппарат теории информации, синтезируя

его с методами анализа транзакционных издержек, располагает существенными возможностями по проведению дальнейших исследований экономических отношений¹.

Масштабные технологические изменения, когда люди, используя данные и технологии связи, взаимодействуют с целью производства инноваций, сопровождаются изменением институциональной структуры общества. Для осуществления социально-инновационного развития обществ, необходимо реализация следующих условий:

во-первых, объединение значительного числа членов сообщества для производства и трансляции новых знаний. Неявное, недоступное отдельным индивидам знание, оторванным от социального взаимодействия, необходимо распространять и преумножать.

во-вторых, создание пространства «открытого доступа» для обмена и распространения знаний. Снижение барьеров взаимодействия, географических, языковых и других препятствий и развитие новых возможностей, в виде появления социальных сетей, носящих общий или специализированный характер.

С возрастающими потоками данных появляется возможность к переходу на новый уровень управления экономическими процессами. Современные системы поиска данных позволяют автоматизировать процесс принятия управленческих решений и позволяют производить более детальный анализ экономической деятельности. Современные базы данных представляют анализировать и прогнозировать экономические процессы на макроуровне, уровне отдельных регионов, отраслей и предприятий. Современные смартфоны, цифровые девайсы, интернет вещей позволяют получать данные напрямую от экономических агентов. Данные с таких устройств позволяют создавать цифровые модели потребителей, технологических процессов, что приводит к экономии ресурсов, оптимизации систем закупок, оптимизации использования финансов и т.д. [3]

Несмотря на то, что «цифровизация» экономики несет за собой позитивные последствия (расширение торговли, рост производительности, развитие конкуренции, создание новых рабочих мест и т.д.), она также имеет и один существенный недостаток, связанный с серьезной трансформацией рабочих мест, которая может привести к взрывному росту технологической безработицы, особенно в развивающихся странах, о чем предупреждает и Всемирный Банк². В итоге в среде среднего класса значительно повысится конкуренция, которая может привести к стагнации зарплат

Литература

1. Андреев К. Одноранговая экономика. М., 2018. 208 с.
2. Варнавский В.Г. Цифровые технологии и рост мировой экономики // Друкеровский вестник. 2015. № 3 (7). С. 73 – 80.
3. Берберов А.Б. На пути к цифровизации российской экономики: проблемы и перспективы // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 7 (101).

Ershova Natalya Anatolyevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Policy Public Administration, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (stroenie 1, Ostozhenka 53/2, Moscow, 119021, Russian Federation). E-mail: nataly_ershova@mai.ru

DIGITAL ECONOMY AND ITS ROLE IN MANAGEMENT OF MODERN SOCIAL AND ECONOMIC RELATIONS

Abstract

The article is devoted to the actual analysis of the “digital economy” influence on modern condition of the Russian economy, on the problem of shifting to a new qualitative level that meets the demands of the modern digital civilization. The author offers a number of particularly practical suggestions to adapt the Russian economy to the new intellectual and information era. The large-scale technological changes are accompanied by the development of the society institutional structure.

Keywords: *digital economy, Russian economy, shared consumption, digital technologies, mobile communications, social activities, digital resource, trading platforms, global economic system.*

References

1. Andreev K. Odnorangovaya ekonomika. M., 2018. 208 p.
2. Varnavskij V.G. Cifrovye tekhnologii i rost mirovoj ekonomiki // Drukerovskij vestnik. 2015. № 3 (7). P. 73 – 80.
3. Berberov A.B. Na puti k cifrovizacii rossijskoj ekonomiki: problemy i perspektivy // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2017. № 7 (101).

¹ <https://sovman.ru/article/8001/>

² Digital Dividends: World Development Report (2016) // World Bank [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА*

Капогузов Евгений Алексеевич – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55). E-mail: egenk@mail.ru

Аннотация

В статье приводится анализ институциональных изменений в сфере семейной политики с акцентом на выявлении элементов видоизменяемых формальных институтов и механизмов под влиянием вызовов в социальной, политической и демографической сфере. Сгруппированы направления «Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. применительно к достижению демографической цели – обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации. Показаны недостатки существующих формальных институтов с точки зрения отсутствия акцента на механизмах достижения конечных результатов, недостаточной прозрачности взаимосвязи мероприятий, бюджета национального проекта «Демография» и заявленных целей. Показана важность учета научной составляющей при формировании стратегии развития национального проекта с позиции теории игр и концепции «грамматики институтов» Э. Остром. Высказываются предложения по совершенствованию формальных институтов и механизмов, регулирующих семейную политику в современной России.

Ключевые слова: национальный проект, демография, формальные институты, институциональный анализ домохозяйств, цели национального развития, рост численности населения, естественный прирост населения, стимулирование рождаемости, материнский (семейный) капитал.

В соответствии с Указом Президента РФ № 204 от 7.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ первой целью для Правительства Российской Федерации является обеспечить устойчивый естественный рост численности населения Российской Федерации. Как, в том числе, отмечает Бухвальдом и Ивановым, в отличие от прежней «шестилетки» (периода между майскими Указами Президента 2012 г. и 2018 г.) новый механизм социально-экономического развития в виде «целеполагания через Указы» распространяется в том числе и на новые сферы, к которым относится и демографическая (семейная) политика [1]. В рамках данной статьи мы рассмотрим применительно к вышеуказанной «первой цели национального развития» существующие положения формальных институтов, выявив наличие механизмов и инструментов достижения целей и обсудим научную основу «нового демографического пакета».

В рамках реализации Указа № 204 Правительством РФ был принят «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года»². Как сообщает на сайте правительства, «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года представляет собой траектории выхода показателей, характеризующих данные цели, на целевые уровни, а также перечень инструментов и механизмов, направленных на их достижение вне зависимости от принадлежности»³.

В качестве основных механизмов и инструментов, применительно к решению задач в рамках «демографического блока», (раздел II Единого плана, далее ЕП) выступают направления, позволяющие улучшить ситуацию с естественным приростом населения по обоим направлениям: как увеличение рождаемости, так и снижение смертности, и, тем самым, способствовать увеличению ожидаемой продолжительности жизни.

На наш взгляд, инструменты и механизмы необходимо сгруппировать по следующим блокам:

- связанные с улучшением ситуации в здравоохранении;
- связанные с улучшением демографической ситуации благодаря изменению стиля жизни граждан, пропаганде здорового образа жизни;
- комплексные воздействия на продолжительность жизни целого ряда взаимосвязанных направлений, способствующих снижению стрессов, улучшения благополучия граждан и т.п. Это касается результатов таких проектов, как "Здравоохранение", "Демография", "Экология", "Безопасные и качественные автомобильные дороги"; государственные программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения", "Содействие занятости населения", "Социальная поддержка граждан",

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

¹ В редакции Указа Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. № 444 <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

² <http://static.government.ru/media/files/j8IV1FkssLpUqI89JCXZ2mLilLEn7H8.pdf>

³ <http://government.ru/news/36606/#>

"Развитие образования", "Развитие физической культуры и спорта", "Охрана окружающей среды на 2012 – 2020 годы", "Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности".

Улучшение ситуации в здравоохранении, в свою очередь, предполагается достигнуть как с помощью инвестиций в физический капитал («оснащение больниц и поликлиник современным медицинским оборудованием, строительство и реконструкция детских больниц (корпусов), так и в человеческий капитал (обучение специалистов в области перинатологии, неонатологии и педиатрии, с 4. ЕП)¹. Не меньшее значение уделяется и развитию информированности населения о возможностях профилактики неинфекционных заболеваний, выявляемых в первую очередь с помощью механизмов диспансеризации. При этом в тексте ЕП содержится типичная «ловушка метрик», предполагающая стимулирование исполнителей к «работе на показатель». Согласно тексту ЕП (с. 4) «к 2024 году планируется увеличение до 21,1% доли впервые в жизни установленных неинфекционных заболеваний, выявленных при диспансеризации и профилактическом осмотре у взрослого населения, от общего числа неинфекционных заболеваний с впервые установленным диагнозом». Тем самым по сути медицинских работников предполагается стимулировать к выявлению заболеваний, даже в случае их спорности, в соответствии с известным выражением «нет здоровых людей, есть недостаточно диагностированные». В рамках реализации разрабатывается механизм предоставления оплачиваемого выходного работникам для прохождения ежегодной диспансеризации.

Применительно к разделу 2.2. «Обеспечение роста рождаемости» ЕП предусматривается девять мер, которые также можно разделить на блоки:

- меры по непосредственной финансовой поддержке семей с детьми. К ним относятся мера № 1 «дополнительная поддержка семей при рождении ребенка, совершенствование механизмов защиты материнства и детства, включая реализацию программы материнского (семейного) капитала»; мера № 4 «совершенствование механизма предоставления ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка»; мера № 5 «совершенствование механизмов распоряжения средствами материнского (семейного) капитала по продлению программы материнского (семейного) капитала после 2021 года»;

- меры по косвенному стимулированию рождаемости путем обеспечения доступности жилья и создание комфортных условий существования для семей с детьми (мера № 3 «повышение доступности жилья семьям с детьми (в том числе с помощью субсидирования процентной ставки по ипотечным кредитам), предоставление на безвозмездной основе земельных участков под строительство жилого дома при рождении третьего и последующего ребенка» мера № 9 «совершенствование механизмов улучшения жилищных условий семей с детьми, в первую очередь молодых семей с детьми, в том числе за счет расширения строительства доступного жилья, отвечающего потребностям семей, с одновременным строительством объектов социальной инфраструктуры, необходимых семьям с детьми». Последний пункт наиболее важен, поскольку по социологическим опросам наличие (или отсутствие) «детской» инфраструктуры имеет определяющее значение с точки зрения принятия решения о деторождении (в рамках парадигмы fertility choice «новой экономики семьи) для семей, относящихся к среднему классу и обладающий высоким базовым уровнем человеческого капитала

- институциональные инструменты и механизмы по адаптации родителей на рынке труда: мера № 2 «создание условий для осуществления трудовой деятельности родителей, имеющих малолетних детей»;

Меры, связанные с медицинской поддержкой материнства и детства: мера № 7 «повышение доступности и качества оказания бесплатной медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, их новорожденным детям за счет развития технологий, снижающих риск неблагоприятного исхода беременности и родов, укрепления материально-технического и кадрового обеспечения службы материнства и детства; и мера № 8 «сохранение репродуктивного здоровья населения, обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья (в том числе вспомогательных репродуктивных технологий), повышение эффективности технологии экстракорпорального оплодотворения»;

И, наконец, можно отметить меру № 6, в которой сочетаются задачи как развития демографии, так и регионального развития: «принятие комплекса дополнительных мер по поддержке рождаемости, дифференцированных в зависимости от очередности рождений, в том числе в субъектах Российской Федерации со значением суммарного коэффициента рождаемости ниже среднероссийского значения, а также в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа».

¹ здесь и далее ссылки на страницы ЕП даются по электронной версии, размещенной на сайте правительства РФ URL: <http://static.government.ru/media/files/j8IV1FkssLpUq189JCXZ2mLilILen7H8.pdf>

Отдельные меры «демографического пакета» также, согласно ЕП, предполагается осуществлять при решении других задач. Так с целью снижения бедности в два раза (п. 3.2. ЕП, с. 8) предполагается осуществление как финансовых мер в виде «целевой поддержки нуждающихся семей с детьми (предоставление ежемесячных денежных выплат в связи с рождением первого и второго ребенка, а также при рождении третьего и последующих детей и иных пособий и мер поддержки)», так и инфраструктурные и институциональные меры «создания в субъектах Российской Федерации дополнительных мест для детей в возрасте до 3 лет в государственных, муниципальных и частных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход». Не менее значимыми являются и меры, направленные на повышение как доступности жилья в целом, так и для семей с детьми, для которых предусмотрено отдельное место в разделе IV ЕП "Улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно".

Вместе с тем, как следует из Приложения к ЕП, все вышеупомянутые меры должны позволить лишь снизить падение численности населения вследствие естественных причин (от 219,1 тыс. чел. в 2019 г., до 29,9 тыс. в 2023 г., и рост на 1,0 тыс. человек предусмотрен лишь к 2024 г. (по сравнению с 2023 г.). Потерю в абсолютном выражении численности населения предполагается, судя по всему, компенсировать, согласно п.7.3. документа, за счет «миграционного прироста посредством гибкой миграционной политики с акцентом на меры, способствующие притоку высококвалифицированных мигрантов, в том числе на этапе получения образования».

В целом, несмотря на декларирование наличия инструментов и механизмов, направленных на их достижение заявленных целей развития, в данном документе нарушается важный методологический принцип стратегического управления, программно-целевого управления и бюджетирования, ориентированного на результат (БОР). За формулировками о комплексности и взаимосвязанности воздействия мероприятий по достижению целевых показателей, о том, что цели носят «"межпрограммный" ("межпроектный") характер: достижение ни одной из национальных целей не может быть обеспечено в рамках лишь одной государственной программы и(или) национального проекта (программы)» скрывается существенная ловушка ЕП: нарушение базовых правил экономической политики – Правила Тинбергена и правила Манделла. И если в первом случае конкретный инструмент должен соответствовать и обеспечивать достижение цели, то согласно Манделлу, тот государственный орган (в логике ЕП – ответственный чиновник), который имеет большие возможности по обеспечению достижения целевого показателя должен и обеспечивать достижение соответствующих целей. В данном документе, претендующем на комплексность и всеохватность, нет ни информации об объемах бюджетных ассигнований, выделяемого на достижение целей (значения величин расходов бюджета «размазаны» по отдельным государственным программам), ни прописаны конкретные мероприятия, предполагающиеся для достижения конкретных целей в рамках предусмотренных бюджетных ассигнований (что предполагается при механизме БОР). Тем самым не обеспечивается не прозрачность, ни подотчетность при реализации соответствующих действий правительства по реализации ЕП по достижению национальных целей развития.

Для преодоления этих недостатков, на наш взгляд, необходима четкая увязка в едином документе (возможно, в дополнительном приложении к ЕП) объемов бюджетного финансирования и конечных показателей (outcomes). Необходимо не только разъяснить динамику конкретных показателей через связку «затраты (бюджета) – результаты (показатели достижения целей)», но и показать мероприятия и альтернативные сценарии развития событий по конкретному направлению.

Другой важной составляющей механизма реализации применительно к целям национального проекта «Демография» (далее НПД) является государственная программа, представленная на сайте Министерства труда и социальной защиты, где размещен паспорт национального проекта¹. В нем представлены основные параметры: целевые показатели и прогноз их динамики,

Детализировано содержание НПД раскрывается в пяти программах:

- «Финансовая поддержка семей при рождении детей»;
- «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет»;
- «Старшее поколение»;
- «Укрепление общественного здоровья»;
- «Спорт – норма жизни».

Общий бюджет национального проекта составляет 3 047 390 600 руб.².

На наш взгляд, в рамках национального проекта также отсутствуют полноценные механизмы и институты, способствующие реализации намеченных конечных целей. Значительная часть меропри-

¹ <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography>

² (<https://strategy24.ru/rf/demography/projects/natsional-nyuy-proyekt-demografiya>)

ятий характеризуется исключительно процессными показателями, предполагающими выделение бюджета и его освоение и лишь относительную косвенную связь между мероприятиями проекта и конкретными показателями. Это касается к примеру таких мероприятий как обеспечение просмотров в 2019 году «не менее 2,5 миллионов просмотров телевизионных и радиопрограмм, телевизионных документальных фильмов, Интернет-сайтов, направленных на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства», (п. 1.8 1.17 применительно к показателю для 2020 года и последующие пункты паспорта национального проекта программы), схожая ситуация с п. 1.9 и др. Также как в Едином плане, в НПД не обоснована динамика изменения количественных показателей, в том числе в разделе 6. «дополнительная информация» и «дополнительные обосновывающие материалы», характеризующих достижение целей по годам реализации. В некоторых случаях сам по себе факт целевого показателя стимулирует к освоению выделяемых средств, без описания конкретной необходимости осуществления мероприятий и связи с конечными результатами. В частности это касается п. 4.2. НПД, посвященного «Содействию занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», согласно которому за период 2020–2024 гг. планируется переобучить и повысить квалификацию 230 тыс. женщин, имеющих детей до трех лет. Это лишь частный пример, такой логикой руководствуются составители и в других частях документа, что создает основу для манипуляций при использовании общественных ресурсов и «работы на показатель в целом», что часто характерно для российской версии БОР [2].

Как видно из текста документа, в нем отсутствует идеология национальных проектов. В первую очередь это объясняется недостатком научной основы проекта, что характерно в целом для российской политики регулирования различных сфер общественного сектора [3]. Проект характеризуется набором хотя и взаимодополняющих, но не взаимосвязанных практических идей и практик, которые можно проследить в перечне мероприятий проектов. Львиная доля выделяемых средств, связанная с финансовой поддержкой, выделяется на поддержание уровня жизни наименее обеспеченных домохозяйств: как правило, право на получение пособий имеют те из них, доходы которых ниже прожиточного минимума. В отличие от «демографического пакета» середины 2000-х, связанного в первую очередь с введением института семейного (материнского) капитала, акцент сделан на частичное замещение выпадающих доходов матерей, находящихся в декретном отпуске, и размер пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет возрос. Также стоит, на наш взгляд, отметить преимущество политики семейного капитала, которая является важным элементом не только демографической политики, но и вкуче с другими мерами финансового характера способствует поддержанию спроса на рынке недвижимости, что очень важно в условиях падения реальных располагаемых доходов населения, особенно в «нестоличных» и дотационных субъектах Российской Федерации. Подавляющую долю в структуре расходов по направлениям использования занимает погашение ипотечных кредитов и финансирование жилищного строительства.

Существующий пакет мер, предусмотренный НПД, не учитывает содержание региональной специфики, важность региональной идентичности и опасность изоморфизма. Хотя в перечне мероприятий существует как дополнительные меры поддержки для приоритетных в демографическом и социальном смысле федеральных округов (Дальневосточного и Северо-Кавказского), а также предусмотрено дополнительное финансирование для тех субъектов, где демографические показатели «просаживаются», данной системе мер требуется более «тонкая настройка» с позиций учета региональной идентичности, которую можно идентифицировать с помощью специальных социологических и культурологических методов [4]. Важен и учет региональной специфики с точки зрения пространственного развития. Как отмечает Б. Порфирьев, «основные направления законодательного обеспечения реализации упомянутых задач на региональном уровне должны содержать пространственную составляющую и учитывать специфику конкретных регионов» [5, с. 178].

Относительно научной составляющей проекта в основе набора мероприятий закладывается следование принципу экономической рациональности, в частности акцент на материальном стимулировании повышения рождаемости. В этом плане мотивация семей к деторождению не только более сложная и не отталкивается исключительно от стратегии «машин удовольствия» [6] и основывается на институциональном контексте (культурных и социоэкономических факторах). Однако она зачастую далека от идеи учета ряда достижений современной науки, как экономической, так и теории игр, в частности концепции матчинга и марьяжа [7]. Стоит отметить, что несмотря на неоднократные подтверждения эффективности стратегии марьяжа и учет специфического брачного капитала (marriage special capital) в понимании Г. Беккера [8] в теоретико-игровых моделях реальные институциональные стратегии учитывают не только влияние четких предпочтений, когда игроки (мужчины и женщины) делают шаги и ожидают реакции контрагента на их предложение, но и возможное влияние регионально-специфических норм и традиций (алгоритм Гейла-Шепли). Ключевым недостатком модели марьяжа является то, что она базируется на нереалистичных предпосылках, предполагает низкие или даже нулевые транзакционные издержки, дискретность выбора и приводит к субопти-

мальности в условиях временных и когнитивных ограничений. Реальность стратегий, на наш взгляд, может быть усилена при переходе от тактического дискретного варианта принятия решений под влиянием текущих факторов к анализу специфических норм, влияющих на региональную идентичность, которая может быть выявлена через анализ нарративов, имеющих локальный характер.

Применительно к анализу идентичности на стыке экономики и других социальных наук, в частности социологии и политологии целесообразно в рамках институционального анализа обратиться к подходу Э. Остром и С. Кроуфорд о «грамматике институтов» (Grammar of Institution) [9]. В рамках данного подхода, хотя и имеющих политологические аспекты, связанные с применением в политологии теории рационального выбора, помимо традиционных правил и норм, определяющих человеческое поведение, большое значение для принятия решений составляют также и разделяемые стратегии, которые в значительной степени носят повторяющийся характер и именно последние определяют человеческие взаимодействия в не меньшей степени чем «физический мир» (материальная составляющая существования). Этот подход о значении институтов как разделяемых стратегий, имеющих контекстную идентичность, существенно менее известен, чем рассмотрение институтов как равновесий или как правил (по Норту – традиций) [10].

В рамках развития подхода Кроуфорд и Остром возникло уже нормативное понимание институтов. Согласно недавним исследованиям, институты – это стратегии, нормы и правила, воплощенные в государственной политике и / или социальных соглашениях. Они отражают и устанавливают ожидания в отношении того, кто, что, где и как может делать, и часто используются для решения дилемм коллективных действий и других видов вызовов в сфере социальной координации. [11, с. 1]. Это предполагает выстраивание «обязательств, заслуживающих доверия» (credible commitments), что крайне важно для устойчивости и преемственности демографической политики.

Подводя итоги, стоит еще раз обратить внимание на следующие противоречия в формальных институтах, которые отмечались ведущими российскими экспертами применительно к идеологии национальных проектов в целом [12], регулирующих демографическую (как часть семейной) политику в современной России:

- отсутствие четкой взаимосвязи между ресурсоемкими мероприятиями проекта и показателем, характеризующим конечный результат (положительная динамика естественного прироста населения РФ);

- отсутствие должной прозрачности в распределении средств между отдельными направлениями и программами национального проекта, что не способствует «продуктовой подотчетности» и взаимосвязи между бюджетированием и стратегическим планированием [13];

- недостаточный учет региональной специфики мероприятий проекта с точки зрения параметров пространственного развития и региональной идентичности разделяемых стратегий поведения индивидов как относительно семейных отношений, так и других аспектов демографической политики, связанных с принятием решений относительно деторождения и инвестиций в человеческий капитал;

- недостаток научной проработанности «демографического пакета» с позиций как «новой экономической теории семьи», так и современных достижений теории игр, экономической социологии и институциональной экономической теории.

Данные обстоятельства и, в особенности, выявленные лакуны в научной обоснованности создают условия для дальнейшего анализа и обоснования направлений совершенствования демографической политики и «тонкой настройки» как инструментария социально-экономического развития, так и улучшения институциональной среды в данной сфере. На наш взгляд экспертное обсуждение содержания национальных проектов в терминах экономического подхода (затраты-результаты) должно способствовать улучшению сложившейся ситуации.

Литература

1. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Указы Президента Российской Федерации как инструмент стратегического целеполагания в российской экономике // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 3. С. 7 – 24.
2. Тамбовцев В.Л. Планирование и оппортунизм // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 22 – 39.
3. Игнатова Т.В., Алифанова Е.Н. Институциональная характеристика бюджетного финансирования общественного сектора // Финансовые исследования. 2018. № 2. С. 20 – 26.
4. Акерлоф Дж.А., Крэнтон Р.Е. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс, 2010. 224 с.
5. Порфирьев Б.Н. Императивы законодательного обеспечения реализации майского 2018 г. Указа Президента России: пространственный аспект // ЭКО. 2018. № 9. С. 177 – 191.
6. Hodgson G.M. From pleasure machines to moral communities: an evolutionary economics without homo economicus. Chicago and London: The Chicago University Press, 2013.
7. Барбашин М.Ю. Оптимальные институциональные стратегии и идентичность в условиях неопределенности социальных дилемм (на примере бинарных игр) // Журнал институциональных исследований. 2014. Том 6. № 4. С. 116 – 136.

8. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
9. Crawford S. E.S and Ostrom E. Grammar of institution // American political Science review. 2005. Vol. 89 no 3., Sept. pp. 582-600.
10. Тамбовцев В.Л. Институты-как-равновесия vs институты-как-правила // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 111 – 122.
11. Heikkila Tanya, Siddiki Saba, Weible Christopher M., Pacheco-Vega Raul, Carter David, Curley Cali, Deslatte Aaron, and Bennett Abby. Institutional Analysis with the Institutional Grammar // Policy Studies Journal. Vol. 0. No. 0, 2019, p. 1-25.
12. Караваева И.В., Иванов Е.Б. Противоречия и риски российской системы управления (13 майских указов 2012 г. и 1 указ с 12 нацпроектами 2018 г.) // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018. № 3. С. 49 – 66.
13. Капогузов Е.А. Взаимосвязь стратегического планирования, инициативного и продуктового бюджетирования в России и за рубежом. // Вестник Кемеровского университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1 (7). С. 92 – 96.

Капогузов Evgeny Alekseevich, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Chair of Economic Theory and Entrepreneurship, Omsk F.M. Dostoevsky State University (55 a, Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: egenk@mail.ru

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF NATIONAL PROJECTS IN THE FIELD OF DEMOGRAPHIC POLICY: ECONOMIST GLANCE

Abstract

The article provides an analysis of institutional changes in the field of family policy with a focus on identifying elements of mutable formal institutions and mechanisms under the influence of challenges in the social, political and demographic sphere. The directions of the "Unified Plan for the achievement of the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 with respect to the achievement of the demographic goal – the provision of sustainable natural growth in the population of the Russian Federation are grouped. The shortcomings of the existing formal institutions are shown in terms of the lack of emphasis on the mechanisms for achieving the outcomes, insufficient transparency and accountability. The importance of taking into account the scientific component in the formation of the development strategy of a national project from the perspective of game theory and the "Grammar of institutions" by E. Ostrom is shown. Suggestions are made for improving formal institutions and mechanisms that regulate family policy in modern Russia.

Keywords: national project, demography, formal institutions, institutional household analysis, national development goals, population growth, natural population growth, fertility stimulation, maternal (family) capital.

References

1. Ivanov O.B., Buhval'd E.M. Ukazy Prezidenta Rossijskoj Federacii kak instrument strategicheskogo celepolaganiya v rossijskoj ekonomike // ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. 2019. № 3. S. 7 – 24.
2. Tambovcev V.L. Planirovanie i opportunizm // Voprosy ekonomiki. 2017. № 1. S. 22 – 39.
3. Ignatova T.V., Alifanova E.N. Institucional'naya harakteristika byudzhetnogo finansirovaniya obshchestvennogo sektora // Finansovyie issledovaniya. 2018. № 2. S. 20 – 26.
4. Akerlof Dzh.A., Krenton R.E. Ekonomika identichnosti. Kak nashi idealy i social'nye normy opredelyayut, kem my rabotaem, skol'ko zarabatyvaem i naskol'ko neschastny. M.: Kar'era Press, 2010. 224 s.
5. Porfir'ev B.N. Imperativy zakonodatel'nogo obespecheniya realizacii majskogo 2018 g. Ukaza Prezidenta Rossii: prostranstvennyj aspekt // EKO. 2018. № 9. S. 177 – 191.
6. Hodgson G.M. From pleasure machines to moral communities: an evolutionary economics without homo economicus. Chicago and London: The Chicago University Press, 2013.
7. Barbashin M.YU. Optimal'nye institucional'nye strategii i identichnost' v usloviyah neopredelennosti social'nyh dilemm (na primere binarnykh igr) // ZHurnal institucional'nykh issledovanij. 2014. Tom 6. № 4. S. 116 – 136.
8. Bekker G. CHelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii. M.: Izd. dom GU VSHE, 2003. 672 s.
9. Crawford S. E.S and Ostrom E. Grammar of institution // American political Science review. 2005. Vol. 89 no 3., Sept. pp. 582-600.
10. Tambovcev V.L. Institutyy-kak-ravnovesiya vs instituty-kak-pravila // ZHurnal ekonomicheskoy teorii. 2013. № 4. S. 111 – 122.
11. Heikkila Tanya, Siddiki Saba, Weible Christopher M., Pacheco-Vega Raul, Carter David, Curley Cali, Deslatte Aaron, and Bennett Abby. Institutional Analysis with the Institutional Grammar // Policy Studies Journal. Vol. 0. No. 0, 2019, r. 1-25.
12. Karavaeva I.V., Ivanov E.B. Protivorechiya i riski rossijskoj sistemy upravleniya (13 majskih ukazov 2012 g. i 1 ukaz s 12 nacproektami 2018 g.) // Menedzhment i biznes-administrirovanie. 2018. № 3. S. 49 – 66.
13. Kapoguzov E.A. Vzaimosvyaz' strategicheskogo planirovaniya, iniciativnogo i produktovogo byudzhetirovaniya v Rossii i za rubezhom. // Vestnik Kemerovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2018. № 1 (7). S. 92 – 96.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ:
ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СГЛАЖИВАНИЯ**

Кашникова кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории,
Татьяна экономический факультет, Южный федеральный университет (344002, Россия,
Васильевна г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88). E-mail: kashnikova@live.ru

Аннотация

В статье рассматриваются причины и последствия социально-экономического неравенства как негативного антисоциального явления. Подчеркивается, что реальное соблюдение конституционных принципов государством, изменение социальной политики, развитие гражданских институтов может способствовать разрешению обострившейся проблемы. Определяются инструменты осуществления государственной политики в области снижения социальной напряженности.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, уровень дохода, децильный коэффициент, социальная напряженность, государственная политика, дифференциация населения, объем потребления материальных благ, экономический потенциал страны, инвестиционные возможности.

Показатели социально-экономического развития и их динамика отображают факт того, что в РФ проблема неравенства, действительно, очевидна и значима. Далее возникает вопрос, каким образом социально-экономическое положение граждан снизилось несколько десятилетий назад, каковы причины возникновения высокой дифференциации населения в контексте развития нашего государства. Начнем с анализа факторов появления социально-экономического неравенства в обществе. Если предположить, что социально-экономическое неравенство представляет собой различия в возможности равного доступа к материальным благам и способности удовлетворить личные потребности, то основным фактором, влияющим на объем потребления материальных благ индивидами, является уровень их доходов. Как отмечает Л. Костылева, существует три группы факторов, влияющих на размеры доходов, среди которых [1, с. 54 – 58]:

1. Факторы макроуровня – основаны на политике страны или региона в целом. К ним можно отнести экономический потенциал страны (региона), уровень научно-технического прогресса, уровень инфляции, уровень развития производственных сил, политическую ситуацию в стране, степень развитости системы социальной защиты, государственную политику в сфере доходов и занятости.

2. Факторы микроуровня, возникающие на уровне предприятия (фирмы), где работает индивид. Здесь следует учитывать вид деятельности предприятия, его техническую оснащенность, условия труда, конкурентоспособность, локальную политику руководства предприятия и др.

3. Индивидуальные факторы, связанные с личностными качествами индивида, его способностями, уровнем и качеством образования, предрасположенностью к риску, профессиональной квалификацией. Здесь также можно отметить инвестиционные возможности индивида, наличие и объем в собственности средств производства, а также его жизненную позицию, уровень личной мотивации, стремление к социальному соревнованию и др.

Следует отметить, что причины социально-экономического неравенства также зависят от исторического развития, от политических, идеологических, ментальных особенностей отдельных стран. Так, переход России от плановой экономики, подразумевающей под собой государственное формирование доходов и гарантированную систему социального обеспечения всего населения, к рыночным условиям формирования доходов привел к кардинальным изменениям всей структуры доходов. Значимое место в уровне доходов граждан стали занимать доходы от предпринимательской деятельности (7,5 % – 10,25 %) и доходы от собственности (5 % – 6,25 %). На фоне этих изменений происходило падение объемов производства, разрушение традиционных хозяйственных связей, сопровождающееся социально-экономическими кризисами страны (дефолт, рост преступности, рост недоверия к власти).

В 1990-е годы активно формировалось новое законодательство в области социального регулирования, направленное на либерализацию и резкое сокращение расходов государства на решение социальных проблем. Е.А. Данилова указывает, что за последнее десятилетие XX века в РФ социальная политика была реконструирована под рыночные условия, что означало развитие рынка платных услуг. Преобразования, в первую очередь, затронули такие сферы как система образования, здравоохранения и жилья [2]. Е.Ю. Горохова обращает внимание на то, что финансовая политика федеральных властей была неодинаковой в отношении различных субъектов, что вызвало обострение межнациональных конфликтов и сепаратистских настроений [3].

Как отмечают Д. Джаватов и М. Маллаева, с учетом исторического опыта развития, территориальных особенностей, для нашей страны характерны три основные группы причин социально-экономического неравенства [4, с. 67]:

1. Уровень дохода различных социальных групп. Период 1990-х годов сопровождался процессом интенсивного перераспределения объема денежных доходов населения в пользу наиболее

высокодоходной группы населения, в то время как доходы основной массы населения стали существенно сокращаться, что привело к возрастанию децильного коэффициента фондов (от 8 до 16,8). Такие изменения стали основной причиной обнищания большей части населения РФ и являются преградой для формирования среднего класса в структуре российского общества.

2. Разные возможности адаптации социальных групп к новым экономическим проявлениям. Это относится и к привилегированным слоям населения, имевшим неограниченный доступ ко многим благам, и к той части домохозяйств, которые уверены в том, что их благосостояние зависит от государства. Такого рода представления, неготовность к переменам, консерватизм снизили экономическую активность части населения РФ, что способствовало снижению их уровня доходов.

3. Региональные и территориальные особенности, которые обуславливают неравные возможности решения социально-экономических проблем. В современный период разрыв социально-экономических показателей в зависимости от региона очевиден. Социальное неравенство населения напрямую связано с факторами природно-климатического характера, уровнем экономического развития регионов, что обеспечивает занятость, уровень оплаты труда, состояние отраслей социальной сферы. Отметим, что региональное неравенство на сегодняшний день, в том числе, ярко выражено в различном доступе к социальным и культурным благам, к качественному образованию.

Итак, характерной чертой социально-экономического развития в 1990-е годы возникло внезапное расслоение населения по доходам, резкое сокращение государственных расходов на культуру, образование, здравоохранение, что негативно сказывалось на состоянии и развитии экономики. Однако неравенство доходов увеличивалось не только в 1990-е годы, но продолжало расти и при положительной экономической динамике позднее. Преобладающая часть доходов населения по-прежнему формируется за счет оплаты труда. Однако если в организациях государственной и муниципальной форм собственности разрыв в оплате крайних децильных групп умеренный, то в частном секторе он выше, более чем вдвое [5, с. 83 – 100].

Еще одной немаловажной причиной социально-экономического неравенства в РФ стал межотраслевой разрыв в заработной плате и доходах. С внедрением рыночных отношений в постсоветскую экономику востребованными и высокооплачиваемыми стали профессии в сферах экспортоориентированных производств и финансово-банковской системы, в то время как отрасли, обеспечивающие жизненные потребности населения и воспроизводство человеческого капитала оказались менее значимыми в современных реалиях. Например, оплата труда работников финансовой и страховой сферы превышает оплату труда работников, занятых в сельском хозяйстве, более чем в 3 раза; оплата труда работников добывающей промышленности превышает оплату труда работников сферы образования и здравоохранения почти в 2,5 раза.

Неравенство в доходах усугубляется притоком большого количества легальных и нелегальных мигрантов из республик бывшего СССР, социально-экономическое положение которых, как правило, невысокое. Анализ демографической ситуации в РФ показал, что наибольший приток мигрантов обеспечивается за счет стран СНГ: численность мигрантов из Украины в 2016 г. – 178 274 человека, из Казахстана – 69 356 чел., из Узбекистана – 60 977 чел. Из стран дальнего зарубежья наибольший приток из Китая – 8 027 чел. в 2016 г. [6]. Пополнение демографической численности населения РФ за счет трудовых мигрантов ведет к усилению социальной напряженности, к еще большим масштабам бедности, способствует сокращению рабочих мест и уровня оплаты труда низкоквалифицированных профессий. Особо остро данная проблема ощущается в крупных развитых городах, таких как г. Москва и г. Санкт-Петербург. Кроме того, внешнеполитические события, связанные с дестабилизацией обстановки в Украине, способствовали притоку трудовых мигрантов на юг России: в Ростовскую область и Краснодарский край. Жители приграничных городов особо остро ощутили масштабный приток мигрантов, что сказалось на сокращении рабочих мест, росте преступности, снижении общего благосостояния населения поселений.

Следует отметить, что социально-экономическое неравенство – это всегда негативное анти-социальное явление, которое обусловлено рядом объективных причин и нередко является стимулом к развитию индивидов, к прогрессу. Никто не станет отрицать, что все люди от природы не могут быть равны: кто-то более способный, талантливый, физически сильный, здоровый, кто-то наоборот. А. Юрьевич и др. отмечают, что существует два типа неравенства: нормальное и избыточное [7, с. 182 – 202]. Нормальным считается неравенство, при котором доходы 10% наиболее богатых слоев населения не более чем в 6-8 раз превышают доходы 10% наиболее бедных слоев. Превышение данного показателя принято считать избыточным неравенством. В экономическом бестселлере Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» указывается, что «с начала 1970-х гг., реальная заработная плата большинства американских рабочих выросла незначительно, в то время как вознаграждения, полученные 1% наиболее высокооплачиваемых американцев, увеличились на 165%, причем у 0,1% представителей этой группы сумма вознаграждения возросла на 362%» [8]. Как указывает О.И. Шкаратан, Т. Пикетти пришел к выводу о том, что на сегодняшний день уместней говорить о передаче богатства по наследству (потом-

ственном капитализме), нежели о приобретении богатства своим трудом и заслугами [9]. В нашей стране децильный коэффициент фондов составляет 15-16. Это означает, что неравенство в российском обществе является избыточным, что, в свою очередь, формирует обширные негативные последствия.

С 1994 года уровень рождаемости тесно коррелировал ($R=0,792$) с уровнем удовлетворенности жизнью [10, с. 41]. Снижение рождаемости привело к образованию так называемой демографической ямы, последствия которой ощущаются в настоящее время. Немногочисленное поколение детей, рожденных в 1990-е годы, сегодня пополняет ряды трудоспособного населения, то есть становятся основными налогоплательщиками. Сокращение численности налогоплательщиков приводит к принятию радикальных политических решений, среди которых, например, увеличение пенсионного возраста граждан с 2019 года. В дополнение отметим, что при сохранении современного уровня неравенства в обществе преодолеть негативную динамику рождаемости не удастся. На сегодняшний день большая часть населения не может реализовать репродуктивные функции из-за своего социально-экономического положения. Значительное число российских семей имеет только одного ребенка и не планирует заводить последующих. Малодетность – это распространенное и принятое в обществе явление, которое, несмотря на ряд социально-экономических мер со стороны государства, укореняется в жизни большинства россиян.

Влияние на семейные взаимоотношения и репродуктивные функции, на рост финансовой и трудовой активности оказывает и имущественное неравенство, а именно, обеспеченность населения жильем. Жилищные условия серьезно воздействуют на качество жизни и весь спектр социально-демографических характеристик [11]. Таким образом, именно бедность, отсутствие комфортных жилищных условий, невозможность обеспечить достойное существование, причинами чего в основном является избыточное неравенство, играет ключевую роль в отказе граждан репродуктивного возраста в рождении детей в современной России.

Социально-экономическое неравенство напрямую отражается в формировании человеческого капитала в РФ, основным элементом которого является качественное образование населения [12]. На сегодняшний день бедное и малообеспеченное население имеет незначительные возможности обучить своих детей в вузе. Такая тенденция связана, во-первых, с сокращением бюджетных мест в университетах, во-вторых, с невозможностью содержать ребенка во время обучения. Проблема доступа в центральные учебные заведения, благодаря введению ЕГЭ, частично решена, однако подготовка ребенка к сдаче экзамена порой требует от граждан значительных расходов на дополнительные занятия, репетиторов и т.п. Кроме того, нарастающая тенденция платного среднего образования делает его также недоступным или затруднительным для большей части населения. Это касается, например, дополнительного обучения в художественных, музыкальных школах, школах иностранного языка, различных секциях и т.п. Такие тенденции реформирования образовательной сферы могут привести к тому, что качественное образование вновь станет доступно только лишь элитной группе общества, что никак не соответствует конституционным основам РФ и вряд ли будет способствовать долгосрочному развитию страны и увеличению общественного благосостояния большей части населения.

Социально-экономическое неравенство влияет на психологическое состояние россиян. В частности, под воздействием СМИ граждане особо остро ощущают степень неравенства в обществе, начинают проводить социальные сравнения. Навязанные, заведомо недостижимые для большинства населения образы успеха, жизни в достатке порождают в обществе недовольство, агрессию, протест, раздражение и т.п. Подобные общественные настроения приводят к социальной неудовлетворенности, отсутствию стремлений в жизненной самореализации, к осознанию безнадежности своего положения и т.п. Это отражается в увеличении показателей уровня преступности, в частности, в совершении семейно-бытовых преступлений, которые, как правило, затрагивают малообеспеченных граждан. В настоящее время в российских научных кругах широко распространен термин социальной напряженности, который означает неудовлетворенность больших групп населения своим социально-экономическим положением. В данном случае социальная напряженность может перерасти в социально-политическую напряженность вследствие недовольства населения невозможностью решить многие проблемы органами государственной власти различных уровней. Данные проявления становятся негативными факторами, затрудняющими социализацию личности, формируют преступные мотивы, включая ориентацию на разрешение проблем через террористические акты, массовые беспорядки и насильственный захват власти [13].

Итак, к факторам, препятствующим сокращению неравенства доходов населения, следует отнести следующие: качество государственного управления, уровень коррумпированности, состояние судебно-правовой системы, степень защищенности частной собственности, наличие условий для предпринимательства. Реальное соблюдение конституционных принципов государством, изменение социальной политики, развитие гражданских институтов может способствовать разрешению сложившейся проблемы. В настоящее время государством предпринимаются попытки внедрения политико-экономических мер, однако весомых результатов в изменении социально-экономического положения российские граждане не обнаруживают.

Литература

1. Костылева Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование. М.: Litres, 2017. 330 с.
2. Данилова Е.Н. Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 2. С. 36 – 61.
3. Горюхова Е.Ю. Социально-экономические последствия либеральных реформ и межнациональные отношения в России 1990-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 72. С. 225 – 247.
4. Джаватов Д.К., Маллаева М.И. Социально-экономическое неравенство в России: причины, последствия, меры по преодолению // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 3. С. 67.
5. Беляева Л.А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 83 – 100.
6. Курдова М.А., Ефимова О.Г. Современная демографическая политика в России и пути ее реализации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 2. С. 51 – 55.
7. Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // Вопросы безопасности. 2013. № 2. С. 182 – 202.
8. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century // Cambridge Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. 2014. 605 p.
9. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 2. С. 6 – 35.
10. Воронин Г.Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41 – 54.
11. Виноградова К.В. К вопросу о неравенстве как социальной проблеме общества // Сб. научных трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: (г. Брянск, 30 ноября 2018 г.)». Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т, 2018. Ч. 2. С. 59 – 62.
12. Игнатова Т.В., Васильев П.П. Повышение значимости теории человеческого капитала для управления модернизацией российской экономики // Journal of Economic Regulation. 2013. Т. 4. № 2. С. 50 – 55.
13. Фещенко П.Н. Социальная напряженность: проблемы криминологического воздействия: монография. М: Проспект, 2019. 216 с.

Kashnikova Tatyana Vasilievna, candidate of Economic Sciences (PhD), associate Professor of the Department «Economic Theory», economics department; Southern Federal University (88, st. of M. Gorky, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: kashnikova@live.ru

SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY OF POPULATION IN RUSSIA: CAUSAL-INVESTIGATIVE ANALYSIS AND WAYS SMOOTHING
Abstract

The article discusses the causes and consequences of socio-economic inequality as a negative antisocial phenomenon. It is emphasized that real adherence to constitutional principles by the state, a change in social policy, and the development of civic institutions can help resolve an aggravated problem. The instruments of implementing state policy in the field of reducing social tension are determined.

Keywords: *Socio-economic inequality, income level, decile ratio, social tensions, public policy, population differentiation, volume of consumption of material goods, economic potential of the country, investment opportunities.*

References

1. Kostyleva L.V. Neravenstvo naseleniya Rossii: tendencii, faktory, regulirovanie. M.: Litres, 2017. 330 p.
2. Danilova E.N. Transformacii social'noj politiki i diskursa social'noj spravedlivosti v Rossii // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 2018. T. 27. № 2. P. 36 – 61.
3. Gorohova E.YU. Social'no-ekonomicheskie posledstviya liberal'nyh reform i mezhnacional'nye otnosheniya v Rossii 1990-h gg. // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2019. № 72. P. 225 – 247.
4. Dzhavatov D.K., Mallaeva M.I. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii: prichiny, posledstviya, mery po preodoleniyu // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2012. № 3. P. 67.
5. Belyaeva L.A. Dohodnoe neravenstvo v rossijskom obshchestve: social'nye posledstviya i problemy // Vestnik Instituta sociologii. 2018. № 26. P. 83 – 100.
6. Kurdova M.A., Efimova O.G. Sovremennaya demograficheskaya politika v Rossii i puti ee realizacii // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2018. № 2. P. 51 – 55.
7. YUrevich A.V., ZHuravlev A.L., YUrevich M.A. Izbytochnoe neravenstvo dohodov kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Voprosy bezopasnosti. 2013. № 2. P. 182 – 202.
8. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century // Cambridge Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. 2014. 605 p.
9. SHkaratan O.I. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire i stanovlenie novyh form social'nogo rassloeniya v Rossii // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 2018. T. 27. № 2. P. 6 – 35.
10. Voronin G.L. Ob"ektivnye i sub"ektivnye pokazateli obshchestvennogo blagopoluchiya // Sociologicheskij zhurnal. 2009. № 3. P. 41 – 54.
11. Vinogradova K.V. K voprosu o neravenstve kak social'noj probleme obshchestva. // Sbornik nauchnyh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Cifrovoy region: opyt, kompetencii, proekty: (g. Bryansk, 30 noyabrya 2018 g.) Bryansk: Bryan. gos. inzhenerno-tekhno. un-t, 2018. CH. 2. P. 59 – 62.
12. Ignatova T.V., Vasil'ev P.P. Povyshenie znachimosti teorii chelovecheskogo kapitala dlya upravleniya modernizaciej rossijskoj ekonomiki // Journal of Economic Regulation. 2013. T. 4. № 2. P. 50 – 55.
13. Feshchenko P.N. Social'naya napryazhennost': problemy kriminologicheskogo vozdejstviya: monografiya. M: Prospekt, 2019. 216 p.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Козлов кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры политической
Андрей экономики и экономической политики, Южный федеральный университет
Николаевич (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88). E-mail: ko-an-14@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается сущность транснационализации в специфике развития современного экономического состояния крупного транснационального корпоративного сообщества. Представляется процесс институциональных изменений транзитивной экономической стратегии особо привлекательным для крупного транснационального капитала. Эффективность транснационализации формируется через специфические возможности институционализации экономического потенциала транснациональных субъектов. В сложившихся современных экономических преобразованиях, показано усиление влияния транснационального корпоративного объединения, на факторы экономического потенциала интернационализированных хозяйствующих субъектов, которые формируют специфические экономические взаимоотношения.

Ключевые слова: транснационализация, экономический потенциал, институциональная среда, транснациональные корпорации, экономический субъект, транснациональный капитал, интернационализация, трансформация, эффективность транснациональных компаний.

Институционализация экономического потенциала в условиях транснационализации неразрывно связано с процессами трансформационного характера. Существенным результатом деятельности по своей мощности и динамике, является специфика современного состояния экономического развития крупных транснациональных компаний, которые формируют особое влияние на положение экономических сфер общественного развития. Движение к проблематике деятельности крупных транснациональных компаний и функционирование их в условиях различных экономических системах, разного уровня, рассматривается как специфическая деятельность, и как их существенное, многофакторное влияние, оказываемое ими на межгосударственные экономические взаимоотношения. Институционализация транснационализационных процессов приобретает сложное взаимодействие при принятии глобальной стратегии по реализации и осуществлению экономической деятельности [1, с. 17].

Формирование процессов транснационализационного направления, с изменениями в структуре общественного воспроизводства, показывает, что экономический потенциал крупных транснациональных компаний ориентирован на существенное взаимодействие всех сторон экономических отношений. Многие сферы общественного развития, а это научно-техническая, социально-экономическая, политическая, технологическая, информационная, интеллектуальная, культурная, духовная сферы жизнедеятельности, придают им в условиях современного экономического сообщества, фактор существенного влияния на процессы макроэкономического развития региона отдельной страны, или самостоятельного суверенного государства, которые не в силах сопротивляться экспансии крупным транснациональным компаниям.

Специфика транснационализационного подхода к реализации экспансии крупного транснационального капитала выражается в широких возможностях больших корпораций, а это, прежде всего, огромное воздействие на внутреннюю структуру самого правительства отдельной страны, ее политику в области экономической деятельности государства, налоговой, финансовой, таможенной, социальной, кредитной, денежной политики [2, с. 38]. Транснациональные корпорации приобретают структурное влияние в глобальном масштабе, на формирование цен, количество ресурсов, движение капитала, объемы производства, реализацию продукции, таможенные ставки, социальную инфраструктуру, политические интересы. Это в свою очередь оказывает специфическое влияние на уровень развития страны, ее экономический суверенитет, особенности взаимодействия государства с новой транснационализационной мировой элитой, в которой экономически не суверенные страны лишаются возможности реализации своих планов в хозяйственной жизни, как региона государства, так и всего самого государства.

Масштабы развития транснациональных корпораций показывают, что при установлении единого мирового правительства, возникают противоречия между властями крупных транснациональных компаниях и региональных менее результативных экономических субъектов, где движущей силой выступает региональная экономическая политика. В этих условиях транснационализация выступает как фактор усиленного развития региона, что дает возможность слиянию некоторых хозяйствующих субъектов для осуществления высоко конкурентного начала [3, с.85]. После такого слияния предпринимательские структуры обладают большой мощью при производстве и реализации товаров, продукции и услуг, и если случается банкротство одного из них, то это может привести к коллапсу некоторых национальных экономик. В международных экономических отношениях

это слияние позволяет воздействовать на современные государства через институциональные приоритеты экономического потенциала хозяйствующих субъектов, что приводит к появлению новых стратегий развития страны.

Трансформация крупных компаний осуществляется в пределах самого государства, так и вне его, через преодоление национальных границ экономических субъектов в сложных макроэкономических условиях. Роль транснационализации в преобразовании научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках очень высока, это дает транснациональным компаниям возможность при проектировании, при производстве и реализации современных информационных технологий, осуществлять в процессе экономического превосходства, так необходимое конкурентное преимущество [4, с.46]. Наиболее существенное превосходство у них преобладает в тех странах, где находится развивающаяся и слабо развитая экономическая система. Крупнейшие и влиятельные транснациональные компании на сегодня находятся в США, Японии, Китае, Индии, Канаде, а совокупный доход этих компаний превышает объем ВВП любой их стран мирового сообщества.

Институциональная среда как преимущество крупных компаний, нивелирует деятельность остальных участников экономической деятельности, что приносит крупным компаниям, положительные моменты при реализации собственной стратегии развития в разных регионах мира. Особое место в структуре институциональной среды транснациональных корпораций, занимает фактор производственно-административной единицы в управлении компании, а именно техноструктура, которая преобладает над акционерами миноритарного и мажоритарного характера. Техноструктуру формируют управляющие разных уровней и подразделений, специалисты в области информационных технологий, инженеры, менеджеры, т.е. те, кто не владеет простыми и привилегированными акциями, а принимают управленческие решения, создают концепцию развития предприятия, производства, условий преобразования компании. При реализации концепции экономического развития транснациональных корпораций, институциональная среда дает новые возможности для техноструктуры, где она осуществляют всю свою деятельность в полном объеме, как для увеличения прибыли для предприятия, так и для сохранения всех обязательств перед компанией [5, с. 34].

Эффективность транснационализации способствует продвижению страны в процессы международной научно-производственной и научно-технической интеграции, что для самого государства определяется притоком новых инвестиционных проектов, инновационных преобразований, информационных технологий, интеллектуальных возможностей, технологических преимуществ, где активизируется предпринимательская деятельность, раскрываются и реализуются по новому, факторы производства, удовлетворяются экономические интересы хозяйствующих субъектов. Экономический результат деятельности крупных транснациональных корпораций воздействуют на извлечение и эксплуатацию ресурсов в отдельной стране, так и в региональных объединениях экономического взаимодействия при долгосрочных планах инвестирования в основной капитал предпринимательских структур. Транснационализационные изменения помогают развивать в условиях кризиса предупредительные меры для субъектов экономической деятельности, такие как диверсификация финансового капитала, рынка ценных бумаг, движение инвестиционного капитала, развитие инновационных приоритетов [6, с. 10].

Сущность институционализации экономического потенциала транснационального глобального предпринимательства, заключается в разработке концепции поглощения крупного капитала отдельных экономических субъектов в развивающихся странах, это позволяет им воздействовать на внутреннюю социально-экономическую политику, налоговую политику, финансовую политику. Внутренние экономические взаимоотношения в этих странах происходят при участии внешних субъектов, они способствуют развитию институционализации собственности, владение, ограничение, передача прав на имущества крупных предпринимательских структур [7, с. 61]. Возможности государства в таких отношениях не всегда регламентируются в законодательстве этой страны, что становится привлекательным для крупных транснациональных корпораций для выражения своих экономических интересов, а иногда и действия в секторе теневой, серой, криминальной экономики.

Технологические преобразования в условиях институционализации экономического потенциала реализуются через расширенное воздействие интеграционных преобразований хозяйствующих субъектов. Информационные технологические приоритеты, дают необходимые результаты в плане инновационной стратегии, где экономический потенциал раскрывается с большим количеством и качеством современных информационных продуктов, причем как для производителя информационных технологий, так и для потребителя. Уровень информатизации и интернетизации современного общества позволяют действовать крупным транснациональным компаниям по всему миру с большей экономической силой. Это приводит в некоторых регионах к монополизации рынка информационных технологий, информационных продуктов, информационных услуг, где главную роль в трансформации этого информационного сектора экономики играют крупные транснациональные корпорации.

Современный процесс транснационализации неразрывно связан с условиями глобализационного характера, где экономическими субъектами выступают специфические структурные межправительственные объединения. По своему влиянию, они часто превосходят национальные правительства отдельных стран, через которые им удастся проводить эффективную экспансию транснационального капитала и ограничивать масштаб и возможности самих правительств. В институционализации трансграничности сильных корпораций, огромные возможности появляются у структурных подразделений международных финансовых институтов, а это МВФ, МБРР, что при определенной ситуации позволяет использовать транснациональным корпорациям огромные финансовые средства, манипулировать на рынке ценных бумаг, причем это происходит внутри самой страны, а также за ее пределами. В разное время, в сложных политико-экономических условиях, такие возможности приносят для крупных компаний большие дивиденды, которые направлены, в том числе и на развитие самих международных финансовых институтов [8, с.57].

Деятельность экономического субъекта в ситуации глобальных транснационализационных переменах, происходит в условиях необходимых для формирования положительных макроэкономических показателей, и как фактор постоянно изменяющейся, переходной экономической ситуации, влияет на глобальные системные институты по направлению развития транснациональных компаний. Движение в этих глобализационных процессах, осуществляется при помощи олигополистических картельных соглашений, которые дают всем участникам олигополистической структуры конкурентные преимущества. При этом сами субъекты особым образом воздействуют на миграцию рабочей силы, перемещение природных ресурсов, производственных ресурсов, материальных ресурсов, финансовых ресурсов, движению интеллекта, как фактора производства, что в итоге приносит для крупных транснациональных корпораций положительные результаты экономической деятельности.

Взаимосвязь наднациональных механизмов реализации экономического невмешательства в инновационную сферу у современных хозяйствующих субъектов, показывает характерную дееспособность транснационализационной направленности. Эти субъекты расширяют свои полномочия, стирая границы возможных ограничений инновационного развития регионального значения и тотального влияния на нововведения, обособленно владеют интеллектуальной собственностью, это придает транснациональным корпорациям фактор превосходства над другими конкурентными субъектами [9, с. 84]. В этот момент складывается устойчивое самовозрастание транснационального капитала, происходит эффективность разработанных программ инновационного развития, определяется вектор экономической деятельности в период кризисных явлений, выявляются организационные и институциональные возможности самих транснациональных компаний, усиливается роль инновационных преобразований, степень интеграционных взаимосвязей дает широкие перспективы управленческого, организационного фактора воздействия на инновационную деятельность компаний.

Поскольку инновационная стратегия компании всегда подвержена гибкому механизму циклических колебаний макроэкономической динамики, то это подразумевает системность в изменениях транснационализации, так как взаимопроникновение транснационального капитала может повлечь за собой вектор негативного развития из-за несогласования экономических интересов крупных транснациональных корпораций. Способность инновационной стратегии компании, в условиях динамики макроэкономических взаимоотношений, может прийти к увеличенному состоянию экономического потенциала через транснационализацию, что помогает реализовать перспективные экономические, жизнеспособные проекты в области инновационной деятельности. Институционализация перспективных проектов возможна и при участии межправительственных структурных объединений, а это хорошая возможность транснациональному крупному капиталу влиять на многие межправительственные взаимоотношения.

Тенденции транснационализационного вектора взаимоотношений приводят к укрупнению мелких и средних предпринимательских субъектов. Это позволяет использовать достижения научно-технического прогресса в своих интересах быстрее, чем это происходит в не транснационализационных взаимоотношениях. Передовые информационные технологии участвуют в концептуальном стратегическом преимуществе всех сферах интеллектуального, производственного, материального, экономического и финансового приоритетного развития транснациональных корпораций. Усиление во всех сферах деятельности научно-технического прогресса, в то же время помогает и раскрывает некоторые возможности в специализированных информационно-технологических условиях, справляться с объемом проблем концентрации транснационального крупного капитала, который при необходимости реализует свои транснациональные интересы [10, с. 54].

Фактор преобразования транснациональных компаний, заключается в специфике транснационализации, и эти условия реализуются через институционализацию экономического потенциала среднего и крупного хозяйствующего субъекта предпринимательской деятельности. В ситуационных действиях, в крупных компаниях, иногда присутствует иррациональный подход к проблемам движения транснациональных факторов производства, а это, прежде всего перемещение современных

информационных ресурсов, перемещение интеллектуальной собственности, права на владение интеллектуальной собственностью, авторские открытия, правообладание на открытия не только индивидуальных лиц, но и целых государств. Часто мелкие компании, снижая транзакционные издержки, ведут свою деятельность в духе не всегда открытого рационального подхода, допуская в своей предпринимательской деятельности высокую долю неформального, серого, криминального теневого сектора.

Институционализация приоритетов трансформационного характера, определяет направление транснационализации экономического субъекта, через выход воспроизводственного процесса за границы суверенного государства, что в большой степени не всегда влияет на сохранность интеллектуальной собственности, индивидуальных ноу-хау, секретов производства, технологических открытий. Особое воздействие на сохранность интеллектуальных открытий, в специфичности транснационализационного действия, осуществляет патентные структурные организации внутри транснациональной корпорации. Это приводит к повышению конкурентоспособности на мировых площадках крупных игроков, а при необходимости усиливает значение региональных филиалов, отделений и структурных организаций транснациональной корпорации. Собственные интеллектуальные разработки не всегда осуществляются в положительном направлении для предприятия в краткосрочном периоде, что приводит к дополнительному воздействию на изыскание в этой области [11, с. 1007].

Привлекательность специфики интернационализации при увеличении количества крупных транснациональных корпораций, формируют высокую степень взаимопроникновения в организационные структуры небольших трастовых холдингов. Они подвержены агрессивной экономической политики крупного транснационального капитала, это воздействует на трастовые холдинги не всегда в положительном ключе, что характеризует их поведение на длительный период времени. Определяя планы по долгосрочному развитию, эти хозяйствующие субъекты реагируют на глубокую степень транснационализационной направленности, что существенно воздействует на слияние современных горизонтально-интегрированных компаний, где они непосредственно самостоятельно регулируют, а иногда и контролируют объемы промышленного производства, биржевые торговые операции, влияют на расширение ресурсного рынка мирового масштаба. В ситуации соединения этих субъектов, формируются гигантские интернационализированные корпорации, которые стремятся вести хозяйственную деятельность к расширению своего влияния на макроэкономические процессы при изменениях конъюнктурных колебаний.

Экономический потенциал интернационализированных компаний просматривается в воспроизводственных системах как фактор трансформационного становления, при которых они вовлечены в процессы транснационализационного развития экономических взаимоотношений. Институционализация сферы трансграничного взаимодействия, определяет функционирование целых подразделений средних и больших транснациональных корпораций. Интернационализация экономических взаимоотношений отражает новую парадигму транснациональной элиты, которая приводит действующие компании к длительной интеграции в свои мощные транснациональные структуры.

Устойчивые позиции среди динамичных переходных экономик мирового экономического сообщества на сегодняшний день, занимает наша страна. Перспективы нашей транзитивной экономической стратегии, является привлекательной для крупного транснационального капитала, чьи интересы выражаются не только в добычи и переработки природных сырьевых ресурсов, но и глубокое взаимодействие в интенсивно развивающихся отраслях нашего реального сектора экономики, а это нанотехнологии, космическая отрасль, атомная энергетика, атомное судостроение, авиационное машиностроение. Все это позволяет говорить, что Россия остается наиболее привлекательная и влиятельная страна, как самого регионального экономического пространства, так и процессов взаимоотношений мирового экономического сообщества.

Таким образом, специфичность транснационализации представляется как фактор эффективного макроэкономического развития транснациональных корпораций, в долговременном ситуационном периоде дается возможность являться лидером взаимодействия предпринимательских структур. Институционализация экономического потенциала транснациональных компаний реализуется в контексте переходной экономической системы, поэтому направление хозяйственной деятельности опирается на транзитивную модель экономического становления.

Литература

1. Головина А.С. Основные черты транснациональных корпораций // Журнал научных публикаций аспирантов. № 10. 2009. С. 16 – 21.
2. Волобуев Н.В. Роль и место государственных корпораций в современной экономике России // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 7. С. 35 – 43.
3. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития. Монография / Под ред. Т.В. Игнатовой, С.П. Кюрджиева. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 200 с.
4. Совершенствование институциональных механизмов управления в промышленных корпорациях: сб. науч. тр. / ред. В.В. Титов, В.Д. Маркова. Новосибирск: ИЭПП СО РАН, 2013. 352 с.

5. Голикова Ю.А. Транснациональные корпорации: определение сущности и характеристика деятельности в современных условиях // Вестник НГУ. Сер. Соц.-экон. науки. 2010. Т. 10. Вып.4. С. 32 – 39.
6. Лукьянович Н.Е. Направленность и последствия политической деятельности транснациональных корпораций // Экономист. 2016. № 5. С. 3 – 13.
7. Филиппов В.А., Богатырева Л.В. Аналитические центры и транснациональные корпорации; Российская акад. наук, Ин-т проблем упр. им. В. А. Трапезникова. М.: URSS, 2009. 151 с.
8. Козлов А.Н. Транснационализация субъектов в специфицировании инновационной привлекательности // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2018. № 1 (45). С. 56 – 61.
9. Самошкова Л.Д. Революционный характер институциональных изменений в переходной экономике на примере России и их последствия для общества // Проблемы региональной экономики. 2015. № 31. С. 81 – 89.
10. Кирильчук О.В. Институциональные изменения как условие повышения конкурентоспособности экономики // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 53 – 55.
11. Симонин П.В., Алексеенко В.Б., Богачева Т.В. Институционализация социального корпоративизма и конфликтов в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-1. С. 1006-1009.

Kozlov Andrey Nikolaevich, Candidate of economic Sciences, senior lecturer of the Department of political economy and economic policy, Southern Federal University (88, M. Gorky St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). Email: ko-an-14@mail.ru

EFFICIENCY OF TRANSNATIONALIZATION AS A FACTOR OF INSTITUTIONALIZATION OF ECONOMIC POTENTIAL

Abstract

The article deals with the essence of transnationalization in the specifics of the development of the modern economic state of a large transnational corporate community. The process of institutional changes in the transitive economic strategy is particularly attractive for large transnational capital. The effectiveness of transnationalization is formed through the specific possibilities of institutionalization of the economic potential of transnational entities. In the current economic transformations, the strengthening of the influence of transnational corporate associations on the factors of economic potential of internationalized economic entities, which form specific economic relationships, is shown.

Keywords: transnationalization, economic potential, institutional environment, transnational corporations, economic entity, transnational capital, internationalization, transformation, efficiency of transnational companies.

References

1. Golovina A.S. Osnovnye cherty transnacional'nyh korporacij // Zhurnal nauchnyh publikacij aspirantov. № 10. 2009. P. 16 – 21.
2. Volobuev N.V. Rol' i mesto gosudarstvennyh korporacij v sovremennoj ekonomike Rossii // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2013. № 7. P. 35 – 43.
3. Upravlenie v social'noj sfere: sostoyanie, problemy i tendencii razvitiya. Monografiya / Pod red. T.V. Ignatovoj, S.P. Kyurdzhieva. Rostov n/D: YURIU RANHiGS, 2018. 200 p.
4. Sovershenstvovanie institucional'nyh mekhanizmov upravleniya v promyshlennyh korporacijah: sb. nauch. tr. / red. V.V. Titov, V.D. Markova. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2013. 352 p.
5. Golikova YU.A. Transnacional'nye korporacii: opredelenie sushchnosti i harakteristika deyatel'nosti v sovremennyh usloviyah // Vestnik NGU. Ser. Soc.-ekon. nauki. 2010. Т. 10. Вып.4. P. 32 – 39.
6. Luk'yanovich N.E. Napravlennost' i posledstviya politicheskoy deyatel'nosti transnacional'nyh korporacij // Ekonomist. 2016. № 5. P. 3 – 13.
7. Filippov V.A., Bogatyreva L.V. Analiticheskie centry i transnacional'nye korporacii; Rossijskaya akad. nauk, In-t problem upr. im. V. A. Trapeznikova. M.: URSS, 2009. 151 p.
8. Kozlov A.N. Transnacionalizaciya sub"ektov v specifirovanii innovacionnoj privlekatel'nosti // Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza. Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym hozyajstvom. 2018. № 1 (45). P. 56 – 61.
9. Samoshkova L.D. Revolyucionnyj harakter institucional'nyh izmenenij v perekhodnoj ekonomike na primere Rossii i ih posledstviya dlya obshchestva // Problemy regional'noj ekonomiki. 2015. № 31. P. 81 – 89.
10. Kiril'chuk O.V. Institucional'nye izmeneniya kak uslovie povysheniya konkurentosposobnosti ekonomiki // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 8. P. 53 – 55.
11. Simonin P.V., Alekseenko V.B., Bogacheva T.V. Institucionalizaciya social'nogo korporativizma i konfliktov v Rossijskoj Federacii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. № 10-1. P. 1006-1009.

**ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОГО НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА**

Матвеев Владимир Владимирович	доктор экономических наук, профессор, Орловский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (302001, Россия, г. Орел, ул. Гостиная, 2). E-mail: vvmatveev@fa.ru
Мазур Лидия Викторовна	кандидат экономических наук, Орловский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (302001, Россия, г. Орел, ул. Гостиная, 2). E-mail: lidi.mazur@ya.ru
Тарасов Вадим Александрович	аспирант, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95). E-mail: vadim.tarasov.75@inbox.ru

Аннотация

Одним из основных условий эффективного функционирования региональной экономики является наличие собственной налоговой базы. В сложившихся условиях нехватка финансовых ресурсов на региональном уровне в первую очередь определяется нестабильностью источников формирования регионального налогового потенциала. Реализация национальных проектов в сфере образования будет способствовать росту регионального налогового потенциала обусловленному как созданием новых рабочих мест, ростом заработной платы, так и в дальнейшем за счет повышения уровня интеллектуального потенциала населения региона, следствием которого станет внедрение инноваций в региональную экономику, способствующих развитию реального сектора экономики на основе формирования новой системы знаний и технологий.

Ключевые слова: налоговый потенциал, регион, бюджет, доходы, образование, национальный проект, налоги, региональная экономика, бюджетная политика.

Нехватка финансовых ресурсов на региональном уровне является ключевой проблемой реализации бюджетной политики на уровне субъектов РФ. Данной проблеме посвящены труды значительного количества исследователей [1–6]. Вместе с тем, следует учитывать, что именно собственные налоговые доходы должны составлять основу источников формирования региональных бюджетов. В этой связи необходимо осуществлять как их постоянный поиск, так и способы расширения региональной налоговой базы. Существенное значение в данном поиске следует отводить образовательной среде. Поскольку с одной стороны она будет отвечать за формирование финансовой грамотности населения соответствующей территории, способствовать нормализации налоговой дисциплины, а с другой будет формировать ключевой показатель развития национальной экономики – интеллектуальный потенциал. Именно от него зависит разработка и внедрение инноваций, модернизация производственного и технического комплексов, создание новых технологий, отвечающих современным требованиям цифровой экономики. В свою очередь на интеллектуальный потенциал оказывают основное влияние три фактора: уровень, качество и доступность образования. Именно на развитие интеллектуального потенциала направлен национальный проект «Образование» в 2019–2024 годах.

Реализация данного проекта обусловлена наличием ряда негативных факторов, связанных с образовательным потенциалом населения. Так, по данным Росстата, в последние годы наметилась негативная тенденция снижения удельного веса численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, а также удельного веса студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих (рис. 1). Вместе с тем имеется положительная тенденция роста удельного веса обучающихся общеобразовательных учреждений в общей численности населения, а также незначительного увеличения удельного веса студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, в общей численности населения.

Следует учитывать, что образование является точкой роста в региональной экономике, поскольку оказывает влияние на рынок труда и все его составляющие [7–9]. В этой связи существенное значение отводится формированию образовательной среды в регионах РФ и реализации национальных проектов в данной сфере. Реализация национального проекта «Образование» осуществляется на федеральном и региональном уровнях. При этом, на осуществление национального проекта «Образование», будет выделено 784,5 млрд. руб. и определены следующие приоритетные направления его реализации: современная школа (бюджет проекта составляет 295,1 млрд. руб.); молодые профессионалы (156,2 млрд. руб.); экспорт образования (107,5 млрд. руб.); успех каждого ребенка (80,5 млрд. руб.); цифровая образовательная среда (79,8 млрд. руб.); социальная активность (27,3 млрд. руб.); учитель будущего (15,4 млрд. руб.); поддержка семей, имеющих детей (8,6 млрд. руб.); социальные лифты для каждого (4,7 млрд. руб.). Основным источником финансирования проекта являются средства федерального бюджета – 92,2%, средства бюджетов субъектов РФ составят 5,8%, внебюджетные источники – 2%.

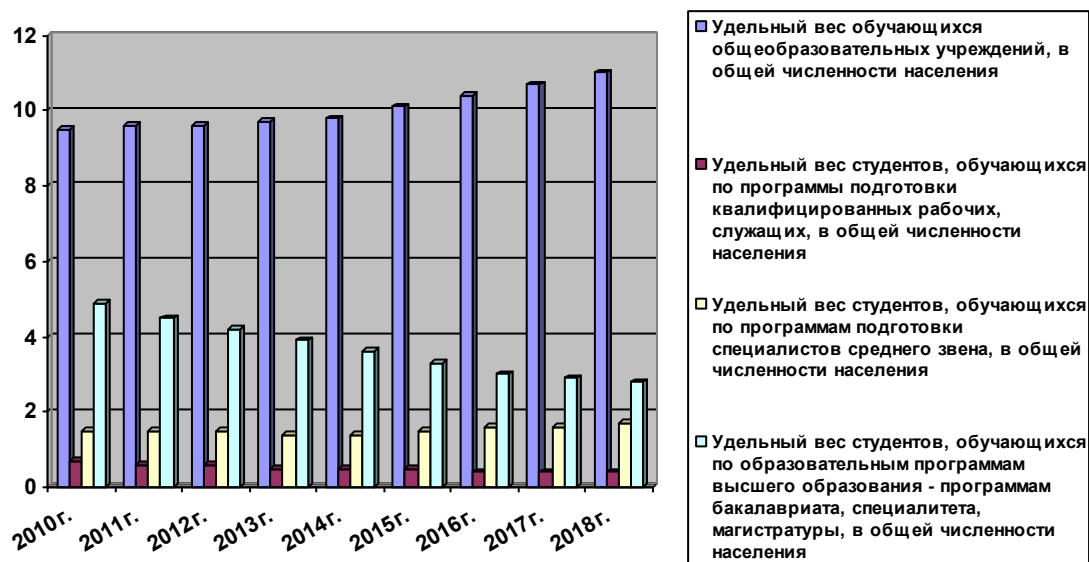

Рис. 1. Уровень образования и профессиональной подготовки населения в Российской Федерации, %¹

Вместе с тем, реализация данного проекта имеет определенную специфику для каждого субъекта РФ. Так, например, в Орловской области на реализацию национального проекта «Образование» из федерального бюджета будет выделено 397,7 млн. руб., в регионе будут реализованы три проекта: успех каждого ребенка (бюджет проекта составит 316,8 млн. руб.); современная школа (56,4 млн. руб.); цифровая образовательная среда (24,5 млн. руб.).

Запланировано, что к концу 2024 г. в Орловской области 70% обучающихся общеобразовательных организаций окажутся вовлеченными в различных формах сопровождения и наставничества. Для учеников 5–11 классов будет предоставлена возможность осваивать основные общеобразовательные программы по индивидуальным учебным планам, с возможностью зачета результатов по освоенным ими дополнительным общеобразовательным программам и программам профессионального обучения. Будет проведено обновление материально-технической базы общеобразовательных учреждений в сельской местности в количестве 441 организации, из них: 2019 год – в 28, 2020 год – в 39, 2021 год – в 61, 2022 год – в 85, 2023 год – в 104, 2024 год – в 124 организациях.

В рамках реализации национального проекта «Образование» в Орловской области будет ежегодно расти количество детей, охваченных деятельностью детских технопарков «Кванториум» и за 2019–2024 годы составит 10400 детей. Кроме того, запланировано, что 1500 детей смогут получить рекомендации для построения индивидуального учебного плана на основе выбранных профессиональных компетенций, что также будет учитывать реализацию проекта «Билет в будущее».

Также в Орловской области будут проводиться открытые онлайн-уроки, реализуемые с учетом опыта цикла открытых уроков «Проектория», «Уроки настоящего». Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием, составит 80% к концу 2024 года. В рамках реализации национального проекта планируется постоянное повышение квалификации педагогических работников с использованием современных дистанционных форм непрерывного образования. Кроме того, планируется активная работа со школьниками, направленная на выявление, поддержку и развитие способностей и талантов в Орловской области в рамках использования опыта Образовательного фонда «Талант и успех». Таким образом, акцентируется внимание на выявлении способностей у детей, которые они будут использовать в своей дальнейшей деятельности. Следовательно, в Орловской области появится возможность создавать новые технологии и разработки, направленные на модернизацию региональной экономики, что в конечном итоге позволит расширять источники формирования налогового потенциала.

Запланирована деятельность по проведению оценки качества общего образования с использованием международных практик по исследованию качества подготовки школьников. Планируется внедрение адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ в деятельность учреждений профессионального образования.

В образовательных учреждениях будет внедрена современная и безопасная цифровая образовательная среда к 2024 г. Запланировано ежегодное увеличение обучающихся в сфере повышения квалификации и профессиональной переподготовки в вузах (с 5,6 тыс. чел. в 2019 г. до 6,6 тыс. чел. в 2024 г.).

¹ Составлено авторами по данным Росстата.

Таким образом, реализация данного проекта сможет не только обеспечить глобальную конкурентоспособность российской образовательной среды, повысить качество образования; воспитывать гармонично развитых и социально ответственных личностей, но и косвенно воздействовать на увеличение налоговой составляющей региональных бюджетов. Данный факт будет достигаться как за счет создания новых рабочих мер в сфере образования (следовательно, увеличение налоговых доходов в региональных бюджетах по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ)), так и за счет внедрения инноваций, обновления материально-технической базы, создания новых объектов образовательной среды. Более того, следует учитывать, что в рамках реализации данного проекта бюджетное финансирование не будет способствовать формированию неформальной занятости, а, следовательно, будет отсутствовать возможность сокрытия налоговых доходов перед бюджетной системой.

При этом следует учитывать, что в Орловской области к региональным особенностям формирования налогового потенциала относится то, что в нем превалирует удельный вес НДФЛ среди других налоговых доходов (рис. 2).

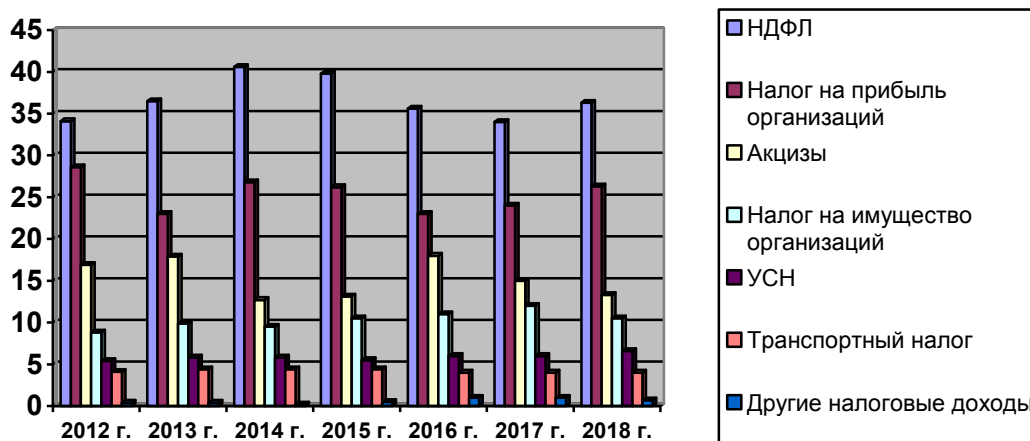

Рис. 2. Динамика налогового потенциала Орловской области¹

На протяжении анализируемого периода времени максимальная собираемость НДФЛ наблюдалась в 2014 году, минимальная – в 2017 году. Вместе с тем, удельный вес НДФЛ в налоговых доходах регионального бюджета колеблется на уровне от 34,0% до 42,1%. На втором по значимости месте находится налог на прибыль организаций, его удельный вес в структуре налогового потенциала Орловской области составляет от 23,0% до 28,6%. Далее следуют акцизы с диапазоном колебания 12,7% – 18,0%. Удельный вес налога на имущество организаций в структуре налогового потенциала Орловской области составляет от 8,8% до 12%, единого налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения (УСН) на уровне от 5,4% до 6%, транспортного налога порядка 4%. Другие налоговые доходы включают в себя налог на игорный бизнес, налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), государственную пошлину, единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) и составляют порядка 1% в структуре налогового потенциала Орловской области на протяжении рассматриваемого периода времени.

Таким образом, структура налогового потенциала Орловской области свидетельствует о том, что в регионе реальный сектор экономики не играет существенного значения. Высокий уровень собираемости НДФЛ в основном обеспечивается за счет бюджетных учреждений, особенно в системе образования. Согласно справочно-информационным материалам системы образования Орловской области на территории региона функционирует: 196 дошкольных образовательных организаций, 376 общеобразовательных организаций, 19 учреждений профессионального образования, 123 учреждения профессионального образования, 6 высших учебных заведений (вузов).

Вместе с тем, в настоящее время в целях расширения налоговой базы бюджета Орловской области следует особое внимание уделять развитию реального сектора экономики, что в свою очередь акцентирует роль инвестиционно-инновационной деятельности, которая невозможна без достижения соответствующего уровня образования, отвечающего современным требованиям цифровой экономики.

В этой связи реализация национального проекта «Образование» станет своеобразной точкой роста региональной экономики, следовательно, регионального налогового потенциала (рис. 3).

¹ Составлено авторами по данным Департамента финансов Орловской области

Рис. 3. Факторы роста регионального налогового потенциала при модернизации образовательной среды (составлено авторами)

Источниками роста налогового потенциала при реализации национального проекта «Образование» в Орловской области будет не только НДФЛ от фонда оплаты труда сотрудников образовательных учреждений, но увеличение доли налога на прибыль организаций, за счет расширения налоговой базы. Поскольку проводимая модернизация образовательных учреждений будет связана как с обновлением и заменой оборудования, так и с реализацией строительно-монтажных работ на территории региона (строительство новых объектов образовательной среды), развитием инфраструктурной сети между городом и сельской местностью.

Таким образом, производимые затраты из регионального бюджета будут способствовать в краткосрочном периоде их отдачи в виде пополнения налоговых доходов. В долгосрочном периоде на основе полученной новой системы знаний молодежь региона сможет реализовывать венчурные проекты, внедрять инновации, развивать реальный сектор экономики.

Литература

1. Гончаренко Л.И., Архипцева Л.М. Налоговый потенциал: факторы формирования и развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 6. С. 21 – 28.
2. Липатова И.В. Система регионального налогообложения: правовой и экономический анализ // Учет. Анализ. Аудит. 2017. № 1. С. 62 – 71.
3. Малис Н.И. Налоговые поступления в региональные бюджеты: резервы роста // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 25 – 32.
4. Малис Н.И. Налоговые доходы региональных бюджетов: проблемы и перспективы // Финансы. 2018. № 1. С. 11–15.
5. Пансков В.Г., Лукасевич И.Я. Налоговые механизмы стимулирования модернизации экономики Российской Федерации // Финансы. 2017. № 8. С. 42 – 48.
6. Шемякина М.С. Оценка налогового потенциала региона и муниципальных образований: теория и методика. Йошкар-Ола: ООО ИПФ "СТРИНГ", 2015. 161 с.
7. Luk'iachikova T., Iamshchikova T. Podkhody k reformirovaniuu i rezul'taty modernizatsii vysshego obrazovaniia // Problems of Economic Transition (MPET). №59–7/8. 2017. P. 38 – 46.
8. Лукьянчикова, Т.Л., Ямщикова Т.Н. Подходы к реформированию и результаты модернизации высшего образования // Экономист. 2016. № 7. С. 38 – 46.

Matveev Vladimir Vladimirovich, doctor of economic science, Professor, Orel branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (2, Gostinaya St., Orel, 302001, Russian Federation).

E-mail: vvmatveev@fa.ru

Mazur Lidia Viktorovna, candidate of economic science, Orel branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (2, Gostinaya St., Orel, 302001, Russian Federation). E-mail: lidi.mazur@ya.ru

Tarasov Vadim Aleksandrovich, postgraduate student, Orel state university of I.S. Turgenev (95, Komso-molskaya St., Orel, 302026, Russian Federation). E-mail: vadim.tarasov.75@inbox.ru

INFLUENCE OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT ON FORMATION OF REGIONAL TAX POTENTIAL

Abstract

One of the main conditions for the effective functioning of the regional economy is the availability of its own tax base. Under the current conditions, the lack of financial resources at the regional level is primarily determined by the instability of the sources of formation of the regional tax potential. The implementation of national projects in

the field of education will contribute to the growth of the regional tax potential due to both the creation of new jobs, growth in wages, and in the future by increasing the intellectual potential of the region's population, which will result in the introduction of innovations in the regional economy, contributing to the development of the real sector of the economy based on the formation of a new system of knowledge and technology.

Keywords: tax potential, region, budget, income, education, national project, taxes, regional economy, budget policy.

References

1. Goncharenko L.I., Arhipceva L.M. Nalogovyy potencial: faktory formirovaniya i razvitiya // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2011. № 6. P. 21 – 28.
2. Lipatova I.V. Sistema regional'nogo nalogooblozheniya: pravovoj i ekonomicheskij analiz // Uchet. Analiz. Audit. 2017. № 1. P. 62 – 71.
3. Malis N.I. Nalogovye postupleniya v regional'nye byudzhety: rezervy rosta // Nauchno-issledovatel'skij finansovyy institut. Finansovyy zhurnal. 2016. № 2. P. 25 – 32.
4. Malis N.I. Nalogovye dohody regional'nyh byudzhetov: problemy i perspektivy // Finansy. 2018. № 1. P. 11–15.
5. Panskov V.G., Lukasevich I.YA. Nalogovye mekhanizmy stimulirovaniya modernizacii ekonomiki Rossijskoj Federacii // Finansy. 2017. № 8. P. 42 – 48.
6. SHemyakina M.S. Ocenka nalogovogo potenciala regiona i municipal'nyh obrazovaniy: teoriya i metodika. Joshkar-Ola: OOO IPF "STRING", 2015. 161 p.
7. Luk'iachikova T., Iamshchikova T. Podkhody k reformirovaniyu i rezul'taty modernizatsii vysshego obrazovaniia // Problems of Economic Transition (MPET). №59–7/8. 2017. P. 38 – 46.
8. Luk'yanchikova, T.L., YAmshchikova T.N. Podhody k reformirovaniyu i rezul'taty modernizacii vysshego obrazovaniya // Ekonomist. 2016. № 7. P. 38 – 46.

УДК 336.221.262

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-125-129

НАЛОГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАНЫ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Минаева

Елена

Вячеславовна

Юткина

Ольга

Владимировна

Александрова

Маргарита

Валерьевна

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69). E-mail: 5880972@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69). E-mail: olga_yutkina@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69). E-mail: 4664290@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ налоговой системы и налогового потенциала в разрезе страны и регионов, а также выполнен мониторинг налоговых доходов в разрезе консолидированного бюджета страны и отдельных федеральных округов РФ. На этой основе были выявлены основные причины, препятствующие увеличению налоговых поступлений в региональные бюджеты, и сформулированы основные направления по повышению и эффективному использованию налогового потенциала, способствующие дальнейшему инновационному развитию регионов.

Ключевые слова: инновационное развитие, налоговый потенциал, налоговая система, налоговые поступления, бюджетно-налоговая политика, регионы, экономический рост, финансовое обеспечение государства, финансовая база.

Одним из направлений экономического роста в современной экономике и хозяйственной практике любого государства является поиск методов и инструментов укрепления финансовой базы развития страны и ее регионов. Кроме того, общими факторами экономического роста признаются: совершенствование законодательной базы, развитие финансовой, кредитно-денежной системы, таможенной и налоговой политики, снижение уровня безработицы и показателей инфляции, введение государственных стандартов, обеспечивающих выработку идентичной продукции с единичными показателями качества, ограничение теневого бизнеса [1].

В системе финансового обеспечения страны (государства) и отдельных ее субъектов ведущее место отведено налогам. Налоги, ставки налогов, действующий механизм их взимания, уровень налоговых поступлений, налоговое администрирование и налоговый потенциал, являющиеся одними из элементов налоговой системы, существенно влияют на возможности и качество экономического роста страны и регионов, формируя основную часть их финансовой базы.

В этой связи, органы власти пристальное внимание уделяют решению проблем налогообложения и совершенствованию действующей налоговой системы. На современном этапе развития любой страны возникает необходимость реализации задач по мобилизации денежных средств

в бюджет страны с целью дальнейшего эффективного их расходования по приоритетным направлениям развития, а достижение данной цели невозможно без построения эффективной налоговой системы.

В ходе изучения налоговой системы Российской Федерации проведен анализ структуры и динамики налоговых поступлений в бюджет Российской Федерации представленный в табл. 1.

Таблица 1

Динамика налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации за 2016 – 2018 гг., млрд. руб.

Налоговые поступления	2016 г.		2017 г.		2018 г.		Динамика, %	
	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	2017 г. к 2016 г.	2018 г. к 2017 г.
федерального бюджета	6 929	47,84	9 162	52,83	11 927	55,92	132,23	130,18
консолидированного бюджета субъекта РФ	7 554	52,16	8 181	47,17	9 402	44,08	108,30	114,92
- в т.ч. в доходы местных бюджетов	1 012	6,99	1 088	6,27	1 194	5,60	107,51	109,74
Всего	14 483	100	17 343	100	21 328	100	119,75	122,98

Проанализировав динамику и структуру налоговых поступлений в Российской Федерации за период 2016 – 2018 гг., был сделан вывод о положительной динамике налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации в период с 2016 по 2018 гг. В 2018 г. в структуре поступлений наблюдается незначительное сокращение налоговых поступлений в консолидированный бюджет субъекта Российской Федерации (44,08 %), данное изменение налоговых поступлений вызвано сокращением поступления налога на прибыль организаций и акцизов в бюджет Российской Федерации. В тоже время, наблюдается рост налоговых поступлений по таким налогам, как НДС, НДПИ. В целом, можно констатировать факт, что налоговая система Российской Федерации за период 2016 – 2018 гг. успешно справилась со своей основной функцией – фискальной, обеспечив бюджет страны необходимыми финансовыми ресурсами для развития.

Сравнивая объёмы налоговых поступлений в РФ за период 2016 – 2018 гг., можно сделать вывод, что поступления в доходную часть федерального бюджета растут более высокими темпами, а так как все уровни бюджетной системы взаимосвязаны, то это влияет на объёмы налоговых поступлений в другие уровни бюджетной системы в сторону уменьшения. В целом можно сделать вывод, что в бюджете РФ налоговые поступления в 2018 г. увеличились на 22,98 % по сравнению с прошлым годом.

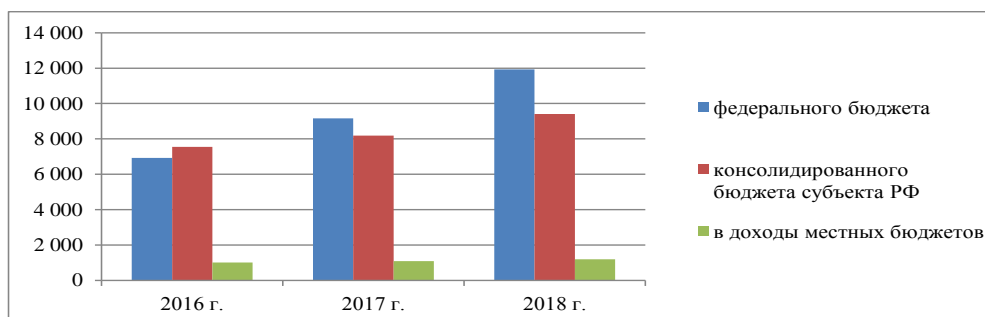

Рис. 1. Динамика поступлений налоговых платежей в бюджет в разрезе уровней бюджета РФ

В ходе исследования установлено, что основной объем налоговых поступлений формируют такие налоги, как НДФЛ, налог на прибыль, НДС (табл. 2). Данные налоги являются федеральными, но определенный установленный процент от сумм поступлений денежных средств по данным налогам распределяется в региональный бюджет.

Таким образом, в результате проведенного анализа налоговой системы Российской Федерации установлено, что налоговая система страны трехуровневая и включает в себя федеральные, региональные и местные налоги, а также спецрежимы. Тем не менее, установлены незначительные налоговые поступления в региональные и местные бюджеты Российской Федерации, что говорит об их недостаточном налоговом потенциале и зависимости регионов от центра страны.

При положительной динамике налоговых поступлений в целом, в консолидированный бюджет Российской Федерации, налоговый потенциал отдельных регионов и округов страны реализуется не в полной мере, что свидетельствует о слабом налоговом администрировании и контроле в стране, о различной степени экономического развития регионов, о недостаточной эффективности налоговой системы Российской Федерации и существующих в налоговой системе страны проблем и недостатков. Как показало изучение, требуется на постоянной основе осуществлять помощь малым предприятиям и организациям, которые могут стать основой социально-экономического развития регионов.

Динамика поступлений основных администрируемых доходов консолидированного бюджета субъекта по видам налоговых платежей за 2016 – 2018 гг.

Виды налоговых платежей	2016 г.		2017 г.		2018 г.		Динамика, %	
	млрд. руб.	Уд. вес, %	млрд. руб.	Уд. вес, %	млрд. руб.	Уд. вес, %	2017 к 2016	2018 к 2017
Налог на прибыль организаций	5787	34,34	6540	33,06	7752	32,19	113,01	118,53
Налог на доходы физических лиц	3017	17,90	3251	16,43	3652	15,17	107,76	112,33
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	3950	23,44	4 590	23,20	5067	21,04	116,20	110,39
Налог на имущество физических лиц	36	0,21	52	0,26	61	0,25	144,44	117,31
Налог на имущество организаций	764	4,53	856	4,33	985	4,09	112,04	115,07
Транспортный налог	139	0,82	154	0,78	161	0,67	110,79	104,55
Налог на игорный бизнес	0,81	0,01	0,99	0,01	2,03	0,01	122,22	205,05
Земельный налог	176	1,04	141	0,71	187	0,78	80,11	132,62
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	2 950	17,50	4 162	21,04	6147	25,65	141,08	148,41
Государственная пошлина	34	0,20	35	0,18	37	0,15	102,94	105,71
Всего	16853,81	100	19781,99	100	24081,03	100	117,37	121,73

Малое предпринимательство играет важнейшую роль в инновационном и социально-экономическом развитии региона, сглаживая кризисные явления в экономике, как отдельного региона, так и страны в целом. В то же время в современных условиях глобализации малым предприятиям и организациям для выживания необходима поддержка государства [2].

В настоящее время, несмотря на действие налоговой системы на всей территории страны и проводимую государством налоговую политику, наблюдается существенная дифференциация в развитии регионов и федеральных округов.

Существующие особенности использования регионального потенциала и механизмы управления им предопределили глубокую дифференциацию инвестиционно-экономического положения регионов страны. Выравнивание социально-экономического положения является актуальной задачей и требует значительных вложений капитала. Как показывает изучение, в последнее время уровень конкуренции между регионами за привлечение инвестиций имеет устойчивую тенденцию к росту, что определяет прерогативу руководства регионов по выбору эффективных направлений развития, предусматривающих новые векторы взаимоотношений бизнеса, власти и рынка [3].

Региональным органам государственной власти должна принадлежать инициатива институционального проектирования в целях формирования и создания инновационной модели развития высокотехнологического сектора региональной экономики, а также постепенного изменения линии движения предшествующего развития в технологиях, неэффективных в глобальной конкурентной сфере [4].

В этом плане некоторые ученые выделяют такие основные функции государственных структур, как: перераспределение доходов среди различных слоев общества (обеспечение стабильности экономики); сохранение осуществления оптимального уровня занятости; сокращение безработицы; осуществление региональной социально-экономической и социальной политики, обеспечивающей удовлетворение потребностей населения ее территорий; выпуск качественных конкурентоспособных отечественных товаров, способствующих укреплению государства [5].

Количественная оценка налогового потенциала крайне важна для государства и отдельных регионов при планировании бюджетной политики. В этом случае потенциал необходимо определять абсолютной величиной. При этом, анализ достигнутого уровня потенциала, в том числе налоговая нагрузка на экономику страны или отдельных регионов может быть выражена относительными показателями. Использование методики фактически собранных налогов является самой востребованной для оценки налогового потенциала.

Эти действия могут быть направлены как на снижение положенного размера подлежащих внесению в бюджет суммы налоговых платежей, так и на полное избежание уплаты налога или налогов [6].

Вместе с тем, как показало проведенное исследование, распределение налоговых поступлений среди федеральных округов Российской Федерации происходит крайне неравномерно. Поступления в Бюджетную систему РФ налога на прибыль организаций, налога на доходы физических лиц и налога на добавленную стоимость из Центрального федерального округа составляют 40% от поступлений основных налогов и 25% от всех налоговых поступлений, что объясняется тем, что в Центральном федеральном округе расположены крупные финансово-экономические центры, следовательно, наличие множества юридических лиц с обособленным имуществом. Существование

большого количества организаций увеличивает не только добавленную стоимость и налог с него, но и способствует возникновению прибыли. Также стоит отметить наличие в составе Центрального федерального округа такого города федерального уровня, как Москва. Однако, в связи с тем, что каких-либо крупных предприятий по добыче полезных ископаемых на территории Москвы нет, то налоговые поступления по налогу на добычу природных ископаемых самый маленький из всех федеральных округов – 3,1 млрд. руб. Можно заключить, что этот федеральный округ играет исключительную роль в государственных финансовых отношениях.

Самые высокие показатели собираемости налога на добычу природных ископаемых были зафиксированы в 2015 г. в Уральском федеральном округе в размере 2 031,7 млрд. руб., что составило 63% от общих поступлений от данного налога в федеральный бюджет РФ. К сожалению, этот показатель уже в 2016 году снизился на 10% и составил 1 837,4 млрд. руб. Налог на прибыль и налог на доходы физических лиц в Уральском федеральном округе имеет тенденцию к постепенному росту.

Дальневосточный, Сибирский и Приволжский округа имеют схожие заурядные показатели по основным источникам налоговых доходов. При этом Дальневосточный округ имеет очень низкие показатели собираемости налога на добавленную стоимость.

Среди всех федеральных округов с наименьшими налоговыми поступлениями можно выделить Южный и Северо-Кавказский федеральный округ. Напомним, что указом Президента Российской Федерации Крымский федеральный округ был упразднен и включен в состав Южного федерального округа. Включение в состав такого крупного и стратегически важного региона не могло не отразиться на налоговых поступлениях Южного федерального округа. В результате произошло увеличение налога на прибыль организаций в 5,6 раза.

Северо-Кавказский федеральный округ традиционно занимает самое последнее место среди всех федеральных округов по сбору налоговых отчислений. Удельный вес в налоговых поступлениях в Бюджетную систему Российской Федерации этого округа составляет 1,1%.

Высокая долговая нагрузка заставляет регионы значительную часть ресурсов направлять на погашение и обслуживание долга, а это отвлекает их от решения своих текущих задач. Стоит отдельно отметить наметившиеся положительные тенденции в укреплении доходной базы регионов с 2018 года, которые могут привести к сокращению дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню экономического и социального развития.

В краткосрочной перспективе наибольшего эффекта можно достигнуть за счет регулирования налоговых ставок, усиления контроля над задолженностью по налогам в бюджет, проведения разъяснительной работы с налогоплательщиками и др. Увеличить собираемость налогов позволит и усиление контроля за предприятиями-экспортерами, предотвращение схем ухода от налогов, необоснованного возмещения НДС по "фиктивным" экспортным операциям. В данном случае более действенный и оперативный контроль возможен при взаимодействии налоговых органов с правоохранительными и таможенными органами.

Необходимо продумать меры по укреплению налоговой дисциплины налогоплательщиков. Для этого требуется активизировать работу налоговых органов по вытеснению бартерных расчетов между предприятиями, неуклонно вести борьбу с экономическими преступлениями, уклонением от налогов, теневой деятельностью. В то же время создание благоприятных условий и налоговые льготы для бизнеса будут способствовать привлечению как отечественных, так и зарубежных инвесторов, что является основным фактором для создания новых рабочих мест и в целом для инновационного развития регионов. Кроме того, значительный потенциал заложен в организации информационно-разъяснительной работы с налогоплательщиками, который является залогом доверительного и полного формирования налогов и обеспечения их собираемости.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что повышение эффективности использования имеющегося налогового потенциала будет способствовать росту доходов региональных бюджетов и как результат их инновационному развитию. Таким образом, последовательное проведение указанных мероприятий положительно скажется на социально-экономическом развитии региона и в конечном итоге на повышении уровня его конкурентоспособности.

Литература

1. Минаева Е.В., Чижик А.С. Зависимость экономического роста страны от системы факторов и механизмов различных горизонтов управления // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2016. № 8. С. 78 – 86.
2. Александрова М.В., Минаева Е.В. Инновационное развитие как приоритетное направление повышения конкурентоспособности региона // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8 (97). С. 503 – 507.
3. Рябова Т.Ф., Маслюкова Е.А., Юткина О.В. Внутренние резервы роста экономики страны // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8 (97). С. 1310 – 1313.

4. Проскура З.Б., Макарова Е.Е. Доверительное управление имуществом как фактор инновационного развития экономики // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8 (97). С. 584 – 589.
5. Проскура З.Б. Система функций государственного управления экономической сферы зернопроизводства // Международные научные исследования. 2017. № 2(31). С. 237 – 240.
6. Шепелева А.И., Аношина Ю.Ф. Особенности налоговой оптимизации как способ снижения налоговой нагрузки предприятия // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2010. № 9 (14). С. 288 – 292.

Minaeva Elena Vyacheslavovna, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: 5880972@mail.ru

Yutkina Olga Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: olga_yutkina@mail.ru

Alexandrova Margarita Valeryevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: 4664290@mail.ru

TAX POTENTIAL OF THE COUNTRY AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONS

Abstract

The article presents an analysis of the tax system and tax potential in the context of the country and regions, and also monitors tax revenues in the context of the consolidated budget of the country and individual federal districts of the Russian Federation. On this basis, the main reasons that hinder the increase in tax revenues to regional budgets were identified, and the main directions were formulated to increase and effectively use the tax potential, contributing to the further innovative development of the regions.

Keywords: innovative development, tax potential, tax system, tax revenues, fiscal policy, regions, economic growth, financial support of the state, financial base.

References

1. Minaeva E.V., Chizhik A.S. Zavisimost' ekonomicheskogo rosta strany ot sistemy faktorov i mekhanizmov razlichnykh gorizontov upravleniya // Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' (nauchno-tekhnicheskij zhurnal). 2016. № 8. P. 78-86.
2. Aleksandrova M.V., Minaeva E.V. Innovacionnoe razvitie kak prioritnoe napravlenie povysheniya konkurentosposobnosti regiona // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. № 8 (97). P. 503 – 507.
3. Ryabova T.F., Maslyukova E.A., Yutkina O.V. Vnutrennie rezervy rosta ekonomiki strany // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. № 8 (97). P. 1310 – 1313.
4. Proskurina Z.B., Makarova E.E. Doveritel'noe upravlenie imushchestvennym kompleksom kak faktor innovacionnogo razvitiya ekonomiki // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. № 8 (97). P. 584 – 589.
5. Proskurina Z.B. Sistema funktsij gosudarstvennogo upravleniya ekonomikoj sfery zernoproizvodstva // Mezhdunarodnye nauchnye issledovaniya. 2017. № 2(31). P. 237 – 240.
6. Shepeleva A.I., Anoshina YU.F. Osobennosti nalogovoj optimizatsii kak sposob snizheniya nalogovoj nagruzki predpriyatiya // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaochnogo universiteta. 2010. № 9 (14). P. 288 – 292.

УДК 338.1

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-129-132

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЮГА РОССИИ

Павлюкова доктор экономических наук, доцент, Донской казачий государственный институт
Антонина пищевых технологий и бизнеса – филиал Московского государственного
Викторова университета технологий и управления им. К.О. Разумовского (Первый казачий
университет) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Семашко, 55).
E-mail: bikova_t@list.ru

Аннотация

В статье показано, что система финансовой безопасности хозяйствующего субъекта должна опираться на научные методы оценки уровня внутренних и внешних конкурентных преимуществ и рисков организаций. Приведена авторская характеристика системы финансовой безопасности, предложены меры по реализации методов риск-менеджмента в деятельности организаций.

Ключевые слова: региональное управление, риск-менеджмент, организация, региональная экономика, система финансовой безопасности, конкурентоспособность, хозяйственная деятельность, денежные потоки, экономический рост.

Обеспечение финансовой безопасности предприятия является одной из важнейших задач финансового менеджмента. Выполнение основных принципов финансовой безопасности дает внутренние предпосылки для нивелирования резких колебаний внешних факторов бизнес-среды и создания условий для поддержания конкурентных преимуществ, с одновременным сохранением выбранного вектора развития и высокой эффективности.

Следует рассматривать финансовую безопасность как основной компонент экономической безопасности, как способность субъекта хозяйствования обеспечивать высокую эффективность и финансовое равновесие в условиях нестабильной внешней среды и высокого уровня финансовых

рисков. Основной целью реализации финансовой безопасности служит управление всеми финансовыми рисками в целях и их нейтрализации и (или) минимизации негативных последствий их присутствия [1; 2]. Реализация данной цели обеспечивается созданием условий, необходимых для долгосрочного развития компании: ведение эффективной финансово-хозяйственной деятельности; поддержанием заданных темпов роста операционной деятельности и своевременной диверсификации; созданием финансовых предпосылок для обеспечения устойчивого и высокого роста конкурентоспособности хозяйствующего субъекта; обновлением основных фондов с учетом требований научно-технического прогресса; поддержанием постоянной платежеспособности и финансовой устойчивости.

Одной из основополагающих характеристик деятельности хозяйствующих субъектов является ее рисковый характер, в связи с чем перед ними постоянно стоит задача управления рисками.

Риск, как экономическая категория, имеет объективно-субъективную природу. Предприятие функционирует во внешней среде, соответственно действие совокупности факторов макро- и бизнес среды практически не зависит от каких-либо субъективных решений и действий отдельных хозяйствующих субъектов. Однако результаты функционирования каждого отдельного предприятия являются следствием управленческих решений, принимаемых у него внутри, а они носят субъективный характер, и зависят от восприятия риска и отношения к нему руководства и собственников.

Первостепенное значение в обеспечении финансовой безопасности предприятия имеет определение совокупности финансовых рисков. Однако задача их идентификации и оценки является не простой в силу широты спектра угроз и рисков, существующих в сфере финансов, так как они охватывают практически все сферы хозяйственной деятельности. В то же время основными источниками финансовых рисков, на современном этапе, являются диспропорции в структуре активов и пассивов предприятий; большое количество разнообразных внешних факторов, оказывающих негативное влияние на финансовую деятельность предприятия, условия неопределенности функционирования [5; 7].

Основой построения системы финансовой безопасности предприятия выступает классификация финансовых рисков по видам в зависимости от источника их возникновения. Среди наиболее опасных для хозяйствующего субъекта можно выделить:

а) риск неплатежеспособности, возникающий по причине несоответствия структуры активов и пассивов и разбалансированности движений денежных потоков,

б) риск утраты финансовой устойчивости, который является по сути последствием неэффективной структуры и состава капитала, увлеченности использованием заемных источников финансирования.

При этом не стоит забывать, что любой из финансовых рисков, опасен и при определенном стечении обстоятельств ведет к кризису или вызывает катастрофические последствия для предприятия. Кроме того, все финансовые риски по своей природе являются сложным и для принятия эффективных решений по их нейтрализации, должны быть представлены как совокупность простых рисков, и только потом индивидуально для каждого простого риска (с учетом его значимости) выстраивается система управления, основными этапами которой являются:

1) Исследование внешней и внутренней среды предприятия с позиции риск-менеджмента. Здесь очень важно сформировать массив полных и объективных данных о финансовых рисках и факторах, способствующих их возникновению. Среди наиболее опасных внешних факторов можно назвать: снижение темпов экономического роста, изменения законодательства, которые вводят новые барьеры для ведения бизнеса, высокие темпы инфляции, волатильность валютных курсов и другие. Негативные внутренние факторы: низкий уровень высоколиквидных активов, низкая доходность, отсутствие (недостаток) оборотных средств у предприятия, не высокая доля капитала у предприятия и др. [4; 8]

2) Определение финансовых рисков и факторов, способствующих их образованию и развитию. Здесь же проводится формирование портфеля наиболее высоких рисков деятельности предприятия в будущем.

3) Оценка уровня финансовых рисков. Это одна из самых сложных итераций управления рисками. На первом этапе оценивается вероятность действия каждого отдельного предварительно выявленного риска, затем определяется величина предельно возможных финансовых потерь, в которую входят прямые убытки, упущенная выгода, и т.д. Полученная величина сопоставляется с суммой прибыли от планируемой операции. На основании результата этого сравнения принимается решение о целесообразности проведения операции.

4) Расчет общего уровня финансового риска. Здесь возможно использовать различные методы, включая статистические, с использованием показателей вариации, дисперсии и среднеквадратического отклонения; анализ чувствительности, методы экспертных оценок; и др.

5) Определение критериев принятия решений по высокорисковым операциям. Рассчитываются допустимые уровни финансового риска и позиция предприятия по отношению к осуществлению хозяйственных операций, находящихся в зоне высоких рисков.

6) Обоснованный выбор и реализация мероприятий по нейтрализации негативных последствий финансовых рисков. Этот процесс заключается в разработке и осуществлении действий, препятствующих возникновению и росту влияния наиболее значимых рисков, а если они уже существуют – мер, которые бы помогли минимизировать негативные последствия для организации. Необходим постоянный мониторинг внешней среды и стратегическая оценка финансового положения предприятия, т.е. разработка и комплексная реализация антикризисной стратегии, суть которой определяется по результатам анализа финансового состояния предприятия [9]. Если это состояние организации устойчивое, главная цель – сохранение имеющегося финансового равновесия и поддержание существующих темпов роста; если состояние неустойчивое, нужны оперативные действия, адекватные характеру и масштабам имеющихся проблем.

Практическим способом решения рассматриваемой проблемы является построение матрицы рисков. Это один из наиболее эффективных способов качественного предварительного анализа рисков в условиях отсутствия (ограниченности) данных [3; 6]. Матрица рисков показывает зависимость уровня (категории) риска от соотношения вероятности события и тяжести его последствий. Основой построения матрицы являются следующие действия:

- 1) идентификация рисков, способных вызвать негативные последствия различной степени тяжести; события с негативными последствиями;
- 2) оценка степени тяжести последствий каждого из выявленных рисков;
- 3) прогнозирование вероятности реализации риска;
- 4) определение уровня риска.

В зависимости от вероятности возникновения и тяжести последствий все риски делятся на пять категорий: минимальный, низкий, средний, высокий и максимальный. Каждой категории присваивается соответствующий цвет опасности (или баллы, например, от 1 до 5). Далее строится сама матрица (рисунок 1). В зависимости от вероятности возникновения и тяжести последствий выделяют пять категорий рисков: очень низкий риск (ОНР), низкий риск (НР), средний риск (СР), высокий риск (ВР) и очень высокий риск (ОВР). В зависимости от категории того или иного риска реализуется тот или иной сценарий действий. Например, если риск очень низкий (ОНР), то следует просто вести его мониторинг, и прибегнуть к текущей процедуре контроля, если риск очень высокий (ОВР), то необходимы незамедлительные действия по его ликвидации.

Учитывая возрастающую неопределенность развития и увеличение числа рисков, в рамках общей системы управления предприятием необходимо уделить значительное внимание построению системы риск-менеджмента, в которой должны быть идентифицированы и оценены основные предпринимательские риски и их важнейший компонент – финансовые риски.

Рис. 1. Матрица дифференциации рисков в зависимости от вероятности их возникновения и тяжести последствий

Такой подход позволит заблаговременно разработать возможные сценарии действий в случае реализации рисков событий и, таким образом, подготовиться к ним, нейтрализовать их (или минимизировать негативные последствия) посредством своевременного выполнения подготовленных и продуманных действий. То есть, риск-менеджмент является важной составляющей системы финансовой безопасности хозяйствующего субъекта. Необходимость измерения (оценки) рисков и принятия решений в условиях неопределенности служит основой долгосрочного и эффективного финансового управления в организации.

Литература

1. Аверин А.В., Игнатова Т.В., Кюрджиев С.П., Шхагосhev P.B. Методология и институциональные рамки обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7 (110). С. 128 – 131.
2. Гончаренко Л.П. Экономическая безопасность: учебник для вузов, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 340 с.
3. Евлахова Ю.С., Алифанова Е.Н., Игнатова Т.В. Государственное регулирование и саморегулирование деятельности сетей финансовых организаций на российском финансовом рынке // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 3. Т. 14. С. 209 – 221.
4. Ерлыгина Е.Г., Капустина Н.В., Фоменко Н.М. Современное состояние и перспективы развития текстильной промышленности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2017. № 3 (369). С. 64 – 67.
5. Игнатова Т.В., Павлюкова А.В. Управление конкурентными преимуществами организаций Юга России // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 11. Ч.9. С. 1171 – 1173.
6. Лесик И.М., Горбатюк Г.И. Состояние и пути повышения финансовой безопасности предприятий // Тезисы доклада на конференции в г. Нюрнберге от 23 мая, 2014. С. 194 – 198.
7. Старикова Т.В., Аджигова А.С., Игнатова Т.В. Бюджетные инструменты финансирования текстильной отрасли // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2018. № 5. С. 32 – 36.
8. Klochko E., Fomenko N., Nekrasova V. Modelling of network mechanisms of management in the conditions of organizational development // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. Т. 6. № 1. С. 101.
9. Timofeeva A.A., Bulganina S.V., Fomenko N.M., Khachaturova M.S., Nekrasova M.L., Zakharova E.N. Features of the implementation of integrated marketing communications: resistance to change // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № S1. С. 27 – 32.

Pavlyukova Antonina Viktorovna, Doctor of Economic Science, Docent, Don Cossack state institute of food technologies and business – branch of Moscow State University of Technology and Management by the name of K.G. Razumovskiy (First Cossack University) (55, Semashko ave., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: bikova_t@list.ru

**RISK-MANAGEMENT AS A BASE OF FINANCIAL SECURITY SYSTEM
OF ORGANIZATIONS OF SOUTH RUSSIA**

Abstract

The article shows that financial security system should be based on scientific methods of assessment of inner and outer competitive advantages and risks of organizations. The authors' characteristics of financial security system and measures of risk-management implementation in organizations of South Russia are offered.

Keywords: regional management, risk management, organization, regional economy, financial security system, competitiveness, economic activity, cash flows, economic growth.

References

1. Averin A.V., Ignatova T.V., Kyurdzhiev S.P., SHkhagoshev R.V. Metodologiya i institucional'nye ramki obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 7 (110). P. 128 – 131.
2. Goncharenko L.P. Ekonomicheskaya bezopasnost': uchebnik dlya vuzov, 2-e izd., pererab. i dop. M.: YUrajt, 2019. 340 p.
3. Evlahova YU.S., Alifanova E.N., Ignatova T.V. Gosudarstvennoe regulirovanie i samoregulirovanie deyatel'nosti setej finansovyh organizacij na rossijskom finansovom rynke // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2019. № 3. Т. 14. P. 209 – 221.
4. Erlygina E.G., Kapustina N.V., Fomenko N.M. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya tekstil'noj promyshlennosti // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Tekhnologiya tekstil'noj promyshlennosti. 2017. № 3 (369). P. 64 – 67.
5. Ignatova T.V., Pavlyukova A.V. Upravlenie konkurentnymi preimushchestvami organizacij YUga Rossii // Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii. 2017. № 11. CH.9. P. 1171 – 1173.
6. Lesik I.M., Gorbatyuk G.I. Sostoyanie i puti povysheniya finansovoy bezopasnosti predpriyatij // Tezisy doklada na konferencii v g. Nyurnberge ot 23 maya, 2014. P. 194 – 198.
7. Starikova T.V., Adzhikova A.S., Ignatova T.V. Byudzhethnye instrumenty finansirovaniya tekstil'noj otrasli // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Tekhnologiya tekstil'noj promyshlennosti. 2018. № 5. P. 32 – 36.
8. Klochko E., Fomenko N., Nekrasova V. Modelling of network mechanisms of management in the conditions of organizational development // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. Т. 6. № 1. P. 101.
9. Timofeeva A.A., Bulganina S.V., Fomenko N.M., Khachaturova M.S., Nekrasova M.L., Zakharova E.N. Features of the implementation of integrated marketing communications: resistance to change // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № S1. P. 27 – 32.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рябова Таисия Фоминична	доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (109003, Россия, г. Москва, ул. Земляной вал, 73). E-mail: taisiya-ryabova@yandex.ru
Маслюкова Екатерина Александровна	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69). E-mail: katrinamas@mail.ru
Юткина Ольга Владимировна	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69). E-mail: olga_yutkina@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования эффективности привлечения частного бизнеса для решения государственно значимых социально-экономических задач. Выделены преимущества и недостатки взаимодействия в рамках ГЧП для всех партнеров. Выявлена динамика роста проектов на основе государственно-частного партнерства на всех уровнях национальной экономики. Установлено, что наибольший объем которых приходится на инфраструктурные объекты. По результатам исследования сделан вывод о необходимости активизации процесса привлечения инфраструктурных инвестиций на принципах государственно-частного партнерства, что будет способствовать росту национальной экономики, а также позволит сократить сроки реализации национальных проектов в сфере образования, транспорта, экологии и др.

Ключевые слова: партнерство, экономический рост, регионы, инвестиции, государственная политика, инфраструктура, предпринимательство, проекты, устойчивое инновационное развитие.

Для устойчивого инновационного развития, являющегося стратегическим фактором экономического роста страны, необходимы значительные объемы инвестиций, которые во многом можно обеспечить за счет партнерства с частным сектором, так как это взаимодействие способно принести неоспоримые преимущества для обеих сторон при условии правильной организации.

Создание максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности российских предприятий, расширение их способности к работе на открытых глобальных рынках в условиях жесткой конкуренции является одной из приоритетных задач, стоящей перед экономикой. Решение данного вопроса видится, прежде всего, в консолидации государственных, частных бизнес-структур и общественных интересов, или другими словами, в консолидации государственного и частного капиталов, интеллектуальных и человеческих ресурсов [1].

В настоящее время потребность населения в социальных объектах удовлетворена не в полной мере, в тоже время необходимо поддерживать и уже имеющуюся социальную инфраструктуру, как следствие все возрастающая потребность правительства в достаточном финансировании объектов общественного пользования. Неэффективное использование государственной собственности, не всегда удовлетворительное качество услуг, которые предоставляются гражданам, ограниченные финансовые возможности правительства обостряют потребность в привлечении капитала частного бизнеса для инвестиций в развитие современной инфраструктуры регионов.

ГЧП может стать механизмом преодоления перечисленных проблем и прогрессивной формой осуществления крупных инвестиционных проектов в России, а также может существенно повысить эффективность государственных инвестиций. Таким образом, можно заключить, что функциональная составляющая государственно-частного партнерства заключается в удовлетворении потребностей общественного сектора путем использования или заимствования ресурсов частного сектора и поддержании государственных полномочий и функций при предоставлении услуги совместно с частным сектором.

Многие ученые полагают, что основными функциями государства по регулированию экономики являются следующие: правовое обеспечение экономической деятельности, организация денежного обращения, производство общественных товаров, минимизация транзакционных издержек, охрана окружающей среды, антимонопольное регулирование и др. [2].

В рамках проводимого исследования были выявлены положительные и отрицательные стороны для каждого контрагента ГЧП.

Так, основными преимуществами для публичного сектора можно отнести:

- создание общественно значимых объектов даже при отсутствии достаточных бюджетных средств без увеличения долговой нагрузки на бюджет;

- возможность объединения этапов проектирования, строительства и эксплуатации в рамках одного проекта;
- возможность приобретать не объект, а услугу, что также способствует развитию конкуренции на рынке социально значимых услуг;
- возможность использовать ресурсы и компетенции частного партнера, привлекать новые технологии, увеличивать свою выручку и одновременно оказывать социально значимые услуги населению региона;
- передача части рисков по проекту частному партнеру;
- снижение присутствия государства в экономике;
- возможность переложить затраты, связанные с разработкой проекта, на частного инициатора проекта, сократить срок отбора инвестора, а также повысить эффективность управления имущественным комплексом.

Основными преимуществами для частного сектора являются:

- долгосрочное взаимодействие с государством закреплённое в рамках соглашения;
- возможность получения земельного, лесного, водного участка без торгов;
- возможность получения дополнительных гарантий со стороны государства по минимальной доходности инвестиций;
- возможность увеличивать свою выручку по проекту на этапе создания или эксплуатации и/или за счет оказания дополнительных платных услуг;
- передача части рисков по проекту государству;
- закрепление в сферах деятельности, традиционно занимаемых государством;
- возможность самостоятельно проработать структуру проекта и предложить проект соглашения, сократить срок заключения соглашения.

Основными недостатками ГЧП для государства можно выделить следующие моменты:

- в долгосрочной перспективе государство осуществляет суммарные платежи частному сектору в большем объеме, чем стоимость строительства исключительно за счет бюджетных средств;
- принадлежащее государственной власти право распоряжения созданным инфраструктурным объектом сильно ограничено, а, следовательно, государство теряет часть контрольных и регулирующих функций;
- государство несет определенные дополнительные расходы по отбору частных партнеров, на дальнейший контроль за реализацией проекта в рамках ГЧП, финансированием деятельности конкурсных комиссий, рабочих групп по мониторингу и контролю за строительством и эксплуатацией объекта и т.д.;

- риск выбора не соответствующего всем требованиям частного партнера, что может привести к нарушению сроков выполнения работ, созданию объектов ненадлежащего качества, а, следовательно, к неудовлетворению со стороны конечных потребителей.

Для частного сектора сдерживающими факторами являются:

- регулирование платы со стороны государства, которую взимает частный инвестор с третьих лиц за пользование объектами. Следует отметить, что представители бизнеса имеют возможность при заключении договора обсудить все вопросы, касающиеся тарифов за пользование объектами недвижимости, а также процедуру взимания платы с пользователей и ее последующую корректировку. В мировой практике в решении данного вопроса используется ежегодный пересмотр величины платежей с учетом инфляции в стране.

- формальное закрепление права собственности на объект за государством, что ограничивает возможности использования финансов компании и не может служить в качестве залогового обеспечения перед кредиторами;

- большая степень риска и ответственности за реализуемый объект по сравнению с традиционными государственными заказами в части соблюдения срока сдачи объекта в эксплуатацию, нарушения в графике проведения работ и т.д.

Несмотря на сдерживающие факторы взаимодействие государства и частного бизнеса облегчает выход на мировые рынки капитала, стимулируют привлечение иностранных инвестиций в реальный сектор экономики и развитие региональной социально значимой инфраструктуры, местные рынки капитала, товаров и услуг.

Существующие особенности использования регионального потенциала и механизмы управления им предопределили глубокую дифференциацию инвестиционно-экономического положения регионов страны. Выравнивание социально-экономического положения является актуальной задачей и требует значительных вложений капитала. Как показывает изучение, в последнее время уровень конкуренции между регионами за привлечение инвестиций имеет устойчивую тенденцию к росту, что определяет прерогативу руководства регионов по выбору эффективных направлений развития, предусматривающих новые векторы взаимоотношений бизнеса, власти и рынка [3].

Как показало изучение, в последние годы заметно ускорились темпы развития регионов как в социальной, так и в экономической сфере. При этом можно констатировать факт увеличения финансирования объектов инфраструктуры, в том числе и за счет внебюджетных источников.

Сотрудничество бизнеса и государства способно решать взаимовыгодные задачи при недостаточности ресурсов участников проектов. В условиях ограниченности региональных и местных бюджетных средств в краткосрочном периоде достигается экономия за счет распределения финансирования на более длительный период. Привлечение ресурсов частного сектора обеспечивает повышение эффективности использования бюджетных средств, повышение качества оказываемых услуг населению, обеспечение развития инфраструктуры, повышение конкурентоспособности региона, рост экономики страны.

Анализ данных, представленных в табл. 1 и на рис. 1, о реализуемых в России проектах показывает, что в 2018 г. 353 проекта с использованием механизмов ГЧП прошли стадию коммерческого закрытия, что более чем в полтора раза меньше, чем годом ранее. При этом объем частных инвестиций в 2017 г. составил 247,5 млрд. руб., а в 2018 г. увеличился до 451,7 млрд. руб., что свидетельствует о тенденции укрупнения совместных проектов [4]. Надо отметить, что такой рост произошел в основном за счет двух мега-строек – железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино (126,6 млрд. руб. частных инвестиций) и Северного широтного хода (103 млрд. руб.).

Таблица 1

Количество проектов ГЧП, прошедших стадию коммерческого закрытия, и объем частных инвестиций в этих проектах в 2014-2018 гг.

Показатель	Годы					Темп роста 2018 г. к 2017 г., %
	2014	2015	2016	2017	2018	
Количество проектов, прошедших стадию коммерческого закрытия	316	593	1202	620	353	57
Объем частных инвестиций, млрд. руб.	298,7	286,8	300,2	247,5	451,7	183

В целом же, в России сейчас реализуется без учета завершенных проектов 3422 законтрактованных ГЧП-проекта с общим объемом частных инвестиций 2182 млрд. руб. На проекты дороже 1 млрд. руб. приходится 92% всех частных инвестиций в проектах ГЧП, что в количественном выражении составляет всего 193 проекта или 6 % от общего их числа.

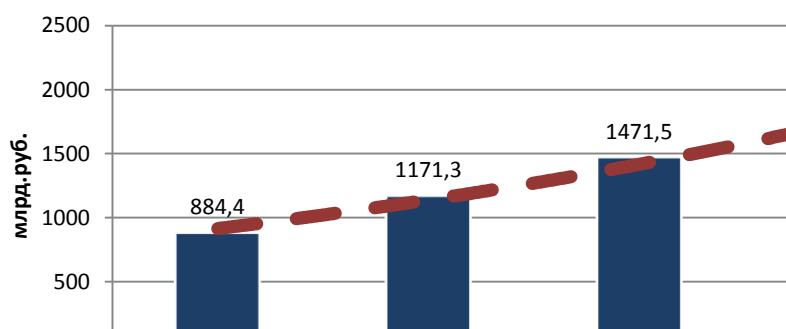

Рис. 1. Динамика роста законтрактованных инвестиционных обязательств частных партнёров в проектах ГЧП накопленным итогом в 2014 – 2018 гг.

Залогом успешного функционирования национальной экономики является взаимодействие всех ее субъектов. В первую очередь речь идет о государстве, поскольку именно сбалансированная экономическая политика государства способствует процветанию экономики, ее развитию, соответствию требованиям внешней и внутренней среды [5].

Анализ показал, что на всех уровнях национальной экономики увеличивается количество проектов на основе государственно-частного партнерства, что подтверждается данными табл. 2.

Таблица 2

Количество ГЧП проектов за 2013-2018 гг. в разрезе уровней, проекты

Уровень	Годы					Темп роста 2018 г. к 2017 г., %
	2013	2014	2015	2016	2018	
Федеральный	4	7	12	15	24	160
Региональный	17	75	104	193	356	184
Муниципальный	110	504	757	1975	3042	154
Всего	131	586	873	2183	3422	157

На федеральном уровне в 2018 г. реализовано 24 проекта с частными инвестициями, что на 60% больше, чем в 2016 г. Финансирование в размере 496 млрд. руб. осуществляется в такие проекты, как ЦКАД, система взимания платы «Платон» и другие. Федеральные проекты, несмотря на свои масштабы, все же уступают по объему инвестиций региональным. В региональные проекты получили частного финансирования в два раза больше – 1,3 трлн. руб. На муниципальном уровне реализуется большое количество мелких проектов – 3042 единицы, с общим объемом частных инвестиций 368 млрд. руб.

Таблица 3

Объем частных инвестиций в реализуемых проектах ГЧП по уровням реализации, млрд. руб.

Уровень	Годы				2018 г. в : к 2016 г.
	2014	2015	2016	2018	
Региональный	200,9	408,1	1038,6	1318	127
Муниципальный		98,5	144	368,1	в 2,6 р.
Федеральный		133,7	182,4	496	в 2,7 р.
всего		640,3	1365	2182,1	в 10,9 р.

Мониторинг данных табл. 3 об общем объеме финансирования проектов на основе ГЧП позволяет сделать вывод, что основные объемы частных инвестиций приходятся на региональный уровень. Так в 2018 г. было подписано договоров в рамках проектов ГЧП со стороны бизнес партнеров на сумму превышающую объем 2016 г. на 27 %, а объемы 2014 г. в 6,5 раз.

Общее количество проектов ГЧП на всех уровнях за 2013-2018 года увеличилось в 26 раз при росте частного финансирования почти в 11 раз. Но не смотря на большое количество проектов на муниципальном уровне, по объемам финансовых частных обязательств они уступают и федеральному и региональному уровню.

Вступление в силу федерального закона № 224-ФЗ от 13 июля 2015 г. «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» стало катализатором увеличения объемов участия бизнеса в государственных проектах. Наибольшее количество контрактов приходится на муниципальный уровень. Наименьшее количество на федеральный уровень.

Изучение структуры проектов в разрезе отраслей позволили выявить наиболее значимые для государства сферы, требующие значительных финансовых вложений, рис. 2. Обобщая данные табл. 4, можно сказать, что наибольшее количество контрактов заключается в коммунально-энергетической отрасли.

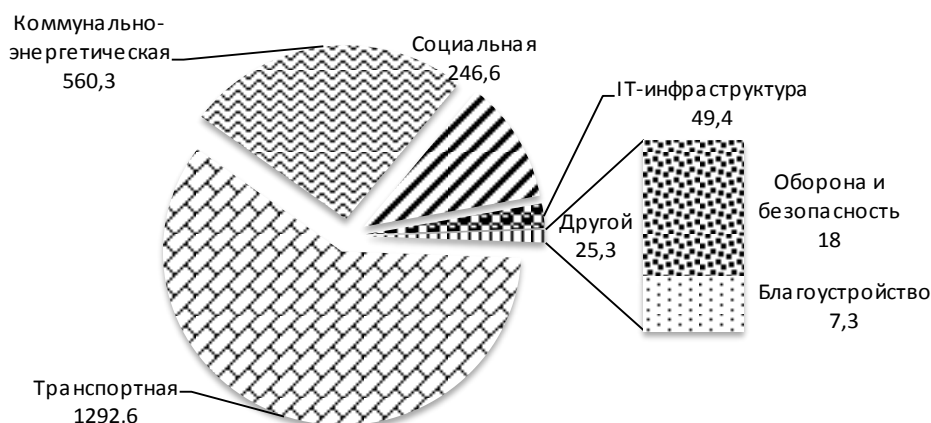

Рис. 2. Отраслевая структура рынка ГЧП по объему частных инвестиций в 2018 г., млрд. руб.

Таблица 4

Структура проектов ГЧП в России в разрезе отраслей общественной инфраструктуры, проекты

Сфера	Годы					Темп роста, 2018 г. в % к 2016 г.
	2013	2014	2015	2016	2018	
Коммунальная	23	194	626	2076	2731	132
Энергетическая	22	163	28			
Транспортная	30	64	47	68	124	182
Социальная	56	165	172	281	452	161

В 2018 г. можно отметить увеличение на 32 % количества контрактов в этой сфере по сравнению с 2016 г., что связано с развитием регулирования в сфере тепло- и водоснабжения. В 2015 г. в отрасли водоснабжения/водоотведения было законтрактовано всего 310 контрактов и 280 в теплоснабжении, а в 2018 г. более 2700 контрактов. Политика правительства, направленная на совершенствование регулирования хозяйственных связей в отношении объектов тепло- и водоснабжения привела к увеличению количества концессионных соглашений, а также усовершенствованию подходов при подготовке и реализации таких проектов.

Информационно-коммуникационная сфера считается наиболее динамично развивающейся, так в 2018 году стали реализовываться проекты по созданию систем контроля безопасности ПДД, проект «Платон» и др. Сегодня в этой сфере реализуются 33 проекта с объемом частных инвестиций 49,4 млрд. руб., которые нацелены на поддержание общественного порядка и безопасности.

Одним из необходимых условий обеспечения конкурентоспособности национальной экономики выступает наличие эффективной транспортной инфраструктуры, составной частью которой является сфера технического обслуживания и оказания транспортных услуг [6].

Дороги – актуальная тема для РФ, поэтому количество контрактов в этой области увеличивается и наибольшие инвестиции вкладываются именно в транспортную отрасль, строительство автомобильных и железных дорог, мостов и путепроводов, развитие аэропортов, создание систем фото и видео фиксации и весогабаритного контроля, строительство сопутствующей инфраструктуры. С точки зрения количества проектов – 124 в 2018 году – они составляют лишь 4,5% от контрактов в коммунально-энергетической сфере, а с точки зрения объема инвестиций, то транспортная сфера бесспорно лидирует и в 2,3 раза ее превосходит. На транспортную отрасль приходится 59% от общих инвестиций, что составляет 1,3 трлн. руб.

В настоящее время Россия вкладывает в инфраструктуру 2,8% от ВВП, что составляет 67% от рекомендуемого расчетного значения Национального Центра ГЧП на основе данных Global Infrastructure Hub. Абсолютным лидером инфраструктурных инвестиций в 2018 г. стал Китай (826 млрд. долл.), на втором месте США – 302 млрд. долл., на третьем – Япония 139 млрд. долл., что показано на рис. 3. Россия же инвестировала в развитие инфраструктуры существенно меньше – всего 39 млрд. долл.

В современном мировом сообществе вопросам инновационного развития социально-экономических систем отводится одно из главенствующих мест, как на государственном уровне, так и в рамках функционирования конкретных организаций [7].

Рис. 3. Соотношение частных инвестиций в проектах ГЧП к номинальному ВВП в странах мира в 2018 г., процент

Во всем мире развитие инфраструктуры в транспортной, информационно-коммуникационной, энергетической сферах является залогом развития экономики. В рейтинге стран по объему инвестирования в перечисленные отрасли инфраструктуры Россия соответственно занимает одиннадцатое, пятнадцатое и двенадцатое место.

В условиях, характеризующихся высоким уровнем конкуренции за рынки сбыта продукции, а также постоянно изменяющихся требований рыночной среды бизнесу необходимо выработать такую стратегию управления, которая будет приемлема для имеющихся организационных, техни-

ческих, технологических, производственно-коммерческих, финансовых, экономических и социальных условий [8].

Расширение национальной инфраструктуры при участии государства и частного бизнеса должно основываться на развитии институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства; нормативно-правовом обеспечении контрактации, обоюдной защите прав, прозрачных и понятных правилах их финансирования; эффективной деятельности высших должностных лиц субъектов РФ; гибкости инструментов бюджетного планирования и др.

Сбалансированный процесс привлечения инфраструктурных инвестиций на принципах ГЧП в национальную экономику России позволит повысить национальный рейтинг инвестиционной привлекательности субъектов РФ; сформировать новые ниши бизнеса на стыке разных отраслей в условиях цифровизации экономики; увеличить международный и межрегиональный товарооборот и обеспеченность регионов всеми видами ресурсов; сократить сроки реализации национальных проектов в сфере образования, транспорта, экологии, демографии, жилью и т.д.; повысить качество дорог, зданий, систем коммуникации и других объектов жизнеобеспечения регионов; обеспечить доступность востребованных качественных социальных услуг населению регионов.

Стратегическая цель данных социально-экономических преобразований состоит в том, чтобы в исторически обозримом времени Россия по уровню и экономического, и социального развития вышла в мировые лидеры. Основой происходящих изменений является инновационная деятельность, ориентированная на ускорение темпов инвестирования в знания, экономического роста и повышения объема валового и регионального внутреннего продукта [1].

В Российской Федерации в масштабе реализуемых национальных проектов общей стоимостью 25,7 трлн. руб. на развитие инфраструктуры предполагается направить еще 15,3 трлн. руб. Использование бюджетных средств с активным применением механизма ГЧП в качестве внебюджетного источника повысит эффективность проектов по развитию инфраструктуры.

Таким образом можно заключить, что ГЧП является одной из самых эффективных и прогрессивных форм взаимодействия государства и частного бизнеса в целях развития национальной инфраструктуры и реализации общественно значимых проектов.

Литература

1. Гусев В.В. Принципы государственно-частного партнерства как инструмент повышения эффективности инновационной экономики АПК // Международные научные исследования. 2017. № 2(31). С. 201 – 214.
2. Проскурина З.Б. Система функций государственного управления экономикой сферы зернопроизводства // Международные научные исследования. 2017. № 2 (31). С. 237 – 240.
3. Рябова Т.Ф., Маслюкова Е.А., Юткина О.В. Внутренние резервы роста экономики страны // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8 (97). С. 1310 – 1313.
4. Просто и честно об инвестициях в инфраструктуру и государственно-частном партнерстве в России. Аналитический обзор. М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2019. 32 с.
5. Александрова М.В. Некоторые аспекты взаимодействия денежно-кредитного регулирования и бюджетно-налоговой политики государства в условиях кризиса // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11 (ч. 1). С. 108 – 112.
6. Гайдаренко Л.В., Александрова М.В., Помпик Е.А. Стратегии развития предприятий сферы технического обслуживания и оказания транспортных услуг // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1. Ч. 3. С. 466 – 470.
7. Минаева Е.В. Ключевое значение инновационного потенциала для развития организаций в условиях импортной зависимости страны // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11 (ч. 1). С. 605 – 608.
8. Чижик А.С., Рябова Т.Ф. Основные аспекты управления бизнес-процессами в современных рыночных условиях хозяйствования // Экономика и предпринимательство. 2014. № 6 (47). С. 783 – 787.

Ryabova Taisiya Fominichna, Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (73, Zemlyanoy Val St., Moscow, 109003, Russian Federation). E-mail: taisiya-ryabova@yandex.ru

Maslyukova Ekaterina Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: katrinamas@mail.ru @mail.ru

Yutkina Olga Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: olga_yutkina@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF DEVELOPMENT OF NATIONAL INFRASTRUCTURE BASED ON STATE-PRIVATE INTERACTION

Abstract

The article presents the results of a study of the effectiveness of attracting private business to solve state-significant socio-economic problems. The advantages and disadvantages of interaction in the framework of PPP for all partners are highlighted. The dynamics of the growth of projects based on public-private partnerships at the federal, regional and local levels, the largest amount of which falls on infrastructure facilities, is revealed. According to the results of

the study, it was concluded that it is necessary to intensify the process of attracting infrastructure investments on the principles of public-private partnership, which will contribute to the growth of the national economy, as well as reduce the time for the implementation of national projects in the field of education, transport, ecology, etc.

Keywords: *partnership, economic growth, regions, investments, state policy, infrastructure, entrepreneurship, projects, sustainable innovative development.*

References

1. Gusev V.V. Principy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva kak instrument povysheniya effektivnosti innovacionnoj ekonomiki APK // Mezhdunarodnye nauchnye issledovaniya. 2017. № 2(31). P. 201 – 214.
2. Proskurina Z.B. Sistema funkcionirovaniya gosudarstvennogo upravleniya ekonomikoj sfery zernoproizvodstva // Mezhdunarodnye nauchnye issledovaniya. 2017. № 2 (31). P. 237 – 240.
3. Ryabova T.F., Maslyukova E.A., YUtkina O.V. Vnutrennie rezervy rosta ekonomiki strany // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. № 8 (97). P. 1310 – 1313.
4. Prosto i chestno ob investitsiyah v infrastrukturu i gosudarstvenno-chastnom partnerstve v Rossii. Analiticheskij obzor. M.: Centr razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva, 2019. 32 p.
5. Aleksandrova M.V. Nekotorye aspekty vzaimodejstviya denezhno-kreditnogo regulirovaniya i byudzhetho-nalоговой politiki gosudarstva v usloviyah krizisa // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. № 11 (ch. 1). P. 108 – 112.
6. Gajdarenko L.V., Aleksandrova M.V., Pompik E.A. Strategii razvitiya predpriyatij sfery tekhnicheskogo obsluzhivaniya i okazaniya transportnyh uslug // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2014. № 1. CH. 3. P. 466 – 470.
7. Minaeva E.V. Klyuchevoe znachenie innovacionnogo potentsiala dlya razvitiya organizacij v usloviyah importnoj zavisimosti strany // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. № 11 (ch. 1). P. 605 – 608.
8. CHizhik A.S., Ryabova T.F. Osnovnye aspekty upravleniya biznes-processami v sovremennyh rynochnykh usloviyah hozyajstvovaniya // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2014. № 6 (47). P. 783 – 787.

УДК 332.14

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-139-142

ОБЗОР ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Сергеева Надежда Владимировна старший преподаватель кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, Новочеремушкинская ул., 69). E-mail: serna1963@yandex.ru

Аннотация

Устойчивый рост экономики Российской Федерации может быть обеспечен исключительно за счет существенного повышения темпов сбалансированного социально-экономического развития ее регионов. Понятие «сбалансированное развитие региона» широко распространено в научной литературе, но при этом разные авторы трактуют его в зависимости от контекста своих исследований и сферы научной деятельности. В статье исследуются различные подходы к определению понятий «регион», «сбалансированное развитие региона», что дает возможность уточнения для реализации их универсальности.

Ключевые слова: *регион, социально-экономическое развитие, сбалансированность, устойчивость, экономический рост, производительные силы, хозяйственная деятельность, территориальные общности, экономико-географические особенности.*

Как известно, основным показателем эффективности с точки зрения сбалансированности процесса социально-экономического развития является достижение состояния устойчивого развития экономической и социальной сферы региона, когда процесс идет с гарантированным достижением намеченных эталонных параметров, адаптивно к высокой скорости изменений и носит опережающий характер. Это является априори необходимым условием для так называемого «бескризисного» пути развития в условиях высокой нестабильности внешней политической и социально-экономической ситуации.

Перед регионами стоит проблема – каким образом, в условиях дефицита ресурсов, высокой степени неопределенности векторов развития и усиления тяжести внешних вызовов с более высокой степенью гарантии достичь таких показателей, как повышение доходности регионального бюджета, реальных доходов населения, инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности экономики, а также добиться снижения социально-политических рисков и решить актуальные социальные и кадровые проблемы (занятость населения, демография, миграция, дефицит квалифицированных кадров и т.п.) [1].

В целях решения научной проблемы, связанной с поиском совершенствования моделей, демонстрирующих управленческие решения, направленные на достижения сбалансированности социально-экономического развития регионов, научный и практический интерес представляет уточнение сущности понятия «сбалансированное социально экономическое развитие региона» в условиях инновационной экономики.

Анализ научных источников показывает, что появление термина «регион» связано с появлением такого направления в экономической науке, как региональная экономика, один из основополож-

ников которой – видный советский экономист Н.Н. Некрасов – под понятием «регион» понимал крупную территорию страны с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой.

Основной критерий выделения региона – общность народнохозяйственных задач - базируется на совокупности используемых или намечаемых к эксплуатации природных богатств, исторически сложившейся структуре хозяйственной деятельности или плановой структуре экономического развития» [2, с. 29 – 30]. Сигов В.И. впоследствии уточнил термин «регион» как экономической и социальной категории, подчеркивая, что в регионах складываются территориальные общности, в которых все члены связаны не только экономическими отношениями, но и общим отношением к окружающим условиям жизни – природной и социальной среде [3].

Академик Гранберг А.Г. считал что регион – понятие типологическое и его конкретизация и содержательная интерпретация осуществляются при выделении определенных типов регионов – регионы выделяются из территории в соответствии с определенными целями и задачами [4, с. 16].

Современные регионалисты часто рассматривают регион как административно-территориальную единицу, подразумевая под этим термином субъект Российской Федерации «Территория, – пишут В.Н. Лексин и А.Н. Швецов, — понимается как совокупность пространственно совпадающих частей социального, природно-ресурсного и иных потенциалов государства, по отношению к которой (совокупности) можно производить соответствующие регулятивные действия как со стороны государства, так и со стороны органов власти или самоуправления этой территории» [5, с. 25].

По мнению Э.Б. Алаева, «регион» – это территория (геотория) по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории [6].

В целом в современной экономической литературе встречаются следующие формулировки понятия «регион» (табл. 1):

Таблица 1

Определения понятия «регион»

Регион	- подсистема государства и национальной экономики
	- это определенная территория, отличающаяся от других территорий рядом признаков и обладающая некоторой целостностью определенная территория, отличающаяся от других территорий рядом признаков и обладающая некоторой целостностью
	- территориальное образование, имеющее четко очерченные административные границы, в пределах которых воспроизводятся социальные и экономические процессы обеспечения жизни населения, обусловленные местом региона в системе территориального и общественного труда
	- часть экономического, социального, природно-ресурсного, экологического, культурно-исторического, собственно пространственного потенциала государства в границах властно установленных административно-территориальных единиц, имеющих управленческие структуры, призванные обеспечить интересы регионального развития
	- совокупность естественных и исторически сложившихся экономико-географических особенностей, а также особенностей национального состава населения
	- территория в административных границах, характеризующаяся: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т.е. наличием политико-административных органов управления [7].
	- регион – целостная система характеризующаяся высокой размерностью; большим количеством взаимосвязанных подсистем со своими локальными целями; сложностью управления; иерархичностью структуры, высокой динамичностью элементов, а также неопределенностью их состояний.

Источник. Составлена автором по обзору научной литературы.

Анализируя формулировки термина «регион», предложенные различными авторами, можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день еще не сложилась однозначная всеобъемлющая трактовка рассматриваемого выше понятия.

Обобщая имеющиеся формулировки, автор статьи считает, что понятие «регион» должно отражать территориальный признак, социальный и административный признак, а также определенную экономическую специфику и формы ее проявления, что в совокупности идентифицируют регион как целостное, уникальное системной образование.

Как известно, экономическое пространство России характеризуется высокой неоднородностью как ресурсного потенциала, так и уровня социально-экономического развития регионов, поэтому сбалансированное социально-экономическое развитие регионов является основной задачей как центральных органов власти так и региональных властей.

С.В. Смолеев определяет социально-экономическое развитие региона как «многомерный и сложный процесс, который следует рассматривать как достижение совокупности различных социальных и экономических целей. Целью такого развития ставится обеспечение роста производства и доходов населения, перемены в институциональной, социальной и административной структурах общества, изменения в общественном сознании, в культурном развитии. В то же время его следует направить на достижение сбалансированности между различными сферами и видами деятельности» [8, с. 92].

Гаврилов А.И. считает, что «в каждом случае под развитием обычно подразумевается любое прогрессивное изменение, прежде всего в экономической сфере. Это многомерный и многоаспектный процесс, который обычно рассматривается с точки зрения совокупности различных социальных и экономических целей» [9].

Алехин Э.В. определяет исследуемое понятие, как режим функционирования региональной экономики, который ориентирован на положительную динамику всех основных параметров уровня жизни, обеспечивающий устойчивое и сбалансированное воспроизводство хозяйственного потенциала, ресурсного, экономического, социально-демографического потенциала.

Михеева Н.Н. рассматривает социально-экономическое развитие региона как направленность на обеспечение сбалансированного развития всех субъектов РФ, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни [10].

Реймер Л.А. обозначает социально-экономическое развитие как процесс трансформации, затрагивающий наиболее глубокие процессы экономики предприятия и социальную систему, которые привязаны к конкретным регионам. Территориальное развитие как форма согласования экономических интересов и социальных ожиданий [11].

Нуриева А.Р. говоря о социально экономическом развитии, делает акцент на совокупности мероприятий органов государственного и регионального управления направленных на достижение стабильного и устойчивого развития территории. Нуриева А.Р. [12].

Обобщая вышеперечисленные определения, отметим, что социально-экономическое развитие региона – это многомерный и сложный процесс, который следует рассматривать как достижение совокупности различных социальных и экономических целей. Целью такого развития ставится обеспечение экономического роста и доходов населения на основе системных перемен в институциональной, социальной и административной структурах общества. Это предполагает изменения в общественном сознании, а также в культурном развитии народонаселения. В то же время социально-экономическое развитие следует направить на достижение сбалансированности между различными сферами и видами деятельности.

При уточнении понятия сбалансированности важно подчеркнуть, что это прежде всего взаимодействие имеющихся ресурсов и удовлетворения потребностей в них.

Отметим тот факт, что при достижении общей экономической сбалансированности внутри региона часто возникают нерациональные соотношения – диспропорции, имеющее место в определенных условиях между производствами, отраслями, характеризующееся несоответствием между взаимосвязанными элементами. Это происходит в результате воздействия таких факторов, как различия в темпах развития отраслей, ошибках в координации и планировании, а также в результате влияния стихийных природных и техногенных явлений. Такие диспропорции оказывают отрицательное влияние на темпы роста производства, производительность труда, ухудшают жизненный уровень населения и оказывают негативное воздействие на состояние окружающей среды.

Для России эффективное социально-экономическое развитие регионов имеет важное значение, так как большие территории, многообразие климатических зон, особенности связанные с расселением населения на этих территориях, с условиями их экономической деятельности а также хозяйственная специализация различных регионов обуславливают наличие значительных диспропорций в их развитии. Поэтому вопросы сбалансированного социально-экономического развития регионов уже долгое время остаются в числе первоочередных в государственной политике. Пристальное внимание к ним со стороны руководства страны связано с тем, что от эффективности решения этой задачи зависит обеспечение не только социально-экономической стабильности, но и в конечном счете, безопасности всего государства.

В этом контексте, по мнению автора статьи, под социально-экономическим развитием следует понимать деятельность, нацеленную на решение комплекса государственных задач управления развитием региона как целостным объектом регулирования и включающую разнообразные инструменты такого управления.

Актуальность исследования феномена сбалансированного социально-экономического развития регионов обусловлена, с одной стороны, продолжающимся снижением эффекта реализации государственных программ социально-экономического развития регионов в условиях хронического дефицита необходимых ресурсов и усиления негативного влияния внешних факторов, а, с другой

стороны, тем, что при наличии большого количества разработанных экономической наукой подходов к социально-экономическому развитию на сегодняшний день не выработаны эффективные механизмы достижения устойчивости их развития. Также важно отметить тот факт, что современная практика управления процессом социально-экономического развития требует четких и детально проработанных прикладных решений, а современная экономическая наука в большинстве своем предлагает концептуальные теоретические решения, направленные на коренное улучшение ситуации в стратегической перспективе, тогда как в управлении регионами в последнее время наиболее востребованы актуальные решения имеющие тактический, оперативный характер.

Литература

1. Игнатова Т.В., Павлюкова А.В. Управление конкурентными преимуществами организаций Юга России // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 11. Ч. 9. С. 1171 – 1173.
2. Некрасов Н.Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. М., 1978. 344 с.
3. Сигов В.И. Региональная экономика, управление, планирование. Л.: Лен. фин-экон. ин-т, 1982. 74 с.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 496 с.
5. Лексин В.Н., Швецов В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009. 366 с.
6. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
7. Плесецкий Е.Л., Черкасов И.Л. Региональная экономика. М.: КНОРУС, 2013. 272 с.
8. Смолев С.В. Сбалансированное и комплексное развитие регионов // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8(054). С. 92 – 96.
9. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление. Нижний Новгород: РАНХиГС, 2014. 571 с.
10. Михеева Н.Н. Региональная экономика и управление: Учебное пособие для вузов. Хабаровск: Изд-во РИОТИП, 2000. 399 с.
11. Реймер Л.А. Территориальное развитие как форма согласования экономических интересов и социальных ожиданий // Труды ИСА РАН. 2008. Т. 40. С. 30 – 47.
12. Нуриева А.Р. Региональная экономика и управление: учеб.-метод. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 44 с.

Sergeeva Nadezhda Vladimirovna Art. Lecturer, Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheryomushkinskaya st., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: serna1963@yandex.ru

REVIEW OF APPROACHES TO THE CONCEPT OF BALANCED DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract

Sustainable economic growth of the Russian Federation can be achieved only through a significant increase in the pace of balanced socio-economic development of its regions. The concept of «balanced development of the region» is widely spread in the scientific literature, but different authors interpret this concept depending on the context of their research and the sphere of scientific activity. The article discusses various approaches to the definition of the concept of «region», «balanced development of the region», which makes it possible to clarify these concepts for the implementation of its universality.

Keywords: *region, socio-economic development, balance, stability, economic growth, productive forces, economic activity, territorial commonalities, economic and geographical features.*

References

1. Ignatova T.V., Pavlyukova A.V. Upravlenie konkurentnymi preimushchestvami organizacij YUga Rossii // Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii. 2017. № 11. CH. 9. P. 1171 – 1173.
2. Nekrasov N.N. Regional'naya ekonomika: teoriya, problemy, metody. M., 1978. 344 p.
3. Sigov V.I. Regional'naya ekonomika, upravlenie, planirovanie. L.: Len. fin-ekon. in-t, 1982. 74 p.
4. Granberg A.G. Osnovy regional'noj ekonomiki. M.: GU VSHE, 2003. 496 p.
5. Leksin V.N., SHvecov V.N. Gosudarstvo i regiony. Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM»/URSS, 2009. 366 p.
6. Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik. Otv. red. A.P. Gorkin. Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 p.
7. Pliseckij E.L., SCherkasov I.L. Regional'naya ekonomika. M.: KNORUS, 2013. 272 p.
8. Smoleev S.V. Sbalansirovannoe i kompleksnoe razvitie regionov // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2013. № 8(054). P. 92 – 96.
9. Gavrilov A.I. Regional'naya ekonomika i upravlenie. Nizhnij Novgorod: RANHiGS, 2014. 571 p.
10. Miheeva N.N. Regional'naya ekonomika i upravlenie: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Habarovsk: Izd-vo RIOTIP, 2000. 399 p.
11. Rejmer L.A. Territorial'noe razvitie kak forma soglasovaniya ekonomicheskikh interesov i social'nyh ozhidaniy // Trudy ISA RAN. 2008. T. 40. P. 30 – 47.
12. Nurieva A.R. Regional'naya ekonomika i upravlenie: ucheb.-metod. posobie. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. 44 p.

HIGH JEWELRY BRAND GRAFF: KEY FEATURES OF BUSINESS STRATEGY

Strelchenko Elena Aleksandrovna Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of Department of Economics, Southern Federal University (88, M. Gorkiy St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: estrelchenko@sfedu.ru

Abstract

The paper analyses luxury market on the example of world-known high jewelry brand Graff. The author introduces the company's business strategies and its distinguishing features from main rivals. The results of the research emphasized key points of the particular brand success, such as vertical integration, direct access to raw gems, dedication to quality, etc.

Keywords: luxury, jewelry market, business strategy, case-study, brand, Graff, brand success, management structure, public company.

1. Introduction

Through the history one of the main attribute of the wealth has been high jewelry that has become the symbol of luxury. High jewelry industry can be analyzed as a representative of nowadays luxury business that is supported by Hudders, Pandelaere [4]. According to Papiryan [10], jewelry and watches are the most profitable branches of luxury business. Typical example of the company acting in this segment is Graff that became a synonymous with the most expensive jewels in the world. As a vertically integrated company, its operations comprise all stages of manufacturing of high and high jewelry and watches and following retail through own stores chain [5].

The authors basing on data obtained from open statistical sources such as Graff's web proof information and official annual reports of its rivals conducted descriptive analysis of luxury market on the example of Graff company.

2. Methodology

The reason why Graff Diamonds is interesting as an object of academic research is that the Graff is an example of a company development from entering market as a small local family-owned enterprise to transforming into leader of the industry without changing values of company and its management structure [13]. Moreover, Graff is the only company in the segment of high jewelry which controls all stages of production – starting with extraction of rough gems through polishing and faceting, creating jewelry and finishing with retail. All other competitors in high level jewelry such as Tiffany, Harry Winston, Cartier, Bulgari are producing only final goods and have to purchase already faceted gems in auctions or through wholesalers [1]. Therefore, on the one hand Graff takes risk of faceting gems, but on the other hand, controlling the whole value chain allows Graff to reduce costs avoiding intermediaries, to have access to the best rough stones, and to control quality in all stages [14].

3. Graff company's overview and key features

Graff is considered to be one of the world's foremost diamond companies and is recognized for its expertise in the field of rare and important diamonds. These features allowed it to develop the large and unique inventory of gem quality diamonds that has become a hallmark of its business. It has acquired, cut and polished and sold many of the world's largest diamonds. As it is well discussed in academic literature, consumer base of high jewelry brands mostly is comprised of high and ultra high net worth individuals, to whom Graff provides the highest quality customer service [2; 3]. Graff sells its jewelry and watches through 18 directly operated stores and five carefully selected franchise partners operating from a further 13 locations in many of the exclusive shopping districts in cities across Europe, Asia and the United States [14]. Managing own chain of shops allow a company to control distribution of final goods and communication with clients [10]. Nevertheless, according to some academic literature luxury markets tend to distribute products not only via traditional shops, but also through international fairs and exhibitions that help to reduce costs [9].

One of the main distinguishing features of Graff is direct access to rough gems through acquisition of the diamond extractor Saldico. This strategy allowed to construct independent supply chain of raw materials that supports stable position in the market [7; 10]. Rough diamonds and polished diamonds that Graff processes and which are not required for use in Graff jewelry are sold to third parties.

Graff is an example of a family-owned-company operating in the luxury market. Big part of its products represents unacceptable type of luxury [2]. For instance, as it is clear from table 1, 20% of 2011 total revenue was earned by \$10 mln items [14]. As at 31 December 2011, they had inventory with a book value of US\$651.4 million, which included 708 individual white diamonds weighing over three carats each and 71 yellow diamonds weighing over seven carats each, most of which are contained in finished pieces of jewelry.

Table 1. Graff price band table

Price Band	Year ended 31 December									
	2009			2010			2011			
	Total revenue	% of total revenue	% of total items sold	Total revenue	% of total revenue	% of total items sold	Total revenue	% of total revenue	% of total items sold	
	<i>(in US\$ millions, except percentages and total items sold)</i>									
US\$10 million and above	70.0	17.5	0.0	60.7	13.4	0.1	119.4	19.1	0.0	
US\$1 million – <US\$10 million	106.2	26.6	1.9	134.3	29.6	1.8	176.2	28.3	1.6	
US\$100,000 – <US\$1 million	160.6	40.2	20.2	192.1	42.3	18.7	230.2	36.9	16.6	
Less than US\$100,000	62.5	15.7	77.9	67.2	14.7	79.4	97.7	15.7	81.8	
Total	399.3	100.0	100.0	454.3	100.0	100.0	623.5	100.0	100.0	
Total items sold	2,851		3,424			5,147				

In order to understand a place of Graff in the industry it is useful to analyse and compare with one of the biggest players of the market – Tiffany & co. Tiffany is public company with 313 shops and on-line shopping while Graff is fully owned by one family and have only 50 shops with no online shopping system. Despite the fact that the scales of these two companies are completely different, they are direct rivals. Considering data from latest published Tiffany's annual report one can see that gross profit is almost eight times larger than Graff has - \$15.8 million (according to data from [11]). Net sales of Graff are \$569.6 million in 2016, while Tiffany are five times larger as one can see from the table.

<i>(in millions, except per share amounts, percentages, ratios, stores and employees)</i>	2016 ^a	2015 ^b	2014 ^c	2013 ^d	2012
EARNINGS DATA					
Net sales	\$ 4,001.8	\$ 4,104.9	\$ 4,249.9	\$ 4,031.1	\$ 3,794.2
Gross profit	2,490.3	2,491.3	2,537.2	2,340.4	2,163.3
Selling, general & administrative expenses	1,769.1	1,731.2	1,645.8	1,555.9	1,466.1
Net earnings	446.1	463.9	484.2	181.4	416.2
Net earnings per diluted share	3.55	3.59	3.73	1.41	3.25
Weighted-average number of diluted common shares	125.5	129.1	129.9	128.9	127.9

Table 2. Tiffany's selected financial data [1]

Moreover, the biggest distinguishing feature is, in contrast to Graff, Tiffany does not take aim only at high jewelry market and extra wealthy consumers. For instance, Tiffany provides mass market items such as silver jewelry. From the Table 3, it is clear that the half of Tiffany's sales comes from mass market items (fashion, jewelry and others). It is obvious that Tiffany uses its well-known brand to increase number of customers from different income segments while Graff is focusing only on high jewelry and highly valued among certain level clients because of extra quality and high level service.

Table 3. Tiffany & co: sales of classes of similar products [1]

<i>(in millions)</i>	Years Ended January 31,		
	2017	2016	2015
Net sales:			
High, fine & solitaire jewelry	\$ 779.1	\$ 854.1	\$ 870.4
Engagement jewelry & wedding bands	1,122.0	1,142.2	1,221.0
Fashion jewelry	1,328.9	1,340.7	1,357.6
Designer jewelry	465.0	460.8	481.5
All other	306.8	307.1	319.4
	\$ 4,001.8	\$ 4,104.9	\$ 4,249.9

4. Results

The foregoing overview showed following features of Graff. First of all, it is an strong brand name that was comprehensively created due to high quality and reputation. Since Graff was founded in 1960, the Graff brand has become synonymous with the most expensive jewels, and today is ranked among the top luxury jewelry brands by key industry publications, for instance "The Top 10 designer Jewelry Brands in 2018"

by WP Diamonds, 2018. The Graff brand is positioned at the pinnacle of the luxury jewelry market, with a product offering unmatched by publicly traded hard luxury peers. The brand is underpinned by heritage of consistently high quality jewelry that blends truly exceptional diamonds with exquisite design and craftsmanship. The focus on target market of high and ultra high net worth customers has allowed Graff to maintain a high level of brand credibility, consistency and exclusivity which differentiates it from accessible luxury jewelry retailers.

Graff brand and position among the leading hard luxury goods retailers is reinforced by: an exceptional product offering of diamond jewelry and watches, with items priced above US\$1 million generating 47.4% of retail sales by value in 2011; a retail distribution network comprising 50 salons (18 directly operated stores and five franchise partners operating from 13 locations in many of the world's most exclusive retail shopping districts); regular participation at a number of the world's most exclusive luxury fairs; and consistently providing the highest levels of customer service that seeks to foster the development of long term, personal relationships, such that approximately 23.7% of the customers in 2011, by number, had previously purchased jewelry or watches from Graff in one of previous years [14]. All in all, Graff managed to create customer loyalty, testifying further business increase [12].

Secondly, vertical integration with control over the key elements of the value chain can be named as the next distinguishing feature of business model. Diamond industry exists in condition of scarcity of raw materials that is mainly caused by two factors: rareness of rough diamonds and artificially created by De Beers lack of supply. In this environment all jewelry market players meet risk of unstable supply. Graff by acquisition of Safdico (one of the De Beers sightholders) controls rough diamond procurement. The sightholder system offers more price stability to both producers and sightholders while prices achieved through auctions are subject to short-term market dynamics and associated volatility. Being a sightholder confers a distinct advantage, as fewer than 100 sightholders work with the major producers and buy more than 70% of global diamond production. As a result, Graff controls the most critical elements of the value chain – supply of raw gems. It operates a highly developed sourcing system for both rough diamonds and polished diamonds on the open market, and operates state-of-the-art cutting and polishing facilities through procurement and polishing division. This vertical integration has been essential to the development of the stable inventory and the successful expansion of the Graff brand. No other company among its rivals in the industry has achieved a similar level of integration.

The third feature is diamond inventory. Graff acquired and sold many of the world's largest, rarest, most renowned and historically significant diamonds. Over the last decade, Graff has built up an exceptional inventory of diamonds and finished pieces of jewelry, without particular regard to short term changes in demand, to enable it to supply the customers with the exceptional diamond jewelry. The continued maintenance of inventory sets Graff apart from the rivals by allowing Graff to offer clients a substantially larger selection of rare, high quality diamonds than could be offered by its competitors. Graff has established retail network in many of the most exclusive shopping destinations in the world (Harrods in London, Takashimaya in Tokyo, Hankyu Umeda in Osaka, TSUM in Moscow, etc) and participate in some of the world's most exclusive jewelry exhibitions in order to showcase exceptional inventory to elite customer base. According to Teixeira, Pereira [12], it reflects one of dimensions of business growth. Graff provides a level of customer service that is unrivalled by the competitors, particularly in respect of the highest value items of jewelry in inventory, which Graff manages centrally and is therefore able to transport to any location in the world, including the homes of its customers [14].

5. Conclusion and discussion

Graff preserves its stability due to the unique position among its rivals: direct channels to rough gems and vertically integrated structure which allow to get access to the best gems and to control quality. Graff focuses on its brand image as a family company where all the clients are treated as family members getting highest service that helps to overcome industry obstacles, e.g. unstable supply of raw gems.

Considering the question – what helped Graff to reach leading positions in the high jewelry market, we would tend to think about following three reasons:

1. Structure of the company. Graff is not public company. On the one hand, it arises such issues as searching for additional finances for development. However, on the other hand, it can be seen as advantage. In contrast to large-scale companies as Tiffany, Graff is highly flexible in the scope of management since main decisions are taken by few members of one family.

2. Direct access to rough gems. Ownership of one the sightholders allows Graff to get access to stable supply of rough gems. That can be considered as the main strength distinguishing Graff from its rivals as well as vertical integration of all jewels production stages.

3. Concentration on the highest and finest segment of the market. In contrast to Tiffany or Cartier who are simultaneously produce and sell jewels for middle and high class clients as well as operating world-

wide online shopping which can be not good for high brand image. Graff acts in the highest segment. Graff has created highly strong brand image operating in the highest luxury market. Also it supports its brand by purchasing almost all the biggest diamonds extracted nowadays.

For further development for Graff it would be reasonable to expand retail network to get benefits on fast growing Asian luxury demand (not only Japan but China) as well as to raise the global awareness of Graff's brand while remaining true to their heritage and high quality.

References

1. Annual report of Tiffany&co of 2016 (published in 2017). Retrieved from: <https://investor.tiffany.com/static-files/b46c8486-a789-49ac-b27a-a038f410939e>.
2. Brun, A., Castelli, C., (2013), "The nature of luxury: a consumer perspective", International Journal of Retail & Distribution Management, 41 (11/12), pp. 823-847.
3. Hudders, L., (2012), "Why the devil wears Prada: Consumers' purchase motives for luxuries", Journal of Brand Management, 19 (7), pp. 609-622.
4. Hudders L., Pandelaere, M., (2012), "The Silver Lining of Materialism: The Impact of Luxury Consumption on Subjective Well-Being", Journal of Happiness Studies, 13 (3), pp. 411-437.
5. Hudders, L., Pandelaere, M., Vyncke, P., (2013), "Consumer Meaning Making: The Meaning of Luxury Brands in a Democratised Luxury World", International Journal of Market Research, 55 (3), pp. 391-412.
6. Janssen, C., Vanhamme, J., Lindgreen, A., Lefebvre, C., (2014), "The Catch-22 of Responsible Luxury: Effects of Luxury Product Characteristics on Consumers' Perception of Fit with Corporate Social Responsibility", Journal of Business Ethics, 119 (1), pp. 45-57.
7. Luzzini, D., Ronchi, S., (2009), "Purchasing management in the luxury industry: organization and practices", Operations Management Research, 10.1007/s12063-009-0024-4, 3 (1-2), pp. 7-21.
8. Mosca, F., Giacosa, E., (2016), "Old and New Distribution Channels in the Luxury Sector", Global Marketing Strategies for the Promotion of Luxury Goods, 10.4018/978-1-4666-9958-8.ch010, pp. 220-243.
9. Official Web site of Graff Diamonds: <https://www.graff.com>.
10. Papiryan, G.A., (2006), "Corporate Strategies at the Global Industries of Luxury Goods", Journal of Russian Management, V. 4 (3), pp.155-170.
11. Rapaport Price List: Graff Diamonds Intl. Sales Slide in 2016. Retrieved from: <https://www.diamonds.net/News/NewsItem.aspx?ArticleID=59071&ArticleTitle=Graff+Diamonds+Intl.+Sales+Slide+in+2016>
12. Teixeira, C.S.B, Pereira, L.L.F., (2015), "Pereira Diamond: Benefits Management Framework", The International Journal of Business and Management, 3 (3), pp. 47-56.
13. Turunen, L.L.M., (2017), "Evolution of Global Luxury Brands", Interpretations of Luxury, 10.1007/978-3-319-60870-9_3, pp. 31-59.
14. Web Proof Information Pack of Graff Company (2013). Retrieved from: <https://www1.hkxnews.hk/listedco/listconews/sehk/2012/0528/ltn20120528026.pdf>

Стрельченко Елена Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Горького, 88). E-mail: estrelchenko@sfedu.ru

ЮВЕЛИРНЫЙ БРЕНД GRAFF: КЛЮЧЕВЫЕ ЧЕРТЫ БИЗНЕС-СТРАТЕГИИ

Аннотация

В статье проанализирован рынок роскоши на примере всемирно известного ювелирного бренда Graff. Авторы рассматривают бизнес-стратегии компании и ее отличительные по сравнению с основными конкурентами черты. Результаты исследования содержат ключевые позиции успеха данного бренда, такие как вертикальная интеграция, прямой доступ к сырью, управление качеством.

Ключевые слова: рынок роскоши, рынок ювелирных изделий, бизнес-стратегия, кейс-стади, бренд, Graff, успех бренда, структура управления, публичная компания.

НОВЫЕ ВЕКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ ЗЕЛЕННЫХ ФИНАНСОВ НА РУБЕЖЕ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Татуев	доктор экономических наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (360004, Россия, КБР, г. Нальчик,
Арсен	ул. Чернышевского, 173). E-mail: arsen.tatuev@mail.ru
Азидович	
Керефов	доктор экономических наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (360004, Россия, КБР, г. Нальчик,
Мурат	ул. Чернышевского, 173). E-mail: mkerefov@gmail.com
Анатольевич	
Склярченко	кандидат экономических наук, Московский государственный университет
Семен	им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр., 27, к. 1).
Александрович	E-mail: sklyarenko.sa@yandex.ru

Аннотация

Рынок зеленых финансов в мире на рубеже десятилетий включает в себя такие направления, как: «зеленые» кредиты, «зеленые» индексы, «зеленые» ETF, REIT's, YieldCo's, и наконец «зеленые» облигации. Их развитие определяется такими явлениями, как стремление к более облегченному для государственных бюджетов выполнению общемировых требований Концепций устойчивого развития и борьбы с изменением климата, и вызванным этим формированием новыми видами – зеленой и био- экономик. Недостаток ресурсов, в частности, инвестиционных и финансовых, у таких государств как Россия, стал ограничивающим фактором для достижения стабильного роста в сфере вхождения в новые формирующиеся рынки новых экоориентированных экономик. Рынки зеленых финансов стран не могут в полной мере обеспечить доступное финансирование реального сектора экоориентированной экономики, что негативно отражается на возможностях их опережающего роста, конкурентоспособности на внутренней и внешней аренах, и определяется в итоге возрастающей нехваткой иностранных источников финансирования в период санкционных войн. В исследовании выдвинута и обоснована гипотеза повышения уровня и роли зеленых рынков в условиях трансформации отечественной экономики на рубеже десятилетий.

Ключевые слова: бюджетная политика, зеленые финансы, финансовые услуги, банковский сектор, зеленая экономика, макроэкономическая стабильность, рынок финансовых услуг, инвестиционные и финансовые ресурсы, биоэкономика.

С середины XX в. сообщество развитых стран мира стало формулировать сначала в научных публикациях, а потом, ближе к концу 60-х-началу 70-х гг. XX века на крупных общемировых форумах об ущербе, наносимом окружающей среде антропогенным, в первую очередь индустриальным фактором [1]. В результате, путем сложных переговоров, особенно при участии развивающихся стран, стал формулироваться иной подход к экономическому росту, через экономическое развитие, по возможности экоориентированное. В итоге к началу 90-х гг. XX века это было сформировано в доктрину – Концепция устойчивого развития, которая от страны к стране несколько меняла акценты, однако в целом предполагала, что для успешного развития страны в XXI веке, помимо обеспечения определенных темпов экономического роста, теперь нужен и ориентир на социальные и экологические аспекты, иногда даже ставящиеся во главу угла относительно роста ВВП.

Начиная с 1992 года эти доктрины стали прописываться в рамках уже дорожных карт, которые принимались далеко не всеми странами с позитивной стороны. К примеру Китайской Народной Республике, требовавшийся ежегодный прирост ВВП по 10-12% на том уровне технического оборудования в стране, предлагавшиеся к подписанию самоограничения в области уровня выбросов вредных веществ в атмосферу никак не рассматривались как положительные. Стране нужно было сначала разбогатеть, а потом думать об остальных важных вещах. Аналогичное формулировали и ряд иных развивающихся стран. Но не только они, к примеру у Соединенных Штатов Америки также не редко возникали вопросы к такого рода меморандумам, особенно в периоды правления республиканцев.

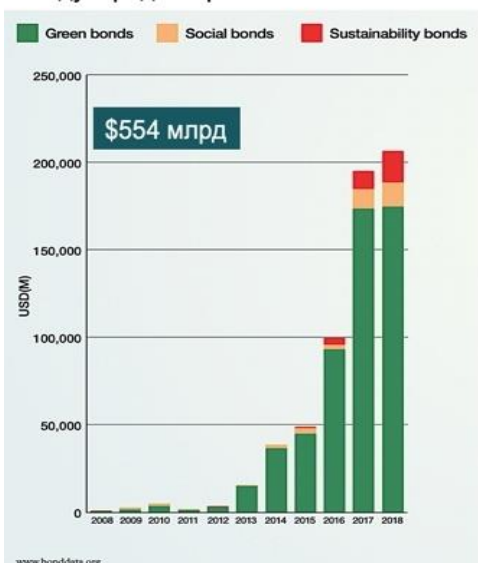
К наиболее действенным документам сегодня можно отнести: Киотское и Парижское соглашения по климату, а также меморандумы в Рио и Рио +20 и пр. от 2008 г.

Основной посыл последнего из таких соглашений, Парижского соглашения, состоит в том, что необходимо удерживании средней температуры на планете в пределах +2° С по отношению к доиндустриальной эпохе. В противном случае как указывают эксперты Планету ждет рост экологических катастроф и в последующем глобальное потепление, которое может привести и к новому Ледниковому периоду и гибели человечества. Однако такие соглашения требуют даже к сегодняшним значительным вложениям в развитых странах мира ещё до 100 трлн. ам. долл. ежегодно. Современная экономика, особенно по развивающимся странам мира не готова подобные траты производить директивно, требуются совершенно иные, новые подходы к бизнесу и финансовой системе направленные на экоориентированность.

Стал стремительно приращаться сформулированный ещё в 90-х годах экологический маркетинг, в том числе через формулируемые стратегии «ответственного» ведения бизнеса на базе факторов ESG (Environmental, Social, Government). За счет маркетинговой составляющей, которую часто стимулировало и государство, эти факторы стали сигнализировать потенциальным покупателям продукции и инвесторам о более ответственном бизнесе данных компаний, что вело в свою очередь и к улучшению основных экономических показателей деятельности данных компаний. Компании с более серьезным уровнем включения ESG факторов в свой бизнес в итоге показывали и продолжают показывать лучшие показатели рентабельности, чем в среднем по своим отраслям. Подобная ситуация не могла не породить тренд по портфельному инвестированию в подобного рода компании, названному ответственным инвестированием.

Год от года такой род инвестирования стал набирать популярность у инвесторов, в том числе далеких от лиц формирующих тренды Концепций устойчивого развития, а объемы таких активов в инвестиционных портфелях радикально вырос буквально в последние годы (рис. 1).

Динамика мобилизации капитала на экономику устойчивого развития на международном рынке

Страны, где в 2018 г были выпущены зеленые облигации

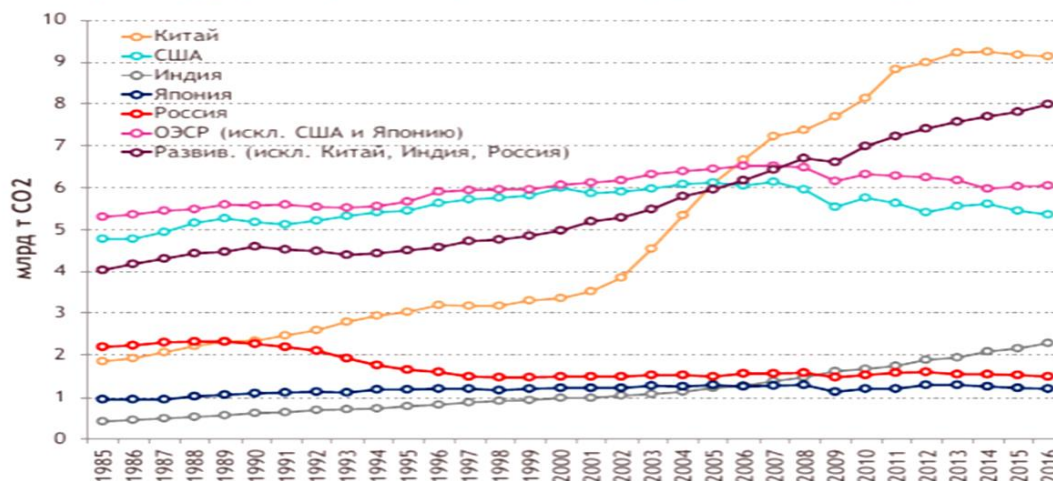

Рис. 1. Динамика зеленых финансов в странах мира за 2006–2018 гг., млрд долл. США и %.

Финансовая система большинства стран мира отреагировала на этот сигнал рынка. Возник обособленный «зеленый» («ответственный») финансовый рынок, который стал основан на базе традиционных финансовых инструментов, но с интеграцией «зеленого» компонента. Общий совокупный объем такого рынка составляет на сегодня уже порядка 8 трлн. ам. долл., с такими основными финансовыми инструментами как: «зеленые» кредиты, «зеленые» индексы, «зеленые» ETF, REIT's, YieldCo's, и наконец «зеленые» облигации, причем последние из озвученных являются наиболее перспективным инструментом и представляют собой долговые ценные бумаги, денежные поступления от которых эмитент обязан направлять на финансирование проектов, напрямую связанных с экологией. Рынок зеленых облигаций начинается буквально с 2007 года, однако стремительный рост его начался только на рубеже 2012–2013 гг. Соответственно настоящей истории зеленых финансов нет пока ещё и 10 лет. Совокупный объем к 2016 г. достиг уже 100 млрд. ам. долл., но особенно стремительный скачок произошел на рубеже 2016-2017 гг. [3]

Как видно из графиков на рис. 1, основными эмитентами зеленых облигаций выступают страны ЕС, США и частично Китайская Народная Республика. При этом, США и КНР остаются и основными загрязнителями окружающей среды, как и основными не соглашающимися по факту сторонами многих из программ зеленой экономики (рис. 2).

Россия вышла на рынок Зеленых финансов только в 2018 году и пока её доля на мировом рынке составляет даже потенциально менее 0,01%. Первый из проектов был заложен 18 декабря 2017 г. в рамках подписания между Правительством Ханты-Мансийского автономного округа и ООО «Ресурсосбережение ХМАО» концессионного соглашения о строительстве и эксплуатации в Нефтеюганском районе комплексного межмуниципального полигона для размещения, обезвреживания и обработки твердых коммунальных отходов для городов Нефтеюганска и Пыть-Яха, поселений Нефтеюганского района.

Выбросы CO₂ по ведущим странам и регионам мира, 1985-2016 годы

Источник – BP Statistical Review of World Energy 2017

Рис. 2. Выбросы углекислого газа по ведущим странам и регионам мира за 1985-2016 гг.

В рамках реализации проекта, под который и закладывались первые национальные Зеленые облигации, планируется создать следующие объекты коммунальной инфраструктуры: Межмуниципальный полигон мощностью 90 тыс. т ТКО в год; Мусоросортировочный комплекс мощностью 100 тыс. т ТКО в год. Создаваемая комплексная система планируется, что станет в полной мере удовлетворять потребностям обслуживаемого района в качественной услуге по обработке и размещению ТКО [4].

На базе того, что с 2018 года в Российской Федерации стала обсуждаться возможность законодательного оформления «зеленых» облигаций на государственном уровне, ряд российских компаний изъявляли желание эмитировать подобного рода бумаги, однако пока рынок даже потенциально мал. Хотя экологических проектов для инвестирования, в т.ч. и иностранными партнерами в России несомненно очень много – и не только в промышленности, но и в водном и лесном комплексах, и в сельском хозяйстве, и даже в сфере АПК [2].

Сама по себе процедура эмиссии «зеленых» облигаций во многом схожа с процедурой выпуска обыкновенных бондов, однако их выпуск сопровождается специфическими действиями, такими, как получение стороннего заключения о соответствии финансируемых проектов «зеленым». Стороннее заключение может быть получено в различных формах: верификация сторонней организацией, сертификация ClimateBondsInitiative; рейтингование ценных бумаг по методикам, разработанным рядом ведущих агентств [5].

Эти три механизма выпуска с точки зрения влияния на итоговую ставку купона с использованием регрессионной модели, куда включены факторы различных способов верификации, а также дюрация бумаг.

Итогом стало максимальное влияние фактора сертификации на снижение купонной ставки для бумаг, что означает оправданность дополнительных затрат. Что касается величины скидки для эмитента «зеленых» бумаг в сравнении с обыкновенными бондами, существующие исследования разнятся в оценках, однако в среднем она может составить от 2 до 18 базисных пунктов.

Интересным вопросом является модель возможного выпуска «зеленых» облигаций российской компанией в текущих мировых рыночных условиях. В качестве примера рассмотрим проект АО «Газпромнефть – Омский НПЗ», который реализует комплексную экологическую программу, в которую входят такие проекты, как «Биосфера» – проект реконструкции очистных сооружений, требующий порядка 18 млрд руб. С учетом затрат на верификацию «зеленых» бумаг и получаемой скидки по дисконтированным купонным выплатам оказывается, что в случае АО «Газпромнефть – ОНПЗ» итоговые затраты на эмиссию «зеленых» бумаг и обычных на Люксембургской бирже оказываются примерно одинаковыми. Однако любой эмитент «зеленых» бумаг, помимо финансовой выгоды, руководствуется ESG мотивами, влияние которых на конкретный бизнес требует дополнительных расчетов для определения дополнительных доходов от кумулятивного эффекта в средние и долгосрочной перспективах лет.

На данном примере можно сделать вывод, что вопрос выпуска «зеленых» облигаций для российских компаний, даже таких крупных, как Газпром на сегодня является вопросов дискуссионным в плане доходности и требует учета возможности использования различных вариантов эмиссии

облигаций, а также формулируемых профилей «ответственности» компании и необходимости его поддержания.

Здесь же не стоит забывать и о существующей внешней конъюнктуре. Россия продолжает оставаться под значительными финансовыми санкциями со стороны ряда стран Запада, наиболее влиятельных в финансовом мире, и соответственно выход на мировые рынки значительно осложнен, а со внутренними рынками, в том числе в рамках ЕАЭС в наши дни в целом обстоит так же не лучшим образом. Здесь, по сравнению с предыдущими периодами наблюдается снижение объемов оборота капитала на всех фондовых рынках стран-участниц ЕАЭС.

Это связано с разными факторами, в том числе с внешними вызовами, которые оказали цепную реакцию и отрицательное воздействие и на экономики стран ЕАЭС, что привело к необходимости изменения валютного режима, а также девальвации национальных валют всех странах ЕАЭС. Несмотря на имеющиеся интеграционные межгосударственные процессы в ЕАЭС, банковские системы стран-участниц этого объединения мало интегрированы между собой. Определенная работа по устранению различий в уровне оказания услуг банками и разрешению имеющихся проблем ведется, но пока не с очень значительным успехом. Аналогичные проблемы имеются и в рамках ШОС и БРИКС, где, казалось бы, активность китайских и индийских внешних инвесторов должна была сыграть определенную роль.

Однако несмотря на указанные проблемы, Россия продолжает оставаться ведущим игроком при принятии основных межгосударственных решений и экологических программ, направленных на снижение темпов изменения климата и сохранения окружающей среды и биоразнообразия, а значит и механизмы зеленых финансов при участии активных инвестиционных мировых игроков, по мнению авторов настоящей публикации, должны быть в ближайшие годы активно реализованы, даже если финансовые санкции против российских предприятий на мировых биржах останутся еще на сверхпродолжительный период лет.

Литература

1. Власова М.С. «Зеленые» финансы в обеспечении экономической безопасности государства // Ученые записки Международного банковского института. 2016. № 17. С. 34 – 41.
2. Ляпунова Е.В. Особенности построения новой промышленной политики Российской Федерации // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 323 – 326.
3. Borodin A.I., Tatuev A.A., Shash N.N., Galazova S.S., Rokotyanskaya V.V. MECHANISM OF FINANCIAL RESULTS MANAGEMENT FOR THE INDUSTRIAL ENTERPRISE // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 4S2. С. 566 – 571.
4. Tatuev A.A., Nagoev A.B., Shanin S.A., Bugaeva M.V., Rokotyanskaya V.V. INNOVATIVE PRIORITIES OF BUILDING THE CONCEPT SUSTAINABLE DEVELOPMENT SOCIAL-ECONOMIC SYSTEMS OF REGION // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Т. 11. № 10. С. 2446–2451.
5. Tatuev A.A., Kutsuri G.N., Shanin S.A., Rokotyanskaya V.V., Ovcharova N.I. FORMATION OF A NEW ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM ENHANCING THE FUNCTIONAL ROLE OF POPULATION'S SAVINGS IN FINANCING INVESTMENTS // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Т. 7. № 7. С. 1858–1867.

Tatuev Arsen Azidovich, Doctor of Economic Science, professor, Berbekov Kabardino-Balkarsky State University (173, Chernishevskogo St., Nal'chik, 360004, Russian Federation). E-mail: arsen.tatuev@mail.ru

Kerefov Murat Anatolevich, Doctor of Economic Science, professor, Berbekov Kabardino-Balkarsky State University (173, Chernishevskogo St., Nal'chik, 360004, Russian Federation). E-mail: mkerefov@gmail.com

Sklyarenko Semen Alexandrovich, Candidate of Economic Science, professor, Lomonosov Moscow State University (27-1, Lomonosovsky Ave, Moscow, 119991, Russian Federation). E-mail: sklyarenko.sa@yandex.ru

NEW VECTORS IN THE FORMATION OF GREEN FINANCE MECHANISMS AT THE TURN OF THE DECADES

Abstract

The market for green Finance in the world at the turn of the decades includes such areas as: "green "loans," green "indices," green "ETF, REIT's, Yieldco's, and finally" green " bonds. Their development is determined by such phenomena as the desire to make it easier for public budgets to meet the global requirements of the Concepts of sustainable development and combating climate change, and the resulting formation of new species – green and bio - economies. The lack of resources, in particular investment and financial resources, in countries such as Russia, has become a limiting factor for achieving stable growth in the sphere of entry into new emerging markets of new eco-oriented economies. The green Finance markets of the countries cannot fully provide affordable financing for the real sector of the eco-oriented

economy, which negatively affects the opportunities for their rapid growth, competitiveness in the domestic and foreign arenas, and is determined as a result by the increasing shortage of foreign sources of financing during the sanctions wars. The study put forward and justified the hypothesis of increasing the level and role of green markets in the transformation of the domestic economy at the turn of decades.

Keywords: *fiscal policy, green Finance, financial services, banking sector, green economy, macroeconomic stability, financial services market, investment and financial resources, bioeconomics.*

References

1. Vlasova M.S. «Zelenye» finansy v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva // Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta. 2016. № 17. P. 34 – 41.
2. Lyapunova E.V. Osobennosti postroeniya novoj promyshlennoj politiki Rossijskoj Federacii // Finansovaya ekonomika. 2018. № 7. P. 323 – 326.
3. Borodin A.I., Tatuev A.A., Shash N.N., Galazova S.S., Rokotyanskaya V.V. MECHANISM OF FINANCIAL RESULTS MANAGEMENT FOR THE INDUSTRIAL ENTERPRISE // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6. № 4S2. P. 566 – 571.
4. Tatuev A.A., Nagoev A.B., Shanin S.A., Bugaeva M.V., Rokotyanskaya V.V. INNOVATIVE PRIORITIES OF BUILDING THE CONCEPT SUSTAINABLE DEVELOPMENT SOCIAL-ECONOMIC SYSTEMS OF REGION // The Social Sciences (Pakistan). 2016. T. 11. № 10. P. 2446–2451.
5. Tatuev A.A., Kutsuri G.N., Shanin S.A., Rokotyanskaya V.V., Ovcharova N.I. FORMATION OF A NEW ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM ENHANCING THE FUNCTIONAL ROLE OF POPULATION'S SAVINGS IN FINANCING INVESTMENTS // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. T. 7. № 7. P. 1858–1867.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ: ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Батагова Людмила Хазретовна кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (362025, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46). E-mail: l-elkanova@mail.ru

Дзахова Лариса Хасановна доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (362025, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46). E-mail: ldzahova@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются основные направления и формы государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания, развивающиеся, с одной стороны, в русле общероссийских тенденций, а, с другой стороны, имеющие региональную специфику. Авторы показывают, что высокая степень угроз и рисков, сложный этноконфессиональный состав региона обуславливают особенности государственно-конфессионального взаимодействия и определяют выбор конкретных инструментов и механизмов. Анализ регионального опыта государственно-конфессиональных отношений позволяет выявить наиболее востребованные и эффективные модели государственно религиозных практик и обозначить перспективы их развития.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, конфессия, православие, ислам, традиционные верования осетин, межконфессиональные противоречия, Республика Северная Осетия-Алания, общественно-политические процессы, межнациональные отношения.*

На рубеже XX-XXI вв. государственно-конфессиональные отношения в России претерпели качественные изменения, происходившие в общем контексте коренной трансформации, охватившей все сферы общественной жизни. Утверждение принципов демократии и идеологического плюрализма в российском обществе способствовали возрождению интереса к религии и изменению ее социального «статуса». Религия превратилась в важнейший институт, оказывающий существенное влияние на общественно-политические процессы. В Российской Федерации на основе сложившейся политико-правовой базы ведется активный поиск оптимальной модели государственно-религиозного взаимодействия, в котором региональному опыту отводится существенное место. Изучение становления и развития современной системы государственно-конфессиональных отношений в рамках новых концептуальных подходов государственной вероисповедной политики представляется чрезвычайно важным, имеющим как сугубо теоретическое, так и прикладное значение.

Особую актуальность проблема государственно-конфессиональных отношений приобретает для многонационального и многоконфессионального Северного Кавказа [1]. Отношения государства и религиозных организаций в регионе играют весомую роль в сохранении и укреплении межнационального мира и стабильности. Выраженная дифференциация региона по этноконфессиональному признаку, безусловно, влияет на выбор механизмов и инструментов реализации государственно-конфессиональных практик, и обуславливает формирование определенных региональных моделей взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений. Изучение и распространение позитивного регионального опыта в сфере государственно-конфессионального взаимодействия содействует проведению взвешенной, научно-обоснованной религиозной политики, направленной на гармонизацию межконфессиональных и межнациональных отношений, минимизации социальных и управленческих издержек.

Цель статьи – анализ государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания, выявление наиболее эффективных направлений и практик государственно-религиозного сотрудничества. Основными задачами являются: показать особенности этноконфессионального пространства в РСО-Алания; раскрыть виды и формы государственно-конфессионального взаимодействия в республике; определить наиболее востребованные и перспективные направления государственно-конфессионального сотрудничества в сложном многоконфессиональном и многонациональном регионе. В статье делается попытка дать целостную картину развития государственно-конфессиональных отношений, выявить региональную специфику механизма государственно-конфессионального взаимодействия, обусловленную этноконфессиональными особенностями региона.

РСО-Алания является многонациональным и многоконфессиональным субъектом РФ. На территории республики проживает около 100 наций и народностей, наиболее многочисленными этническими группами являются осетины и русские, составляющие соответственно 65% и 21% от общего числа жителей республики. Ингуши, армяне, кумыки, грузины, турки, украинцы, азербайджанцы, кабардинцы, чеченцы, греки, цыгане, корейцы, татары и др. занимают от 4% до 1% населения¹. При этом налицо явно выраженная зависимость между этнической и конфессиональной принадлежностью. Так русские, украинцы, белорусы, грузины, греки, армяне, поляки и др. являются приверженцами различных направлений христианства, а ингуши, чеченцы, татары, башкиры, кабардинцы, балкарцы, народы Дагестана, турки и др. традиционно исповедуют ислам. Исключение составляют осетины, конфессиональные предпочтения которых делятся между православием, исламом, традиционными осетинскими верованиями, а также различными направлениями протестантизма. В этом проявляется особенность религиозной жизни республики, т.к. среди коренных жителей соседних северокавказских республик подобная конфессиональная вариативность практически не наблюдается. Отмечая данный феномен, профессор Р.С. Бзаров писал: «Алания-Осетия – страна самобытной многоконфессиональной гармонии. Важнейшая особенность ее духовной истории состоит в сохранении основ древней религиозной традиции, восходящей к временам индоиранского единства и продолжающей объединять общество, несмотря на распространение двух мировых религий – христианства и ислама» [2, с. 58]. Поэтому в самоидентификации осетинского народа конфессиональный фактор не играет определяющей роли, что является сдерживающим моментом межконфессионального соперничества и основой толерантного восприятия представителей других этноконфессиональных групп.

Социологический опрос, проведенный Межрегиональным центром общественных инициатив «Северный Кавказ» в 2019 г., показал, что наиболее важными идентификационными признаками для респондентов являются именно этнические, проявляющиеся в общности традиций и обычаев (60%), знании языка (57,8%), а также исторического прошлого (44,7%). Наименее важным компонентом в контексте данного вопроса признается художественная культура (9%) и религия (9,8%)².

Таблица 1

Блок 4 – Этническая самоидентификация и внутри- и межконфессиональные отношения		
Вопрос 38. Какие из перечисленных признаков сближают Вас с представителями Вашей этнической группы?		
Варианты ответов	частоты	проценты
Знание языка	283	57,8
Историческое прошлое	219	44,7
Художественная культура	44	9
Традиции и обычаи	294	60
Общий быт	80	16,3
Религия	48	9,8
Социальные нормы и принципы поведения	100	20,4
Территория проживания	106	21,6
Всего	490	100

В РСО-Алания представлены 14 конфессий в лице 108 зарегистрированных религиозных организаций. 40 из них относятся к русской православной церкви, 26 – к Духовному управлению мусульман, 10 – баптистские, 7 – христиане веры евангельской, 6 – традиционные верования осетин, 2 – христиане адвентисты седьмого дня, 2 – римско-католическая церковь, 2 – иудаизм, 1 – армянская апостольская церковь и др. В конфессиональном пространстве республики представлена даже такая экзотическая для Северного Кавказа религиозная организация как «Общество сознания Кришны»³.

Конфессиональные предпочтения населения республики распределяются следующим образом: 49% от общего числа верующих являются православными, 22,5% придерживаются традиционных верований осетин, 13% исповедуют ислам, примерно по 1% приходится на представителей других конфессий, 6,5% граждан атеисты⁴. Как видим налицо определенная диспропорция между количеством зарегистрированных организаций традиционных верований осетин и числом приверженцев этой веры.

¹ РСО-Алания в цифрах. 2018. Статистический сборник. Владикавказ: Северная Осетиястат, 2018. 145 с. С. 10.

² Межрегиональный центр общественных инициатив «Северный Кавказ». СКФО в зеркале социологических опросов: РСО-Алания. Этническая самоидентификация и внутри- и межконфессиональные отношения. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcoi.rf/page/73800082.html> (дата обращения: 17.09.2019)

³ Список религиозных организаций, зарегистрированных в Управлении Минюста РФ по РСО-А [Электронный ресурс]. URL: <http://to15.minjust.ru> (дата обращения: 07.09.2019)

⁴ Текущий архив Министерства РСО-А по вопросам национальностей // Информация об итогах реализации Государственной программы РСО-А «Развитие межнациональных отношений в Республике Северная Осетия Алания на 2014-2018 гг.». Отчет о взаимодействии с религиозными организациями. 2018.

Основополагающие принципы взаимодействия государства с религиозными объединениями закреплены в статьях Конституции РФ и федеральных законов, а также нормативно-правовых актах субъектов Федерации, которые формируют единое правовое поле и гарантируют равные возможности в реализации конфессиональных интересов. Декларируя светский характер государства, Конституция страны провозглашает отделение церкви от государства и равенство религиозных объединений перед законом¹.

Однако светскость современного российского государства не означает отстранения последнего от деятельности религиозных структур, а подразумевает четкое разделение сфер компетенций, что создает основу для взаимовыгодного сотрудничества [3]. Государство заинтересовано в диалоге с религиозными организациями в тех областях, где они бесспорно имеют сильные позиции и оказывают мощное воздействие на поведенческие стереотипы и социальную активность верующих [4–5]. Это: сохранение и транслирование традиционных морально-нравственных ценностей, обеспечивающих преемственность социокультурного кода народа; благотворительность и социальное служение; миротворчество; поддержка семьи как основополагающего института общества и т.д. Важность сотрудничества в этих сферах особо подчеркнул в своем выступлении на расширенном заседании Совета Духовного управления мусульман Северной Осетии в январе 2019 г. Глава республики В.З. Битаров, который отметил, что «...здесь интересы государства, общества и религиозных объединений полностью совпадают»².

В РСО-Алания взаимодействие с религиозными объединениями обеспечивает целый ряд государственных органов, в их числе: Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве республики; Экспертная группа по оценке религиозной литературы, видео- и аудиоматериалов; Министерство по вопросам национальных отношений; Управление Минюста РФ по РСО-Алания, Комитет по делам молодежи, а также администрации местного самоуправления г. Владикавказ и районов республики. Контролирующие функции в работе с религиозными организациями возложены на Управление МВД, ФСБ и прокуратуру. Большая работа по выстраиванию конструктивного диалога с представителями религиозных организаций ведется в многочисленных общественных организациях. К ним относятся: Общественный совет СКФО, Общественная палата РСО-А, общественные комиссии при исполнительных и правоохранительных органах власти, Совет ветеранов республики, национально-культурное объединение «Наша Осетия», общественное движение «Высший совет осетин» и др.

Ключевыми направлениями государственно-конфессионального взаимодействия, закрепленными в республиканской программе «Развитие межнациональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания» на 2019–2025 гг., являются: политико-правовое; научно-аналитическое; организационно-методическое; информационно-пропагандистское. Все они реализуются в различных формах государственно-конфессионального взаимодействия.

Значимой новацией, получившей широкое распространение в последние годы, стала практика социального служения, позволяющая гармонично сочетаются гуманистические принципы авраамических религий и интересы государства в сфере социального обеспечения. Православные и исламские организации республики оказывают большую помощь детским домам и интернатам, многодетным семьям и престарелым, ветеранам войны и труда. Под их опекой также находятся больницы и госпиталя, учреждения системы исполнения наказаний и др.

В последнее время практика социального служения получает правовое оформление в подписании соглашений о сотрудничестве между религиозными организациями и органами государственной власти, в которых стороны принимают на себя определенные обязательства в решении социально значимых задач. В 2018 г. Владикавказское Благочиние заключило соглашения с Министерством труда и социального развития, Министерством образования, УФСИН России по РСО-А. Как подчеркнул архиепископ Владикавказский и Аланский Леонид: «Соглашения способствуют дальнейшему развитию сети учреждений социального обслуживания, учрежденных Русской Православной Церковью, а также появлению новых форм и видов социального обслуживания населения с участием Церкви и ее канонических подразделений»³. Аналогичные соглашения исполнительные органы власти подписали с ДУМ Северной Осетии. Таким образом, налицо формирование новых организационно-правовых форм государственно-конфессиональных отношений в республиканском масштабе.

Востребованной формой государственно-религиозного сотрудничества в сфере высшего образования стала реализация образовательной программы по направлению «Теология» в Северо-Осетинском государственном университете. Решение об этом было принято в 2017 г. в рамках соглашения

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 14. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 64 с.

² Расширенное заседание Совета Духовного управления мусульман РСО-А с участием Главы республики В.З. Битарова 11.01.2019 [Электронный ресурс]. URL:[http:// islamsetia.ru](http://islamsetia.ru) (дата обращения: 07.09.2019)

³ Соглашение о сотрудничестве. Владикавказская епархия подпишет ряд соглашений о сотрудничестве 02.05.2018 [Электронный ресурс]. URL:[http:// blagos.ru](http://blagos.ru) (дата обращения: 07.09.2019)

между Владикавказской епархией и СОГУ, что полностью соответствует нормам федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Подготовка специалистов – теологов представляется своевременным шагом для региона со сложной политико-конфессиональной составляющей.

Важное место в структуре государственно-конфессиональных отношений занимают вопросы, связанные с возвратом культовых сооружений религиозным организациям, а также оказания помощи в строительстве новых и реставрации имеющихся. Для организации эффективной работы в этом направлении по предложению архиепископа Леонида при Владикавказской епархии был создан Общественный совет по вопросам строительства и реконструкции особо значимых религиозных объектов.

Значимой новацией государственно-конфессионального взаимодействия стало проведение совместных, с участием представителей духовенства, научного сообщества, а также министерств и ведомств, многочисленных научно-практических конференций, «круглых столов», семинаров, посвященных проблемам государственно-религиозного диалога. Назовем некоторые из них: «Государство и религия в XXI в.: модели и перспективы взаимодействия» (24.04.2018), «Социализация молодежи как фактор профилактики экстремизма и терроризма» (31.05.2019), ставшие традиционными ежегодные Свято-Георгиевские чтения «Православие. Этнос. Культура» и многие другие.

Государственно-конфессиональные отношения активно развиваются в культурно-просветительской сфере. Регулярно проводятся рождественские и пасхальные фестивали, художественные выставки, вечера духовной музыки, для которых администрация г. Владикавказа предоставляет залы государственной филармонии, национального художественного музея и т.д.

Следует отметить, что предстоящее в 2022 г. празднование 1100-летия Крещения Алании является мощным импульсом активизации государственно-конфессионального взаимодействия. Дата юбилея была обозначена в Указе Президента РФ В.В. Путина, который был подписан в октябре 2017 г. Как подчеркнул архиепископ Владикавказский и Аланский Леонид: «Государственное и церковное празднование 1100-летия крещения Алании будет иметь важнейшее значение для поддержки традиционных ценностей и укрепления гражданского мира, для демонстрации неизменной цивилизационной и геополитической формулы российско-аланской, а значит, и российско-кавказской неразделимости»¹. Подготовка к празднованию предусматривает: перевод богословских текстов на осетинский язык, что играет большую роль в сохранении и развитии национального языка; масштабную реконструкцию уникальных средневековых храмов – памятников истории и культуры, а также строительство современных храмов, проекты в сфере науки, культуры и образования и многое другое.

Весомой новацией, служащей укреплению государственно-конфессиональных отношений является принятое в июле 2019 г. решение о создании при Главе республики Межконфессионального Совета как республиканского центра интегрирующего, координирующего и регулирующего религиозную жизнь Осетии. Совет как новая организационная форма сложившейся практики регулярных встреч лидера региона с представителями религиозных организаций позволит оперативно реагировать на возникающие вопросы и будет способствовать открытому межрелигиозному диалогу. Это свидетельство нового, более высокого уровня государственно-религиозного взаимодействия.

Ключевым направлением сотрудничества государства и религиозных организаций в РСО-А, пережившей многочисленные теракты является противодействие религиозному экстремизму, который на Северном Кавказе представлен исламским фундаментализмом в его радикальной форме. Борьба с деструктивным влиянием радикальных исламистов в рамках взаимодействия государства и лидеров мусульманской уммы предусматривает совместную выработку мер профилактического и воспитательного характера, суть которых в пропаганде истинного знания и исламских ценностей. Религиозное просвещение членов исламской общины и прежде всего молодежи является важнейшим направлением деятельности мусульманского духовенства и коррелируется с комплексом мероприятий в рамках реализации государственной программы «Профилактика экстремистских проявлений в РСО-А». Проповеди в мечетях, лекции, беседы, встречи со студентами средних и высших учебных заведений, на которых обучающиеся могут получить компетентные ответы на интересующие их религиозные вопросы – широко практикуемые формы воспитательной работы.

Эффективными инструментами формирования толерантных установок в молодежной среде и налаживания межрелигиозного и межнационального диалога стали традиционные молодежные северокавказские форумы, организуемые совместными усилиями государственных и религиозных структур: «Машук», «Молодежный этноконфессиональный форум», «Спартакиада молодежи Северного Кавказа». «Эстафета мира и братства», «Славянский молодежный форум», фестиваль «Мы вместе», «Мир Кавказу» и др. Форумы являются уникальными площадками, позволяющими преодолеть ксенофобские стереотипы в восприятии представителей других этносов и религий.

¹ Заявление епископа Владикавказского и Аланского Леонида по 1100-летию крещения Алании [Электронный ресурс]. URL:<http://blagos.ru> (дата обращения: 07.09.2019)

ДУМ республики при поддержке властных органов вносит посильный вклад в преодоление негативных последствий межнациональных конфликтов. Укреплению межнационального диалога и взаимопониманию способствуют встречи муфтия Северной Осетии Х. Гацалова со старейшинами, молодежью, а также главами администраций сельских поселений Пригородного района, наиболее проблемного, со сложной этноконфессиональной обстановкой как следствие острого конфликта начала 1990-х гг. Подобные практики находят позитивный отклик, способствуют стабилизации межнациональных отношений как основы для межрелигиозного диалога.

Таким образом, в РСО-А сложились эффективные механизмы государственно-религиозного взаимодействия, анализ которых свидетельствует об эволюции государственно-конфессиональных отношений в сторону кооперационной модели, что соответствует общероссийскому тренду вероисповедной политики. Системная и согласованная работа органов государственной власти республики, администраций муниципальных образований и религиозных организаций, способствует реализации конституционных прав и свобод граждан в религиозной сфере, бесконфликтному взаимодействию различных конфессий и эффективной реализации государственной конфессиональной политики. Мониторинг общественного мнения, проводимый независимыми друг от друга структурами (Федеральное агентство по делам национальностей, Министерство по вопросам национальных отношений, МЦИО «Северный Кавказ») выявил совпадение мнений опрашиваемых в оценке состояния межконфессиональных отношений, что является показателем репрезентативности исследований. Большинство респондентов считают, что ситуация в сфере конфессиональных отношений в РСО-А спокойная. По данным МЦИО «Северный Кавказ» существование конфликтного потенциала в этой сфере отметили лишь 7,2% опрашиваемых¹.

Вместе с тем 40% респондентов считают, что, несмотря на общую стабильность межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений, порой возникает определенная напряженность². Действительно, необходимо заметить, что на фоне конструктивного развития государственно-конфессиональных отношений, в РСО-А существуют определенные рискогенные факторы, способные дестабилизировать религиозную ситуацию в регионе. Наибольшую угрозу среди них представляет радикальный исламский фундаментализм, идеология которого находит отклик у части мусульман северокавказских республик. Геополитическая нестабильность на южных рубежах региона провоцирует активность сторонников радикальных исламских воззрений, деятельность которых главным образом направлена на вербовку новых воинов в ряды ИГИЛ (запрещена в РФ). Фактором, также провоцирующим межрелигиозную конкуренцию, является специфика конфессиональной ситуации, а именно присутствие в религиозном поле республики значительного слоя последователей традиционных осетинских верований, которых представители православного и исламского духовенства рассматривают как перспективные объекты миссионерского воздействия.

Вероятность возникновения напряженности в межконфессиональной сфере обуславливается и причинами общего свойства, кроющихся в экономической нестабильности региона, несформированности гражданского общества, снижении уровня культуры, в том числе культуры межнационального общения, архаизации сознания, проявляющейся в росте бытовых предрассудков и стереотипов и т.д. [7]

Кроме того, тесное государственно-конфессиональное взаимодействие, активность религиозных лидеров вызывает недовольство у определенной части общества, т.к. рассматривается ими как нарушение конституционного принципа светскости государства.

Преодоление негативных моментов в государственно-конфессиональных отношениях, на наш взгляд, обеспечивается строгим соблюдением и совершенствованием законодательства, регулирующего религиозную сферу, реализацией конституционных принципов светскости, демократии, идеологического многообразия, правового и социального государства, а также развитием экономики страны, преодолением безработицы и нищеты, которые порождают преступность и радикализм, облекаемые зачастую в религиозную форму.

Необходимо и дальше:

- развивать нормативно-правовую базу государственно-конфессионального взаимодействия отвечающую требованиям современного уровня развития этой сферы;
- расширять практику сотрудничества государства и религиозных организаций в реализации востребованных социальных проектов;
- совершенствовать работу по координации государственно-конфессиональных усилий по профилактике религиозного экстремизма и национализма в организационно-методической, научно-аналитической, информационно-просветительской сферах;

¹ Межрегиональный центр общественных инициатив «Северный Кавказ». СКФО в зеркале социологических опросов: РСО-Алания. Этническая самоидентификация и внутри- и межконфессиональные отношения. [Электронный ресурс]. URL: <https://мцои.рф/page/73800082.html> (дата обращения: 17.09.2019)

² Там же.

- развивать межрелигиозный диалог последователей разных конфессий на основе позитивного опыта многовекового сосуществования в многонациональном и многоконфессиональном северокавказском регионе.

Литература

1. Бедрик А.В., Дьяченко А.Н., Бинеева Н.К. Социальные субъекты гармонизации межэтнических отношений на Юге России: управленческий и гражданский потенциал // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 2. С. 137 – 147.
2. Бзаров Р.С. Ислам в Алании-Осетии: этапы истории в тезисном изложении // Религия в современном мире. Светский и религиозный образы мира. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2016. 456 с.
3. Воденко К.В., Лубский А.В. Институциональные практики межрелигиозного взаимодействия в региональных сообществах на Юге России: междисциплинарный анализ // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 50 – 61.
4. Жане С.Р. Основные направления государственно-конфессионального сотрудничества в современной России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2017. № 2. С. 83 – 87.
5. Маковский А.А. Функциональный потенциал государственно-конфессиональных отношений в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 2. С. 110 – 116.
6. Белоконов С.Ю., Титов В.В. Национально-государственная и религиозная идентичность: паттерны взаимодействия в современном мире // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 14. № 2. С. 144 – 155.

Batagova Lyudmila Khazretovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (44-46, Vatutina St., Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation). E-mail: l-elkanova@mail.ru

Dzakhova Larisa Khasanovna, Doctor of Political Science, Professor, Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (44-46, Vatutina St., Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation). E-mail: ldzakhova@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE INTERACTION OF THE STATE AND RELIGION: ALL-RUSSIAN TRENDS AND REGIONAL CHARACTERISTICS

Abstract

The article explores the main directions and forms of state-confessional relations in the Republic of North Ossetia-Alania, developing, on the one hand, in line with all-Russian trends, and, on the other, having regional specifics. The authors show that a high degree of threats and risks, a complex ethno-confessional composition of the region determine the features of state-confessional interaction and determine the choice of specific tools and mechanisms. The analysis of the regional experience of state-confessional relations allows us to identify the most popular and effective models of state religious practices and to identify prospects for their development.

Keywords: State-confessional relations, denomination, Orthodoxy, Islam, traditional beliefs of Ossetians, interfaith contradictions, Republic of North Ossetia-Alania, socio-political processes, inter-ethnic relations.

References

1. Bedrik A.V., D'yachenko A.N., Bineeva N.K. Social'nye sub"ekty garmonizacii mezhetnicheskikh otnoshenij na YUge Rossii: upravlencheskij i grazhdanskij potencial // Gumanitarij YUga Rossii. 2019. Т. 8. № 2. P. 137 – 147.
2. Bzarov R.S. Islam v Alanii-Osetii: etapy istorii v tezisnom izlozhenii // Religiya v sovremennom mire. Svetskij i religioznyj obrazy mira. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2016. 456 p.
3. Vodenko K.V., Lubskij A.V. Institucional'nye praktiki mezhreligioznogo vzaimodejstviya v regional'nyh soobshchestvah na YUge Rossii: mezhdisciplinarnyj analiz // Gumanitarij YUga Rossii. 2018. Т. 7. № 4. P. 50 – 61.
4. Zhane S.R. Osnovnye napravleniya gosudarstvenno-konfessional'nogo sotrudnichestva v sovremennoj Rossii // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2017. № 2. P. 83 – 87.
5. Makovskij A.A. Funkcional'nyj potencial gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v sovremennoj Rossii // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2017. Т. 17. № 2. P. 110 – 116.
6. Belokonev S.YU., Titov V.V. Nacional'no-gosudarstvennaya i religioznaya identichnost': patterny vzaimodejstviya v sovremennom mire // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. Т. 14. № 2. P. 144 – 155.

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

Власов	кандидат политических наук, доцент кафедры социально-философских дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2). E-mail: vitaliyy_vlasov@ro.ru
Виталий Витальевич	кандидат политических наук, доцент кафедры общей и прикладной политологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95). E-mail: ogorodnina@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются истоки и современное состояние либеральной идеологии в Западных странах. Дана характеристика причинам, вызвавшим ее кризис. Рассматривается роль христианства и, прежде всего, протестантизма в формировании базовых ценностей либерализма. Аргументируется позиция, что многие либеральные ценности являются общими для всех стран христианской культуры и Россия не является исключением, однако в силу особенностей исторического развития, в нашей стране не сформировалось независимого гражданского общества, как необходимого условия обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Ввиду указанных обстоятельств, представляется важным формирование условий для его становления, в том числе используя потенциал Русской православной церкви (далее РПЦ), как наиболее массовой негосударственной организации.

Ключевые слова: РПЦ, либерализм, миграция, традиционные ценности, христианский мир, глобализация, модернизация, группа давления, реформа церкви.

Одной из приоритетных задач, стоящих перед современной Россией, является определение не только вектора общественно-политического, социально-экономического движения, но и поиск оптимальных алгоритмов и методов его достижения. Согласно заявлениям Президента РФ В.В. Путина и ключевых акторов отечественного политико-публичного пространства демократия, права и свободы граждан, правовое государство, полноценное гражданское общество и эффективная рыночная экономика выступают в качестве ключевых целей развития российского общества. В то же время, используемые механизмы решения политических задач не всегда приводят к желаемым результатам, что обусловлено сложностями, возникающими в усвоении либеральных идей российским социумом. Представляется, что модернизировать российское общество, используя достижения либерализма, можно лишь принимая во внимание его специфику, учитывая ценности, лежащие в основе традиционных религиозных конфессий и, прежде всего, православного христианства.

Рассматривая термин «либерализм», приходится констатировать, что частота его использования в политическом дискурсе не соответствует точности толкования. Российский ученый С.С. Сулакшин видит в либерализме сочетание нескольких коннотаций: учение, теория; политическая платформа; партийная ниша; политическое течение; идеология; конкретный тип устройства государства и общества; ценностное предпочтение, принцип, доктрина [1, с. 22]. По мнению А.В. Захарова либерализм необходимо рассматривать, как антипод абсолютизма; идеологию, ориентированную на защиту свободы личности от общественного прессинга и культивирующую принцип «человек – не средство, а цель» [2, с. 98].

Представленные дефиниции либерализма подчеркивают прогрессивность либеральной идеи, ее способность мотивировать индивида на новый формат взаимоотношений в политико-публичной сфере. В течении долгого периода времени либерализм оставался главной «путеводной звездой» в хаосе политико-идеологических конструктов, поскольку включал в себя наиболее важные и значимые для человека ценности гражданского общества, рыночной экономики, политической демократии, прав и свобод человека. [3, с. 7].

Интерес к либерализму в России максимально вырос в конце 80 – начале 90-х годов прошлого века и был обусловлен: стремительно увеличивающимся ценностным вакуумом на фоне девальвации социалистической идеи; настойчивым его позиционированием как универсального средства для решения проблем, порожденных в недрах социалистической и командно-административной системы; стремлением новой политической и партийной элиты войти в сообщество цивилизованных стран Запада [2, с. 99]. Однако спустя чуть менее трех десятилетий ситуация изменилась и подобные метаморфозы не должны пугать. Ведь любое явление подвержено динамике, когда взлет сменяется кризисом, а порой и полным забвением. Следовательно, снижение рейтинга популярности либерализма у рядовых граждан можно воспринимать как естественное проявление политической жизни.

Размышляя над итогами активного внедрения либеральных установок в общественно-политическую и социально-экономическую практику, С.С. Сулакшин выводит «формулу» деволюции, согласно которой либерализм, провозгласив в качестве фундаментальной ценности блага, права и свободы индивидуума, запустил цепь социально-политической деградации, а именно отсутствие социумной

регуляции – социал-дарвинизм – расизм – колониализм – фашизм – социальный паразитизм, расизм – деволюция человечества [1, с. 26]. При этом Сулакшин не сомневается в изначально прогрессивном эффекте либерализма, поскольку новое видение личности, гражданина удачно противопоставляло его монстру Левиафану, подавляющему все и вся. Однако превратно понятые естественные права человека привели к торжеству права сильного, к отвратительным проявлениям социал-дарвинизма.

Наибольшей коррозии, согласно точке зрения К.С. Гаджиева, подвергся принцип свободы – краеугольный камень либерализма. Российский политолог верно и тонко подметил, что «свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно» [3, с. 13]. Иными словами, возведенный в абсолют принцип «человек как мера всех вещей» привел не только к вульгаризации понимания свободы («делаю то, что хочу»), но и к призыву отказаться от всех ограничений и сдерживающих человека запретительных табу и установок. Эпоха толерантности и политкорректности дала лишь видимость свободы и раскрепощенности. На самом деле человек оказался заложником новых догм и стереотипов. Абсолютизация свободы без воспитания ответственности и понимания важности роли обязанностей и обязательств привела к уродующим человека и общество коллизиям. Истинные ценности вытесняются псевдотолерантными установками, которые оказываются недееспособными в условиях кризиса. Таким образом, современный человек может оказаться без духовной, ценностной «брони» и окончательно потеряться в бушующем пространстве общественно-политической жизни.

В столь непростых и противоречивых условиях резко возрастает роль РПЦ как института, сохранившего и транслирующего традиционные православные установки, а также способного использовать данную аксиологическую основу в рамках формирования личностного начала в человеке. Важно подчеркнуть, что православие не должно противопоставляться либеральной идеологии. Это проигрышный путь. Напротив, подлинно верное духовное воспитание является надежным фундаментом для становления истинного гражданина, способного на самостоятельные и ответственные решения; осознанное сотрудничество с государством.

В этой связи необходимо обратить внимание на интервью Президента Российской Федерации В.В. Путина газете The Financial Times, состоявшееся 27 июня 2019 г., в котором можно выделить следующие тезисы:

- либеральная идея в современном виде себя изжила, в виду нереалистичности отдельных ее элементов, таких как мультикультурализм, особенно в контексте проблемы миграции;
- необходимо сохранять традиционные ценности, в первую очередь семейные;
- недопустимо выталкивать религию из культурного пространства, так как она важна для миллионов людей;
- следует признать возможность существования разных идей, в том числе либеральной, однако без права на ее абсолютное доминирование.

Как отмечалось выше, в христианстве и либерализме можно найти ряд общих и важных моментов. Так, протестантизм, корневой основой которого является свобода, предприимчивость и опора на свои силы, тесно связан с либерализмом [5, с. 65]. Это обусловлено организацией протестантской общины, избирающей пастора и, как следствие, отсутствием сакрализации духовной власти, в том числе и как инстанции обладающей монополией на истину. Кроме того, центром принятия решений является община в целом, которая контролирует распределение средств прихода. Это формирует у прихожан чувство личной ответственности за его функционирование.

Многие либеральные идеи находят отклик и в других христианских деноминациях. Всеми современными государствами с христианской культурой признается право человека на свободу совести, в то время как в значительной части государств, относящихся к иным цивилизациям, указанное право игнорируется, а иногда и устанавливается уголовная ответственность за вероотступничество. Поэтому, по мере притока значительного количества мигрантов, выяснилось, что ценности многих из них противоречат либеральным и, заявляя о правах для себя, они отказывали в них другим, не желая интегрироваться в Западное общество.

В отличие от стран Запада, в Византийской империи и России, в силу особенностей исторического развития, православная церковь оказалась в зависимом от светской власти положении, получив в обмен привилегии по отношению к другим конфессиям. Это привело к формированию корпоративистской модели взаимодействия государства с гражданским обществом, когда власть сверху создает или назначает общественные институты, которым делегируется право на представительство интересов определенных социальных групп. Поэтому радикально-революционное утверждение либеральной идеологии в современном виде неприемлемо для нашей страны, с ее вековыми традициями сильной централизованной власти, и может повлечь ее распад. В то же время Россия является частью христианского мира, притом в количественном отношении православные христиане существенно уступают как католикам, так и протестантам, а большинство православных государств, ориентированы на интеграцию с Западным миром. В этих условиях, отстаивая национальные интересы, следует помнить, в случае изоляции нас может ожидать судьба Византийской империи. Это обуславливает необходи-

мость поиска идеологических союзников в странах Запада, а с учетом того, что Россия позиционирует себя как оплот традиционных ценностей, таковыми могут быть консервативные течения.

Для решения данной задачи прилагаются значительные усилия. Президент и Патриарх провели содержательные встречи с Папой Римским Франциском. Наше государство находит поддержку у части консерваторов на Западе. Эти позиции можно усилить в случае более открытого диалога с традиционными христианскими деноминациями. Мы полагаем, что сохраняя в неприкосновенности Символ Веры, нельзя закрываться для других христианских церквей, как открыты для православной проповеди страны Запада. Важно не только на уровне слов, но и на деле осознать, что мы не соперники, но братья. По этому поводу, хотелось бы напомнить слова апостола Павла, говорившего: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор. 11:19). В этой связи, вызывает недоумение позиция некоторых проповедников, рассказывающих о «греховности» католицизма и протестантизма, которые «предали» христианские идеалы и одновременно говорящих о близости к православию других религий. Уважая все религиозные конфессии нашей страны, во внутрицерковном дискурсе следует сознавать, что иные христианские деноминации хоть и являются инославными, но все же они наши собратья, а рассуждая об опасности протестантизма и католицизма, можно сравнить политико-правовое положение православных церковных организаций в протестантских и католических странах и в большинстве государств, принадлежащих к иным цивилизациям.

В то же время, стремясь к консолидации с другими христианскими деноминациями, следует учитывать, что после подъема пережитого русской религиозной мыслью в конце XIX – начале XX века, значительная часть православных мыслителей были вынуждены покинуть пределы России, а другие были уничтожены вместе с тысячами православных священников. В условиях религиозных гонений РПЦ была лишена возможность вести религиозные дискуссии, что повлекло за собой отставание, преодоление которого является необходимым условием адаптации к современной действительности. Таким образом, удержание РПЦ лидирующих позиций в XXI будет зависеть от ее готовности к внутренней трансформации и от способности внести свой вклад в модернизацию российского общества.

Для реализации этой задачи РПЦ имеет необходимые возможности, располагая поддержкой власти, серьезными медийными ресурсами, телеканалами («Спас», «Радонеж», «Союз» и т.д.). На федеральных каналах идут православные телепередачи: «Слово пастыря», «Православная энциклопедия». Издаются православные газеты, имеются сайты в Интернете. Появились успешные проповедники-миссионеры, узнаваемые широким кругом населения страны, например, протоиерей Дмитрий Смирнов, митрополит Илларион Алфеев, дьякон Андрей Кураев и т.д. Особо следует упомянуть миссионеров, мученически засвидетельствовавших свою веру – Александра Меня и Даниила Сысоева.

В то же время, церкви предстоит ответить на следующие вопросы: о своем месте в политической жизни страны и сферах совместной с государством деятельности; внутренней организации и распределении материальных ресурсов; об идеологии в условиях запроса общества на социальную справедливость. Все они тесно связаны между собой и не могут быть решены в отдельности.

Большинство позиций относительно положения РПЦ в государственной политике отличаются радикализмом, от требований изгнания религии из всех сфер общественной жизни до построения православной монархии. Мы полагаем, основываясь на историческом опыте нашего народа, необходимо соблюдать разумный баланс.

В Конституции Российской Федерации закреплено идеологическое многообразие и указано на недопустимость установления какой-либо идеологии в качестве общеобязательной. Естественно, указанные положения Основного закона, как и закрепленная в нем гарантия на обеспечение права на свободу совести, не вызывают сомнений. Тем более, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, подчеркивает: «Церковь должна сохранять автономность по отношению к государству, не должна становиться частью государственной машины или государственной политики. Она должна оставаться свободной, чтобы иметь возможность давать нравственную оценку, в том числе и деятельности власти» [цит. по 5, с. 279].

В то же время, как отмечал Н. Макиавелли: «Подобно тому, как соблюдение культа божества является причиной величия государств, точно так же пренебрежение этим культом является причиной их гибели» [6, с. 327], а Ильин утверждал, что церкви есть дело до всего, чем живут или не живут люди на земле. Принцип светского государства не означает полной антирелигиозной направленности или дистанцированности церкви от государства и права [7, с. 95]. Мы полагаем, что любое общество не может развиваться успешно без ясных целей и будет находиться в положении догоняющего, поэтому должно учитывать исторические реалии своего социума, в российских условиях тесно связанные с православным христианством.

С крещения Руси начиналось созидание российской государственности в полном смысле этого слова. Православное христианство позволило нашему народу устоять в условиях почти 250 летнего ордынского ига. Сергей Радонежский сыграл не меньшую роль в духовном возрождении Руси и утверждении ее независимости, чем Дмитрий Донской. По словам Л.Н. Гумилева при превращении

Руси в Россию: «..., не Москва, не Тверь, не Новгород, а русская православная церковь как общественный институт стала выразительницей надежд и чаяний русских людей независимо от их симпатий к отдельным князьям» [8, с. 795]. Под знаком православной веры была преодолена смута. Православие стояло в основе идеологии Российской империи и выжило, несмотря на 70-летний период советских гонений, оставшись частью русской идентичности, о чем свидетельствует тот факт, что по всем опросам количество православных превышает число верующих, что представляется важным в условиях глобализации, когда, выражаясь словами Н.М. Карамзина: «...Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России» [9, с. 999].

Поэтому, даже критикуя РПЦ, в которой, конечно, есть недостатки, во многом обусловленные быстрым ростом в 90-е гг. XX в., следует помнить, что она является группой давления, отстаивающей приоритет важных ценностей, таких как вера, семья, интересы русского и других православных народов нашей страны и т.д. Если данный общественный институт будет маргинализирован, это резко снизит эффективность лоббирования интересов всего православного сообщества. И хотя, в силу особенностей вероучения, РПЦ всегда была лояльна к власти, на протяжении веков она сохранила неизменной свою сердцевину – Символ Веры. В истории остался подвиг митрополита Филиппа, не смирившегося со своеволием Ивана IV Грозного, Церковь открыто выражала свою точку зрения Петру I, а во времена господства коммунистической идеологии ценой собственной жизни веру засвидетельствовали тысячи священнослужителей. Даже будучи абсолютно подавленной, Церковь оставалась со своим народом.

Роль православного христианства, как существенной составляющей русской идентичности, и РПЦ как группы давления особенно актуализируется в условиях обозначенной выше проблемы миграции, так как по мере урбанизации и последующего переезда населения из малых городов в более крупные происходит спад рождаемости. В нашей стране данный тренд обозначился даже в относительно благополучных до этого регионах Северного Кавказа и добиться расширенного воспроизводства населения в обозримом будущем вряд ли получится. Это означает, что вопрос о привлечении рабочей силы из других государств будет стоять остро, а учитывая, что в республиках Центральной Азии также отмечается переход на современную структуру семьи, то в долгосрочной перспективе это будут мигранты, имеющие слабое представление о русской культуре. В этих условиях важно создать механизм их социализации не только в таких аспектах как язык и знание законов, но и привитие ценностей принимающего общества и религия будет играть важную роль. Л.Н. Гумелев, отмечая роль православного христианства в духовной консолидации русского народа, сказал: «Именно эта духовная ценность сохранила цельность русского этноса, не давая распасться на части. И более того, вовлекала в состав новой цельности огромное количество инородцев» [10, с.164]. А учитывая важность для нашей страны демографического потенциала Украины и Беларуси актуальны слова Патриарха Кирилла, который 18 августа 2010 г. в обращении к жителям Пскова заявил: «нет отдельных народов – русских, украинцев, белорусов – а есть Русь, даже Святая Русь – единый народ, созданный когда-то из разных этнических компонентов именно силой православия. Поэтому идентичность его – не племенная, а религиозная» [цит. по 11, с.78].

В этой связи органам государственной власти и бизнесу важно оказать РПЦ поддержку в выделении земли для строительства храмов в городах-миллионниках, где оторванные от своих корней мигранты могли бы найти духовную опору. Церковь также должна занять более активную позицию в этом вопросе, не полагаясь исключительно на административный ресурс, включившись в миссионерскую деятельность на уровне каждого отдельного прихода, помогая людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. В этом вопросе показателен пример Римско-католической церкви, которая указывает на необходимость гуманного отношения к мигрантам и проводит службы с их участием и т.д. То же самое можно сказать относительно строительства часовен при учебных заведениях, в армии, больницах и тюрьмах. Нахождение их в этих учреждениях никоим образом не ограничивает свободу совести работающих или просто находящихся в них людей и способствует формированию нравственной атмосферы, заставляя многих задуматься о допустимости совершения тех или иных поступков.

Обозначенные выше процессы, связанные с сосредоточением населения в городах-миллионниках, ставят перед Церковью вопрос о внутренней организации и распределении материальных ресурсов. Это обусловлено тем, что потенциальный прихожанин крупного мегаполиса это грамотный, требовательный и рационально мыслящий человек.

Самюэль Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» на примере Южной Кореи и Латинской Америки показал, как наиболее адаптированные к современному демократическому обществу протестантские деноминации в течение нескольких десятилетий сумели обратить в свою веру значительную часть населения указанных стран [12, с. 143]. Успех им обеспечила активная миссионерская деятельность, основанная на сетевой организации приходов, опирающихся на инициативных активистов снизу. В этой связи РПЦ важно предоставить мирянам возможность более широкого участия в делах церкви. Сохраняя иерархически-централизованную вертикаль, которая является необходимым условием консолидирующей роли церкви для решения задач в условиях многонацио-

нального и многоконфессионального российского государства, следует понимать, что она не может оставаться в том же состоянии, как это имело место в XIX веке. Можно сколько угодно говорить, что церковь – это собрание верующих, однако если каждый отдельный прихожанин не будет видеть, что он может влиять на жизнь общины, то значительной частью паствы церковь будет восприниматься как бюрократическая организация, оказывающая определенные услуги своим клиентам.

Не менее опасна демонстрация элементов роскошного потребления некоторыми представителями духовенства. Этот вопрос не является новым для нашей церкви. Уже в XV в. велись споры между иосифлянами (Иосиф Волоцкий) и нестяжателями (Нил Сорский). Первые считали, что только богатая церковь способна решить стоящие перед ней задачи, нестяжатели же полагали, что богатство противоречит евангельскому идеалу бедности. Как известно, победу одержали иосифляне, однако в церкви всегда присутствовали обе категории священнослужителей, что обеспечивало ее устойчивость. Первые формировали ее материальную мощь, вторые – духовную силу. В настоящее время следует вернуться к исследованию этой проблемы с целью поиска оптимального решения, которое обеспечило богатство церкви и оградило некоторых ее служителей от поклонения не Богу, а мамоне. Для этого можно рассмотреть вопрос о возврате к практике древней церкви, когда епископ напрямую избирался верующими и, соответственно, должен отчитываться перед ними за результаты деятельности. Следует реорганизовать распределение средств приходов. Сохраняя сложившееся в нашей церкви правило назначения настоятеля храма за епископом, желательно регистрировать прихожан исходя из территории обслуживания, фиксируя вносимые ими средства (исключая анонимные пожертвования), оставив решение вопросов связанных с их распределением, за общиной в целом. Все это должно обеспечить достаток белого духовенства и скромное содержание монашества, которое должно демонстрировать образец духовной жизни грешному миру. Таким образом, мы предлагаем схему:

- богатая церковь (при контроле этих средств приходами);
- обладающее достатком белое духовенство (часто многодетное);
- бедное черное монашество (исполняющее обед христианского служения).

Важным фактором распространения веры и повышения религиозной грамотности является проведение служб на русском языке, так как православное Богослужение, всегда отличавшееся своей красотой, остается непонятным массе невоцерковленных прихожан и уж тем более людям, для которых русский язык не является родным. Важно, чтобы любой человек, впервые зашедший в храм, мог понять его смысл. В то же время, учитывая, что сохранение церковно-славянского языка – это корневая основа общеславянской культуры, можно предложить поочередное проведение служб на церковно-славянском и русском языках.

Церкви необходимо обозначить свою позицию в отношении современного состояния нашего общества, на предмет его соответствия нормам социальной справедливости с учетом требований христианской морали. Это было бы весьма актуальным, учитывая, мощнейшее политическое, идеологическое и экономическое давление, которому подвергается наша страна. Известно, религия обладает компенсаторной функцией, позволяющей примирить верующего с непростыми условиями жизни, что особенно характерно для православного христианства, с его идеалом монаха-аскета. В этих условиях, церкви важно отстаивать идеи справедливого распределения доходов и защиты социально незащищенных слоев населения. Русский народ способен выносить жесточайшие испытания, однако ситуация, когда при снижении жизненного уровня большинства населения, разрыв между доходами различных слоев населения продолжает увеличиваться, может привести к социальному взрыву.

В заключение можно отметить:

1) настоящее время характеризуется кризисом либеральной идеи, который обусловлен тем фактом, что либерализм возник на Западе и имеет в основе христианские (в первую очередь протестантские) ценности. В условиях массового наплыва людей из стран, принадлежащих другим цивилизациям и проводимой политики мультикультурализма, либеральные ценности оказались неприемлемыми для многих мигрантов;

2) Россия является неотъемлемой частью христианской цивилизации и Западного мира. Значительная часть идей заложенных в либерализме, прежде всего, духовной свободы человека, свободы убеждений, носят общехристианский характер и имеют большую ценность, в том числе и для русской культуры. В то же время, отдельные положения либеральной идеи не могут быть применимы в современной России в виду специфики ее исторического развития, поэтому нам предстоит пройти долгий путь к построению правового государства, создавая необходимые предпосылки для формирования независимого гражданского общества. В этих условиях РПЦ может сыграть значительную роль, от чего будет зависеть будущее не только нашего государства, но и церкви;

3) для решения указанных выше задач, церкви необходимо:

- активно взаимодействовать с государством в самых различных сферах, таких как работа с мигрантами, армия, медицина, семья и т.д., сохраняя при этом светский характер государства и независимость церкви;

- реорганизовать внутреннюю жизнь приходов, с целью формирования религиозно-грамотного активного прихожанина, способного к миссионерской деятельности;
- поставить материальные ресурсы по контроль приходов таким образом, чтобы: церковь, оставалась богатой организацией для решения стоящих перед ней задач; обеспечивался достаток белого духовенства; гарантировался скромный быт монашества;
- обозначить свою позицию в отношении современного состояния нашего общества, в части соотношения в нем социальной справедливости с требованиями христианской морали.

Литература

1. Сулакшин С.С. Современный либерализм: теория и российский эксперимент// Российский либеральный эксперимент: итоги и анализ. Материалы научно-экспертной сессии. Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Изд-во «Наука и политика», 2014. 208 с.
2. Захаров А.В. Либерализм и его кризис в современной российской действительности// Вестник ТГУ. Вып. 3 (39). 2005. С. 98 – 101.
3. Гаджиев К.С. Кризис или закат либерализма // Власть. 2017. № 3. С. 7 – 17.
4. Раков В.М. Протестантская этика и дух либерализма // Вестник Пермского университета. 2004. Вып. 1. С. 62-66.
5. Катин В.И. Взаимоотношения церкви и российского государства: статус-кво и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 277 – 282.
6. Макиавелли Н. Государь; [пер. с итал. Г. Д. Муравьевой, пер. с итал., вст. ст., прим. Р. И. Хлодовского, прим. М.Л. Андреева]. М. : РИПОЛ классик, 2016. 464 с. – (PRO власть).
7. Матвеева Е.С. Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России // Учетные записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. №4 (48). С. 90 – 96.
8. Гумилев Л.Н. Сочинения. М.: ООО Издательство «Астрель», 2012. 1519 с.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2013. 1024 с.
10. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. 606 [2] с.
11. Осмачко О.Г. Современная политическая доктрина Русской православной церкви // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Том I (Гуманитарные науки). С. 77 – 87.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: Изд-во АСТ, 2017. 576 с.

Vlasov Vitaly Vitalievich, candidate of political science, associate Professor of the Department of social and philosophical disciplines, Orel law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (2, Ignatova str., Oryol, 302027, Russian Federation). E-mail: vitaliyy_vlasov@ro.ru

Gorodnina Olga Sergeevna, candidate of political science, associate Professor, Department of General and applied political science, Oryol state University named after I. S. Turgenev (95, Komsomolskaya str., Oryol, 302026, Russian Federation). E-mail: ogorodnina@yandex.ru

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE POLITICAL PROCESS IN THE CRISIS OF MODERN LIBERALISM

Abstract

The article examines the origins and current state of liberal ideology in Western countries. The characteristic of the reasons that caused its crisis is given. The role of Christianity and, above all, Protestantism in the formation of the basic values of liberalism is considered. The position is argued that many liberal values are common to all countries of Christian culture and Russia is no exception, but due to the peculiarities of historical development, our country has not formed an independent civil society as a necessary condition for ensuring the rights and freedoms of man and citizen. In view of these circumstances, it is important to create conditions for its formation, including using the potential of the Russian Orthodox Church (hereinafter the ROC), as the most mass non-governmental organization.

Keywords: ROC, liberalism, migration, traditional values, Christian world, globalization, modernization, pressure group, Church reform.

References

1. Sulakshin S.S. Sovremennyy liberalizm: teoriya i rossijskij eksperiment// Rossijskij liberal'nyj eksperiment: itogi i analiz. Materialy nauchno-ekspertnoj sessii. Centr nauchnoj politicheskij mysli i ideologii. M.: Nauka i politika, 2014. 208 p.
2. Zaharov A.V. Liberalizm i ego krizis v sovremennoj rossijskoj dejstvitel'nosti// Vestnik TGU. Vyp. 3 (39), 2005. P. 98 – 101.
3. Gadzhiev K.S. Krizis ili zakat liberalizma // Vlast'. 2017. № 3. P. 7 – 17.
4. Rakov V.M. Protestantskaya etika i duh liberalizma // Vestnik Permskogo universiteta. 2004. Vyp. 1. P. 62-66.
5. Katin V.I. Vzaimootnosheniya cerkvi i rossijskogo gosudarstva: status-kvo i perspektivy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 1. P. 277 – 282.
6. Makiavelli N. Gosudar'; [per. s ital. G. D. Murav'evoy, per. s ital., vst. st., prim. R. I. Hlodovskogo, prim. M.L. Andreeva]. M. : RIPOL klassik, 2016. 464 p. – (PRO vlast').
7. Matveeva E.S. Osobennosti formirovaniya i razvitiya religioznogo pravovogo soznaniya v Rossii // Uchetnye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. №4 (48). P. 90 – 96.
8. Gumilev L.N. Sochineniya. M.: ООО Izdatel'stvo «Astrel'», 2012. 1519 p.
9. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. M.: Eksmo, 2013. 1024 p.
10. Gumilev L.N. Ritmy Evrazii: Epohi i civilizacii. M.: AST: AST Moskva, 2008. 606 [2] p.
11. Osmachko O.G. Sovremennaya politicheskaya doktrina Russkoj pravoslavnoj cerkvi // YAroslavskij pedagogicheskiy vestnik. 2014. № 1. Tom I (Gumanitarnye nauki). P. 77 – 87.
12. Hantington S. Stolknovenie civilizacij; [per. s angl. T. Velimeeva]. M.: Izd-vo AST, 2017. 576 p.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У СТУДЕНТОВ ИСЛАМСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Кашаф Шамиль Равильевич	научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения Российской академии наук (107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12); научный сотрудник Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Россия, г. Казань, ул. Пушкина, 1/55). E-mail: Kashaf@ivran.ru
Нуруллина Роза Вагизовна	кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (420012, Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36 А). E-mail: ernuru@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме формирования общероссийской гражданской идентичности у обучающихся в духовных образовательных организациях с целью интеграции мусульманского сообщества в современную общественную структуру России. Эмпирической основой послужили обзор научных публикаций по теме, анализ государственных документов и учебных программ исламских вузов, материалы фокус-группового исследования с участием магистрантов Болгарской исламской академии. Делаются выводы о необходимости серьезной методологической работы в процессе формирования социокультурной и политической идентичности мусульманской молодежи, которая испытывает проблемы самоидентификации, оказываясь объектом функционирующих в современном обществе противоборствующих идеологических дискурсов – общероссийского государственнического, западного либерального, регионального этнического, исламского интернационального.

Ключевые слова: гражданская идентичность, российская нация, национальная идентичность, исламское образование, общегражданские компетенции, патриотизм, самоидентификация российских мусульман, исламские вузы, духовные образовательные организации.

Введение

Проблема формирования российской общегражданской идентичности не теряет своей актуальности на протяжении современного периода существования российского государства. Это обстоятельство обусловлено все возрастающей полиэтничностью и поликонфессиональностью российского общества, что зачастую приводит к межрелигиозным и межнациональным противоречиям. Их предотвращению и укреплению социально-политической стабильности в стране посвящено множество научных публикаций, авторы которых считают необходимым, с одной стороны, развитие этнокультурного и религиозно-духовного потенциала всех народов, живущих в РФ, а с другой стороны, интеграцию, сотрудничество, формирование общероссийской коллективной идентичности и гражданственности.

О понятиях «российская нация» и «национальная идентичность»

Со времен Конституции 1993 г., в тексте которой было впервые употреблено понятие «многонациональный народ России», термины, обозначающие идею общероссийской гражданской идентичности, сочетали в себе не только государственное, гражданское, но и этническое значение. Это такие термины, как «единая российская гражданская нация», «российская политическая нация», «национально-государственная идентичность», «общегражданская идентичность», «общероссийская гражданская идентичность» и др. В последнее десятилетие (2010-е гг.) неоднократно делались попытки ввести в научный и политический оборот понятие «российская нация». К примеру, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве важнейшей цели обозначено «укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»¹. Также реализуется Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». На заседании Совета по межнациональным отношениям в ноябре 2016 г. было принято решение о разработке специального закона «О российской нации».

Однако данная инициатива не могла не вызвать бурную дискуссию среди специалистов, и большинство ее участников оказались не готовы к солидарной трактовке понятия «российская нация». Если в западной традиции «nation» – это, прежде всего, политическое сообщество граждан,

¹ Основные дебаты в отношении российской нации и гражданской идентичности, складывавшиеся в публичном пространстве, – от Конституции 1993 г. до Стратегии государственной национальной политики и внесенных в нее изменений в декабре 2018 г. – в частности, изложены в одной из последних работ Л. М. Дробужева [1].

то в России данная дефиниция может применяться как в значении государственной, гражданской общности, так и для атрибуции составляющих ее этносов (русских, татар, якутов и др.) [2].

Автор идеи закона о российской нации В.А. Михайлов, экс-министр Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям (1995–1998), член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, руководитель Рабочей группы по реализации Стратегии государственной национальной политики РФ, отстаивал позицию, согласно которой «российская нация» – термин не гражданско-политический, но этнический [3]. Как следствие, идея нового закона вызвала критику самых различных слоев российского общества. Для решения этого вопроса сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН под руководством В.А. Тишкова был предложен «Словарь основных понятий в области национальной политики и межнациональных отношений», в котором российская нация обозначается как «гражданско-политическая общность, консолидированная на основе исторической российской государственности, члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности, общими историко-культурными ценностями, чувством принадлежности к единому народу, гражданской ответственностью и солидарностью», а этническая общность (группа) рассматривается как «сложившаяся на основе общей культуры и языка, компактно или дисперсно расселенная на территории Российской Федерации общность людей, члены которой обладают общим самосознанием» [4]. Тем не менее было принято решение о переименовании законопроекта о единой российской нации.

Еще более неоднозначно обстоит дело с понятием «национальная идентичность». Если с большинства западных языков «nationality» переводится как «гражданство», то в русском языке начиная с Всесоюзной переписи 1926 г. категория «национальность» означает принадлежность к этнической группе. Поэтому в советской и постсоветской традиции понятия «национальная идентичность» и «этническая идентичность» зачастую рассматриваются как синонимы. И даже разработчики словаря основных понятий в области национальной политики и межнациональных отношений, которые разводят понятия «российская нация» и «этническая общность», в отношении национальной и этнической идентичности придерживаются традиционных для постсоветской науки воззрений: «Национальная (этническая) принадлежность – отнесение индивидом самого себя к определенной этнической общности на основе свободного волеизъявления» [4]. Тем не менее анализ научных публикаций последних десятилетий демонстрирует изменения, происходящие в понятийном аппарате, используемом российскими исследователями.

На сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU по запросу «национальная идентичность» было представлено всего 162 928 публикаций, из которых нами проанализированы заглавия первых 250 (2002–2019). В 75 случаях (30%) термин «национальная идентичность» использован в его этническом значении (как синоним понятия «этническая идентичность»), в 58 случаях (23,2%) – в значении «государственная (гражданская) идентичность». Также в 58 публикациях (23,2%) она обозначена как «национально-культурная», в 29 текстах (11,6%) – как «национально-государственная», в 11 (4,4%) – как «национально-гражданская». Еще в семи названиях (2,8%) применено понятие «национально-цивилизационной» (либо «наднациональной») идентичности, по одному разу встречаются идентичности: «этнонациональная», «национально-этническая», «национально-региональная», «национально-территориальная» и «личностно-национальная» (всего пять, что составляет 2% выборочной совокупности). В семи публикациях из списка (2,8%) выражение «национальная идентичность» не употребляется ни в какой форме.

Следует отметить, что основной корпус статей, авторы которых используют термин «национальная идентичность» в его этническом значении, приходится на 2005–2014 гг. (62 из 75), близкая по значению национально-культурная идентичность чаще всего встречается в публикациях 2010–2017 гг. (49 из 58). «Национальная идентичность» в значении «государственно-гражданская» активно используется исследователями в 2009–2018 гг. (50 из 58), понятия «национально-государственная идентичность» и «национально-гражданская идентичность» наиболее популярны в научных публикациях 2012–2018 гг. (32 из 40). Таким образом, если до конца 2010-х гг. понятие национальной идентичности в основном употребляется в его традиционном (для постсоветской политологии) «этническом» значении, то в последнее десятилетие ситуация начинает меняться: понимание национальной идентичности как государственно-гражданской находит все больше приверженцев. Кроме того, неоднозначная трактовка термина чаще вынуждает исследователей использовать разнообразные «уточняющие» конструкции («национально-государственная», «национально-гражданская», «национально-культурная» и пр.).

Исламские вузы как институты политической интеграции мусульманского сообщества

Анализ публикаций, посвященных проблеме становления общероссийской гражданской идентичности, позволяет выявить общественные институты, которые в наибольшей степени вовлечены в этот процесс. К их числу, помимо государственных, эксперты относят образовательные и религиозные организации. Не вызывает сомнений, что современная российская система образования

обладает возможностями в деле гражданской социализации подрастающего поколения (см.: [5-6]). Не менее важным это представляется для религиозных учебных заведений, поскольку исследователи сходятся во мнении, что в вопросе социальной консолидации российского общества нельзя не учитывать религиозный фактор [7].

По справедливому замечанию В. Ю. Зорина, «для современной России решение вопроса о политической интеграции собственного мусульманского населения связано с вопросом территориальной целостности и национальной безопасности, а также с возможностью формирования устойчивой политической системы» [8, с. 120]. Мы также в свое время отмечали, что в контексте задач национальной безопасности политика государственной поддержки религиозного просвещения и исламского образования, направленная на формирование духовного фундамента у молодежи, укрепление общероссийской идентичности, представляется одним из наиболее действенных средств, способных совместить традиции цивилизационного баланса вер и наций и высоких научных и образовательных традиций светского гуманизма [9].

Так, к примеру, при содействии Некоммерческого партнерства «Совет по исламскому образованию» и Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования в помощь функционирующим на территории ряда субъектов РФ, где для определенной части населения одним из основных маркеров идентичности выступает ислам, мусульманским духовным образовательным организациям была разработана специальная учебная дисциплина «Гражданская и этнокультурная идентичность мусульман России»¹. В ее задачи, помимо прочего, входит развитие у исламских студентов осознанной общероссийской гражданской идентичности, гражданского самосознания, гражданской ответственности, правовой компетентности и культурной идентичности. В целом курс направлен на формирование трех групп компетенций, включающих формирование убеждений и ценностей:

– Общегражданские компетенции (ОГК). Идентичность, формируемая в ходе их реализации, обозначена следующим образом: «Я как активный член гражданского общества».

– Общерегиональные компетенции (ОРК): «Я как лидер мусульманского сообщества».

– Национально-региональные компетенции (НРК): «Я как лидер национального сообщества».

Согласно пояснениям разработчиков учебной дисциплины, становление у студентов общероссийской гражданской идентичности необходимо в целях «интеграции мусульманского сообщества в современную общественную структуру России на основе равенства всех перед законом и уважения прав человека», что предполагает приобретение обучающимися общегражданских компетенций, важнейшей из которых являются осознание себя гражданином страны и ответственность за свою гражданскую позицию. Это, в свою очередь, подразумевает не только знание своих прав и свобод, способность и готовность реализовывать их на практике, но и осознание своей роли и обязанностей в обществе, умение гармонично сочетать личные интересы, интересы мусульманского сообщества, интересы государства и общества в целом, а также соотносить конфессиональные и общечеловеческие ценности, нормы исламского права и законодательство Российской Федерации и т. д. Помимо этого, в структуру общегражданских компетенций авторами дисциплины включены:

– готовность уважительно и бережно относиться к истории и культуре всех народов и всех конфессий России, толерантно воспринимать социальные и культурные различия между ними;

– умение выстраивать толерантные отношения и сотрудничать с представителями других этнических культур, религиозных конфессий, течений и направлений (при условии отсутствия ответствующих запретов в законодательстве РФ);

– понимание исторического, культурного, социального, политического контекста существования мусульманской общины.

В качестве подтверждения важности осуществления подобного образовательного проекта сошлемся на материалы, полученные в ходе фокус-группового исследования с участием магистрантов Болгарской исламской академии в октябре 2019 г. (N=31). Отвечая на вопрос о том, препятствует ли религиозность мусульман формированию общероссийской идентичности, большинство (58%) дали отрицательный ответ, тогда как 19% участников исследования противопоставили мусульманскую и общероссийскую идентичности (при 23% затруднившихся ответить).

Вместе с тем 77% магистрантов считают упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации) важной целью для мусульманского сообщества России. Это актуализирует задачу акцентирования в процессе образования и воспитания на российском историческом опыте, с учетом требований

¹ Рабочая программа дисциплины «Гражданская и этнокультурная идентичность мусульман России» для направления «Подготовка слушателей и религиозного персонала религиозных организаций». Казань: КИУ, 2019. Составители: старший преподаватель кафедры исламской теологии кафедры Российского исламского института кандидат педагогических наук Г. А. Галявиева и старший преподаватель кафедры религиозных дисциплин Казанского исламского университета Г. Х. Замалиева.

задач государственной национальной политики и, по выражению В. В. Путина, – «на собственной национальной базе, на основе нашего традиционного ислама»[10].

Однако нельзя не отметить и сложность данной задачи, заключающуюся в том, что территории страны с проживающими на них мусульманами одновременно входят в сферу влияния как исламской, так и европейской цивилизаций. Так сложилось исторически. В результате идентичность российских мусульман формируется под воздействием нескольких противоборствующих идеологических дискурсов – общероссийского государственнического, западного либерального, регионального этнического, исламского интернационального и пр. [11]. Этим обусловлены проблемы самоидентификации российских мусульман, и их преодоление представляется первоочередной задачей, требующей серьезной методологической работы.

Литература

1. Дробижева Л. М. Политика интеграции полиэтничного российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 134–146. DOI: 10.31857/S086904990005821-5
2. Тишков В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010. 25 с.
3. Михайлов В. «Российская нация» – это цель // «Life.ru». Информационный портал. URL: https://life.ru/t/%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/925148/rossiiskaia_natsiia_--_eto_tsiel (Дата обращения: 20.08.2019)
4. Крецул Р. Российской нации дали определение // Официальный сайт газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/news/687767> (Дата обращения: 20.07.2019)
5. Куликова С. В. Проблема целостности воспитательных практик, формирующих национальную идентичность российской молодежи // *Известия ВГПУ*. 2017. № 3 (116). С. 69–74.
6. Мартынова М. Ю. Образование как ресурс конструирования идентичности молодежи. Российский опыт // *Politbook*. 2014. № 1. С. 33–60.
7. Мчедлова М. М. Социальная консолидация российского общества: роль религиозного фактора // *Вестник российской нации*. 2015. № 3 (41). С. 65–80.
8. Зорин В. Ю. Мусульмане России: реалии формирования гражданской идентичности // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2016. Т. 12. № 2. С. 117–126.
9. Мчедлова М. М., Кашаф Ш. Р. Государственно-конфессиональная политика и укрепление общероссийской идентичности: пример исламского образования // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2019. № 3 (836). С. 116–138.
10. Встреча с муфтиями централизованных религиозных организаций мусульман России и руководителями Болгарской исламской академии // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56702> (Дата обращения: 26.08.2019).
11. Нуруллина Р. В. Конфессиональная модель Республики Татарстан: роль и место ислама // *Власть*. 2010. № 9. С. 113–115.

Kashaf Shamil Ravilevich, research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Department of Central Asian, Caucasus and Ural-Volga Region (12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation); research fellow, Resource Center for the Development of Islamic Education and Islamic Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University (1/55, Pushkin str., Kazan, 420008, Russian Federation). E-mail: kashaf@ivran.ru

Nurullina Rose Vagizovna, Ph.D. (Sociol.), leading researcher, Center for Islamic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (36 A, Levo-Bulachnaya str., Kazan, 420012, Russian Federation). E-mail: ernuru@yandex.ru

BUILDING UP THE RUSSIAN NATIONAL IDENTITY AMONG THE STUDENTS OF ISLAMIC TEACHING INSTITUTIONS

Abstract

The article deals with an acute problem regarding the building up and the subsequent enhancing of the Russian national identity among the students of religious Islamic institutions in the Russian Federation. The problem encompasses a wide range of aspects, not at least that of the better integration of the Russian Muslim community into the modern social structure of the Russian State. The research is based upon a critical review of the relevant works, which deal with this problem. The results of this review are analyzed from the point of view expressed in the Governmental normative acts as well as curricula of Islamic universities, results obtained from various focus group studies. In the latter were taking an active part the undergraduates from the Bulgarian Islamic Academy. The conclusion stresses the necessity of detailed methodological works regarding the actual process of building up the sociocultural and political identity of the Muslim youth in Russia. This stratum of Russian society still does not possess a clearly structured model of self-identification. As a matter of fact, it becomes an obvious target group for the bodies involved in contradictory ideological discourses, which nowadays exist in the Russian Federation. Among them are those dealing with the All-Russian State identity, the Western liberal identity, ethno-regional identity, and International Muslim identity.

Keywords: *Islamic education, general citizenship, patriotism, self-identification of Russian Muslims, Islamic universities, spiritual educational organizations.*

References

1. Drobizheva L. M. Politika integracii polietnicheskogo rossijskogo obshchestva v doktrinal'nyh dokumentah, politologicheskom diskurse i massovom soznanii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2019. № 4. P. 134–146. DOI: 10.31857/S086904990005821-5
2. Tishkov V. A. Nacional'naya identichnost' i duhovno-kul'turnye cennosti rossijskogo naroda. SPb.: SPbGUP, 2010. 25 p.
3. Mihajlov V. «Rossijskaya nacija» – eto cel' // «Life.ru». Informacionnyj portal. URL: https://life.ru/t/%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/925148/rossiiskaia_natsiia_--_eto_tsiel (Data obrashcheniya: 20.08.2019)
4. Krecul R. Rossijskoj nacii dali opredelenie // Oficial'nyj sajt gazety «Izvestiya». URL: <https://iz.ru/news/687767> (Data obrashcheniya: 20.07.2019)
5. Kulikova S. V. Problema celostnosti vospitatel'nyh praktik, formiruyushchih nacional'nuyu identichnost' rossijskoj molodezhi // Izvestiya VGPU. 2017. № 3 (116). S. 69–74.
6. Martynova M. YU. Obrazovanie kak resurs konstruirovaniya identichnosti molodezhi. Rossijskij opyt // Politbook. 2014. № 1. P. 33–60.
7. Mchedlova M. M. Social'naya konsolidaciya rossijskogo obshchestva: rol' religioznogo faktora // Vestnik rossijskoj nacii. 2015. № 3 (41). P. 65–80.
8. Zorin V. YU. Musul'mane Rossii: realii formirovaniya grazhdanskoj identichnosti // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekt. 2016. T. 12. № 2. P. 117–126.
9. Mchedlova M. M., Kashaf SH. R. Gosudarstvenno-konfessional'naya politika i ukreplenie obshcherossijskoj identichnosti: primer islamskogo obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2019. № 3 (836). P. 116–138.
10. Vstrecha s muftiyami centralizovannyh religioznyh organizacij musul'man Rossii i rukovoditelyami Bolgarskoj islamskoj akademii // Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56702> (Data obrashcheniya: 26.08.2019).
11. Nurullina R. V. Konfessional'naya model' Respubliki Tatarstan: rol' i mesto islama // Vlast'. 2010. № 9. P. 113–115.

УДК 327

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-168-173

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГЕРМАНИИ

**Макаров
Алексей
Владимирович**

аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1). E-mail: am555@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые геополитические подходы к формированию образовательного пространства в Германии. Отдельный акцент сделан на присоединение к Болонскому процессу, внедрению двухступенчатой системы образования, интенсификации научных обменов и усовершенствованию процессов управления системой образования. Особое внимание уделено имплементации международных стандартов относительно реализации концепции непрерывного образования и согласованию формальных квалификаций высшего образования.

Ключевые слова: образовательное пространство, Германия, интеграция, Болонский процесс, ЕС, квалификация, геополитика, международное сотрудничество, геополитические цели.

В современном постбиполярном мире мощные интеграционные процессы, все сильнее охватывая различные сферы жизни личности, общества и государства, требуют от системы образования адекватных ответов в контексте усиления организации подготовки современного специалиста, который способен удовлетворить требования и ожидания международного сообщества.

В свою очередь перманентная интенсификация и обострение международной конкуренции обуславливают необходимость в модернизации деятельности учебных заведений; повышении качества образования; усилении взаимодействия с реальным сектором экономики; расширении занятости выпускников; переходе от отдельных мероприятий международного сотрудничества, мобильности студентов и научно-педагогических работников к настоящей интернационализации высшего образования [1]. В данном контексте политика развития образования определяется обществом знаний, оптимальным использованием гуманитарных ресурсов, стратегией обучения в течение всей жизни, поскольку такое обучение является не только аспектом образования и профессиональной подготовки, но и основным принципом, на котором сходятся предложение и спрос во всем процессе обучения. Наличие спроса на эффективного специалиста позволяет нам говорить о том, что именно спрос будет определять формирование предложений, но эти предложения должны соответствовать современным трендам.

Таким образом, предложения, которые появляются в образовательном пространстве отдельного государства, не должны быть предложениями «вчерашнего дня».

В данных обстоятельствах не вызывает сомнения тот факт, что современная геополитическая парадигма развития образования должна иметь опережающий характер и способствовать внедрению инновационных тенденций в образовательную сферу. В соответствии с прогнозами ученых-футурологов, для XXI века характерными будут следующие основные проявления: стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, общая компьютеризация и системное программирование всех сфер производства, широкое внедрение лазерной техники и микропроцессоров, распространение телекоммуникаций с обратной связью и т.д. [2].

С учетом указанных тенденций, прогнозов и вызовов современности большинство европейских стран уже сделали свой выбор в пользу эффективного развития системы образования в пределах функционирования единого образовательного пространства. Политико-правовые и организационные аспекты этого движения на европейском континенте в течение последних десятилетий закрепились в Лиссабонской стратегии, которая нашла свою конкретизацию в процессе формирования единого европейского пространства образования и науки в рамках реализации организационно-правовых и методических мероприятий Болонского процесса [3].

Особого внимания, с учетом вышесказанного, заслуживает опыт Германии, которая была одной из стран, не только инициировавшей в свое время создание образовательного пространства, но и накопившей за последние десятилетия значительный опыт по разработке и внедрению соответствующей государственной образовательной политики. Создание общеевропейского пространства высшего образования имело решающее значение для формирования базовых основ немецкой высшей школы.

На сегодняшний день Германия находится на третьем месте в рейтинге государств, которые принимают наибольшее количество студентов из стран-членов ЕС и 63% студентов из государств не членов ЕС. По состоянию на 2018 г. примерно 250 000 иностранных студентов учатся в немецких вузах. Это на 70% больше, чем в 1995 г. Сегодня почти каждый десятый студент в Германии - иностранец, преимущественно из Восточной Европы и Китая [4]. Опыт Германии, как экономически развитой страны Европы доказывает - ее система образования является одной из самых производительных и высококачественных среди стран Западной Европы. В этой связи мы можем говорить о «рейтинговой силе» и о добавленной стоимости в образовательном пространстве самого государства - Германии.

С точки зрения геополитики формирование образовательного пространства в Германии следует рассматривать как феномен «политической конвергенции», поскольку руководство страны сознательно приняло решение о взаимном сближении и адаптации своего образовательного пространства с общеевропейским, учитывая, что суверенно разработанные пути решения проблем частично будут подвергаться радикальным изменениям.

Геополитические цели формирования образовательного пространства в Германии предусматривают: содействие мобильности, обеспечение конкурентоспособности выпускников за рубежом и их успешное трудоустройство в любой европейской стране. В целом можно констатировать, что образовательное пространство Германии положило начало европейскому пространству высшего образования и существенно изменило образовательный ландшафт всего континента.

Таким образом, исследование отдельных измерений научно-образовательного пространства Германии, с точки зрения геополитических подходов к их формированию и наполнению, составляет важную теоретическую и прикладную задачу, ведь именно результаты научно-образовательной деятельности являются фактором социально-экономического роста в глобальной экономике знаний.

Общие подходы к разработке образовательной политики Германии, ее содержанию, приоритетам, направлениям реформирования с целью усиления конкурентоспособности страны на мировом рынке не только образовательных, но и производственных услуг рассматриваются в работах В. Байденко, С. Беккера, В. Гамериса, Ю. Каменской, В. Майера, Е. Миннакера, Ю. Семеновой, П. Скотта, Х.-Д. Стайкунда, Т. Тягунова, Р. Фенди и других.

Аналізу истории становления и развития образовательного пространства в ФРГ, а также особенностям его приобщения к Болонскому процессу посвящены работы таких немецких исследователей, как В. Бауэр, Х. Бланкерц, Д. Беннер, Дж. Бласс, Ф. Брюген, Дж. Дерболав, Дж. Дитрих, Дж. Дройзен, В. Клафкеи др. Внимание ученых к данной проблематике объясняется, прежде всего, глубокими традициями развития системы образования в Германии и тем влиянием, которое оно оказывает на развитие мировой педагогической науки и практики.

Вместе с тем, несмотря на существующие наработки, требуют дополнительного комплексного анализа форматы, методы и инструменты формирования образовательного пространства Германии через призму геополитического измерения, а также исследования интеллектуально-ресурсного потенциала страны в достижении лидерства на глобальном научно-образовательном рынке, что в целом обуславливает целевую направленность статьи.

Германия – высокоразвитая страна, в которой последовательно вводится континентальная модель образования, для которой характерным является преобладание государства в сфере организации процессов финансирования и управления национальной системой образования, а также привлечение общественных структур для обсуждения перспектив развития образовательного пространства страны. В то же время активное внимание уделяется направлениям образовательной деятельности, которые непосредственно связаны с подъемом экономического и научно-технического развития страны [5].

С учетом указанных факторов, а также под влиянием ужесточения требований к модернизации высшего образования в Европе и восстановления ее конкурентоспособности, еще в конце XX в. начали очерчиваться геополитические подходы к формированию образовательного пространства Германии.

Прежде всего, они были связаны с тем, что Европа проигрывала США в борьбе за преподавателей, студентов, ученых и капиталы, которые инвестировались в систему высшего образования. Также острой актуальностью приобрела необходимость принятия четко установленных сравнительных квалификаций. Как следствие, в мае 1988 г. в Париже Юрген Рюттгерс, который был на тот момент министром образования, науки, исследований и технологий Германии, подписал Лиссабонскую конвенцию. Основу этого документа составляли три ключевых концепта: признание документов о высшем образовании, мобильность и доступ к рынкам труда стран участниц. В целом эти базовые постулаты были нацелены на повышение конкурентоспособности высшего образования в Европе.

Под влиянием указанных тенденций ключевой геополитической целью создания образовательного пространства в Германии стало формирование культурного, интеллектуального, научно-технического и социального потенциала страны и Европы в целом. Также четко очертилось стремление повысить престижность европейской высшей школы и усилить значимость роли институтов и университетов в становлении и развитии европейских культурных ценностей.

Приоритетные задачи, позволяющие на практике реализовать указанную цель, предусматривали переход к двухуровневой системе обучения в университетах, приведение традиционной немецкой структуры степеней в соответствие с международной практикой (введение новых для ФРГ научных степеней бакалавра и магистра, определение продолжительности обучения для бакалавриата (4 года) для магистратуры (2 года)).

В указанных условиях формируемое образовательное пространство в стране, с одной стороны, позволяло сохранить национальную идентичность, а с другой - закладывало основу для преодоления барьеров с целью расширения академической и научной мобильности.

С целью усиления конкурентоспособности Германии, расширения возможностей вовлечения отечественных и привлечения зарубежных докторантов, а также для того, чтобы удовлетворить растущую потребность рынка труда в исследователях с докторской степенью, еще в конце XX ст. Немецким научно-исследовательским обществом (DFG) были учреждены группы подготовки Исследователей (RTG). В рамках работы данных групп докторанты имели возможность проводить исследования и защищать диссертации. С течением времени свое развитие получили и другие подобные научно-исследовательские и аспирантские школы. Наиболее известными из них являются: школа аспирантов Нижней Саксонии, Международная Последипломная программа (она охватывает более 55 программ в 40 университетах страны), Международная исследовательская школа Макса Планка, аспирантская программа Германской службы академического обмена, финансируемая федеральным Министерством образования и исследований [6].

Особое внимание при формировании национального образовательного пространства Германии было уделено тем геополитическим ориентирам и соответствующим инструментам, которые позволили реформировать подходы по регулированию системы образования.

Так, Немецкий профессор Клаус Хюфнер, председатель консультативного органа UNESCO-CEPES, отмечает, что переход к рыночным механизмам хозяйствования и регулирования нельзя рассматривать отдельно от процессов интернационализации высшего образования Германии, начало которому было положено в 1999 г. после присоединения страны к Болонскому процессу. Также знаковым событием в данном направлении является подписание Общего соглашения о торговле услугами ВТО (CATS), в рамках которого высшее образование уже рассматривалось в качестве услуги, предназначенной для продажи [7].

Достаточно фундаментально в геопространственном измерении руководство Германии подошло к имплементации международных требований по реализации концепции непрерывного образования. При участии Европейского социального фонда и Министерства образования Германии была реализована инициатива, действующая во всех странах ЕС: «Развитие сетевого сотрудничества в регионах, которые обучаются» (Lernende Regionen – Forderung von Netzwerken), объем финансирования этой программы превышает 118 млн. евро [8]. Ее основная задача - обеспечивать под-

держку и содействие развитию региональных сетей, охватывающих образовательные инновационные институты во всех странах - ЕС, нацеленных на профессиональную подготовку и обучение, согласно концепции непрерывного образования.

Сегодня наглядно о геополитической направленности формирования образовательного пространства Германии свидетельствует тот факт, что процесс его консолидации с европейским образовательным пространством поддерживается Советом Европы, Европейской комиссией по вопросам образования в XXI веке, ЮНЕСКО, Европейским объединением университетов (EUA), Европейским объединением учреждений высшего образования (EURASHE), Объединением Союза студентов европейских стран (ESIB).

При содействии указанных организаций в Германии успешно проходят процессы согласования формальных квалификаций высшего образования и компетентностей, полученных на конкретной должности. В 1993 г. при содействии ЮНЕСКО была организована рабочая группа, целью которой являлась разработка нормативно-законодательной базы, которая обеспечивала бы взаимное признание документов об образовании, полученных в Америке и странах Европы [9]. Германия является активным участником указанной группы и внедряет все необходимые меры для признания национальных квалификаций не только в ЕС, но и в других странах и регионах мира. Опыт, накопленный Европейским национальным информационным центром по академическому признанию и мобильности, работающим при ЮНЕСКО, и Национальным информационным центром по академическому признанию, активно используется Германией для решения проблем признания квалификаций за пределами Европейского пространства высшего образования (континентальное образовательное пространство).

На сегодняшний день Германия приняла измеримые ориентиры интеграции участия обучающихся, принадлежащих к различным социальным группам. Так, к 2030 г. не менее 25% выпускников высших учебных заведений страны должны обучаться или проходить стажировку (практику) за границей [10]. Кроме того, в ближайшие годы предполагается уменьшить сроки подготовки специалистов на первом цикле обучения. Длительное обучение на первом цикле приводит к росту расходов государства и семей на получение образования, увеличению отсева обучающихся, уменьшению привлекательности высшего образования для иностранных студентов, задержке выхода выпускников на рынок труда, недемократичности системы высшего образования для студентов из социально неблагополучных слоев общества.

Особое внимание необходимо обратить на то, что с целью интеграции не только в европейский, но и в международный рынок высшего образования, Германия принимает активные меры. Это связано с привлечением иностранных студентов путем создания филиалов, использования инструментов франчайзинга (передача полномочий известного учебного заведения другому учреждению образования на национальном или международном уровне и прав использования апробированной программы, сохраняя за собой право общего контроля над содержанием и представлением программы, оценкой качества обучения). В результате в национальном образовательном пространстве Германии растет предложение транснационального дистанционного образования, которое предлагается признанным аккредитованным университетам из разных стран мира. Кроме того, как следствие интенсификации указных процессов, сейчас актуализируется потребность признания квалификаций: через Интернет, с помощью транснациональных форм образования, через комбинации традиционно и нетрадиционного обучения, через признание различных видов предварительного обучения.

Таким образом, в результате реализации широкого спектра разнообразных геополитических подходов, в Германии сегодня сформировано глубоко интегрированное по всем направлениям в международное сообщество образовательное пространство, в которое встроен достаточно мощный наднациональный механизм регулирования внутренних и внешних отношений. Не подлежит сомнению тот факт, что только при этих условиях возможна эффективная реализация концепции интеграции образования, науки и практики. Потребность в этом усилилась в результате ужесточения борьбы за лидерство в треугольнике США-Япония-ЕС, который в недалеком будущем, с включением китайского фактора, может стать квадратом.

Отдельно следует отметить, что отличительными чертами используемых Германией геополитических подходов к развитию и расширению национального образовательного пространства являются: диверсификация (наличие широкого количества вариантов содержания, методов, форм, сроков и траекторий обучения, лично ориентированных систем разноуровневых учреждений образования); демократизация (создание и поддержка системы образования на протяжении всей жизни, доступность образования); интернационализация (мобильность преподавателей и студентов, признание на международном уровне ученых званий и степеней, документов об образовании.); рост значимости и роли образования в экономическом росте страны, научно-техническом прогрессе нации и обеспечении полной занятости населения; внедрение новых информационных и образовательных технологий.

Итак, ключевыми геополитическими подходами к формированию образовательного пространства в Германии являются следующие:

а) ориентация структуры и содержания учебных планов и программ на международные перспективы. Так, согласно статистическим данным, с 1998 г. в немецких университетах и специальных высших учебных заведениях введено около 400 новых специальностей международного образца;

б) растущая инициатива по поддержке международных проектов с целью обмена опытом и обеспечения качественного образования в вузах. Германия является активным участником таких известных Европейских программ по содействию образованию в течение всей жизни, как Erasmus, Leonardo da Vinci, Grundtvig, Jean Monnet, Carlo-Schmid-Programm и других;

в) растущая мобильность студентов за счет обучения и практики за рубежом, повышение возможностей для изучения иностранных языков, особенно английского, которые реализуется не только во время интенсивного изучения иностранных языков в вузах, а также в процессе прохождения практики и обучения за рубежом в рамках обмена между вузами-партнерами и получения двойного диплома;

г) внедрение национальных рамок квалификаций с учетом главных принципов международных требований. Еще 21 апреля 2005 г. HRK, BMBWF в сотрудничестве с Конференцией министров культуры разработали и приняли документ «Квалификационные рамки для немецких дипломов об окончании высшего образования»;

е) обеспечение прозрачности и улучшение сопоставимости специальностей, предлагаемых в стране и за ее пределами благодаря: четкому разъяснению профилей квалификаций; определению начального и конечного пунктов обучения; обозначению альтернативных направлений обучения; соотношению квалификаций между собой и возможностей для развития в образовательной системе.

Литература

1. Болгова Е.В. Пространственная организация вузовской сети в мировых образовательных моделях // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. №8(467). С. 1412 – 1430.
2. Education as a lifelong process: the German National Educational Panel Study (NEPS) / Hans-Peter Blossfeld, Hans-Gunther Rossbach, editors. Wiesbaden, Germany: Springer VS, 2019. 287 p.
3. Мякинина С.Б., Поликашина О.В. К вопросу о высшем образовании в Германии и России: Болонская система образования в действии // Школа будущего. 2018. №1. С. 229 – 236.
4. 2nd survey of schools: ICT in education: Germany country report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 198 p.
5. Dusdal, Jennifer. Higher education in Germany – recent developments in an international perspective // Comparative education. 2019. Number 2. P. 292-294.
6. Васкевич Т.В. Тенденции развития европейского высшего образования: от прошлого к будущему (на примере Великобритании и Германии) // Педагогические науки. 2018. № 6(93). С. 42 – 45.
7. Mangold, Janina. Foundations in Germany: Higher Education // The American behavioral scientist. 2018. Volume 62: Number 12. P. 1695-1714.
8. Otto Hither. Higher Education in Germany - Recent Developments in an International Perspective / Otto Hither, Georg Kricken, Michael Alger. Cham: Springer, 2018 263 p.
9. Мирошниченко Н.И. Генезис высшего образования Германии // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2018. №2. С. 63 – 72.
10. Singer-Brodowski, Mandy et al Monitoring of education for sustainable development in Germany – insights from early childhood education, school and higher education // Environmental education research. 2019. Volume 25: Issue 4. P. 492 – 507.

Makarov Aleksey Vladimirovich, Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation).
E-mail: am555@yandex.ru

GEOPOLITICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF EDUCATIONAL SPACE IN GERMANY

Abstract

The article discusses the key geopolitical approaches to the formation of the educational space in Germany. Particular emphasis is placed on joining the Bologna process, introducing a two-stage education system, facilitating scientific exchanges and improving educational system management processes. Particular attention is paid to the implementation of international standards regarding the implementation of the concept of continuing education and the harmonization of formal qualifications of higher education.

Keywords: *educational space, Germany, integration, Bologna process, EU, qualification, geopolitics, International cooperation, geopolitical goals.*

References

1. Bolgova E.V. Prostranstvennaya organizatsiya vuzovskoy seti v mirovykh obrazovatel'nykh modelyakh // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2019. T. 17. №8(467). P. 1412 – 1430.
2. Education as a lifelong process: the German National Educational Panel Study (NEPS) / Hans-Peter Blossfeld, Hans-Gunther Rossbach, editors. Wiesbaden, Germany: Springer VS, 2019. 287 p.
3. Myakinina S.B., Polikashina O.V. K voprosu o vysshem obrazovanii v Germanii i Rossii: Bolonskaya sistema obrazovaniya v dejstvii // SHkola budushchego. 2018. №1. P. 229 – 236.
4. 2nd survey of schools: ICT in education: Germany country report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 198 p.
5. Dusdal, Jennifer. Higher education in Germany – recent developments in an international perspective // Comparative education. 2019. Number 2. P. 292-294.
6. Vaskevich T.V. Tendencii razvitiya evropejskogo vysshego obrazovaniya: ot proshlogo k budushchemu (na primere Velikobritanii i Germanii) // Pedagogicheskie nauki. 2018. № 6(93). P. 42 – 45.
7. Mangold, Janina. Foundations in Germany: Higher Education // The American behavioral scientist. 2018. Volume 62: Number 12. R. 1695-1714.
8. Otto Hither. Higher Education in Germany - Recent Developments in an International Perspective / Otto Hither, Georg Kricken, Michael Alger. Cham: Springer, 2018 263 p.
9. Miroshnichenko N.I. Genezis vysshego obrazovaniya Germanii // Vestnik Taganrogskogo gosudar-stvennogo pedagogicheskogo instituta. 2018. №2. P. 63 – 72.
10. Singer-Brodowski, Mandy et al Monitoring of education for sustainable development in Germany - insights from early childhood education, school and higher education // Environmental education research. 2019. Vol. 25: Is. 4. P. 492-507.

УДК 323

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-173-176

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Петрова Светлана Владиславовна доктор политических наук, доцент, декан юридического факультета, Сочинский государственный университет (354008, Россия, г. Сочи, ул. Политехническая, 7). E-mail: solus46@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы развития цифровизации российского общества, внедрение модели цифрового правительства, взаимодействия органов власти и бизнеса в форме «G2B». Обозначается, что процессы цифровизации, происходящие в Российской Федерации, являются ключевым направлением трансформации современного общества в реализации концепции доступности населения к государственным услугам и информационным сервисам.

Ключевые слова: Российская Федерация, цифровизация, информатизация, трансформация, госуслуги, глобализация, информационное общество, электронное правительство, административная реформа.

В последнее время тема цифровизации и внедрения информатизации во все сферы жизни общества стала одним из основных трендов обсуждения на всех форумах, конференциях и среди представителей экспертного сообщества Российской Федерации. Для действующих политиков вопрос цифровизации находится в практической плоскости, в которой приходится существовать, на которую необходимо ежедневно реагировать. Для научного сообщества – это вопрос функционирования политических процессов и отдельных их направлений (например, избирательных процессов – «цифровой участок», «электронная демократия» и т.п.). И здесь ключевой сложностью является нахождение оптимального сочетания традиционных демократических институтов и использования цифровых технологий в пространстве публичной политики [1].

Процессы развития информационного общества затрагивают сегодня все сферы жизни общества, являются основой развития государства и его основных направлений – экономики, политики, социальной и культурной сфер. Российская Федерация еще в 1998 г. сформировала контуры развития будущего информационного общества, что нашло отражение в документе – Концепции государственной информационной политики России¹, а также ряде других основополагающих документов: ФЦП «Электронная Россия (2002-2010 годы)»², Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 годы³, Государственная программа «Информационное общество (2011-2020 годы)»⁴.

¹ Концепция государственной информационной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/179112/> (дата обращения: 10.09.2019)

² ФЦП «Электронная Россия (2002-2010 годы)» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/184120/>

³ Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 годы [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 10.09.2019)

⁴ Государственная программа «Информационное общество (2011-2020 годы)» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 10.09.2019)

Данные документы отражают основные тенденции развития информационного общества, среди которых создание электронного правительства, развитие новых технологий цифровой связи, доступность цифровой среды в удаленных регионах (преодоление цифрового неравенства) и т.п. Изменения, происходящие в сфере цифровизации, уже переходят от количественных изменений к качественным: повышается доступность оказываемых государственных услуг, развивается цифровая грамотность населения, формируется понятие активной безопасности в виртуальном пространстве. Цифровая трансформация – длительный эволюционный процесс, который в принципе не нуждается в прямом руководстве со стороны государства, однако со стороны государства требуется существенная поддержка, особенно в компаниях с государственным участием, которые должны стать лидерами процессов цифровизации в политике и экономике.

Стремительно меняется деятельность органов государственного и муниципального управления, в том числе и в направлении деятельности электронного правительства, активно вовлеченного в процесс регулирования публичных услуг для бизнеса и предпринимательства. Формула «G2B» («Government to Business») – это современное направление деятельности органов государственного и муниципального управления по отношению к бизнесу, в рамках которого формируется линия «поставщик-получатель».

Начиная с 2000-х годов происходит административная реформа, в рамках которой началось внедрение модели электронного правительства, а также формируются инструменты информационно-коммуникационных технологий для обеспечения доступа граждан к государственным и муниципальным услугам. В частности, принятие Федерального закона «Об электронной цифровой подписи»¹ объективно способствовало существенной оптимизации реализации многих публичных процедур, таких как сдача налоговой отчетности, участие в судопроизводстве, банковских операциях и т.п. Такая персональная идентификация значительно облегчает систему документооборота, в том числе между органами власти и предпринимателями. Так, сегодня юридические лица и предприниматели имеют право представления уполномоченным органам документов на проверку не в бумажном виде, а в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Следующим важным шагом реформы стала разработка и внедрение Единой системы идентификации и аутентификации, которая позволяет идентифицировать пользователей на сайтах, предоставляющих государственные и муниципальные услуги, через единую точку доступа. В соответствии с государственной программой «Информационное общество (2011-2020 годы)»², количество пользователей электронных госуслуг должно вырасти до 85 % (от 11% стартового показателя). Очевидно позитивные тенденции сегодняшнего дня позволяют допускать такую возможность.

Большим шагом к достижению цели совершенствования системы государственных и муниципальных услуг должно стать формирование публичных услуг в сферах, которые еще нуждаются в оптимизации (Пенсионный фонд России, Фонд социального страхования Российской Федерации и др.), поскольку в международных рейтингах наша страна по некоторым позициям имеет недостаточные показатели. Так, в соответствии с рейтингом DB-2019³ имеются проблемы в информационном сопровождении судебной системы (разрешение вопросов банкротства, защита прав акционеров), налогового и таможенного администрирования. Исследователи подчеркивают, что при кажущейся простоте сервисов и относительно небольшой величине налогового бремени по сравнению с зарубежными странами, нестабильность законодательства, частота вносимых в него изменений, различие в платежных периодах и периодах отчетности по ним создают существенные сложности для людей, занимающихся бизнесом, требует привлечения дополнительных специалистов, оказывающих соответствующие услуги, что создает дополнительную нагрузку на предпринимателей. Электронное правительство должно снять напряженность в этой сфере, если соответствующие процедуры будут оптимизированы надлежащим образом [2].

Также определенную сложность в данном направлении представляет регулирование и правоприменение указанных ранее документов на региональном и муниципальном уровнях. В отдельных регионах уровень внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов управления явно оставляет желать лучшего [3]. В соответствии с концепцией электронного правительства публичные услуги регионального и муниципального уровней должны быть интегрированы в единую информационную систему, доступ к которой должен осуществляться

¹ Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 10.09.2019).

² Там же.

³ Economy Rankings / Doing Business 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения: 20.10.2019)

через федеральный портал госуслуг¹. На сегодняшний день – это является основной сложностью и требует незамедлительного реагирования.

Основными направлениями цифровой трансформации сегодня являются законодательное закрепление цифровых процессов, создание технических условий для совершенствования технологичного предоставления цифровых услуг, развитие инноваций, создание новых образовательных платформ для совершенствования компетенций, формирование мотивационной системы развития цифрового сознания. Одним из ее проявлений можно назвать институт электронной демократии, выражающийся в особой модели коммуникации органов государства и граждан через использование электронных средств [4]. В 2016 г. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (ЦИК РФ) возобновила обсуждение вопроса о введении интернет-голосования. В 2018 г. на выборах Президента РФ была апробирована система «мобильный избиратель». Электронное голосование сегодня – голосование без использования бюллетеня на бумажном носителе с использованием автоматизированной системы ГАС «Выборы». Введение и развитие системы ГАС «Выборы» позволило существенным образом обеспечить открытость и прозрачность избирательного процесса, повысить доверие населения к выборам и результатам голосования. Главным преимуществом интернетизации голосования является возможность реализации активного избирательного права гражданина, не выходя из дома, вне зависимости от присутствия на избирательном участке в день голосования. Также можно повысить долю избирателей, принимающих участие в голосовании за счет маломобильных граждан, граждан, проживающих в труднодоступной и удаленной местности. Еще одной формой электронного голосования является голосование посредством банкоматов или через отделения банков, т.к. банковские карты сегодня есть у всех (введение российской платежной системы «МИР»). Доступ по паролю банковской карты решает проблему электронной аутентификации личности владельца карты.

Но вместе с тем есть и существенные недостатки, которые могут привести и к негативным последствиям – так возникает вопрос безошибочной идентификацией избирателя в результате устранения традиционной процедуры установления личности избирателя. Данная проблема, в принципе, вполне устранима повсеместным распространением формата электронной подписи, о чем уже речь шла ранее. Самой серьезной проблемой по-прежнему остается защита от несанкционированного доступа к информации, т.к. стандартные средства коммуникации, которыми пользуются граждане, не обеспечены надежной защитой.

Важным достижением последних избирательных кампаний является использование комплексов обработки избирательных бюллетеней – технических средств подсчета голосов для электронного голосования на участках с традиционной формой голосования по бумажным бюллетеням с одновременным отражением результатов в системе ГАС «Выборы».

Меняется и система привлечения избирателей через повышение уровня электоральной активности за счет различных форм онлайн-коммуникаций, интернет-конференций, «прямых линий», страниц политических деятелей в социальных сетях и т.п. У избирателя складывается представление о близости политика к народу и его готовности в любой момент времени ответить на интересующие граждан вопросы.

Здесь тоже есть опасность – современные политические процессы показывают, что информационные технологии часто и достаточно эффективно используются как инструмент политической дестабилизации общества, смены политических режимов, манипуляции политическими настроениями отдельных социальных групп, особенно молодежи, различными популярными блогерами, роль которых в сети постоянно растет. Политической реальностью становятся интернет-революции, способные вывести людей на улицы и способствовать смене власти в стране. Решить данную проблему возможно только в том случае, если сделать избирательную систему максимально прозрачной и открытой, для того, чтобы даже не допустить возможности обвинения государственных структур в подтасовке результатов выборов, чем часто спекулируют оппозиционные структуры.

Электронное правительство сегодня – это сложная система общественных отношений, цель которых состоит в том, чтобы оптимизировать множество элементов, работающих автономно и находящихся на разных стадиях применения, в единую систему использования информационно-коммуникационных технологий. В России сегодня происходят существенные изменения в развитии института предоставления публичных электронных услуг [5]. Все больший сдвиг происходит в сторону изменения количественных показателей в качественные. Граждане государства активно

¹ Перечень государственных услуг и функций на 29.09.2018. AR.GOV.RU Совершенствование государственного управления [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/522> (дата обращения: 20.10.2019).

вовлекаются во взаимодействие с электронными сервисами посредством электронно-коммуникационных технологий и предпочитают решать свои повседневные проблемы через сервисы госуслуг. Можно говорить о том, что цифровая трансформация общества постепенно формирует модель цифрового сознания и создает условия для ее развития [6]. Однако, говорить о полном переходе к информатизации по отдельным направлениям пока невозможно, элементарно в силу неподготовленности самих граждан к таким изменениям. Поэтому государство должно активно внедрять отдельные новые технологии в политические процессы, оценивать потенциал этих средств и возможности их реального применения в организации выборов и референдумов, что будет способствовать развитию мобильности в реализации политических прав граждан.

Литература

1. Панкратов С.А., Гаврилов С.Д. Интеграция институтов публичной политики в контексте цифровизации избирательного процесса в современной России // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т.2. Вып. 3. С. 336-343.
2. Самостроенко Г.М., Миронова В.А. Развитие предпринимательства на основе межмуниципального сотрудничества с применением технологий цифровой экономики // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 166 – 177.
3. Вахтина М.А., Игнатова Т.В., Полянин А.В. Институциональный статус общественного обсуждения законопроектов в системе публичного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. № 6. С. 237 – 245.
4. Пучнин А.С. Преимущества и риски дальнейшего развития электронных технологий в сфере организации выборов и референдумов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 118 – 123.
5. Маковейчук А.В. Интернет-технологии как инструмент реализации цифровой политики в российском регионе на современном этапе // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 47 – 54.
6. Богданов В.С. Информатизация регионального управления: проблемы и перспективы // Вестник Института социологии. 2018. № Т. 9. № 2 (25). С. 27 – 47.

Petrova Svetlana Vladislavovna, Doctor of Political Science, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Sochi State University (7, Polytechnic Str., Sochi, 354008, Russian Federation). E-mail: solus46@mail.ru

POLITICAL PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION

Abstract

In the article deals with the development of digitalization of Russian society, the introduction of the model of digital government, the interaction of government and business in the form of "G2B." It is noted that the processes of digitalization taking place in the Russian Federation are a key direction of the transformation of modern society in the implementation of the concept of accessibility of the population to public services and information services.

Keywords: *Russian Federation, digitalization, information, transformation, state services, globalization, Information society, e-government, administrative reform.*

References

1. Pankratov S.A., Gavrilov S.D. Integraciya institutov publichnoy politiki v kontekste cifrovizacii izbiratel'nogo processa v sovremennoj Rossii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2018. T.2. Vyp. 3. S. 336-343.
2. Samostroenko G.M., Mironova V.A. Razvitie predprinimatel'stva na osnove mezhmunicipal'nogo sotrudnichestva s primeneniem tekhnologij cifrovoj ekonomiki // Srednerusskij vestnik ob-shchestvennyh nauk. 2018. T. 13. № 1. S. 166 – 177.
3. Vahtina M.A., Ignatova T.V., Polyaniin A.V. Institucional'nyj status obshchestvennogo obsuzhdeniya zakonoproektov v sisteme publichnogo upravleniya // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. 2018. № 6. S. 237 – 245.
4. Puchnin A.S. Preimushchestva i riski dal'nejshego razvitiya elektronnyh tekhnologij v sfere organizacii vyborov i referendumov // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2015. № 3. S. 118 – 123.
5. Makovejchuk A.V. Internet-tekhnologii kak instrument realizacii cifrovoj politiki v rossijskom regione na sovremennom etape // Socium i vlast'. 2018. № 1 (69). S. 47 – 54.
6. Bogdanov V.S. Informatizaciya regional'nogo upravleniya: problemy i perspektivy // Vestnik Instituta sociologii. 2018. № Т. 9. № 2 (25). S. 27 – 47.

**РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Попова Екатерина Александровна	доктор политических наук, доцент, декан факультета дополнительного профессионального образования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: popova@uriu.ranepa.ru
Мартемьянова Златаслава Сергеевна	аспирант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: 3lataslava@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются актуальные вопросы процесса внедрения цифровых технологий в государственное управление. Проанализирована роль политических элит в формировании институтов гражданского общества. Рассмотрены нормативно-правовые акты, регулирующие процессы цифровизации. Изучен положительный опыт зарубежных стран в сфере цифрового управления. Выявлены проблемы по формированию и развитию цифрового общества, обозначены пути решения.

Ключевые слова: *цифровизация, политические элиты, гражданское общество, цифровая трансформация, цифровые технологии, цифровое общество, общественные процессы, интеллектуальный потенциал, государственное управление.*

Общемировая тенденция по внедрению цифровых технологий в государственное управление оказывает влияние как на развитие институтов гражданского общества, так и на деятельность политической элиты в целом. Политическая элита создает условия для перехода всех процессов жизнедеятельности на более качественный, быстрый и удобный формат, посредством использования цифровых технологий в управлении.

Массовая цифровая трансформация приводит к тому, что институты гражданского общества становятся элементом цифровой системы и постоянно взаимодействуют с автоматизированными интеллектуальными системами¹. Таким образом, политическим элитам важно выстраивать механизм взаимодействия с гражданским обществом [1]. Для того, чтобы гражданское общество развивалось и функционировало перед политическими элитами стоит задача по созданию инструментов, отвечающих за развитие общественных процессов в условиях цифровизации.

Политически организованное общество понимается как взаимодействие политических акторов с институтами гражданского общества. Таким образом, перед политическими элитами стоит важная задача по формированию условий для адаптации гражданского общества к изменениям, вызванным тотальной цифровизацией. Процессы цифровой трансформации способствуют увеличению скорости управленческих решений, автоматизацию рутинных операций, поэтому важно отметить роль политических элит в формировании условий для развития интеллектуального потенциала у населения.

Институты гражданского общества как совокупность экономических, социальных, семейных, национальных, духовных и прочих отношений, способны развиваться в условиях политической и экономической стабильности государства, тем самым обуславливается их взаимосвязь [2]. Так как связь государства и общества все больше происходит посредством сети интернет, диджитал технологий, таким образом образуется цифровая матрица, где государство и общество являются главными участниками, а цифровые технологии в совокупности с соответствующей нормативно-правовой базой выступают связующими элементами.

Внедрение новых технологий (таких как облачные вычисления, большие данные, технологии блокчейн, системы искусственного интеллекта, интернет-вещей и т.д.) в повседневную жизнь побуждает политические элиты находить более совершенные и эффективные способы и методы организации своей деятельности, основанные на новых формах общественного участия и отношений, далеко выходящих за рамки чисто государственных, частных или социальных сфер. Такая новая цифровая среда предлагает возможности для развития отношений, основанных на коллаборации и позволяющих соответствующим стейкхолдерам (например, гражданам, деловым и неправительственным организациям) активно формировать политические приоритеты, сотрудничать в разработке дизайна публичных услуг и участвовать в их предоставлении для обеспечения более согласованных и комплексных решений сложных задач [3].

¹ <https://www.hse.ru/news/261722461.html>

Глобальный подход к всеобщей цифровизации предполагает развитие диджитал технологий и переход на новый уровень на благо общества. Для оценки уровня конкурентоспособности регулятора необходимо учитывать опыт стран активно развивающихся в этом направлении. Так, в Японии разработана стратегия «Общество 5.0», предполагающая интеграцию интернета вещей, искусственного интеллекта и иных технологий для улучшения жизни гражданского общества. В процессе реализации стратегии планируется собирать информацию в виде Big Data и анализировать ее с помощью искусственного интеллекта, тем самым находить верное управленческое решение. В перспективе технологический скачок приведет к развитию новых видов бизнеса и услуг, а значит, к росту экономики – например, в таких сферах, как интегрированная система социальной защиты или медицина. Для реализации технологического потенциала правительство Японии заключило договор о создании промышленного интернета с Германией и США, где страны планируют дополнять друг друга. Германия в качестве опытного промышленного производителя, США в качестве интернет поставщика. Однако, многие преобразования, связанные с реализацией стратегии «Общества 5.0» требуют законодательных дополнений¹.

В рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуются мероприятия по Цифровой трансформации государственных услуг, которые включают в себя суперсервисы для решения текущих ситуаций, возникающих у граждан и бизнес структур, а также моносервисы, отвечающие за цифровую трансформацию государственных и муниципальных услуг. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет совместно с различными девайсами и гаджетами и иными цифровыми технологиями активно вошли в повседневную жизнь и на уровне государственного управления. Цифровая трансформация системы государственного управления создана политическими элитами благодаря относительно резкому скачку развития гражданского общества в этой сфере.

На заседании президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности под председательством Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации М.А. Акимова 28 марта 2019 г. была одобрена и утверждена дорожная карта оптимизации государственных и муниципальных услуг на основе расширенного использования информационных технологий, а также перечень оптимизируемых государственных услуг, суперсервисов, матрица оценки цифровой зрелости государственных и муниципальных услуг.

Перед политическими акторами стоят задачи по разработке и внедрению дорожных карт оптимизации и цифровой трансформации приоритетных услуг и суперсервисов, по обеспечению органов власти информационными системами, по подготовке необходимых нормативно-правовых актов, позволяющих оптимизировать цифровую трансформацию государственных услуг. Ответственным органом власти за реализацию мероприятий выступает департамент развития цифрового государства Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации².

В современном обществе, где информация предоставляется достаточно быстро, почти мгновенно благодаря социальным сетям, Интернет становится важным средством политической социализации. Интернет, цифровые технологии в политическом процессе способствуют появлению большого количества общественных инициатив. Многочисленные дискуссии в интернет-пространстве не обязательно свидетельствуют о возрастающем стремлении действовать в реальном мире, однако волнения по различным критическим новостям жизни гражданского общества говорят о революционных потрясениях нового типа, в которых ключевую роль играет Интернет и цифровые технологии. Это объясняется тем, что интернет и цифровые технологии позволяют показывать происходящее без общей политической оценки, тем самым оказывая влияние на гражданское общество [2].

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни, физическое и киберпространство находятся в тесной взаимосвязи для решения социальных проблем общества [4]. Задача цифровой трансформации состоит в упрощении рутинной работы, улучшения качества жизни, посредством освобождения гражданского общества от бессмысленной работы³.

Проводя цифровую реформу, политические элиты должны учитывать наличие поддержки со стороны населения, доверия, чтобы избежать различных угроз, волнений. Процесс формирования цифрового общества должен быть открытым, вовлекающим население для оперативной обратной реакции.

На сегодняшний день уже существует ряд проблем по формированию и развитию цифрового общества:

- отсутствие корректной и актуальной нормативно-правовой базы;
- поэтапное внедрение цифровых технологий в государственное управление;

¹ <https://www.mitsubishielectric.ru> [Электронный ресурс]

² <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/854/>

³ <http://bit.samag.ru/archive/article/1954>

- наличие компетентных экспертов в области информационных технологий;
- цифровая адаптация населения.

Процессы цифровизации в различных сферах гражданского общества развиваются неравномерно, так как происходит совершенствование законодательной базы [5]. При формировании нормативно-правовой базы цифровых процессов важно:

- обеспечивать интересы всех участников;
- определить зону правовой ответственности каждого участника процесса;
- учитывать международный опыт в сфере разработки законодательной базы по регулированию отношений в условиях цифровых изменений.

Проблема адаптации населения к цифровым изменениям является необходимым условием для внедрения технологий в повседневность во все сферы жизнедеятельности [6]. Цифровая адаптация – это сложный процесс, который должен включать в себя ряд мероприятий, направленных на:

- Возможность своевременного обучения цифровым знаниям и навыкам;
- Формирование специальных цифровых компетенций;
- Повсеместный доступ к сети Интернет;
- Оперативную консультацию специалистов в области использования диджитал технологий в повседневности.

Поэтапное внедрение технологий невозможно без обучения цифровой грамотности всех участников гражданского общества. Модернизация бизнес-процессов, государственного управления и повседневности повлекла за собой необходимость в получении дополнительного образования в сфере цифровой трансформации по отраслям.

В Российской Федерации рынок образовательных технологий становится одним из самых перспективных, что сказывается на увеличении спроса в этой сфере и на повышение конкуренции образовательных организаций. Во всем мире общий размер рынка образовательных услуг каждый год составляет 6000 млрд. долл. США. Сегмент образовательных услуг в режиме онлайн растет с каждым днем, и к 2020 году 54% этого рынка будет благодаря предоставлению услуг активно развивающимися странами. В России этот рынок находится в стадии формирования, и важно отметить что регулирование этого процесса политическими элитами становится ключевым фактором его развития. На сегодняшний день 47% сделок в области образовательных технологий осуществлены благодаря государственным инициативам. В рамках Федерального проекта "Кадры для цифровой экономики" создан венчурный фонд для поддержки перспективных образовательных технологий цифровой экономики, который предполагает определение его деятельности, направленной также на развитие системы независимой оценки качества компетенций цифровой экономики, а также на отбор и поддержку образовательных стартапов¹.

Вопрос о формировании необходимых цифровых знаний и навыков, получении дополнительного образования по изучению процессов цифровизации и построения отношений, с учетом использования различных информационных технологий, в этой сфере, обуславливает необходимость создания единого агрегатора по получению цифровых компетенций для понимания структуры и модели обучения, а также для учета специфики отрасли использования данных компетенций.

В условиях использования интернет технологий в институтах гражданского общества, создание агрегатора, как единой образовательной платформы по изучению основных вопросов в рамках развития цифровых отношений становится необходимостью, поскольку существует множество направлений по обучению в сфере цифровизации процессов.

«Умные» технологии постепенно появляются во всех сферах, таким образом инновации могут повлиять на некоторые отрасли, заменяя человеческий труд технологически [7]. Становится ясно, что возникнут новые типы профессий, которые повлекут за собой необходимость получения новых знаний, навыков, компетенций. И так как данный кардинально новый формат общественного строя будет функционировать в ближайшем будущем, готовить основу и специалистов для будущих профессий, и пользователей «умных» технологий политическим элитам необходимо уже сегодня. Общество выступает ключевым звеном в новой цифровой экономической системе.

Для устойчивого развития необходимы консенсус, солидарная ответственность политической элиты и гражданского общества, государственных органов и общественных объединений, создание со стороны политической элиты широкой технологической инфраструктуры, которая позволит гражданскому обществу адаптироваться к новым условиям цифровой реальности в физическом и киберпространстве.

Таким образом, возникновение цифрового общества должно быть под контролем у представителей политической элиты, а также необходим открытый диалог между властью и гражданским обществом для корректировки процессов цифровой трансформации.

¹ https://files.data-economy.ru/Docs/Pass_EduHR.pdf «Паспорт федерального проекта "Кадры для цифровой экономики"».

Литература

1. Духина Т.Н., Шевчук В.А. Политическая элита и ее роль в обществе // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XV Международной научно-практической конференции : в 2 ч. 2018. С. 208 – 210.
2. Азнагулова Г.М., Заманов А.Р. Влияние интернет-технологий на развитие гражданского общества в современной России // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 5 (32). С. 596-600.
3. Панкратов И.Ю., Свертилова Н.В., Лидэ Е.Н. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации // Государственная служба. 2018. № 1 (111). С. 38 – 43.
4. Леонтьева О.В. Взаимное влияние политической элиты и институтов гражданского общества в Приднестровье // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1 (58). С. 114 – 119.
5. Плотников А.В. Проблемы правового регулирования цифровой экономики // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 217 – 224.
6. Любичкая В.А. Региональные проблемы цифровизации экономики // Вопросы региональной экономики. 2019. № 1 (38). С. 80 – 86.
7. Земцов С., Баранова В., Семёнова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // Журнал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Форсайт». Выпуск 13. № 2. С. 84 – 96.

Popova Ekaterina Aleksandrovna, doctor of political sciences, associate professor, dean of faculty of additional professional education, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: popova@uriu.ranepa.ru

Martemyanova Zlata Slava Sergeevna, specialist of the second category of faculty of additional professional education, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: 3lataaslava@mail.ru

**THE ROLE OF POLITICAL ELITES IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS
IN A DIGITAL ENVIRONMENT**

Abstract

The article reveals the pressing issues of the process of implementing digital technologies in public administration. The role of political elites in the formation of civil society institutions is analyzed. The regulatory legal acts governing the processes of digitalization are considered. The positive experience of foreign countries in the field of digital management is studied. The problems of the formation and development of a digital society are identified, solutions are identified.

Keywords: digitalization, political elites, civil society, digital transformation, digital technology, digital society, social processes, intellectual capacity, public administration.

References

1. Duhina T.N., Shevchuk V.A. Politicheskaya elita i ee rol' v obshchestve // Sovremennye tekhnologii: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii sbornik statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 ch. 2018. S. 208 – 210.
2. Aznagulova G.M., Zamanov A.R. Vliyanie internet-tekhnologij na razvitie grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii // Alleya nauki. 2019. T. 1. № 5 (32). S. 596-600.
3. Pankratov I.YU., Svertilova N.V., Lide E.N. Cifrovoe gosudarstvo: novaya matrica kompetencij dlya cifrovoj transformacii // Gosudarstvennaya sluzhba. 2018. № 1 (111). S. 38 – 43.
4. Leont'eva O.V. Vzaimnoe vliyanie politicheskoy elity i institutov grazhdanskogo obshchestva v Pridnestrov'e // Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018. № 1 (58). S. 114 – 119.
5. Plotnikov A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya cifrovoj ekonomiki // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. 2019. № 7. S. 217 – 224.
6. Lyubickaya V.A. Regional'nye problemy cifrovizacii ekonomiki // Voprosy regional'noj ekonomiki. 2019. № 1 (38). S. 80 – 86.
7. Zemcov S., Baranova V., Semyonova R. Riski cifrovizacii i adaptaciya regional'nyh rynkov truda v Rossii // Zhurnal Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki» «Forsajt». Vypusk 13. № 2. S. 84 – 96.

**МОЛОДЕЖЬ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ:
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

- Артамонова Яна Викторовна** кандидат социологических наук, научный сотрудник, Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 102); преподаватель, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: janaserduchenko@mail.ru
- Бинеева Наталья Камильевна** кандидат социологических наук, доцент, старший преподаватель, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160); ученый секретарь, Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 102). E-mail: n.bineeva@gmail.com
- Дьяченко Анжела Николаевна** кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160, оф. 112). E-mail: angelz2004@yandex.ru

Аннотация

В статье дается анализ социальных поведенческих установок молодежи Ростовской области по отношению к таким объектам социальной реальности, как семья, образование, труд, государство, выступающих основой социального поведения и повседневных практик. Эмпирическую основу составили материалы социологического исследования «Социальная инерционность в смыслах и практиках повседневной жизни населения регионов Юга России», проведенного Южнороссийским филиалом ФНИСЦ РАН в текущем году. На основе анализа эмпирических данных выявлено соотношение традиционных и инновационных моделей социального поведения молодежи в Ростовской области, выявлены особенности поведенческих установок молодежи в поколенческом разрезе.

Ключевые слова: социальная реальность, молодежь, социальные установки, социальное поведение, старшее поколение, Ростовская область, социальная структура, социальная динамика, жизненные стратегии.

Повышение темпов изменений современного общества, возрастающая роль научно-технического прогресса и появление новой технологической парадигмы ведут к значительному усложнению социальной реальности, развитие которой происходит по законам интеграции индивидов на основе социокультурной коммуникации, координации и обеспечения порядка в системе социальных отношений.

Актуальность анализа социального поведения заключается в важности изучения природы устойчивости и самовозобновляемости социальных взаимодействий, эффективности коллективных усилий в условиях турбулентности и рискологичности современного общества

В рамках феноменологического подхода «социальная реальность представляет собой сумму объектов и событий, которые можно наблюдать в социокультурном мире в том виде, как их интерпретируют люди, живущие повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий» [1, с. 55]. То есть социальная реальность постоянно воссоздается человеком и зависит от тех интерпретаций, которыми ее наделяет сам человек. С позиции интегративных социологических теорий «ни социальная структура, ни социальное действие не могут существовать друг без друга» и находятся в процессе постоянного взаимовлияния, посредством чего и происходит процесс воспроизводства [2].

"Онтологически общество не существует и не может существовать в неизменном состоянии. Вся социальная реальность предполагает собой просто динамику" [3, с. 156]. Социальная реальность подвержена постоянным изменениям, поскольку акторы в результате множества отношений и взаимодействий самостоятельно конструируют социальную реальность, обеспечивая непрерывность социальных изменений.

Активным субъектом социальной динамики является молодежь, которая в силу возрастных и социальных особенностей активно переконструирует социальную реальность, корректируя свое отношение к различным объектам социальной реальности – государству, семье, образованию, труду, праву.

В научной литературе накоплен большой пласт исследований, касающихся участия молодежи в процессах социального воспроизводства. Исследуются воспроизводственные, инновационные и трансляционные функции молодежи [4, с. 38-41]. Рассматривается структура ценностей, которые определяют смысловое содержание жизни современной российской молодежи [5, с. 3-13]. Анализируются социокультурные ориентации, ценностные ориентации и установки молодежи [6].

Касаясь регионального аспекта исследования молодежи Юга России, особое внимание следует обратить на работы Д.Ю. Чеботаревой, Г.А. Калиновского [7; 8; 9], где обосновывается связь жизненных стратегий молодежи Юга России с их региональным социо-экономическим статусом и историко-культурными предпосылками ментальности населения региона.

В ряде работ ставились вопросы о том, каким образом социальная реальность воспринимается и конструируется субъектами действия, как социальные, экономические, политические факторы влияют на социальное поведение [10], и в чем особенности экономического, политического и правового поведения в российском обществе [11; 12], каковы система ценностей, жизненные стратегии и функции молодежи в общественном воспроизводстве.

В рамках данной статьи поставлена цель - показать отдельные аспекты социальных установок и социального поведения молодежи, как процесса конструирования и воспроизводства социальной реальности. В качестве объекта исследования была выбрана молодежь в возрасте 18-29 лет, проживающая в Ростовской области, эмпирическую основу статьи составили результаты социологического исследования, проведенного в текущем году в регионе Южнороссийским филиалом ФНИСЦ РАН. Опрос среди молодежи и населения среднего и старшего возраста (от 30 до 70 лет) позволил провести сравнительный анализ в поколенческом разрезе и выделить особенности поведенческих установок молодежного сегмента.

Под социальным поведением мы понимаем «особый вид социальных практик, выступающих следствием ментальной интерпретации социальной ситуации и приписывания ей значений и смыслов в определенном социокультурном контексте» [13].

Социальное поведение индивида, регулируемое социальными установками, требует анализа состояния готовности личности вести себя определенным образом не только в процессе воспроизводства рутинизированных практик, но и в условиях конструирования новой реальности. Учитывая стремительные изменения в социальной жизни, опора на прошлый социальный опыт не всегда выступает основой социального поведения, а требует переосмысления и выбора новых траекторий социального действия.

В рамках исследования одна из задач была направлена на понимание того, как молодые люди представляют наиболее значимые с точки зрения их повседневности и организации социальной жизни объекты: семью, образование, государство, трудовую деятельность.

Рассматривая приватную сферу семейно-брачных отношений, следует отметить, что ценность семьи для молодежи региона остается одной из важных терминальных ценностей [14]. Когнитивно-ценностные представления молодого поколения региона о семье заключают в себе синтез традиционных и современных представлений. Обращаясь к результатам исследования, современные молодые люди выступают за эгалитарные отношения между супругами (32,4%), практически в той же мере как за признание «авторитета более сильного по характеру» супруга (26,9%), что значительно превышает роль аскриптивных признаков (по полу – 16,2%) и достигаемых (величина заработка – 9,4%) (рис. 1).

Эгалитаризация семейно-брачных отношений и индивидуализация, проявляющаяся в самостоятельности и автономности при выборе поведенческих стратегий в этой сфере, подтверждается установкой на самостоятельный выбор спутника жизни (83%), отрицание традиций многоженства (75,3%), установкой на соблюдение законов РФ при заключении брака (74,5%) и признанием права женщин реализоваться в сфере профессиональной деятельности, творчества, бизнеса и т.д., то есть за пределами домашнего хозяйства (83,6%)

Особенности поведенческих установок молодежи проявляются в контексте анализа представлений различных поколений: в отличие от молодежи, старшее поколение жителей Ростовской области в большей степени являются сторонниками соблюдения этнических традиций и норм семейно-брачного поведения. Если для 53,1% жителей в возрасте от 60 лет данные нормы приемлемы, то среди молодых людей таких позиций придерживаются всего 19,8% опрошенных.

Отношение молодых людей к образованию, на наш взгляд, выражается в их представлении о его роли в общественном воспроизводстве. По данным ФОМ, каждый третий в России считает, что высшее образование позволяет зарабатывать современным людям больше, чем тем, у кого нет высшего образования. Такие статистические данные свидетельствуют о том, что терминальная ценность образования снижается. Около трети российской молодежи придают образованию инструментальную значимость, относясь к нему как к средству получения диплома, престижа, продвижения по карьерной лестнице [15].

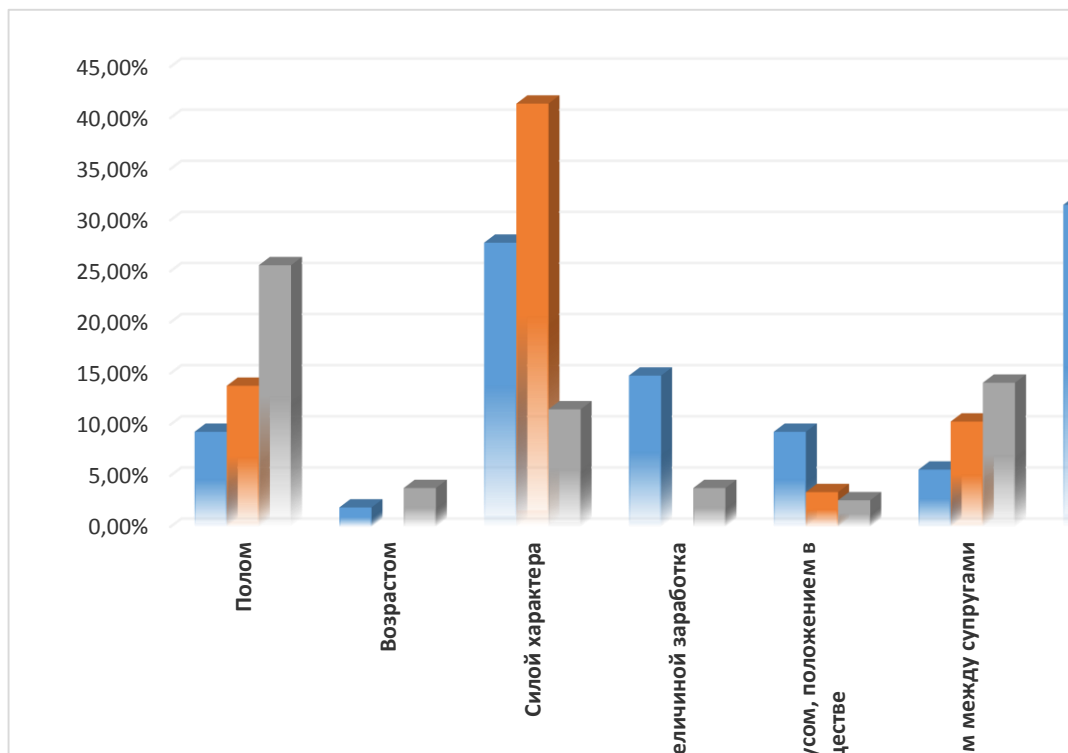

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, чем определяется роль главы семьи?», по возрасту (18-39 лет)

Большинство россиян (79%) считают, что молодым людям, окончившим школу в небольшом городе или селе, для получения высшего образования необходимо ехать в вуз более крупного города. Такая образовательная миграция знакома большинству респондентов опроса, проводимого Левада-центром в 2018 г.¹ Основным мотивом для образовательной миграции, по мнению большинства опрошенных, считается получение более качественного образования, что в дальнейшем способствует более престижному трудоустройству.

Анализ поведенческих установок молодежи в образовании показал, что более 50% молодежи региона являются сторонниками регулирования рынка труда в отношении выпускников – по их мнению, необходимо ввести практику предоставления выпускникам вузов рабочих мест; 66,8% молодых людей ориентированы на поиск места работы за пределами места своей регистрации и готовы к трудовой мобильности. На примере института образования респондентам было предложено оценить, насколько те или иные традиционные для советского общества модели функционирования социальных институтов востребованы в наши дни. По результатам исследования видно, что большинство молодых жителей Ростовской области считают, что деятельность института образования на сегодняшний день должна соответствовать традиционным практикам советского прошлого. Об этом свидетельствуют следующие данные: 76,7% респондентов утверждают, что обучение в школах должно осуществляться по единой образовательной программе, независимо от региона, 74,7% считают, что учитель – это основной источник знаний, 54,6% полагают, что получение высшего образования должно гарантировать успешное трудоустройство, 42,3% выступают за введение единой школьной формы (рис. 2).

Продолжая рассуждения о социальных поведенческих установках молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности нельзя не затронуть сферу труда. Конструируя образ труда, более 70% молодых людей считают, что лучше иметь стабильное место работы, но при необходимости они готовы его поменять. Наиболее эффективными каналами трудоустройства по мнению молодежи является семья (51,1%) или знакомые (47%), обладающие социальным капиталом, гарантирующим успешное трудоустройство или непосредственное обращение к работодателю (64,6%). В то время как государственные институты, созданные для решения вопросов занятости населения пользуются у молодежи минимальным доверием и эффективны только с точки зрения 21,6% респондентов.

¹ Образовательная миграция [Электронный ресурс] // Левада-центр URL: <https://www.levada.ru/2018/05/21/obrazovatel'naya-migratsiya/>

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Выскажите свое отношение к представленным суждениям о сфере образования», по возрасту (18-39 лет)

Автономность и самостоятельность как интегральные качества современного молодого человека проявляются в установках опрошенных молодых людей по поводу инструментов и способов карьерного роста. По мнению молодежи Ростовской области карьера в большей степени зависит от профессиональных качеств, высокой работоспособности и инициативности самого работника, а протекция родственников влияет на карьерный рост в меньшей степени (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что из нижеперечисленного может оказать наибольшее влияние на карьерный рост?», %

Варианты ответа	Процент
Непрерывное профессиональное самосовершенствование	53,3
Амбициозность, инициативность	53
Высокая работоспособность	53,6
Получение дополнительного образования	17,6
Наличие личных связей	31,6
Протекция родственников, родителей	21,1
Помощь земляков, представителей моего народа	14,6
Неформальные отношения с руководством	11,6
Партийная принадлежность	2,6

Рассматривая отношение молодежи к государству, следует отметить, что в правовом сознании жителей исследуемого региона, независимо от возраста, закон связан с регуляцией отношений со стороны государства (80,5%). Оценивая роль государства в жизни общества, молодежь Ростовской области утверждает, что они привыкли рассчитывать на собственные силы и полагают, что смогут обеспечить себя и свою семью самостоятельно (61,6%), а вот люди старшего поколения (63,7%), наоборот, полагают, что поддержка государства необходима, хотя и среди молодого поколения, особенно в возрасте 25-30 лет, более 50% тоже считают, что поддержка государства необходима и без нее выжить будет трудно. Если посмотреть на распределение ответов в утверждениях молодых людей, касающихся готовности ограничить свои интересы во имя интересов страны и общества, тут личные интересы на несколько приоритетней (9,3%), чем интересы страны (табл. 2). Сравнивая распределения ответов по возрастным группам, можно увидеть, что, несмотря на высокий уровень патерналистских настроений среди жителей Ростовской области, молодежь реже, чем старшее поколение, готова пожертвовать собственными интересами, но разница в данном соотношении небольшая – 6%. Представления 70% молодежи региона о роли государства и частной инициативы в экономических отношениях базируются на том, что цены большинства товаров должны формироваться в зависимости от ситуации на рынке, а не устанавливаться государством, хотя представители старшего поколения считают по-другому, что скорее всего связано с опытом советского прошлого.

**Соотношение мнений респондентов о необходимости ограничения личных интересов
во имя общества и государства**

Варианты ответа	Проценты
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	70,7
Личные интересы – это главное для человека	79,3

Мы уже отмечали, что по результатам исследования видно, что молодые люди, хотя и рассчитывают на собственные силы в решении многих вопросов, все-таки считают поддержку государства необходимой, а это в свою очередь означает, что молодежь области ориентируются на управленческие практики государства, считая их сильными. Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют, что жители исследуемого региона испытывают запрос на практики управления, характерные для сильного социального государства. Обращаясь к ответам на вопрос: «Как Вы думаете, что из перечисленного должно гарантировать гражданам государство?», мы видим, что 99% молодых респондентов полагают, что государство должно гарантировать гражданам бесплатную медицинскую помощь, 97,6% – предоставление социальной помощи, 80,3% – обеспечивать прожиточным минимумом. Ответы на данный вопрос демонстрируют солидарность между различными поколениями. Но если мы обратим наше внимание на распределение ответов, связанных с готовностью полностью отдать свои права и свободы государству, то тут мы увидим, что 73,8% молодежи отметили, что государство должно гарантировать свободное участие в политической жизни страны; а также 60,8% молодых людей выделили, что хотят получить от государства свободный доступ к любой информации.

Отношение молодежи к контролю со стороны государства за деятельностью тех или иных организаций выражается в преобладании в установках молодежи исследуемого региона формы государственного управления или государственно-частного партнерства. Из ответов респондентов видно, что к частному сектору управления так и не выработалось доверительного механизма в сознании как молодых жителей, так и населения более старшего возраста Ростовской области (табл. 3).

Таблица 3

**Распределения ответов респондентов на вопрос: «Как Вы думаете, какие организации должны
быть в ведении государства, а какие – частного сектора?», % (возраст 18-39 лет)**

Варианты ответа	Государством	Частным сектором	И государством, и частным сектором
Добывающие отрасли	69,6	13	24,6
Пенсионные фонды	61,3	7,3	31,4
Электростанции	58,8	9,5	31,6
Школы	68,8	4,6	26,6
Вузы	59	8,2	32
Медицина	49,4	5,4	45,2
Металлургические и машиностроительные заводы	45,6	25,8	28
Транспорт	45,9	17,3	36,7
Банки	41,6	15,6	42,7
Эксплуатация жилищного хозяйства	39,6	11,5	48,9
Телевидение	26,3	32,1	41,5
Производство продуктов питания	24,6	30	44,7
Газеты	19,8	34,1	45,9
Театры, музеи, библиотеки	18,8	14,7	56,1

К сферам, где молодые люди хотят видеть в большей степени государственное влияние, считаются такие, как добывающие отрасли, сфера пенсионного обеспечения, электротехническая промышленность, а также сфера образования. Регулирование соответствующих областей со стороны государства чаще хотят видеть малообеспеченные слои населения, которые в целом выражают достаточно высокий уровень недоверия частному сектору. Среди тех областей, где респонденты допускают государственно-частное партнерство, преобладают сферы, направленные на обслуживание хозяйственно-бытовых нужд населения.

Итак, результаты проанализированных нами эмпирических данных свидетельствуют о том, что в социальных поведенческих установках молодежи исследуемого региона преобладает активность, инициативность, мобильность, рациональность, предприимчивость, ориентация на жизненный успех и личные достижения. То есть, в большей степени молодым людям присуща либеральная модель социального поведения, хотя не исключены и консервативные взгляды по отношению к объектам социальной реальности.

Изменения, которые происходят в обществе, позволяют молодым людям конструировать социальную реальность, выбирая наиболее удобную для себя модель социального поведения. По итогам исследования видно, что в приватной сфере семейно-брачных отношений молодые люди Ростовской области ориентируются на эгалитарную модель семьи. Образование для молодежи приобретает все большую инструментальную значимость, но при этом не теряется и ее терминальная ценность оставаясь в сознании молодежи основным источником знания. В установках молодежи Ростовской области получение качественного образования должно гарантировать трудоустройство и в целом прослеживается социальный запрос на регулирование государством системы пенсионного обеспечения, медицины, образования, а также востребованности управленческих практик, направленных на организацию трудоустройства, социальной помощи и обеспечение жильем.

Литература

1. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия». 2004. 1056 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2003. 528 с.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
4. Чупров В.И. Проблема социального развития молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Молодежная Галактика. 2014. № 11. С. 38 – 41.
5. Зубок Ю. А., Чупров В.И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т.4, № 3, 2018. С. 3 – 13.
6. Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социс. 2013. № 10. С. 52 – 61.
7. Чеботарева Д.Ю. Жизненные стратегии студенческой молодежи Юга России : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Ростов н/Д., 2006.
8. Калиновский Г.А. Факторы формирования правовой культуры учащейся молодежи средних городов Юга России: дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. Ростов-на-Дону, 2001.
9. Денисова Г.С., Бинева Н.К., Денисова А.В., Клименко Л.В., Таурова Н.Р., Петрулевич И.А., Чеботарева Д.Ю. Студенческие практики конструирования стратегий и стилей жизни: социологические очерки. Ростов-на-Дону, 2013. 186 с.
10. Галкин А.А. Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант // Вестник Института социологии. № 1. 2015. С. 13 – 33.
11. Андреевкова А.В. Политическое поведение россиян (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. № 4. 2010. С. 4 – 25.
12. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: Монография / Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. 366 с.
13. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549 – 9559.
14. Молодая семья в Ростовской области (по результатам социологического исследования): коллективная монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Изд-во: «Социально-гуманитарные знания». Москва-Ростов-на-Дону, 2011. 150 с.
15. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 41 – 57.

Artamonova Yana Viktorovna, Researcher, South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (102, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation); university lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: janaserduchenko@mail.ru

Bineeva Natalya Kamilevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation); Scientific Secretary, South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (102, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: n.bineeva@gmail.com

Dyachenko Angela Nikolaevna, candidate of philosophical, Senior researcher at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: angelz2004@yandex.ru

YOUTH IN THE ROSTOV REGION UNDER THE CONDITIONS OF CHANGING REALITY: FEATURES OF SOCIAL SETTINGS AND SOCIAL BEHAVIOR

Abstract

The article gives an analysis of the social behavioral attitudes of the youth of the Rostov region in relation to such objects of social reality as family, education, labor, and the state, which are the basis of social behavior and everyday practices. The empirical basis was the materials of the sociological study "Social Inertia in the Meanings and Practices of Everyday Life of the Population of the Regions of the South of Russia", conducted by the South Russian Branch of the Federal Scientific and Research Center of RAS this year. Based on the analysis of empirical data, the correlation of traditional and innovative

models of social behavior of youth in the Rostov region is revealed, the features of the behavioral attitudes of youth in the generational context are revealed.

Keywords: social reality, youth, social attitudes, social behavior, senior generation, Rostov region, social structure, social dynamics, life strategies.

References:

1. SHyuc A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom. M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya». 2004. 1056 p.
2. Giddens E. Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii. M. : Akademicheskij proekt, 2003. 528 p.
3. SHtompka P. Sociologiya. Analiz sovremennoogo obshchestva: Per. s pol'sk. S.M. CHervonnoj. M.: Logos, 2005. 664 p.
4. CHuprov V.I. Problema social'nogo razvitiya molodezhi v usloviyah izmenyayushcheysya social'noj real'nosti // Molodezhnaya Galaktika. 2014. № 11. P. 38 – 41.
5. Zubok YU. A., CHuprov V.I. Smyslzhiznennye cennosti v kul'turnom prostranstve rossijskoj molodezhi // Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie. T. 4, № 3, 2018. P. 3 – 13.
6. Omel'chenko E.L. Solidarnosti i kul'turnye praktiki rossijskoj molodezhi nachala HKHI veka: teoreticheskij kontekst // Socis. 2013. № 10. P. 52 – 61.
7. CHEbotareva D.YU. ZHiznennye strategii studencheskoj molodezhi YUGa Rossii : dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.06. Rostov n/D., 2006.
8. Kalinovskij G.A. Faktory formirovaniya pravovoj kul'tury uchashcheysya molodezhi srednih gorodov YUGa Rossii: dis. ... kand. sociol. nauk : 22.00.06. Rostov-na-Donu, 2001.
9. Denisova G.S., Bineeva N.K., Denisova A.V., Klimentko L.V., Tairova N.R., Petrulovich I.A., CHEbotareva D.YU. Studencheskie praktiki konstruirovaniya strategij i stilej zhizni: sociologicheskie ocherki. Rostov-na-Donu, 2013. 186 p.
10. Galkin A.A. Obshchestvennoe soznanie, nastroyeniya i politicheskoe povedenie: rossijskij variant // Vestnik Instituta sociologii. № 1. 2015. P. 13 – 33.
11. Andreenkova A.V. Politicheskoe povedenie rossiyan (chast' 2) // Monitoring obshchestvennogo mneniya. № 4. 2010. P. 4 – 25.
12. Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshchestve: Monografiya / Otv. red. A.V. Lubskij. Rostov n/D: Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 366 p.
13. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549 – 9559.
14. Molodaya sem'ya v Rostovskoj oblasti (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya): kollektivnaya monografiya / Otv. red. YU.G. Volkov. Izd-vo: «Social'no-gumanitarnye znaniya». Moskva-Rostov-na-Donu, 2011. 150 p.
15. Zubok YU.A., CHuprov V.I. Izmenyayushchayasya social'naya real'nost' v krizisnom rossijskom obshchestve // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2017. T. 10. № 1. P. 41 – 57.

УДК 101.8

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-187-191

КОНЦЕПТ ДЕСТРУКТИРОВАНИЯ В МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

**Бережная
Наталья
Викторовна**

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: kafedra.fmn@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится анализ методологического концепта деструктурирования, экстраполированного на процессы децентрализации и деконструкции современной культуры. При деструктурировании культурных универсалий одновременно происходит децентрализация и деконструкция культуры в целом. Деструктурирование в методологии анализа подразумевает, что иерархические противоположности метафизического мышления являются конструкциями или идеологическими «накладками», матрицами, основанными на бинарных оппозициях культурных текстов и смыслов. Концепт деструктурирования в методологии анализа раскрывает значения, метафизические конструкции и иерархические оппозиции, которые всегда оказываются неустойчивыми из-за их зависимости от предельно произвольных смыслов. Деконструкция культуры содержит децентрализацию и деконструкцию, и не означает разрушение, это анализ современных культурных универсалий и смыслов, чтобы обнаружить их истинное значение.

Ключевые слова: концепт деструктурирования, методология анализа, современная культура, децентрализация культуры, деконструкция культуры, самотождественность культуры, современная цивилизация, логоцентризм, духовная свобода.

В 1990 году в лекции «Национальность и философский национализм» один из основателей постструктурализма и центральных авторов философии постмодерна, Жак Деррида определил болевые точки развития современной цивилизации: «Самоопределение, самоотождествление нации всегда принимает форму философии... Она может напомнить о себе, как философия спонтанная, философия невыраженная, но которая образует очень заметный конституированный рисунок неэмпирического отношения к миру, некий универсальный дискурс, который локально воплощается и представляется одной нацией, но закономерно декларируется на другие» [1]. В этой цитате

весьма примечательно сочетание целого узла фундаментальных проблем, которые имеют отношение не просто и не столько к философии, сколько к состоянию культуры конца XX века. А также своеобразного «конца эпохи», одним из диагностов которого и является Ж. Деррида.

«Всякий философский «проект», по Ж. Деррида, структурируется, конструируется, очерчивается для того, чтобы свидетельствовать и указывать на другие проекты (прошлые, настоящие и даже будущие), на то, чем они обосновываются... Таким образом, появляется первое понятие «деконструкция» [2]: реконструируя другие проекты на свой манер, проект одновременно деструктурирует и деконструирует их», – пишет критик Ж. Деррида В. Штегмайер [3, с. 68].

Отметим, что Ж. Деррида привносит в философию постмодерна совершенно новый принцип. В авторском варианте он называется «деконструкция», и здесь в самом уже термине можно очень легко увидеть причины его появления, не говоря уже о самом принципе, который стоит за данным термином.

Собственно говоря, философия постмодерна имеет основания в хайдеггеровской деструкции. Это центральное понятие самого Мартина Хайдеггера и мы можем утверждать, что философия постмодерна проходит путь от деструкции М. Хайдеггера к деконструкции Ж. Деррида. Это факт, однако, уточним хотя бы вкратце, что подразумевает М. Хайдеггер под деструкцией.

Деструкция М. Хайдеггера – это его центральный проект по деструкции собственно метафизики, в которой сущее, по мнению М. Хайдеггера, заслонило собой бытие. Собственно говоря, стремление М. Хайдеггера и то, что все его творчество покорило этому стремлению возродить онтологию, присущую еще в античности, и впоследствии уже в поздних школах античности утраченное, это и есть деструкция [4]. Разрушить незыблемость категорий истины, субъекта, объекта, субъект-объектной связи, познания – вот деструктурирующее стремление М. Хайдеггера.

Один из известных отечественных исследователей В. Бибихин [5], говорит о том, что деструкция М. Хайдеггера была сырой и дикой, он получал метафизику из недр, собственного бытия, вырывая некоторые элементы с первозданных слоев. Это, конечно, метафора, но метафора очень точная относительно деструктивного проекта Хайдеггера. Однако Ж. Деррида идет дальше, и он значительно более рафинированный, чем его учитель и, одновременно, строгий оппонент. С Ж. Деррида происходит, собственно, особая ситуация, он предлагает принцип деконструкции не только относительно философских систем, но и в отношении культуры как таковой.

Что имеется в виду, когда речь идет уже о проекте Ж. Деррида, о деконструкции? Центральный термин Деррида, которым объясняет механизм деконструкции – это знаменитое *differanse*, уже не менее знаменитое, чем хайдеггеровское *Dasein*, и вошло в философский лексикон современности вполне полноправно.

Деконструкция, сочетание противоположных понятий построения и деструкции, считается важнейшим элементом постструктурализма. Ж. Деррида объединил французские слова «*déstruction*» и «*construction*» в художественное слово «*déconstruction*» [6, с. 16-17]. И вот этот дуальный термин, по сути, является ключом к пониманию деконструкции философии и современной культуры.

Так «деконструировать» философию для Ж. Деррида – значит «продумать структурированную генеалогию ее концептов последовательным образом...» [6, с. 14-15]. Ж. Деррида подчеркивает во многих своих книгах то обстоятельство, что философия на протяжении веков всегда имела центральную категорию. Это мог быть дух, идея, разум, это могла быть материя, это мог быть логос и т.д.

Искомая центральная категория являлась своего рода, во-первых, системообразующим началом, а, во-вторых, логическим центром. Вот против этого логоцентризма, по выражению Ж. Деррида, он и выступает с помощью своей деконструкции и с помощью ключа к ней, а именно – *differanse* [6, с. 22].

Логоцентризм есть ни что иное, как попытка превратить культуру в систему, когда некоторое логическое начало указывает культуре, то какой она должна быть. И тем самым культура приобретает не просто схематический контур некоторого структурного образования, она приобретает рамки, которые сковывают ее. Но дело не только в том, что эти рамки ограничивают развитие культуры, дело в том, что реципиенты, которые находятся в культуре, вынуждены проявлять себя и воспринимать культуру именно по прописанным кем-то законам.

В культуре властвуют различия, то есть собственно *differense* в своем первом значении. Это вовсе не означает вседозволенность относительно культурных универсалий, но это означает значительно более сложную ситуацию вседозволенности самих культурных текстов и смыслов.

Вседозволенность собственно культурных текстов порождает другой текст, и столкновения с ним создает третий, и так – до бесконечности. Здесь возникает некоторая ассоциация с концепцией культурного взрыва Ю.М. Лотмана [7]. Однако Ю.М. Лотман подразумевает нечто иное. У него – культуры, сталкиваясь, порождают некоторое новое состояние, но это не значит, согласно Ю.М. Лотману, что так может продолжаться до бесконечности.

Ж. Деррида в данном случае определяет значительно более широкое пространство культурной деконструкции, потому что самопорождение текстов и смыслов, которые провоцируют и производят друг друга, возникает у него как основной принцип бытия культуры.

Более того, принцип, который фактически является относительно культуры самодостаточным, не способен установить некоторый единственный культурный смысл, который присущ тому или иному тексту. Именно бесконечная взаимопорождаемость и взаимостолкновение текстов вызывают мощные смысловые потенции для развития современной культуры.

Смысл невозможно однозначно установить, можно только различать некоторые состояния смыслов, которые никогда не сводятся к инварианту, перетекают друг в друга. Это, по сути, напоминает некоторый пульсирующий океан в знаменитом «Солярисе» С. Лемма [8], что бесконечно порождает и смывает собственные образы и творения. Возможно, в этом смысле Ж. Деррида и прав, ведь грань культуры действительно никто установить не может. И когда мы говорим, и Ж. Деррида утверждает, что культура обладает мощным потенциалом самодвижения, очевидно, имеется в виду примерно такой образ. Но если следовать подобным размышлениям, то собственно в философии не может быть системы. И системная философия практически растворяется в философии. Когда мы говорим «философская система», мы всегда имеем в виду некоторое жесткое построение, в котором «соответствие» является основным связующим словом, и в которой одно положение с необходимостью происходит из другого, в результате чего мы получаем более или менее замкнутую конструкцию, которая содержит некоторую авторскую мысль о мире, бытие человека.

Когда мы говорим философия, мы тем самым предполагаем значительно более свободное, близкое к эссе рассуждение, в котором иллюзии, метафоры и ассоциации порождают живое тело культуры, совсем не обязательно поднимаясь к философской терминологии. К подобной философии тяготеет постмодерн. Поскольку философия предполагает большую возможность интерпретации, она, в отличие от философской системы, является интерпретационным полем, где возможны столкновения любых точек зрения, и ни одна из этих точек зрения не претендует на чрезмерную легитимность.

Здесь вполне уместно вспомнить знаменитый труд Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [9], где он рассуждает с этих же позиций, говоря о том, что философия как единая методология теряет легитимность. И делает она это как раз, и прежде всего потому, что философия, порождает нарративы и метанарративы, подсознательно или сознательно формирует именно те позиции, которые нравятся власти, и которые путем массовых коммуникаций насаждаются в общественное или массовое сознание. По мнению Ж.Ф. Лиотара, философия должна добровольно отказаться от своих претензий подобного рода и признать собственную нелегитимность. «Нет универсального метаязыка, проект «система-субъект» провалился, а проект освобождения ничего не может сделать с наукой» [10]. Иными словами, философия должна от строгой системности перейти к философии, ведь философия, с точки зрения власти, совсем не легитимна.

Философия свободная по определению, и по сути дела тем самым философия освобождается и от единой методологии. Однако здесь возникает вопрос: возможна ли методология в случае отказа от системы и перехода к свободным философам? Конечно, нет. Однако методология отрицания тоже есть определенная методология. Здесь следует отметить, что философия всегда национальна, ведь, как говорит Ж. Деррида, кроме философии профессиональных философов, есть еще философия народа, его «дух», его «земля», или «почва», его «ядро» [11]. И вот здесь не случайно, что в упомянутой лекции Ж. Деррида, как раз и говорится о том, что в философии конца XX века вновь остро поднимается проблема национального. В этом контексте Ж. Деррида обращается к одному весьма известному произведению И.Г. Фихте, под названием «Речи к немецкой нации» [12].

Таким образом, когда Деррида говорит о национализме философии и о странном парадоксе, который возникает между региональной философией и философией универсальной. Он по сути дела апеллирует к состоянию самой культуры, которая уже до 90-го года XX века была глобализированной, но которая ощущала на себе некоторую тенденцию влияния региональной обособленности. Это можно называть попыткой культуры сохранить определенную самотождественность, самоидентичность, но не расплескать в бесконечно пронизываемом и прозрачном мире свою идентичность.

Деррида деконструирует все западно-метафизическое мышление в традиции М. Хайдеггера, его «деструкции истории и онтологии», которое он называет логоцентризмом. Ж. Деррида рассматривал всю историю логоцентризма как цепь замещений одного понятия центра другими, столь же метафорическими понятиями. Философию он оценивает лишь как версии логоцентризма, который для него всегда является принятием порядка смысла. Также структурализм не отделился от логоцентризма, поскольку структура не задумана без центра, в котором запрещена перестановка и трансформация элементов. Это табу философ хочет нарушить и поставить на место жесткого центра бесконечную игру разногласий.

Ж. Деррида, опираясь на «Веселую науку» [13] Ф. Ницше, выступает за игру культуры «из знаков без ошибок, без истины, без происхождения, открытых действительному толкованию» [14]. При этом он берет от структурализма метод разложения на классические философские противоположности, иерархии которых, однако, «отменяются двойным смыслом и двойным выражением» [15]. Эта двойная стратегия призвана выявить внутренние противоречия метафизического мышления,

воплощенного в универсалии современной культуры. Одним из простых является ницшеанская деконструкция причинности, которая представляет собой фундаментальный принцип культуры.

Таким образом, необходимо отметить что, по мнению Ж. Деррида, философия всегда происходит из языка. В современной культуре возникает особое явление – философская идиома, т.е. то, что образует пределы «неперекладности» с одной философской системы в философскую систему, сложившуюся на другом языке [11, с. 128-129]. Здесь вполне уместно вспомнить «Dasein» (Здесь-бытие) Мартина Хайдеггера, которое абсолютно понятно в немецком языке, но вызывает большие затруднения у переводчиков, которые должны донести глубинный смысл этого хайдеггеровского неологизма-категории, скажем, на русском языке.

М. Хайдеггер действительно делает методологическую попытку создать философию языка, которая должна обладает способностью быть «пересаженной» в своей девственности и целостности на почву другого языка – неважно, русского, французского или английского. Вопрос возможности реализации этой попытки очень глубок и, очевидно, создание подобной философии языка еще только впереди, и в весьма отдаленном будущем и, главное, в непростой перспективе.

Вернемся, однако, к лекции Ж. Деррида «Национальность и философский национализм», поскольку она наиболее точно характеризует состояние философии не только в 1990-м г., но и на современном этапе, как методологии деконструирования [11, с. 31]. Когда Ж. Деррида обращается к И.Г. Фихте и его знаменитой «Речи к немецкой нации» [12], он имеет в виду то, что немецкая философия является носителем духа свободы (Geist der Freiheit), а именно – духовной свободы (geistige Freiheit). При этом этнический немец, не владеющий духом свободы, согласно И.Г. Фихте, немцем не является. А кое-кто, кто не этнический немец, но обладает этим духом свободы, является немцем по призванию [12].

Надо отметить, что это, в общем-то, вполне приемлемая позиция И.Г. Фихте, высказанная им еще тогда, когда «пантеон» великих немецких философов-классиков находился в состоянии расцвета.

Так, у Ф. Ницше «сверхчеловек», несомненно, принадлежит к немецкому этносу, несмотря на весь свой всемирный масштаб и практически безграничную внутреннюю и внешнюю свободу. И даже один из самых выдающихся мыслителей XX века, М. Хайдеггер, снова возвращается к теме «почвы». И эта «почва» опять же немецкая, ведь только с немецкого языка, с немецкой поэзии, и такого любимого М. Хайдеггером, Ф. Гельдерлина возникает истинность бытия, которую М. Хайдеггер пытается возродить в своей фундаментальной онтологии [4].

Ж. Деррида, как замечательный барометр, улавливает сложное и парадоксальное состояние культуры конца XX века. Глобализация наступает. Но индивидуальность пытается сохранить и отстоять себя. Отметим, что Ж. Деррида отлично понимает это, поскольку не он один, но и многие его современники, которые относятся к разряду выдающихся представителей постмодернизма – и Лиотар [9], и Делез [16], и многие другие, хорошо чувствуют, что культура идет к кризису и деконструкции.

Дескрипция состояния современной культуры заставляет упомянутых авторов отойти от традиционного существования философии, от той методологии, которая казалась незыблемой в течение двух с половиной тысячелетий, и найти то, что позволит преодолеть «разрыв» самой культуры. И уже в этом стремлении, в интенции «по-другому» заключается одна из наиболее классических черт постмодерна, диагностирующего время вовсе не с целью это время вылечить, а просто с целью выйти в другое измерение рефлексии культуры.

Не трудно заметить, что кроме явных постструктуралистских проявлений и, в общем-то, очень четкой симптоматики разрушения традиций в культуре и перехода культуры в ситуацию постмодерна, мы должны вспомнить и то, что Ж. Деррида реализует и еще одну позицию. Она основывается на искусстве постмодерна, а точнее в искусстве авангарда. Поскольку целый ряд художников и литераторов в окружении Ж. Деррида, с которыми он активно общался – это именно те художники, которые сбрасывают каноны классического авангарда и переходят в состояние другого, очевидно, именно это состояние и называется постмодерном. В данном случае Ж. Деррида стремится к некоторому объединению, ведь в основе мысли как таковой стоит вовсе не ratio, а стоит метафора.

Метафора есть возможность выразить одно через другое, никогда не опускаясь до инвариантного смысла [17]. Метафоры, переходящие друг в друга, порождают самодвижение культуры, формируют ее бытие, а также и самодвижение восприятия реципиентов, которые погружены и находятся в этой культуре. Отсюда возникает новый синтез философии и литературы, и, собственно, в философском творчестве Ж. Деррида реализует этот принцип, ведь в самых известных его работах мы никогда не найдем жестких или системных рассуждений в духе Г.В.Ф. Гегеля, и даже М. Хайдеггера. Ведь последний при всем своем стремлении к неологистичности языка и радикального сброса традиционной философской терминологии, тем не менее, в своих основных работах был последовательным и жестко логичным.

В заключение следует отметить, что один из самых отъявленных оппонентов Ж. Деррида, имеется в виду Ж. Делез [18], по своей стилистике делает то же самое, что делает и Ж. Деррида – создает иную, деструктурированную философию. А философия становится другой только в том

случае, когда наступает другая культура, и поэтому классики постмодерна в разных стилях, оппонирова друг другу, иногда доходят до совершенно противоположных умозаключений, с безошибочной точностью диагностируют еще никому неизвестное состояние культуры.

Литература

1. Derrida J, La voix et le phenomene. P., 1967. P. 136-137.
2. Derrida J, Some statements and truisms about neologisms, newisms, postisms, parasitisms, and other small seisms / In: David Caroll (ed.), The states of "theory". History, Art, and Critical discourse. N.Y., 1990. – p. 325.
3. Штегмайер В., Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс (Перевод Маркова Т.Б.). // Герменевтика и деконструкция. / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б.В. СПб: 1999.
4. Хайдеггер М., Бытие и время; пер с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. 503 с.
5. Бибихин В.В. Хайдеггер // Знание – сила. 1989. № 10. С. 60 – 68.
6. Деррида Ж. Импликации (беседа с Анри Россом) // Деррида Ж. Позиции. М: Академический проект, 2007. 160 с.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: АСТ, 2019. 272 с.
8. Лемм С. Солярис. М.: АСТ, 2014. 288 с.
9. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М: Алетея, 2016. 160 с.
10. Lyotard J. Le Postmoderne. P. 1985. P. 99.
11. Деррида Ж., Позиции. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.
12. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 350 с.
13. Ницше Ф. Веселая наука. СПб.: Азбука СПб, 2015. 346 с.
14. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007. 496 с.
15. Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект. 2012. 376 с.
16. Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет ; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
17. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с.
18. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.

Berezhnaya Natalya Victorovna, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: kafedra.fmn@yandex.ru

THE CONCEPT OF DESTRUCTURING IN METHODOLOGY ANALYSIS OF DECENTRALIZATION AND DECONSTRUCTION MODERN CULTURE

Abstract

The article analyzes the methodological concept of destructuring extrapolated to the processes of decentralization and deconstruction of modern culture. During the destructuring of cultural universals, decentralization and deconstruction of culture as a whole occur simultaneously. Restructuring in the analysis methodology implies that the hierarchical opposites of metaphysical thinking are constructs or ideological matrices based on binary oppositions of cultural texts and meanings. The concept of destructuring in the analysis methodology reveals meanings, metaphysical constructions, and hierarchical oppositions, which always turn out to be unstable due to their dependence on extremely arbitrary meanings. The deconstruction of culture contains decentralization and deconstruction, and does not mean destruction, it is an analysis of contemporary cultural universals and meanings in order to discover their true meaning.

Keywords: *concept of destruction, methodology of analysis, modern culture, decentralization of culture, deconstruction of culture, self-identity of culture, modern civilization, logocentrism, spiritual freedom.*

References

1. Derrida J, La voix et le phenomene. P., 1967. P. 136-137.
2. Derrida J, Some statements and truisms about neologisms, newisms, postisms, parasitisms, and other small seisms / In: David Caroll (ed.), The states of "theory". History, Art, and Critical discourse. N.Y., 1990. – p. 325.
3. SHtegmajer V., ZHak Derrida: dekonstrukciya evropejskogo myshleniya. Balans (Perevod Markova T.B.). // Germenevtika i dekonstrukciya. / Pod red. SHtegmajera V., Franka H., Markova B.V. SPb: 1999.
4. Hajdegger M., Bytie i vremya; per s nem. V. V. Bibihina. M.: Akademicheskij proekt, 2011. 503 p.
5. Bibihin V.V. Hajdegger // Znanie – sila. 1989. № 10. P. 60 – 68.
6. Derrida ZH. Implikacii (beseda s Anri Rossom) // Derrida ZH. Pozicii. M: Akademicheskij proekt, 2007. 160 p.
7. Lotman YU.M. Kul'tura i vzryv. M.: AST, 2019. 272 p.
8. Lemm S. Solyaris. M.: AST, 2014. 288 p.
9. Liotar ZH.F. Sostoyanie postmoderna. M: Aletejya, 2016. 160 p.
10. Lyotard J. Le Postmoderne. P. 1985. P. 99.
11. Derrida ZH., Pozicii. M.: Akademicheskij Proekt, 2007. 160 p.
12. Fihite I.G. Rechi k nemeckoj nacji. SPB.: Nauka, 2009. 350 p.
13. Nicshe F. Veselaya nauka. SPb.: Azbuka SPb, 2015. 346 p.
14. Derrida ZH. Pis'mo i razlichie. M.: Akademicheskij proekt, 2007. 496 p.
15. Derrida ZH. Polya filosofii. M.: Akademicheskij proekt. 2012. 376 p.
16. Delez ZH. Logika smysla. M.: Raritet ; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 480 p.
17. Avtonomova N.S. Filosofskij yazyk ZHaka Derrida. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011. 510 p.
18. Delez ZH., Gvattari F. CHto takoe filosofiya? M.: Akademicheskij proekt, 2009. 261 p.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ*****Вялых
Никита
Андреевич**

кандидат социологических наук, докторант, доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

**Беспалова
Анна
Александровна**

кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: anna_isir@mail.ru

Аннотация

В статье представлено социологическое измерение особенностей поведения молодежи в сфере здравоохранения на Юге России. Раскрываются ключевые элементы индивидуальных параметров, определяющих поведенческие паттерны молодежи в сфере здравоохранения на Юге России (по результатам эмпирического исследования). Делаются выводы о противоречивой динамике самосохранительного поведения молодежи: с одной стороны, представители молодого поколения обладают базовыми навыками и знаниями в сфере здоровьесбережения, признают необходимость и важность соблюдения здорового образа жизни, с другой стороны, демонстрируют преимущественно пассивные практики сохранения и укрепления здоровья.

Ключевые слова: потребители медицинской помощи, социальное поведение потребителей медицинской помощи, молодежь, Юг России, здравоохранительная активность, медицинская активность, здоровьесбережение, самосохранительное поведение.

Всесторонний анализ представлений молодежи о здоровом образе жизни, определение специфики ее поведения в сфере здравоохранения, индикация здоровьесберегающих и здоровьеразрушающих повседневных практик представляются особенно своевременными и практически необходимыми задачами для науки и институтов социального управления общественным развитием. В подтверждение этому тезису можно выделить как минимум две причины, характерные для российского общества. Первая из них – продолжающиеся реформы в системе здравоохранения и связанная с ними необходимость пересмотра политики и роли государства, а также других системообразующих социальных институтов, прежде всего, семьи, религии, образования, здравоохранения и СМИ в этом процессе.

Отдельные аспекты функционирования здравоохранения и управления здоровьем в молодежной среде являются предметом множества научных исследований. Весомый вклад в изучение социальных проблем здоровья и здравоохранения на Юге России внесли научные труды представителей ростовской региональной социологической школы (А. В. Верещагина, Н. Х. Гафиатулина, М. А. Никулина, Л. В. Сажина, С. И. Самыгин, Б. Е. Олехнович, Е. А. Петрова, М. Н. Полторак, Е. В. Приз и др.) [1-10]. Можно выделить несколько ключевых направлений исследований, которые нашли отражение в работах этих авторов. К ним относятся: рассмотрение здоровья молодежи, как отдельной социальной группы, с точки зрения его влияния на национальную безопасность; отдельные аспекты самосохранительного поведения молодых людей, в частности ценностные и социальные факторы, оказывающие влияние на поведение молодежи в сфере здравоохранения; рынок отдельных видов медицинских услуг, как отдельное социальное явление, его взаимосвязь с социальными факторами, влияющими на уровень здоровья, а также, социально-правовые аспекты поведения молодежи в сфере здравоохранения. Однако проблематика, связанная с социологическим измерением особенностей поведения молодежи в сфере здравоохранения именно на Юге России нуждается в более детальном и в то же время комплексном изучении с учетом макроконтекста и особенностей развития региона [11].

В качестве региона исследования выбран Юг России, поскольку социальные процессы и изменения, происходящие в нём, с одной стороны, носят системный характер, наблюдаются в России в целом, а с другой стороны, существует ряд отличий, которые заслуживают пристального внимания исследователей. Своевременная и качественная социологическая диагностика призвана предотвратить возможные или предложить решение уже существующих социальных проблем в отдельных сферах общества, в том числе и в сфере здравоохранения. Проблемное поле формирования повседневности здорового образа жизни молодежи во многом обнаруживается в противоречии между институциональной средой, которая нормирует способности и возможности молодого человека удовлетворять свои потребности в физическом, психическом, социальном и духовном здоровье и установками, детерминирующими практики здравоохранительной активности.

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе» (Соглашение № 075-15-2019-1051).

Прежде чем перейти собственно к эмпирическому анализу социальных практик молодежи в сфере здравоохранения необходимо очертить теоретико-методологический бэкграунд научного исследования и операционализировать ряд понятий. Солидаризируясь с точкой зрения отечественных исследователей, отметим, что в рамках социологии медицины и здравоохранения ученые отдают предпочтение рассмотрению вопросов не на макроуровне, а на микроуровне с использованием локального, личностного подхода. Иными словами, в центре внимания оказываются индивидуальные параметры, факторы, детерминирующие социальное поведение потенциального пациента в зависимости от определенных жизненных ситуаций.

Отдельно стоит отметить вопрос, получивший наибольшую разработку в рамках отечественных исследований. Речь идет о различных аспектах доступности медицинской помощи, оказания медицинских услуг, прежде всего, акцент делается на объективных и субъективных факторах. Кроме того, стоит разграничить круг вопросов, который изучается в рамках объективистской и субъективистской методологии. Так, объективисты среди ключевых факторов степени доступности медицинской помощи выделяют экономические, географические, культурные и организационные. Приверженцы субъективистской методологии делают акцент на индивидуальных характеристиках (пол, возраст, образование, профессиональный статус, ресурсный потенциал), которые оказывают влияние на поведение потребителей медицинской помощи. В результате в социологических исследованиях акцент смещается, как правило, либо на изучение географической и физической доступности медицинской помощи, либо на выявление ресурсных возможностей ее потребителей [12].

Ниже будет представлено аналитическое описание ключевых элементов индивидуальных параметров, определяющих поведенческие паттерны молодежи в сфере здравоохранения на Юге России (по результатам проведенного нами социологического исследования). Опрос проводился с целью выявления специфики социального поведения жителей Юга России в различных сферах, в т.ч. в сфере здравоохранения. С плотным аналитическим описанием предмета обследования и развернутыми интерпретациями полученных данных можно ознакомиться в монографическом исследовании научного коллектива [13].

Прежде всего, обратим внимание на данные, отражающие особенности поведения молодежи в оценке степени ответственности отдельных агентов за здоровье людей (табл. 1). Группу консервативных представлений по выборке в целом составляют варианты «работодатель» (7,1 %), «государство» (39 %), «лечебно-профилактические учреждения и медицинский персонал» (12,5 %), а либеральных – «сам человек» (31,6 %) и «страховые медицинские организации» (9,8 %). Молодые южане в меньшей степени склонны делегировать ответственность за здоровье другим агентам по сравнению с другими возрастными группами опрошенных.

Таблица 1

Распределение агентов, несущих основную ответственность за здоровье человека (по возрастным группам)

<i>На Ваш взгляд, кто несет основную ответственность за здоровье человека? (%)</i>					
	Общее распределение	18-29	30-45	46-59	60 +
Работодатель	7,1	6,4	6,0	7,8	8,8
Государство	39,0	29,5	36,2	46,4	48,6
Страховые медицинские организации	9,8	10,9	10,8	5,1	10,5
Лечебно-профилактические учреждения и медицинский персонал	12,5	12,2	12,3	11,1	14,3
Сам человек	31,6	41,0	34,7	29,6	17,8

Для молодежи Юга России, как и для населения региона в целом, характерна крайне низкая степень медицинской активности. Основанием для такого вывода могут служить следующие показатели: наличие постоянного врача в поликлинике по месту жительства; распространенность практик личного использования Интернет-ресурсов для записи на прием к врачам; посещение медицинских организаций с профилактической целью.

Согласно результатам исследования, более половины молодых южан (54,7 %) не имеют постоянного врача в поликлинике по месту жительства, с которым они могут решать вопросы личного здоровья, причем каких-то значимых отклонений от результатов по остальным возрастным группам не выявлено (табл. 2).

Невзирая на довольно широкий охват медицинских организаций электронными регистратурами, только 35,3 % жителей Юга России используют сервисы Интернет для записи к врачу, однако вполне предсказуемо, что младшие возрастные группы чаще используют Интернет-ресурсы для записи на прием к врачам (табл. 3).

Таблица 2

**Наличие/отсутствие постоянного врача в поликлинике по месту жительства
(по возрастным группам)**

<i>У Вас есть постоянный врач в поликлинике по месту жительства, с которым Вы советуетесь по всем или многим вопросам Вашего здоровья? (%)</i>					
	Общее распределение	18-29	30-45	46-59	60 +
Есть	43,8	45,3	42,2	40,7	46,1
Нет	56,2	54,7	57,8	59,3	53,9

Таблица 3

**Количество респондентов, использующих Интернет-ресурсы лично
для записи на прием к врачам (по возрастным группам)**

<i>Используете ли Вы лично Интернет-ресурсы для записи на прием к врачам? (%)</i>					
	Общее распределение	18-29	30-45	46-59	60 +
Да, использую	35,3	43,2	40,9	31,7	21,4
Нет, использую	64,7	56,8	59,1	68,3	78,6

Для выявления социальных представлений и особенностей поведения молодежи в сфере здравоохранения на Юге России представляется важным рассмотреть то, как себя ведут респонденты в ситуации заболевания. Согласно результатам исследования процент людей, предпочитающих сразу обращаться в платные клиники и/или к частнопрактикующим врачам достаточно высок (23,5 %). Когда заболевают, выбирают самостоятельный способ лечения, не обращаясь к врачам, более трети опрошенных по Югу России (35,1 %). Кроме того, среди способов лечения жители отмечают обращение к нетрадиционной медицине (7,7 %). Пассивную стратегию, пустить все «на самотек» выбирают 6,0 % опрошенных. Ниже в табл. 4 показано, что молодежь реже обращается к народным целителям, нетрадиционной медицине, но чаще ничего не предпринимает в случае заболевания либо обращаются в платную клинику и/или к частнопрактикующим врачам.

Таблица 4

Способы поведения в ситуации заболевания, недомогания (по возрастным группам)

<i>Что Вы обычно делаете, когда заболеваете? (%)</i>					
	Общее распределение	18-29	30-45	46-59	60 +
Обращаюсь в платную клинику и/или к частнопрактикующим врачам	23,5	27,1	27,7	18,9	17,0
Лечусь самостоятельно, не обращаясь к врачам	35,1	38,5	36,2	34,7	30,0
Обращаюсь к народным целителям, нетрадиционной медицине	7,7	2,8	6,3	8,7	14,7
Обращаюсь в поликлинику, больницу по месту жительства	54,2	50,9	50,3	58,4	60,2
Ничего не делаю, все пускаю «на самотек»	6,0	8,2	5,3	6,0	4,2

Как показал опрос, большинство молодых респондентов (58,5 %) в течение года до проведения опроса не обращалось ни разу в медицинские организации с профилактической целью, не испытывая каких-либо симптомов заболевания или недомогания (табл. 5). И вновь мы обращаем внимание, что какой-то корреляции с возрастом в ответах на данный вопрос нет. Склонны предположить, что отсутствие значимых отличий в распределениях на ряд вопросов, в которых эти отличия предполагались, подтверждает выдвинутое нами концептуальное положение о дуальности объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на социальное поведение в сфере здравоохранения.

Таблица 5

Профилактическая активность населения Юга России (по возрастным группам)

<i>За последний год Вы обращались хотя бы один раз за медицинской помощью (консультацией врача, вакцинацией, процедурами, обследованием и пр.) с профилактической целью, не испытывая каких-либо симптомов заболевания или недомогания? (%)</i>					
	Общее распределение	18-29	30-45	46-59	60 +
Да, обращался (-ась)	38,4	41,5	36,0	35,3	39,8
Нет, не обращался (-ась)	61,6	58,5	64,0	64,7	60,2

Следующим моментом, на котором стоит заострить внимание является распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что человек, имеющий сравнительно большие финансовые ресурсы, должен иметь возможность получить медицинскую помощь более высокого качества, чем

человек со сравнительно меньшими финансовыми ресурсами?». По результатам ответов жителей Юга России большинство (67,6 %) не согласилось с этим тезисом, примерно поровну распределились лояльные к дифференциации качества медицинской помощи по критерию платежеспособности пациентов (17,6 %) и те, кто затруднился с выбором ответа (14,8 %). Надо признать, что среди молодежи не наблюдается каких-то категоричных суждений в сравнении с другими возрастными когортами, однако бросается в глаза более высокий процент воздержавшихся от однозначного ответа (табл. 6).

Таблица 6

Представления о справедливости в сфере потребления медицинской помощи

<i>Согласны ли Вы с тем, что человек, имеющий сравнительно бóльшие финансовые ресурсы, должен иметь возможность получить медицинскую помощь более высокого качества, чем человек со сравнительно меньшими финансовыми ресурсами? (%)</i>					
	Общее распределение	18-29	30-45	46-59	60 +
Скорее согласен	17,6	15,6	18,8	15,9	19,7
Скорее не согласен	67,6	65,6	65,4	73,4	68,3
Затрудняюсь ответить однозначно	14,8	18,8	15,4	10,8	11,9

Подводя итоги анализа социальных представлений и особенностей поведения молодежи в сфере здравоохранения на Юге России можно сделать ряд выводов. Среди молодых жителей наблюдается понимание того, что ни государство, ни работодатель не способны взять на себя всю ответственность за здоровье человека. Здоровье – это предмет личной ответственности, сам индивид выступает в качестве главного «агента здоровья», постепенно перестраивается к новым условиям функционирования системы здравоохранения. Тем не менее сохраняется некоторая амбивалентность общественного сознания молодежи по отношению к сфере здравоохранения. Несмотря на то, что молодежь быстрее других социальных групп адаптируется к рыночной экономике здравоохранения, исследование выявило существенную долю тех, кому присущи негативные установки по отношению к этому явлению, а также склонность перекладывать ответственность за личное здоровье на других агентов. Также необходимо отметить, что уровень позитивной медицинской активности молодежи Юга России находится на достаточно низком уровне, что соответствует данным по региону и по России в целом. Об этом свидетельствуют данные о профилактических обращениях в медицинские организации, распространенности альтернативных поведенческих практик в случае заболевания (самопомощь, бездействие).

Таким образом, можно говорить о противоречивой динамике самосохранительного поведения молодежи: с одной стороны, представители молодого поколения обладают базовыми навыками и знаниями в сфере здоровьесбережения, признают необходимость и важность соблюдения здорового образа жизни, с другой стороны, демонстрируют преимущественно пассивные практики сохранения и укрепления здоровья, связанные в основном с представлениями о здоровье как физическом благополучии. Подобные парадоксы и противоречия формирования культуры здоровья в молодежной среде обусловлены не только контекстуальными, но и в немалой степени поведенческими факторами. Реакция молодых людей на социальные изменения является в большей степени осознанной, а поступки рациональными.

Литература

1. *Верещагина А.В., Гафиятулина Н. Х., Самыгин С. И.* Проблемы формирования здоровья российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности: социологический дискурс // Национальное здоровье. 2015. № 1. С. 53 – 61.
2. *Гафиятулина Н.Х.* Интегративная модель социального здоровья студенческой молодежи: теоретико-методологическое обоснование исследования // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3. С. 61.
3. *Никулина М.А.* Биоэтика и социология: институциональный диалог. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2015. 470 с.
4. *Олехнович Б. Е., Самыгин С. И., Олехнович И. Б., Олехнович Б. Б.* Актуальные социально-правовые аспекты существования рынка психолого-психотерапевтических услуг // Вестник Донского государственного технического университета. 2012. Т. 12. № 3 (64). С. 78 – 86.
5. *Петрова Е.А.* Институциональный подход в социологии (на примере института здравоохранения) // Социально-гуманитарные знания. 2013. №. 11. С. 420 – 426.
6. *Полторак М.Н.* Самосохранительное поведение учащейся молодежи в условиях ценностной трансформации российского общества: методологические проблемы исследования // Теория и практика общественного развития. 2010. №. 1. С. 126 – 133.
7. *Сажина Л.В., Шарауров И.В.* Детерминанты здоровья индивида: начало социологического анализа // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 321 – 324.
8. *Седова Н.Н., Навроцкий Б.А., Приз Е.В.* Задачи социологии медицины в изучении технологий" human enhancement" //Социология медицины. 2016. Т. 15. №. 2. С. 87 – 90.

9. Приз Е.В., Фисенко В.Л. Изучение отношений между врачом и пациентом методами социологии медицины // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2011. № 3. С. 116 – 118.
10. Неделяева Н.Н. Влияние здоровья как ценностной ориентации на формирование массового сознания // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 255 – 262.
11. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Состояние здоровья в Европе и России: общественный контекст и социальные неравенства // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 19 – 43.
12. Вялых Н.А. Потребление медицинской помощи в современной России: многомерный методологический конструкт социологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. N 1. С. 170 – 181.
13. Лубский А.В. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017. 452 с.

Vyalykh Nikita Andreevich, Candidate of Sociological Sciences, Postdoctoral Student, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Bespalova Anna Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: anna_isir@mail.ru

SOCIAL PERCEPTIONS AND THE FEATURES OF THE YOUTH BEHAVIOR IN THE FIELD OF HEALTH CARE IN THE SOUTH OF RUSSIA

Abstract

The article presents the sociological dimension of the youth behavior in the field of healthcare in the South of Russia. The key elements of individual parameters that determine the behavioral patterns of the youth in the field of healthcare in the South of Russia are revealed (based on the results of an empirical research). The authors come to the conclusion that the contradictory dynamics of the youth self-preserving behavior is observed. On the one hand, young people have basic skills and knowledge in the field of health protection, recognize the need and importance of healthy lifestyle; on the other hand, they realize predominantly passive practices of maintaining and promoting of health.

Keywords: consumers of health care, social behavior of consumers of health care, youth, South of Russia, health activity, medical activity, health protection, self-preserving behavior.

References

1. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N. H., Samygin S. I. Problemy formirovaniya zdorov'ya rossijskoj molodezhi v kontekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: sociologicheskij diskurs // Nacional'noe zdorov'e. 2015. № 1. P. 53 – 61.
2. Gafiatulina N.H. Integrativnaya model' social'nogo zdorov'ya studencheskoj molodezhi: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie issledovaniya // Inzhenernyj vestnik Dona. 2014. № 3. P. 61.
3. Nikulina M.A. Bioetika i sociologiya: institucional'nyj dialog. Rostov n/D: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2015. 470 p.
4. Olekhovich B. E., Samygin S. I., Olekhovich I. B., Olekhovich B. B. Aktual'nye social'no-pravovye aspekty sushchestvovaniya rynka psihologo-psihoterapevticheskikh uslug // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2012. T. 12. № 3 (64). P. 78 – 86.
5. Petrova E.A. Institucional'nyj podhod v sociologii (na primere instituta zdravoohraneniya) // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2013. №. 11. P. 420 – 426.
6. Poltorak M.N. Samosohranitel'noe povedenie uchashchejsya molodezhi v usloviyah cennostnoj transformacii rossijskogo obshchestva: metodologicheskie problemy issledovaniya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2010. №. 1. P. 126 – 133.
7. Sazhina L.V., SHaraurov I.V. Determinanty zdorov'ya individa: nachalo sociologicheskogo analiza // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. № 2. P. 321 – 324.
8. Sedova N.N., Navrockij B.A., Priz E.V. Zadachi sociologii mediciny v izuchenii tekhnologij" human enhancement" // Sociologiya mediciny. 2016. T. 15. №. 2. P. 87 – 90.
9. Priz E.V., Fisenko V.L. Izuchenie otnoshenij mezhdu vrachom i pacientom metodami sociologii mediciny // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Estestvennye nauki. 2011. № 3. P. 116 – 118.
10. Nedelyaeva N.N. Vliyanie zdorov'ya kak cennostnoj orientacii na formirovanie massovogo soznaniya // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2012. № 1. P. 255 – 262.
11. Rusinova N.L., Safronov V.V. Sostoyanie zdorov'ya v Evrope i Rossii: obshchestvennyj kontekst i social'nye neravenstva // Sociologicheskij zhurnal. 2014. № 4. P. 19 – 43.
12. Vyalyh N.A. Potreblenie medicinskoj pomoshchi v sovremennoj Rossii: mnogomernyj metodologicheskij konstrukt sociologicheskogo issledovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2016. N 1. P. 170 – 181.
13. Lubsckij A.V. Mental'nye programmy i modal'nye modeli social'nogo povedeniya na YUge Rossii. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2017. 452 p.

ДИНАМИКА И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014-2019 ГОДАХ

Гонтаренко Надежда Николаевна	младший научный сотрудник, Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 102). E-mail: gontarenko1986@mail.ru
Асланов Яков Андреевич	кандидат социологических наук, и.о. директора Института социологии и регионоведения, и.о. проректора по воспитательной работе и реализации молодёжных программ, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: aslanov@sfedu.ru
Стукалова Дарья Николаевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 102). E-mail: darstuk_@mail.ru

Аннотация

На примере данных региональных СМИ и социологических исследований анализируется динамика, структура и основные проблемы международного миграционного потока в Ростовскую область в 2014-2019 годах. Делаются выводы о состоянии основных векторов миграционного потока в область и о роли внешних вызовов в росте мигрантофобии населения.

Ключевые слова: международная миграция, Ростовская область, трудовая миграция, «стрессовая» миграция, образовательная миграция, интеграция мигрантов, миграционная политика, мигрантофобия, кризис на Украине, рынок труда.

С начала 2014 года международные миграционные процессы в России и государственная миграционная политика широко обсуждаются среди специалистов в этой области и средствами массовой информации. Обусловлена данная дискуссия прежде всего влиянием на динамику миграционного потока в страну таких процессов, как политический кризис на Украине, и спад экономики последних пяти лет, вызвавших как обострение конфликтных вопросов, так и повышение криминогенной обстановки и формирование в сознании общества мигрантофобии. Непосредственным объектом таких острых дискуссий по международному миграционному вопросу выступала напряженная ситуация с украинскими беженцами, сложившаяся в Ростовской области в рассматриваемый период.

Являясь «воротами на Кавказ» и буферной зоной с развитой авиа-, железнодорожной, автомобильной, морской, речной, транспортной системой – Ростовская область выступает как центральный узел пересечения миграционных потоков в Россию с ее западных, восточных и южных границ. В современных условиях социально-экономического развития Ростовской области существенно возросла роль международной миграции, оказывающей влияние как на показатели рынка труда, так и на демографические показатели региона.

Объектом исследования в статье выступает Ростовская область в период с 2014 года по 2019 год. Предмет исследования – структура миграционных потоков, интенсивность миграционного обмена Ростовской области со странами СНГ и дальнего зарубежья.

Анализ международного миграционного процесса в Ростовской области в период с 2014 года по настоящее время, предпринятый автором статьи, покажет какие изменения произошли в динамике и векторах основных потоков миграции из стран-доноров, в содержании мотивации мигрантов и в регулирующем влиянии государственных структур на миграционный процесс.

Источниками эмпирической информации стали материалы Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области, текущие данные по внешней миграции в регион УФС России, нормативно-правовые акты по миграции населения в Ростовскую область, включая Концепцию миграционной политики РФ и миграционную программу Оказания содействия добровольному переселению в Ростовскую область соотечественников и статьи региональных средств массовой информации. В статье также были использованы публикации и аналитические материалы, полученные в ходе социологических исследований международной миграции, основных векторов миграционного потока: трудового, образовательного и вынужденного и влиянию событий 2014-2016 года на смену вектора миграционных потоков на Юге России.

Важным показателем миграционной ситуации в Ростовской области в 2014-2019 годах выступает положительное сальдо международной миграции, то есть количество прибывших мигрантов растет в указанный период (см. табл. 1).

Таблица 1

Международная миграция в Ростовской области в 2014-2019 гг., чел.¹

	2014	2015	2016	2017	2018	2019 (по сентябрь)
Всего:	9467	12304	12381	13745	17369	7529
- со странами СНГ	8683	11384	11605	8532	19863	1486
- с другими зарубежными странами	784	920	776	213	117	94

Как видно из данных табл. 2, основными странами-донорами мигрантов из СНГ и стран ближнего зарубежья в регион являются Украина, Армения, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан и Таджикистан.

Таблица 2

Международная миграция со странами СНГ и ближнего зарубежья в Ростовской области в 2014-2019 гг., чел.²

	2014	2015	2016	2017	2018	2019 (по сентябрь)
Украина	4794	7413	7639	2018	3563	2182
Армения	1710	2117	2069	798	678	232
Узбекистан	501	453	460	149	86	36
Азербайджан	491	402	442	181	101	46
Казахстан	367	341	356	114	102	54
Таджикистан	263	232	204	131	76	32
Молдова	211	198	190	142	68	11
Киргизия	185	116	120	98	67	15
Беларусь	123	75	75	68	52	21
Туркмения	38	37	50	24	42	8

Исходя из анализа статистических данных по миграционной ситуации в регионе, представленных территориальным органом Федеральной службы государственной статистики и Министерством внутренних дел по Ростовской области, в период с 2014 по 2019 год, в структуре международной миграции можно выделить следующие векторы миграционного потока: основной – трудовая миграция, второй – вынужденная, или «стрессовая» миграция 2014-2016 годов и третий поток – образовательная миграция.

С начала XXI века международные трудовые миграционные связи Ростовской области наиболее интенсивны были со странами Содружества независимых государств и ближнего зарубежья. Как видно из данных табл. 3, до 2014 года – точки резкой смены трудовой миграции в область, в 2013 году это тенденция еще сохранялась – основными странами-донорами трудовых мигрантов были Узбекистан, Таджикистан и Армения.

Таблица 3

Показатели трудового миграционного притока в Ростовскую область в 2013 г., чел.³

Страна-донор	Численность прибывших
Узбекистан	15500
Таджикистан	4000
Армения	2500
Азербайджан	636
Кыргызстан	470
Украина	294
Молдова	123
Беларусь	14

Непривлекательность спроса у местного населения на те виды деятельности, которые трудоемки или с низкой оплатой труда позволили работодателям укомплектовывать свои кадры, отдавая предпочтение трудовым мигрантам из стран СНГ и Средней Азии. Так, по данным Федеральной

¹ Статистические сведения по миграционной ситуации. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/2/>. (дата обращения: 24.01.2019).

² Там же.

³ Общие итоги миграции населения в Ростовской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/result-report/36/>. (дата обращения: 20.05.2019).

службы государственной статистики на конец 2013 года в Ростовской области было зарегистрировано 30 тысяч иностранных трудовых мигрантов: 22 тысячи – имели патент на трудовую деятельность, 8 тысяч – оформлены в сферах ЖКХ, бытового обслуживания и торговли¹.

Начавшийся в феврале 2014 года на Украине политический кризис и последующие в марте присоединение полуострова Крым к России и начало обстрела жителей Донецкой и Луганской областей в апреле, сопровождались всплеском «вынужденной» («стрессовой») миграции украинских беженцев в Российскую Федерацию. Как следствие, основной страной-донором трудовых мигрантов в период с 2014 по 2016 год на территорию Ростовской области стала Украина. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РО в 2015-2016 годах число прибывших беженцев с территории Украины, которые затем стали на миграционный учет в статусе трудовых мигрантов неуклонно росло: 2014 год – 4794 человек, 2015 год – 7413 человек, 2016 год – 7639 человек, 2017 год – 5231 человек, 2018 год – 4607 человек, 2019 год (по сентябрь) – 2 257 чел.²

В 2017-2019 годах, в следствие перехода украинского кризиса и обстрелов Донбасса в латентную фазу, показатели количества беженцев, ставших трудовыми мигрантами в Ростовской области, снизились до минимума.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 году на территории Ростовской области работали 38 тыс. иностранных граждан³. Годом ранее, в 2014, количество иностранных работников было больше на 4,5 тыс. человек и составляло 42,5 тыс. чел. (см. диагр. 1).

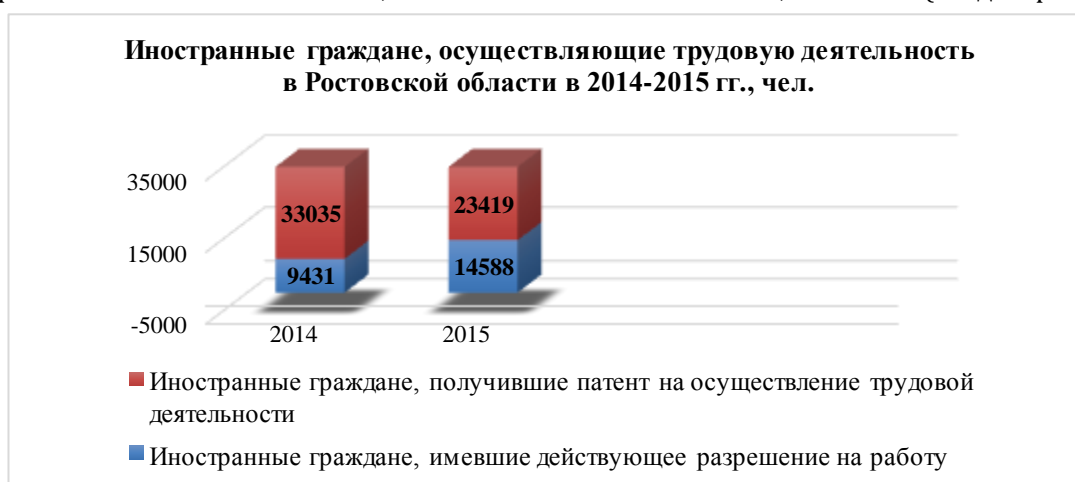

Диаграмма 1

Как видно из данных таблицы 4 с 2015 года наблюдалось уменьшение численности иностранных работников из стран СНГ и Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан) в Ростовской области примерно на треть.

Таблица 4

Международная трудовая миграция в Ростовской области в 2014-2019 гг., чел.⁴

	2014	2015	2016	2017	2018	2019 (по сентябрь)
Узбекистан	14850	9876	7256	5343	4238	1357
Таджикистан	3286	2356	1965	1325	982	653
Армения	2400	1654	1457	1302	876	347
Азербайджан	432	423	389	356	482	230
Кыргызстан	470	365	234	148	82	54
Украина	4794	7413	7639	5,231	4,607	2 257
Молдова	123	100	87	63	47	21
Беларусь	14	9	2	3	8	1

¹ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления федеральной миграционной службы по Ростовской области на 2013 год и плановый период 2014, 2015 и 2016 годов. [Электронный документ]. URL: <http://www.fms-rostov.ru/statistika/> (дата обращения 19.02.2015).

² Информация о гражданах Украины, обратившихся в УФМС России по Ростовской области за предоставлением государственных услуг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms-rostov.ru/ne_5116865/. (дата обращения: 12.10.2019).

³ Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/>. (дата обращения: 12.10.2019).

⁴ Ростовская область в цифрах – 2018: статистический сборник; [редкол.: В.В. Емельянов и др.]. Офиц. изд.: Ростов-на-Дону, 2018. 211 с.

Вызван такой спад не только притоком украинских беженцев 2014-2016 годов, но и рядом причин: во-первых, в начале 2015 года произошли изменения в миграционном законодательстве России, была принята необходимость для трудовых мигрантов сдавать экзамен по русскому языку, снижено количество квот на рабочие места, изменены условия получения патентов; во-вторых, отток трудовых мигрантов, выходцев из республик Средней Азии, из Ростовской области в 2015 году был обусловлен спадом экономики и ослаблением курса рубля, что значительно снизило их трудовые доходы; в-третьих, трудовым мигрантам из Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии было разрешено трудиться в РФ без оформления разрешительных документов (патентов, разрешений на работу).

По состоянию на конец 2017 года в Ростовской области доля иностранцев в общей численности работающего населения составила менее 2% или около 40 тысяч человек¹. В 2018 году приток трудовых мигрантов в Ростовскую область существенно вырос по сравнению с предыдущим периодом за счет проведения игр Чемпионата мира по футболу в Ростове-на-Дону, несмотря на ужесточение миграционного контроля². Структура международного миграционного потока в Ростовскую область 2014-2019 гг. характеризуется высокой долей низкоквалифицированных работников (их доля составляет 26,5 % от общего объема привлекаемой иностранной рабочей силы) и низкой долей квалифицированных сотрудников.

Одним из направлений деятельности правительства РО является обеспечение экономики региона трудовыми ресурсами с привлечением как национальной рабочей силы, так и иностранной. Для этой цели был создан орган, регулирующий поток международной трудовой миграции в Ростовскую область – Межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных работников³, рассматривающая заявки от работодателей региона и определяющая необходимость в привлечении дополнительных трудовых ресурсов из-за границы.

Сложная социально-политическая обстановка на Украине в начале 2014 года: Евромайдан в Киеве, протесты на Юго-Востоке, вооруженный конфликт на территории Донецкой и Луганской областей, трансформировали основную иностранную трудовую миграцию украинцев в Ростовскую область в вынужденную, «стрессовую» миграцию. Данный процесс привел к тому, что с 4 июня 2014 года был введен режим Чрезвычайной ситуации в приграничных с Украиной территориях. Выбор Ростовской области как основного «убежища» не случаен, а обусловлен следующими причинами: во-первых, протяженность государственной границы с Украиной в Ростовской области составляет 660 км⁴, что в 1,5-2 раза длиннее, чем у других приграничных территорий ЦФО и КФО – Курской, Брянской, Белгородской и Воронежской областей; во-вторых, с украинским государством Ростовская область связана не только общей историей и множеством экономических нитей, но и кровным родством жителей; в-третьих, снижение численности населения области (в 2014 году – на 4245,5 тыс. чел., в 2015 году – на 4248,1 тыс. чел., в 2016 году – на 4256,0 тыс. чел., в 2017 году – на 4261,3 тыс. чел.)⁵ привело к нехватке квалифицированной рабочей силы в отдельных отраслях экономики региона и к стимулированию притока дополнительных трудовых ресурсов с украинской территории.

Как видно из данных региональных СМИ и Федеральной службы государственной статистики наибольший всплеск «стрессовой» миграции украинских беженцев в Ростовскую область пришелся на 2014-2015 годы: так, в период с 12 декабря 2014 года по 12 января 2015 года на территории области в шести стационарных пунктах временного размещения находились более 63 тысяч граждан Украины⁶, разместить их всех в регионе не представлялось возможным, поэтому была организована отправка людей в другие субъекты РФ; за 9 месяцев 2016 года их число снизилось на 35% и составляло 25 тысяч человек⁷.

¹ В Ростовской области пересчитают трудовых мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donnews.ru/Vlasti-Rostovskoy-oblasti-reshili-pereschitat-trudovyh-migrantov_92516. (дата обращения: 09.04.2019).

² Миграционный учет иностранных граждан в период проведения Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года. [Электронный документ]. URL: <https://sdo-regional.ru/prof-post/migratsionnyj-uchet-inostrannykh-grazhdan-v-period-provedeniya-chempionata-mira-po-futbolu-fifa-2018-goda>. (дата обращения: 12.03.2018).

³ Областная межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных работников. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/commission/70/>. (дата обращения: 28.08.2019).

⁴ Протяженность границы РФ с Украиной в Ростовской области. [Электронный ресурс]. URL: https://rostov.aif.ru/politic/kakova_protyazhyonnost_gosudarstvennoy_granicy_v_rostovskoy_oblasti. (дата обращения: 26.08.2019).

⁵ Бурьянова Н.В., Мищур С.В. Ростовская область и международный обмен трудовыми ресурсами. [Электронный документ]. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/7/regionaleconomy/Buryanova_Mishchur.pdf. (дата обращения: 06.10.2019).

⁶ В Ростовской области зафиксирован рост числа беженцев с Украины. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosng.ru/post/v-rostovskoy-oblasti-zafiksirovan-rost-chisla-bezhencev-s-ukrainy>. (дата обращения: 12.01.2015).

⁷ Число беженцев снизилось. [Электронный ресурс]. URL: <https://rostov.dk.ru/news/chislo-bezhentsev-s-ukrainy-v-rostovskoy-oblasti-snizilos-na-14-tys-chelovek-237049194>. (дата обращения: 05.10.2016).

С начала 2017 года после того, как в Донецкой и Луганской областях установилось относительное спокойствие, украинские беженцы стали возвращаться домой. Те из них, кто остался, почти все были размещены у родственников и знакомых. В 2017-2019 годах показатели количества беженцев и численность тех, кто запросил временное убежище в Ростовской области снизились до минимума, и были закрыты все шесть стационарных пунктов временного размещения. По сведениям УФМС РФ по Ростовской области в период с 2015 по 2019 год количество лиц получивших временное убежище составляет: 2015 – 5180 человек, 2016 – 9113 человек, 2017 – 7369 человек, 2018 – 6818 человек, 2019 – 2534 человек¹.

Государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Ростовскую область соотечественников, проживающих за рубежом»² стала эффективным механизмом обеспечения жильем и работой для мигрантов с Украины. Так, в конце 2014 года ею воспользовались 22% граждан Украины, а в 2015-2019 годах – 73% от общего числа участников госпрограммы [1, с. 46].

Вполне естественно, что распределение беженцев по профессиям и структура потребности регионального рынка труда в работниках разных специальностей не совпадало: шанс найти работу по специальности был лишь у немногих, остальным приходилось сменить сферу деятельности на ту, в которой можно найти хоть какую-то работу. В 2014-2016 годах, по данным Федеральной службы государственной статистики, украинские переселенцы были оформлены на должности медицинского персонала, коммунальщиков, водителей, грузчиков или торговых представителей³.

За период с февраля 2014 года по сентябрь 2019 года более 49 тысяч граждан Украины получили консультации по вопросам трудоустройства, из них более 10,5 тыс. были трудоустроены; более 12 тыс. вынужденных украинских переселенцев получили российское гражданство, более 13 тыс. – оформили вид на жительство.

Ростовская область выступает одним из крупнейших образовательных кластеров в Российской Федерации, включая в себя более 3 тысяч образовательных учреждений школьного, средне-профессионального и высшего звена.

Прежде всего, необходимо отметить, что Южный федеральный округ, в состав которого входит Ростовская область, по данным Министерства образования и науки⁴, в 2018-19 академическом году занимает 7-е место в области экспорта образовательных услуг (см. диагр. 2).

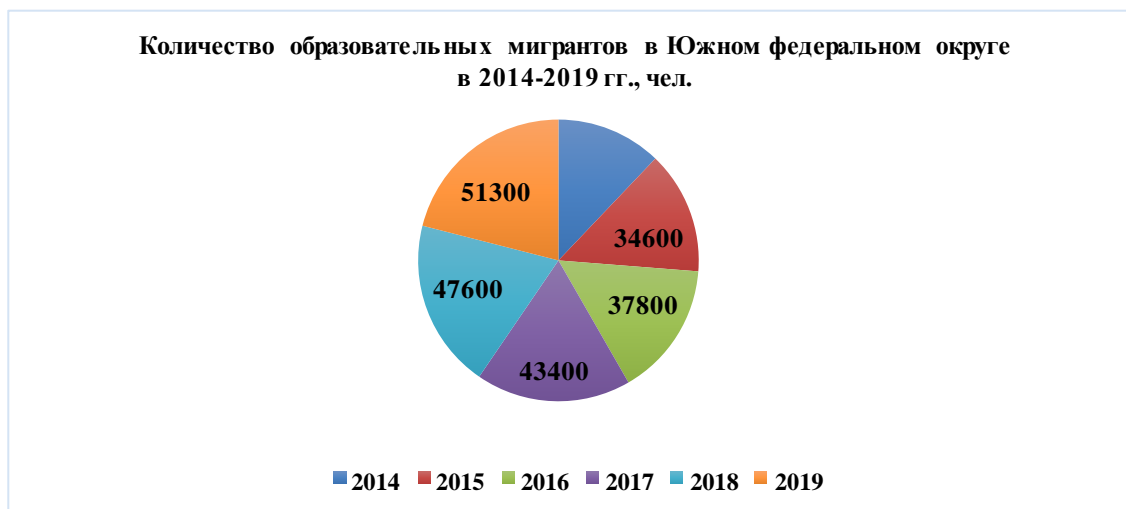

Диаграмма 2

Ростовская область в 2018-19 академическом году насчитывает 12184 иностранных студента, что в 1,5 раза больше по сравнению с предыдущими годами: 2014/2015 – 10467 человек, 2015/2016 – 9562 человек, 2016/2017 – 8796 человек, 2017/2018 – 10454 человек⁵.

¹ Численность лиц, получивших временное убежище в Ростовской области в 2014-2019 годах. [Электронный документ]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/tab-migr4.htm. (дата обращения: 04.06.2019).

² Государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Ростовскую область соотечественников, проживающих за рубежом». [Электронный документ]. URL: <http://zan.donland.ru/Default.aspx?pageid=140986>. (дата обращения: 29.08.2014).

³ Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/>. (дата обращения: 12.10.2019).

⁴ Образовательная система Ростовской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rostobrnadzor.ru>. (дата обращения: 06.09.2019).

⁵ Там же.

Если говорить о составе иностранных студентов, то вузы области привлекают значительное число иностранных студентов из стран Закавказья – Армении, Грузии, Азербайджана. В последнее время активизировался также приток студентов из признанных Россией республик – Южной Осетии и Абхазии.

В 2018/19 академическом году по количеству иностранных студентов, обучающихся по различным программам/формам подготовки в Ростовской области лидируют Донской государственный технический университет (ДГТУ) – 1034 человека, Ростовский государственный медицинский университет (РГМУ) – 974 человека и Южный федеральный университет (ЮФУ) – 727 человек¹.

Безусловно, все три лидирующих высших учебных заведения области готовят профессиональные кадры по разным специальностям и направлениям, что позволяет им не конкурировать на рынке образовательных услуг, занимая там свою непересекающуюся с другими нишу.

Начиная с 2014 года в процессе социальной адаптации мигрантов в Ростовской области проявилось множество проблем, порожденных «стрессовой» миграцией беженцев из Украины. Обычный сценарий интеграции мигранта в социальную среду области, не характеризующуюся иноэтничностью для граждан Украины, не проходил еще так болезненно, долговременно и для многих из беженцев так и не завершился на сегодняшний день. Обзор материалов ФМС и статистических данных Росстата показал, что в приграничной с Украиной Ростовской области в 2014-2016 годах стихийный поток беженцев сказался негативно на взаимоотношениях с местным населением: так, материальная поддержка им, обеспечение их жильем, помощь с трудоустройством, а также «...неуважительное отношение к коренному населению и государству со стороны некоторых граждан Украины вызвало обоснованное недовольство у принимающего сообщества и создавало предпосылки для межэтнических и межкультурных столкновений» [10].

Согласно данным пилотного опроса, проводимого ежегодно с 2014 года в области и на Юге России [3], 51% опрошенных, считают, что трудовые мигранты «отнимают» у них рабочие места, причем приближенность/удаленность трудоустройства мигранта по отношению к частной жизни респондента повлияло на их отношение к выбору сферы труда у мигранта. Так, большинство респондентов (от 70 до 80%) не будут обеспокоены, если мигрант трудоустроится в сфере ЖКХ на неквалифицированную вакансию. Больше половины респондентов (59%) негативно отнеслись к трудоустройству мигрантов на должности младшего медицинского персонала и охранника в образовательных учреждениях. Анализ данных данного опроса и материалов СМИ позволяет сделать вывод о том, что в массовом сознании жителей Ростовской области преобладает общее недоверие к мигрантам, сохраняется стереотипное представление об их криминогенности, что подтверждается высказываниями об ограничении их приезда.

По данным исследования Проект ESS² в 2014-2019 годах большинство населения Ростовской области позитивно воспринимает мигрантов из Белоруссии и Украины, и менее настроено на уроженцев Молдавии. Негативное отношение распространяется на выходцев из стран Средней Азии: так, 67% жителей области предложили ограничить въезд для мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Азербайджана, 50% отторгают мигрантов из Грузии, стран Балтии и Китая. Традиционные страны-доноры мигрантов из республик Закавказья в Ростовскую область – Армения, Абхазия и Южная Осетия вызывают наименьшее отторжение у респондентов³. Анализ этих данных дает следующую картину: большинство жителей Ростовской области приемлют миграцию из стран близких по этнокультурным и религиозным характеристикам – Украины и Белоруссии. Явновыраженной установки на протестное движение по отношению к мигрантам не наблюдается: «...70% респондентов не намерены участвовать в каких-либо протестных акциях или пикетах против трудовых мигрантов ...» [3].

Социальная адаптация и интеграция иностранных мигрантов зависит от тех институциональных условий, которые созданы на принимающей территории и институтами принимающего общества. Одним из таких условий выступает оказание информационно-правовой помощи и обустройство мигрантов. Так, согласно «Концепции демографической политики Ростовской области на период до 2025 года» предполагается «...привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития области, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции...»⁴. Проблема интеграции иностранных мигрантов в Ростовской области вызывает сдержанное отношение. В целом население региона поддерживает идею создания

¹ См.: там же.

² Проект ESS: Россия. Опрос в 150 населенных пунктах во всех округах РФ. [Электронный ресурс]. URL: Europeansozialsurvey.org. (дата обращения: 06.10.2019).

³ См.: там же.

⁴ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный документ]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>. (дата обращения: 31.10.2018).

институтов помощи в интеграции мигрантов, но 15% считают, что «...такая помощь должна мигрантами оплачиваться за свой счет, и еще примерно такая же группа негативно относится к перспективе интеграции мигрантов...» [3].

Исследование основных трендов миграционных потоков позволяет сделать вывод, что Ростовская область в силу своих географических, экономических, демографических и других факторов вовлечена в процесс международной трудовой миграции. Наблюдающееся положительное миграционное сальдо в Ростовской области в 2014-2019 годах обусловлено притоком основной доли трудовых мигрантов из стран СНГ, что отражено и во всероссийской тенденции. Принятие новых мер в миграционной политике и изменение миграционного законодательства в 2015 году уменьшили динамику трудового миграционного потока в регион из стран Средней Азии. Основными странами-донорами рабочей силы для Ростовской области в 2014-2019 годах стали Украина, Армения, Казахстан, Узбекистан и Азербайджан.

Статистические данные и материалы региональных средств массовой информации дают следующую фактическую картину: политический кризис 2014 года на Украине и начало обстрела жителей Луганской и Донецкой областей трансформировали основную трудовую миграцию украинцев в Ростовскую область в вынужденную, «стрессовую» миграцию. За период с февраля 2014 года по сентябрь 2019 года свыше 10 тыс. вынужденных переселенцев с Украины получили российское гражданство, более 13 тыс. – оформили вид на жительство, и более 10,5 тыс. были трудоустроены в области.

Проведенный анализ основных трендов образовательной миграции в регионе показал, что высшие учебные заведения области привлекательны для большинства образовательных мигрантов из республик Закавказья, что обусловлено близостью их этно- и социокультурных характеристик с регионом. Потенциал образовательной миграции с Украины с 2014 года характеризуется слабо, в следствии не продуманности механизмов закрепления украинских студентов в области после окончания ими университетов, несмотря на то, что украинские образовательные мигранты могли бы стать отличным ресурсом для демографического и социально-экономического развития области.

Статистические данные и анализ материалов СМИ дают возможность сделать следующий вывод: с марта-апреля 2014 г. стремительно увеличившейся поток «стрессовой» миграции из Украины продуцировал всплеск негативного отношения населения Ростовской области по отношению к иностранным мигрантам. Так, в массовом сознании жителей региона фиксируются: антипатия и закрытость, отсутствие доверия и стереотипная установка на криминогенный фактор в адаптации мигрантов.

Литература

1. *Вартанян А.А.* Международная образовательная миграция: региональный аспект / А.А. Вартанян // *Мировая экономика и международные отношения.* 2016. Том 60. № 2. С. 113–121.
2. *Григорьева К.С., Мукомель В.И.* Задачи и реализация реформ миграционного законодательства: миграционный учет, полномочия регионов, коррупционные риски, доходы бюджетов // *Миграционное право.* 2018. №2. С. 3–8.
3. *Денисова Г.С., Розин М.Д., Суций С.Я., Тумакова Ж.А., Андросова С.В.* Отношение к трудовым мигрантам на Юге России: перспектива интеграции в условиях внешних вызовов // *Инженерный вестник Дона,* 2014. №4. [Электронный документ]. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2682. (дата обращения: 15.04.2014).
4. *Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробужева.* Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.
5. *Мукомель В.И.* Либерализм и миграция // *Либерализм в XXI веке: Современные вызовы свободе новые либеральные ответы / Фонд Фридриха Науманна; Экспертная группа «Европейский диалог»; Фонд «Либеральная миссия»; отв. ред В.А. Рыжков.* Москва: Мысль, 2019. С. 205–235.
6. *Мукомель В.И.* Миграционные исследования: социологическое измерение // *Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017г., г. Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов.* М.: ИЭА РАН, 2018. 315 с.
7. *Мукомель В.И.* Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтнических мигрантов // *Федерализм.* 2018. N 2. С. 141–160.
8. *Мукомель В.И.* Трудовые мигранты в России: проблемы интеграции и идентичности // *Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сборник трудов II Междунар. научно-практич. конф., 4–5 июня 2018 г. / [под общ. ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной; ред. кол.: Н. Хорие, М. Митигами, Б. Даве, С. Мусикавон, С. Рязанцев, М. Храмова, В. Белкин, Е. Гаффорова].* Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. С. 238–243.
9. *Рязанцев С., Скоробогатова В.* Украинская миграция в приоритетах развития России // *Международные процессы,* 2016. Том 14. № 1(44). С. 38–51.

10. Шипицина Т.Ю. Современная миграционная политика Российской Федерации в пограничном пространстве с Украиной: особенности, тенденции и влияние на безопасность государства // PolitBook. 2015. №1. [Электронный документ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-migratsionnaya-politika-rossiyskoy-federatsii-v-pogranichnom-prostranstve-s-ukrainoy-osobennosti-tendentsii-i-vliyanie-na> (дата обращения: 14.10.2019).

Gontarenko Nadezhda Nikolaevna, junior researcher, South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (102, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: gontarenko1986@mail.ru

Aslanov Yakov Andreevich, candidate of sociological sciences, acting Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, acting Vice-rector for educational work and the implementation of youth programs, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: aslanov@sfedu.ru

Stukalova Daria Nikolaevna, candidate of sociological sciences, senior researcher, South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (102, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: darstuk@mail.ru

DYNAMICS AND MAIN TRENDS OF THE INTERNATIONAL MIGRATION FLOW IN THE ROSTOV REGION IN 2014-2019

Abstract

The dynamics, structure and main problems of the international migration flow to the Rostov region in 2014-2019 are analyzed using the data of regional media and sociological studies as an example. Conclusions are made about the state of the main vectors of the migration flow to the region and the role of external challenges in the growth of migrant phobia of the population.

Keywords: *international migration, Rostov region, labor migration, "stress" migration, educational migration, integration of migrants, migration policy, migrant phobia, crisis in Ukraine, labor market.*

References

1. Vartanyan A.A. Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya migratsiya: regional'nyj aspekt / A.A. Vartanyan // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. Tom 60. № 2. P. 113–121.
2. Grigor'eva K.S., Mukomel' V.I. Zadachi i realizatsiya reform migratsionnogo zakonodatel'stva: migratsionnyj uchet, polnomochiya regionov, korrupsionnye riski, dohody byudzhetov // Migratsionnoe pravo. 2018. № 2. P. 3–8.
3. Denisova G.S., Rozin M.D., Sushchij S.YA., Tumakova ZH.A., Androsova S.V. Otnoshenie k trudovym migrantam na YUge Rossii: perspektiva integratsii v usloviyah vneshnih vyzovov // Inzhenernyj vestnik Dona, 2014. №4. [Elektronnyj dokument]. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2682. (data obrashcheniya: 15.04.2014).
4. Mezhnatsional'noe soglasie v obshcherossijskom i regional'nom izmerenii. Sociokul'turnyj i reli-gioznyj konteksty: [monografiya] / Otv. red. L.M. Drobizheva. Moskva: FNISC RAN, 2018. 552 p.
5. Mukomel' V.I. Liberalizm i migratsiya // Liberalizm v XXI veke: Sovremennye vyzovy svobode novye liberal'nye otvety / Fond Fridriha Naumanna; Ekspertnaya gruppa «Evropejskij dialog»; Fond «Liberal'naya missiya»; otv. red V.A. Ryzhkov. Moskva: Mysl', 2019. S. 205–235.
6. Mukomel' V.I. Migratsionnye issledovaniya: sociologicheskoe izmerenie // Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nyh otnoshenij i istorii natsional'noj politiki. Materialy sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam etnichnosti i mezhnatsional'nyh otnoshenij, 19 dekabrya 2017g., g. Moskva / pod red. V.A. Tishkova; sost. B.A. Sinanov. M.: IEA RAN, 2018. 315 p.
7. Mukomel' V.I. Regional'nye osobennosti integratsii vnutrirossijskikh inoetichnyh migrantov // Federalizm. 2018. N 2. P. 141–160.
8. Mukomel' V.I. Trudovye migranty v Rossii: problemy integratsii i identichnosti // Migratsionnye processy i ih vliyanie na demograficheskoe i social'no-ekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka: sbornik trudov II Mezhdunar. nauchno-praktich. konf., 4–5 iyunya 2018 g. / [pod obshch. red. S.V. Ryazanceva, M.N. Hramovoj, L.A. Savinkinoj; red. kol.: N. Horie, M. Mitigami, B. Dave, S. Musikavon, S. Ryazancev, M. Hramova, V. Belkin, E. Gafforova]. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2018. P. 238–243.
9. Ryazancev S., Skorobogatova V. Ukrainskaya migratsiya v prioritetah razvitiya Rossii // Mezhdunarodnye processy, 2016. Tom 14. № 1(44). P. 38–51.
10. SHipicina T.YU. Sovremennaya migratsionnaya politika Rossijskoj Federatsii v pogranichnom prostranstve s Ukrainoj: osobennosti, tendentsii i vliyanie na bezopasnost' gosudarstva // PolitBook. 2015. №1. [Elektronnyj dokument]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-migratsionnaya-politika-rossiyskoy-federatsii-v-pogranichnom-prostranstve-s-ukrainoy-osobennosti-tendentsii-i-vliyanie-na> (data obrashcheniya: 14.10.2019).

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ¹

Дятлов Александр Викторович доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной конфликтологии, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: avdyatlov@yandex.ru

Ковалев Виталий Владимирович доктор социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: vitkovalev@yandex.ru

Сериков Антон Владимирович кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: aserikov@inbox.ru

Аннотация

В данной статье осуществляется интерпретация результатов массового социологического опроса, проведенного среди населения муниципальных образований Республики Крым, на предмет определения общественной состоятельности института сити-менеджмента. Под общественной состоятельностью понимается достижение основных целей, поставленных перед институтом сити-менеджмента, прежде всего, привлечение профессиональных управленцев для улучшения показателей социально-экономического развития территорий. В качестве критериев для оценки сформулированы три аспекта: доверие к реформе, цели реформы, ожидание последствий от реформы. Авторы пришли к выводу, что основная масса населения реформе не доверяет, видит в ней иные цели, чем декларирует законодатель, опасается наступления негативных последствий от её реализации. В то же время, активного противодействия отмене муниципальных выборов в Крыму ожидать не стоит, т.к. наиболее понятный содержательный сюжет реформы – замена избираемого мэра на назначаемого сити-менеджера, не вызывает активного осуждения среди респондентов.

Ключевые слова: институт сити-менеджмента, общественная состоятельность, сити-менеджер, глава муниципального образования, местное самоуправление, муниципальное сообщество, социально-экономическое развитие, муниципалитет, электорат.

В стране уже не первый год проходит реформа местного самоуправления. Начало было положено Федеральным законом от 03.02.2015 №8-ФЗ, принятым в качестве поправки к статье 36 базового ФЗ №131 "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"². Данной поправкой оказался изменен порядок вступления в должность главы муниципального образования, т.к. представительным органам местной власти законодателем был предложен новый вариант легитимации руководителя муниципалитета. Согласно этому новому варианту глава муниципального образования, помимо прямых выборов населением и избранием "представительным органом муниципального образования из своего состава", как это было до 2015 года, может избираться из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса (п. 1 ч. 2 ст. 36). Указанный правовой порядок, по аналогии с моделью, существующей в ряде западных стран, получил название института сити-менеджмента (городского управляющего).

Значительной частью специалистов механизм конкурсного назначения оценен негативно. Ученые указывают на множество минусов сити-менеджмента, в том числе на то, что он посягает на демократические права местного электората самостоятельно избирать своего руководителя, что у назначенного, а не выбранного главы муниципалитета не будет доверия внутри муниципальных сообществ, что у него снизится личная ответственность перед населением и т.п. Подобные опасения выражаются в научном сообществе вот уже на протяжении пяти лет. Чтобы проверить насколько они актуальны, авторский коллектив провел массовый социологический опрос в нескольких субъектах федерации на Юге России. В данной статье мы представим результаты, полученные в ходе анкетирования жителей муниципальных образований Республики Крым. Нами было опрошено 492 респондента, проживающих в городах Симферополь, Ялта и Бахчисарай. Для отбора

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 18-011-01113 «Институт сити-менеджмента в современной России: административная и общественная состоятельность (на примере муниципальных образований Южного федерального округа)».

² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в актуальной редакции) //Российская газета. 2003. 12 октября (в ред. от 03.08.2019 г.).

респондентов применялись такие критерии, как пол, возраст, социальный статус, место жительства. Тип выборки – невероятностный, в форме квотной выборки. Её репрезентативность обеспечивалась на основе принципа пропорционального соответствия. Ведущий критерий отбора респондентов – место жительства.

Прежде, чем мы представим результаты, дадим несколько пояснений относительно методики их оценки.

В виде базового нами используется понятие "общественная состоятельность". Под ним понимается достижение основных целей, поставленных перед институтом сити-менеджмента. Прежде всего, это привлечение профессиональных управленцев для улучшения показателей социально-экономического развития территорий. Соответственно, состоятельным сити-менеджмент может быть признан лишь в том случае, если по итогам деятельности городских управляющих будут улучшены социально-экономические показатели развития территорий, где применялась новая управленческая модель. Критериями общественной состоятельности выступают две позиции:

– отсутствие массовых проявлений недовольства со стороны населения вследствие его исключения из политического процесса в качестве электората по выборам глав муниципальных образований;

– реальное улучшение показателей социально-экономического развития территорий после введения института сити-менеджмента.

И ещё один важный нюанс. В муниципальных образованиях Республики Крым уже создана правовая платформа для реализации в управленческую практику института сити-менеджмента, однако в реальных управленческих отношениях этот порядок ещё не введен. Само снятие информации об этой проблеме в регионе, где ещё нет управленческой практики данной модели, стало возможным благодаря активному общественному обсуждению перспектив её введения, начавшееся с 2014 года [1]. В связи с этим респонденты, которым было предложено принять участие в опросе, оценивают не столько свой опыт взаимодействия с сити-менеджерами, сколько выражают собственные представления о том, как понимается данный институт и что от него ожидают. В связи с этим, все вопросы и, соответственно, анализ представленных данных, разбиты на три основных блока: 1) есть ли доверие к реформе; 2) в каких целях она проводится; 3) следует ли ожидать от неё негативных последствий ("цена реформы").

Итак, начнем с первого блока, с вопросов о доверии.

Таблица 1

Как Вы оцениваете замену главы муниципального образования, избираемого населением на выборах, на руководителя, работающего по контракту, в %

Параметры оценки	Результат
Однозначно негативно, мэра нужно выбирать из числа претендентов	16,4
Скорее негативно, чем позитивно	20,1
Нейтрально (для меня эта замена ничего не значит)	38,9
Преимущественно положительно	14,4
Однозначно положительно, контрактника легче проверять и, если что, увольнять или привлекать к ответственности	10,3

В первую очередь, нужно обратить внимание на то, что респонденты реже всего выбирали вариант, свидетельствующий о безусловном принятии реформы. Если объединить эту группу респондентов с теми, кто выражает преимущественно положительное к ней отношение, то доверие к институту сити-менеджмента выражают лишь четверть из числа опрошенных. Показательно, что группа отрицательно настроенных на двенадцать пунктов больше (36,5%). И, наверное, ожидаемо, что наибольшее число выборов было отдано за нейтральное (пожалуй, даже безразличное) отношение (38,9%). Тем не менее, нужно отметить, что группа "нейтрально настроенных" не стала группой абсолютного большинства. У большинства респондентов есть содержательно наполненная позиция, которая проявляется либо в положительном, либо отрицательно настроенном отношении к ожидаемой в Крыму муниципальной реформе.

Таблица 2

Сити-менеджмент появился как вариант, сменивший практику избрания главы муниципального образования. Не является ли, по Вашему, это свидетельством отказа от принципов демократии, в %

Параметры оценки	Результат
Да, демократии без выборов не бывает, сами выбираем, сами и отвечаем	27,7
Нет, поскольку выборы давно превратились в формальный механизм манипулирования сознанием избирателей	30,4
Выборы или назначение по конкурсу не имеют значения, если позволяют решать основные проблемы социально-экономического развития территорий	41,9

Приведенные в табл. 2 результаты в основе своей коррелируются с теми, которые были представлены выше. Наиболее часто респонденты выбирали тот вариант ответа, который никак не связан с социально-политическими ценностями, а нацелен на оценку в качестве значимых для себя ценностей повседневного характера. Свыше сорока процентов от числа опрошенных подчеркивают вторичный характер модели легитимации руководителя муниципального образования по сравнению с вопросами социально-экономического развития территорий. Что касается ценностей демократии, то они оказались значимыми вне всяких сослагательных условий для 27,7% респондентов. В то же время, почти треть (30,4%) введение института сити-менеджмента не связывают напрямую с посягательством на демократические порядки в стране. Но надо обязательно принять во внимание, что эта позиция может быть вызвана разочарованием или неприятием конкретно российской практики выборов, а не демократии вообще. Поэтому "группу из 30,4%" можно считать резервной, т.к. она имеет потенциал рекрутинга и в группу "сторонников демократии" (27,7%), и в группу из числа "равнодушных к ней" (41,9%).

Таблица 3

Институт сити-менеджмента был введен и практикуется в ряде западных стран в целях повышения профессионализма муниципальных служащих. Есть ли в этом необходимость в современной России, в %

Параметры оценки	Результат
Нет, существующее местное самоуправление в России успешно справляется со своими функциями	10,6
Нет, эффективность муниципального управления нужно повышать другими способами	23,6
Да, два десятилетия практики всенародного избрания мэров показали неэффективность данной модели, позволяя мэрам перекладывать ответственность на других	24,5
Да, сити-менеджмент предполагает только одну оценку – профессионализм	13,4
Затрудняюсь ответить	27,9

Предложенный респондентам вопрос, давший титул таблице 3, больше применим для экспертного исследования, т.к. предполагает наличие специальных познаний и компетенций для того, чтобы дать на него квалифицированный ответ. Поэтому не вызывает удивления, что наиболее распространенным ответом оказалась опция "затрудняюсь ответить" (27,9%). Также ожидаемо было то, что действующая модель муниципального управления подверглась критике со стороны более чем двух третей респондентов, включая оппонентов института сити-менеджмента. Однако ценность предложенных вариантов видится нам в том, что их сопоставление через полученные от респондентов ответы позволяет увидеть отсутствие явно выраженного доверия к тому, что результаты реформы будут иметь позитивное значение для муниципалитетов.

В целом, нужно отметить, что по первому блоку вопросов крайне сложно сформулировать какое-то однозначное представление о том, есть ли у населения муниципальных образований однозначно выраженное доверие или недоверие к ожидаемой в Крыму реформе по изменению механизма вступления в должность главы местной власти. Можно предположить, что недоверие доминирует, т.к. большая часть респондентов относятся к грядущей реформе или с настороженностью, или с активным неприятием. Но крайне отрицательной позиции все-таки нет. Проверка данной гипотезы предполагает необходимость уточнить мнение населения по ряду других вопросов, объединенных нами во второй и третий блоки.

Блок №2 – цели реформы.

Таблица 4

Как Вы считаете, какая главная цель преследовалась при замене выборов мэра процедурой конкурсного отбора, в %

Параметры оценки	Результат
Экономическая (улучшить хозяйственное развитие территорий)	13,6
Политическая (достроить властную вертикаль)	30,3
Повысить профессионализм муниципальных руководителей	21,6
Никаких особых целей не было (реформа ради реформы)	16,0
Затрудняюсь ответить	18,5

По данному вопросу нам представляется возможным проследить соответствие между декларируемыми властью целями реформы и реальным её восприятием со стороны жителей муниципальных образований. Показательно, что 30,3% респондентов связывают реформу только со стремлением её инициаторов достроить властную вертикаль, то есть усматривают в ней политические мотивы. 34,4% не видят в ней вообще никаких целей. Из предложенных вариантов ответов два

отражают декларируемые цели реформаторов. Речь идет об "улучшении хозяйственного развития территорий" и "повышении профессионализма муниципальных руководителей". Первый из этих вариантов выбрали 13,6% из числа опрошенных, второй – 21,6%. В совокупности данная группа составляет 35,2%, а это самый представительный по числу выборов результат. Он указывает на то, что видение сути реформы российской властью и населением муниципальных образований в своей основе не расходится. Впрочем, из этого вовсе не следует, что в глазах населения реформа непременно будет иметь успех. Для этого требуется оценить ряд других аспектов, в числе которых потенциальные возможности самих сити-менеджеров.

Таблица 5

Обладают ли, по Вашему мнению, сити-менеджеры бóльшим потенциалом для улучшения социально-экономических показателей развития территорий, чем избираемые мэры, в %

Параметры оценки	Результат
Да	23,0
Нет	26,5
Принцип не имеет значения, всё зависит от каждого конкретного случая	49,6

Положительный ответ на поставленный вопрос дало лишь 23% от числа опрошенных, что примерно соответствует количеству респондентов, согласившихся с тем, что целью реформы муниципального управления является повышение профессионализма муниципальных руководителей (21,6%). Чуть больше (26,5%) склонны полагать, что сити-менеджеры не обладают должным потенциалом, что следует интерпретировать как активное неприятие модели сити-менеджмента и убежденность в неспособности со стороны руководителей нового типа и принципиально другой легитимности (чем мэры) достичь декларируемых целей. И, наконец, половина респондентов (49,6%) не связывают достижение целей муниципального управления (повышение уровня социально-экономического развития территорий) с особенностями его институциональной организации. Предполагается, что наибольших успехов в повышении качества жизни муниципальных сообществ достигнет руководитель, обладающий необходимыми для этого личными ресурсами. При этом их организационные источники абсолютно вторичны по сравнению с личными усилиями и социальным капиталом конкретного руководителя.

Как уже указывалось, 30,3% респондентов видят в изменении порядка назначения руководителя муниципального образования исключительно политические цели, связывая их с достройкой на низовом уровне управления властной вертикали. Для уточнения этой позиции нами был задан дополнительный вопрос, проясняющий позицию населения Крыма относительно целевой природы института сити-менеджмента.

Таблица 6

Каковы, по Вашему мнению, политические цели создания института сити-менеджмента, в %

Параметры оценки	Результат
Достроить "властную вертикаль" для облегчения возможности влияния федеральной власти	30,6
Заменить на муниципальном уровне политические отношения на административно-хозяйственные	20,4
Исключить влияние партийного фактора на процедуру избрания глав муниципальных образований	18,8
Получить возможность в любой момент отправить в отставку политически нелояльного сити-менеджера под видом его неэффективности	31,9
Никаких политических целей у института сити-менеджмента нет	21,5

В соответствии с правилами ответа на данный вопрос (титул табл. 6, а также табл. 7 и 8), респонденты могли выбрать любое количество ответов. Поэтому суммарное значение процентов выше ста.

Наибольшая популярность оказалась у опции "Получить возможность в любой момент отправить в отставку политически нелояльного сити-менеджера под видом его неэффективности" (31,9%). Полагаем, что данная позиция отчасти обусловлена общей политикой федеральной власти держать в "напряжении" чиновников постоянными отставками, широко тиражируемыми в средствах массовой информации. В настоящее время угроза потерять свое место – лучший тренинг лояльности. Но большей частью она отражает убежденность в том, что сегодня в нашей стране нет места политическому (да и любому другому) инакомыслию, что особенно заметно проявляется в отставках чиновничьего корпуса. В этом же контексте нужно интерпретировать выбор варианта "достроить "властную вертикаль" для облегчения возможности влияния федеральной власти"

(30,6%). Очевидно, она рассматривается населением в качестве структурно-управленческого механизма для решения политико-административных задач, включая формирование кадрового корпуса, что может заметно упроститься благодаря процедуре конкурсного назначения сити-менеджеров.

В полученных результатах обращают на себя внимание два совпадения. В табл. 4 зафиксировано, что 30,3% респондентов оценивают цели реформы как достройку властной вертикали, что практически буквально совпадает с данными из табл. 6 (на вопрос о политических целях введения института сити-менеджмента 30,6% из числа опрошенных выбрали опцию "достроить "властную вертикаль" для облегчения возможности влияния федеральной власти"). Второе совпадение проявляется между признанием респондентами (21,6%) цели реформы в виде "повышения профессионализма муниципальных руководителей" (см. табл. 4) и их убежденностью (21,5%) в том, что "никаких политических целей у института сити-менеджмента нет". Именно эти двадцать с небольшим процентов составляют основную социальную группу поддержки власти в реализуемой ею реформе.

Указанные совпадения говорят о наличии четкой и осмысленной позиции по заявленной проблематике у определенной части населения муниципалитетов, которая видна, в том числе, и через контрольные вопросы.

Подводя краткий промежуточный итог, связанный с оценкой целевой направленности реформы по институционализации сити-менеджмента в систему муниципального управления, следует отметить, что на уровне массовых представлений проявляется последовательная дифференциация позиций. Явно выделяются три группы респондентов. В первой из них имеется четкая солидарность с позицией власти относительно того, что конкурсный порядок назначения на должность глав муниципальных образований принимается в целях повышения профессионализма муниципальных руководителей; во второй доминируют установки на то, что подлинными целями реформы является установление политического контроля на уровне местной власти; в третьей нет четкого или однозначного понимания целевой природы реформы.

Далее обратимся к вопросам из блока №3: следует ли ожидать от реализуемой реформы негативных последствий ("цена реформы").

Таблица 7

Какие риски возникли (могут возникнуть) в результате введения модели сити-менеджмента, в %

Параметры оценки	Результат
Недоверие населения к назначаемому, а не выбираемому управленцу	47,5
Увеличение коррупционной составляющей во властных структурах	38,8
Снижение эффективности главы муниципального образования	17,0
Снижение личной ответственности главы муниципального образования перед населением	25,8
Оснований для возможного возникновения перечисленных выше рисков нет	11,4

Анализ данных по двум предыдущим блокам показал, что значительная часть опрошенных сомневается и в необходимости проведения реформы, и в возможности её реализации в том виде, в каком она декларируется федеральной властью. В этом контексте стоит серьезно обратить внимание на то, что лишь 11,4% респондентов не связывают замену правового порядка вступления в должность главы муниципального образования с возникновением ряда управленческих рисков. В противоположность данной позиции почти половина опрошенных опасаются роста "недоверия населения к назначаемому, а не выбираемому управленцу" (47,5%), более трети – "увеличения коррупционной составляющей во властных структурах" (38,8%), свыше четверти – "снижения личной ответственности главы муниципального образования перед населением" (25,8%), и некоторая часть выражает вероятность, что может наступить "снижение эффективности главы муниципального образования" (17%).

Центральная проблема, возникающая при оценке представленных данных, заключается в том, действительно ли эти риски обуславливаются особенностями института сити-менеджмента как управленческой практики, или убежденность в их неизбежности (или предполагаемого допущения) есть отражение общего кризиса доверия к власти?

Такую вероятность, как "снижение эффективности главы муниципального образования", мы сразу убираем из предметного анализа, т.к. эта позиция отражает не столько возможность наступления риска, сколько конечный результат действия других групп рисков. Что касается трех иных опций, то потенциальная возможность того, что они станут актуальными для управленческих практик, в институт сити-менеджмента, мы полагаем, в самом деле заложена. Здесь надо принимать во внимание ряд моментов: закрытую процедуру конкурсного отбора, за кулисами которой возможны разного рода нелегитимные сделки; возможности прямого администрирования со стороны губернатора, обладающего правом наполовину формировать состав избирательной комиссии; отсутствие электоральной легитимности у руководителя из-за отмены выборов, а также ряд других

особенностей института сити-менеджмента. Однако перспективы практической реализации его рискогенного потенциала можно в полной мере понять лишь при изучении конкретных управленческих практик, что осуществить затруднительно из-за специфики предмета анализа. Во всяком случае, результаты проводимого в 2018 году экспертного исследования, в своей основе, совпадают с результатами массового опроса [2]. Эксперты от общественности (депутаты, представители СМИ, преподаватели) пришли к тем же выводам, что и население муниципальных образований.

Таблица 8

Можно ли, по Вашему мнению, утверждать, что институту сити-менеджмента присущи следующие социально-экономические риски, в %

Параметры оценки	Результат
Отказ от выборов главы муниципального образования может стимулировать рост коррупционных практик	32,2
Отмена выборов исключает такой источник развития муниципалитетов, как предвыборные обещания, которые ранее были механизмом получения средств для муниципального развития от парламентских политических партий и высокостатусных политиков	20,5
Дополнительные средства для развития муниципалитета будут получать лишь лояльные федеральной власти сити-менеджеры	40,8
Ни один из указанных выше рисков не присущ для института сити-менеджмента	18,1

Лишь 18,1% респондентов убеждены в том, что институт сити-менеджмента не содержит никаких социально-экономических рисков. Этот вариант выбрало наименьшее число из опрошенных. Представляется любопытным, что данный вариант, если оценивать по критерию "социальное положение", чаще всего предпочитали представители рабочего класса – 24%, в то время как в других социальных группах порог предпочтений не превышал 9-11%. Едва ли можно объяснить приведенный результат повышенной лояльностью рабочих к власти. Скорее всего, здесь проявляется их невысокий образовательный уровень, мешающий им сделать конкретизированный и осознанный выбор в сфере управления социально-экономическими отношениями на муниципальном уровне.

Наибольшую популярность среди респондентов получила опция "дополнительные средства для развития муниципалитета будут получать лишь лояльные федеральной власти сити-менеджеры", которую выбрали 40,8% из числа опрошенных. Ее знаковость в контексте исследования коррелируется с таким вариантом выбора, как "достройка властной вертикали". Очевидно, респонденты убеждены, что залогом финансирования муниципалитетов окажется политическая лояльность, встроенность конкретных сити-менеджеров не просто в организационную институцию, но в группу наиболее доверенных лиц на низовом уровне управления, пользующихся покровительством со стороны ведущих политиков внутри федеральной или региональной административно-политической элиты. Также подтверждается выявленная обеспокоенность трети респондентов (32,2%) относительно актуализации перспектив роста коррупционных практик, возможность которых, как мы уже отмечали, заложена некоторыми особенностями института сити-менеджмента.

Нельзя сказать, что очень часто, но чуть больше пятой части респондентов (20,5%) согласились с тем, что отмена выборов исключает такой источник развития муниципалитетов, как предвыборные обещания, которые ранее были механизмом получения средств для муниципального развития от парламентских политических партий и высокостатусных политиков. Действительно, все эти обещания перешли из области публичной сферы, когда они артикулировались политиками в ходе обращения к своим избирателям, в область кулуарных обязательств, субъектная направленность которых не определена, но, как следует из самой сути сити-менеджмента, фиксируется в виде формализованных показателей, достижение которых предполагает признание высокой степени эффективности работы городского управляющего, как справившегося со своими обязательствами. Часть населения муниципальных образований Республики Крым опасается, смешившийся вектор обещаний не просто приведет к росту коррупционных практик, а оставит народ в стороне от получения муниципальных благ.

Таблица 9

Насколько важен, по Вашему мнению, правовой порядок вступления в должность главы муниципального образования, в %

Параметры оценки	Результат
Отмену выборов приму только положительно, часто выборы – это отмывание денег или механизм получения привилегий и неприкосновенности	24,4
Я устал от политики и приму главу муниципалитета в любом качестве, если он будет успешно решать социально-экономические проблемы	51,6
Отмену выборов мэра оцениваю крайне негативно, т.к. для меня демократические принципы имеют большое значение	24,0

Формулировка ответов была заведомо сделана так, чтобы в равномерной степени значимости обострить мотивацию респондентов, сделав её максимальной понятной и предотвратив предполагаемое стремление значительной части опрашиваемых пропустить данный вопрос (титул к табл. 9) из-за неопределенности собственных электоральных ценностей. Пожалуй, в современном российском обществе можно вести речь даже не столько о неопределенности, сколько о смятении ценностных ориентаций вследствие происходящего сейчас так называемого "консервативного ренессанса". Демократия (и ассоциируемые с ней выборы), как способ организации политического режима, когнитивно артикулируется в рамках либеральной идеологии. Сейчас она находится под пресом осуждения со стороны власти, СМИ, общественного мнения, как несоответствующая традиционным российским ценностям, как инструмент реализации "Западом" своих интересов на постсоветском пространстве. В результате, мы имеем серьезное противоречие в ценностных установках: либеральная идеология в сознании социальных акторов уже в полной насытилась отрицательными коннотациями, а демократия ещё продолжает сохранять свой благоприятный ореол. Это порождает противоречивые предикаты. Особенно это актуально для населения Крыма, которое стало впитывать в себя официальные установки на традиционализм и консервативный поворот сравнительно недавно, пять с половиной лет назад. Именно поэтому мы предложили респондентам развернутые и предельно конкретизированные варианты ответов, что не только должно было им помочь правильно разобраться в собственных представлениях о проблеме, но и нам даст возможность снять максимально полную информацию.

Прежде, чем дадим интерпретацию полученным результатам, отметим, что муниципальные выборы в Крыму, даже в украинский период, всегда находились на самом низком уровне заинтересованности со стороны избирателей, если сравнивать с выборами в региональные и центральные органы власти. Так, избрать последнего "украинского" мэра в Ялте пришли 40,75% населения муниципального образования¹, в Феодосии – 34%². В других городах явка нередко была ещё ниже. В этом контексте следует трактовать и результаты нашего исследования, согласно которым чуть больше половины от числа опрошенных (51,6%) выбрали вариант "Я устал от политики и приму главу муниципалитета в любом качестве, если он будет успешно решать социально-экономические проблемы". Можно сказать, что это не вполне соответствует стереотипу о том, что в Крыму основная масса населения по своим электоральным ценностям имеет радикальные различия между населением остальной России. Мы видим готовность к демонстрации отказа от избирательных прав в обмен на решение социально-экономических проблем.

Говоря о других результатах, надо отметить, что почти четверть респондентов (24,4%) показали себя убежденными противниками системы выборов мэра в сложившихся в Крыму административно-политических условиях, которые, по их мнению, делают выборы бессмысленными с точки зрения способности жителей региона делегировать свои права на реализацию полномочий в сфере муниципального управления. Выборы, как они считают, превратились в процедуру отмывания денег или механизм получения привилегий и неприкосновенности. Это не означает, что данную группу образуют безоговорочные противники выборов. Скорее всего, речь идет о неприятии выборов в рамках существующих электоральных возможностей.

И, наконец, наименее представительной (24,0%) оказалась позиция убежденных сторонников избрания мэра на муниципальных выборах (или противников института сити-менеджмента). Мы полагаем, что данная группа представляет собой наиболее активную часть муниципального населения в Крыму. Кроме того, она должна состоять из латентной или открытой оппозиции власти, какие бы мотивы не лежали в основе этого антагонизма. Но обе эти гипотезы проверить невозможно, т.к. опрос проводился анонимно. Единственное, что мы в состоянии сделать, – выявить социальную структуру несогласных с процедурой конкурсного отбора. Чаще всего анализируемому варианту ответа отдавали предпочтение "служащие с высшим образованием" (20,6%), образовавшие, как видно, пятую часть её состава. На обратном полюсе находятся "предприниматели" (4,1%), "служащие со средним образованием" (4,1%) и "безработные" (5,2%). Другие социальные слои, заложенные в анкету в качестве критериев отбора респондентов, представлены в группе несогласных численностью в 12-14%. Пожалуй, единственный вразумительный вывод, который можно сделать на основе анализа социальной структуры группы противников сити-менеджмента, состоит в том, что её активная часть сформировалась из интеллигенции, мировоззрение которой сохранило в наибольшей степени в сравнении с другими социальными группами демократические ценности.

Подведем итоги. Проведенный социологический опрос был направлен на изучение трёх основных аспектов, связанных с установлением общественной состоятельности института сити-

¹ Выбирать мэра Ялты пришли только 40 процентов избирателей // <https://crimea.kz/59858-Vybirat-mera-Yalty-prishli-tol-ko-40-procentov-izbirateley.html>.

² На выборах мэра в Феодосии победил регионал Бартенев // <https://flot3000.com/ru/palette/1524>.

менеджмента в муниципальных образованиях Республики Крым: доверие к реформе, цели реформы, ожидание последствий от реформы. По всем заявленным позициям с определенной степенью допущений можно выделить три группы в виде 1) сторонников реформы и 2) её противников, каждая из которых насчитывает примерно четверть от числа опрошенных, а также 3) не определившееся большинство, согласное на любую управленческую модель, лишь бы она привела к повышению уровня социально-экономического развития территорий. Среди респондентов преобладают мотивы недоверия к реформе, вызывающие вопросы о целесообразности её проведения. Одна треть опрошенного в Крыму населения расходится с законодателем в определении целей реформы, видя в ней исключительно политическую направленность, а другая треть вообще не усматривает в ней никаких целей. Подавляющее большинство опасается, что за реформу придется заплатить высокую цену, указывая на возможность наступления потенциально опасных рисков управленческого и социально-экономического характера. При этом опасность наступления электоральных рисков не стоит признавать столь уж значимой, т.к. однозначно негативное суждение об отмене муниципальных выборов высказала лишь четверть из числа опрошенных в трех муниципальных образованиях Республики Крым. В целом, необходимо отметить, что полученные данные в ходе социологического опроса, а также сама управленческая ситуация, сложившиеся в Республике Крым, свидетельствуют о том, что делать окончательные выводы об общественной состоятельности института ситуационного менеджмента в Крыму преждевременно. Но если власть всё-таки начнет в регионе проводить реформу, то активного ей противодействия население оказывать не станет, ориентируясь, в первую очередь, на её конечные результаты.

Литература

1. Дятлов А.В., Сажин А.В. Тенденции и перспективы изменения организационной культуры российского малого бизнеса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. №6-2. С. 234 – 238.
2. Ковалев В.В., Дятлов А.В., Нечушкин А.Ю., Попов А.В. Социокультурные основания для модели "ситуационного менеджмента" в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 3 –9.

Dyatlov Alexander Viktorovich, doctor of sociology, Professor, Department of applied conflictology, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: avdyatlov@yandex.ru

Kovalyov Vitaly Vladimirovich, doctor of sociology, Professor, Department of theoretical sociology and methodology of regional studies, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: vitkovalev@yandex.ru

Serikov Anton Vladimirovich, PhD in sociology, associate Professor of theoretical sociology and methodology of regional studies, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: aserikov@inbox.ru

PUBLIC SOLVENCY OF THE INSTITUTE OF CITY MANAGEMENT IN THE ESTIMATES OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Abstract

This article interprets the results of a mass sociological survey conducted among the population of municipalities of the Republic of Crimea to determine the social viability of the Institute of city management. Social solvency is understood as the achievement of the main goals set for the Institute of city management, first of all, the involvement of professional managers to improve the indicators of socio-economic development of the territories. Three aspects are formulated as criteria for evaluation: confidence in the reform, the objectives of the reform, the expectation of the consequences of the reform. The authors came to the conclusion that the bulk of the population does not trust the reform, sees in it other goals than the legislator declares, fears the onset of negative consequences from its implementation. At the same time, active opposition to the abolition of municipal elections in Crimea should not be expected, because the most clear informative story of the reform – replacing elected mayor and appointed city Manager, does not cause the active condemnation among the respondents.

Keywords: *Institute of city management, public solvency, city Manager, head of municipality, local self-government, municipal community, social and economic development, municipality, electorate.*

References

1. Dyatlov A.V., Sazhin A.V. Tendencii i perspektivy izmeneniya organizacionnoj kul'tury rossijskogo malogo biznesa // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2014. Т. 6. №6-2.Р. 234 – 238.
2. Kovalev V.V., Dyatlov A.V., Nechushkin A.YU., Popov A.V. Cociokul'turnye osnovaniya dlya modeli "siti-menedzhmenta" v sisteme rossijskogo municipal'nogo upravleniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya. 2018. Т. 4 (70). № 1. Р. 3 –9.

СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

**Бедрик
Андрей
Владимирович**

кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: abedrik@bk.ru

**Бинеева
Наталья
Камильевна**

кандидат социологических наук, доцент, старший преподаватель, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160); ученый секретарь, Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 102). E-mail: n.bineeva@gmail.com

**Дьяченко
Анжела
Николаевна**

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160, оф. 112). E-mail: angelz2004@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные для многонационального российского общества вопросы сохранения этнокультурного многообразия в контексте реализации государственной национальной политики. На основе анализа нормативных документов, определяющих основные принципы национальной политики, раскрываются особенности национально-культурных компонентов в условиях институциональной и ресурсной среды российского общества, обосновывается вывод о наличии комплекса рисков, обусловленных противоречиями на уровне законодательства, формальных и неформальных практик осуществления мероприятий национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, этнокультурное многообразие, идентичность, Стратегия государственной национальной политики, национально-культурные объединения, национально-культурная автономия, многоязычие, право выбора языка, Юг России.

На начальном этапе развития постсоветской национальной политики в России (1990 – начало 2000-х гг.) она характеризовалась нейтрализацией центробежных тенденций, преодолением негативных последствий распада СССР и решением проблем сепаратизма. В настоящее время произошла трансформация национальной политики от антисепаратистского к этноконсолидационному содержанию [1, с. 174]. В соответствии с ним национальная политика в современной России имеет несколько направлений реализации, одним из которых является государственная политика по сохранению национального многообразия, поддержке национально-культурных объединений и коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Данное направление относится к категории базовых целей Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666¹. Стратегия предполагает реализацию данной цели через обеспечение сохранения и приумножения культурного наследия народов России путем создания возможностей доступа к культурным ценностям, материальному и нематериальному историческому наследию народов России, развития национального волонтерского движения и подготовку национальных кадров в сфере культуры, расширения соответствующих научных исследований, пропаганды достижений народов России через учреждения культуры и СМИ, введения в систему образования элементов этнокультурного просвещения, поддержки двуязычия и многоязычия и т.д. Именно Указ Президента о введении новой стратегии национальной политики является базовым нормативно-правовым актом, постулирующим ценность сохранения всех национально-культурных компонентов российского общества.

Данное положение Стратегии предваряется рядом источников законодательного уровня, разработанных в 1990-е годы и позднее неоднократно уточненных. При этом признается, что базовыми основами существования народа является его идентичность и его язык [2, с. 128]. В соответствии с Законом РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации»² в России гарантировано право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и т.д. (ст. 2, п. 3), а далее констатируется, что «...никто не вправе ущемлять ограничения или привилегии при использовании того или иного языка...», «...государство признает равные права всех языков народов РФ...», «...все языки народов РФ пользуются поддержкой

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

² Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 01.11.2019).

государства...». Однако национально-территориальный принцип организации российского федерализма вносит свои поправки и в государственную языковую политику. Так в соответствии с рассматриваемым законом республики в составе России вправе устанавливать свои государственные языки, а в местах компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных образований или просто живущих за их пределами, в официальных сферах общения допускается использование языка населения данной местности. Данные гарантии обуславливают две группы противоречий. Во-первых, различия в статусе между народами, чьи языки получили законодательное признание, и народами, лишенными подобной преференции. Во-вторых, за русским языком сохраняется конституционный статус государственного языка на всей территории России. Расширение практики публичного употребления национальных языков, мотивированное положениями рассматриваемого закона, неоднократно становилось поводом языковых конфликтов в местах компактного расселения переселенцев из национальных субъектов в других регионах России. Требование местного старожильческого населения отказаться от соответствующей практики на уровне учреждений муниципальной власти, организаций образования, медицины, социальных служб приводило к локальным межэтническим столкновениям в постсоветский период [3, с. 274].

Среди прочего Закон гарантирует право выбора языка образования, обеспечение преподавания и изучения языков народов Российской Федерации (ст. 9-10). Так в Ростовской области в 2012 году возник прецедент: турко-месхетинская община одного из южных районов региона обратилась в муниципальные органы власти с ходатайством о введении в школьную программу обучения основам турецкого языка для школьников соответствующей этнической принадлежности. Данное обращение было мотивировано этническим составом обучающихся, в котором почти половина являлись представителями турецкой национальности. Администрация школы и местные органы управления образованием отказали в удовлетворении по данному обращению, объяснив такое решение отсутствием профессиональных педагогических кадров, способных обеспечить преподавание курса турецкого языка на уровне требований государственной системы образования [4, с. 174]. Аналогичная ситуация характеризует большинство других субъектов Юга России, в которых только в национальных республиках педагогические вузы и ссузы обеспечивают воспроизводство соответствующих профессиональных кадров для преподавания родного языка титульных групп этих субъектов. В случае с диаспорами подобная практика либо отсутствует вовсе, либо осуществляется национально-культурными объединениями в рамках воскресных и вечерних курсов, программ дополнительного образования, частных образовательных учреждениях (например, в г. Ростове-на-Дону с 1996 года успешно функционирует ЧОУ Гимназия «ОР АВРЕН», созданная Еврейским культурным центром «Бейт Хабад», в программу которой входит обязательное изучение иврита и еврейской культуры)¹.

Гарантии защиты языков народов Российской Федерации предусматривают использование трех групп инструментов: социальных, экономических и юридических. Они ориентированы на сохранение и развитие языкового многообразия, финансовое обеспечение просветительских мероприятий языковой направленности, юридическое пресечение деятельности ответственных лиц в случае нарушения языковых прав граждан. Однако на практике возможности получить финансовую поддержку государства для преподавания национальных языков имеют только государственные языки республик [5, с. 133], а также этнических групп, сохранение культуры которых гарантируется положениями Федерального закона РФ от 30.04.1999 №82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»².

Закон определяет коренными малочисленными народами группы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы и насчитывающие менее 50 тысяч человек. В настоящее время Единый перечень коренных малочисленных народов России, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 24.03.2000 №255 (ред. от 25.08.2015), включает 47 народов. Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» определяет целый пакет финансовых инструментов сохранения традиционных культур. Статья 5 Закона позволяет федеральным органам государственной власти принимать программы социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их языков, исконной среды обитания, использования и охраны земель, оказывать целевую поддержку, возмещать убытки, причиненные традиционному образу жизни и т.д. Закон учреждает институт уполномоченного представителя малочисленных народов, которым могут являться как физические, так и юридические лица. Органы государственной власти и

¹ Официальный сайт ЧОУ Гимназии «ОР АВРЕН – Свет знаний». [Электронный ресурс]. URL: <http://oravner161.com/index.php/home> (дата обращения: 01.11.2019).

² Федеральный закон РФ от 30.04.1999 №82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 01.11.2019)

местного самоуправления обязаны в решении вопросов, затрагивающих правовые или социально-экономические интересы коренных национальных меньшинств привлекать институт уполномоченного, в том числе в подготовке и принятии решений по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни, к проведению экологических и этнологических экспертиз, делегировать их в советы при правительствах субъектов РФ и муниципалитетах и т.д.

Однако приводимое законом определение коренным малочисленным народам ограничивает круг потенциальных объектов применения его норм, так как в условиях модернизированного общества и особенно урбанизированной среды многие этнические группы, сохраняя язык и идентичность, утрачивают традиционный образ жизни и народные промыслы. Соответственно на данные общности не могут распространяться положения рассматриваемого нормативно-правового акта. Первоочередное значение Закон имеет для малочисленных народов Севера. В условиях Юга России действие закона фактически ограничено. Неслучайно в Едином перечне коренных малочисленных народов России только две группы относятся к южнороссийским этносам – абазины (Карачаево-Черкесская Республика) и шапсуги (Краснодарский край). Несмотря на это проблема сохранения этнокультурного многообразия актуальна для южнороссийского макрорегиона и обусловлена ассимиляционными трендами во многих субъектах. Так Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» предоставляет право Республике Дагестан, учитывая уникальность этнического состава населения региона, самостоятельно определять перечень коренных малочисленных народов и их количественные характеристики. Постановление Госсовета Республики Дагестан от 18 октября 2000 г. № 191 определило 14 этнических групп – коренных малочисленных народов, представив их перечень в Правительство РФ. Данный документ единственный прецедент, в соответствии с которым этносы независимо от ранга в региональной этнодемографической структуре получили статус малочисленных народов (в т.ч. русские). Именно поэтому в текст Единого перечня коренных малочисленных народов России не были внесены поправки, а ситуация в Дагестане выделена в самостоятельный юридический прецедент [6, с. 225]. Кроме того, утвержденный Госсоветом перечень не отражает реальной этнокультурной палитры населения и ассимиляционных тенденций в регионе. Так наибольшую проблему с точки зрения сохранения поликультурной мозаики представляют процессы внутриэтнической консолидации субэтнических групп. В частности, всероссийские переписи населения фиксируют устойчивость численности субэтнических групп внутри аварцев: андийцев, дидойцев, ахвахцев, бежтинцев, каратинцев, ботлихцев, гунзибцев и т.д. При этом актуальный уровень субэтнической идентичности не обеспечивает сохранение родного языка, учитывая отсутствие его письменной основы и преподавания в школе. Языковая палитра населения Дагестана утрачивает своего многообразие, а в условиях дагестанских землячеств происходит отказ и от субэтнических маркеров идентификации [7, с. 67]. Аналогичные процессы в еще более интенсивной форме характеризуют современные адыгские народы в Республике Адыгея и Краснодарском крае, в среде которых утрата диалектических особенностей ведет в настоящее время к практически полному исчезновению абадзехской, бжедугской, темиргоевской субэтнических общностей¹.

Институциональный уровень сохранения этнокультурного многообразия народов России обеспечивается несколькими экстерриториальными формами национально-культурного самоопределения, их, которых базовой является национально-культурная автономия (далее НКА). В соответствии с Федеральным законом РФ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»² национально-культурной автономией является объединением граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической группе, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории на основе добровольной самоорганизации и с целью сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, а также укрепления единства российской нации и гармонизации межэтнических отношений [8, с. 254]. Одновременно Закон признает НКА видом общественного объединения (а именно – общественной организации), деятельность которых также регламентируется Федеральным законом РФ от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и Федеральным законом РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Учреждение и функционирование НКА является своеобразной компенсацией отсутствия реальной возможности на государственном уровне удовлетворить весь спектр культурно-языковых потребностей народов, населяющих Россию, через деятельность учреждений культуры и образования. Закон гарантирует НКА возможности получения поддержки со стороны государственных органов и органов местного самоуправления (в т.ч. финансовой), представлять интересы своей национальной общины (в т.ч. мигрантов) в учреждениях законодательной и исполнительной власти,

¹ Интервью М. Унараковой. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adigea.aif.ru/culture/details/48492> (дата обращения: 01.11.2019).

² Федеральный закон РФ от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/135765:0> (дата обращения: 01.11.2019).

а также на муниципальном уровне, создавать собственные СМИ, образовательные и научные организации, учреждения культуры и т.д. При этом НКА могут иметь местный, региональный или федеральный статус, образовывать межрегиональные и вступать в международные ассоциации. Фактически через НКА создается гибкая система реагирования на этнокультурные потребности граждан без ущемления прав других народов, способная решать соответствующий комплекс задач в условиях динамичности численности носителей культуры и языка и характера их мотивации. Однако Закон ратифицирует возможности государства и местного самоуправления обеспечивать ресурсную (в т.ч. финансовую) поддержку НКА, оставляя ее на усмотрение исполнителя. В данной ситуации НКА фактически лишены перспектив реализации долгосрочных, технически сложных и требующих больших затрат проектов. Неслучайно, в большинстве российских НКА роль лидера выполняют успешные предприниматели – представители этнической группы, которая таким образом рассчитывает на получение материально-финансового потенциала для обеспечения своей жизнедеятельности [9, с. 33].

Другой проблемой патерналистской модели функционирования НКА является то, что, представляя интересы своей этнокультурной группы, лидеры НКА вынуждены регулярно согласовывать свои публичные действия с институтами власти. Это снижает степень их легитимности в собственной национально-культурной среде, провоцирует образование параллельных неформальных сообществ, снижает консолидационный потенциал [10, с. 251]. Представительская функция НКА в подобных условиях имеет исключительно презентационный характер, лишенная реальной возможности быть субъектом публичной дипломатии или общественного медиатора. Кроме того, НКА в соответствии с Законом имеют право устанавливать и поддерживать гуманитарные контакты с гражданами и общественными организациями иностранных государств (ст. 4). Данное положение имеет особое значение для зарубежных диаспор, для которых связи с исторической родиной или национальным государством выступают ядром этнической идентичности, фактором социокультурного воспроизводства [11, с. 239]. Однако в соответствии с п. 6 ст. 2 ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» общественные объединения (в т.ч. НКА), получающие денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, выполняют функцию иностранного агента. Данное нормативное положение лишает НКА, представляющие диаспоры, беспрепятственного получения помощи от материнского государства для финансирования программ изучения родного языка и культуры, создания совместных культурно-просветительских центров и т.д. Стигматизация «иностранного агента» особенно рискогенна в условиях обострения геополитической конкуренции и необходимости всех субъектов общественных отношений определить собственный вектор геополитической идентификации [12, с. 140]. Выступая заложником политической конъюнктуры, НКА теряют ресурсы реализации тех прав, которые гарантированы им в соответствии с ФЗ РФ «О национально-культурной автономии».

Дополнительной гарантией обеспечения представительства национально-культурных объединений на уровне государственной и муниципальной власти России является обязательность создания при одном из федеральных органов исполнительной власти консультативного совета по делам национально-культурных автономий, действующего на общественных началах, а на региональном и местном уровне Закон рекомендует создание подобных совещательных институтов [2, с. 38]. На федеральном уровне консультативный совет создан при Федеральном агентстве по делам национальностей (приказ ФАДН РФ от 23 октября 2015 года №70). В соответствии с данным приказом ФАДН РФ задачами деятельности Консультативного совета является выработка мер по укреплению единства российской гражданской нации, формированию межэтнической толерантности, популяризации многонациональной культуры России, а также подготовка предложений по совершенствованию законодательства в сфере государственной национальной политики. В состав совета входят руководители 17 федеральных НКА, персонально дублирующие состав Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ¹. Кроме того, аналогичные совещательные структуры действуют и при других государственных органах и общественных организациях РФ: Консультативный совет при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями; Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты России и др. В субъектах Федерации практика создания подобного рода консультативных органов также распространена, в том числе и на Юге России. Для всех данных структур характерен один и тот же комплекс проблем функционирования. Во-первых, членство в консультативных советах определяется по критерию лояльности, а не легитимности среди этнической общности, которую представляет та или иная организация. Особенно это характерно в ситуации существования нескольких альтернативных национально-культурных объединений. Во-вторых, состав консультативных советов редко обновляется и в него могут официально

¹ Официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей. [Электронный ресурс]. URL: <http://fadn.gov.ru/> (Дата обращения: 01.11.2019).

входить лидеры общественных объединений, утративших свой юридический статус, и наоборот не иметь место в совете представители зарегистрированных и реально функционирующих НКА.

Таким образом, институциональная и ресурсная среда реализации приоритетной цели Стратегии государственной национальной политики РФ по сохранению и укреплению этнокультурного многообразия населения России характеризуется комплексом рисков, обусловленных противоречиями на уровне законодательства, формальных и неформальных практик осуществления мероприятий национальной политики.

Литература

1. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
2. Сикевич З.В. Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности. // Гуманитарий Юга России. 2018. №2. С. 36 – 53.
3. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: ИЭиА РАН, 2011. 812 с.
4. Бедрик А.В., Сериков А.В. Этноконфессиональные отношения в контексте обеспечения национальной безопасности: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 171–180.
5. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности: Монография. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
6. Алиева В.Ф. Демографические процессы в современном Дагестане. М.: Наука, 2007. 325 с.
7. Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андоцезской группы). Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2012. 282 с.
8. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004. 508 с.
9. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: Институт востоковедения РАН; Изд-во «Крафт+», 2001. 176 с.
10. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутривосточные и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. 284 с.
11. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
12. Жаде З.А. Геополитика и идентичность: пересечение предметных полей исследований // Власть. 2013. №12. С. 137 – 142.

Bedrik Andrey Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: abedrik@bk.ru

Bineeva Natalya Kamilievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation); Scientific Secretary, South Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (102, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: n.bineeva@gmail.com

Dyachenko Angela Nikolaevna, candidate of philosophical, Senior researcher at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: angelz2004@yandex.ru

PRESERVATION OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL POLICY

Abstract

The article discusses issues relevant to multinational Russian society preserving ethnocultural diversity in the context of the implementation of state national policy. Based on the analysis of regulatory documents that determine the basic principles of national policy, the features of national-cultural components in the institutional and resource environment of Russian society are revealed, the conclusion is made about the existence of a complex of risks due to contradictions at the level of legislation, formal and informal practices of implementing national policy measures.

Keywords: national policy, ethnocultural diversity, identity, Strategy of the state national policy, national-cultural associations, national-cultural autonomy, multilingualism, the right to choose a language, South of Russia.

References

1. Popov F.A. Geografiya secessionizma v sovremennom mire. M.: Novyj hronograf, 2012. 672 p.
2. Sikevich Z.V. Etnicheskie predubezhdeniya kak osnova proyavleniya intolerantnosti. // Gumanitarij YUga Rossii. 2018. №2. P. 36 – 53.
3. Guboglo M.N. YAzyki etnicheskoy mobilizacii. M.: IEiA RAN, 2011. 812 p.
4. Bedrik A.V., Serikov A.V. Etnokonfessional'nye otnosheniya v kontekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: regional'nyj aspekt // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 11. P. 171–180.
5. Ryzhova S.V. Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti: Monografiya. M.: Al'fa-M, 2011. 280 p.
6. Alieva V.F. Demograficheskie processy v sovremennom Dagestane. M.: Nauka, 2007. 325 p.
7. SHahbanova M.M. Etnicheskaya identichnost' malochislennyh dagestanskih narodov (na primere andocezskoj gruppy). Mahachkala: Izd-vo ALEF, 2012. 282 p.
8. Osipov A.G. Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya. Idei, resheniya, instituty. SPb.: CNSI, 2004. 508 p.
9. Levin Z.I. Mentalitet diaspory (sistemnyj i sociokul'turnyj analiz). M.: Institut vostokovedeniya RAN; Izd-vo «Kraft+», 2001. 176 p.
10. Poloskova T.V. Sovremenyje diaspory. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty. M.: Nauchnaya kniga, 2002. 284 p.
11. Tishkov V.A. Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii. M.: Nauka, 2003. 544 p.
12. ZHade Z.A. Geopolitika i identichnost': peresechenie predmetnyh polej issledovaniy // Vlast'. 2013. №12. P. 137 – 142.

ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ И РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ***Загирова****Эльвира****Махачевна****Шахбанова****Мадина****Магомедкамиловна**

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Социально-педагогический институт (368600, Россия, г. Дербент, ул. Хандадаша Тагила, 33 «з»). E-mail: elvira.2005@inbox.ru

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр (367030, Россия, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). E-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Проблема религиозности, выраженности ее типов и культового поведения является одной из актуальных на фоне повышения значимости религиозного фактора в современном российском обществе. В статье анализируются типы религиозности, индикаторы ее измерения, культовое поведение горских евреев, существующая между типом религиозности и религиозным поведением корреляция. Полученные эмпирические данные являются основанием для вывода, что опрошенные горские евреи демонстрируют культовое поведение соответствующее каждому из типов религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий, убежденно неверующий), хотя можно отметить и некоторую непоследовательность в их поведении: когда, относящийся по типу религиозности к определенной подгруппе массив опрошенных в своем культовом поведении демонстрирует нехарактерное себе религиозное поведение. При этом можно констатировать осознанность в массовом сознании горских евреев в определении сути понятия «истинно верующий» – человек строго и четко следующий всем, без исключения канонам иудаизма. По результатам исследования установлена значимость нравственного компонента в определении отношения к вере, более того, по мнению горских евреев, к когорте истинно верующих может быть причислен человек, демонстрирующий нравственное поведение независимо от своего отношения к религии (верующий/неверующий).

Ключевые слова: горские евреи, иудаизм, культовое поведение, религиозность, типы религиозности, истинно верующий, нравственность, активные и пассивные верующие.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Распад Советского государства закономерно способствовал изменению не только его социально-экономической основы, но и идеологической надстройки: произошла быстрая смена атеизма религией, вернее, можно утверждать, что образовавшаяся духовная пустота на фоне сложного материального благополучия населения, была заполнена вероучением, причем интенсивности религиозных процессов способствовало само государство, которое практически перестало обращать внимание на социальное и духовное самочувствие людей [1]. Кроме того, религия стала выполнять одну из ключевых функций в поликультурном обществе, духовные лица усилили свое влияние и воздействие на массовое сознание, разумеется, данные процессы протекали довольно противоречиво [2]. Видимо, в этой связи, вполне уместна позиция К. Юнга, усмотревшего основу религиозности как стремление и поклонение чему-то высшему, в самой природе человека [3].

В научном сообществе существуют разные позиции о глубине религиозного возрождения, например, Ж.Т. Тощенко утверждает, что «несмотря ни на какие заявления о религиозном ренессансе, уровень религиозности изменился мало, знаменуя причастность к религии значительной части населения только на вербальном уровне» [4]. Заслуживает внимания объяснение религиозного возрождения данное Л.Н. Митрохиным: «главной причиной интереса к религии были не "положительные" конфессиональные ценности, а отталкивание от прежней авторитарной, "принудительной идеологии", стремление отстоять свою духовную, мировоззренческую автономию. Отвергая жесткую догматическую систему человек часто не задумывается о конкретном вероисповедании, которое он готов принять, предпочитая именовать себя "верующим вообще"» [5, с. 80].

Понятие «религиозность» является категориальным для социологии религии и, если «религия» «подразумевает выделение особой сферы (формы) общественного сознания, особого типа социальных связей и институтов в рамках целостной социальной системы» [6, с. 127], то «представляется целесообразным понимать под религиозностью социальное качество индивида и группы, выражающее в совокупности их религиозных свойств» [7, с. 127]. Р.А. Лопаткин религиозность рассматривает как «определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» [8, с. 194].

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-011-00367 «Этническая и религиозная идентичности горских евреев Северного Кавказа: состояние и тенденции».

Благодаря проведенному анализу существующих в современной науке теоретико-методологических концептов, С.Д. Лебедев выделяет следующие критерии измерения религиозности: «1. Самоидентификация респондента. а) определение отношения человека к религии вообще – религиозная самоидентификация, обычно определяемая по инвариантной шкале типа "верующий – индифферентный – неверующий" или «верующий – колеблющийся – неверующий – атеист»; б) определение отношения человека к конкретному религиозному вероисповеданию – конфессиональная самоидентификация. 2. Определенный круг мировоззренческих представлений, характерных для данного вероисповедания или группы вероисповеданий, 3. Совокупность определенных практик, свойственных данной религиозно-культурной традиции или группе традиций» [9, с. 155].

П. Тиллих придерживался позиции об изначальной религиозности человека, которая существует практически во всех проявлениях культуры, с мотивацией наличия на «предельное, бесконечное и безусловное в человеческой духовной жизни» [10, с. 11]. Авторам ближе определение религиозности данное С.Д. Лебедевым: «религиозность – это духовное, культурное и социальное состояние человека, вытекающее из принятия им той или иной доминанты религиозного сознания и поведения. При этом все три измерения религиозности (духовное, культурное и социальное) составляют неразрывное единство. Тем не менее, следует признать, что в силу конкретных исторических обстоятельств данные аспекты могут быть развиты и проявлены в различной степени» [9, с. 158].

Несмотря на наличие различных определений и критериев измерения религиозности, в науке имеются сложности с концептуализацией религиозности. Научный обзор методов исследования религиозности является основанием для ее понимания как религиозного сознания и поведения, верований и т.д., иными словами, «религиозность можно рассматривать как многомерное или одномерное явление» [11].

Таким образом, установление подлинности и глубины предрасположенности основам исповедуемого вероучения возможно через анализ формы культового поведения, выявление интенсивности соблюдения основополагающих культовых правил.

Характеристика выборки исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и специфики религиозного поведения горских евреев проведен в гг. Дербенте, Махачкале, Минводах, Нальчике, Пятигорске, Ессентуках методом «снежного кома». N – 425.

Результаты исследования

Исследование религиозности предполагает выявление ее взаимосвязи с поведением человека, установление «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности» [13, с. 51], ибо «определение критериев религиозности представляет серьезную проблему как теоретического и методологического, так и практического характера, вокруг которой ведут ожесточенные дискуссии» [14, с. 153].

Рост религиозности рассматривают как меру религиозной идентичности по той причине, что «уровень религиозности принято считать базовой характеристикой религиозной идентичности» [15, с. 111]. Критериями определения уровня религиозности являются такие индикаторы как отношение к вере («Верите ли Вы в Бога?», «Вы верующий?») и религиозное поведение, выражающееся в религиозной практике (соблюдение религиозных обрядов, ритуалов, выполнение религиозных предписаний и в данном контексте очень важным является частотность их соблюдения). В ответах на вопрос «**К какой религии Вы себя относите?**» 99,1 % опрошенных горских евреев однозначно указали на суждение «иудаизм», из них по 100 % самоидентифицирующиеся как «убежденно верующие» и «убежденно неверующие», 99,3 % «верующие», 97,4 % «колеблющиеся», 98,1 % «неверующие». Как показывают результаты исследования, респонденты независимо от типа религиозности обозначают исповедуемое вероучение. При этом позиции «в Бога верю, но не исповедую конкретную религию» (0,5 %), «я себя ни к какой религии не отношу» (0 %), «я атеист и не верю в Бога» (0,9 %) отмечены статистически незначимой долей респондентов. Ответы на вопрос «**Вы верующий?**» распределились следующим образом: 10,4 % считают себя «убежденно верующими», 68,2 % «верующими», 8,9 % «колеблющимися», 12,2 % «неверующими» и 0,7 % «убежденно неверующими».

Изучение степени религиозности горских евреев требует выявления характера их религиозного поведения. В современной науке существуют понятия «*традиционно верующие*», т.е. те, кто соблюдает религиозные обряды и обычаи и «*номинально верующие*», те, кто не соблюдает религиозные обычаи и обряды, поэтому в нашем исследовании был затронут данный аспект культового поведения горских евреев. По результатам исследования 51,1 % опрошенных горских евреев постоянно посещают синагогу, 65,9 % регулярно молятся, 66,1 % постоянно читают религиозные тексты, 70,1 % постоянно постятся. Таким образом, эмпирические данные показывают, что горские евреи, исходя из интенсивности своего культового поведения, могут быть причислены к подгруппе «убежденно верующих». Характерная горским евреям активность религиозного поведения прослеживается и через ответы на вопрос «**Кого Вы считаете истинно верующим человеком?**». Так, к категории «истинно верующих» они причисляют того, кто «регулярно посещает синагогу» (73,6 %),

«регулярно читает религиозные тексты (Тора, Мишна, Талмуд и другие)» (72,2 %), «соблюдает еврейские посты» (71,5 %), «живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания иудаизма» (66,4 %), «постоянно посещает религиозные службы» (59,8 %), «соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (Сурени)» (55,3 %), «регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма (Песах (Нисону), Йом-Кипур (Кюпюр), Пурим (Омону), Шавоут (Асельте), Шаббат (Шобот), Рош а-Шана (Рушешуне)» (55,1 %) и существенно меньшая часть «того, кто живет по законам иудаизма» (26,6 %). Вместе с тем определенный интерес вызывает наличие в массовом сознании горских евреев позиции истинно верующим человеком считающая «нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере» (57,6 %), более того, «истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек» (58,6 %), т.е. здесь можно констатировать отрицание собственно религиозного компонента, при обозначении важности нравственно составляющего. В основе любой религии находятся морально-нравственные устои, следовательно, обозначение их значимости при определении сути «истинно верующего человека» не должно вызывать каких-то вопросов. С другой стороны, может сложиться впечатление о существовании противоречия в определении «истинно верующий человек», более того, стремление респондентов синтезировать совершенно противоречивые суждения. Но отмеченное респондентами суждение «нравственный человек, независимо от своего отношения к вере» показывает, что в их установках имеет место тенденция не связывать морально-нравственные принципы индивида с его отношением к вероучению – верующий и атеист. Если посмотреть результаты опроса по типу религиозности, данного суждения придерживаются 54,5 % в подгруппе «убежденно верующих», 63,7 % «верующих» и заметно уменьшаются процентные показатели в подмассиве «неверующих» (34,6 %), «колеблющихся» и «убежденно неверующих» (по 50,0 %).

Исследователями подмечено существование непоследовательности по типу религиозности человека, поэтому в рамках данного опроса с целью установления корреляции между религиозным сознанием и религиозным поведением респондентов были сопоставлены некоторые вопросы, включенные в анкету опроса. Прежде чем перейти к изложению полученной информации следует отметить, что вопрос **«Кого Вы считаете истинно верующим человеком?»** выступает индикатором измерения отношения человека к религии, а вопрос **«Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?»** показывает религиозное поведение опрошенных горских евреев.

Полученные эмпирические данные констатируют, что когорта всегда участвующая во всех религиозных обрядах своей религии и привлекающая других людей (активно верующие по классификации Н.П. Алексеева), придерживается позиции, что истинно верующий человек должен регулярно посещать синагогу (92,4 %), соблюдать пост (91,6 %), регулярно читать религиозные тексты (90,8 %), постоянно посещать религиозные службы (74,4 %), регулярно соблюдать религиозные праздники иудаизма (73,5 %), соблюдать ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (73,9 %), жить по религиозным канонам и соблюдать все религиозные предписания иудаизма (77,7 %). При этом 72,3 % опрошенных из подгруппы активно верующих, истинно верующим считают нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере, более того, 74,8 % респондентов придерживаются позиции, что «истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек». Далее подгруппа, которая «всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии» (по классификации Н.П. Алексеева пассивно верующие) истинно верующим считает того, кто регулярно посещает синагогу (69,3 %), соблюдает пост (68,2 %), регулярно читает религиозные тексты (67,0 %), постоянно посещает религиозные службы (59,1 %), регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма (38,6 %), соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (46,6 %), живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания иудаизма (64,8 %).

Далее подгруппа иногда участвующая в некоторых религиозных обрядах своей религии (по классификации Н.П. Алексеева последовательные колеблющиеся) истинно верующим считает человека постоянно посещающего синагогу и соблюдающий пост по 31,1 %, читающий религиозные тексты (32,8 %), посещающий религиозные службы (23,0 %), соблюдающий религиозные праздники иудаизма (27,9 %), соблюдающий ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (19,7 %), живущий по религиозным канонам и соблюдающий все религиозные предписания иудаизма (54,1 %). Обращает на себя внимание акцентирование данной подгруппой внимания на нравственной составляющей истинно верующего человека: «нравственный человек, независимо от своего отношения к вере» (39,3 %) и «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» (36,1 %). Далее активно неверующие, которые «вообще не принимают участия в религиозных обрядах своей религии» к когорте истинно верующих относят тех, кто регулярно читает религиозные тексты (51,1 %), регулярно посещает синагогу (48,9 %), постоянно посещает религиозные службы (44,7 %), соблюдает пост и регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма (по

34,0 %), живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания иудаизма (31,9 %) и соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (27,7 %).

Таким образом, перекрестный анализ вопросов «Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?» и «Кого Вы считаете истинно верующим человеком?» показывает, что подгруппа, классифицируемая как «активно верующие» истинно верующим считают человека, который соблюдает все религиозные каноны иудаизма, но при этом можно отметить и подгруппы «колеблющихся» и «неверующих» отмечающих необходимость придерживаться ключевых положений исповедуемого вероучения. Вместе с тем, каждой из подгрупп обозначена важность нравственного компонента в определении содержания понятия «истинно верующий».

Далее сопоставление вопросов «Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?» и «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» показывает, что 78,4 % опрошенных из подгруппы «убежденно верующих, которые всегда соблюдают религиозные предписания и обряды» всегда участвуют во всех религиозных обрядах своей религии и привлекают других людей (по классификации Н.П. Алексеева «активно верующий»). Однако, респонденты придерживающиеся позиции «я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды» демонстрируют активное религиозное поведение, ибо «всегда участвуют во всех религиозных обрядах своей религии и привлекают других людей» (54,8 %). Далее, группа убежденно верующих демонстрирует культовое поведение характерное по типу религиозности «верующим», ибо «принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии» (24,2 %). Кроме того, в поведении опрошенных горских евреев можно проследить противоречивость между типом религиозности и религиозным поведением, когда подмассив, считающий себя «убежденно верующим человеком, но не всегда соблюдающим религиозные предписания и обряды» показывает культовое поведение характерное «колеблющимся» – «я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии» (59,6 %), позволяющие относить их к типу пассивно верующих.

Далее в рамках данного исследования были сопоставлены между собой вопросы «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» и «Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?», чтобы выявить соответствие типа религиозности горских евреев их культовому поведению (см. табл. 1).

Таблица 1

Варианты ответов	Регулярно посещать синагогу	Соблюдать еврейские посты	Читать религиозные тексты (Тора, Мишна, Талмуд)	Совершать молитву	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники иудаизма	Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний иудаизма, но считаю себя верующим человеком
Я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	89,7	91,6	90,8	97,8	86,8	87,9	0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	64,9	52,6	50,9	63,2	31,6	43,9	3,5
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	74,2	64,5	29,0	71,0	16,1	16,1	6,5
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	29,2	16,7	12,5	29,2	12,5	41,7	20,8
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	3,3	0	0	0	0	86,6	10,0
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Бога	25,0	0	25,0	0	0	0	75,0

Приведенные результаты исследования констатируют определенное несоответствие культового поведения респондентов типу их религиозности. Если вопросов не вызывает поведение респондентов, которые по типу религиозности являются «убежденно верующими, всегда соблюдающими религиозные предписания и обряды» и индикатором определения культового поведения верующего человека считают посещение синагоги, соблюдение поста, чтение религиозных текстов (Тора, Мишна, Талмуд), молитва, посещение религиозных служб и празднование религиозных праздников иудаизма, то усматриваются противоречия в поведении остальных типов религиозности. Так, респонденты, которые или непостоянно, или вообще не придерживаются предписанного иудаизмом культового поведения ассоциируют себя как «убежденно верующие», впрочем, как и подгруппы «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», подчеркивающих важность совершения молитвы, празднования праздников иудаизма, более того, полученные данные опроса констатирует позицию подгруппы атеистов обозначающих необходимость чтения религиозных текстов. Кроме того, обращает на себя внимание позиция «я не соблюдаю ни одно из предписаний иудаизма, но считаю себя верующим человеком» на которую указала одна пятая часть респондентов, по типу религиозности относящиеся к «колеблющимся» и каждый десятый из подгруппы «неверующих». Таким образом, сопоставление вопросов показывает существование противоречия между декларируемым и реальным поведением опрошенных горских евреев, порой несоответствие типа религиозности их культовому поведению. На данный факт было обращено внимание при сравнительном анализе и других вопросов, которые в тексте ранее были проанализированы.

Заключение

Полученные эмпирические данные показывают активное культовое поведение опрошенных горских евреев: больше половины респондентов постоянно посещают синагогу, молятся, читают религиозные тексты и постятся, что позволяет их относить к подгруппе «убежденно верующих», а также рассматривать их как «традиционно верующих» (соблюдающие религиозные обряды и обычаи) и «номинально верующих» (не соблюдающие религиозные обряды и обычаи). Однако, доля самоидентифицирующихся со своим вероисповеданием, в данном контексте с иудаизмом, существенна.

Анализ полученной информации показывает, что опрошенные горские евреи последовательно обозначают свое отношение в религии: по мнению подавляющей части респондентов, истинно верующим человеком является тот, кто «регулярно посещает синагогу, «регулярно читает религиозные тексты (Тора, Мишна, Талмуд и другие)», «соблюдает еврейские посты», «живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания иудаизма», «постоянно посещает религиозные службы», «соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (Сурени)», «регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма» и только одна четвертая часть «того, кто живет по законам иудаизма». Наряду с этим в массовом сознании имеет место обозначение тесной связи между нравственностью и отношением к вере, когда респонденты истинно верующим считают, во-первых, человека, который независимо от отношения к религии следует нравственным установкам, во-вторых, несколько категоричное утверждение, что истинно верующим является только «только нравственный (честный, порядочный) человек».

Ученые, исследуя типы религиозности, очень часто «совершают» ошибку, занимаясь поиском «чистых», идеальных типов, которые соответствуют принятой в научном сообществе классификации: «убежденно верующий», который «всегда участвует во всех религиозных обрядах своей религии и привлекает других людей», «верующий» – «всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии», «колеблющийся» – «иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии», «неверующий» – «вообще не принимает участия ни в каких религиозных обрядах своей религии», «убежденно неверующий» – «участвует в атеистической работе».

Эмпирические данные констатируют наличие типов «убежденно верующий», «верующий», «колеблющийся», «неверующий» и «убежденно неверующий», которые не вписываются в рамки типологии религиозности, ибо культовая активность и частотность поведения респондентов позволяет относить когорту «убежденно верующих» к подгруппе «верующих» и «колеблющихся», «верующих» к «колеблющимся» и «неверующим», «колеблющихся» к «верующим» и «неверующим», «неверующих» и «убежденно неверующих» к «верующим» и «колеблющимся» на основе результатов полученных на вопросы «Кого Вы считаете истинно верующим человеком?», «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» и «Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?».

Кроме того, исследование религиозного поведения горских евреев позволяет их подразделять по мировоззренческим убеждениям на активных и пассивных (классификация Н.П. Алексеева). Респонденты, декларирующие необходимость ведения активного культового поведения довольно быстро включаются в конфессиональную жизнь, регулярно посещая культовые учреждения исповедуемой религии (синагога), почитая религиозную символику, скрупулезно соблюдая религиозные

предписания (молитвы, пост, посещение богослужений, религиозные праздники и т.д.), при этом глубоко не зная религиозные основы иудаизма, не имея опыта культового поведения, тем более если не получили соответствующие религиозные знания в своей семье. Однако данные исследования позволяют утверждать, что опрошенным горским евреям характерно обозначение значимости иудаизма в своей жизни, поэтому они и демонстрируют интенсивное культовое поведение, как участвуя во всех религиозных обрядах иудаизма, так и привлекая в него единоверцев.

Литература

1. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society. *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № 2. С. 296 - 305.
2. Гафиатулина Н.Х. Этнические стереотипы в молодежной среде поликультурного региона как объект социологического исследования / В сб.: Поликультурные регионы: проблемы и возможности гармонизации межэтнических отношений. Материалы Международной научной конференции. 2017. С. 45 – 53.
3. Юнг К.Г. Психология и религия. Избранные работы / Пер. и сост. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во РХГА, 2014 // Электронная библиотека [электронный ресурс]. // URL: <http://www.klex.ru/32d> (Дата обращения: 10.08.2019).
4. Тощенко Ж.Т. Парадоксы религиозного сознания // Реформирование России: реальность и перспективы. М., 2003. С. 301 – 309.
5. Митрохин Л.Н. Религиозная ситуация в современной России // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 79 – 81.
6. Угринович Д.М. Введение в религиоведение: 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1985. 273 с.
7. Яблоков И.Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.
8. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук М.: Изд-во РАГС, 1996. 252 с.
9. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153 – 168.
10. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / Пер. с англ.; Сост. С.Я. Левит, С.В. Лезов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 352 с.
11. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153 – 168.
12. Бабич Н.С., Хоменко В.И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89 – 96. DOI: 10.19181/socjour.2013.2.384.
13. Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 50 – 55.
14. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153 – 168.
15. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробужева. М.: РОССЛЭН, 2013. 485 с.

Zagirova Elvira Makhachevna, Senior Lecturer, Department of Humanitarian Disciplines, Socio-Pedagogical Institute (33, Khadadash Tagil Str., Derbent, 368600, Russian Federation). E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yarag-skogo str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: madina2405@mail.ru

TYPES OF RELIGIOUSITY AND RELIGIOUS SOCIALIZATION OF MOUNTAIN JEWS

Abstract

The problem of religiosity, the severity of its types and cult behavior is one of the urgent against the backdrop of increasing the significance of the religious factor in modern Russian society. The article analyzes the types of religiosity, indicators of its measurement, the cult behavior of Mountain Jews, the correlation existing between the type of religiosity and religious behavior. The obtained empirical data are the basis for the conclusion that the Mountain Jews interviewed demonstrate cult behavior corresponding to each type of religiosity (a convinced believer, believer, hesitant, unbeliever, convinced unbeliever), although some inconsistency in their behavior can be noted: when, relating to the type of religiosity to a certain subgroup, the array of respondents in their cult behavior demonstrates uncharacteristic religious behavior. At the same time, one can state awareness in the mass consciousness of Mountain Jews in defining the essence of the concept of "a true believer" - a person strictly and clearly following all, without exception, the canons of Judaism. According to the results of the study, the significance of the moral component in determining attitudes to faith was established, moreover, according to Mountain Jews, a person who demonstrates moral behavior regardless of his attitude to religion (believer / unbeliever) can be added to the cohort of true believers.

Keywords: mountain Jews, Judaism, cult behavior, religiosity, types of religiosity, true believer, morality, active and passive believers.

References

1. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society. *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № 2. P. 296 - 305.

2. Gafiatulina N.H. Etnicheskie stereotipy v molodezhnoj srede polikul'turnogo regiona kak ob"ekt sociologicheskogo issledovaniya / V sbornike: Polikul'turnye regiony: problemy i vozmozhnosti garmonizacii mezhetnicheskikh otnoshenij Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2017. P. 45 - 53.
3. YUng K.G. Psihologiya i religiya. Izbrannye raboty / Per. i sost. A.M. Rutkevicha. SPb.: Izd-vo RHGA, 2014 // Elektronnaya biblioteka [elektronnyj resurs]. // URL: <http://www.klex.ru/32d> (Data obra-shcheniya: 10.08.2019).
4. Toshchenko ZH.T. Paradoksy religioznogo soznaniya // Reformirovanie Rossii: real'nost' i perspektivy. M., 2003. P. 301 – 309.
5. Mitrohin L.N. Religioznaya situatsiya v sovremennoj Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. 1995. № 11. P. 79 – 81.
6. Ugrinovich D.M. Vvedenie v religiovedenie: 2-e izd., dop. M.: Mysl', 1985. 273 p.
7. Yablokov I.N. Sociologiya religii. M.: Mysl', 1979. 182 p.
8. Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie) / Otv red. F.G. Ovsienko, M.I. Odincov, N.A. Trofimchuk M.: Izd-vo RAGS, 1996. 252 p.
9. Lebedev S.D. Religioznost': v poiskah «rubikona» // Sociologicheskij zhurnal. 2005. № 3. P. 153 – 168.
10. Tillih P. Izbrannoe. Teologiya kul'tury / Per. s angl.; Sost. S.YA. Levit, S.V. Lezov. M.; SPb.: Centr gu-manitarnyh iniciativ, 2015. 352 p.
11. Lebedev S.D. Religioznost': v poiskah «rubikona» // Sociologicheskij zhurnal. 2005. № 3. P. 153 – 168.
12. Babich N.S., Homenko V.I. Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podhoda k izmereniyu religioznosti // Sociologicheskij zhurnal. 2013. № 2. С. 89 – 96. DOI: 10.19181/socjour.2013.2.384.
13. Il'yasov F.N. Religioznoe soznanie i povedenie // Sociologicheskie issledovaniya. 1987. № 3. P. 50 – 55.
14. Lebedev S.D. Religioznost': v poiskah «rubikona» // Sociologicheskij zhurnal. 2005. № P.S. 153 – 168.
15. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / Ruk. proekta i otv. red. L.M. Drobizheva. M.: ROSSLEN, 2013. 485 p.

УДК 331.10.3

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-224-229

ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА

**Загутин
Дмитрий
Сергеевич**

доктор философских наук, профессор кафедры связей с общественностью, Донской государственный технический университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1). E-mail: rostov-zd@mail.ru

**Касьянов
Валерий
Васильевич**

доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Кубанский государственный университет (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149). E-mail: culture@kubsu.ru

**Рачипа
Андрей
Валерьевич**

доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, истории и политологии, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (347928, Россия, г. Таганрог, ул. Чехова, 22, корпус «А»); профессор-совместитель кафедры 109 «б», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (125993, Россия, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4). E-mail: rachipa@sfedu.ru

Аннотация

Вопросы управления организацией и стимулирования трудовой мотивации персонала затрагивают интересы грамотного руководства современного менеджера с целью получения требуемого результата. Мотивация труда – важнейший фактор результативности работы, являющийся не менее важным элементом в управлении персоналом. В статье рассматриваются принципы мотивации труда персонала, приводится ряд правил, способствующих повышению трудовой мотивации персонала, соблюдение которых позволит повысить, с одной стороны, эффективность мотивационных мероприятий, а с другой – увеличить производительность труда.

Ключевые слова: трудовая мотивация, персонал, организация, управление персоналом, стимулирование персонала, менеджер, сотрудник, трудовая деятельность, ценностные ориентации.

В целях грамотного руководства любому современному конкурентоспособному менеджеру важно правильно организовать трудовую деятельность вверенного ему персонала для получения необходимого экономического результата. Одной из важнейших задач для руководителей-менеджеров является поиск эффективных факторов и способов управления трудом, обеспечивающих активизацию человеческого ресурса [1]. И одним из таких факторов, детерминирующих трудовую деятельность персонала организации, является трудовая мотивация, которая в любом социуме и

общественно-экономической системе носит сущностный характер и в значительной степени определяет развитие экономики страны, уровень благосостояния и социального самочувствия ее граждан [2].

Современные исследования, проведенные в странах с развитой экономикой, показали, что при эффективной организации работы сотрудников того или учреждения, той или иной образовательной организации основной акцент смещается на практическое применение позитивных мотиваторов, стимулирующих трудовую (или учебно-образовательную) деятельность [3;4].

Мотивация трудовой деятельности персонала организации – важный фактор результативности работы. Более того, работник с низкой мотивацией обходится любой организации и обществу в целом очень дорого. Это связано с тем, что он воспроизводит неразвитого социально и малопродуктивного работника, слабовосприимчивого к возможности зарабатывать больше путем роста производительности труда, убивает инициативу.

Среди российских исследователей проблемам трудовой мотивации персонала в области социально-экономических и общественных наук можно отметить труды М.Ю. Волошина, О.Н. Горшковой, А.П. Егоршина, С.О. Кузнецовой, Е.Н. Назаровой, О.А. Никифоровой, А.И. Пригожина, В.В. Рассадина, А.Н. Сорочайкина и др.

Так, В.В. Рассадин подчеркивает, что мотивация – это целокупность внешних и внутренних сил, побуждающих личность к реализации трудовой деятельности, направленной на достижение тех или иных целей, с расходом определенных усилий (физических, моральных), с определенным уровнем старания, ответственности, упорства, настойчивости и добросовестности в труде [5].

Как подчеркивает в своей диссертационной работе Е.Н. Назарова, наиболее часто мотивирующими факторами трудовой деятельности персонала признаются сохранение оптимального рабочего места наряду с повышением размера материального вознаграждения труда. При этом изучение других мотивирующих факторов трудовой деятельности, таких, например, как: определённый стиль управления; те или иные условия работы, режим труда и отдыха; специфические особенности выполняемых профессионально-трудовых функций; продвижение по службе; карьерный рост, а также социально-психологический климат в организации – исследованы недостаточно [6].

С одной стороны, для каждого руководителя-менеджера главная цель – это достижение экономического эффекта, материально-экономических результатов организации, которой он управляет. С другой стороны, стремление сотрудника той или иной организации сосредоточено на удовлетворении своих потребностей в получении определенных благ (социальных, психологических, экономических) [7] посредством труда, что, в свою очередь, характеризует сущность трудовой деятельности.

Как подчеркивают в своей работе И.И. Галимова и Т.Х. Худайбергенов, мотивация персонала всякой организации – это приоритетный элемент в управлении персоналом, поскольку побуждает его к продуктивной трудовой деятельности и тем самым ведет к удовлетворению личных потребностей работников. Фактор недооценки человеческого потенциала и интеллектуальных ресурсов персонала, работающего в тех или иных организациях, «является существенным недостатком российских предприятий. Очень важно, чтобы персонал действовал, как единая команда и достигал поставленных целей, зная о своем значении и при этом сохраняя мотивацию» [8, с. 32].

Что же представляет собой мотивированная деятельность и в чем сущность принципов мотивации труда персонала?

Всякая человеческая деятельность детерминирована реально существующими потребностями. Мотивированная деятельность представляет собой направленные на достижение целей действия индивида, которые обусловлены внутренними его побуждениями. Следовательно, под мотивацией труда нами понимаются те факторы, которые детерминируют стремление персонала той или иной организации удовлетворить свои потребности (иными словами, получить определенные блага) посредством реализации трудовой деятельности.

Большую роль в процессе управления трудовой деятельностью персонала организации играет фактор стимулирования, который направленно мотивирует персонал к продуктивному и качественному труду. Стимул, по мнению, А.Н. Сорочайкина и Л.В. Ермолиной, является внешним влиянием на отдельную личность или группу людей, с целью оказать побудительное воздействие к какому-либо практическому результату. Стимулирование труда – это «метод воздействия на трудовое поведение работника через мотивацию» [9, с. 83]. Стимулирование трудовой мотивации при управлении персоналом представляет собой исключительно социальное действие, осознанное, отрефлексированное выявление или создание условий, порождающих актуальную потребность работников в повышении трудовой мотивации.

Интересен подход В.Г. Башариной, выделяющей моральные стимулы (чувства самоуважения, ощущения личностной значимости) и материально-социальные стимулы трудовой деятельности (уровень заработной платы, премиальные выплаты, карьерный рост). Акцентируя внимание на мате-

риально-социальном стимулировании труда (заработной плате и других стимулирующих выплатах), В.Г. Башарина также выделяет три главные функции этого вида стимулирования: воспроизводственную (характеризует степень удовлетворенности работой и «обеспечивает человека воспроизводством рабочей силы на уровне потребления»); стимулирующую (необходима руководителю для управления персоналом с тем, чтобы каждый работник исполнял свои трудовые обязанности в полной мере); статусную (заключается в «соответствии статуса, определяемого размером заработка к трудовому статусу работника в рамках рассматриваемой общественной структуры») [10, с. 92-93].

В процессе управления трудовой мотивацией персонала необходимо учитывать и руководствоваться следующими принципами: персонификации; дифференциации соревнующегося персонала по группам, близким по условиям, характеру производства и т.д.; одинаковой системы показателей; определения занятых мест всего соревнующегося персонала; строго дифференцированного поощрения победителей; увеличение заработной платы при занятии призовых мест не менее чем на треть; ориентация менеджера в ценностных установках персонала организации [11, с. 116].

Говоря о принципах мотивации персонала, авторы монографии Г.Н. Сартан, А.Ю. Смирнов, В.В. Гудимов, Н.В. Подхватилин и М.Р. Алешунас акцентируют внимание на том важном моменте, что всякий индивид лучше всего мотивируется в поле собственных ценностных установок и норм. Поэтому с позиций концепции управления организационной культурой персонала организации важно заметить, что наиболее грамотной последовательностью действий является: выяснение ценностных ориентаций, присущих работникам, и на их основании – разработка шкалы мотиваций. Применяя систему поощрений или наказаний членов трудового коллектива организации, можно, по мнению указанных выше авторов, достичь максимально высокого эффекта производительности труда [11, с. 114].

Однако, на наш взгляд, главным принципом управления организацией и людьми в ней, венчающим все другие принципы, является принцип системного мышления, который базируется на том понимании, что всё в мировом сообществе образовано и структурировано системами, и само мировое пространство, окружающее нас, также представляет собой систему. Системный подход направлен на увеличение зрелости и функциональных способностей каждого члена той или иной организации, восстановление связей и использование личностного потенциала [12]. С принципом системного мышления тесно связан принцип персонификации, т.е. система управления персоналом непременно должна носить персонифицированный характер. Иными словами, руководителю-менеджеру следует проводить регулярные беседы персонально с каждым сотрудником, что позволит повысить личностную самооценку и значимость последнего, а также послужит внутренним, моральным стимулом повышения трудовой мотивации.

При соблюдении описанных выше принципов система «норма труда – оплата труда» заменяется системой «норма труда – победа (личностная значимость) – рост оплаты труда», что значительно мотивирует к трудовой деятельности персонал любой организации.

Обратимся к эмпирическим данным. Как указывает О.Н. Горшкова, согласно результатам современных социологических исследований, работа занимает в жизни большинства трудящегося населения второе место по степени значимости после семьи. Однако при этом работе уделяют значительно больше времени, чем семье. «Почти половина (47%) населения работает сверхурочно. Значительные переработки (50 и более часов в неделю) в России зачастую являются признаком того, что человек работает, что называется, «на себя» (сверхурочная работа характерна, прежде всего, для предпринимателей и самозанятых)». С другой стороны, «77% руководителей современных российских организаций жалуются на недостатки в системе мотивирования сотрудников. Владельцы фирм и топ-менеджеры признают, что не могут заставить своих подчиненных хорошо работать даже за приличную заработную плату» [13].

Невысокий уровень трудовой мотивации персонала в условиях его серьезных физических и психосоциальных перегрузок на работе (или учёбе) имеет место не только среди персонала, но и среди руководителей разного уровня и относится к числу важнейших проблем обеспечения социально-психологической безопасности современного российского общества [14].

Всякий процесс, в том числе и трудовая мотивация, рассматривается как особая, отдельная функция управления персоналом. Управление мотивацией персонала, по мнению упомянутой выше О.А. Никифоровой, означает «прогнозирование, проектирование, планирование, анализ эффективной системы активизации трудового поведения персонала», приводящая к увеличению производительности труда, удовлетворенности трудовой деятельностью, оптимизации социально-психологического климата в той или иной организации [15, с. 14].

В современной практике управления персоналом, по мнению М.Л. Цибаевой, целесообразным является использование такого тройного неравенства: «внутренняя мотивация, основанная на мотивационной сфере личности – внешняя положительная мотивация, основанная на поощрении –

внешняя отрицательная мотивация, основанная на наказании» [16]. Кроме того, М.Л. Цибаева подчеркивает, что одной из приоритетных задач, стоящих в области управления мотивацией персонала организации, является преодоление равнодушия, отчуждения, преобладания сиюминутных интересов работника по отношению к своей работе путем создания специально разработанных систем формирования и управления трудовой мотивацией персонала, создания результативных стимулов к высокопроизводительной трудовой деятельности [16].

В целом, анализ научных исследований в области повышения трудовой мотивации персонала позволил выработать ряд правил мотивации, соблюдение которых позволит повысить эффективность мотивационных мероприятий:

- принятие управленческих решений менеджера должно быть продуманным, взвешенным и осознанным, а сами управленческие решения должны носить последовательный, логичный и рациональный характер;

- похвала и конструктивная критика персонала гораздо эффективнее порицания и деструктивной критики;

- большинство сотрудников организации стремятся проявить свои способности и почувствовать собственную значимость в трудовой деятельности, поэтому они нуждаются в признании своего профессионального мнения и опыта руководством по тем вопросам, в которых они компетентны [17];

- достижение успехов без признания со стороны руководства приводит к фрустрации и снижению трудовой мотивации, в этой связи каждый сотрудник организации, достигший высоких результатов в труде, должен получать как материальное, так и моральное поощрение;

- система материальных или моральных поощрений персонала должна быть осязаемой и, по возможности, незамедлительной (т.е. минимизация разрыва между результатом трудовой деятельности и ее поощрением);

- непредсказуемая и нерегулярная система поощрений мотивирует больше, чем ожидаемая и предсказуемая;

- важно поощрять персонал не только за достижение основной цели, но и промежуточных целей;

- разумная внутренняя конкуренция – двигатель прогресса;

- большие и редко кому из сотрудников достающиеся награды, как правило, вызывают зависть и негативное отношение, небольшие и частые награды – удовлетворяют большинство персонала организации;

- персонифицированный подход к каждому работнику, постоянное внимание и проявленный интерес к членам его семьи выступает важнейшим личностным мотиватором;

- в рутинной и однообразной деятельности, не предоставляющей возможности развиваться, необходимо внедрение практики, ориентированной на периодическую смену видов деятельности;

- персонал получает удовлетворение от работы и реализует ее с энтузиазмом, если может достичь поставленных целей, а, следовательно, все поставленные перед персоналом цели должны быть разумны, реалистичны, соответствовать уровню трудозатрат и срокам выполнения;

- на большинство сотрудников неблагоприятно воздействует внешний регулярный контроль со стороны руководства организации, поэтому целесообразно стремиться к доверию, формированию чувства свободы действия, сохранению самоуважения и максимальной возможности самоконтроля персоналом рабочей ситуации, что повышает самооценку, ответственность и фактор интереса к работе [18];

- персонал организации постепенно утрачивает инициативу и мотивацию, если его усилия и достигнутые результаты приводят к тому, что его еще больше загружают работой.

Таким образом, в связи со всем сказанным выше, важность представляет формирование в различных организациях современной трудовой мотивационной системы управления персоналом, которая должна быть устремлена с одной стороны, на достижение максимальных экономических результатов самой организации, с другой – на стимулирование развития потенциальных возможностей каждого сотрудника в отдельности и всего персонала – в целом.

Литература

1. *Рачина А.В., Янкина И.А.* Молодёжь на рынке труда: оценки и ожидания // Казанская наука. 2014. № 7. С. 205 – 207.
2. *Gafiatulina N.Kh., Makadei L.I., Gluzman I.V., Lozhechkina A.D., Volkova L.A., Bandurin A.P.* (2019). Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. Т. 8. № 2.1. С. 293 – 300.
3. *Volkov Y.Y., Krotov D.V., Rachipa A.V., Zagutin D.S., Zhapuev Z.A.* Definition of the subjectivity of financial capital in sociological science // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Т. 9. № 5.

4. *Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov, Valery Kasyanov, Sergey Samygin, Natalya Gafiatulina, Dmitriy Zagutin, Lidiya Scherbakova.* Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. №2. 2018. P. 134-140. <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>.
5. *Рассадин В.В.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала // Труд и социальные отношения. 2008. №3. С. 53 – 59.
6. *Назарова Е.Н.* Совершенствование мотивации труда персонала предприятия: автореф. ... канд экон. наук. М., 2005.
7. *Загудин Д.С., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Социальное здоровье российской студенческой молодежи в контексте реализации институциональных механизмов социальной поддержки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №8-9. С. 41 – 45.
8. *Галимова И.И., Худайбергенов Т.Х.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала // Инновационная наука. 2018. №3. С. 23 – 34.
9. *Сорочайкин А.Н., Ермолина Л.В.* Управление персоналом: глоссарий: терминологич. слов. Самара, 2012. № 1. С. 121 – 125.
10. *Башарина В.Г.* Мотивация и стимулирование труда персонала в современных условиях // Вопросы науки и образования. 2019. С. 90 – 94.
11. *Сартан Г.Н., Смирнов А.Ю., Гудимов В.В., Подхватилин Н.В., Алешунас М.Р.* Новые технологии управления персоналом. СПб., 2013. 240 с.
12. *Гафиатулина Н.Х., Кротов Д.В., Самыгин С.И.* Социальное здоровье российской молодежи как объект государственной молодежной политики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 38 – 41.
13. *Горшкова О.Н.* Управление трудовой мотивацией в организации: социологический факторный анализ: автореф. ... канд. социол. наук. Уфа, 2011. 24 с.
14. *Гафиатулина Н.Х., Барановский С.Б., Самыгин С.И.* Угроза общественной безопасности как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 25 – 29.
15. *Никифорова О.А.* Проблема мотивации труда в управлении современной организацией: социологический анализ: автореф. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 21 с.
16. *Цибаева М.Л.* Мотивация персонала в практике управления организацией // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Вып. 4 (43). С. 74 – 78.
17. *Shchukina E.L., Vorobyeva E.V., Lubsky A.V., Kasyanov V.V., Solodovnik L.V.* Culture as an element of "soft power" in the conditions of geopolitical competition. Man in India. 2016. T. 96. № 10. С. 3817-3829.
18. *Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Ibrahim M.S., Klimenko T.M., Merzakanov S.A., Samygin S.I.* Subjects of a civil dialogue in the resolution of inter-ethnic conflicts in societies with ethno-cultural diversity. Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. T. 6. № S6. С. 144.

Zagutin Dmitry Sergeevich, candidate of technical sciences, doctor of philosophy, professor of department of public relations, Don state technical university (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: rostov-zd@mail.ru

Kasyanov Valery Vasilyevich, Doctor of Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, head of chair of history of Russia, Kuban state University (149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation). E-mail: culture@kubsu.ru

Rachipa Andrey Valeryevich, doctor of sociological sciences, professor, head of department of sociology, history and political science of Institute of management in economic, ecological and social systems, Southern federal university (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); professor-associate of the department 109 «b», Moscow Aviation Institute (National Research University) (4, Volokolamsk Highway, Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: rachipa@sfedu.ru

PRINCIPLES AND DIRECTIONS OF INCREASE OF EFFICIENCY OF MANAGEMENT OF LABOR MOTIVATION OF THE PERSONNEL

Abstract

Issues of managing the organization and stimulating labor motivation of staff affect the interests of the competent leadership of a modern manager in order to obtain the desired result. Labor motivation is the most important factor in the effectiveness of work, which is an equally important element in personnel management. The article discusses the principles of staff motivation, provides a number of rules that enhance the staff motivation, compliance with which will increase, on the one hand, the effectiveness of motivational measures, and on the other, increase labor productivity.

Keywords: labor motivation, personnel, organization, personnel management, personnel stimulation, manager, employee, labor activity, value orientations.

References

1. Rachipa A.V., Yankina I.A. Molodyozh' na rynke truda: ochenki i ozhidaniya // Kazanskaya nauka. 2014. № 7. P. 205 – 207.
2. Gafiatulina N.Kh., Makadei L.I., Gluzman I.V., Lozhechkina A.D., Volkova L.A., Bandurin A.P. (2019). Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. T. 8. № 2.1. P. 293 – 300.
3. Volkov Y.Y., Krotov D.V., Rachipa A.V., Zagutin D.S., Zhapuev Z.A. Definition of the subjectivity of financial capital in sociological science // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. T. 9. № 5.
4. Maksim Vaskov, Alexander Rezmanov, Valery Kasyanov, Sergey Samygin, Natalya Gafiatulina, Dmitriy Zagutin, Lidiya Scherbakova. Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) // *Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts*. №2. 2018. P. 134-140. <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>.
5. Rassadin V.V. Motivaciya i stimulirovanie trudovoj deyatel'nosti personala // *Trud i social'nye otnosheniya*. 2008. №3. P. 53 – 59.
6. Nazarova E.N. Sovershenstvovanie motivacii truda personala predpriyatiya: avtoref. ... kand ekon. nauk. M., 2005.
7. Zagutin D.S., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Social'noe zdorov'e rossijskoj studencheskoj molodezhi v kontekste realizacii institucional'nyh mekhanizmov social'noj podderzhki // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2017. № 8-9. P. 41 – 45.
8. Galimova I.I., Hudajbergenov T.H. Motivaciya i stimulirovanie trudovoj deyatel'nosti personala // *Innovacionnaya nauka*. 2018. №3. P. 23 – 34.
9. Soročajkin A.N., Ermolina L.V. Upravlenie personalom: glossarij: terminologich. slov. Samara, 2012. № 1. P. 121 – 125.
10. Basharina V.G. Motivaciya i stimulirovanie truda personala v sovremennyh usloviyah // *Voprosy nauki i obrazovaniya*. 2019. P. 90 – 94.
11. Cartan G.N., Smirnov A.YU., Gudimov V.V., Podhvatilin N.V., Aleshunas M.R. *Novye tekhnologii upravleniya personalom*. SPb., 2013. 240 p.
12. Gafiatulina N.H., Krotov D.V., Samygin S.I. Social'noe zdorov'e rossijskoj molodezhi kak ob"ekt gosudarstvennoj molodezhnoj politiki // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2017. № 3. P. 38 – 41.
13. Gorshkova O.N. Upravlenie trudovoj motivaciej v organizacii: sociologicheskij faktornyj analiz: avtoref. ... kand. sociol. nauk. Ufa, 2011. 24 p.
14. Gafiatulina N.H., Baranovskij S.B., Samygin S.I. Ugroza obshchestvennoj bezopasnosti kak faktor vliyaniya na social'noe zdorov'e rossijskoj studencheskoj molodezhi // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2018. № 6. P. 25 – 29.
15. Nikiforova O.A. Problema motivacii truda v upravlenii sovremennoj organizaciej: sociologiche-skiy analiz: avtoref. ... kand. sociol. nauk. SPb., 2009. 21 p.
16. Cibaeva M.L. Motivaciya personala v praktike upravleniya organizaciej // *Vestnik YUgorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. Vyp. 4 (43). P. 74 – 78.
17. Shchukina E.L., Vorobyeva E.V., Lubsky A.V., Kasyanov V.V., Solodovnik L.V. Culture as an element of "soft power" in the conditions of geopolitical competition. *Man in India*. 2016. T. 96. № 10. P. 3817-3829.
18. Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Ibrahim M.S., Klimenko T.M., Merzakanov S.A., Samygin S.I. Subjects of a civil dialogue in the resolution of inter-ethnic conflicts in societies with ethno-cultural diversity. *Dilemmas contemporáneos: Educación, Política y Valores*. 2019. T. 6. № S6. P. 144.

CONCEPTUALISING SOCIAL HEALTH OF THE RUSSIAN YOUNG FAMILY AND MODELS OF PARENTAL BEHAVIOUR IN A RISK SOCIETY

Zakharova Tatyana Yunalyevna	Master of Arts (School of Education) candidate, University of East Anglia (UEA), Norwich Research Park, Norwich NR4 7TJ, the UK. E-mail: T.zakharova@uea.ac.uk
Gafiatulina Natalya Halilovna	Candidate of sociological science, associate professor of chair of modeling of social processes, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: gafiatulina@yandex.ru
Artamonova Yana Viktorovna	Candidate of sociological sciences, Instructor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: janaserduchenko@mail.ru

Abstract

A young family is one of the key concepts of youth sociology and family sociology raising the problems of social health and parental behaviour. This article provides an overview of a Russian young family as a phenomenon from a sociological perspective and analyses models of parental behaviour in the context of social health formation. The authors of this article also present a layered assessment of the social health of a young family. The social health of a young family is considered as well-being in terms of primary family socialisation, marital and parent-child relationships, a system of socialisation of family values and preferences, ethical and moral norms of family society, and also young parents' attitudes to their children. The authors of this article conclude that the risks existing in society affect a young Russian family which cannot effectively fulfil its socialisation functions and positively influence the development of new generations.

Keywords: *Russian young family, social health, models of parental behaviour, youth, marital relations, parent-child relationships, risk society, types of young families, socialisation, state family policy.*

Over the last decades, different organisations and researchers around the world attract attention to a concept of family and conditions in which its members are born and live and which affect parents' and children's health [1]. By *health*, we mean "a state of complete physical, mental, and social well-being and not merely the absence of disease or infirmity" [2, p. 1].

In the context of Russia, human sciences, socio-economic and social fields of research studies raise the problem of the social health of Russian youth in general and Russian young family in particular among the most important tasks of youth sociology and family sociology [3].

Undoubtedly, a family is one of the most important institutional elements, which is especially necessary for both the individual life and health of each of the family members and the development of Russian society as a whole. A young family is considered one of the most socially vulnerable and unprotected groups of the population which is rightfully classified by many researchers as *a social risk group* [4].

Therefore, the main goal of state family policy regarding a young family as a subject of the social structure in the Russian risk-prone society is to create appropriate conditions for maintaining and developing young family *social well-being* (social health, according to the concept of the World Health Organization) or *subjective well-being*, cultivating family values, strengthening family lifestyles, and an implementation of all the functions assigned to the young family.

Subjective well-being along with risks and coping strategies [1, p. 1118] significantly affects family formation and existence. Subjective well-being is believed to consist of economic status, social capital, capabilities and health [ibid.]. Hence, the overall prosperity of young families acts as the basis for social health. However, unfortunately, according to experts, a new modern generation of young Russian families is characterised by a decrease in the level of physical, mental and social health, as well as intellectual and spiritual-moral potential [5].

The way out of this crisis tends to be further support of a Russian young family in both state and society, as a result of which Russian young families could receive necessary conditions for healthy, full-fledged socialisation and successful fulfilment of their social functions and reproductive expectations [6].

Interpretation of a 'young family'

To determine the concept of a *young family*, we appeal to the Russian Federation decree of the Government from December 29, 2007. No. 865 "On amendments to acts of the Government of the Russian Federation on the implementation of measures to provide housing for young families". According to this document, a young family is a family which is "up to 3 years after marriage (if a family has children, there is no limit on marriage duration), provided that one of the spouses has not reached the age of 35" [7].

Therefore, the legislatively established features of a Russian young family include at least three characteristics: a registered marriage union of young people aging between 18 and 35 years old and being married for up to 3 years. Besides, a family with only one parent under the age of 30-35 years old having a juvenile is also considered a young family.

Next, a young family is a special type of family that differs from other types of a family as the quality of family relations in it is determined by marital relations, and not by kinship and parenthood. Moreover, even the presence of a child does not eliminate the dominance of marital relations over parental relations. Hence, there is a necessity to consider the types of young families that are usually distinguished.

We utilised a classification of the Russian familist V.S. Torokhtiy [8, p. 127], who singled out the following three types of a young family:

The first type is *traditional*. Families of this type are characterised by the orientation of young spouses solely on family values and typically on a two-child family. Formally, the husband is the head of the family. However, a family's leadership is largely determined by behaviour in the household sector (finance and lifestyle). Leisure most often is joint and closed, a circle of friends is usually limited, and this kind of family also can temporarily concentrate only on family affairs.

The second type of a young family is mainly focused on *the development of the personality of the husband and wife* with an inclination toward a small family. A social-role balance is observed (if possible, the help of the parents of the spouses is used). The type of leadership is determined by the spheres of family life and based on democratic relationships.

The third type of young family is focused mainly on *the entertainment of young spouses*. Husband and wife have both mutual friends and their own friends from their former surroundings. Family leadership can be both authoritarian and democratic, and this type of family is characterised by the preference to be a childless or small family [8].

A favourable type for the social health formations are such young families, which are focused mainly on the development of personality, where there is complete mutual understanding in family relations between young parents, a style of communication is democratic, and parents have a high level of education, general culture, and pedagogical preparedness.

According to many authors, there is a close relationship between the formation of each type of young family and other social processes such as demographic changes in society, socio-economic and social stability, the nature and orientation of migration processes, as well as social and psychophysiological health.

Speaking about the social health of a young family, it is important to take into account that young families in its process of development experience difficulties which inevitably affect their social health. As stated in the article by A.D. Plotnikov on the comprehension of a young family, particularly a young family with young children is in dire need of special food and clothing, parental and state care for strengthening physical, mental and social health and a special education system [9, p. 201] and the formation of certain models of parenthood (parental behaviour).

It is for this reason that a young family, parenthood and childhood are the key objects of social policy since the social health of the whole society largely depends on the well-being of the Russian young family. Any young family is the key to the stability of the whole society. In the family, each person gets "a ticket to life"; the family determines the values of this life and, in the aggregate, the organisation of family life in society fundamentally affects the nature of the development of society itself, its demographic indicators, the development of the personal and professional spheres, etc. [10].

Since the social health of youngest families and younger generations is the result of the process of family socialisation, it is necessary to consider the existing crisis of the socialisation mechanisms of the family. Presently, the socialisation of young generations of Russians proceeds in difficult conditions associated with the long transformation of the post-Soviet Russian society, accompanied by anomie processes, a crisis of the main institutions of socialisation, and primarily, the institution of the family. It is not a secret that the result of a healthy, harmonious socialisation of the young generation is the formation of its social health. At the same time, we would like to clarify that the social health of the young generation is formed on the basis of the socialisation mechanisms of biological and psychosocial genesis [11, p. 178].

By *social health* of a young family, we understand the well-being, considered in terms of primary family socialisation, marital and child-parent relations, a system of socialisation of family values and preferences, ethical and moral norms of family society, as well as a reflection of the attitude of young parents to their young children.

Furthermore, it is possible to subdivide types of social health according to its levels: successful, problematic, conflict and crisis young families; which we will discuss more thorough later in the discussion of the models of parental behaviour of a young family in a modern risk society.

Finally, there are many factors which influence social health of a family such as structural, functional (family composition, family education style), socio-psychological (socio-psychological climate of the family and family interaction style) and individual psychological (socio-psychological characteristics of parents and children, especially family values) ones. The norm or deviation from the norm in the health of family members adequately affects the social health of not only the individual but as a result the socio-psychological health of the family as a whole [12, p. 14]. For this reason, assessing the social health of a young family we can define three positions [13]:

- The norm of social health of a family conditionally means the development of individual socio-psychological phenomena and their consistency with the needs of other family members and the presence of social (intra-family) activity;
- A deviation from the norm in the social health of a young family is characterised by inconsistency in meeting the needs of each family member, as well as a partial lack of social (intra-family) activity. This is typical for families in need of social and psychological counselling;
- The lack of social health of the family is manifested in intra-family discomfort and partial autonomy of the actions of its members to meet purely individual needs.

In conclusion, we shall say that the obstacles preventing social well-being and health are believed to be coped with *coping strategies*. The concept of coping strategies is based on Aaron Antonovsky's theory (Antonovsky, 1979) of *the sense of coherence* [1]. Antonovsky observed other people coping with their everyday problems and then argued that an attitude towards life, which matures over the life course, defines how people cope with their problems. Also, Antonovsky divided coping strategies into two groups: inner (physical and psychological nature of people) and external (education, society, employment) coping strategies. From this point of view, we argue that young families are not mature enough to have developed coping strategies and they specifically need additional support.

Parental Behaviour

The results of L.A. Gritsay studies among young families have identified five basic models of parental behaviour: parenthood, preserving the remnants of tradition; "Split" parenthood; deviant parental behaviour; "Individualistic" parenthood and creative parental behaviour [14, p. 188].

The first model of parental behaviour in a young family is based on the partial preservation of traditional parental attitudes regarding the birth and upbringing of children and, in general, characterised by a successful parenting experience. Due to its focus on the traditional perception of parenthood, learned from the experience gained in their parental families in the current situation of social risk and moral instability, the modern young family is becoming quite vulnerable to the challenges, threats, and risks of the global socio-economic space, which affects the social Family Health.

The adaptation process of such a model of the Russian young family is significantly complicated because each of the young and still inexperienced spouses brings the experience of their parental family, spousal relations of parents and child-parent relations. Therefore, in such a family two "psychologies" of young people quite often clash and intertwine: the "psychology" of the family where the husband grew up, and the "psychology" of the parental family of the young wife. These two often multidirectional and controversial "psychologies" are reflected in the social health of the young family, since there is a conflict interaction in these families.

The second model of "split" parenthood is typical, as a rule, for single-parent families in which only one parent is engaged in raising children, combining the functions of both father and mother, which does not pass without a trace for the formation of the child's personality and social health.

The third model of parental behaviour in a young family is presented as a deviant model. By its name alone, it can be defined as the source of a dysfunctional and problematic young family since in such families young parents lead an asocial lifestyle, and young children are without supervision and proper care, which does not correspond to the concept of good social health.

The fourth model of parental behaviour of a young family is individualistic and characterised by the manifestation of relations between parents and children of two types - partner or authoritarian. In both cases, according to L.A. Gritsay, this model is characterised by the alienation of family members from each other [14].

In the first case, due to free education, the emphasis is put on the moral independence of children from parents, and in the second case, due to the authoritarianism of parents and the suppression of children's will, the emphasis is put on their transformation into dependent individuals. Such families can be considered "critical". Hence, what kind of ensuring a high level of social health can be discussed in this case?

The fifth model of parenthood of a young family is constructive (i.e., prosperous), and according to its author, L.A. Gritsay, this is the most effective model. This is explained by the fact that this model is based on a solid worldview attitude that corresponds to the spiritual and moral heritage of Russia and its family

values. Agreeing that a strong value and spiritual-moral "platform" is necessary for the formation of a socially, mentally and physically healthy person, we would like to note that in modern Russia this model of parental behaviour cannot be explicated as really functioning since this platform itself is presently missing.

Russia seems to have lost common value and spiritual-moral foundations, and, consequently, its socialisation space does not contain the basic, integral and shared by all socialisation agents value-normative family foundations. In this regard, we are forced to state that the fifth model of parenthood can be considered as an ideal model, which, perhaps, should be guided, and it seems necessary to restore the integral spiritual and moral space of Russian society and the socialisation system that was destroyed during the years of post-Soviet transformations.

In this context, relying on the selected models of parental behaviour, the conventionality of which is determined by any attempt to classify the phenomena and processes studied, we can say that the most effective (creative) model is currently not functional in Russian reality. It is also worth agreeing that the parenting model is more widespread in Russia, preserving traditional trends of deviant and individualistic families with the corresponding parenting models.

On this basis, it can be assumed that safe parenting in Russia, as a reflection of the dominant model of parenthood with traditional characteristics, still retains the status of dominant.

It should also be noted that a high level of satisfaction with family life, parent-child relationships, and a positive assessment by parents of the future of young generations are not typical for most Russians. Today, Russian young families are worried about numerous problems. Among the main problems are: unsatisfactory material base (economic well-being) of a young family, housing problems, issues of spiritual and moral relations in a young family, lack of reproductive attitude or restriction of birth of children, negative evaluation of their family's future, etc. problems, then we can talk about the crisis of the institution of the family, problems of socialisation, and, therefore, about the unsatisfactory level of social health of the young family.

A special place in our work is occupied by the problem of employment of young spouses, who belong to the social group - "youth". In this regard, the situation of the employment of young spouses, in general, is affected by regional labour market difficulties they may face in finding a job. The period of pursuing education, which is lengthening in the period, delays the moment for young people to enter full-fledged working life and achieve professional maturity, and at the same time, the moment of financial independence and material well-being of a young family is delayed [15, p. 21].

Furthermore, young people aged 18-24 are students completing their vocational training after which they become the most vulnerable group entering the Russian labour market, as they still lack professional and social experience and, as a result, are less competitive.

At the age of 21-24, the majority of Russian youth experiences the so-called "shock from reality" because their ideal ideas about future work activities conflict with the real situation in the workplace. Special adaptation youth programs are designed to help young employees adequately perceive the state of affairs existing in the social sphere and labour market. T.S. Zubkova draws attention to the following fact that the low salary of a young specialist, especially in the public sector, and dissatisfaction with secondary earnings push young professionals to look for work in another city and go abroad, which impedes the strengthening of a young family and does not contribute to its social health [16, p. 118].

Moreover, traditional and "split" parental behaviour families, like young married women with or without a child, may have additional employment problems. Admission to work may be refused due to fears that the potential employee will either soon go on parental leave or will devote more time and energy to the family and the child, but not to perform professional duties.

Finally, it is critically important to consider psychological unpreparedness for marriage which is especially the case for the first four models of parental behaviour we described. If a young couple is more or less financially dependent on their elders, then the possibility of control or punishment is directly dependent on the length of their financial dependency. This situation leads to a violation of the boundaries of a young family and a change or even complete disappearance of the rules for the functioning of a young family which leads to a violation of emotional interaction, tension and a feeling of general dissatisfaction with marriage which can become the evidence of "ill" social health of a young family.

The problem of marital conflicts also affects the social health of the young family. Conflictogenicity, as a factor negatively affecting the level of social health of a young family, is especially acute and is considered by researchers separately in the context of psychology and conflictology. According to L.B. Schneider, for the stage after the birth of a child it is characteristic to have separation of roles associated with paternity and motherhood, coordination between spouses, material support of new family living conditions, adaptation to great physical and psychological stress, and limiting the total activity of spouses outside the family [17, p. 259].

Thus, the modern young family, unfortunately, cannot effectively fulfil its socialisation functions and positively influence the development of new generations. Unfortunately, the negative potential of such a family has long-term trends that can be expressed in the social "ill" health of the family, in particular, and the threat to the safety of society as a whole [18].

That is why a young family, marital and child-parent relations, parenthood and childhood must certainly become key objects of state family policy since the social health of the whole society depends on the well-being of a young family. In this regard, our common work should be directed towards:

- restoration of the status of a young family as the main institution of primary socialisation;
- formation of the potential of a young family and its social health, taking into account its characteristics, values, and traditions;
- restoration and reconsideration of the spiritual, moral and educational-socialisation opportunities of young families of different types and different models of parental behaviour;
- stabilisation and improvement of housing conditions and socio-economic situation of a young family, reduction of the potential for conflict in it, creation of a positive socio-psychological climate and an atmosphere of well-being through social protection and social work with young families.

The use of modern methods and technologies of social work with young families should help to improve the quality of social protection of spouses, create a sense of security in the family, and improve the quality of life in general, which will contribute to the formation and preservation of the social health of the young family.

References

1. Russel L.T., Coleman M., and Ganong L. Conceptualizing Family Structure in a Social Determinants of Health Framework. 2018. С. 735-748.
2. World Health Organization. Constitution of the World Health Organization: Basic documents, 2007, (46th ed.).
3. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х. Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. 2016. №1. ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3527.
4. Кузьменко Н.И. Молодая семья как семья категории группы риска / Молодежь в современном обществе. Магнитогорск, 2015. С. 154-157.
5. Vaskov M., Rezvanov A., Kasyanov V., et al., VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN YOUTH IN THE SYSTEM OF MANAGING THE MORAL SECURITY OF SOCIETY. Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2018. № 2. С. 134-140.
6. Сердюченко Я.В. Формирование ценностных установок молодой семьи в условиях трансформации российского общества / В сборнике: Сборник материалов IV Южно-Российского политологического конвента IV Всероссийская (с международным участием) конференция студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках Южно-Российского политологического конвента. 2013. С. 367-370.
7. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2005 г. № 865.
8. Торохтий В.С. Основы психолого-педагогического обеспечения социальной работы с семьей. Часть 1. М.: МГСУ, 2000. 240 с.
9. Плотников А.Д. Молодая семья // Знание. Понимание. Умение. 2006. №3. С. 201 – 202.
10. Глузман Н.А., Горбунова Н.В., Фоминых Н.Ю. Педагогическое проектирование личностно-профессионального маршрута будущего учителя: монография. Севастополь: РИБЭСТ, 2015. 303 с.
11. Гафиатулина Н.Х. Состояние институциональных субъектов, моделирующих социальное здоровье российской молодежи [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. 2014. №1. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296 (дата обращения 10.07.2016).
12. Рыбак Е.В., Слепцова Н.Г., Федулова А.Б., Цихончик Н.В. Молодая семья в современном обществе. М.: ООО «ТР-Принт», 2016. 150 с.
13. Меркульева Н.В. Современные подходы к диагностике психологического здоровья семьи [Электронный ресурс]. URL: www.rusnauka.com/12_KPSN_2014/Psihologia/12_167659.doc.htm (дата обращения 28.12.2015).
14. Грицай Л.А. Социальное измерение современного российского родительства // Вестник Института социологии. 2001. № 2. С. 187-201.
15. Зуйкова Е.М., Кузнецова Н.В. Молодая семья. М., 2004. 109 с.
16. Зубкова Т.С., Тимошина Н.В. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи. М., 2003. 128 с.
17. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 512 с.
18. Свечкарев В.П., Сердюченко Я.В. Адаптивные модели преодоления рисков жизненного мира молодой семьи // Инженерный Вестник Дона. 2018. № 3.

Захарова Татьяна Юнальевна, магистрант Университета Восточной Англии, Норвич (Norwich Research Park, Norwich NR4 7T), Великобритания). E-mail: T.zakharova@uea.ac.uk

Гафиатулина Наталья Халиловна, кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры моделирования социальных процессов, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: gafiatulina@yandex.ru

Артамонова Яна Викторовна, кандидат социологических наук, преподаватель, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: janaserduchenko@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ И МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Аннотация

В представленной статье в социологическом ракурсе анализируется российская молодая семья, рассматриваются модели родительского поведения в контексте формирования социального здоровья молодой семьи. Авторы статьи дают поуровневую оценку социального здоровья молодой семьи. Социальное здоровье молодой семьи рассматривается в качестве благополучия в аспекте первичной семейной социализации, супружеских и детско-родительских отношений, системы социализационных семейных ценностей и предпочтений, этических и нравственных норм семейного социума, а также отражение отношения молодых родителей к своим детям. Авторы статьи делают вывод, что российская молодая семья в связи с существующими в обществе рисками не может эффективно выполнять свои социализационные функции и оказывать положительное влияние на развитие новых поколений.

Ключевые слова: российская молодая семья, социальное здоровье, модели родительского поведения, молодежь, супружеские отношения, детско-родительские отношения, общество риска, типы молодой семьи, социализация, государственная семейная политика.

УДК 316.62

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-235-239

THE DUAL ROLE OF "#FIREME" IN CIVIL SERVANTS COMMUNICATOIN

Kotova Nina Sergeevna Doctor of Philology, Prof., Candidate of Philosophical Sciences, Head of Cathedra of Foreign languages and speech communication, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), Prof. of Cathedra of Developmental psychology, Southern Federal University (115/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: ninakotova@mail.ru

Kravtsova Viktoria Yurievna Candidate of Philological Sciences, Associate Prof. of Cathedra of Foreign languages and speech communication, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (20, Ave. Budennovsky, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: inyaz@uriu.ranepa.ru

Kotov Grigory Sergeevich Magistrate of the Academy of Psychology and Pedagogics, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: inyaz@uriu.ranepa.ru

Abstract

Today it is generally accepted that one of the basic relationships is trust. In our view, respect as a meaning formed in the communication context has the same importance. An important area in which the majority of respondents are acutely aware of the lack of mutual respect is interaction with the authorities and the state government. The language competences of a civil servant in this work are considered from the perspective of examining the meaning of public statements in the context of discussing a particular issue.

Keywords: mutual respect, disrespect, social group, interpersonal relations, polling, discourse-analysis, government, self-control, discourse, dehumanization.

The classics of sociology paid little attention to the problems of mutual respect in social relations, although they explored categories that had an indirect relation to it: prestige, authority, symbolic capital, trust, etc. T. Parsons mentions mutual respect in the context of the research of the social community and the symbolic factors of consolidating its normative foundations. Respect is a reward for compliance with social norms that ensure the behavior of actors, to community expectations [1]. N. Luman attaches great importance to respect, which defines morality as "the designation of conditions under which individuals can or cannot respect themselves and others." [2]. According to the German sociologist, "respect should be understood

as generalized recognition and reverence, which is rewarded with what meets expectations." Mutual expectations arise when a stable, continuing social relationship is established. At the same time, respect can not only be acquired, but also lost; only in traditional societies was the precondition for respect or disrespect that a particular social group belonged to. Thus, according to N. Luman, respect is a condition for maintaining stability, and disrespect is discord and conflict. An important feature of respect, according to N. Luman, is its classification as a "whole" personality as opposed to the evaluation of individual merits in specific professional or other specialized areas. This position of N. Luman overlaps the understanding of respect for E. Fromm as "the ability to see a person as he is, in his individuality and uniqueness." It is the antithesis of fear and reverence without respect "love degenerates into domination over man and possession of it as a thing"[3]. E. Fromm notes that respect, along with care, responsibility and knowledge, is the main element of productive love as the main property of a productive social character.

Today it is generally accepted that one of the basic relationships that forms connections in social networks is trust. In our view, respect as a meaning, formed in a communication context and constructing an actor in specific relationships, has the same meaning. For example, economic sociology pays serious attention to the study not only of trust in business networks, but also of those close to respect for the authority and business reputation of their participants, the possession of which makes a special character as actors, so are the connections between them.

The deficit of which form of respect is the most acute in today's Russia, and why? And what are the consequences for interpersonal relations and the development of institutions of modern society, this deficit leads? Although mutual respect - as noted above - has not yet become the subject of a special sociological study. Questions "who russians respect" are often asked in the polls. Thus, secondary data analysis and discourse analysis of Internet forums, media materials will help us to answer the questions posed. Polls show that the values of Russians are gradually changing and vary significantly depending on age, level of wealth and life experience. The qualities that characterize the "successful" person - enterprise, high wealth, connections and influence, in general by the sample do not lead, for most Russians they have not yet become an independent basis to respect their carriers. From this we can conclude that there is relative agreement in society about values expressed in personal qualities. This is confirmed by the research, the subject of which has become respect for various professions.

Another important area in which the majority of respondents are acutely aware of the lack of mutual respect is interaction with the authorities and the state government. Russians note the chronic inattention of officials to the needs of people, unwillingness to reckon with their interests, to delve into problems, to devote time. This confirms once again that in the absence of a culture of egalitarian respect, it is not only difficult to establish stable and productive interactions at the level of "long-distance" social ties, but also to establish stable social relations Institutions. It is possible to assume with a high probability that it is the difficulties in establishing "distant" social ties in modern Russia that lead to their constant substitution of "neighbors": it is known that Russians prefer to solve vital problems to reach out to relatives close to friends, that is to use the "blat" rather than relying on formal rules and institutions. Even in China, known for the survivability of interpersonal relations guanxi (connections, acquaintances, etc.) to solve the problems of protection of personal rights and interests, job search, etc., more often than in Russia, resort to the help of formal institutions - trade unions, state organs that are proving to be more effective [4]. It seems that the causes of the lack of egalitarian respect, the inability to respect people as equals should be found in the sociocultural transformations of recent decades and in the nature of media discourse. According to the Russians, although the manifestations of the lack of mutual respect in everyday life are very diverse, its main reason is one - "lack of common values," "unified perspective" that would unite people.

The way, tonality, political, personal and other shades of presenting information on TV, on the Internet, traditional federal, regional and local mass media are largely explained, apparently, by the general state of culture, recklessness and permissiveness of mass communication on the Internet, balance and balance, social responsibility and a high professional, aesthetic and ethical level of information and other resources leads to a total decrease in self-control, emotional instability and depression, and that, in turn fraught dehumanizing relations crisis, inter-generational, religious, ethnic, youth and other social relations.

Disbelief in one's own strength, self-sufficiency, and insecurity often make you assert one's dignity by blatant disrespect for others. Another reason for the lack of mutual respect lies in the discourse of the media, which is characterized, firstly, by constant clear and hidden criticism of both the recent and distant past, the conscious deconstruction of authority, the "debunking" of leaders, the "decline" national heroes, discrediting entire generations [5]. This critical discourse in its form and style often takes the character of arrogant teaching, forms the impression that everything that has been achieved in the past is wrong, values were false, and people did not have enough courage and dignity in order to build your life differently. This gives the impression that we have nothing to respect ourselves, others, or the older generation, politicians or cultural figures. At the same time, criticism, as a rule, does not involve a deep understanding of the past and the present and does not carry a constructive beginning, conditioned by love and respect for the motherland,

the desire to really change something for the better. Another feature of the discourse of the Russian media is the abundance of information about the manifestations of deviation in everyday life, which forms a very negative image of a person. On the basis of this information, there is an idea of the widespread aggression, irresponsibility, self-interest, malice, the danger and discomfort of everyday life. At the same time, the manifestations of altruism, decency and dedication, which we have seen so highly respected by the Russians, are not given enough attention. All this leads to the paradox described, where the existence of a consensus on respect worthy qualities of the individual does not lead to the strengthening of mutual respect in everyday interactions. Self-organization, initiative and, for the most reason, "far-flung" social connections, the institutions of modern society are undeveloped and unsustainable, and everyday life is unstable and uncomfortable. [6]

The language competences of a public servant in this work are considered from the point of view of pragmatism, i.e. examining the meaning of public statements in the context of discussing a particular problem.

The sphere of management implies a direct relationship with the team, senior management, ordinary citizens in the form of conversation, negotiation, telephone conversation, meeting.

The general position of the speech culture of the whole society depends on the level of language competence of administrative workers. Being in a professional team, the representative of the management sphere constantly interacts with his subordinates, points out the mistakes made, issues orders, makes his own adjustments, that is, he is an example for others. In society, he is a representative of the government, the state as a whole, is responsible for what he says. But no less important is not only the level of training, but also the ability to properly express their thoughts, the possession of different genres of business communication.

The language competencies of public servants are in fact set alongside qualification, age and other characteristics. This is already proof that the ability to communicate should be essential to anyone who decides to enter the public service.

It should be said that these requirements are set in the section of prohibitions of legal status of a public servant. The formulation of the prohibition is as follows: "In connection with the civil service, a civil servant is prohibited from making public statements, judgments and assessments, including in the media, in relation to the activities of public bodies, their leaders, including those of a higher public body or a public body in which a civil servant replaces a civil service post, unless it is part of his office responsibilities." [7].

That is, the legislator strictly establishes the inadmissibility of public statements, related to the position held. There are many examples of violations of this requirement by public servants who are directly covered by this prohibition.

The phenomenon of "#fireme" appeared in the media on the background of the general discussion of incorrect statements of civil servants and persons replacing public positions.

In order to determine the meaning and place of this hashtag in the communication of politicians, officials and ordinary people, it is necessary to characterize the described phenomenon as a modern communication variety. The "hashtag" definition itself is not in the intelligent dictionary, however in modern communication of Russians it occupies a significant place in oral and written form, especially among users of the Internet and social networks. However, in the online anglo-russian dictionary, the "hashtag" is "the tag that precedes the symbol #" or, in other words, "symbol #." Also, the tag is perceived as a text marker, slogan, phrase or short message from one or more words, in front of which there is a symbol #. The Oxford Online Dictionary defines: "The word or phrase preceded by a hash sign (#), used on social media sites as Twitter to identify messages on a specific topic". Also, "the hash sign (#)" [8].

Born in Twitter, the hashtag went and consolidated on Instagram, Facebook, and other apps [9]. Using hashtags, it became possible to search for similar images, and later texts, videos, etc. [10] or to detect all tweets on a particular topic. As a tool that makes it easier for the user to search for tweets on a particular topic, the hashtag has begun to carry out "linguistic community-building activities"[11] that bring people together in communities based on a shared interest in the same content and discussing it [12]. In reality, hashtags today carry out not only their inherent functions (marking; increasing profile popularity; commenting on current events; promoting a brand; voting; communicating; organization of charities and social events; jokes, irony; game), that is, act as a method of categorization.

Today, they are specially created by certain users on the Internet to pursuit new goals and to implement new functions.

The hashtag brightly and quickly has come into life of politicians who actively use the network space: many politicians, officials through hashtags communicate with their constituents. Since then, hashtags have emerged from the linguistic landscape and in various offline contexts such as banners, television advertising, headlines on the front pages of magazines and newspaper articles, political slogans and speeches, etc.

But along with the function of mediator between the politician and the electorate, the hashtag began to perform other, new functions for him.

For politicians and officials in Russia, the hashtag has received an additional "assessment" function, which on the one hand has emerged from the existing "ironic", and on the other hand, the hashtag against politicians and officials has become a kind of "voice of the people" as in about specific politicians, and as a general reaction of society to behavior, including speech, modern politicians. In other words, a modern anonymous collective message of the people to the government has been formed, surpassing modern virtual reality in mirror image.

As part of this hashtag, the most poignant phrases of officials are placed with a call to remove their authors from their positions. In this topic, it seems most relevant to consider examples of statements that are part of the group to understand the possible causes of such behavior by administrative officials. The starting point of this movement was the words of Olga Glatsky, director of the Sverdlovsk regional department of youth policy, that the state owes nothing to young people, because it did not ask them to be born.

"Today it turned out that young people, the younger generation, have such an understanding that the state owes us everything," Glatsky explained. "No, the state doesn't owe you anything at all. You owe your parents because they gave birth to you. The state did not ask you to give birth." (<https://www.newsru.com/russia/05nov2018/olga.html>)

This is not the first "acute" statement of this public servant, after the protests in the spring of 2017, she said that her department was created to ensure that "youth, who today are not structured, can not find their niche, do not go to rallies." (<https://66.ru/news/society/195769/>)

What can be the reason for such unprofessional and dismissive behavior of the author in this case? We can assume that the main problem is a superficial understanding of their own situation, because the target audience, which is aimed at the work of the department - are young people, and discredit the group of the population - directly violate the law.

In this case, the example can be attributed to a group of purposeful statements, it cannot be said that the phrase was taken out of context, misunderstood, etc. The author has a certain position rather dismissive of his own activities. It is worth to notice that some resonant statements may be associated not so with direct intent, as with low speech culture.

In October 2017, the governor of the Kaliningrad region, Anton Alikhanov, commenting to journalists the draft of regional budget for 2018, rudely answered the question whether the government of the region will return compensation for kindergarten.

" - No, No.

-Why?

- Because it ends with "Y"!

-This is a serious question!

-That's a serious answer. " (<https://news.vse42.ru/feed/show/id/27526898>)

Later, the governor was able to answer the question more reasoned and correctly, but nevertheless the "Y" still dispersed on the Internet as one of the brightest examples of bureaucratic rudeness. The mere fact that the head of the region can afford to use common language in public as part of the discussion of important issues in the region, and in this situation the irrelevance of such an expression is obvious.

The reason for the non-compliance of language competences by officials can also be selfishness, in connection with which it is impossible to understand the essence of the problem situation, understand its sources and solve. And it becomes possible only to occupy a convenient situation in relation to the problem. For example, Guzel Udachina, the commissioner for children's rights in Tatarstan, offered to take the children to an orphanage to the mother having many children from Zelodolsk. The fact that the woman was deprived of the right to own a flat in the emergency house, the court seized her apartment. Well, the children, according to the official, "can then be taken back, after paying off the mortgage."

(https://yandex.ru/news/story/Detskij_ombudsmen_posovetovala_mnogodetnoj_materi_sdat_detej_v_priyut-5ea2fa6356b7bedd97dcf0dfe39480bf?cl4url=5ea2fa6356b7bedd97dcf0dfe39480bf&title=Detskij_ombudsmen_posovetovala_mnogodetnoj_materi_sdat_detej_v_priyut).

It is possible to continue endlessly examples of various situations in which direct representatives of the state do not have language competences, but act on the basis of neglect of the position, low speech culture and even selfishness. It is important that this is paid attention to and made public in every possible way, and thanks to the public outcry the procedure of dismissal is taking place. But, unfortunately, the dismissal of such public servants cannot solve this problem. The situations considered to some extent discredit public administration as a whole, reduce the prestige of power and create relevant opinions and stereotypes.

Thus, hashtags can be seen as a form of communication (though usually virtual), because in the age of the Internet it is difficult not to worry about this increasingly popular aspect of communication between Internet users.

References

1. Parsons T. The system of modern societies Englewood Cliffs (N J) Prentice-Hall, 1971.
2. Luhmann, N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main, 1984.

3. Fromm E. Flykten fran freedom den Revolutionära karataren Philosophical arkiv, Sweden, 2016.
4. Chernish M.F. Labour market and rule order in St.Petersburg and Shanghai: effects of reforms// Social Researches, 2010. N. 8.
5. Zarubina N.HN. Everydaylyfe in the modernizing discourse in modern Russia //Sociology in the system of scientific management of public / Materials of IV All-Russian social congress. Moscow, 2–4 February 2012 г. (CD-ROM).
6. Dickinson, Paul. 'B/w U & me': The Functions of Formulaic Language in Interactional Discourse on Twitter. The Linguistic Journal 7(1), July 2013. 7–38.
7. Sagolla, Dom. Characters: A Style Guide for the Short Form. Hoboken: John Wiley & Son, 2009. 140.
8. Zappavign, Michele. Ambient Affiliation: A Linguistic Perspective on Twitter. New Media & Society, 2011.13(5). 788–806.
(<http://nms.sagepub.com/content/early/2011/05/26/14611444810385097.full.pdf+html>) Accessed 19-09-2019).
9. Kricfalusi, Elizabeth. The Twitter Hashtag: What Is It and How Do You Use It? 2013. (<http://www.techforluddites.com>) (Accessed 01-00-2019).
10. Landry, R. and Bourhis, R. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study. Journal of Language and Psychology, 1997. 6(1), pp. 23-49.
11. Hill, Shwandra & Benton, Adrian. Social TV: Linking TV content to Buzz and Sales. International Conference on Information Systems. December 2012.
12. Potts, Liza & Seitzinger, Joyce & Jones, Dave & Harrison, Angela. Tweeting disasters: Hashtag Constructions and Collisions. Proceedings SIGDOC '11, Proceedings of the 29th ACM International Conference on Design of Communication, 2011. 235–240. ACM, New York, USA.

Котова Нина Сергеевна, доктор филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); профессор кафедры психологии образования, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: ninakotova@mail.ru

Кравцова Виктория Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ростовский филиал Российской таможенной академии (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20).

E-mail: inyaz@uriu.ranepa.ru

Котов Григорий Сергеевич, магистрант Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: inyaz@uriu.ranepa.ru

ДВОЙНАЯ ФУНКЦИЯ «#УВОЛЬТЕ МЕНЯ» В КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация

Сегодня общепризнано, что одним из базовых отношений является доверие. На наш взгляд, аналогичное значение имеет и уважение как смысл, формирующийся в коммуникационном контексте. Важная сфера, в которой большинство респондентов остро ощущают дефицит взаимного уважения, – взаимодействие с органами управления и государственной власти. Языковые компетенции государственного служащего в данной работе рассматриваются с точки зрения изучения смысла публичных высказываний в контексте обсуждения определенной проблемы.

Ключевые слова: взаимное уважение, неуважение, социальная группа, межличностные отношения, опрос, дискурс-анализ, органы государственной власти, самоконтроль, дискурс, дегуманизация.

ФАКТОРЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ ВРАЧЕЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Нор-Аревян Оксана Аведиковна кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42).
E-mail: noroks@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу факторов формирования профессиональных династий врачей в советский период и преимуществам профессиональной преемственности медицинской профессии. В советский период династичность выступала примером межпоколенческого воспроизводства социальной позиции, а представители династий являлись не только носителями традиции и преемственности профессионального знания и мастерства, но и приобретали нравственные ценности, такие как любовь и уважение к труду, к человеку. На основе ретроспективного анализа биографических очерков врачебных династий, выделяются преимущества формирования династичности медицинской профессии. Вместе с тем, профессиональная династичность не является процессом циклическим и нарушение механизма воспроизводства профессии может приводить к кризису профессиональной династичности в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: профессиональная преемственность, профессиональная династия, врач, профессия, межпоколенческая мобильность, престиж профессии, социальные установки, профессиональные ценности, социальное пространство.

Популяризация образа большой счастливой и дружной семьи приходится на период 1950-80-е гг. Такие семейные группы с многопоколенной профессиональной преемственностью называют династиями, где несколько поколений одного рода не только мирно сосуществуют, но и совместно работают в одной профессиональной сфере. В советский период особенно популяризованы были заводские династии, что нашло отражение в научных публикациях того периода. Но не менее значимыми были и врачебные семейные династии, процесс профессиональной преемственности в которых протекал по аналогичным законам и траекториям.

Важное значение при определении факторов, влияющих на формирование профессиональных ориентаций у молодых людей имеют функции семьи, носящие традиционный, взаимосвязанный с природой семьи, характер, в том числе: 1) функция передачи социального опыта; 2) предоставление защищенного социального пространства для члена семьи; 3) поддержание определенного культурного образца, формирующегося в результате осознанного и неосознанного копирования действий родителей и сочетающего, как и предыдущие функции, биологические инстинкты (материнства, сохранения детенышей) и социальные установки (поддержание подрастающего поколения) [1, с. 14].

Преемственность становится профессиональной тогда, когда объектом передачи из поколения в поколение становятся профессия и определенные профессиональные ценности, посредством многопоколенной профессиональной преемственности образуется такой феномен, как профессиональные династии [2, с. 264].

Изучение темы профессиональных династий обладает широким потенциалом для понимания социальной структуры общества и обуславливает возрождающийся интерес ученых к социологическому осмыслению династий в целом.

Профессиональная преемственность посредством включения в династию является характерной социальной практикой для советского периода, но и в современном обществе приобретает новые ракурсы исследования.

Для советского периода актуальной темой исследования становилось выявление роли семьи в формировании профессиональных предпочтений и будущих траекторий профессионального становления подрастающего поколения, в том числе и в медицинской профессии. Среди научных работ советского этапа особо следует выделить труды Атутова П.Р. и Климова Е.А. [1], Руткевич М.Н. [3], Колосовой Л.А. [4], Лисовского И.Т. [5], Мазырина В.П. и Пономарева Л.Н. [6], Павлова Б.С. [7; 8], Соловьева В.А. [9], Чухно В.П. [10] и коллективной монографии Лаптенков С.Д., Чигирь А.Е., Чумаковой Т.Е. [11]. Традиции семейного воспитания и формирования профессиональной карьеры советской молодежи становились объектом исследований на уровне кандидатских диссертаций по педагогике, психологии и философии (Будовская Л.М., Дамбаева В.Д., Колосова Л.А., Мирзоев Н.Х., Михура Т.П., Савенков А.И. и др.).

Также важно отметить, что изучение трудовых династий в СССР представлено не только в трудах того времени, но и в современных работах. Так, в настоящее время изучением профессио-

* Статья подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320

нальной преемственности медицинской профессии занимаются современные исследователи: Калашникова К.А. [12], в научном коллективе с Анипкиным М.А. и Поповой Е.Г. [13]. В центре внимания исследователей остаются такие вопросы как рассмотрение трудовых династий с точки зрения истории и современности.

Другой исследовательский сюжет связан с работами, посвященным описанию результатов исторических и культурологических исследований отдельных трудовых династий СССР. Так, трудовые династии врачей в советские период описаны в работах Заболотной С.Г., Коровиной И.А., Назиной О.В. [14] как средство формирования профессиональной направленности.

В обобщенном виде, во всех научных публикациях по проблеме профессиональной династичности в сфере здравоохранения профессиональная династичность (преемственность) трактуется как феномен, объединяющий черты образовательной стратегии воспроизводства социальной позиции со стратегией наследования, так как социальный успех последующих поколений зависит не только от принадлежности к династии, но и от их образовательных достижений.

Через призму концепций трудовых отношений профессиональные династии врачей рассматриваются как особая социально-профессиональная группа, обладающая специфическими характеристиками и ресурсами.

Посухова О.Ю. на основе ретроспективного анализа выделила основные макроуровневые факторы формирования профессиональных династий (на примере рабочих династий) [15, с. 101-102], которые можно также применить и для анализа факторов формирования врачебных династий в советский период:

1. Идеологическая установка. Забота о здоровье нации всегда являлась важной государственной задачей, а здоровьесбережение ложилось на плечи «людей в белых халатах». Создание трудовых династий весьма поощрялось во времена СССР. О представителях таких семей снимали фильмы, писали книги. В массовое сознание советских граждан активно внедрялись представления о престижности принадлежности к медицинской профессии, а легитимации профессионального статуса врача активно проводилась в СМИ (примеры, картина «Семеро смелых» (С. Герасимов, 1936г.) воспевают героизм советского человека, где герои демонстрируют верность долгу наряду с другими важными качествами. Например, эпизод, где врач Женя не задумываясь едет и проводит операцию для больного председателя [16, с. 152]; картина «Неоконченная повесть» (Ф. Эрмлер, 1955г.) в которой участковый врач Елизавета Муромцева полностью отдала себя профессии и ее человеколюбие, настойчивость и профессионализм сотворили чудо выздоровления).

2. Государственный заказ. Решениями съездов КПСС ставились задачи по охране и укреплению здоровья советских людей, увеличению продолжительности их трудовой активности, кардинальному повышению качества медицинской помощи населению. Для реализации этих задач важное значение имеют повышение профессионального мастерства медицинских работников, их ответственности и инициативы, улучшение идейно-нравственного воспитания. В целях усиления заинтересованности работников здравоохранения и социального обеспечения в эффективности и качестве их труда осуществлялись меры по повышению заработной платы и совершенствованию материального и морального стимулирования этих работников¹. Прежде всего, советский врач имел хорошую заработную плату.

Так, по данным на относительно стабильный 1982 год зарплата врача в СССР по разным источникам колеблется в районе 115-150 рублей (пусть в среднем 130 рублей). Советский врач мог постоянно откладывать себе деньги с каждой месячной зарплаты, ведь его зарплата позволяла это делать. Плюсуйте сюда различные льготы, санатории и прочее, и получится вполне красивая картинка². С другой стороны, медицинское сообщество было наделено привилегиями, которые выражались, в том числе, и в доступности к получению медицинской помощи (прежде всего, это свой семейный врач, своевременные диагностика, профилактика и лечение, а значит, семья здорова и под защитой). Профессиональные династии наделяются льготами и преференциями, что влияет на семейные стратегии.

3. Широкие возможности профессионального роста и повышения компетенций в определенной сфере. Межпоколенная мобильность детей врачей была predetermined в силу высокого авторитета медицинской профессии и за счет продолжателей профессии врача пополнялся кадровый состав учреждений здравоохранения. Потомственные медики демонстрируют большую приверженность

¹ Приказ Минздрава СССР от 24.10.1986 N 1420 «О повышении заработной платы работников здравоохранения и социального обеспечения» (утвержден 24.10.1986) [Электронный документ] URL: <https://www.webarteka.ru/phdocs/doc9994.html> (дата обращения 21.09.2019)

² Сравнение зарплат врачей в СССР и РФ. [Электронный документ] https://zen.yandex.ru/media/doctors_diary/sravnenie-zarplat-vrachei-v-sssr-i-rf-5af6dbaedd2484e783e3eb54 (дата обращения 21.09.2019г.).

профессии и лучше к ней адаптированы, знают больничную жизнь не понаслышке, видят, как напряженно, а порой самоотверженно трудятся их родители.

4. Конъюнктурные условия рынка труда: престиж той или иной профессии может влиять на профессиональные стратегии детей. Продолжение дела родителей в любой профессии – это естественный процесс. В медицине наследование профессии принято с античных времен, иногда профессия принадлежала не просто одной семье, но и всей деревне. Например, все до единого жителя греческого острова Кос в древности были врачами. Считалось, что они ведут свой род от самого Асклепия – бога медицины и врачеваний. Греки считали, что, для того чтобы стать врачом, человек должен родиться им, иначе обучение будет бесполезным, а самым известным уроженцем острова Кос был знаменитый целитель и учёный Гиппократ – отец медицины, потомок врачевателей в 17-м поколении. Реформатор медицинских знаний Парацельс – сын лекаря, основоположник анатомии А. Везалий из рода ученых-медиков. Династии Боткиных, Бехтеревых, Вишневских являются гордостью не только отечественной, но и мировой медицины. Утратив свою роль во многих сферах трудовой деятельности, семейная преемственность в медицине сохраняется до сих пор.

5. Наличие квазиоткрытой системы социальной мобильности. В этом случае продолжение профессиональной династии является стратегией входа в закрытые социально-профессиональные группы и продвижения внутри них.

Анализируя тенденции и формы поддержки профессиональных династий, Иванова Е. и Юрьев П. также выделяют ряд преимуществ династичности, которые выражаются в следующем: в существовании межпоколенческого семейного ресурса, что обеспечивает условия для эффективной адаптации и карьерной реализации молодого поколения; в передаче профессиональных ценностей; в институциональном аспекте последовательности передачи профессии, что выражается в передаче социальных связей старших поколений и возможностях реализации младшего поколения на рынке труда [17, с. 498-503].

Среди способов популяризации профессиональных династий можно выделить советские социальные плакаты с лозунгами (например, «Врач – друг человека», «Почет и уважение сельскому врачу», «Служить людям – высокое призвание», «Спасибо, доктор!», «В цехах и просторах полей, врачи охраняют здоровье людей» и др.), рассказы в различного рода СМИ (газетах, книгах, фильмах) о жизни больших многопоколенных семей – врачебных династий. Представляется возможным выявить специфику «советского патриархата» с помощью дискурс-анализа биографических изданий, посвящённых династиям врачей.

В качестве анализируемого текста были выбраны биографические очерки «Медицина сильна династиями»¹, опубликованные на официальном сайте ГБУЗ Кемеровской области «Междуреченская городская больница» (URL: <http://mcgb.ru/>), в которой работают дети и внуки тех врачей, которые своими силами смогли организовать и «вырастить» отделения. Мастерство в этих семьях передавалось буквально из рук в руки. А вместе с ним целые поколения впитывали и особую атмосферу ответственности к своему делу и любви к пациенту. Ведь медицина для врача, выросшего в семье медиков, – не просто профессия, а образ жизни.

Рассказы представителей врачебных династий, описывающие судьбы и биографии известных в регионе потомственных врачей, позволили выделить особенности и сформулировать следующие преимущества профессиональной преемственности у представителей медицинской профессии:

1) предопределенность выбора, не требует принятия решения о будущей профессии, ребенок в семье врача уже с раннего детства включен в процесс профессиональной социализации. Продолжение дела родителей – это естественный процесс, связь с элитой медицинского сообщества:

- *«Мои детские воспоминания: родители постоянно на работе или в кругу друзей. Мама работает акушером-гинекологом в больнице. Сначала это был город Осинники, затем посёлок Высокий и наконец с 1966 года – Междуреченск... Работа для моих родителей всегда была в жизни главным стержнем и той осью, на которой держался их мир. Никогда не задавался вопросом: кем я буду? Да и в семье это как-то не обсуждалось. И после школы поехал поступать в медицинский институт. Не поступил, мама очень огорчилась, но трагедии из этого семья не делала. Проработал один год на шахте «Усинская» слесарем по ремонту горно-шахтного оборудования, получил разряд, продолжал готовиться к повторному поступлению в ВУЗ. На следующий год поступил на лечебный факультет Томского медицинского института»* (Рогатин В.В., врач).

- *«Доктору Вадиму Башлачеву с выбором профессии помогла мама. Она не убеждала, не настаивала и даже не советовала. Инесса Федоровна Белик просто работала врачом. И такое беззаветное служение своей профессии и гордость за нее произвели на сына неизгладимое впечатление...»*

¹ Медицина сильна династиями. [Электронный документ] URL: <http://mcgb.ru/doc/cgbbbook/2.pdf> (дата обращения 09.09.2019).

Вадим Башлачев, еще будучи студентом, выяснил что Междуреченску нужен уролог, и вопрос о специализации для него был решен.

После окончания института Вадим Афанасьевич Башлачев вернулся не один – привез еще одного, очень нужного городу специалиста. Маргарита Викторовна Незавитина, его жена, тоже врач – акушер-гинеколог» (Лушникова Г. о врачебной династии Белик И.Ф., Башлачева В.А. и Незавитиной М.В.).

2) передача профессиональных навыков, знаний, опыта и даже авторских методов лечения (в отдельных случаях) создание особой атмосферы первичной профессиональной социализации (семейные завтраки, обеды и ужины за большим столом, где собираются члены большой многопоколенной семьи продолжателей семейных трудовых традиций, постоянные беседы на медицинские темы, обсуждение методов лечения, истории успеха и неудач в профессии, общие переживания и т.д.). Ребенок с детства насыщен «лекарским духом», живет в медицинской системе координат, впитывает разговоры, заботы, любовь и преданность делу своих родителей. Образование будущих врачей начинается задолго до поступления в медицинский вуз и имеет дополнительные преимущества — они приходят в профессию «нагруженные» багажом знаний и опыта нескольких поколений, что ускоряет процесс становления специалиста.

- «Я – Рыжова Галина Валентиновна, третье поколение врачей в нашей семье. Биография моя значительно скромнее маминной и бабушкиной. Выросла в атмосфере врачебных дискуссий и диагностики. По какому бы поводу не собирались у нас дома врачи, через 20 минут разговор переходил на обсуждение сложных случаев и непонятных диагнозов. А пока была жива бабушка, мама с ней постоянно советовалась, хотя та и была фельдшером, но с богатым практическим опытом. Я мало что понимала в этих разговорах, но мне было очень интересно, я рано приобщилась к медицинским книгам, до сих пор помню эти жуткие картинки из учебника по акушерству. В медицинский институт пошла сознательно» (Рыжова Г.В., врач в третьем поколении);

3) социально-культурная значимость и престиж профессии врача для представителей семейной группы. Профессия врача как ценность. Потомственные медики демонстрируют большую приверженность профессии и лучше к ней адаптированы, знают больничную жизнь не понаслышке, видят, как напряженно, а порой самоотверженно трудятся их родители. Профессия для «династийных» медиков становится фамильной ценностью, религией, способствуя сохранению верности врачебному делу. Характеризуя свое отношение к работе, многие из них говорят не столько о любви, как их коллеги из немедицинских семей, сколько о долге.

- ... мы с братом родились в семье медиков. Папа – Лиходиенко Алексей Александрович – врач-кардиолог, мама – Ольга Алексеевна – медицинская сестра...

... я всегда гордилась своими родителями и с детства с восхищением слушала рассказы про тяжелые и интересные случаи из практики. О том, как родители переживали за здоровье пациентов, как спасали им жизни. Наверное, поэтому я никогда не задумывалась, кем стать, когда вырасту. Родители всегда были примером для меня, и я видела, что медицина для них нечто большее, чем просто работа – это часть их жизни, общение с разными людьми, которым нужна твоя помощь, твоя поддержка и заинтересованность в них.

Мой брат Александр тоже пошел по стопам родителей. Он учится в медицинской академии, мечтает быть неврологом. И теперь мы дружная врачебная семья (Лиходиенко О., врач-окулист).

4) династийность снижает риски прихода в профессию случайных людей. Проанализированные биографические очерки демонстрируют профессиональную династийность в нескольких поколениях подряд, символизируя преданность профессии и мастерство своего дела:

- «186 лет насчитывает общий медицинский стаж нашей семьи Патютко-Приступинных. ... в 1950 году начала работать зубным врачом в поселке Ольжерасс основатель династии, моя мама – Софья Михайловна Ключина. Тогда и города ещё не было, и медицинских работников насчитывались единицы....За 40 лет безупречного труда Софья Михайловна награждена знаком «Отличнику здравоохранения», медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», «За доблестный труд», не раз награждалась грамотами и благодарственными письмами. Свою увлеченность профессией Софья Михайловна передала и детям, и внуку.

Я, Любовь Дмитриевна Приступина, в 1978 году окончила Кемеровский медицинский институт и начала работать врачом-стоматологом-хирургом в стоматологической поликлинике нашего города, где и продолжаю трудиться 35 лет.

Мой муж, Сергей Степанович Приступин, 33 года работает в Междуреченске стоматологом-ортопедом. Он тоже потомственный врач: его мать, проживающая в Оренбургской области, проработала зубным врачом 38 лет.

Сегодня семейной специальностью овладел внук Софьи Михайловны – Дмитрий Сергеевич Приступин, его стоматологический стаж – 11 лет.

Моя младшая сестра, Анна Дмитриевна Патютко, окончила Кемеровский медицинский институт и с 1984 года работает в г. Кемерово провизором-технологом в течение 29 лет.

Из 186 лет общего медицинского стажа нашей династии Патютко-Приступиных 143 отдано здоровью кузбассовцев, и 108 лет из них – междуреченцам» (Приступина Л., врач хирург-стоматолог); - Общий трудовой стаж нашей семьи в здравоохранении составляет 66 лет, из них 41 год посвятила медицине наша мама Н.И. Дубошина. С 2003 года и по настоящее время она продолжает работать медицинской сестрой подросткового кабинета в детской поликлинике МБУЗ ЦГБ. (Дубошина Л., врач стоматолог-терапевт).

Процессы общественной трансформации в России внесли глубокие изменения в сферу социально-экономических отношений, модифицировали систему ценностей и модели социально-экономического поведения семьи.

Светский этап конца 80-х и начала 90-х гг. характеризуется кризисным состоянием всех сфер экономики и сфера здравоохранения не стала исключением наступивший дисбаланс между тем, что было необходимо населению и тем, что ему реально предоставлялось, привел к недоверию людей к системе здравоохранения и сопровождался резким падением престижа профессии врача, сохранившим эту тенденцию вплоть до современного времени [18].

Перестройка российской экономики, обнищание масс высокопрофессиональных специалистов (врачи, учителя, инженеры и др.), застой и разрушение материально-технической базы сферы здравоохранения, высокая текучесть кадров стали движущими факторами развития кризиса профессиональной преемственности медицинской профессии и привели к тому, что профессиональные династии заметно замедлили свое воспроизводство.

Литература

1. Атутов П.Р., Климов Е.А. Проблемы психологического обеспечения подготовки молодежи к труду и выбору профессии // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 13 – 19.
2. Костина М.П. Профессиональные предпочтения различных поколений архангельских семей // Молодой ученый. 2017. №8. С. 262 – 265.
3. Руткевич М.Н. Социально-профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества // Социологические исследования. 1977. № 1.
4. Колосова Л. А. Профессиональная ориентация учащихся и трудовые семейные династии // Воронеж: Изд-во Воронежск. Ун-та. 1992.
5. Лисовский И.Т. Советская молодежь: ее стремления и идеалы. М., 1971;
6. Мазырин В.П., Пономарев Л.Н. Трудовые династии. М.: Политиздат, 1981. 64 с.
7. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых. Монография / отв. ред. Л.Н. Коган. – М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук "Издательство "Наука", 1984. 225 с.
8. Павлов Б.С. Исследование социально-классовой преемственности поколений. Свердловск.: Институт экономики УНЦ АН СССР, 1979. 42 с.
9. Соловьев В.А. Профессиональная ориентация в социалистическом обществе. М., 1979.
10. Чухно В.П. Общество и семья: вчера, сегодня, завтра: Историко-социологическое исследование. Донецк: Донбас, 1990. 231 с.
11. Трудовые и нравственные основы советской семьи / [С.Д. Лаптенко, А.Е. Чигирь, Т.Е. Чумакова и др.]; Ред. К.П. Буслов и А.Е. Чигирь. Мн.: Наука и техника, 1983. 111 с.
12. Калашникова К.А. Функциональный анализ феномена династичности социального института здравоохранения в условиях модернизации осознанная преемственность или инерция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2011. № 3 (15). С. 169 – 174.
13. Калашникова К.А., Анипкин М.А., Попова Е.Г. Социологический анализ роли медицинских династий в условиях модернизации современного института здравоохранения // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: политология и социология. 2011. № 5. Т. 1. С. 36 – 43.
14. Заболотная С.Г., Коровина И.А., Назина О.В. Изучение врачебных династий как средство формирования профессиональной направленности студентов медицинского вуза // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. [Электронный документ] URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28871> (дата обращения: 09.09.2019)
15. Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100 – 103.
16. Российский иллюзион. М.: Материк, 2003. 727 с.
17. Иванова Е., Юрьев П. Профессиональные династии: тенденции и формы поддержки // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития : материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. 593 с.
18. Нор-Аревян О.А. Социальный капитал профессии в оценках российских врачей (на материалах социологического исследования в городских мегаполисах) // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 98 – 107.

Nor-Arevyan Oksana Avedikovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: noroks@yandex.ru

**FACTORS AND ADVANTAGES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL DYNASTIES
OF DOCTORS IN THE SOVIET PERIOD**

Abstract

The article is devoted to the analysis of the factors in the formation of professional dynasties of doctors in the Soviet period and the benefits of professional continuity of the medical profession. In the Soviet period, dynasty served as an example of intergenerational reproduction of a social position, and representatives of dynasties were not only carriers of tradition and continuity of professional knowledge and skill, but also acquired moral values, such as love and respect for work, for a person. Based on a retrospective analysis of the biographical essays of medical dynasties, the indisputable advantages of the formation of the dynasty of the medical profession are highlighted. At the same time, professional dynasty is not a cyclical process and violation of the mechanism of reproduction of the profession can lead to a crisis of professional dynasty in the field of healthcare.

Keywords: professional continuity, professional dynasty, doctor, profession, intergenerational mobility, prestige of profession, social attitudes, professional values, social space.

References

1. Atutov P.R., Klimov E.A. Problemy psihologicheskogo obespecheniya podgotovki molodezhi k trudu i vyboru professii // Voprosy psihologii. 1984. № 1. S. 13 – 19.
2. Kostina M.P. Professional'nye predpochteniya razlichnyh pokolenij arhangel'skih semej // Molodoj uchenyj. 2017. №8. S. 262 – 265.
3. Rutkevich M.N. Social'no-professional'naya orientaciya molodezhi v usloviyah razvitogo socialisticheskogo obshchestva // Sociologicheskie issledovaniya. 1977. № I.
4. Kolosova L. A. Professional'naya orientaciya uchashchihsya i trudovye semejnye dinastii // Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. Un-ta. 1992.
5. Lisovskij I.T. Sovetskaya molodezh': ee stremleniya i idealy. M., 1971;
6. Mazyrin V.P., Ponomarev L.N. Trudovye dinastii. M.: Politizdat, 1981. 64 s.
7. Pavlov B.S. Social'no-klassovaya preemstvennost' i vospitanie molodyh. Monografiya / otv. red. L.N. Kogan. – M.: Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigoras-prostranitel'skij centr Rossijskoj akademii nauk "Izdatel'stvo "Nauka", 1984. 225 s.
8. Pavlov B.S. Issledovanie social'no-klassovoj preemstvennosti pokolenij. Sverdlovsk.: Institut ekonomiki UNC AN SSSR, 1979. 42 s.
9. Solov'ev V.A. Professional'naya orientaciya v socialisticheskom obshchestve. M., 1979.
10. CHuhno V.P. Obshchestvo i sem'ya: vchera, segodnya, zavtra: Istoriko-sociologicheskoe issledovanie. Doneck: Donbas, 1990. 231 s.
11. Trudovye i нравstvennye osnovy sovetskoj sem'i / [S.D. Laptенок, A.E. CHigir', T.E. CHumakova i dr.]; Red. K.P. Buslov i A.E. CHigir'. Mn.: Nauka i tekhnika, 1983. 111 s.
12. Kalashnikova K.A. Funkcional'nyj analiz fenomena dinastijnosti social'nogo instituta zdravo-ohraneniya v usloviyah modernizacii osoznannaya preemstvennost' ili inerciya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. 2011. № 3 (15). S. 169 – 174.
13. Kalashnikova K.A., Anipkin M.A., Popova E.G. Sociologicheskij analiz roli medicinskih dinastij v usloviyah modernizacii sovremennogo instituta zdravoohraneniya // Nauchnyj vestnik Volgogradskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. Seriya: politologiya i sociologiya. 2011. № 5. T. 1. S. 36 – 43.
14. Zabolotnaya S.G., Korovina I.A., Nazina O.V. Izuchenie vrachebnyh dinastij kak sredstvo formirovaniya professional'noj napravlenosti studentov medicinskogo vuza // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019. № 3. [Elektronnyj dokument] URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28871> (data obrashcheniya: 09.09.2019)
15. Posuhova O.YU. Professional'naya dinastiya kak rezul'tat semejnyh strategij: inerciya ili preemstvennost'? // Vlast'. 2013. № 12. S. 100 – 103.
16. Rossijskij illyuzion. M.: Materik, 2003. 727 s.
17. Ivanova E., YUr'ev P. Professional'nye dinastii: tendencii i formy podderzhki // XXI Ural'skie sociologicheskie chteniya. Social'noe prostranstvo i vremya regiona: problemy ustojchivogo razvitiya : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Ekaterinburg, 15–16 marta 2018 g .) / pod obshch. red. YU. R. Vishnevskogo. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2018. 593 s.
18. Nor-Arevyan O.A. Social'nyj kapital professii v ocenках rossijskih vrachej (na materialah sociologicheskogo issledovaniya v gorodskih megapolisah) // Vlast'. 2018. T. 26. № 1. S. 98 – 107.

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Овчаренко Роман Константинович	доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: alfa999@inbox.ru
Осипов Олег Георгиевич	аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: osipov.og@mail.ru

Аннотация

Миграционные процессы в современном российском обществе должны стать частью публичного управления. Взаимодействие государственных органов власти, органов местного самоуправления и общественных структур в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан должно привести многонациональное российское общество к спокойному и стабильному развитию.

Ключевые слова: *публичное управление, иностранные граждане, гражданское общество, иммиграция, иммигранты, социальное благополучие граждан, государственная национальная политика, российское общество, адаптация мигрантов.*

Публичное управление – это процесс кооперации государственных органов, органов местного самоуправления и общественных организаций, обеспечивающий удовлетворение общественных интересов и решение коллективных проблем [1, с. 3].

Иностранные граждане, прибывшие в Ростовскую область, должны быстро и безболезненно адаптироваться к новым социально-экономическим, правовым и культурным условиям России. Адаптация и интеграция мигрантов в российское общество являются необходимыми приоритетами государственной политики на всех уровнях власти, что отражено в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной указом Президента РФ от 19.12.2012 г. №1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В субъектах Российской Федерации, куда прибывает значительное количество мигрантов, должны создаваться дополнительные социально-экономические, политические и культурные условия для улучшения социального благополучия граждан¹. К данным регионам относится и Ростовская область, в 2017 году в Ростовскую область прибыло 108 638 чел. из иностранных государств².

Одним из направлений управления миграционными процессами является государственная национальная политика Российской Федерации, которая позволяет народам, проживающим на территории Российской Федерации, сохранять свои социальные, культурные и религиозные ценности. В Стратегии государственной национальной политики присутствуют направления, которые реализуют адаптацию и интеграцию иностранных граждан. Данные процессы осуществляются при взаимодействии государственных органов и органов местного самоуправления.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации присутствуют задачи, касающиеся адаптации иностранных граждан:

«21. Задачами государственной национальной политики Российской Федерации являются:...ж) формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество;

и) совершенствование взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

л) использование возможностей и механизмов международного сотрудничества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации»³.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/70284810/#friends>

² Аналитическая записка о возрастном-половом составе населения Ростовской области на 01.01.2018. Министерство труда и социального развития Ростовской области. Ростов-на-Дону, 2019.

³ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/70284810/#friends>

Формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество позволит включить прибывших иностранных граждан в новые условия среды, ознакомить с новыми ценностями, правилами и законами. Иностранные граждане благодаря адаптации и интеграции в российское общество, должны стать его членами. Данная система создаст благоприятную атмосферу взаимодействия иностранных и российских граждан.

Совершенствование взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации сформирует возможности для диалога и взаимодействия государственных структур и общественных организаций, таких как национально-культурные автономии и землячества.

Возможности и механизмы международного сотрудничества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации дают широкие перспективы для создания стабильных и безопасных международных отношений.

Стратегия государственной миграционной политики, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» определяет важность миграционной политики при осуществлении деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления:

«3.Рекомендовать органам государственной власти и органам местного самоуправления руководствоваться положениями Концепции при осуществлении своей деятельности...» [4].

«11...г) разработаны и проходят проверку на практике подходы к социальной и культурной адаптации различных категорий иностранных граждан, в том числе в рамках соответствующих программ и в формате государственно-общественного партнерства с участием общественных и образовательных организаций, учреждений культуры и спорта; [4].

«21. Задачами миграционной политики являются:

а) совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих и обеспечивающих:

въезд в Российскую Федерацию и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому, социальному и культурному развитию России;

б) создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами;

в) создание благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов для отраслей экономики и сферы государственного управления Российской Федерации;»

е) оказание в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и законодательством Российской Федерации помощи иностранным гражданам, ищущим защиту на территории Российской Федерации» [4].

Адаптация и интеграция иностранных граждан проводится для определения и повышения уровня владения русским языком, знаний российского законодательства, правил регистрации и пребывания в Российской Федерации, российской истории и культуры. Условия для приспособления иностранных граждан к условиям жизни в России создаются государственными и муниципальными органами управления, а также общественными организациями, заинтересованными в данном процессе. Адаптация и интеграция имеет цели помочь иностранным гражданам заниматься теми видами деятельности, в которых они наиболее компетентны.

«23. Основными направлениями миграционной политики в области создания условий для адаптации иностранных граждан являются:

а) формирование институтов и механизмов социальной и культурной адаптации иностранных граждан с учетом их возрастных, профессиональных, национальных, культурных и иных особенностей, а также региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации;

б) принятие мер, препятствующих возникновению пространственной сегрегации, формированию этнических анклавов и маргинализации, находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан, включая оформление документов, удостоверяющих личность, лицам без гражданства, не имеющим таких документов;

в) обеспечение иностранным гражданам независимо от их миграционного статуса, уровня доходов и иных обстоятельств равных возможностей для получения государственных услуг в сфере миграции, в том числе информационных» [4].

Для социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан создаются механизмы управления, государственные, муниципальные и общественные структуры, координирующие данные вопросы. С 2016 г. вопросы миграционной политики поручили вести новому органу государственного управления – Главному управлению по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. Соответственно в субъектах РФ и муниципальных образованиях данные функции были поручены региональным и муниципальным подразделениям нового органа государственной власти.

Регулирование ключевых направлений российской государственной национальной политики в Ростовской области представлено органами государственной власти субъекта Ростовской области, правоохранительными органами, органами местного самоуправления, консультативными структурами и общественными объединениями. Управление социально-политических коммуникаций Правительства Ростовской области курирует реализацию государственной национальной политики Российской Федерации на территории Ростовской области и содействует развитию институтов гражданского общества на территории Ростовской области¹. Совместно с Управлением по вопросам миграции и Центром противодействия экстремизму ГУ МВД России по Ростовской области реализуется оперативная и стратегическая политика гармонизации межэтнических отношений в области, разрешаются межнациональные и межрелигиозные конфликты, мигранты интегрируются в социокультурную, социально-экономическую и правовую систему регионального общества [2-4].

В соответствии с основными направлениями государственной национальной политики Российской Федерации органы государственной власти и органы местного самоуправления в партнерстве с общественными объединениями и работодателями разрабатывают, внедряют и реализуют программы адаптации и интеграции иностранных граждан².

Работу по адаптации иностранных граждан ведут также органы местного самоуправления. Отдел по делам молодежи Администрации города Ростова-на-Дону провел молодежный форум "Дружба без границ" 28-29 сентября. Программа форума была посвящена международной молодежной деятельности, университетским обменам и поездкам в зарубежные страны. Первый образовательный день форума прошел в Медиапарке ДГТУ.

Для участников - иностранных и российских студентов были проведены лекции и дискуссии по данным позициям. Также состоялись интерактивные игры на командообразование и изучение иностранных языков, викторины по знанию истории и географии зарубежных стран.

29 сентября участники форума посетили станицу Старочеркасскую и музей-заповедник Войска Донского, где познакомились с культурой и бытом казаков. Завершением форума стала экскурсия по истории России в историческом парке "Россия-моя История"³.

Общественные организации тоже включены в деятельность по адаптации иностранных граждан. Полезные наработки для адаптации иностранных граждан имела программа «Социальная адаптация и интеграция мигрантов в г. Ростове-на-Дону» от автономной некоммерческой организации дополнительного образования «Мир без границ». У неё были задачи, актуальные для современного общества, в которое прибывают иммигранты с разных стран мира: приспособление мигрантов к условиям социально-культурной среды Ростовской области, а также интеграция приезжих в деятельность общественных институтов. Реальными механизмами её осуществления являются меры, направленные на социальную адаптацию и интеграцию мигрантов, и предоставление им юридической консультации для снижения количества нелегальных мигрантов, уровня преступности среди приезжих и уменьшения числа конфликтных ситуаций с местным населением.

Данные действия предполагали:

- введение бесплатных курсов русского языка для тех, кто работает в сфере жилищно-коммунального хозяйства, общественного питания и сферы услуг;
- открытие пункта юридических консультационных услуг для мигрантов;
- организация горячей линии доверия для мигрантов;
- проведение серии семинаров для работодателей по порядку приема на работу мигрантов;

¹ Правительство Ростовской области. Управление социально-политических коммуникаций. Режим доступа: <https://www.donland.ru/activity/2394/>

² Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/70284810/#friends>

³ Отдел по делам молодежи Администрации города Ростова-на-Дону. Молодежное международное сотрудничество обсудили в Ростове в рамках форума «Дружба без границ». Режим доступа: <https://vk.com/@molrostov-molodezhnoe-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-obsudili-v-rostov>

- разработка и бесплатная раздача методического пособия для работодателей, разъясняющего правила и порядок приема на работу иностранцев;
- разработка и бесплатная раздача разговорников для мигрантов, приезжающих из Армении, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии;
- разработка и бесплатная раздача методических пособий в иллюстрированной форме для мигрантов, рассказывающих об истории, традициях и культуре России и Ростовской области;
- разработка и бесплатная раздача памятки для мигрантов о порядке легализации на территории Ростовской области со справочными материалами¹.

Проведение общественных мероприятий по адаптации иностранных граждан полезно для налаживания межнационального и межкультурного диалога вне зависимости от расы, национальности, гражданства, вероисповедания и уровня владения русским языком.

Курсы и методические пособия позволяют иностранным гражданам быстро и успешно вливаться в российское общество, изучать русский язык, законы Российской Федерации, историю и культуру России, регистрироваться по месту жительства и трудоустраиваться на работу. Заинтересованным работодателям также легче трудоустроить мигрантов с помощью получения необходимой правовой и методической информации.

Литература

1. Купряшин Г.Л. Публичное управление // Политическая наука, 2016. № 2. С. 101-130. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnoe-upravlenie>
2. Артамонова Я.В., Мищенко Д.Н., Узунова О.Ю., Люев А.Х. Межнациональное согласие в сознании и повседневной культуре молодежи Ростовской области в контексте миграционных процессов на Юге России // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 5. С. 248 – 259.
3. Бедрик А.В., Сериков А.В. Риски реализации государственной миграционной политики России на современном этапе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2016. № 4 (192). С. 60 – 64.
4. Вахтина М.А., Игнатова Т.В., Полянин А.В. Институциональный статус общественного обсуждения законопроектов в системе публичного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. № 6. С. 237 – 245.

Ovcharenko Roman Konstantinovich, doctor of sociology, associate professor, Head of Cathedra of sociology, South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: alfa999@inbox.ru

Osipov Oleg Georgievich, graduate student, South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: osipov.og@mail.ru

PUBLIC MANAGEMENT OF MIGRATION PROCESSES IN ROSTOV REGION

Absract

Migration processes in modern Russian society should become a part of public administration. The interaction of state authorities, municipal authorities and public structures in the sphere of adaptation and integration of foreign citizens should lead the multinational Russian society to a calm and stable development.

Keywords: *public administration, foreign citizens, civil society, immigration, immigrants, social welfare of citizens, public national policy, Russian society, migrant adaptation.*

References

1. Kupryashin G.L. Publichnoe upravlenie // Politicheskaya nauka, 2016. № 2. S. 101-130. Rezhim dostupa : <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnoe-upravlenie>
2. Artamonova YA.V., Mishchenko D.N., Uzunova O.YU., Lyuev A.H. Mezhnacional'noe soglasie v soznanii i povsednevnoj kul'ture molodezhi Rostovskoj oblasti v kontekste migracionnyh processov na YUge Rossii // Gumanitarij YUga Rossii. 2019. T. 8. № 5. P. 248 – 259.
3. Bedrik A.V., Serikov A.V. Riski realizacii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossii na sovremennom etape // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2016. № 4 (192). P. 60 – 64.
4. Vahtina M.A., Ignatova T.V., Polyenin A.V. Institucional'nyj status obshchestvennogo obsuzhdeniya zakonoproektov v sisteme publichnogo upravleniya // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. 2018. № 6. P. 237 – 245.

¹ АНО ДО «Мир без границ». Программа «Социальная адаптация и интеграция мигрантов в г. Ростове-на-Дону. Режим доступа: <http://noumbg.ru/programm/programma-socialnaya-adaptaciya-i-integraciya-migrantov-v-g-rostove-na-donu>

**ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ:
РОЛЬ ИНСТИТУТОВ МИРОРЕГУЛИРОВАНИЯ В ИХ РАЗРЕШЕНИИ***

Сериков Антон Владимирович	кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: aserikov@inbox.ru
Зарбалиев Вадим Загиддинович	аспирант, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: zarbaliyev@mail.ru

Аннотация

В статье на основе изучения теоретических положений конфликтологии исследуются возможности предотвращения и урегулирования проблемных моментов глобального уровня. В этой связи особое значение придается роли институтов мирорегулирования, как субъектам мировой политики, усилия которых направлены на решение определенных кризисов. В рамках рассмотрения международных институтов внимание акцентируется на ключевом субъекте по поддержанию международной безопасности – ООН, где анализируется уровень эффективности его функционирования. Принимая во внимание имеющуюся допустимую напряженность в различных регионах мира, в наибольшей степени благоприятным для политики всех государств будет наибо́льшее применение интегральной стратегии по мирорегулированию.

Ключевые слова: международные конфликты, институты мирорегулирования, геополитическая модель мирового устройства, конкуренция, геополитика, стабильные взаимоотношения, гегемон, протранство, нормы права, актор.

Столкновения на международном уровне между его субъектами происходили во все времена, они являются частью глобальных взаимоотношений, истоки которых при всем старании международного сообщества не поддаются искоренению. Потребность в образовании различного рода институтов возникает у общества в условиях отсутствия способности решить конфликты отдельными людьми. Однако, существуют проблемные моменты более высокого уровня, которые выходят за рамки определенных обществ, где необходимы общие усилия государств регионов, материков и мира [1, с. 8].

В рамках рассмотрения природы глобальных столкновений особое значение придадим анализу теории конфликтов, что позволит глубже понять проблемные моменты, которые стоят на пути их разрешения.

Первые наиболее значимые попытки научного познания причин конфликтов датируются VI–III вв. до нашей эры. Древнекитайские мыслители того исторического периода в движущей силе конфликта видели противоборство положительных и отрицательных сторон материи.

Возникновение наиболее ярких, а также нестандартных идей в рамках конфликтологии сопряжено с историческим периодом Средневековья. В это время флорентийским мыслителем и философом Никколо Макиавелли была осуществлена одна из ранних попыток комплексного исследования социальных потрясений. По мнению мыслителя, конфликт является необходимым элементом жизни и функционирования общества и одновременно отметил ее деструктивную и конструктивную роль.

Английский натуралист Чарльз Дарвин выдвинул теорию естественного отбора, тем самым оказав существенное влияние на осознание движущих сил конфликтов. Согласно Ч. Дарвину, совершенствование органического мира реализуется на фоне непрерывного противоборства за жизнь и наряду с этим остаются в живых преимущественно адаптированные виды. Убеждения Ч. Дарвина оказали определенного рода влияние на идеи других исследователей, занимающихся теоретическими проблемами конфликтов. Так, польский социолог Людвиг Гумплович (1878–1909) – дал научное обоснование концепции, в соответствии с которой столкновения представляются неотъемлемой частью исторического развития, содействуют интеграции общества, в то время как разделение на властвующих и зависимых является постоянным феноменом.

Оригинальные идеи осмысления сущности конфликтов связаны с введением немецким философом и социологом Георгом Зиммелем в научный оборот термина «социология конфликта. По мнению Г. Зиммеля, различного рода столкновения приводят к социальному объединению, намечают основные черты определенных социальных образований, дают возможность укрепить принципы их

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам»

устройства. Таким образом, исследователь отмечал, что при частых, но незначительных по масштабам конфликтов, можно ожидать нарастание внутригрупповой целостности и формирование специальных правил, координирующих взаимоотношения [2, с. 8].

Согласно цивилизационному подходу конфликты на международной арене зарождались вследствие устремлений цивилизации к расширению (экспансии) своего жизненного пространства. Стремления субъектов международных отношений к колонизации связаны с переизбытком государственного могущества в одной из сфер жизни, среди которых можно выделить: экономическую, военную, культурную, религиозную, информационную и др. Если после завершения Второй мировой войны у крупных государств ключевой формой расширения своего пространства была экономическая, то в нынешнее время экспансия приобретает в основном информационный, демографический, военный и конечно же экономический характер [3, с. 11].

Как видно, разрешение обозначенных проблемных моментов делает необходимым претворение в жизненный процесс разносторонних сфокусированных усилий международного сообщества. При данных обстоятельствах формирование инструментов и технологий по предупреждению и решению конфликтов на базе международного права имеет принципиальное значение для настоящего времени. Разработка подобного рода подхода или стратегии с последующей её имплементацией и представляет собой главную проблему для всего человечества.

Исторически большинство международных организаций создавались либо как участники конфликтов (союзы, военные блоки), либо как институты-посредники при разрешении споров между государствами. Однако потребовались ужасы бойни Первой и Второй мировой войн, чтобы мировое сообщество создало общепризнанный механизм урегулирования вооруженных конфликтов [4, с. 11].

Быстрыми темпами наднациональные институты образуются вследствие совершенствования производительных сил, наращиванием сотрудничества между глобальными субъектами в экономической, политической и культурной сферах. Ранние государственные организации мирового масштаба были сформированы в середине XIX века в интересах активизирования торговых связей.

К первоначальным политическим институтам нового периода можно отнести «Священный союз», созданный Российской империей, королевством Пруссия и Австрийской империей в 1815 году. В свой черед, выделим и механизм, учрежденный на совещании, направленный против рабства, который состоялся в столице Великобритании в середине XIX века. В рамках договора Уэбстера – Ашбертона Великобритания и США согласовали совместно осуществлять морское патрулирование берегов Африки, с целью пресечения вывоза населения материка и обращения их в рабство.

Наступление XX века ознаменовало собой существенное увеличение числа глобальных институтов, главным образом, такой скачок произошел по завершению Второй мировой войны. Характерной особенностью данного периода становится усложнение структуры организаций, также стремительными темпами возникают международные неправительственные организации (МНПО). За короткий промежуток времени после 1990 года число МНПО увеличилось с нескольких тысяч до 26 тысяч, среди которых выделяются как крупные организации, так и относительно мелкие. В настоящее время значительное количество исследователей утверждают о наличии всеобщих для макрорегионов Земли и всего человечества проблемных моментов, трудностей в формировании стабильных и гармоничных взаимоотношений, урегулирование которых предписывает кооперацию между государствами [5, с. 12].

Глобальные организации многофункционального типа (ООН) и регионального уровня (СНГ, ОБСЕ, ЛАГ, АСЕАН, ОАГ, Африканский Союз) поддерживают совместные установки по внесению вклада в укрепление мирового правопорядка. Структура ООН в рамках предметного рассмотрения ее успехов в дело гарантирования главенства права в глобальных взаимоотношениях призвана и в перспективе проявлять значительное воздействие на процессы, протекающие на международной арене [6, с. 249].

Ключевым институтом мирорегулирования является Организация Объединённых Наций – международная организация, которую учредили с целью сохранения и упрочнения глобальной безопасности, усовершенствования совместной деятельности между странами, основанная в 1945 году. Однако минувшие годы продемонстрировали, что с задачей, направленной на урегулирование конфликтов организация справляется не совсем продуктивно. В основном конфликты удавалось решить в следующих случаях: имея в распоряжении политическую волю непосредственно враждующих субъектов (в данном случае ООН становится своего рода гарантом соглашений), а во втором случае при согласии всех постоянных членов Совета безопасности.

Отдельные исследователи полагают, что ООН не в силах предоставить оперативность совместных основ поведения на политической карте вследствие несовершенства международного права и затрагивают проблему реформирования ООН, «которая в дальнейшем могла бы находиться в меньшей степени зависимости от Соединенных Штатов». Вторая группа исследователей полагают,

что «ООН оказывается в настоящее время исключительной глобальной организацией, которая в силах интегрировать старания различных субъектов международной арены на начальных этапах возникновения кризисных моментов на определенных территориях Земного шара».

Международная обстановка, при которой два гегемона играли значимую роль на международной арене и конкурировали друг с другом, не имела возможности быть конструктивной. С другой стороны, указывать на одни недостатки данного института будет несправедливым. ООН, в большинстве случаев, была не способна предложить действенных рецептов разрешения кризисных моментов, однако организация предоставляла право начать под своим крылом переговоры, формируя таким образом: препятствия на пути обострения столкновений.

В глобально-управленческом аспекте исчерпаны схемы политико-экономической регуляции, основанные на глобальных образах биполярности и однополярного мира глобальной иерархии, а стратегические схемы полиархического глобального управления и взаимодействия пока не выработаны либо только вступили в фазу первичной апробации [7, с. 26].

Геополитическая действительность показывает, что в основном постоянных членов Совета Безопасности ООН по взглядам можно разделить на две группы. Первая группа представлена Россией и Китаем, а вторая Соединенными Штатами, Великобританией и Францией. Указанные государства имеют сформировавшиеся интересы мирового уровня, поэтому зачастую в их взаимоотношениях отсутствуют точки соприкосновения, в свою очередь принцип накладывания вето препятствует значительной части предложений по урегулированию.

Для России, а также для многих других новых держав целью и средствами разрешения конфликтов и поддержания мира являются сохранение и укрепление местной государственности, для того чтобы государство могло поддерживать правопорядок на своей территории и стабилизировать ситуацию в стране и регионе.

Россия считает миротворчество одной из основных функций ООН. По мнению российского министра иностранных дел Сергея Лаврова, Россия неизменно уделяет большое внимание миротворчеству как важному инструменту снижения уровня конфликтов в международных отношениях и управления кризисами, которые в наше беспокойное время продолжают представлять угрозу международному праву и безопасности [8, 43].

Поддержку миротворческой деятельности ООН следует рассматривать в контексте более широкой политики России в отношении ООН. В своем видении мира и меняющегося миропорядка Москва придает огромное значение ООН и ее центральному месту в глобальной политической архитектуре. Для этого есть две причины. Во-первых, Россия отнюдь не является ревизионистской державой. Напротив, это и есть сохранение статус-кво (некоторые эксперты также утверждают, что Россия является «нисходящей силой», которая настаивает на сохранении Ялтинско-Потсдамской международной системы в ее первоначальном воплощении).

Вторая причина поддержки Россией центральной роли ООН в мировой системе, в том числе обязанности Организации по поддержанию мира, заключается в том, что нынешнее руководство Российской Федерации в своем внешнеполитическом мировоззрении находится на позиции реализма и рассматривает мир как конкурентную среду, где государства продвигают свои национальные интересы. Реалистическая перспектива России исходит из нескольких ключевых предположений. В целом Россия видит мир без центральной роли ООН как опасный, непредсказуемый, подверженный конфликтам и несправедливый.

Переходя к корреляции между интересами определенных стран и положениями институтов мирорегулирования, отметим, что функционирование государственных и глобальных институтов регулируется специальными нормами права. Говоря о деятельности государств, то регулятивная функция осуществляется их конституциями, во втором случае мы имеем дело с правовыми нормами, выработанными коллективно всеми странами-участниками грядущих организаций. Разноуровневые организации не имеют возможности и не должны переходить границы в плане своей деятельности, которые были установлены его образующими государствами. В свою очередь, государства имеют основания для передачи формируемым институтам только тех полномочий, которыми сами обладают согласно их конституциям [5, с. 19].

По всей видимости, не представляется возможным достичь повсеместной безопасности и гармоничных отношений на Земле, где страны конкурируют и противостоят между собой. Установки каждого субъекта геополитики увеличить свое могущество и безопасность приводит к понижению безопасности остальных и порождает конкуренцию за достижение огромного влияния. Таким образом, формируется своего рода замкнутый круг, где сама по себе возникает опасность безопасности всех стран – участников международной арены. Можно утверждать, что соперничество каждого актора международных отношений за существование представляется природной или врожденной чертой глобальных взаимоотношений.

Государства, занимавшие господствовавшее положение в мире, со временем теряют свои позиции и возможность держать другие страны под своим контролем. Субъекты, которые набирают обороты и постепенно увеличивают свое влияние, в свой черед, трансформируют глобальную архитектуру. В итоге, при возникновении некоего равного положения между рядом субъектов геополитики, проблема о том, за кем будут в перспективе лидирующие позиции в принципиальной новой модели взаимоотношений, может определяться в процессе какого-либо противостояния или боевых действий [9, с. 15].

В результате круг преобразований оканчивается тем, что военное столкновение и будущая за ней обстановка образуют принципиально новое положение, изображающее иное разделение сил в мировом порядке. В большинстве случаев, на этапах гармоничности и сформировавшейся системы глобальный порядок пребывает в положении своеобразного гомеостаза, впрочем, на уровне межправительственных взаимоотношений возникают непрерывные трансформации стратегии поведения.

Приближающиеся по итогам различных колоссальных кризисов и столкновений разрушение порядка и замещение гегемонов в глобальной иерархии порождают экономические, политические и технологические преобразования, которые в свой черед приводят либо к существенному возрастанию возможных преимуществ, либо к понижению допустимых издержек нескольких стран. Разыскивание средств разрешения данного вопроса, в конце концов, формируют положение для преобразования имеющегося глобального порядка [10, с. 115].

Рассуждая о перспективах формирования стабильных взаимоотношений, исходя из вышеизложенного, видится, что переход к новому уровню во всеобщей безопасности связан с различного рода потрясениями, к сожалению, как показывает история, зачастую шаги по улучшению чего-либо происходят не заранее, а только при происшествии сильных дестабилизирующих процессов. К примеру, идея Европейской интеграции имеет многовековую историю, которая была связана с тем, что многие войны, происходящие на ее территории, приносят всем беды и страдания, для того, чтобы избежать этого, необходимо было объединиться. Мощным катализатором ускорения интеграции Европы стали: Первая и Вторая Мировые войны, которые дали окончательно понять европейцам, что необходимо объединиться дабы избежать в будущем таких столкновений.

У государств мира при коллективной кооперации есть все необходимые инструменты и ресурсы для предотвращения возникновения нестабильности, решения проблемных вопросов разного территориального уровня: регионального, мирового. История показывает, что особую роль в стабильности на международной арене занимают могущественные государства, обладающие значительными ресурсами, которые, покоряя огромные территории мира, создавали на определенный период времени относительно мирную обстановку. Но для достижения этого мира на обширных пространствах нужно было пройти через войны, и даже после утверждения таких империй внутри них было место противоречиям и столкновениям [10, с. 155].

Без конкретных рациональных действий в направлении общего миротворчества усилия направленные на решение проблем по своему усмотрению, обречены на незначительную результативность. Впрочем, преодоление кризисных моментов в перспективе будет представляться сложной задачей, но любое действие по интеграции возможностей мировых субъектов в противодействии всеобщим опасностям окажется новым достижением в области международной безопасности.

Основная проблема заключается в том, что между государствами-лидерами имеются противоречия, и каждый актер преследует свои интересы. С одной стороны, такой порядок дел ведет к конкуренции, приводящей к развитию тех или иных сфер, а с другой: сколько интересов столько и противоречий. При такой системе стоит признать, что ни одна модель геополитического устройства не идеальна, а образующаяся стабильность носит временный характер, после чего вновь начинаются потрясения.

Литература

1. *Абашидзе А.Х.* Международное право. Мирное разрешение споров: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 221 с.
2. *Бунтовская, Л. Л.* Конфликтология: учебное пособие для среднего профессионального образования / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 144 с.
3. *Лукьянович Н.В.* Геополитика: учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 319 с. Серия: Академический курс.
4. *Сафонов, А.А.* Международные конфликты в XXI веке: учебник и практикум. М.: Издательство Юрайт, 2019. 299 с.
5. *Мутагиров Д.З.* История и теория международных отношений. Международные политические институты: учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 439 с.
6. *Каламкарян, Р.А.* Международное право: учебник / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 632 с.

7. Старостин А.М. Смена парадигмы в современной глобалистике: социальные и когнитивные детерминанты // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 1 (1). С. 25 – 33.
8. Голобородько А.Ю., Сериков А.В. Дискурс «мягкой силы» в контексте конструирования имиджа современной России: факторы и технологии формирования конкурентной идентичности // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 41 – 50.
9. Сериков А.В., Венцель С.В. Современные геополитические перспективы Турции в Европейском Союзе // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 1. С. 12 – 24.
10. Гаджиев К.С. Геополитика: учебник / 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 376 с.

Serikov Anton Vladimirovich, candidate of sociological sciences, associate professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: avserikov@sfnu.ru

Zarbaliev Vadim Zagiddinovich, graduate student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: zarbalievv@mail.ru

THE ORIGIN OF INTERNATIONAL CONFLICTS AND THE ROLE OF INSTITUTIONS OF PEACEFUL REGULATION IN THEIR RESOLUTION

Abstract

Based on a study of the theoretical principles of conflict management, the article explores the possibilities of preventing and resolving problematic factors at the global level. In this regard, particular importance is attached to the role of world-regulation institutions as subjects of world politics, whose efforts are aimed at resolving crisis situations. As part of the review of international institutions, attention is focused on the main entity in maintaining international security - the UN, in which the level of effectiveness of its functioning is analyzed. Keeping in focus the existing tension in various regions of the world, the fastest application of the integrated strategy for world regulation will be most favorable for the policy of all states.

Keywords: international conflicts, institutions of world regulation, geopolitical model of the world order, competition, geopolitics, stable relations, hegemon, space, rule of law, actor.

References

1. Abashidze A.H. Mezhdunarodnoe pravo. Mirnoe razreshenie sporov: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury / 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2018. 221 s.
2. Buntovskaya, L.L. Konfliktologiya: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya / 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. 144 s.
3. Luk'yanovich N.V. Geopolitika: uchebnik / 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2017. 319 s. Seriya: Akademicheskij kurs.
4. Safonov, A.A. Mezhdunarodnye konflikty v XXI veke: uchebnik i praktikum. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. 299 s.
5. Mutagirov D.Z. Istoriya i teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. Mezhdunarodnye politicheskie instituty: uchebnik / 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. 439 s.
6. Kalamkaryan, R.A. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / 5-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. 632 s.
7. Starostin A.M. Smena paradigmy v sovremennoj globalistike: social'nye i kognitivnye determinanty // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 1 (1). С. 25 – 33.
8. Goloborod'ko A.YU., Serikov A.V. Diskurs «myagkoj sily» v kontekste konstruirovaniya imidzha sovremennoj Rossii: faktory i tekhnologii formirovaniya konkurentnoj identichnosti // Gumanitarij YUga Rossii. 2015. № 4. С. 41 – 50.
9. Serikov A.V., Vencel' S.V. Sovremennye geopoliticheskie perspektivy Turcii v Evropejskom Soyuze // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 1. С. 12 – 24.
10. Gadzhiev K.S. Geopolitika: uchebnik / 6-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2016. 376 s.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВКАХ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ*

Шаханова Мадина Магомедкамиловна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр (367030, Россия, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). E-mail: madina2405@mail.ru
Лысенко Юлия Михайловна	кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (367030, Россия, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). E-mail: ljuma78@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается роль иудаизма в повседневной жизни горских евреев, показано влияние религиозного мировоззрения на их жизненные установки. По результатам социологического исследования установлена характерность горским евреям отождествлять свое вероисповедание с этнической культурой своего народа. Иудаизм в жизнедеятельности горских евреев выполняет существенную роль, на что указывает подавляющая часть респондентов. О значимости конфессионального компонента для горских евреев свидетельствует использование ими иудейского вероучения в воспитании своих детей, предпочтительности большей частью религиозных праздников, по сравнению со светскими, а также их желание проживать в государстве, существующем на основе религиозных принципов. Однако проведенное исследование выявило противоречивость в поведении горских евреев, с одной стороны, предпочитая проживание в теократическом государстве, с другой, подчеркивая преимущество общества, основанного на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми независимо от национальной принадлежности и религии. Эмпирические данные свидетельствуют о существовании в массовом сознании горских евреев ярко выраженной социально-культурной дистанции, которая выпукло проявляет себя в семейно-брачной сфере, более того, подавляющая часть респондентов подчеркивает недопустимость заключения брачного союза с представителем иного вероисповедания. Также результаты исследования показывают, что опрошенные горские евреи деятельность религиозных организаций в основном связывают с религиозной деятельностью и духовно-нравственным воспитанием подрастающего поколения, хотя имеет место и обозначение необходимости заниматься благотворительностью и проявлением милосердия к окружающим людям.

Ключевые слова: горские евреи, иудаизм, ценности, установки, вероисповедание, религия, религиозные предписания, этническая культура, социальная дистанцированность, семейно-брачная сфера.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

По мнению отечественных исследователей, постперестроечный период характеризуется кризисом идентичности в силу самого различного рода объективных и субъективных факторов, среди которых можно указать распад Советского Союза, как следствие разрушение устоявшихся социально-экономических связей, идеологии, ценностно-символической системы, в совокупности способствовавшие началу трансформационных процессов в области самоидентификации [1]. Видимо, по этой причине, население выросшее в атеистическом государстве ударило в другую крайность – началось возрождение религии, усиление роли духовных лиц в повседневной жизни людей, иными словами, российские народы обратились к «исконным корням народа», «вере предков» [2, с. 119], соответственно, стали уделять огромное значение религиозному компоненту и религиозным предписаниям в обыденной жизни. Несмотря на ориентацию социалистического государства уменьшить значимость религии в разных общественных сферах, по-прежнему в массовом сознании народов имело место ее востребованность, что особенно ярко проявлялось в повседневной сфере, например, в семейно-брачной [3]: обязательность заключения брачного союза с соблюдением традиций и обрядовой системы исповедуемой религии, наряду с его официальной регистрацией, хотя встречалось и встречается отход от следования им. Горские евреи, разумеется, по мере возможности и в советский период соблюдали религиозные традиции и обряды (празднование религиозных праздников, соблюдение поста, совершение молитвы, посещение культовых учреждений и т.д.) своей религии, хотя и не имело широкого распространения в силу объективных причин. Так, отсутствие культовых зданий, или же их небольшое число не позволяло верующему населению в полной мере придерживаться своих мировоззренческих установок, соответственно, и предписаний исповедуемого вероучения. Таким образом, можно утверждать, что на фоне кардинальной трансформации социально-экономической, политической структуры, следовательно, и идеологической основы российского социума культовое сознание, соответственно, и поведение подвергались заметным изменениям.

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-011-00367 «Этническая и религиозная идентичности горских евреев Северного Кавказа: состояние и тенденции».

Кроме того, средства массовой информации констатировали перемены в деятельности политической и властной элиты в отношении религии: так, на официальные мероприятия стали приглашать представителей всех существующих в российском обществе конфессий, тем самым демонстрируя существование равенства каждого вероучения в современной Российской Федерации. В поликонфессиональном социуме закономерно возникает вопрос о веротерпимости, существующих в социальном пространстве толерантных и интолерантных установок в отношении людей [4], исповедующих иное вероучение.

В рамках изучения религиозности и культового поведения горских евреев в анкету социологического опроса были включены вопросы, показывающие степень влияния иудаизма на их жизненные установки, место и роль религии в повседневной жизни, выявления социальной дистанцированности в разных сферах социального взаимодействия, межрелигиозный климат на территориях проживания горско-еврейского населения.

Характеристика выборки исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и специфики религиозного поведения горских евреев проведен в гг. Дербенте, Махачкале, Минводах, Нальчике, Пятигорске, Ессентуках методом «снежного кома». N – 425.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу полученной информации следует отметить, что роль религиозного фактора важна при становлении и развития этноса, однако восприятие конфессии как элемента национальной культуры по-разному проявляется в массовом сознании населения. Поэтому в исследовании была поставлена задача установить место религии, в данном контексте иудаизма, в системе духовной культуры горских евреев и восприятие респондентами конфессионального компонента в рамках культурного наследия своей этнической общности. Так, полученные на вопрос **«Разделяете ли Вы позицию – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?»** эмпирические данные показывают преобладание с большим отрывом утвердительного ответа на этот вопрос (97,6 %) против статистически незначимой доли, придерживающейся противоположного мнения (0,9 %). Если посмотреть полученные данные опроса по социально-демографическим признакам, то данное суждение разделяют 97,5 % мужчин и 95,6 % женщин, 95,2 % опрошенных имеющих среднее, 97,1 % среднее специальное и 96,9 % высшее образование, 96,2 % «до 20 лет», 92,4 % «от 20 до 30 лет», 97,2 % «от 30 до 40 лет», 100 % «от 40 до 50 лет», 92,0 % «от 50 до 60 лет» и 94,1 % «от 60 лет и выше». Как известно, в общественном сознании очень часто индикатор религия выступает одним из ключевых факторов воспроизводства этнической идентичности, при этом историко-культурные традиции существенны в процессе такого восприятия. Также в рамках исследования представляется необходимым отметить, что мировые религии практически игнорируют национальную принадлежность, хотя она пытается дать каждой надэтнической религии национально-особенное, только ей присущее содержание [5, с. 275]. Иными словами, в массовом сознании этноса имеет место ориентация на обозначение вероучения как часть национальной культуры своей этнической общности [6]. Таким образом, результаты исследования показывают, что независимо от образовательного, возрастного и гендерного параметра опрошенные горские евреи считают иудаизм частью этнокультуры своего народа. Иными словами, вероучение из частной жизни человека вновь превратилась в общественную силу, которая проникла во все социальные сферы, более того, пытается их контролировать. При этом следует отметить, что она выполняет и конструктивную роль, связанную с благотворительностью и оказанием помощи социально незащищенным слоям населения, поэтому «религиозные интенции проявляются в социальной ткани в различных ипостасях...» [7, с. 16].

Для установления выполняемых религией в современном обществе функций респондентам был задан вопрос **«С какой сферой общественной жизни Вы связываете деятельность религиозных организаций?»**. Полученные данные показывают, что 82,1 % опрошенных основные функции религии видят в ее чисто конфессиональной деятельности, 58,1 % связывают с духовно-нравственным воспитанием подрастающего поколения и 26,4 % со сферой милосердия и благотворительности. Существенно меньшая доля опрошенных горских евреев отмечает роль религии в разрешении межэтнического противостояния и этноконфликтов (4,5 %), а также в установлении межрелигиозного диалога (7,1 %). Обращает на себя внимание, что респонденты независимо от образовательного статуса усматривают роль религиозных организаций именно в осуществлении своего прямого предназначения – конфессиональной деятельности и данной позиции придерживаются 82,5 % респондентов имеющих среднее, 83,8 % среднее специальное и 81,3 % высшее образование. Можно констатировать увеличение доли придерживающихся позиции, что одной из функций культовых учреждений является духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения (42,9 % со средним, 54,3 % средним специальным и 63,4 % высшим образованием) с повышением образовательного статуса респондентов. Сравнение результатов, полученных на вопросы **«Разделяете ли Вы позицию – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?»** и **«С какой сферой общественной жизни Вы связываете деятельность религиозных организаций?»** показывает, что

опрошенные горские евреи четко очерчивают границы функционирования культовых организаций, не допуская проникновения их деятельности в другие общественные сферы. Однако декларируемые тезисы кардинально отличаются от современных реалий, ибо религиозные учения играют ключевую роль в жизни современного человека, следовательно, социума в целом, поэтому закономерно их стремление влиять на социальные области, особенно те, которые важны с точки зрения духовных лиц.

Обозначенная опрошенными роль конфессионального фактора в формировании духовного здоровья молодого поколения требует установления ее места и во внутрисемейной сфере, ибо, по мнению авторов, в настоящее время основная нагрузка по воспитанию детей легла на плечи родителей. Так, респондентам был задан вопрос **«Воспитываете ли Вы своих детей в рамках своей религиозной культуры?»**, на который 78,4 % опрошенных горских евреев подчеркнули важность исповедуемой религии в воспитательном процессе, при этом 16,0 % отметили противоположное суждение «нет». По гендерному признаку среди мужчин (80,2 %), по сравнению с женщинами (76,0 %), больше обозначающих важность религиозного компонента при воспитании детей.

Определенное несоответствие между обозначением своего отношения к религии и стремлением соблюдать ее базовые правила способствует возникновению другого, не менее важного вопроса **«Соотносите ли Вы, Ваши действия в различных жизненных ситуациях с Вашими религиозными убеждениями или заповедями Вашей религии?»**. Так, 77,4 % горских евреев при принятии любого решения учитывают предписания исповедуемой религии, свои религиозные взгляды и убеждения, а 21,4 % придерживаются суждения «для меня никакого значения не имеют предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения». Первое суждение по гендерному признаку разделяют 81,8 % мужчин и заметно меньшая доля женщин (71,6 %). Далее противоположной позиции придерживается 16,5 % мужской части и 27,9 % женской, а также существенно большая часть имеющих высшее образование (81,3 %). Среди имеющих невысокий образовательный уровень, в сравнении с подгруппой с высшим образованием (17,5 %), больше доля, для которых религиозные установки не имеют значения – 27,0 % со средним и 27,6 % средним специальным образованием. Данные опроса по возрасту констатируют наличие определенных отличий: так позиция «при принятии любого решения я принимаю во внимание предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения» ближе 69,2 % опрошенных в когорте «до 20 лет», 74,2 % «от 20 до 30 лет», 63,4 % «от 30 до 40 лет», 90,8 % «от 40 до 50 лет», 70,0 % «от 50 до 60 лет» и 64,7 % «от 60 лет и выше». По сравнению с другими подмассивами, придерживающихся суждения «для меня никакого значения не имеют предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения» больше в подмассиве «от 60 лет и выше» (35,3 %), что вполне объяснимо – поколение, выросшее в государстве с господствующей атеистической идеологией, естественно будет придерживаться данной позиции.

Исследование религиозного фактора в жизненных установках горских евреев предполагает определение степени востребованности религии в личной жизни опрошенных. Для ее установления респондентам был задан вопрос **«Какую роль играет религия в Вашей личной жизни?»**. Суждение «очень важная» отмечено 79,8 % респондентов в противовес 13,4 %, причем по гендерному признаку здесь выделяются мужчины (81,4 %), а также подгруппа имеющая высшее образование (82,5 %), «убежденно верующие» (100 %) и «верующие» (91,7 %). Таким образом, авторское предположение, что респонденты с высоким образовательным положением и мужчины могут иметь низкую потребность в религии результатами исследования не подтвердилось. Кроме того, обращает на себя внимание и позиции по типу религиозности являющиеся «колеблющимися», которые также подчеркивают «очень важную роль религии в своей личной жизни» (52,6 %), впрочем, как и подгруппы «неверующие» (17,3 %) и «убежденно неверующие» (50,0 %), т.е. результаты исследования констатируют существование в массовом сознании горских евреев непоследовательности в обозначении роли конфессионального компонента в своей жизни. Далее, 15,1 % респондентов ближе позиция, что вероучение в их жизни выполняет «не очень важную роль» и статистически незначимая часть придерживается суждения «никакую» (4,2 %).

Обозначение опрошенными значимости религиозного фактора в повседневной жизни предполагает выявление предпочитаемых опрошенными праздников. Полученные на вопрос **«Каким праздникам Вы отдаете предпочтения?»** ответы показывают, что 49,9 % опрошенных празднуют «только религиозные праздники», однако с небольшой разницей на второй позиции располагается вариант «религиозные и светские праздники одновременно» (41,6 %) и 10,4 % предпочтение отдают исключительно светским праздникам. Если посмотреть эмпирические данные по образовательному признаку, то больше половины респондентов с высшим образованием предпочитают праздновать религиозные праздники, при этом опрошенные имеющие среднее образование отметили позицию «только светские» (17,5 %). Далее, как светские, так и религиозные праздники желают отмечать 41,3 % опрошенных со средним, 50,5 % средним специальным и 38,1 % высшим образованием.

Далее, по типу религиозности, подгруппы убежденно верующих и верующих, как и ожидалось, отмечают в основном религиозные праздники – 72,7 % и 57,8 %, соответственно, когда подмассив неверующих предпочитает только светские праздники (75,0 %), а колеблющие «религиозные и светские праздники одновременно» (84,2 %), впрочем, как и «убежденно верующие» (27,1 %) и «верующие» (41,5 %). Таким образом, можно утверждать, что опрошенные горские евреи не выступают фанатично верующими людьми, которые отрицают вообще понятие «светскость», а стремятся находиться в рамках светского государства при одновременном соблюдении основополагающих религиозных принципов своего вероучения.

Рассмотрение религиозных предпочтений горских евреев требует выявления существующих в их массовом сознании установок в отношении государственного устройства. По результатам нашего исследования почти одинаковая доля респондентов придерживается суждений «мой народ должен строить общество, основанное на религиозных ценностях и традициях моего народа» (49,9 %) и «мой народ должен строить общество, основанное на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми, независимо от национальности и религии» (48,9 %). При этом среди респондентов с высшим образованием, в сравнении с другими подгруппами, больше придерживающихся первого суждения (56,8 %), а вторую позицию разделяют 60,0 % имеющих среднее образование. Разумеется, по типу религиозности «убежденно верующие» и «верующие» хотят жить в теократическом обществе, в то время как 86,8 % «колеблющихся» и по 100 % из подмассива «неверующих» и «убежденно неверующих» предпочтение отдают обществу основному на общечеловеческих ценностях.

Далее, с целью глубокого анализа существующих в массовом сознании горских евреев тенденций был задан «контрольный вопрос» **«В каком государстве Вы хотели бы жить?»**. На ориентированность проживать «в религиозном государстве (с соблюдением религиозных заповедей)» указывали 47,5 %, среди них 75,0 % по типу религиозности относящиеся к подгруппе «убежденно верующих» и 57,1 % «верующих». Позицию «в светском, атеистическом государстве» разделяют 71,2 % респондентов из подгруппы «неверующих» и 50,0 % «убежденно неверующих». Далее 25,0 % убежденно верующих, 39,1 % верующих, 76,3 % колеблющихся, 28,8 % неверующих и 50,0 % убежденно неверующих хотели бы жить «в светском государстве, со свободой вероисповедания». Доля разделяющих последнее суждение увеличивается с возрастом: 38,5 % в когорте «до 20 лет», 36,4 % «от 20 до 30 лет», 40,8 % «от 30 до 40 лет», 52,0 % «от 50 до 60 лет» и 85,3 % «от 60 лет и выше», за исключением когорты в разрезе «от 40 до 50 лет» показатели у которых, по сравнению с другими подмассивами, существенно меньше (26,4 %).

В рамках исследования жизненных установок горских евреев и роли иудаизма в данном процессе, научный интерес представляет их поведение в различных социальных сферах для изучения которого была использована социальная шкала Богардуса, включающая 7 позиций, с помощью которой фиксируется готовность респондентов принять людей другой национальности как делового партнера, руководителя, соседа, друга, а также брачного партнера. Авторы исходят из предположения, что если человек готов к семейному, дружескому общению, то он тем более расположен к другим видам социальных контактов (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос **«Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека...?»** (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов	Да	Нет
При выборе будущего супруга (-и)	84,2	14,8
При выборе супруги (-а) Ваших детей	82,8	16,0
При выборе коллеги по работе	30,8	65,2
При выборе друзей	54,4	42,6
При выборе места жительства	21,2	76,5
При выборе непосредственного начальника	42,1	55,5
При выборе соседа по дому (квартире)	33,9	62,8

Полученные результаты показывают существование в массовом сознании горских евреев ярко выраженной социальной дистанцированности именно в семейно-брачной сфере, а также в дружеском общении, в то время как в остальных социальных сферах ее позиции заметно слабые. Анализ эмпирических данных по социально-демографическим параметрам показывает, что для 43,2 % женщин, впрочем, как и возрастным когортам «от 20 до 30 лет» (40,9 %) и «от 50 до 60 лет» (38,0 %) важна религиозная принадлежность коллеги по работе в противовес 21,5 % мужчин, респондентам «до 20 лет» (26,9 %) и имеющим высокий образовательный статус (22,2 %). Опрошенные со средним и специальным образованием подчеркивают значимость конфессиональной принадлежности коллеги по работе – 42,9 % и 44,8 %, соответственно. Далее, при выборе друзей религиозная принадлежность не имеет значения для возрастного подмассива «до 20 лет» (61,5 %), в то время

как для остальных подгрупп она важна: 45,5 % «от 20 до 30 лет», 40,8 % «от 30 до 40 лет», 69,0 % «от 40 до 50 лет», 50,0 % «от 50 до 60 лет» и 47,1 % «от 60 лет и выше». В сравнении с остальными индикаторами, социальная дистанция менее всего выражена при выборе места проживания: при сопоставлении с другими подгруппами выделяются респонденты в разрезе «от 20 до 30 лет» (27,3 %) и «от 60 лет и выше» (26,5 %). На важность конфессиональной принадлежности непосредственного начальника указывает наибольший процент опрошенных в когорте «от 40 до 50 лет» (62,6 %).

В рамках данного исследования представляется необходимым отдельно изложить существующие в отношении семейно-брачной сферы установки. Ранее было отмечено, что опрошенные горские евреи обозначают важность религиозной принадлежности будущего брачного партнера для себя: по возрасту данную позицию разделяют 73,1 % респондентов «до 20 лет», 86,4 % «от 20 до 30 лет», 78,9 % «от 30 до 40 лет», 91,4 % «от 40 до 50 лет», 80,0 % «от 50 до 60 лет» и 70,6 % «от 60 лет и выше», т.е. можно констатировать важность религиозной принадлежности для респондентов независимо от возраста. Далее, значимость конфессиональной принадлежности при заключении брачного союза своими детьми подмечена 73,1 % респондентов «до 20 лет», 84,8 % «от 20 до 30 лет», 77,5 % «от 30 до 40 лет», 90,2 % «от 40 до 50 лет», 80,0 % «от 50 до 60 лет» и 64,7 % «от 60 лет и выше». Последовательная позиция горских евреев в отношении межрелигиозной брачности прослеживается через полученные на «контрольный вопрос» **«Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?»** эмпирические данные – утвердительно на него ответили 21,2 % в противовес 76,0 % опрошенных. По возрасту против межконфессионального брака выступают 69,2 % респондентов в когорте «до 20 лет», 80,3 % «от 20 до 30 лет», 62,0 % «от 30 до 40 лет», 89,7 % «от 40 до 50 лет», 60,0 % «от 50 до 60 лет» и 55,9 % «от 60 лет и выше», по типу религиозности доля таковых среди «убежденно верующих», «верующих» и «колеблющихся» составляет 90,9 %, 86,9 % и 57,9 %, соответственно.

Таким образом, полученные результаты исследования констатируют существование ярко выраженной социальной дистанцированности горских евреев в семейно-брачной сфере, что вполне объяснимо, ибо она изначально является консервативной по природе своей областью. Кроме того, при рассмотрении не только межрелигиозных, большей частью межэтнических браков подчеркивается, что они выступают как, во-первых, один из механизмов ассимиляции, во-вторых, как фактор трансформации этнической идентичности. Исследователи отмечают, что одним из индикаторов измерения толерантности является межнациональный брак, но при этом он может выполнять деструктивную роль – один из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов» [8, с. 203; 9].

Далее в рамках данного исследования не менее важно установление роли религиозной принадлежности в общественном пространстве, а также в личностном взаимодействии – ответы на эти вопросы были получены через вопрос **«Приходилось ли Вам или Вашим родственникам сталкиваться с дискриминацией Ваших прав из-за Вашей религиозной принадлежности?»**. На частое ущемление своих прав из-за своей конфессиональной принадлежности указали 42,1 % респондентов; по возрасту ответы распределились следующим образом: 50,0 % опрошенных «до 20 лет», 27,3 % «от 20 до 30 лет», 25,4 % «от 30 до 40 лет», 63,8 % «от 40 до 50 лет», 24,0 % «от 50 до 60 лет» и 20,6 % «от 60 лет и выше». Далее на второй позиции располагается суждение «нет, никогда не испытывал (-а)», разделяемое 36,0 % респондентов по всему массиву. Возрастным разрезе, по сравнению с другими подгруппами, выбравших данное суждение больше в подмассиве «от 20 до 30 лет» (48,5 %) и среди «убежденно верующих» (68,2 %). Вместе с тем, 12,2 % опрошенных редко, но сталкивались с ограничением своих прав и выделяется подгруппа «колеблющихся» (39,5 %), впрочем, как 17,5 % опрошенных имеющих среднее образование, 24,0 % в разрезе «от 50 до 60 лет» и 29,4 % «от 60 лет и выше». Полученные данные является основанием для вывода, что опрошенные горские евреи часто сталкивались с ущемлением своих прав и это свидетельство существования в массовом сознании окружающих их (горских евреев – Авт.) народов интолерантности. Вместе с тем, возникает вопрос «А каково отношение самих горских евреев к окружающим их людям, которые принадлежат иной этнической и религиозной общности?». Эмпирические данные на вопрос **«Испытываете ли Вы неприязнь к людям другого вероисповедания?»** показывают, что 91,8 % опрошенных горских евреев отрицательно ответили на него и всего 8,0 % респондентов испытывают негатив в отношении последователей иного вероучения. Среди носителей интолерантности выделяются возрастные подгруппы «до 20 лет» (23,1 %), «от 20 до 30 лет» (18,3 %), 11,1 % со средним и 14,8 % средним специальным образованием, в то время как среди респондентов с высшим образованием доля таковых существенно ниже (5,8 %). При этом вызывает удивление позиция подмассива «неверующих», наибольшая доля которых демонстрирует нетерпимость носителям иного вероучения (59,3 %). Таким образом, можно утверждать, что на территориях своего проживания горские евреи сталкивались с проявлением религиозной нетерпимости, но при этом и сами опрошенные являются носителями нетерпимости в отношении иных религиозных общностей, более того, можно констатировать существование в латентной форме нетерпимости в их массовом сознании.

Заключение

Эмпирические данные констатируют, что горским евреям характерно рассматривать иудаизм как часть национальной культуры своей этнической общности, а это является основанием для вывода о тесной связи религиозного и этнического компонентов в их массовом сознании, причем независимо от уровня образования, возраста, гендерного разделения и типа религиозности.

О важности вероучения в повседневной жизни респондентов свидетельствует ориентация горских евреев связывать деятельность религиозных организаций большей частью с конфессиональной составляющей и духовно-нравственным воспитанием подрастающего поколения, хотя одна пятая часть респондентов усматривает их функции в осуществлении благотворительности. Исследователи отмечают роль духовных лиц в разрешении споров различного характера, особенно в многонациональной и поликонфессиональной среде, но наше исследование показывает, что статистически небольшая доля опрошенных горских евреев отмечает способность религиозных организаций в регулировании межнационального противостояния и возможных этнорелигиозных конфликтов, впрочем, как и поддержание позитивного межрелигиозного диалога.

Далее большая часть респондентов подчеркивает применение ими основ исповедуемого вероучения в воспитательном процессе, причем можно отметить существование заметных отличий по гендерному признаку. Более того, опрошенные горские евреи подчеркивают, что в различных жизненных ситуациях они ориентируются на свои религиозные убеждения и заповеди иудаизма, причем с возрастом увеличивается доля придерживающихся данной позиции. Такая ориентация на базовые положения своего вероисповедания обусловлены значимостью иудаизма как вероучения для горских евреев: так больше половины опрошенных отмечает, что религия в их жизни имеет очень важное значение, поэтому респонденты предпочитают больше отдавать религиозным праздникам, чем светским, хотя в массовом сознании горских евреев имеет место традиция одновременного празднования религиозных и светских праздников.

Далее, выяснение существующих в массовом сознании горских евреев позиций при обозначении предпочтительности государственного устройства показывает почти равномерное распределение суждений «мой народ должен строить общество, основанное на религиозных ценностях и традициях моего народа» и «мой народ должен строить общество, основанное на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми, независимо от национальности и религии». Вместе с тем, исследование выявило существующее между опрошенными по типу религиозности различие: подмассив «убежденно верующих» и «верующих» хотели бы жить «в религиозном государстве (с соблюдением религиозных заповедей)» в противовес подгруппе «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих» логично отдающих предпочтение светскому государственному устройству.

Изучение религиозного фактора в жизненных установках горских евреев показало существование в их массовом сознании ярко выраженной социальной дистанцированности, которая отчетливо себя проявляет в семейно-брачной сфере. Желание самосохраниться выражается через четкое очерчивание допустимых для социального взаимодействия горских евреев границ. Более того, консервативные установки в семейно-брачной сфере проявляются через утверждение опрошенных о недопустимости заключения брачного союза с носителем иного вероучения, что свидетельствует о формировании «социокультурных аспектов картины мира этноса» [10].

Изучение развитости религиозной толерантности на территориях проживания опрошенных горских евреев демонстрирует, что они часто сталкивались с ущемлением своих прав из-за религиозной принадлежности, и данное утверждение можно интерпретировать как свидетельство интолерантности, при этом сами горские евреи отмечают, что они не испытывают негатива в отношении представителей другого вероисповедания, хотя анализ по социально-демографическим параметрам и типу религиозности показывает существование в латентной форме в их массовом сознании нетерпимости в отношении последователей другого вероисповедания.

Литература

1. *Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O.* The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society. *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № 2. С. 296 – 305.
2. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробужева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
3. *Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В., Самыгин С.И.* К вопросу об институциональном кризисе молодой семьи: проблемы формирования социального здоровья // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 10. С. 60 – 64.
4. *Гафиатулина Н.Х.* Детерминанты формирования этнических стереотипов в среде молодежи юга России в контексте анализа теорий происхождения этнических стереотипов / В сборнике: *КАВКАЗ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА*. Сборник научных статей. Ответственный редактор И.П. Добаев. Ростов-на-Дону, 2019. С. 50 – 58.

5. *Белик А.А.* Культура и личность. М.: Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии. М., 2001. 380 с.
6. *Шавшин В.Д., Карапetyan Е.А.* Мирвосприятие этноса и его отражение в картине мира // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир: АГПУ, 2018. С. 77 – 79.
7. *Мчедлова М.М.* Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 10 – 24.
8. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 416 с.
9. *Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 32 – 37.
10. *Сморкачев А.А., Карапetyan Е.А.* Социокультурные аспекты картины мира этноса // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир: АГПУ, 2018. С. 45 – 47.

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragского str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: madina2405@mail.ru

Lysenko Yulia Mikhaelovna, Candidate of History, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragского str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: ljuma78@mail.ru

RELIGIOUS FACTOR IN LIFE INSTITUTIONS OF MOUNTAIN JEWS

Abstract

The article examines the role of Judaism in the daily life of mountain Jews, shows the influence of the religious worldview on their attitudes. According to the results of a sociological study, the characteristic character of Mountain Jews is to identify their religion with the ethnic culture of their people. Judaism plays a significant role in the life of mountain Jews, as indicated by the vast majority of respondents. The significance of the confessional component for Mountain Jews is evidenced by their use of Jewish faith in the upbringing of their children, their preference for most religious holidays over secular ones, and their desire to live in a state that exists on the basis of religious principles. However, the study revealed a discrepancy in the behavior of Mountain Jews, on the one hand, preferring to live in a theocratic state, on the other, emphasizing the advantage of a society based on universal values that are recognized by everyone regardless of ethnicity and religion. Empirical evidence indicates the existence in the mass consciousness of Mountain Jews of a pronounced socio-cultural distance, which convexly manifests itself in the family and marriage sphere, moreover, the vast majority of respondents emphasize the inadmissibility of concluding a marriage with a representative of a different faith. The results of the study also show that the mountain Jews interviewed by the religious organizations are mainly associated with the religious activities and spiritual and moral education of the younger generation, although there is also a designation of the need to engage in charity and manifestation of mercy to others.

Keywords: mountain Jews, Judaism, values, attitudes, religion, religion, religious precepts, ethnic culture, social distance, family and marriage sphere.

References

1. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society. Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. P. 296 – 305.
2. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / Otv. red. L.M. Dro-bizheva. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2013. 485 p.
3. Gafiatulina N.H., Vereshchagina A.V., Samygin S.I. K voprosu ob institucional'nom krizise molodoj sem'i: problemy formirovaniya social'nogo zdorov'ya // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 10. P. 60 – 64.
4. Gafiatulina N.H. Determinanty formirovaniya etnicheskikh stereotipov v srede molodezhi yuga Rossii v kontekste analiza teorij proiskhozhdeniya etnicheskikh stereotipov / V sbornike: KAVKAZ: VCHERA, SEGODNYA, ZAVTRA Sbornik nauchnyh statej. Otvetstvennyj redaktor I.P. Dobaev. Rostov-na-Donu, 2019. P. 50 – 58.
5. Belik A.A. Kul'tura i lichnost'. M.: Psihologicheskaya antropologiya. Etnopsihologiya. Psihologiya religii. M., 2001. 380 p.
6. SHavshin V.D., Karapetyan E.A. Mirovospriyatie etnosa i ego otrazhenie v kartine mira // Aktual'nye problemy sovremennogo sociokul'turnogo prostranstva: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Armavir: AGPU, 2018. P. 77 – 79.
7. Mchedlova M.M. Sovremennye parametry vozvrashcheniya religii: rakursy problemy // Vestnik Instituta sociologii. 2012. № 4. P. 10 – 24.
8. Bromlej YU.V. Oчерки teorii etnosa. M.: Nauka, 1983. 416 p.
9. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Paradoксы толерантности и девиантное поведение молодежи // Гуманитарные, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2018. № 4. P. 32 – 37.
10. Smorkachev A.A., Karapetyan E.A. Sociokul'turnye aspekty kartiny mira etnosa // Aktual'nye problemy sovremennogo sociokul'turnogo prostranstva: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Armavir: AGPU, 2018. P. 45 – 47.

ПРОБЛЕМА БЕЗРАБОТИЦЫ СРЕДИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Галдавадзе аспирант, Южный федеральный университет
Софья (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42).
Амирановна E-mail: Galdavadze2008@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается российский рынок труда и проблема трудоустройства выпускников вузов. Проанализировано влияние трансформации системы образования на процесс трудоустройства молодых специалистов.

Ключевые слова: рынок труда, болонская система образования, безработица, трудоустройство, профессия, выпускники университетов, развитие высшего образования, самоопределение личности, профессиональные ориентации.

Одной из серьезных социальных проблем, связанных с изменениями на рынке труда, стала угроза безработицы для молодых специалистов, окончивших университеты. Синягин А., Фролкин П. в своих работах утверждают, что выпускники университетов, молодые специалисты – одна из наиболее социально уязвимых групп населения [1]. Таким образом, сегодня решение проблем, связанных с синтезом двух компонентов процесса трансформации общества – высшего образования и рынка труда – очень важно. В этих условиях необходимы серьезные исследования как на региональном уровне, так и в отдельных высших учебных заведениях. Департаменты, участвующие в исследованиях рынка труда, должны определить приоритетные направления развития высшего образования, необходимость специалистов разных категорий, внедрение новых академических дисциплин, необходимых в этот период. В то же время каждый отдельный университет теперь должен научиться прогнозировать спрос на специалистов определенного профиля как в краткосрочной, так и на долгосрочной перспективе и реагировать на него изменениями в учебных программах.

Выбор профессии рассматривается авторами как одно из важнейших условий самоопределения личности и ее успешной интеграции в общество. Чтобы проанализировать этот параграф, мы изучили публикации ученых: Г.Е. Зборовского, Н.Д. Сорокина, И.М. Чистякова, Е.А. Е.А. Шуклиной и др. В своих работах они проанализировали изменение социальных функций профессионального образования в связи с трансформацией социально-экономических отношений в России. Изучение профессиональных ориентаций и планов жизни молодых людей, занимающихся такими исследователями, как В.Н. Шубкин, А.Г. Чередниченко, М.Х. Титм. Различные аспекты труда, занятости и безработицы отражены в классических работах А. Смита, К. Маркса, Дж. Кейнса, А. Маршалла, М. Фридмана. Статья российских ученых Шевченко Д. и Каплан Д.А. «Студенты гуманитарного вуза на рынке труда: опыт деятельности службы содействия занятости» также посвящена этой теме [2]. Социально-экономические реформы, осуществленные в Российской Федерации, привели к изменениям в сфере труда и занятости. Возникновение комплекса рыночных отношений в сфере занятости уже сточило условия выхода молодежи на рынок труда, что привело к безработице, одному из важнейших факторов, усугубляющих сложную ситуацию в российской экономике.

З.Г. Заборовский и Э.А. Шуклина в своей работе «Профессиональное образование и рынок труда» [3] делают вывод о том, что потенциал профессионального образования и его перспективы напрямую зависят от развития рынка труда. Рынок труда формирует запросы, основанные на социальных изменениях в экономической сфере. Но есть проблема: профессиональное образование отстает от спроса на рынке труда или создает избыток выпускников, что приводит к социальной напряженности. Среди выпускников университетов высокая доля безработицы особенно опасна, поскольку они являются наиболее перспективной группой населения трудоспособного возраста. В то же время рыночные условия занятости остаются трудными для молодых работников, которым не хватает профессиональных навыков, опыта производства и требуемой квалификации. Выпускники университетов часто самостоятельно решают проблемы, связанные с занятостью по найму. Непредсказуемость рынка труда, отсутствие полной информации о вакансиях, избыток выпускников определенных специальностей приводят к тому, что молодой специалист стоит на учете на работу или ищет работу; часто он вынужден устроиться на работу не по своей специальности и снова учиться.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что проблема найма выпускников университетов в ближайшем будущем останется актуальной и требует особого внимания как от правительства, так и от общества в целом [4].

С переходом на рыночную экономику занятость человека становится его личным делом. Государство через службу занятости только помогает ему найти работу. Если мы считаем, что процесс занятости происходит в условиях безработицы, становится ясно, что задача найти работу значительно сложнее. В этих условиях люди должны быть хорошо подготовлены к тому, как вести себя на рынке труда, знать, какие права у них есть и т.д. Раньше новые технологии затрагивали относительно небольшие секторы экономики. Однако сегодня, на фоне широкого внедрения современных информационных технологий, процессы технологических и профессиональных изменений происходят в значительной мере интенсивно, когда обычные виды работ заменяются новыми. Таким образом, стереотип, который укоренился в сознании наших граждан, постепенно уходит в прошлое – одна работа на всю жизнь. В этой связи главной задачей современного образования является раскрытие способностей каждого человека, такое его образование, которое давало бы возможность жить в высокотехнологичном, конкурентном мире. Жизнь требует, чтобы система высшего профессионального образования обновляла содержание своих функций, приводила образовательные программы в соответствие с потребностями современного уровня производства и общества.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года прямо указывает на то, что в области человеческого развития необходимо перейти на индивидуальное непрерывное образование, доступное для всех граждан, внедрение инновационных технологий в образование¹. Концепция «рынка труда» появилась в России в связи с переходом страны к рыночной экономике. Начало формирования рынка труда в нашей стране следует рассматривать с 1991 года, когда реформы в экономике и социальной сфере действительно начались, и был принят Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации».

Рынок труда понимается как система 17 общественных отношений, социальных норм и институтов, обеспечивающих воспроизводство, обмен и использование труда. В его структуру входят субъекты рынка труда, экономические программы, решения и правовые нормы, принятые субъектами, рыночный механизм, безработица, рыночная инфраструктура. И. Чистяков в своем исследовании «Стратегия поведения молодежи на рынке труда: на примере Москвы» говорит, что роль рынка труда сводится к удовлетворению потребностей экономики. Рынок труда действует как социальный регулятор отношений в целом [5]. Наличие и взаимодействие всех компонентов рынка труда являются необходимыми предпосылками для его нормального функционирования, что создает условия для реализации рынком труда его функций: социальной, экономической, размещающей, селективной, стимулирующей.. Хорошо организованный и хорошо функционирующий рынок труда обеспечивает наиболее рациональное использование трудового потенциала общества.

Анализ рынка труда позволяет нам сформулировать концепцию занятости и безработицы. Занятость – это система отношений между людьми о предоставлении рабочих мест и участии в экономической деятельности. Неполная занятость является источником безработицы. Безработица является социально-экономическим явлением, когда часть экономически активного населения не может использовать свою рабочую силу. Более высокий уровень безработицы складывается в таком секторе рынка труда, как молодые специалисты [6]. Одной из причин данной проблемы является отношение самой молодежи к своей работе, ведь чаще всего на первой работе специалист получает небольшую зарплату, что влечет за собой незаинтересованность. Также такое поведение объясняется и тем, что родители оказывают материальную поддержку, а это снижает мотивацию у начинающего специалиста. Следующей причиной являются чрезмерные требования в отношении трудового процесса. Кроме того, начинающие специалисты, часто стремятся получить свой первый опыт не в конкретной работе, а в разных видах профессиональной деятельности посредством смены работы. Но основное влияние на занятость молодежи оказывает политика начальства предприятий – если дела организации стали идти хуже, то под сокращение попадают молодые специалисты, так как имеют меньший опыт и невысокую квалификацию. Исходя из данной ситуации, возникает острая необходимость, создать систему по трудоустройству выпускников вузов.

По поручению Правительства Российской Федерации Министерство образования Российской Федерации и Министерство труда и социального развития Российской Федерации приняли решение о разработке Межведомственной программы содействия трудоустройству и адаптации к рынку труда выпускников учреждений профессионального образования, целью которой должно стать создание системы организаций, осуществляющей комплексное консультационное, информационное и образовательное содействие в трудоустройстве незанятых выпускников учреждений профессио-

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 [Электронный ресурс]. –Режим доступа : <http://base.garant.ru/70309010/>, свободный. – Загл. с экрана

нального образования. В итоге этого в 75 регионах России была организована сеть местных центров трудоустройства выпускников под руководством Межрегионального организационно-аналитического центра по трудностям трудоустройства и приспособлении к рынку труда выпускников МГТУ им. Н.Э. Баумана.

В России организована основательная законодательная база по вопросам регулирования труда и занятости молодежи. Эти вопросы находят свое отражение в Конституции России, в Трудовом кодексе России и в Законе Российской Федерации "О занятости населения в РФ." Реализация задач национальной политики в области образования подразумевает решение ряда вопросов, в числе которых отсутствие конкурентных устройств и обратной связи между производителями и потребителями образовательных услуг, которые обеспечивают действенное функционирование системы оценки качества образования». В связи с тем, что требования предприятий для молодых специалистов становятся более высокими, то при профессиональной подготовке кадров стоит сделать акцент на практику.

Огромную роль в вопросе трудоустройства выпускников играют такие методы как налаженные партнерские взаимоотношения вуза с работодателями по предоставлению практики студентам с возможностью в будущем получить рабочее место; помощь в организации стажировок учащихся в момент обучения с целью роста их конкурентоспособности на рынке труда; содействие университета в проведении мероприятий, способствующих устройству на работу выпускников (выставки, ярмарки вакансий, конференции и семинары по вопросам трудоустройства молодежи и др.); создание информационного обеспечения (с помощью специализированных областей на веб-сайте университета, оформления стендов). Из-за отсутствия профессионального опыта, работодатели чаще всего отказывают начинающим специалистам при приеме на работу. Выпускники, которые смогут проявить себя во время прохождения практики, зачастую могут рассчитывать на получение должности на данном предприятии. Стоит заметить, что основной мотивацией к трудоустройству за время студенческий лет, является материальный фактор. Высшее образование молодежь воспринимает как возможность в дальнейшем получить высококвалифицированную и высокооплачиваемую должность. По данным «Росстата»¹, в июле 2014 года уровень безработицы среди молодых людей в возрасте от 20-24 лет, в том числе и выпускников вузов, составлял 20,3 %. Отмечалось, что «безработица среди молодежи 15-24 лет превышает соответствующий показатель среди людей среднего возраста (30-49 лет) в 2,6 раза». Опросы ВЦИОМ также показывают, что «острее всего проблема занятости стоит перед молодыми специалистами, выпускниками вузов и профессиональных училищ» – так считает 41 % россиян. Отмечается также снижение темпов роста уровня трудовой занятости в России среди мужчин и женщин в возрасте от 20 до 24 лет. Так, по данным Росстата, если в 2014 году уровень экономической занятости лиц данной категории составлял 68,3 % среди мужчин, и 55,8 % среди женщин, то в 2015 соответственно уже 65,5 % среди мужчин, и 53,1 % среди женщин. Численность же экономически активного населения молодого возраста с высшим профессиональным образованием в 2014 году составляла 9 839 тыс. чел. среди мужчин, 12 073 тыс. чел. среди женщин, в то время, как в 2015 году – 10 046 тыс. чел. среди мужчин, 12 370 тыс. чел. среди женщин. Таким образом, можно говорить о том, что в целом, уровень трудовой занятости в России среди молодежи от 20 до 24 лет по сравнению с 2014 годом снизился, в то время, как число молодых людей с высшим профессиональным образованием возросло.

В мировых рейтингах российских университетов вузы России, занимают высокие строчки, тем не менее выпускники сталкиваются со сложностями трудоустройства во всех регионах страны. Исследование российского рынка труда показало то, что он подлежит процессам сегментации, т.е. качественному делению предложенных условий устройства на работу. В соответствии с данной концепцией, заложено наличие сегмента лучшей категории работников, которые весьма ценятся среди работодателей как специалисты, соответствующих квалификаций и навыков [7]. Специалисты высшего сегмента оказывают воздействие на условия своего устройства на работу, формируя подобным способом рынок работников. Наиболее низкий сегмент рынка труда складывается из людей, исключенных из данного рынка труда, либо продолжительно нетрудоустроенных, которые не повышают собственную квалификацию, что и делает их трудоустройство значительно труднее. Сегментация российского рынка труда подразумевает факт промежуточных сегментов, которые включают выпускников университетов. Самый высокий сегмент рынка труда, например, в Москве составляют выпускники конкретных специальностей (в частности, выпускники факультетов информационных технологий). Особым спросом пользуются выпускники которые имеют опыт работы, знают иностранные языки. Также рынок труда формируют программисты, архитекторы программного обеспечения и руководители проектов в области разработки программного обеспечения.

¹ Труд и занятость в России. 2015: Стат.сб. / Росстат. М., 2015. 274 с.

Рынок работников – это положение, находясь в котором, работники определяют требование собственной деятельности, и в то же время работодатель должен осуществить их условия. Противоположной ситуацией и более популярным считается рынок работодателя, на котором находятся выпускники всех прочих направлений обучения.

Работодатели – свидетели наличия пробела компетенций, которые стремятся инвестировать ресурсы в усовершенствование знаний и умений своих служащих (обеспеченные социальные пакеты и учеба).

Одна из причин сложностей трудоустройства молодого специалиста – это неактивность при поиске работы и неверное представление о ситуации на рынке труда [8].

Во время обучения в вузе студентам не предоставляется доступ к университетским бюро по трудоустройству или консультационным центрам по проблемам трудоустройства.

Еще одной сложностью, с которой приходится сталкиваться выпускникам, является непрозрачность и непредсказуемость ситуации на рынке труда.

Молодые специалисты не готовы к борьбе за вакансию как на региональном, так и на государственном уровне. Эта проблема связана с тем, что во время учебы в вузе недодаются навыки в области поиска работы. Также, после окончания вуза молодые специалисты считают необходимым повышать квалификацию, в связи с этим получают еще одно образование, что требует дополнительных затрат.

Помимо того, какими знаниями обладают выпускники российских вузов, на их конкурентоспособность оказывают влияние такие факторы, как: использование знаний на практике, личные характеристики выпускника, престиж законченного вуза, наличие опыта и ожидания по зарплате.

При трудоустройстве важны личные качества специалиста. Больше шансов получить работу у коммуникабельных, стрессоустойчивых, способных самостоятельно принимать решения, работоспособных и ответственных кандидатов. Также работодатели часто обращают внимание на престижность законченного университета. В условиях свободного рынка в России, кроме государственных университетов РФ, были также созданы многочисленные частные (коммерческие) университеты. Такие учебные заведения не уступают в качестве образования независимо от статуса учредительного органа. Частные вузы составляют конкуренцию государственным университетам установленным положением, так как практикуют инновационные научно-исследовательские темы, предоставляют возможность практики и прохождения курсов на иностранных языках за рубежом, а также сотрудничают с региональными предприятиями и работодателями.

После окончания вуза, выпускники пробуют себя в различных сферах деятельности. Часто молодые специалисты работают в сфере услуг и продаж. Разнообразие форм трудоустройства, которые существуют в Российской Федерации, заставляет работодателей не оформлять сотрудников официально, а это влечет за собой следующую проблему, невозможность подтвердить свой трудовой опыт.

По статистике, почти 50% молодых специалистов отклоняют предложения о работе, по причине низкой оплаты труда [9]. Во время учебы студенты в основном подрабатывают не по специальности, а иногда и вообще не работают. Однако без опыта труда невозможно рассчитывать на хороший оклад. Часто подтвердить свой стаж документально они не могут, так как работают без оформления.

В 2003-2012 гг. в Российском образовании произошел переворот и страна перешла на Болонскую систему образования. По поводу такой трансформации, до сих пор ведутся острые споры, по мнению экспертов эта система заменила понятие специалиста. Болонская система проходит в два этапа: bachelor (бакалавр) и дополнительная программа образования (магистр).

В связи с переходом со старой системы (специалитет) на новую (бакалавриат) была потеряна связь Студент-Преподаватель-Работодатель. Это заключается в том, что из-за снижения заработной платы и недофинансирования университетов, профессора не могут позволить себе заниматься научной деятельностью в полную силу, а в университетах не хватает финансирования для покупки нового современного оборудования для практических занятий и наглядных лекций, в свою очередь студенты, видя в каком состоянии находится вся научная среда в российских университетах, и как профессора используют старую терминологию при чтении лекций, которая не охватывает весь сегодняшний спектр науки, не используют современные технологии, не особо “горят” желанием получить новые знания и конкурировать за свое трудоустройство [10].

Отличие, всей сегодняшней российской системы образования от западной, заключается в том, что система высшего образования России построена на заучивании материала, без обязательного посещения библиотек и обсуждения пройденного материала в научных кругах.

Исходя из этого, работодатель, получая таких студентов, предлагает выпускникам университетов самую маленькую заработную плату ниже уровня их ожидания.

Литература

1. Сinyaгин А, Фролкин П. Выпускники вуза: перспективы трудоустройства // Человеческие ресурсы. 1999. № 1-2.
2. Шевченко Д.А., Каплан Д.А. Студенты гуманитарного вуза на рынке труда: опыт деятельности службы содействия занятости // Социс. 2012. № 11. С.146 – 155.
3. Заборовский З.Г., Шуклина. Е.А. Профессиональное образование и рынок труда // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 2-3. С. 10 – 30.
4. Котляр А. О понятии рынка труда // Вопросы экономики. 2007. №9. С. 4 – 9.
5. Чистяков И.М. Стратегия поведения молодежи на рынке труда: на примере Москвы : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04.- Москва, 2001.
6. Супрунов А.К. Рынок труда в современной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. 2013. № 2 (6). С.152 – 155.
7. Илясов Е. Трудоустройство выпускников – задача учреждений профессионального образования // Высшее образование в России. 2004. № 2. С. 84 – 93.
8. Чернышева И.Н. Проблема трудоустройства выпускников учебных заведений и поиск путей ее решения // Наука и экономика. 2011. №1. С. 10 – 15.
9. Болдышева Н.О. Конкурентоспособность выпускника вуза на рынке труда. [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2015/RM15/pages/Articles/IEU/7/3.pdf>
10. Безвербная Н.А., Мкртычева К.Б., Чхартишвили Д.А. Специфика профессиональной идентичности выпускников вуза // Экономические и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 70 – 75.

Galdavadze Sofya Amiranovna, Post-graduate student, Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya str., Rostov-On-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: Galdavadze2008@yandex.ru

THE PROBLEM OF UNEMPLOYMENT AMONG GRADUATES OF RUSSIAN UNIVERSITIES

Abstract

The article deals with the Russian labor market and the problem of employment of college graduates. The influence of the transformation of the education system for young professionals recruitment process.

Keywords: labour market, Bologna education system, unemployment, employment, profession, university graduates, development of higher education, personality self-determination, vocational orientations.

References

1. Sinyagin A, Frolkin P. Vypuskniki vuza: perspektivy trudoustrojstva // CHelovecheskie resursy, 1999. № 1-2.
2. SHEvchenko D.A., Kaplan D.A. Studenty gumanitarnogo vuza na rynke truda: opyt deyatel'nosti sluzhby sodejstviya zanyatosti // Socis. 2012. № 11. P.146 – 155.
3. Zaborovskij Z.G, SHuklina. E.A. Professional'noe obrazovanie i rynek truda // Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2015. № 2-3. P. 10 – 30.
4. Kotlyar A. O ponyatii rynka truda // Voprosy ekonomiki. 2007. № 9. P. 4 – 9.
5. CHistyakov I.M. Strategiya povedeniya molodezhi na rynke truda: na primere Moskvy : dis. ... kand. sociol. nauk : 22.00.04.- Moskva, 2001.
6. Suprunov A.K. Rynok truda v sovremennoj Rossii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo uni-versiteta im. A.S.Pushkina. 2013. № 2 (6). P.152 – 155.
7. Piyasov E. Trudoustrojstvo vypusknikov – zadacha uchrezhdenij professional'nogo obrazovaniya // Vyssee obrazovanie v Rossii. 2004. № 2. P. 84 – 93.
8. CHernysheva I.N. Problema trudoustrojstva vypusknikov uchebnyh zavedenij i poisk putej ee resheniya // Nauka i ekonomika. 2011. №1. P. 10 – 15.
9. Boldysheva N.O. Konkurentosposobnost' vypusknika vuza na rynke truda. [Elektronnyj resurs] – 2015. – Rezhim dostupa: <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2015/RM15/pages/Articles/IEU/7/3.pdf>
10. Bezverbnaya N.A., Mkrtycheva K.B., CHkhartishvili D.A. Specifika professional'noj identichnosti vypusknikov vuza // Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki. 2017. № 1. P. 70 – 75.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ИНДИКАТОРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Дашкевич соискатель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
Галина
Васильевна E-mail: 79185127770@yandex.ru

Аннотация

В данной статье обосновывается необходимость глубокой социологической операционализации и концептуализации понятия «электоральная социализация» как инструмента социологического измерения социально-политической субъектности молодежи в условиях сложившихся реалий. В этой связи даются авторские определения понятиям «электоральная социализация» и «электоральное поведение». Последнее выступает индикатором социологического измерения электоральной социализации, ее характера и эффективности, а потому предлагается авторский набор критериев оценки электорального поведения с точки зрения социологического измерения.

Ключевые слова: электоральная социализация, политическая социализация, молодежь, электоральное поведение, электоральная активность, электоральная пассивность, общественное развитие, электоральный выбор, социокультурный потенциал.

Проблема снижения электоральной активности населения, роста имитационных электоральных практик и недоверия самим выборам как механизму политической самоорганизации и демократизации общества – общая для всех поколений россиян, в том числе и для молодежи. Данное обстоятельство нуждается в социологическом осмыслении, поскольку молодежь выступает основным ресурсом общественного развития и воспроизводства социокультурного потенциала общества. Каким станет оно в ближайшем будущем, во многом будет зависеть от того, какую роль в социально-политических процессах общества будет играть молодежь. В современной России молодежь явно не относится к активным и сознательным акторам политических отношений. Научного ответа требует вопрос: где коренятся причины этой ситуации?

Для ответа на данный вопрос, как мы полагаем, необходимо обратиться к тому, что предшествует непосредственно электоральным действиям, связанным с электоральным выбором, электоральными предпочтениями, т.е. речь идет о том, что необходимо погрузиться в сам социализационный процесс или в процесс электоральной социализации, чтобы узнать как, кем, под влиянием каких факторов, в какой среде и обстановке формируются электоральные ценности, нормы, установки.

Именно в процессе электоральной социализации происходит осмысление, переработка всей той информации, смыслов и значений, которые связаны с электоральной сферой социальных отношений. Но, что удивительно, если мы обратимся к научно-исследовательским практикам по данному вопросу, исследований, посвященных электоральной социализации, как на теоретическом, так и практическом уровне, нет. Все исследования, в которых косвенно затрагивается проблема электоральной социализации (без ее концептуализации), связаны с такими явлениями, как политическая социализация молодежи, электоральное поведение, его трансформация и ценностные аспекты, факторы, влияющие на электоральную активность молодежи, ее электоральные предпочтения и выбор [1-2].

Когда ученые пытаются объяснить причины, порождающие политическую отчужденность молодежи, ее низкий уровень электоральной активности и т.д., они обращаются (и справедливо обращаются) к самой политической реальности, но процесс формирования электоральных установок и ценностей, предпочтений и интересов остается либо за пределами их исследовательского внимания, либо рассматривается в широком контексте, т.е. сквозь призму политической социализации [3-5]. И в этом тематическом поле мнений и позиций сложилось достаточно много, чтобы все их учесть в рамках данной части нашего исследования, поэтому остановимся лишь на некоторых, наиболее важных с точки зрения изучаемой нами проблематики.

Мочалин А.В. пишет об особом месте института выборов в системе политических институтов социализации российской молодежи, поскольку именно благодаря этому институту молодежь обретает статус избирателя и самостоятельного актора политических отношений [6].

Милорава А.Р. акцентирует внимание на кризисе политической социализации молодежи, которая проявляется в политической аномии молодежи и ее отчуждении от политической жизни в стране, и одна из причин находится в поле самой политической социализации как детальности акторов политической социализации. К ключевым из них Милорава А.Р. относит семью, систему обра-

зования, СМИ, политические организации и институты (государство, партии, организации, элита), общественные организации, церковь [7].

По мнению российских ученых, социальный статус молодежи в России продолжает оставаться несколько заниженным, т.е. ей не придается значения как активной социальной группе, способной определять состояние и динамику общественно-политических процессов, несмотря на то, что, по ряду эмпирических показателей, ее политическая активность, хоть и остается на невысоком уровне, постепенно возрастает [8].

Тем не менее, большинство ученых склоняются к мнению о политической пассивности российской молодежи, низком потенциале ее протестной активности и замкнутости на частной жизни. С этим мнением перекликается позиция Т.А. Хагурова о том, что современный подросток является «разумным эгоистом», ибо в его системе жизненных приоритетов и ценностей на первом месте значится личный успех, а идеалы социального служения и гражданского долга практически отсутствуют, и именно это формирует ситуацию, при которой нравственный облик современной молодежи носит откровенно выраженный гедонистический характер, а отсюда и ее социальный инфантилизм, которым, на наш взгляд, отличается все российское общество в целом.

Другие исследователи вполне обоснованно, объясняя неактивную социальную позицию молодежи, ее замыкание на собственных микромирах, доказывают точку зрения о том, что сам процесс социализации современной российской молодежи трансформировался в социальную адаптацию, следствием чего стало снижение конфликтного потенциала в молодежной среде. Молодежь не стремится изменить ситуацию, существующие социальные реалии, так как не связывает их со своими проблемами, подпав под общий тренд манипуляции массовым сознанием.

Ученые также совершенно оправданно и своевременно поднимают вопрос о новой медиареальности, о цифровом поколении, о глобальном процессе информатизации как факторах, детерминирующих формирование электоральных ценностей и установок молодежи и уровень ее социально-политической активности, характер электорального поведения и, в целом, пространство электоральной социализации. Влиянием глобального процесса информатизации сложно переоценить – настолько оно масштабно и тотально. Он затронул всю социальную сферу и «поглотил» молодое поколение, которое в эпоху информационной революции живет в двух мирах – виртуальном и реальном, причем в первом она зачастую чувствует себя гораздо комфортнее при всем том, что последствия виртуального времяпровождения в сети Интернет оцениваются российскими учеными как рискогенные и угрожающие информационной безопасности молодежи [6].

В этой связи некоторые ученые утверждают, опровергая сложившееся мнение, что современная молодежь не устранилась от политики, а проявляет интерес к другому типу и стилю политического участия, отдавая предпочтение социальным медиа и политическому участию онлайн-формата онлайн-активности [7]. И, конечно, уже невозможно отрицать, что именно новая медиасреда, порожденная Интернет-средой, стала, пожалуй, основной неформальной площадкой выражения собственных политических позиций и влияния на политическое сознание молодежи, т.е. Интернет и рожденная им медиареальность стали основным пространством формирования политических и электоральных норм, установок, ориентаций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политическая социализация молодежи характеризуется двумя разнонаправленными процессами – конформизмом и экстремизмом при усилении позиций первого (конформистского), но ни тот, ни другой не могут считаться основанием для становления молодежи как субъекта социально-политических отношений, руководствующегося нормами и принципами подлинно демократической и гражданской культуры.

Соглашаясь с тем, что электоральная социализация, по сути, представляет собой часть политической социализации, как электоральная культура – активный компонент политической культуры, мы считаем, тем не менее, что данное понятие имеет право на самостоятельное научное существование, а потому предлагаем понимать под электоральной социализацией молодежи процесс усвоения ею знаний, ценностей, норм и установок сложившейся в обществе электоральной культуры, позволяющий ей функционировать в обществе в качестве полноправного субъекта политических отношений в рамках реализации той или иной модели электорального поведения [8].

В основе данного определения находится утвердившееся в науке понимание социализации как процесса усвоения индивидом определенной системы знаний, ценностей, норм, позволяющих ему функционировать как полноправному члену общества [9]. Не противоречит данному определению понимание политической социализации как процесса усвоения человеком требований статусного поведения, культурных ценностей и ориентиров, который ведет к формированию у него свойств и умений, позволяющих адаптироваться к конкретной политической системе и выполнять в ней определенные функции» [10].

За основу в интерпретации понятия электоральной культуры мы взяли подход, согласно которому под ним следует понимать «совокупность относительно устойчивых особенностей воспри-

ятия, интерпретации и оценки феномена выборов и объективно существующей избирательной практики, а также детерминируемых данными особенностями моделей участия общества, социальных групп или отдельных индивидов в избирательном процессе» [11].

Следуя содержанию предложенного нами определения электоральной социализации молодежи, ее социологическое измерение предполагает определение в качестве ключевой индикативной единицы электоральное поведение молодежи.

Критериями его социологического измерения выступают следующие:

- отношение к выборам (доверие/недоверие) и их значимость для молодежи;
- интерес к предвыборной кампании и степень информированности о ней;
- наличие политических предпочтений (идентификация с политической партией, политическим движением, политическими идеями и т.д.);
- участие в выборах и его характер (регулярное/нерегулярное; позитивное/негативное).

Именно эти критерии отражают характер социально-политических детерминант, определяющих формирование и динамику электорального поведения российской молодежи и в своей совокупности проявляющихся в характерной для российского общества электоральной культуре, определяющей электоральную социализацию молодежи и отношение к выборам как сегменту политической системы общества.

Само же электоральное поведение в авторской концепции рассматривается как совокупность ценностей, установок, убеждений и целей молодежи, определяющих характер ее электорального участия.

Итак, анализ позиций и мнений, теоретических подходов и проблем к изучению электоральной социализации российской молодежи определил потребность в выстраивании авторской понятийной конструкции и дальнейшем социологическом изучении данной проблематики, еще не составляющей хорошо известное для социологов научное пространство. Социальная значимость поднятой в статье темы определяется кризисным характером как электоральной социализации молодежи, так и электоральной культуры, в пространстве которой разворачивается данный социализационный процесс.

А признаки кризиса налицо: традиционно невысокий уровень избирательной активности граждан и интерес к избирательному процессу; дефицит доверия выборам как демократическому институту, способному что-либо изменить, и политический эскапизм как нежелание включаться в систему социально-политических отношений ввиду негативного восприятия мира политики и растущей отчужденности от него с параллельным погружением в микросоциальные проблемы [12-15].

Переход на новую ступень общественного развития предполагает изменение социально-политической реальности, в которой молодежь и возвратные, профессиональные и иные социальные группы будут реальными субъектами социально-политических отношений, ответственными за них как конструируемых и управляемых совместными усилиями граждан. И в этой связи вопрос об электоральной социализации переходит в плоскость не просто актуальных, а осевых для понимания самого механизма парадигмальных перемен в социально-политическом пространстве общества.

Литература

1. *Васецкий А.А., Малькевич А.А.* «Новые СМИ» в процессе политической социализации молодежи // Управленческое консультирование, 2011. № 3. С. 43 – 48.
2. *Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И.* Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 42 – 45.
3. *Аршинова Е.В., Билан М.А., Горбатова М.М., Рассохина И.Ю.* Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 119 – 127.
4. *Бугрова А.В.* Проблемы электорального поведения молодежи перед выборами // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2018. №12. С. 166 – 169.
5. *Ежов Д.А.* Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // АНИ: экономика и управление. 2018. №3 (24). С. 356 – 358.
6. *Мочалин А.В.* Трансформация электорального поведения как фактор социализации молодежи российской провинции // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. №24 (245). С. 172.
7. *Милорава А.Р.* Процесс политической социализации молодежи в современном российском обществе // Молодой ученый. 2017. №13. С. 505 – 507.
8. *Зинченко Г.П.* От чего зависит электоральная активность молодежи? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 134 – 137.
9. *Тер-Акопян В.А.* Факторы адаптивной политической культуры современной российской молодежи // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4. С. 97 – 103.

10. Хагуров Т.А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 152 – 181.
11. Философский энциклопедический словарь / 2-е изд. М., 1989. С. 603.
12. Бабинцев В.П., Ушамирский А.Э. Российская молодежь: социализация как социальная адаптация // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. №17 (238). С. 85 – 89.
13. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Кузнецова А.В. Информационная безопасность молодежи в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11/1. С. 140 – 144.
14. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. 2019. №2. С. 193.
15. Железняков А.С., Литвинова Т.Н. Политическое участие молодежи в полиэтничных регионах России (на примере Сибирского и Северо-Кавказского федеральных округов) // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 289 – 303.

Dashkevich Galina Vasilyevna, applicant, department of theoretical sociology and methodology of regional studies, Institute of sociology and area studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: 79185127770@yandex.ru

ELECTORAL SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE PROBLEM AREA OF SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE: INDICATORS OF THE SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Abstract

This article proves the need of a deep sociological operationalization and conceptualization of the notion of “electoral socialization” as a tool for the sociological measurement of the social and political motive awareness of youth in the current realities. In this regard, the author defines the concepts of “electoral socialization” and “electoral behavior”. “Electoral behavior” considered as an indicator of the sociological measurement of electoral socialization, its nature and effectiveness, and therefore the author offers a set of criteria for assessing electoral behavior from the point of view of the sociological measurement.

Keywords: electoral socialization, political socialization, youth, electoral behaviour, electoral activism, electoral passivity, social development, electoral choice, sociocultural potential.

References

1. Vaseckij A.A., Mal'kevich A.A. «Novye SMI» v processe politicheskoy socializacii molodezhi // Upravlencheskoe konsul'tirovanie, 2011. № 3. P. 43 – 48.
2. Kas'yanov V.V., Krotov D.V., Samygin S.I. Specifika politicheskoy socializacii rossijskoj molodezhi v usloviyah social'noj neopredelennosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2017. № 1. P. 42 – 45.
3. Arshinova E.V., Bilan M.A., Gorbatova M.M., Rassohina I.YU. Cennostnye aspekty elektoral'nogo povedeniya studentcheskoj molodezhi // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2019. № 1 (33). P. 119 – 127.
4. Bugrova A.V. Problemy elektoral'nogo povedeniya molodezhi pered vyborami // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2018. №12. P. 166 – 169.
5. Ezhov D.A. Aktual'nye tendencii i faktory elektoral'noj aktivnosti rossijskoj molodezhi // ANI: ekonomika i upravlenie. 2018. №3 (24). P. 356 – 358.
6. Mochalin A.V. Transformaciya elektoral'nogo povedeniya kak faktor socializacii molodezhi ros-sijskoj provincii // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2016. №24 (245). S. 172.
7. Milorava A.R. Process politicheskoy socializacii molodezhi v sovremennom rossijskom obshchestve // Molodoj uchenyj. 2017. №13. P. 505 – 507.
8. Zinchenko G.P. Ot chego zavisit elektoral'naya aktivnost' molodezhi? // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2015. № 3. P. 134 – 137.
9. Ter-Akop'yan V.A. Faktory adaptivnoj politicheskoy kul'tury sovremennoj rossijskoj molodezhi // Gumanitarij YUga Rossii. 2014. № 4. P. 97 – 103.
10. Hagurov T.A. Deviacii, social'nyj kontrol' i riski vzrosleniya v sovremennoj Rossii // Vestnik Instituta sociologii. 2013. № 7. P. 152 – 181.
11. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / 2-e izd. M., 1989. P. 603.
12. Babincev V.P., Ushamirskij A.E. Rossijskaya molodezh': socializaciya kak social'naya adaptaciya // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2016. №17 (238). P. 85 – 89.
13. Samygin S.I., Vereshchagina A.V., Kuznecova A.V. Informacionnaya bezopasnost' molodezhi v sovremennoj Rossii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. № 11/1. P. 140 – 144.
14. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.YU., Pyрма R.V., Azarov A.A. Grazhdanskie i politicheskie onlain-praktiki v ocenках rossijskoj molodezhi (2018) // Politicheskaya nauka. 2019. №2. P. 193.
15. ZHeleznyakov A.S., Litvinova T.N. Politicheskoe uchastie molodezhi v polietnichnyh regionah Rossii (na primere Sibirskogo i Severo-Kavkazskogo federal'nyh okrugov) // Rossiya reformiruyushchayasya. 2017. № 15. P. 289 – 303.

ХОЛДИНГОВАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Крылов Константин Александрович слушатель программы – Доктор делового администрирования (DBA), Высшая школа корпоративного управления (ВШКУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82).
E-mail: info-emba@ranepa.ru

Аннотация

Поиск юрисдикции для входящих в холдинг компаний – важнейший шаг на пути к оптимизации налогообложения, защите активов и интересов собственников. Большую роль играют не только ставки налогов, но и особенности законодательства. Именно они являются одной из составляющей финансового благополучия бизнес-структур.

Ключевые слова: холдинг, налоговое планирование, ставки налогов, оптимизация налогообложения, холдинговая компания, материнская компания, финансово-промышленный капитал, хозяйственная деятельность, собственники.

Экономический смысл холдинга как хозяйствующей институциональной единицы

Понятие «холдинг» произошло от английского глагола «to hold», что означает «держат, удерживать». Несмотря на то, что термин активно используется на практике, в законодательстве некоторых стран определений «холдинг» и «холдинговая компания» может и не быть. Такая ситуация, например, сложилась в России. В связи с этим на территории государств, где отсутствуют данные правовые термины, холдинг может рассматриваться только как экономическое понятие, а значит, допускаются его различные толкования.

Таблица 1

Определение понятия «холдинг», отраженное в научных журналах [1, с. 536]

Источник	Определение
Р.В. Чиклаев. Холдинг как междисциплинарное понятие экономики и права // Гуманитарные и социальные науки. № 2. 2014. С. 811–814	Под холдингом, как правило, понимают группу компаний (юридических лиц), объединенных какими-либо общими началами. Такими началами могут быть: взаимное участие в капитале друг друга, общие собственники (акционеры, участники), общие руководители (единоличные исполнительные органы либо управляющие компании), договоры между несколькими компаниями о совместном ведении хозяйственной деятельности и др.
В.В. Ефимович. Создание холдингов и основы повышения их эффективности / Сборники конференций НИЦ Социосфера. № 32. 2013. С. 8–10.	Холдинговая компания – это особый тип организации, которая создается для управления деятельностью других компаний на основе владения пакетами их акций. Холдинговые структуры характеризуются иерархической организацией, многообразием связей структурных элементов друг с другом и с внешней средой, используют системы для концентрации финансово-промышленного капитала и контроля за производством.
С. И. Карпачев. Отраслевые холдинги: основное: содержание и организационно-экономические особенности // Международный журнал экспериментального образования. № 5. 2012. С. 157–158.	Холдинг – это организационная форма интеграции компаний, основанная на объединении капитала, состоящая из холдинговой компании и дочерних по отношению к ней предприятий; холдинговая (управляющая) компания — компания в холдинге, проводящая единое стратегическое управление всем объединением предприятий, на основе владения контрольными пакетами акций (долей) других компаний объединения.
А. С. Егорушкина. Правовое положение холдингов в России // Наука на рубеже тысячелетий. № 9. 2010. С. 3–4.	Холдинг – это группа участников предпринимательских отношений, связанных между собой таким образом, что один из них имеет возможность влиять на деятельность всех других участников этой группы.

Обобщая вышеизложенное, холдинг – это совокупность основного общества и контролируемых им дочерних обществ, где основная организация (материнская компания) владеет контрольным пакетом акций.

В США холдинги формировались с целью обойти Закон Шермана¹. В России их возникновение связано с принятием Закона РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий

¹ Антитрестовский закон Шермана от 1890 года.

в Российской Федерации»¹. Какие бы ни были истоки формирования холдинговых компаний, не поддается сомнению, что, объединив организации, можно решить множество задач. Например: эффективность деятельности, максимизация прибыли, применение единых стандартов и управления, контроль за решениями руководства в контролируемых компаниях и немедленное реагирование в случаях превышения полномочий, снижение издержек производства и прочих расходов, устранение конкурентов, формирование монополии, повышение узнаваемости бренда, расширение сферы деятельности, выход на новый рынок, привлечение инвесторов и другое. Таким образом, холдинг является оптимальной моделью организации бизнеса.

Вместе с тем на практике в холдингах имеют место проблемы при решении вопросов управления [2, с. 192]. В частности, это трудности, связанные с отсутствием четких границ вмешательства материнской компании в деятельность контролируемых ею предприятий. Еще одна трудность – поиск юрисдикции расположения материнской компании и ее дочек. От этого зависит какое законодательство будет применяться к ним, а значит, и налоговая нагрузка, которая, в свою очередь, влияет на прибыльность бизнеса в целом. Холдинговая модель организации бизнеса, как инструмент оптимизации налогообложения, давно оправдала себя. Приведем пример. В России счетная палата раскритиковала механизм консолидированной группы налогоплательщиков. Причина – поступление налога на прибыль с крупного бизнеса сократилось в два раза. Из-за возможности уменьшить налоговую базу на убытки входящих в группу участников бюджет недополучил от КГН в течение 2012-2016 г.г. 322,5 млрд. руб. [3]. Более того, возможность КГН поделить прибыль между регионами, исходя или из среднесписочной численности работников или из расходов на оплату труда, также сыграло в пользу холдинга, нежели государства. Когда одна из КГН в России заменила первый показатель на второй, налоги выросли в шести регионах, а в 11 субъектах – сократились.

Кроме того, негативно отражаются на бюджетах регионов льготы для КГН. В 2016 году субъекты Российской Федерации недополучили 5,6 млрд руб, в 2015 – 40 млрд руб по восьми КГН. В 2011 г. у семи регионов, в которых активно действовали КГН, и вовсе был дефицит бюджета [3].

На налоги большое влияние оказывает экономическая ситуация в стране. К примеру, цены на нефть, изменчивость курса валюты и пр. В связи с этим важной составляющей для оптимизации налогообложения организации является поиск низконалоговой юрисдикции с большим количеством льгот и привилегий для налогоплательщиков.

Выбор юрисдикции – основа в налоговом планировании деятельности холдинга

Материнская компания распределяет финансовые потоки среди предприятий-участников группы, а также несет ответственность за исполнение налоговых платежей. В целях снижения налогового бремени ее размещают либо в юрисдикции с низкими налоговыми ставками, либо в офшоре. Рассмотрим, какие ставки по налогу на прибыль и НДС действуют в 2019 году на территории европейских стран.

Таблица 2

Налоговая карта Европы [4]

Страна	Налог на прибыль, %	НДС, %
Швеция	22	25
Финляндия	20	24
Норвегия	23	25
Эстония	20	20
Латвия	20	21
Россия	20	20
Великобритания	19	20
Нидерланды	25	21
Германия	29,83	19
Польша	19	23
Белоруссия	18	20
Ирландия	12,5	23
Франция	34,43	20
Чехия	19	21
Словакия	21	20
Швейцария	21,5	7,7
Австрия	25	20
Венгрия	9	27
Украина	18	20

¹ Закон РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» от 03.07.1991 № 1531-1.

Продолжение табл. 2

Испания	25	21
Италия	27,81	22
Болгария	10	20
Португалия	31,5	23
Греция	29	24
Турция	22	18

Помимо льгот и низких налоговых ставок, представители бизнес-структур анализируют такие условия, как:

- наличие договоров об избежание двойного налогообложения и их особенности
- наличие законов по защите инвестиций
- положения налогового законодательства к превалирующим в компании операциям и единичным крупным сделкам

По-прежнему самым популярным местом для размещения материнской компании, а иногда и дочки, является офшор. Его суть проста: если компания состоит на учете, но при этом на территории офшора не ведет деятельности (все операции осуществляются за его пределами), то согласно законодательству офшора налоги не уплачиваются. Налоговые обязательства перед офшором возникают лишь с дохода, полученного на его территории.

Под давлением Евросоюза офшорные зоны вынуждены ввести ряд мер. Компаниям – налоговым резидентам таких популярных офшорных юрисдикций, как Каймановы острова, Бермуды, остров Мэн, Гернси и Джерси, с 2019 года придется открыть реальные офисы и нанять сотрудников [5]. Таким образом, эти территории будут функционировать по аналогии с большинством европейских стран, где давным-давно применяется термин «substance», что означает «присутствие». Исключений для компаний нет. Изменения затронут в том числе холдинги. До 31 декабря 2019 года они должны полностью соответствовать новым требованиям:

- наличие офиса на территории офшора (подтверждением служат документы, свидетельствующие о том, что помещение находится в собственности, или при отсутствии права собственности – договор аренды)
- наличие в офисе работников с опытом и образованием, соответствующим занимаемой должности
- выплата работникам заработной платы
- управление компанией с территории офшора

Офшор популярен, но не все им пользуются, предпочитая размещать свои компании в низконалоговых юрисдикциях.

По оценкам IT-OFFSHORE, в 2019 году наиболее выгодно регистрировать компании в таких странах, как: Черногория, Венгрия, Болгария, Швейцария, Лихтенштейн, Грузия, Киргизия, Сингапур, Гонконг. В Черногории нет валютного контроля, отсутствует обмен информации о налогах. В Гонконге не нужно платить часть налогов. К примеру, на прирост капитала и дивиденды. Сингапур и Грузия привлекают своими льготами.

Согласно мировому рейтингу Doing Business, подготовленным специалистами Всемирного банка, на протяжении трех лет неизменным лидером в легкости ведения бизнеса остается Новая Зеландия. Критериями отбора стран были: простота получения кредита, защита прав инвесторов, количество налогов, процедура регистрации / закрытия компании, постановка на учет имущества, правила международной торговли, обеспечение контрактов, порядок закрытия юрлица и пр.

Таблица 3

Ease of Doing Business Index (фрагмент)¹

Страна	Очки	Последнее изменение	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009
Новая Зеландия	86.59	0.00	1	1	1	2	2	3	3	3	3	2	2
Сингапур	85.24	+0.27	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1
Дания	84.64	+0.59	3	3	3	3	4	5	5	5	6	6	6
Гонконг	84.22	+0.04	4	5	4	5	3	2	2	2	2	3	4
Республика Корея	84.14	-0.01	5	4	5	4	5	7	8	8	16	19	23

¹ Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Рейтинг_лёгкости_ведения_бизнеса

Грузия	83.28	+0.48	6	9	16	24	15	8	9	16	12	11	15
Норвегия	82.95	+0.25	7	8	6	9	6	9	6	6	8	10	10
США	82.75	-0.01	8	6	8	7	7	4	4	4	5	4	3
Великобритания	82.65	+0.33	9	7	7	6	8	10	7	7	4	5	6
Северная Македония	81.55	+0.32	10	11	10	12	30	25	23	22	38	32	71
ОАЭ	81.28	+2.37	11	21	26	31	22	23	26	33	40	33	46
Швеция	81.27	0.00	12	10	9	8	11	14	13	14	14	18	17
Китайская республика	80.90	+0.24	13	15	11	11	19	16	16	25	33	46	61
Литва	80.83	+0.29	14	16	21	20	24	17	27	27	23	26	28
Малайзия	80.60	+2.57	15	24	23	18	18	6	12	18	21	23	20
Эстония	80.50	+0.01	16	12	12	16	17	22	21	24	17	24	22
Финляндия	80.35	+0.05	17	13	13	10	9	12	11	11	13	16	14
Австралия	80.13	-0.01	18	14	15	13	10	11	10	15	10	9	9
Латвия	79.59	+0.33	19	19	14	22	23	24	25	21	24	27	29
Маврикий	79.58	+1.29	20	25	49	32	28	20	19	23	20	17	24
Исландия	79.35	+0.05	21	23	20	19	12	13	14	9	15	14	11
Германия	78.90	0.00	24	20	17	15	14	21	20	19	22	25	25
Азербайджан	78.64	+7.10	25	57	65	63	80	70	67	66	54	38	33
Австрия	78.57	+0.03	26	22	19	21	21	30	29	32	32	28	27
Таиланд	78.45	+1.06	27	26	46	49	26	18	18	17	19	12	13
Казахстан	77.89	+0.73	28	36	35	41	77	50	49	47	59	63	70
Руанда	77.88	+4.15	29	41	56	62	46	32	52	45	58	67	139
Испания	77.68	+0.07	30	28	32	33	33	52	44	44	49	62	49
Россия	77.37	+0.61	31	35	40	51	62	92	112	120	123	120	118
Франция	77.29	+0.99	32	31	29	27	31	38	34	29	26	31	31
Польша	76.95	-0.36	33	27	24	25	32	45	55	62	70	72	76
Португалия	76.55	-0.07	34	29	25	23	25	31	30	30	31	48	48
Чехия	76.10	+0.05	35	30	27	36	44	75	65	64	63	74	75
Нидерланды	76.04	+0.01	36	32	28	28	27	28	31	31	30	30	26
Белоруссия	75.77	+0.72	37	38	37	44	57	63	58	69	68	58	85
Швейцария	75.69	+0.01	38	33	31	26	20	29	28	26	27	21	21
Япония	75.65	+0.05	39	34	34	34	29	27	24	20	18	15	12
Словения	75.61	+0.02	40	37	30	29	51	33	35	37	42	53	54
Италия	75.37	+2.06	41	46	50	45	56	65	73	87	80	78	65
Словакия	75.17	+0.29	42	39	33	29	37	49	46	48	41	42	36
Турция	74.33	+4.34	43	60	69	55	55	69	71	71	65	73	59
Республика Косово	74.15	+0.44	44	40	60	66	75	86	98	117	119	113	..
Бельгия	73.95	+2.24	45	52	42	43	42	36	33	28	25	22	19
Китай	73.64	+8.64	46	78	78	84	90	96	91	91	79	89	83
Молдавия	73.54	+0.38	47	44	44	52	63	78	83	81	90	94	103
Сербия	73.49	+0.17	48	43	48	59	91	93	86	92	89	88	94
Израиль	73.23	+0.64	49	54	52	53	40	35	38	34	29	29	30
Черногория	72.73	+0.20	50	42	51	46	36	44	51	56	66	71	90
Армения	72.56	-0.15	51	47	38	35	45	37	32	55	48	43	44
Румыния	72.30	-0.53	52	45	36	37	48	73	72	72	56	55	47
Венгрия	72.28	+0.34	53	48	41	42	54	54	54	51	46	47	41
Мексика	72.09	-0.18	54	49	47	38	39	53	48	53	35	51	56
Бруней	72.03	+1.85	55	56	72	84	101	59	79	83	112	96	88
Чили	71.81	+0.37	56	55	57	48	41	34	37	39	43	49	40
Кипр	71.71	+0.44	57	53	45	47	64	39	36	40	37	40	..
Хорватия	71.40	+0.34	58	51	43	40	65	89	84	80	84	103	106
Болгария	71.24	+0.11	59	50	39	38	38	58	66	59	51	44	45
Марокко	71.02	+2.46	60	69	68	75	71	87	97	94	114	128	128
Ботсвана	70.31	+5.25	61	81	71	72	74	56	59	54	52	45	38
Бахрейн	69.85	+1.82	62	66	63	65	53	46	42	38	28	20	18

Оптимизация налогообложения группы компаний в России

Холдинг является достаточно гибкой структурой организации бизнеса, где каждая подконтрольная компания выполняет свою функцию для достижения максимальной эффективности деятельности. Деловая цель создания холдинга первична, налоговая выгода вторична.

Для целей налогообложения компании, входящие в холдинг, признаются взаимозависимыми лицами согласно порядку, установленному статьей 105.1 Налогового кодекса РФ.

Первый способ оптимизации налогообложения между взаимозависимыми лицами – манипулирование ценами. Внутрифирменные цены могут быть существенно завышены и занижены. Так можно перераспределить доходы в страны с низкими налогами или в регион России с пониженной ставкой по налогу на прибыль.

Правильность применения цен по сделкам между взаимозависимыми лицами находится под пристальным контролем проверяющих. Такое право им предоставляет налоговое законодательство, а именно: подпункт 1 пункта 2 статьи 40 Налогового кодекса РФ. В случае отклонения цены более чем на 20% в сторону повышения или в сторону понижения от уровня цен, применяемых налогоплательщиком по идентичным (однородным) товарам (работам, услугам), налоговая инспекция вправе вынести мотивированное решение о доначислении налога и пеней, исходя из рыночных цен по соответствующим товарам (работам, услугам).

Для организаций, входящих в крупный холдинг, выгодно быть консолидированной группой налогоплательщиков. Однако это возможно при соблюдении требований, установленных для КГН:

- одна организация непосредственно и (или) косвенно участвует в уставном капитале других компаний и доля участия в каждом таком юридическом лице составляет не менее 90% (условие должно соблюдаться в течение всего срока действия группы)
- совокупная уплаченная сумма НДС / акцизов / налога на прибыль / НДСП ($> / = 10$ млрд руб. за календарный год, предшествующий году регистрации договора о создании КГН)
- суммарный объем выручки от реализации товаров, продукции, работ, услуг, а также прочих доходов всех участников КГН ($> / = 100$ млрд руб. за календарный год, предшествующий году регистрации договора о создании КГН)
- совокупная стоимость активов всех участников группы на 31 декабря ($> / = 300$ млрд руб. за календарный год, предшествующий году регистрации договора о создании КГН)

Преимущество КГН заключается в консолидации налоговой базы по налогу на прибыль всех участников и отсутствии контроля налоговой службы за трансфертным ценообразованием по сделкам, заключенным между организациями, входящими в КГН (исключение – сделки, предметом которых является добытое полезное ископаемое, признаваемое объектом налогообложения в целях исчисления НДСП с применением процентной ставки).

Компании, являющиеся КГН, смогут пользоваться привилегиями не долго. С 2023 года КГН будет ликвидирован из-за негативного воздействия на бюджеты регионов. Об этом еще в 2018 году проинформировали своих читателей «Ведомости» [6] и «РИА Новости»¹.

Но даже, если КГН и упразднят, холдинги, не соответствующие КГН, все равно смогут воспользоваться налоговыми преимуществами, в частности, это полное или частичное освобождение от налогообложения отдельных операций между взаимозависимыми лицами.

К основным способам оптимизации налогообложения в холдинге можно также отнести использование:

- убыточных организаций
- компаний со значительной суммой НДС к зачету
- компаний со специальным режимом налогообложения
- региональных льгот по налогам, предоставляемых субъектами РФ
- офшоров или иностранных юрисдикций с налоговыми льготами

Применение компаний на упрощенных режимах налогообложения (УСН или ЕНВД) позволяет перераспределять налоговую нагрузку и экономить на налоге на прибыль. Если учредителями дочерних организаций числятся одни и те же лица, то это привлечет внимание проверяющих и есть риск, что сделки могут быть признаны ничтожными.

Если оптимизация налогообложения группы компаний построена на использовании пониженных региональных ставок, то следует учитывать, что с 2019 года отменены пониженные ставки по налогу на прибыль, установленные регионами после 1 января 2018 года (Федеральный закон от 03.08.2018 № 302-ФЗ). Нововведение коснулось лишь тех налогоплательщиков, которые прямо не предусмотрены главой 25 НК РФ (Письмо Минфина России от 29.10.2018 № 03-03-10/77793). Те, кто использует пониженные ставки вправе продолжить их применение до конца их срока действия,

¹ В России упразднят институт консолидированных групп налогоплательщиков, РИА Новости. – 2018. <https://ria.ru/20180614/1522697101.html>

но не позднее 1 января 2023 г. Ранее пониженные региональные ставки действовали как для налогоплательщиков, установленных перечнем главы 25 НК РФ, так и для всех остальных.

Налоговые привилегии для группы компаний сопровождаются и определенными сложностями для налогоплательщиков. Об одной из них (трансфертном ценообразовании) уже было сказано, но есть и еще моменты, которым следует уделить внимание:

- дополнительное налогообложение для контролируемых иностранных компаний и налогообложение по правилу бенефициарного собственника
- специальный порядок для проведения крупных сделок и сделок с заинтересованностью (с аффилированными лицами)

Налоговый контроль

В целях борьбы с размыванием налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения в Российской Федерации была ратифицирована Многосторонняя Конвенция по налоговым соглашениям. Конвенция устанавливает одно правило для всех договоров об избежании двойного налогообложения: запрещается использовать договор с целью уклонения от налогов. Например, не допускается применение льготы, если основной целью является именно льгота. У сделки должен быть экономический смысл. Если его не удастся доказать, то льготы по договорам об избежании двойного налогообложения станут недоступны. Конвенция направлена на борьбу с уклонением от уплаты налогов посредством использования постоянных представительств в других юрисдикциях, а также содержит ряд дополнительных положений, ужесточающих нормы в отношении льгот, постоянных представительств, двойного резидентства. Она затрагивает и такие операции, как: опосредованная продажа недвижимости, выплата дивидендов.

Говоря о налоговом контроле в России невозможно не сказать про статью 54.1 Налогового кодекса РФ, которая действует на протяжении двух лет, и наделала не мало шума среди налогоплательщиков. До того момента, как она вступила в силу, налоговая инспекция, выявляя в ходе проверки уменьшение сумм налога к уплате на какие-либо подозрительные расходы, просто искала недочеты в первичной документации и, полагаясь именно на эти недочеты, делала выводы о невозможности принятия данных расходов в целях налогообложения прибыли. С 19 августа 2017 года уменьшение налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога не допускается в результате искажения налогоплательщиком сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких факторов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности. При отсутствии вышеперечисленных обстоятельств налогоплательщик вправе уменьшить налоговую базу при одновременном соблюдении условий:

- основной целью совершения сделки (операции) не являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога
- обязательство по сделке (операции) исполнено лицом, являющимся стороной договора, заключенного с налогоплательщиком, и (или) лицом, которому обязательство по исполнению сделки (операции) передано по договору или закону.

Такие правила установлены пунктами 1 и 2 статьи 54.1 Налогового кодекса РФ. Если снижение дохода производится за счет его искусственного перераспределения на подконтрольных лиц, то налоговая инспекция признает это искажением сведений (Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@).

Еще один риск для налогоплательщиков - правило тонкой капитализации. Если размер контролируемой задолженности на последнее число отчетного (налогового) периода превышает собственный капитал компании более чем в три раза, то проценты, начисленные за этот период, учитываются в особом порядке.

Контролируемая задолженность возникает, если у российской компании есть непогашенная задолженность по долговому обязательству:

- перед иностранным взаимозависимым лицом (организацией или физическим лицом)
- кредитором, который взаимозависим с таким иностранным лицом
- кем угодно, если вышеперечисленные лица являются поручителем или гарантом по долговому обязательству или иным образом обязуются обеспечить исполнение этого долгового обязательства налогоплательщика – российской компании

Холдинговая модель организации бизнеса распространена в России во многих сферах экономической деятельности, поэтому значение и роль холдингов будут только возрастать. Холдингам принадлежит особая роль в структуре формирования бюджета нашей страны и эти крупные налогоплательщики контролируются государством в том числе. На протяжении нескольких лет, в России, налоговые платежи холдингов составляют существенную долю в общем объеме поступлений федеральных налогов и сборов.

Сейчас в мире наблюдается массовая концентрация капитала именно в структурах такого типа как холдинги. Вопрос о предпринимательских объединениях в организационной форме холдинга

крупнейший по своей сути хозяйственного и экономического значения. Это средство, способ, инструмент достижения целей и обеспечения интересов заинтересованных сторон, и достаточно эффективный. Вопрос только в том для каких целей этот инструмент будет использоваться.

Литература

1. Чайка А. А., Тетерин Ю. А. Теоретико-методологические основы понятия «холдинг» // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 5534 – 537.
2. Воробьева В.О. Модель управления в холдинговых компаниях: правовой статус управляющей холдинговой компании и предприятий, входящих в состав холдинга // Молодой ученый. 2018. №24. С. 192–194.
3. Яшунский Г. Счетная палата раскритиковала механизм консолидированной группы налогоплательщиков, Ведомости. – 2018. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/01/11/747545-schetnaya-palata-raskritikovala-mehanizm-konsolidirovannih-nalogoplatelshchikov>
4. Макурин А. Где в Европе выше налоги? Инфографика // Аргументы и факты. 2019. № 9.
5. Агеева О., Литова Е., Ткачев И. Прощание с Бермудами: что означают новые требования к офшорным компаниям, РБК. – 2018. <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2018/5c17b7c09a7947502612d804>
6. Махонин А. Правительство ликвидирует институт консолидированных групп налогоплательщиков, Ведомости. – 2018. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/06/14/772751-pravitelstvo-likvidiruet-institut-konsolidirovannih-grupp-nalogoplatelshchikov>

Krylov Konstantin Aleksandrovich, Student of the program – Doctor of business administration (DBA), Higher school of corporate governance, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation).
E-mail: info-emba@ranepa.ru

BUSINESS ORGANIZATION HOLDING MODEL AS A TOOL FOR TAX OPTIMIZATION

Abstract

The search of jurisdiction for the companies included in the holding is the most important step towards tax optimization, protection of assets and interests of owners. Not only tax rates play an important role, but also the peculiarities of the legislation. They are one of the components of the financial well-being of business structures.

Keywords: *Holding, tax planning, tax rates, tax optimization, holding company, parent company, financial and industrial capital, economic activity, owners.*

References

1. CHajka A. A., Teterin YU. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy ponyatiya «holding» // Molodoj uchenyj. 2015. № 3. S. 5534 – 537.
2. Vorob'eva V.O. Model' upravleniya v holdingovyh kompaniyah: pravovoj status upravlyayushchej holdingovoj kompanii i predpriyatij, vkhodyashchih v sostav holdinga // Molodoj uchenyj. 2018. №24. S. 192–194.
3. YAshunskij G. Schetnaya palata raskritikovala mekhanizm konsolidirovannoj gruppy nalogoplatel'shchikov, Vedomosti. – 2018. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/01/11/747545-schetnaya-palata-raskritikovala-mehanizm-konsolidirovannih-nalogoplatelshchikov>
4. Makurin A. Gde v Evrope vyshe nalogi? Infografika // Argumenty i fakty. 2019. № 9.
5. Ageeva O., Litova E., Tkachev I. Proshchaniye s Bermudami: chto oznachayut novye trebovaniya k ofshornym kompaniyam, RBK. – 2018. <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2018/5c17b7c09a7947502612d804>
6. Mahonin A. Pravitel'stvo likvidiruet institut konsolidirovannyh grupp nalogoplatel'shchikov, Vedomosti. – 2018. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/06/14/772751-pravitelstvo-likvidiruet-institut-konsolidirovannih-grupp-nalogoplatelshchikov>

**ОТНОШЕНИЕ КУРСАНТОВ УВЦ И СТУДЕНТОВ ВОЕННЫХ КАФЕДР
К ВЫСШЕМУ ВОЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ВОЕННОЙ КАРЬЕРЕ**

**Сокол
Лариса
Николаевна**

аспирант, зав. учебно-методическим кабинетом военного учебного центра, Комсомольский-на-Амуре государственный университет (681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27).
E-mail: larisa.sokol.1969@mail.ru

Аннотация

Для современных вооруженных сил характерна растущая потребность в профессионализации, следствием чего становится поиск новых форм военной подготовки, в том числе на базе гражданских вузов. В рамках реализуемой реформы высшего военного образования в России создана сеть учебных военных центров (УВЦ), которые занимают промежуточное положение между военными вузами и военными кафедрами. В статье представлены результаты социологического исследования, позволившего выявить особенности мотивации, жизненных стратегий и установок в отношении военной карьеры курсантов УВЦ, студентов военных кафедр и обычных студентов дальневосточных гражданских вузов (N=600). Вопреки ожиданиям, было выявлено, что студенты военных кафедр демонстрируют значительно более выраженные положительные установки в отношении военной службы, тогда как для курсантов УВЦ характерны признаки недостаточной адаптированности, высокая степень неопределенности относительно дальнейших перспектив и определенное рассогласование между ожиданиями от обучения в УВЦ и фактическим опытом обучения. При этом для всех обследованных групп характерна высокая значимость социальных и материальных преимуществ, связанных с военной службой, что, как можно предположить, отражает общую неблагоприятную социально-экономическую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: учебный военный центр, военная кафедра, высшее военное образование, установки, военная служба, мотивация, опыт обучения, профессионализация, гражданские вузы.

Введение

Для современных развитых обществ характерна высокая степень профессионализации различных видов деятельности. Логика развития постиндустриального общества значительно увеличивает значимость высшего профессионального образования и специализированных компетенций в различных областях. Институциональным ответом на этот запрос становится развитие и диверсификация системы образования, многообразие его форм и организационных механизмов.

Возросшая потребность в профессионализации и специализации затронула и военную сферу. Современные Вооруженные силы, требующие высококомпетентных специалистов, умеющих обращаться с высокотехнологичным вооружением и решать сложные интеллектуальные задачи, оказались перед необходимостью готовить большое число узких специалистов, имеющих высшее профессиональное образование. Однако даже для больших и развитых стран решение этой задачи исключительно силами ведомственных образовательных институтов оказалось невозможным. Общемировой тенденцией поэтому стало активное сотрудничество систем военного и гражданского образования. В США, например, такую функцию в значительной мере выполняют программы подготовки офицеров резерва ROTC. В России аналогичную роль, как предполагается, должны сыграть Учебные военные центры (УВЦ) – новая форма подготовки офицеров, которая, как предполагается, должна стать заменой военных кафедр [1-2].

УВЦ в России начали создаваться с 2008 г. как специализированные центры военной подготовки при гражданских вузах. В отличие от военных кафедр, курсанты УВЦ обязаны по окончании обучения, которое идет параллельно с основной программой, заключить контракт на 3 года с Министерством обороны. При этом во время обучения они остаются обычными студентами и не получают статус военнослужащих, в отличие от курсантов военных вузов. Таким образом, эта социальная группа занимает промежуточное положение между курсантами военных вузов и студентами, проходящими обучение на военных кафедрах [3-4].

Предварительные исследования показали, что эта новая социальная группа обладает своей выраженной спецификой, в том числе с точки зрения ценностно-мотивационного профиля и жизненных стратегий. При этом некоторые первичные данные заставляют предположить, что положение этой группы носит не столько промежуточный, сколько маргинальный характер, а доля тех, кто оказался разочарован своим выбором может быть выше, чем среди курсантов военных вузов и обычных студентов [5]. Чтобы лучше понять и оценить особенности этой социальной группы, мы провели комплексное социологическое исследование отношения студентов курсантов гражданских вузов к военному образованию и военной карьере, результаты которого частично представлены ниже.

Метод

Изучение отношения студентов гражданских вузов к военному образованию проводилось методом анкетного социологического опроса среди различных категорий студентов Дальнего Востока: обучающихся исключительно по гражданским специальностям, обучающихся на военной кафедре или являющихся курсантами УВЦ. Формирование выборки было основано на доступности целевых социальных групп и осуществлялось среди представителей трех вузов: Дальневосточного федерального университета (ДФУ), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС), Комсомольский-на-Амуре государственного университета (КнАГУ). Для опроса был осуществлен случайный отбор учебных групп, ограниченный объективными организационными возможностями проведения исследования. Внутри каждой отобранной группы исследование проводилось методом сплошного отбора.

Цель исследования заключалась в выявлении отношения к военному образованию и карьере среди всех студентов гражданских вузов, в том числе среди тех, кто еще не принял решение о поступлении в УВЦ или вовсе не собирается получать его. Общий размер выборки составил N=600 чел., из которых 63,7% – это студенты гражданских специальностей, 24,7% – курсанты УВЦ, 11,5% – студенты военных кафедр. Средний возраст опрошенных составил 19,0 лет (ст. откл. 1,59), гендерный состав выборки: 58,5% – юноши, 40,8% – девушки.

Сбор данных проходил зимой 2019 г. Результаты были подвергнуты стандартным процедурам кодирования и статистически обработаны в программном пакете IBM SPSS 21.

Результаты и обсуждение

Учитывая, что обучение в УВЦ является добровольным и отражает осознанный выбор в пользу военной карьеры, следует ожидать, что установки в отношении военной сферы среди представителей этой социальной группы будут выше, чем среди остальных студентов гражданских вузов, в том числе обучающихся на военной кафедре. Ряд индикаторов позволяет проверить эту гипотезу.

Оценивая по 10-бальной шкале воспринимаемую близость военной сферы в целом, респонденты оценили ее на 4,29 балла (ст. откл. 2,7), то есть, не очень высоко. При этом предсказуемо наименьшую близость военной сферы отметили студенты, не проходящие военную подготовку ни в какой форме – 3,43 балла (ст. откл. 2,4), причем медианное значение оказалось еще ниже – 2,74. Что касается студентов, проходящих военную подготовку, то полученные результаты оказались неожиданными: студенты военных кафедр продемонстрировали заметно более позитивные установки в отношении военной сферы (6,67 балла, ст. откл. 2,3), чем курсанты УВЦ (5,43, ст. откл. 2,6). При этом различие медианных значений оказалось еще более существенным и составило 7,19 и 5,46 балла, соответственно. Проведенный t-тест для двух групп студентов, проходящих военную подготовку, подтвердил, что это различие носит статистически значимый характер: t-критерий равен -3,4 (ст. св. = 211) при значимости 0,001.

Чтобы определить, насколько устойчивыми и показательными являются эти результаты, мы оценили не только установки, но и конкретные жизненные планы респондентов в отношении военной карьеры. В таблице 1 представлено распределение ответов на вопрос о том, планирует ли респондент поступать на военную службу.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили свои планы относительно военной карьеры?», % от общего числа респондентов

Вариант ответа	Всего	Курсанты УВЦ	Студенты военных кафедр	Обычные студенты
Связываю свою жизнь со службой в Вооруженных силах	8,7	6,1	50,7	2,1
Планирую какое-то время посвятить военной службе	6,0	17,6	10,1	0,8
Не планирую идти на военную службу	71,7	45,3	33,3	89,0
Еще не решил	12,7	27,0	5,8	8,1
Всего	99,1	96,0	99,9	100,0

Полученные результаты находятся в соответствии с ответами на предыдущий вопрос и позволяют конкретизировать отношение обучающихся к военной службе. Как можно заключить, положительные установки в отношении военной службы очень отчетливо выражены у студентов военных кафедр, тогда как среди курсантов УВЦ преобладают негативные или отсутствующие установки. И если негативные установки со стороны обычных студентов большого удивления не вызывают, то такие результаты среди курсантов УВЦ следует признать несколько неожиданными.

На наш взгляд, полученные результаты могут быть связаны с определенным разочарованием обучением в УВЦ. Это разочарование может объясняться неудачной адаптацией к условиям обучения в центрах, проблемами организации обучения, несовпадением содержания обучения и сопутствующих практик исходным ожиданиям, утратой понимания ясных жизненных перспектив, связанных с военной сферой.

Студенты военных кафедр, напротив, демонстрируют высокий интерес к военной службе, несмотря на то, что выбрали гражданский вуз. Это может означать, что такие студенты ориентированы, в первую очередь, на профессиональное развитие и стремятся сохранить для себя разнообразие карьерных альтернатив, рассматривая военную службу как привлекательный вариант, который, тем не менее, не является единственным и не нарушает свободу выбора личных жизненных стратегий.

Это подтверждается и тем, что планы дальнейшего поступления в военный вуз имеются только у 3% таких студентов, тогда как подавляющее большинство (88,4%) четко указали на их отсутствие. Среди курсантов УВЦ число желающих поступить в военный вуз значительно выше и составляет 20,3%, а число неопределившихся – 24,3%. Такие цифры могут свидетельствовать о том, что обучение в УВЦ многими рассматривалось как замена недоступному для них полноценному военному образованию, но также и о том, что многие курсанты находятся в процессе пересмотра своих жизненных стратегий. Это подтверждается и ответами на прямой вопрос о том, не жалеют ли они о своем выборе.

Подавляющее большинство студентов военных кафедр (94,2%) не жалеют о своем выборе и демонстрируют устойчивость и согласованность внутренних установок. Однако из числа курсантов УВЦ полностью или частично удовлетворены своим выбором только 56,8% респондентов. Сожалеют о своем выборе 11,5%, затруднились с ответом 10,8%, остальные не стали отвечать на этот вопрос, что, на наш взгляд, также является показательным. Хотя такие результаты противоречат теоретическим ожиданиям, они подтверждают более ранние исследования о том, что курсанты УВЦ более часто чем студенты военных кафедр оказываются разочарованы своим выбором [5]. Это позволяет заключить, что данная проблема носит системный характер и в значительной мере отражает недостаточную эффективность нового образовательного института.

Несовпадение между ожиданиями и фактическим опытом прохождения обучения в УВЦ может свидетельствовать не только о проблемах, связанных с образовательным процессом, но и об особенностях мотивации студентов. Наличие таких существенных расхождений в установках и жизненных стратегиях курсантов УВЦ и студентов военных кафедр заставляет предположить, что мотивы выбора военной службы для них существенно различаются. Более конкретно, можно предположить, что для студентов военных кафедр доминирующими являются именно профессиональные и достижительные мотивы, тогда как военная сфера рассматривается лишь как возможная сфера приложения своих талантов. Сравнение двух групп по базовым мотивам выбора военной службы, в целом, подтверждает эту догадку (рис. 1).

Как можно видеть, мотивационная структура студентов военных кафедр практически целиком описывается тремя мотивами: «интересное и престижное дело», «желание стать офицером» и «материальное благополучие». Это мотивы, которые можно назвать достижительными: студенты рассматривают выбор военной профессии как способ удовлетворения своих карьерных и социальных амбиций [6-8].

Для курсантов УВЦ как особой социальной группы, характерен гораздо менее выраженный и более разнородный мотивационный профиль, в котором, однако, первое место занимают материальные мотивы. При этом обе социальные группы заметно отличаются от курсантов военных вузов, которые, по данным Социологического центра Министерства обороны за 2014 год, ориентированы именно на военно-профессиональные мотивы, непосредственно связанные с военной службой (желание стать офицером и причастность к защите Отечества), тогда как, например, материальные мотивы выражены очень слабо [9].

При интерпретации полученных данных следует, однако, иметь в виду сравнительно небольшой размер подвыборки студентов военных кафедр и региональную специфику, которая может влиять, в частности, на более выраженные материальные мотивы.

Формулировка данного вопроса полностью повторяла измерительный инструментарий Социологического центра МО РФ и позволила сравнить полученные данные с результатами ведомственных социологических исследований. Однако для повышения надежности сделанных выводов и уточнения результатов целесообразно использовать и другие наборы индикаторов, поскольку, например, показатель «интересное и престижное дело», фактически, комбинирует в себе два возможных мотива, связанных с содержанием службы и ее социальным статусом.

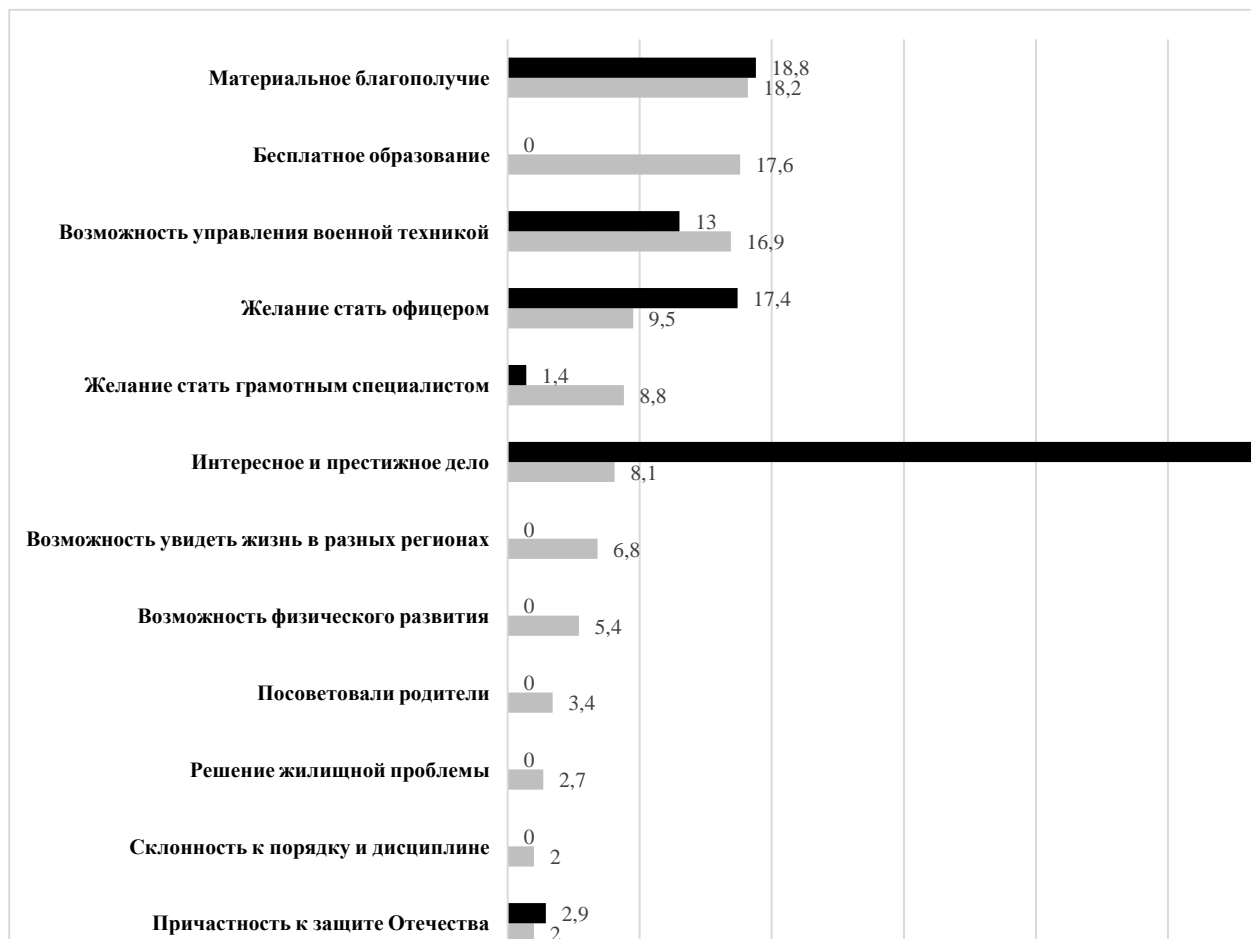

Рис. 1. Приоритетные мотивы выбора военной профессии курсантами УВЦ и студентами военных кафедр, % от общего числа респондентов соответствующей группы (допускался выбор 3 вариантов ответа)

В ходе опроса всех трех категорий обучающихся мы выявили их восприятие военной профессии и военной карьеры. В частности, отвечая на вопрос о том, что их может привлечь в военной профессии, в целом по выборке были выявлены следующие приоритеты (выбор до 3 вариантов ответа):

- возможность испытать себя (выбрано 55,8% респондентов);
- возможность получить бесплатное образование (48,3%);
- гордость за причастность к защите Отечества (40,3%);
- высокий уровень пенсионного обеспечения (26,7%);
- стабильность материального положения (21%);
- гарантия получения служебного жилья (17,8%).

Таким образом, в восприятии респондентов военная профессия отчетливо выражены, с одной стороны, морально-личностные и образовательные мотивы, а с другой – материальные. Сравнение иерархии мотивов по разным категориям студентов показало следующие результаты:

Для студентов УВЦ доминирующими мотивами оказались:

- возможность испытать себя (выбрано 46,6% респондентов);
- высокий уровень пенсионного обеспечения (37,8%);
- возможность получить бесплатное образование (33,1%);
- стабильность материального положения (33,1%);
- гарантия получения служебного жилья (25,7%).

Для студентов военных кафедр приоритеты распределились следующим образом:

- возможность испытать себя (выбрано 39,1% респондентов);
- возможность получить бесплатное образование (36,2%);
- гордость за причастность к защите Отечества (34,8%);
- высокий уровень пенсионного обеспечения (33,3%);
- гарантия получения служебного жилья (27,5%).

Обратим внимание на несогласованность ответов студентов военных кафедр в отношении получения бесплатного образования. На наш взгляд, это связано с различиями в формулировках вопроса, а образовательный мотив в первом случае отражен в выборе таких показателей как «желание стать офицером» (которое является сложноинтерпретируемым с мотивационной точки зрения) и «желание стать грамотным специалистом».

Наконец, среди тех, кто не получает и не планирует получать военное образование, военная профессия связывается, прежде всего, с возможностью испытать себя (62,3%), возможностью получить бесплатное образование (56,3%) и гордостью за причастность к защите Отечества (51,8%). Как можно видеть, для этой группы характерна большая романтизация военной профессии, тогда как для тех, кто в той или иной форме ее получает, выбор носит более рациональный и прагматичный характер. Оценивая по 5-бальной шкале личную значимость отдельных преимуществ карьеры офицера, респонденты дали следующие ответы (табл. 2):

Таблица 2

Оценка респондентами личной значимости отдельных преимуществ карьеры офицера, средний балл по 5-бальной шкале

Характеристика	УВЦ	ВК	Обычные студенты	По всей выборке
Материальное благополучие	3,9	3,3	3,3	3,4
Возможность раннего выхода на пенсию	3,8	3,1	3,3	3,4
Социальные гарантии и стабильность своего положения	3,8	3,3	3,2	3,4
Престижность офицерского звания	3,5	3,1	3,1	3,2
Патриотизм, возможность защищать Родину	3,3	3,0	3,1	3,2
Карьерные возможности	3,6	3,0	3,1	3,2
Возможности профессионального роста	3,6	3,4	3,5	3,5
Возможности личностного развития, выработки волевых и лидерских качеств	3,4	3,2	3,1	3,2
Возможность работать с современной военной техникой	3,5	3,5	3,3	3,3
Участие в решении значимых и сложных задач	3,2	3,0	3,3	3,3
Возможности увидеть другие регионы или страны	3,4	3,2	3,0	3,1
Интересность военной службы	3,1	3,1	3,2	3,2
Возможность найти новых друзей	3,1	3,1	2,9	3,0
Возможность быть лидером и управлять военным коллективом	3,2	3,2	3,3	3,3
В среднем по всем характеристикам	3,46	3,18	3,19	3,26

Представленные данные позволяют сделать вывод, что в целом, студенты военных кафедр в своих оценках привлекательности офицерской карьеры не сильно отличаются от остальных студентов гражданских вузов, причем склонны рассматривать ее как интегральный эффект от множества отдельных преимуществ. В отличие от них, курсанты УВЦ демонстрируют заметно более высокие ожидания от военной службы как в целом, так и в особенности в отношении ее способности улучшить материальное положение и обеспечить карьерные возможности. Это можно было бы объяснить худшим социально-экономическим положением курсантов, однако проведенный анализ показал, что по уровню дохода все три обследуемые категории не различаются.

При этом следует отметить, что общий выраженный запрос на материальные и социальные преимущества, предоставляемые военной службой, может отражать достаточно низкий уровень жизни и ограниченность жизненных перспектив на Дальнем Востоке. Почти треть студентов всех групп указала, что среднемесячный уровень дохода на члена семьи не превышает 15 тыс. руб., а доля высокодоходных групп (более 45 т.р. в месяц на члена семьи) составляет 12,2% среди курсантов УВЦ, 10,1% - среди студентов военных кафедр, и 3,9% - среди остальных студентов. Тем самым можно полагать, что выбор военного образования связан в значительной степени именно со стремлением решать материальные проблемы, а наблюдаемые различия между группами следует объяснять различиями в конкретных выбранных жизненных стратегиях и качестве тех институциональных форматов, которые им предоставляет государство.

Заключение

Интерес российских военных институтов к гражданской системе высшего образования обоснован и отвечает современным тенденциям профессионализации и интеллектуализации военной сферы. Однако выбор наиболее удачных и подходящих институциональных форм ответа на эту потребность остается предметом научно-практических дискуссий.

Создание нового формата получения высшего военного образования в виде УВЦ пока, насколько можно судить, сталкивается с определенными проблемами. С социологической точки зрения, существуют основания полагать, что курсанты УВЦ являются самостоятельной социальной группой, имеющей важные отличия как от курсантов военных вузов, так и студентов военных кафедр, с точки зрения мотивации, ожиданий и жизненных стратегий. Изучение дальневосточных студентов показывает, что, вопреки ожиданиям, студенты военных кафедр демонстрируют более выраженные установки в отношении военной службы, чем курсанты УВЦ, а последние характеризуются признаками недостаточной социальной адаптации, менее отчетливым пониманием своих перспектив и рассогласованием ожиданий и фактической практики обучения. При этом для жителей Дальнего Востока, по-видимому, военная служба в целом воспринимается, прежде всего, как способ решения материальных проблем и карьерного продвижения, отражая сравнительно неблагоприятные социально-экономические условия. В ходе дальнейших исследований рекомендуется уделить особое внимание содержанию и условиям обучения в УВЦ, а также способности нового формата военного образования предоставить студентам реальные возможности профессионального развития и жизненные перспективы.

Литература

1. Самохвалов Ю.П. Управление реализацией социальных функций военного образования в учебных военных центрах гражданских вузов // Вопросы управления. 2014. № 5 (30). С. 67 – 74.
2. Семак В.В. Учебный военный центр в системе университетского образования // Приоритетные направления развития науки и образования. 2016. № 2 (9). С. 94 – 96.
3. Абрамов А.Н., Ротков Л.Ю., Симонов А.В., Трёмбовецкий В.В. Инновационная модель подготовки офицеров в гражданском вузе // Высшее образование в России. 2016. № 7. С. 17-24
4. Марков К.В. Личностные особенности курсантов учебного военного центра при высшем учебном заведении // Педагогическое образование в России. 2014. № 7. С. 21 – 25.
5. Суханов П.В., Карлова Е.Н., Морозова Н.В. Проблема воинской идентичности студентов учебных военных центров // Армия и общество. 2012. № 4. С.42 – 47.
6. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Российские военнослужащие в условиях институциональных реформ: профессиональные установки и идентичность // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10. № 2. С. 72 – 89.
7. Калугина Д.А., Самохвалов Ю.П. Социальное самочувствие обучающихся как индикатор оценки функционирования учебных военных центров в структуре гражданских вузов // Вопросы управления. 2015. № 1 (32). С. 149 – 155.
8. Туркот Ю.В. Образовательная среда как фактор формирования военно-профессиональной компетенции выпускника УВЦ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 124 – 128.
9. Статья офицером – главный приоритет современного курсанта [Электронный ресурс] / Социологический центр МО РФ. – Режим доступа: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=11933494@cmsArticle (дата доступа: 20 мая 2019).

Sokol Larisa Nikolaevna, postgraduate, head of the educational and methodical study of the military training center, Komsomolsk-on-Amur State University (27, Lenina pr., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russian Federation). E-mail: larisa.sokol.1969@mail.ru

MTC CADETS' AND MILITARY DEPARTMENTS' UNDERGRADUATES' ATTITUDES TOWARD HIGHER MILITARY EDUCATION AND MILITARY CAREER

Abstract

Contemporary armed force increasingly demands professionalization, resulting in the search for new forms of higher military education, including cooperation with civil universities. Within the ongoing reform of the Russia's military higher education system, a new type of educational institutions, military training centers (MTCs) has been introduced. In the new education system, MTCs are in-between military academies and traditional military departments in civil universities. The article reports the findings of a sociological study conducted to reveal motivation, life strategies and attitudes toward military education and career among the MTC cadets, military departments' students and undergraduates of the Russian Far East universities (N=600). Contrary to expectations, students of the military departments were found to have significantly more pro-military attitudes, whereas MTC cadets are characterized by the lack of social adaptation, vaguer life prospects, and some inconsistency between experience and expectations. At the same time, for the whole sample material benefits associated with military career are perceived as strong and important, probably reflecting unfavorable socioeconomic situation in the region.

Keywords: training military center, military department, higher military education, installations, military service, motivation, training experience, professionalism, civilian universities.

References

1. Samohvalov YU.P. Upravlenie realizaciej social'nyh funkcij voennogo obrazovaniya v uchebnyh voennyh centrakh grazhdanskih vuzov // Voprosy upravleniya. 2014. № 5 (30). P. 67 – 74.
2. Semak V.V. Uchebnyj voennyj centr v sisteme universitetskogo obrazovaniya // Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya. 2016. № 2 (9). P. 94 – 96.
3. Abramov A.N., Rotkov L.YU., Simonov A.V., Tremboveckij V.V. Innovacionnaya model' podgotovki oficerov v grazhdanskom vuze // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2016. № 7. P. 17-24
4. Markov K.V. Lichnostnye osobennosti kursantov uchebnogo voennogo centra pri vysshem uchebnom zavedenii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 7. P. 21 – 25.
5. Suhanov P.V., Karlova E.N., Morozova N.V. Problema voinskoj identichnosti studentov uchebnyh voennyh centrov // Armiya i obshchestvo. 2012. № 4. P.42 – 47.
6. Klimenko L.V., Posuhova O.YU. Rossijskie voennosluzhashchie v usloviyah institucional'nyh reform: professional'nye ustanovki i identichnost' // Journal of Institutional Studies. 2018. T. 10. № 2. P. 72 – 89.
7. Kalugina D.A., Samohvalov YU.P. Social'noe samochuvstvie obuchayushchihhsya kak indikator ocenki funkcionirovaniya uchebnyh voennyh centrov v strukture grazhdanskih vuzov // Voprosy upravleniya. 2015. № 1 (32). P. 149 – 155.
8. Turkot YU.V. Obrazovatel'naya sreda kak faktor formirovaniya voenno-professional'noj kompetencii vypusknika UVC // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2017. № 12. P. 124 – 128.
9. Stat' oficerom – glavnyj prioritet sovremennogo kursanta [Elektronnyj resurs] / Sociologicheskij centr MO RF. – Rezhim dostupa:
http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=11933494@cmsArticle (data dostupa: 20 maya 2019).

УДК 331.108

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-284-289

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Солодянкина Юлия Витальевна аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85). E-mail: suv@kmaruda.ru

Аннотация

В статье систематизированы основные институциональные, кадровые, организационные и финансовые проблемы развития человеческого капитала, типичные для региональной экономики Белгородской области в 2010 – 2018 г.г. Рассмотрены основные тенденции трансформации региональной системы образования в разрезе основных уровней образования. При этом особое внимание уделено проблемам развития системы регионального дошкольного образования, в рамках которой формируется базис человеческого капитала. Выделены особенности функционирования системы среднего специального образования рабочих, как одной из наиболее стратегически проблемных сфер образовательного комплекса региона. Рассмотрены основные тенденции воспроизводства человеческого капитала в рамках систем регионального здравоохранения и культуры Белгородской области.

Ключевые слова: региональный человеческий капитал, образование, здравоохранение, воспроизводство человеческого капитала, региональное финансирование социальных программ, образовательный комплекс региона, региональная экономика, демографический фактор, региональная социально-экономическая система.

Региональная экономика Белгородской области – одного из достаточно проблемных субъектов ЦФО - имеет существенную воспроизводственную и финансовую специфику, которая в конечном итоге отражается и на тенденциях развития регионального человеческого капитала.

Следует отметить, что формирование индивидуального человеческого капитала, на основании интеграции которого создается впоследствии человеческий капитал экономики региона, начинается на уровне дошкольного образования. В этой связи существенное значение имеет исследование динамики количества дошкольных образовательных учреждений в региональной экономике Белгородской области и некоторых параметров качества образования в данной сфере.

Следует отметить, что в период перехода к рыночным отношениям система дошкольного образования в Белгородской области была в значительной степени разрушена; значительная часть объектов данной сферы подверглась перепрофилированию. Так, с 1990 г. по 2010 г. количество детских дошкольных образовательных учреждений в региональной экономике Белгородской области

сократилось с 813 до 514 или на 36,8% [4, с. 59]. В некоторой степени такого рода сокращение было обусловлено влиянием объективного демографического фактора – резкого спада рождаемости населения области в 1990 гг.

Вместе с тем, с начала 2000 г.г. в Белгородской области начался период постепенного восстановления системы детского дошкольного образования, который осуществлялся двумя способами: посредством строительства новых детских садов и путем возвращения в сферу детского дошкольного образования ранее не вполне правомерно перепрофилированных зданий.

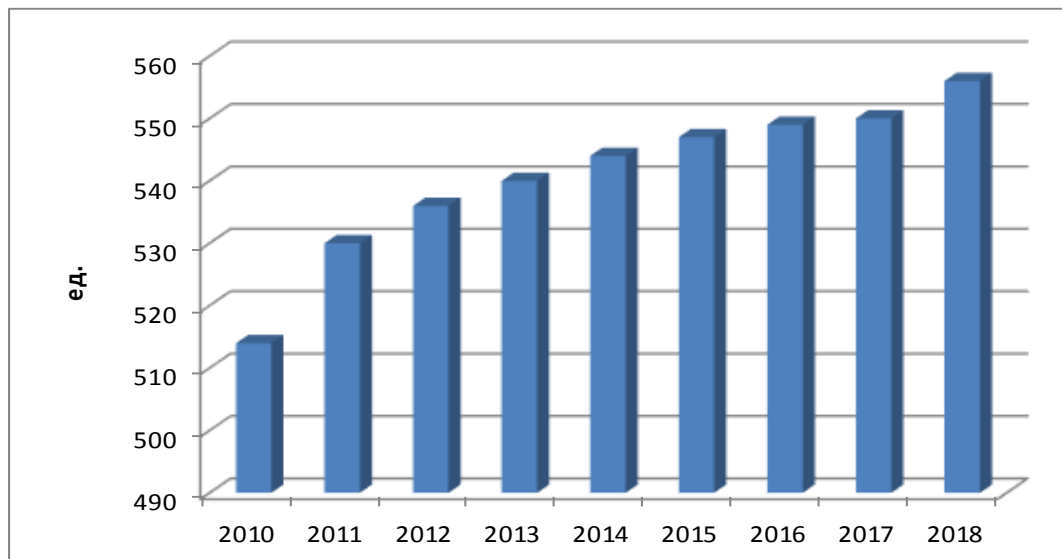

Рис. 1. Динамика учреждений дошкольного образования в региональной экономике Белгородской области [1, с. 126]

Как показано на рис. 1, в 2010 – 2018 г.г. количество учреждений детского дошкольного образования в региональной социально-экономической системе Белгородской области возросло с 514 до 556 или на 8,0%. При этом за тот же период общая численность педагогов данной сферы регионального образования увеличилась на 9,4%.

Превышение темпов прироста численности педагогов дошкольных образовательных учреждений региона над темпами прироста их численности свидетельствует об увеличении уровня укомплектованности детских садов Белгородской области педагогическим составом. При этом ускоренными темпами увеличивалось в 2010 – 2018 г.г. количество педагогов дошкольного образования как музыкальные руководители, учителя-логопеды и педагоги психологи, что свидетельствует о возможностях роста качества дошкольного образования.

В целом, рассмотренные выше тенденции позитивно влияют на воспроизводство регионального человеческого капитала Белгородской области в следующих направлениях:

- увеличение обеспеченности дошкольных образовательных учреждений Белгородской области педагогов различного профиля предоставляет дополнительные возможности развития индивидуального человеческого капитала детей – стратегической основы совершенствования регионального человеческого капитала в перспективе;

- высокий уровень обеспеченности детскими садами способствует ускорению интеграции родителей, в первую очередь матерей, находящихся в декретных отпусках, в трудовую деятельность на территории Белгородской области, воздействует на уменьшение среднего периода перерыва в трудовой деятельности молодых специалистов, негативно влияющего на воспроизводство регионального человеческого капитала в целом;

- к 2018 г. в региональной экономике Белгородской области практически ликвидирован такой негативный социально-экономический институт, как институт очереди в детские сады, который оказывал негативное влияние как на социальное благополучие населения, так и, в конечном итоге, на уровень региональной производительности труда.

Не вполне позитивные тенденции имеют место и в сфере среднего профессионального образования региона, ориентированного на подготовку высококвалифицированных рабочих, как правило без отрыва от производства. Сравнительная динамика численности обучающихся в организациях среднего профессионального образования Белгородской области представлена на рис. 2.

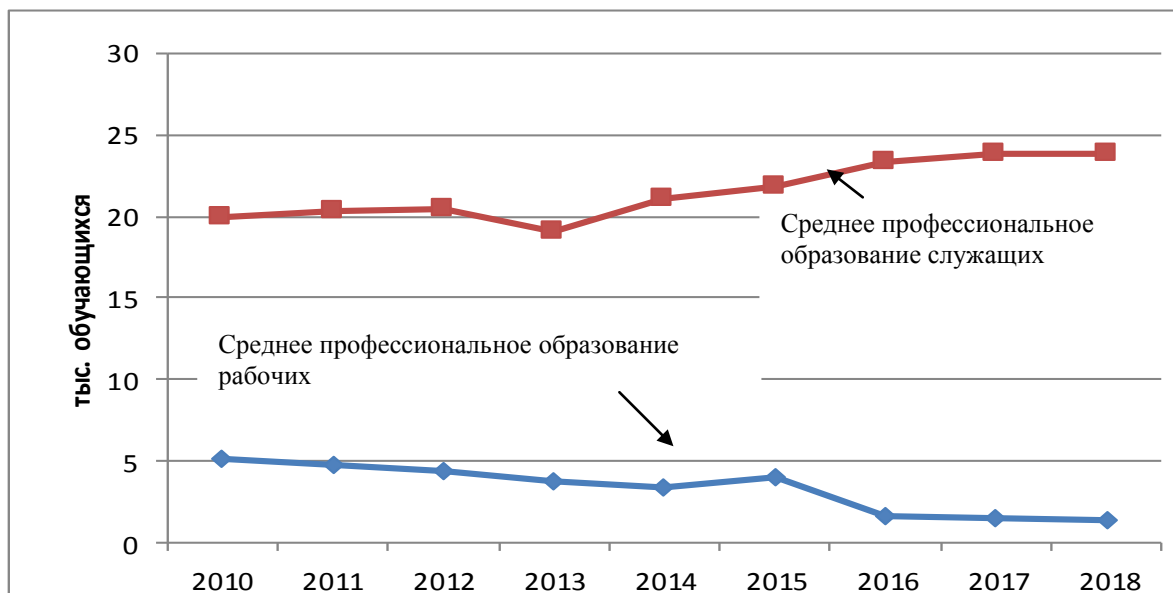

Рис. 2. Динамика численности обучающихся в образовательных организациях среднего профессионального образования Белгородской области [4, с. 57]

Следует отметить, что в советский период система начального профессионального образования обеспечивала эффективный процесс первичной профессиональной социализации работников промышленных предприятий.

Так, достаточно распространенной являлась следующая модель продвижения по карьерной лестнице: получение начального профессионального образования непосредственно в учреждении при предприятии, дальнейшее получение среднего специального образования и высшего специального образования, как правило, на заочной основе. Подобная модель обеспечивала, по нашему мнению, существенно более эффективное воспроизводство человеческого капитала инженерно-технических кадров, чем доминантная в настоящее время модель, при которой на должность инженера на предприятие приходит выпускник, который либо вовсе не имеет производственного опыта, либо имеет таковой в достаточной поверхностной форме, в рамках навыков и компетенций полученных в процессе прохождения производственной практики.

До рыночных преобразований организации начального профессионального образования существовали при большинстве крупных промышленных организаций региональной экономики Белгородской области. По данным на 1990 г. в них обучалось 14,1 тыс. слушателей [2, с.562]. Как показано на рис.2, в 2010 г. численность обучающихся в образовательных учреждениях данного уровня (с 2012 г. НПО переименовано в среднее профессиональное образование рабочих) составила 5,1 тыс. чел., к 2018 г. данный показатель сократился до 1,5 тыс. чел. или в 3,4 раза к уровню 2010 г.

Стратегическую основу долгосрочной инновационной модернизации региональной экономики составляет человеческий капитал лиц с высшим образованием. С 2010 – 2018 г.г. количество организаций системы ВО Белгородской области сократилось с 7 до 5 или на 28,6% [6, с.325]. Данная тенденция была связана с общими для образовательного пространства Российской Федерации процессами централизации образовательных учреждений, с одной стороны, и ликвидации неэффективных вузов и их филиалов, - с другой.

На воспроизводство регионального человеческого капитала непосредственное влияние оказывает качество системы здравоохранения. В этой связи следует отметить, что средний уровень заболеваемости населения Белгородской области в 2010 – 2018 гг. изменялся крайне неустойчиво. Так, для периода 2012 – 2014 гг. было характерно устойчивое сокращение уровня заболеваемости, которая в 2015 – 2017 гг. сменилась ростом данного показателя (с 707 до 752 случаев заболеваний на 1000 человек постоянного населения региона, или на 6,3%) [1, с.139]. Последняя из рассмотренных тенденций, по нашему мнению, была обусловлена как определенным негативным влиянием на здоровье населения области последствий финансово-экономического кризиса 2014 – 2015 гг., так и сокращением объемов амбулаторной и стационарной медицинской помощи, оказываемой населению региона. При этом в целом за период 2010 – 2018 гг. уровень заболеваемости населения региона сократился лишь на 0,7%, что находится в пределах статистической погрешности.

При этом, несмотря на сохранение в 2010 – 2018 гг. достаточно высокого уровня заболеваемости населения Белгородской области, имеет место устойчивая тенденция уровня обеспеченности

населения больничными койками. Так, за 2010 – 2018 г.г. данный показатель в среднем по исследуемому региону сократился на 15,8% [1, с.142].

Неотъемлемым элементом регионального человеческого капитала, наряду с уровнем образования и состоянием здоровья населения региона, выступает его культурный уровень. Одним из наиболее общих показателей в данной области является обеспеченность региона культурно-досуговыми учреждениями (рис. 3).

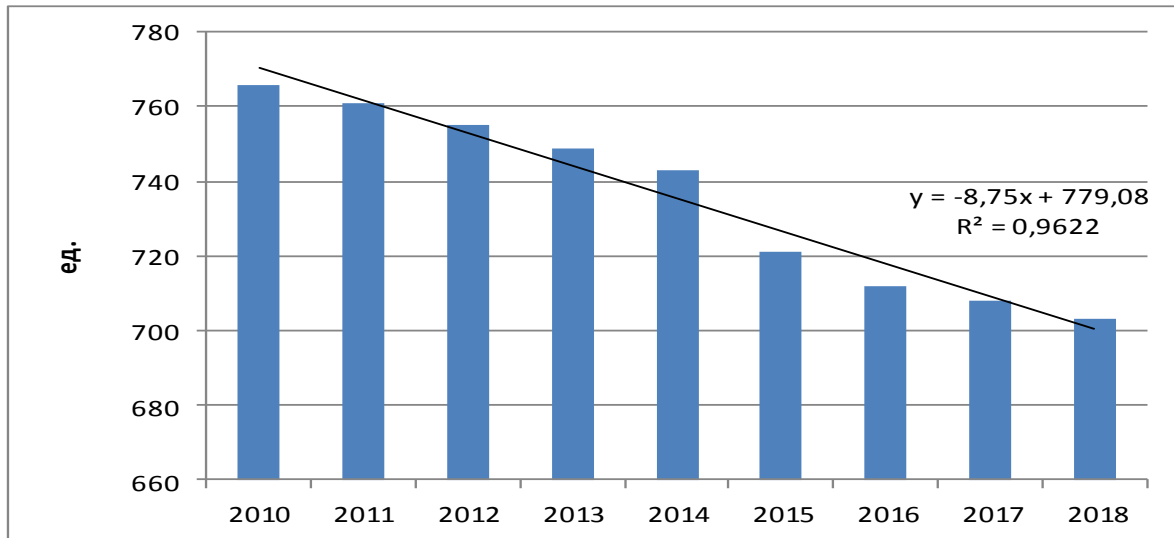

Рис. 3. Динамика количества организаций культурно-досугового типа в Белгородской области [6, с. 347]

Как показано на рис. 3, обеспеченность населения Белгородской области культурно-досуговыми организациями сократилась в 2010 – 2018 гг. на 58 единиц или 7,9% (в 1990 г. данный показатель в исследуемом регионе составлял 966 единиц, что на 26,1% выше уровня 2018 г.). При этом тенденция сокращения численности культурно-досуговых учреждений в Белгородской области аппроксимируется статистически устойчивой линейной убывающей функцией, в соответствии с которой количество такого рода учреждений сокращается в среднем на 8,75 ед. ежегодно. При этом за период 2010 – 2018 гг. наиболее быстрыми темпами сократилась численность публичных библиотек в Белгородской области (на 11,4%) – одного из базовых элементов региональной инфраструктуры воспроизводства человеческого капитала в части совершенствования образовательного уровня населения.

В целом, можно выделить следующие наиболее существенные проблемы воспроизводства регионального человеческого капитала в социально-экономической системе Белгородской области на современном этапе (табл. 1).

Таблица 1

Основные современные проблемы воспроизводства регионального человеческого капитала Белгородской области (систематизировано автором)

Группы проблем воспроизводства человеческого капитала региона	Основные проблемы
1. Институциональные	- отсутствие единой комплексной стратегии развития человеческого капитала Белгородской области; - неразвитость неформальных институтов совершенствования воспроизводства регионального человеческого капитала (например, программ развития в данной сфере ведущих промышленных предприятий региона); - низкая интенсивность развития института государственно-частного регионального партнерства в социальной сфере.
2. Кадровые	- традиционный отток наиболее квалифицированных кадров, в первую очередь молодежи с высшим образованием, из экономики области в столичную агломерацию и зарубежные корпорации и научные центры; - недостаточная укомплектованность сферы социальной поддержки населения Белгородской области квалифицированными кадрами [3, с.11].

3. Организационные	- низкая эффективность организации региональной системы среднего специального образования, в первую очередь в части подготовки квалифицированных рабочих в соответствии с долгосрочной потребностью экономики региона в кадрах; - недостаточно результативная организация взаимодействия волонтерских организаций региона и профильных органов государственной власти.
4. Финансовые	- инертное сокращение финансирования регионального здравоохранения в 2010 – 2018 г.г. (в реальном исчислении) [7, с.13]; - сохранение остаточного принципа финансирования воспроизводства материально-технической базы организаций сферы культуры области; - отсутствие преференций в форме региональных налоговых льгот для предприятий, активно реализующих программы развития человеческого капитала своих сотрудников.
5. В области государственного и муниципального контроля	- неразвитость системы количественных оценочных критериев эффективности воспроизводства человеческого капитала региона; - крайне низкая фактическая результативность контроля за деятельностью организаций сферы коммерческого здравоохранения области.

В целом, в настоящее время наиболее актуальными являются такие основные проблемы воспроизводства регионального человеческого капитала Белгородской области, как фактическая деградация системы среднего профессионального образования рабочих региона, наличие комплекса взаимосвязанных проблем в сфере регионального высшего образования, несоответствие тенденций сохранения достаточно высокого уровня средней заболеваемости населения и устойчивого сокращения обеспеченности больничными местами по наиболее актуальным группам заболеваний, существенное недофинансирование программ регионального культурного развития.

Литература

1. Белгородская область – 2018: статистический ежегодник. – Белгород: Из-во Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, 2019. 484 с.
2. Ковалева Е. И., Милюкин А.Н. Особенности процесса регулирования занятости и безработицы в Белгородской области // Молодой ученый. 2015. №23. С. 562 – 564.
3. Мазалова Ю.А. Особенности развития рынка труда в Белгородской области // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2018. № 3. С.11 – 14.
4. Образование в Белгородской области: статистический сборник. Белгород: Из-во Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, 2017. 420 с.
5. Российский статистический ежегодник. М.: Из-во Федеральной службы государственной статистики, 2019. 848 с.
6. Труд и занятость в Российской Федерации: статистический ежегодник. М.: Изд-во Федеральной службы государственной статистики, 2018. 588 с.
7. Якимов А.В. Проблемы организации системы здравоохранения и социальной защиты в регионах ЦФО // Вопросы экономики и права. 2019. №4. С. 11 – 14.

Solodyankina Yulia Vitalyevna, postgraduate student, Belgorodsky State National Research University (85, Victory Str., Belgorod, 308015, Russian Federation). E-mail: suv@kmaruda.ru

TRENDS AND PROBLEMS OF REGIONAL HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN BELGOROD REGION

Abstract

In the article the main institutional, human, organizational and financial problems of development of human capital, typical of the regional economy of the Belgorod region in 2010 and 2018 is Considered the main trends of transformation of the regional education system in terms of the main levels of education. At the same time, special attention is paid to the problems of development of the system of regional preschool education, in which the basis of human capital is formed. The features of functioning of the system of secondary special education of workers as one of the most strategically problematic areas of the educational complex of the region are highlighted. The main trends

in the reproduction of human capital in the framework of regional health systems and culture of the Belgorod region are considered.

Keywords: *regional human capital, education, health care, reproduction of human capital, regional financing of social programmes, educational complex of the region, regional economy, demographic factor, regional socio-economic system.*

References

1. Belgorodskaya oblast' – 2018: statisticheskij ezhegodnik. – Belgorod: Iz-vo Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Belgorodskoj oblasti, 2019. 484 s.
2. Kovaleva E. I., Milyukin A. N. Osobennosti processa regulirovaniya zanyatosti i bezraboticy v Bel-gorodskoj oblasti // Molodoj uchenyj. 2015. №23. S. 562 – 564.
3. Mazalova YU.A. Osobennosti razvitiya rynka truda v Belgorodskoj oblasti // Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij. 2018. № 3. S.11 – 14.
4. Obrazovanie v Belgorodskoj oblasti: statisticheskij sbornik. Belgorod: Iz-vo Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Belgorodskoj oblasti, 2017. 420 s.
5. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. M.: Iz-vo Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki, 2019. 848 s.
6. Trud i zanyatost' v Rossijskoj Federacii: statisticheskij ezhegodnik. M.: Izd-vo Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki, 2018. 588 s.
7. YAkimov A.V. Problemy organizacii sistemy zdavoohraneniya i social'noj zashchity v regionah CFO // Vo-prosy ekonomiki i prava. 2019. №4. S. 11 – 14.

УДК 330

DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-289-295

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА

Фирсов Евгений Игоревич магистр экономики, аспирант кафедры экономической теории, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42). E-mail: firsoffzhenia@yandex.ru

Аннотация

В статье обосновываются публичные закупки как важнейшая функция государства по удовлетворению потребностей субъектов общественного сектора, обеспечивающая непрерывность производства общественных благ. Показано, что кроме этой функции закупки способствуют реализации и других целей государства, например, с 2014 г. в России они целеориентированы на импортозамещение, реализацию новой промышленной политики, а в настоящее время выполнение 13 новых национальных проектов. Проведен сравнительный анализ теоретических оснований публичного прокьюремента и ряда эмпирических исследований разных авторов и организаций, доказывающих существование конфликта между установленными институционально-правовыми основаниями госзакупок и адекватным их соблюдением заказчиками и участниками торгов. Это позволило сделать вывод о необходимости систематического повышения квалификации специалистов по госзакупкам как вследствие непрерывных изменений законодательства, так и недостаточной квалификации (знаний) закупщиков.

Ключевые слова: *общественные блага, общественный сектор, публичные закупки, институционально-правовые основы, прокьюремента, теоретические основания, экономическая политика, система закупок, конкуренция.*

Введение

Институционально-правовая структура, как формальная составляющая институциональной структуры национальной экономики, включает формальные законы, правила и экономическую политику как механизм их реализации. Законодательство о публичных закупках оконтуривает всю совокупность отношений субъектов рынка закупок, все этапы процесса закупки, способы закупок. Международными институтами выработаны базовые принципы, на которых формируется институционально-правовая база эффективной системы публичного прокьюремента: открытость и прозрачность, добросовестная конкуренция, беспристрастность и целостность. Согласно исследованиям Американской ассоциации адвокатов, система публичных закупок должна иметь совершенную правовую структуру и включать положение о закупках [8]. В теории государственных расходов и закупочной практике государства законы и правила т.е. институты, прежде всего формальные, рассматриваются как незыблемое основание надежности закупочной системы. В законодательстве о закупках механизм обеспечения эффективности закупочных процедур корректируется в зависимости от типа государства и той институциональной среды, в которой система закупок функционирует. Поэтому в странах с низким уровнем развития демократии система закупок не может быть прозрачной и открытой [22, с. 12-16].

Конечно, существенную роль в достижении эффективности сформированных институциональных оснований в системе закупок играет механизм их применения, который рассматривается в научной литературе как действие, принятое регулирующими органами для обеспечения соответствия системы императивам формальных законов [25, с. 302-308]. Безусловно, применения мер принуждения к исполнению законов, а также ужесточение санкций за их неисполнение приводит к повышению уровня соблюдения законодательных норм. В силу этого, на наш взгляд, склонность чиновников к коррупционному поведению в системе публичных закупок в развивающихся странах связана с неразвитостью институционально-правовой структуры экономики, прежде всего, неэффективностью механизмов подачи жалоб пострадавших вследствие неисполнения формальных норм и их рассмотрения в рамках соответствующих институтов.

При этом, как правило, формально участники публичных торгов наделены правами по проверке соответствия проведения закупочных процедур установленным институционально-правовым нормам. Однако зачастую государственные и муниципальные заказчики склонны реализовывать неэффективные механизмы реализации институционально-правовых норм, если их нарушения им выгодны вследствие первоочередности реализации чиновниками своих личных материальных интересов по сравнению с интересами качественного удовлетворения потребностей субъектов общественного сектора в странах, где правовая система еще недостаточно неэффективна, вследствие установления несоизмеримых штрафов за нарушения правовых норм, либо когда раскрытие данных нарушений несовершенно или неэффективно. Так, Ганнингем Н. и Каган Р. утверждают, что угроза правовой санкции имеет важное значение для регулирования закупочной системы, а принудительные действия государства по выполнению институционально-правовых норм оказывают кумулятивное влияние на склонность регулируемых организаций к их исполнению, что способствует осознанию физическими и юридическими лицами неотвратимости наказания за выявленные нарушения и склоняет их к корректировать свои действия в соответствии с установленными формальными нормами [15, с. 213].

Как известно, в отличие от субъектов общественного сектора, производящих общественные блага, деятельность частных фирм целеориентирована на максимизацию прибыли, что обеспечивает им победу в конкурентной борьбе за счет растущей производительности и повышения качества производимых товаров и услуг или выведения на рынок их новых видов. При этом повышение количественно-качественных параметров удовлетворения потребностей населения в общественных благах с учетом оптимизации объемов используемых для их производства государственных расходов, т.е. измерение того, насколько успешно субъекты общественного сектора достигают этой цели стал ключевым элементом современной системы управления государственным сектором.

Многие страны, в т.ч. развивающиеся внедрили управление производительностью как средство измерения организационной и индивидуальной эффективности деятельности субъектов общественного сектора, что позволяет обеспечить их ответственность и подотчетность как центральную проблему государственного сектора [16, с. 17-18]. Измерение производительности рассматривается как система предупреждения, диагностики и управления, которая используется для отслеживания экономии, эффективности и результативности функционирования учреждений общественного сектора, прежде всего системы образования и здравоохранения. Измерение организационной производительности осложняется множественностью реализуемых общественных благ и услуг, например, образовательных и научных в университетах, расширением объектов продаж в общественном секторе (платных услуг), необходимостью обеспечить удовлетворенность сотрудников, ростом социальной ответственности и необходимостью постоянной адаптации к непрерывно меняющейся окружающей среде, требующей, например, для университетов радикального изменения образовательного процесса в условиях расширяющейся 4-й промышленной революции.

Однако повышение производительности становится значимым императивом не только процесса производства общественных благ, но и системы удовлетворения потребностей субъектов общественного сектора в товарах, работах, услугах, необходимых для их производства, т.е. системы публичного прокьюремента. К настоящему времени сформированы различные теоретические подходы к характеристике взаимодействий ее субъектов, прежде всего государственных и муниципальных заказчиков и участников публичных торгов.

Теоретические основания публичного прокьюремента

1. *Теория принципала-агента*, разработанная Алчианом А. и Демсецем Х. [7], содержательно характеризует систему отношений субъектов наиболее распространенной в современном мире акционерной собственности – принципалов (акционеров) и агентов (менеджеров, руководителей компании). Согласно этой теории, акционеры, которые являются собственниками компании, нанимают агентов-менеджеров с целью эффективной организации процесса использования их собственности. При этом принципалы делегируют полномочия по ведению бизнеса менеджерам, которые являются агентами акционеров. Эти две стороны агентства сотрудничают в рамках их ассоци-

ации, в которой одна сторона (принципалы) делегирует принятие решения и использование компании как имущественного комплекса другой стороне (агентам), которые действуют от имени принципала. Следовательно, в основе теории агентства лежат важные предположения о конфликте целей, реализуемых принципалами и агентами, о их действии в собственных личных интересах, об информационной асимметрии между самими агентами - руководителями компании и менеджерами, о более высокой склонности агентов к риску, чем принципалов, об эффективности как критерии оценки деятельности агентов (менеджеров). Адаптируя теорию принципала-агента к системе отношений субъектов рынка публичных закупок, следует отметить, что государственные и муниципальные заказчики (директора школ, главные врачи или главные бухгалтеры, руководители контрактных служб, контрактные управляющие) выступают в качестве агентов по отношению к принципалу - государству (правительству). Поэтому склонность к рентоориентированному поведению заказчиков, манипулирование институционально-правовыми нормами и положениями о закупках регулируемых (например, автономных) организаций может быть результатом проблемы принципала-агента [18, с. 71-118]. При этом субъект общественного сектора, потребности которого в товарах, работах, услугах, необходимых для обеспечения непрерывности производства общественных благ, как государственная организация передает ответственность за соблюдение правовых закупочных норм агентам - специалистам по закупкам, контрактным управляющим, а при их отсутствии - главному бухгалтеру.

2. *Теория заинтересованных сторон*, основанная Р. Фрименом, определяет как «любая группа или индивид могут повлиять или зависеть от достижения целей организации» [13]. В отличие от теории агентства, согласно которой агенты-менеджеры реализуют цели принципала-собственника (но одновременно, конечно, и свои собственные материальные интересы) по повышению эффективности использования их собственности, в концепции заинтересованных сторон менеджеры в организации формируют сеть отношений для удовлетворения потребностей организации, включающую поставщиков, сотрудников и бизнес-партнеров. Согласно Р. Фримену, каждый из этих субъектов сетевых отношений реализует отдельные элементы целостной системы принятия управленческих решений [13]. Бизнес и менеджеры (руководители), которые управляют им, создают ценность для клиентов (товары, услуги), поставщиков (своевременные платежи), сотрудников компании (заработная плата, материальное моральное стимулирование). Теория заинтересованных сторон утверждает, что для фирмы существенно важно уделять особое внимание различным группам субъектов, которые участвуют в деятельности фирмы или обеспечивают ее непрерывность (закупки у поставщиков). Эта теоретическая модель отражает взаимодействие заинтересованных сторон типичной крупной корпорации. Владельцы имеют долю собственности корпорации и ожидают получения дивиденда (прибыли), сотрудники обеспечены работой, дающей средства к существованию как важнейшую составляющую трудовой мотивации. Теория заинтересованных сторон применима и для других субъектов, включая институты гражданского общества, органы власти и местного самоуправления, профессиональные ассоциации бизнеса, различные государственные организации, обеспечивающих контроль за эффективностью реализации институциональных норм, правил и положений о закупках.

3. *Модель четырех столпов* - разработана специалистами Всемирного Банка, Комитетом по содействию и развитию, Организацией экономического Сотрудничества и развития, а также рядом отдельных развивающихся стран для оценки качества и эффективности национальных систем публичных закупок [21]. Модель определяет в качестве базовых оснований эффективной национальной системы публичных закупок (четырёх столпов) следующие составляющие:

- институционально-нормативная база - от законов самого высокого национального уровня до ведомственных актов, регламентирующих более подробные операционные процедуры, например, типовые тендерные документы, стандартные условия договора;

- система управления, работающая через госструктуры как часть государственного сектора экономики;

- контрольные механизмы, включая эффективный общественный контроль и качественную систему аудита, механизм обжалования, комплексную систему обмена информацией, содействующие гражданскому обществу и его институтам в проведении социального аудита и эффективном противодействии коррупции.

4. *Институциональная теория*, объясняющая организационную структуру системы публичных закупок и поведение контрактных управляющих. Здесь выделяются социальные и культурные факторы, которые влияют на организацию механизма принятия решений и их восприятие субъектом общественного сектора, потребности которого удовлетворяются в процессе закупок товаров, работ, услуг [23]. Институциональная теория традиционно используется, в т.ч. и российскими исследователями [4, 5] для изучения и прогнозирования развития национальной системы публичных закупок. В рамках институционального подхода выделяются три базовых блока составляющих элементов системы публичных закупок: регулирующие, нормативные и культурно-познавательные

[23]. Регулирующий блок - это использование правил, законов, а также санкции как механизмов принуждения с целью их соблюдения. Нормативный блок агрегирует нормы и ценности с социальным обязательством как основу соблюдения норм. Культурно-познавательный блок является общим основанием системы госзакупок.

5. *Теория легитимности* - основана на концепции организационной легитимности и определяется как состояние, когда система ценностей организации соответствует системе ценностей более широкой социальной группы, частью которой является организация. Когда существует несоответствие, фактическое или потенциальное, между двумя этими системами ценностей, то возникает угроза легитимности организации. Теория легитимности утверждает, что организации постоянно стремятся обеспечить свою деятельность в рамках и нормах их общества. Теория легитимности постулирует, что организация несет ответственность за раскрытие своих действий перед заинтересованными сторонами, особенно для общественности и тем самым оправдывают свое существование в границах общества. Эта теория фокусируется на отношениях и взаимодействиях между организациями и обществом, в т.ч. в процессе осуществления публичных закупок.

6. *Теория общественных ценностей* - сформулирована Муром М.Х. (1995 г.) с целью выявления ограничений и возможностей деятельности менеджеров государственного сектора, определяемых вызовами, создаваемыми общественным долгом. Мур М.Х. утверждает, что теория общественной ценности предусматривает, в частности, в процессе управления публичными закупками, выход за рамки реализации политики и приверженности институциональным нормам [19]. Это включает в себя поиск возможности максимизировать благосостояние населения, поскольку в отличие от частных предпринимательских структур, организации, предоставляющие общественные услуги, непосредственно подотчетны гражданам и их демократическим представителям. Применение теории общественных ценностей позволяет определить степень, в которой правовая база закупочной деятельности государственных учреждений способствует предоставлению более качественных общественных благ и услуг, росту эффективности, подотчетности и повышению уровня удовлетворенности клиентов.

7. *Теория организационной эффективности (ресурсная теория)* - подчеркивает важность ресурсов организации и их влияние на производительность и конкурентное преимущество на рынке. Каждая организация имеет свои уникальные ресурсы, которые позволяют ей оставаться конкурентоспособной на рынке в условиях быстро меняющейся окружающей среды. Эти ресурсы могут быть финансовыми, человеческими, физическими, технологическими и информационными, они должны быть ценными, редкими и не заменяемыми. Критики данной теории указывают на то, что некоторые ресурсы способствуют конкурентоспособности, а другие нет, следовательно, не все ресурсы организации имеют возможность внести свой вклад в конкурентное преимущество. Во-вторых, простое наличие ресурсов не способствует преимуществу для конкурентоспособности, пока такие ресурсы скоординированные и интегрированные. Совершенствование правовой базы публичных закупок целеориентировано на обеспечение государственных учреждений профессионально обученным и опытным персоналом, компетентными лидерами, эффективно выполняющими функции закупок в точном соответствии с положениями законодательства. В некоторых развивающихся странах применяют эту теорию, чтобы оценить степень использования государственными учреждениями профессионально подготовленного и обученного персонала по госзакупкам, уровень его компетентности и степень, в которой сотрудники отдела закупок знакомы с правилами и положениями о закупках.

8. *Теория публичного прокьюремента* как государственной деятельности по закупкам товаров и услуг, необходимых для выполнения функций государства [9]. Публичный прокьюремент определяется как покупка, наем или получение любым договорным путем, товаров, строительных работ и услуг для государственного сектора - правительства, органов власти или субъектов общественного сектора. В развивающихся странах публичные закупки занимают существенную долю ВВП. Например, доля публичных закупок в Уганде составляет 70 % [10, с. 91-10], в Кении - 60 %, в Анголе - 58 %, в Малави и Вьетнаме - 40 % [22] и в России - 56 % [11]. Это существенно превышает глобальный средний показатель в 12-20%. Публичные закупки в Европейском Союзе составляют от 10,5 % ВВП на Кипре и 30,6 % в Нидерландах. Значимость публичных закупок с точки зрения размера относительно мирового ВВП и мировой торговли подчеркивается в отчете ОЭСР за 2007 г., где объем рынка закупок оценивался в более чем 2 000 млрд. долл., что эквивалентно 7% мирового ВВП и 30 % мировой торговли товарами [22]. Согласно концепции публичного прокьюремента в качестве основных этапов закупочного процесса выступают: планирование закупок, размещение контракта и контроль за его исполнением (инфорсмент контракта) [9]. Дж. Хьюз выделил пять основных этапов закупки: оценка потребности субъекта общественного сектора, сервисный дизайн, список поставщиков выбор поставщика и оценка эффективности исполнения поставки [17, с. 17-18].

Следовательно, процесс закупки начинается с выявления и оценки потребности и включает: планирование закупки, определение источника ее финансирования, установление требований к поставщикам, оценка заявок участников торгов и выбор поставщика, заключение контракта, его

выполнение, логистика (хранение поставленных товаров), оплата поставки и, наконец, отчетность. Публичные закупки реализуют широкий спектр экономических и социальных целей государства, достигаемых на основе соответствующей институционально-правовой базы: стимулирование экономической деятельности, защита национальной отрасли от иностранной конкуренции, повышение конкурентоспособности определенной промышленной отрасли [24], реализация определенных направлений государственной экономической политики, например, промышленной в настоящее время в России, а также стратегии импортозамещения [1, с. 138-146; 3, с. 34-38].

Обзор и критика эмпирических исследований

Одним из эмпирических исследований европейской системы публичного прокьюременты является предпринятая Гельдерманом Дж.С. и его соавторами в 2006 г. оценка эффективности Директивы ЕС по осуществлению закупок [14, с. 702-714] на основе интервьюирования 147 специалистов по закупкам Министерства обороны Нидерландов.

Полученные результаты показали, что знакомство обеих сторон закупки - покупателя (госчиновника) и продавца (бизнес-структуры) с установленными институционально-правовыми нормами, правилами и организационными стимулами, содержащимися в Директиве ЕС по осуществлению закупок имеет положительный, статистически значимый эффект. Но с другой стороны, выявленная неэффективность Директивы и сопротивление поставщиков не повлияло на ее соблюдение, хотя респонденты не смогли дать рекомендации о том, как развитые и развивающиеся страны могут улучшить нормативные показатели и повысить организационную производительность национальной системы публичного прокьюременты [14, с. 702-714].

Торговая палата Европейского Союза в 2010 г. в Китае провела эмпирическое исследование европейского бизнеса, который конкурирует в сфере публичных закупок в Китае [12], в частности, на рынке полипропилена, показавшее, что нормативные рамки, регулирующие закупки, фрагментированы, непоследовательны и неравномерно реализуются, тормозя повышение эффективности и инновационности китайской экономики в целом. Тем не менее, результаты исследования не позволили адекватно оценить влияние законодательства Китая о публичных закупках на эффективность деятельности субъектов общественного сектора [12].

В эмпирическом исследовании Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2007 г. оценила систему публичных закупок 20 стран-членов, которые были выбраны случайным образом. Методология оценки была основана на теории четырех столпов, а именно: законодательные и нормативные рамки, институциональная структура и управленческий потенциал, закупочная и рыночная практика, а также целостность системы публичных закупок. В ходе исследования выяснилось, что доля тендеров, в процессе которых не использовались стандарты законодательной базы, составила 55%, а большая часть опрошенных специалистов не была знакома с законом и правилами [22].

Учеными Южного федерального университета также в процессе эмпирических исследований выявлены зоны риска национальной системы публичных закупок, обоснованы механизмы их локализации [5] и построена экономико-математическая модель экспертной системы многофакторной оценки качества закупок товаров и услуг, приобретаемых бюджетными организациями, с использованием нечеткой логики, позволившая предложить интеллектуальную экспертную систему, функционирующую на основе формализации и использования знаний специалистов по закупкам [2, с. 14-21; 4, с. 34-44].

Выводы

Таким образом, проведенный сравнительный анализ теоретических концепций публичных закупок и ряда эмпирических исследований, оценивающих влияние институционально-правовой базы в сфере закупок на их эффективность, позволяет сделать вывод о том, что существует определенный конфликт между установленными государством институционально-правовыми нормами закупок товаров, работ, услуг для удовлетворения потребностей субъектов общественного сектора и адекватным их соблюдением государственными учреждениями, чиновниками и субъектами бизнеса, участвующими в публичных закупках. Конечно, результаты исследований различных авторов и организаций варьируются от положительных показателей соответствия до отрицательных, но в целом, они показывают, что существуют проблемные зоны в сфере реализации законов о публичных закупках в части их исполнения.

Поэтому перед законодателями разных стран стоит задача повышения нормативных требований и санкций за нарушения (незнание) законодательства чиновниками, а перед государственными учреждениями, соблюдающими установленные правовые рамки только частично, реализация законодательства в полной мере. Однако зачастую нарушения законодательства обусловлены также и тем, что санкции, которые созданы юридическими требованиями, на практике ограничивают приобретение товаров и услуг и вынуждают некоррупционно ориентированных заказчиков [6, с. 69-91] (контрактных управляющих государственных учреждений) искать другие способы закупки товаров и услуг в обход стандартных процедур. Выявленные проблемные зоны свидетельствуют о необходимости систематического повышения квалификации специалистов по госзакупкам как вследствие непрерывных изменений законодательства, так и недостаточной квалификации (знаний) закупщиков.

Литература

1. *Alchian A., Demsetz H.* Production, Information Costs, and Economic Organization // *American Economic Review*. 1972. Vol. 62. № 4, P. 777-795.
2. American Bar Association. *The Model Procurement Code for State and Local Governments*. Chicago, IL: American Bar Association, 2000.
3. *Arrowsmith S.* Public Procurement. Basic concepts and coverage of procurement rules in procurement relations: an introduction. EU Asia Inter University Network, 2010.
4. *Basheka B.C., Bisangabasaija E.* Determinants of unethical public procurement in local government systems of Uganda: a case study // *International Journal of Procurement Management*. 2010. Vol. 3. № 1. P. 91-104.
5. *Belokrylov K.A., Firsov E.I., Kuznetsova V.P.* Transparency and effectiveness of National Purchasing system, The 6th International Conference on Management and Technology in Knowledge, Service, Tourism & Hospitality 2018 (SERVE 2018). Rostov-on-don, 2019.
6. *Белокрылов К.А.* Промышленная и закупочная политика государства: проблемы взаимосвязи // *Journal of Economic Regulation*. 2016. Т. 7. № 4. С. 138-146.
7. *Белокрылов К.А., Стрельцова Е.Д.* Экономико-математическая модель в экспертной системе оценки качества государственных закупок на основе нечеткой логики // *Вестник Алтайской Академии экономики и права*. 2018. № 8. С. 14-21.
8. *Белокрылова О.С., Фирсов Е.И.* Государственные закупки в реализации промышленной политики региона // *Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: Поиск модели эффективного социохозяйственного развития. Сб. статей международной научно-практической конференции. Под ред. Клейнера Г.Б. и др. М.: НИИ истории, экономики и права, 2017. С. 45 – 49.*
9. *Белокрылов К.А., Белокрылова О.С., Стрельцова Е.Д.* Качество государственных закупок в условиях цифровизации экономики: концептуальные основания, оценка, механизмы повышения: коллективная монография // Изд-во «Содействие – XXI век», 2018. 162 с.
10. *Белокрылов К.А., Белокрылова О.С., Гуцелюк Е.Ф.* Механизмы снижения экономических и правовых рисков в системе закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: коллективная монография // Изд-во «Содействие – XXI век», 2016. 304 с.
11. European Union Chamber of Commerce in China. *Public Procurement in China: European Business Experiences Competing for Public Contracts in China*, 2010. Available from: <http://www.publictendering.com/pdf/PPStudyENFinal.pdf>.
12. *Freeman R.E.* Stakeholder Theory of Modern Corporation // *Donaldson T., Werhane P. (eds.). Ethical Issues in Business: a Philosophical Approach (7th Ed.)*. NJ.: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 2004.
13. *Gelderman J.C., Ghijsen W.P., Brugman J.M.* Public Procurement and EU Tendering Directives - Explaining Non-compliance // *International Journal of Public Sector Management*. 2006. Vol. 19. № 7. P. 702- 714.
14. *Gunningham N., Kagan, R.A.* Regulation and business behavior // *Law Policy*. 2005. Vol. 27. P. 213-18.
15. *Heinrich C.J.* Measuring Public Sector Performance and Effectiveness // *Peters B.G., Pierre J. (eds). The Handbook of Public Administration: London: Sage, 2007.*
16. *Hughes J.* Accountability rules // *Supply Management*. 2005. Vol. 8. № 4. P. 17-18.
17. *Langevoort D.C.* Monitoring: The behavioral economics of corporate compliance with law // *Columbia Business Law Review*. 2002. Vol. 71. P. 71-118.
18. *Moore M.H.* *Creating Public Value. Strategic Management in Government*. Mass.: Harvard University Press, Cambridge, 1995.
19. Organization for Economic Cooperation and Development, *Fighting Corruption and Promoting Integrity in Public Procurement*. Paris: OECD, 2005.
20. Organization for Economic Cooperation and Development. *Development Assistant Committee Joint Venture for Procurement // Methodology for Assessment of National Procurement Systems*. 2006. № 4. P. 1- 16.
21. Organization for Economic Cooperation and Development. *Integrity in Public Procurement. Good Practice from A to Z*, OECD Publishing, Paris, France, 2007.
22. *Островная М.В.* Влияние закупочных процедур на рентаориентированное поведение заказчиков и поставщиков: опыт России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2015. Т. 9. № 1. С. 69-91.
23. *Scott W.R.* *Institutional Theory*. Encyclopedia Theory. CA: Thousand Oak, 2004.
24. *Thai K.V.* *International Handbook of Public Procurement*. CRC. Press Taylor and Francis Group, 2009.
25. *Zubic J., Sims R.* Examining the link between enforcement activity and corporate compliance by Australian companies and the implications for regulators // *International Journal of Law and Management*. 2011. Vol. 53. № 4. P. 299-308.

Firsov Evgeny Igorevich, Postgraduate Student, Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: firsoffzhenia@yandex.ru

INSTITUTIONAL AND LEGAL IMPLEMENTATION OF THE LEGAL BASIS OF EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE SYSTEM OF MEETING THE NEEDS OF THE PUBLIC SECTOR

Abstract

The article substantiates public procurement as the most important function of the state to meet the needs of public sector entities, ensuring the continuity of production of public goods. It is shown that in addition to this function, procurement

contributes to the implementation of other goals of the state, for example, since 2014 in Russia they are focused on import substitution, the implementation of a new industrial policy, and currently 13 new national projects are being implemented. A comparative analysis of the theoretical foundations of public procurement and a number of empirical studies of various authors and organizations proving the existence of a conflict between the established institutional and legal foundations of public procurement and their adequate observance by customers and bidders is carried out. This allowed us to conclude that there is a need for systematic professional development of public procurement specialists, both as a result of continuous changes in legislation and inadequate qualifications (knowledge) of purchasers.

Keywords: public goods, public sector, public procurement, institutional and legal framework, procurement, theoretical basis, economic policy, procurement system, competition.

References

1. Alchian A., Demsetz H. Production, Information Costs, and Economic Organization // American Economic Review. 1972. Vol. 62. № 4, R. 777-795.
2. American Bar Association. The Model Procurement Code for State and Local Governments. Chicago, IL: American Bar Association, 2000.
3. Arrowsmith S. Public Procurement. Basic concepts and coverage of procurement rules in procurement relations: an introduction. EU Asia Inter University Network, 2010.
4. Bashka B.C., Bisangabasaija E. Determinants of unethical public procurement in local government systems of Uganda: a case study // International Journal of Procurement Management. 2010. Vol. 3. № 1. R. 91–104.
5. Belokrylov K.A. Firsov E.I., Kuznetsova V.P. Transparency and effectiveness of National Purchasing system, The 6th International Conference on Management and Technology in Knowledge, Service, Tourism & Hospitality 2018 (SERVE 2018). Rostov-on-don, 2019.
6. Belokrylov K.A. Promyshlennaya i zakupchnaya politika gosudarstva: problemy vzaimosvyazi // Journal of Economic Regulation. 2016. T. 7. № 4. S. 138-146.
7. Belokrylov K.A., Strel'cova E.D. Ekonomiko-matematicheskaya model' v ekspertnoj sisteme ocenki ka-chestva gosudarstvennyh zakupok na osnove nechetkoj logiki // Vestnik Altajskoj Akademii ekonomiki i prava. 2018. № 8. S. 14-21.
8. Belokrylova O.S., Firsov E.I. Gosudarstvennye zakupki v realizacii promyshlennoj politiki regiona // Ekonomiko-pravovye aspekty realizacii strategii modernizacii Rossii: Poisk modeli ef-fektivnogo sociohozyajstvennogo razvitiya. Sb. statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Pod red. Klejnera G.B. i dr. M.: NII istorii, ekonomiki i prava, 2017. S. 45 – 49.
9. Belokrylov K.A., Belokrylova O.S., Strel'cova E.D. Kachestvo gosudarstvennyh zakupok v usloviyah cifrovizacii ekonomiki: konceptual'nye osnovaniya, ocenka, mekhanizmy povysheniya: kollektivnaya monografiya // Izd-vo «Sodejstvie – XXI vek», 2018. 162 c.
10. Belokrylov K.A., Belokrylova O.S., Gucelyuk E.F. Mekhanizmy snizheniya ekonomicheskikh i pravovyh ris-kov v sisteme zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: kollektivnaya monografiya // Izd-vo «Sodejstvie – XXI vek», 2016. 304 s.
11. European Union Chamber of Commerce in China. Public Procurement in China: European Business Experiences Competing for Public Contracts in China, 2010. Available from: http://www.publictendering.com/pdf/PPSt_udyEN-Final.pdf.
12. Freeman R.E. Stakeholder Theory of Modern Corporation // Donaldson T., Werhane P. (eds.). Ethical Issues in Business: a Philosophical Approach (7 th Ed.). NJ.: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 2004.
13. Gelderman J.C., Ghijsen W.P., Brugman J.M. Public Procurement and EU Tendering Directives - Explaining Non-compliance // International Journal of Public Sector Management. 2006. Vol. 19. № 7. R. 702- 714.
14. Gunningham N., Kagan, R.A. Regulation and business behavior // Law Policy. 2005. Vol. 27. R. 213-18.
15. Heinrich C.J. Measuring Public Sector Performance and Effectiveness // Peters B.G., Pierre J. (eds). The Handbook of Public Administration: London: Sage, 2007.
16. Hughes J. Accountability rules // Supply Management. 2005. Vol. 8. № 4. R. 17-18.
17. Langevoort D.C. Monitoring: The behavioral economics of corporate compliance with law // Columbia Business Law Review. 2002. Vol. 71. R. 71-118.
18. Moore M.H. Creating Public Value. Strategic Management in Government. Mass.: Harvard University Press, Cambridge, 1995.
19. Organization for Economic Cooperation and Development, Fighting Corruption and Promoting Integrity in Public Procurement. Paris: OECD, 2005.
20. Organization for Economic Cooperation and Development. Development Assistant Committee Joint Venture for Procurement // Methodology for Assessment of National Procurement Systems. 2006. № 4. R. 1- 16.
21. Organization for Economic Cooperation and Development. Integrity in Public Procurement. Good Practice from A to Z, OECD Publishing, Paris, France, 2007.
22. Ostrovnaya M.V. Vliyanie zakupchnykh procedur na rentoorientirovannoe povedenie zakazchikov i postavshchikov: opyt Rossii // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2015. T. 9. № 1. S. 69–91.
23. Scott W.R. Institutional Theory. Encyclopedia Theory. CA: Thousand Oak, 2004.
24. Thai K.V. International Handbook of Public Procurement. CRC. Press Taylor and Francis Group, 2009.
25. Zubcic J., Sims R. Examining the link between enforcement activity and corporate compliance by Australian companies and the implications for regulators // International Journal of Law and Management. 2011. Vol. 53. № 4. R. 299-308.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ АКТЕРОВ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Черевкова Алена Игоревна	аспирант, стажер-исследователь, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: yaitskova_a@mail.ru
Чикарова Галина Игоревна	аспирант, стажер-исследователь, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: galia201292@gmail.com

Аннотация

В статье на материалах анализа биографических документов (очерки, мемуары и интервью представителей актерских династий Боярских, Вертинских, Дворжецких и Стриженовых) выявлены экзогенные, т.е. определяемые общественно-политическим строем, и эндогенные (внутрисемейные) факторы формирования актерских династий в советском обществе.

Ключевые слова: профессиональные династии, преемственность, актерские династии, советское общество, экзогенные и эндогенные факторы формирования профессиональных династий, сфера искусства, культура, династийность, профессиональная среда.

Современная сфера искусства в России характеризуется высокой степенью влияния династичности. Широко представлены профессиональные династии среди музыкантов и эстрадных исполнителей (семьи Визборов, Дунаевских, Макаревичей, Пресняковых, Растроповичей), артистов балета (Вечесловы-Кузнецовы, Плисецкие-Мессерер), актеров (Боярские, Вертинские, Дворжецкие, Ефремовы, Михалковы-Кончаловские, Стриженовы, Урганты) и др.

Искусство представляет собой одну из наиболее закрытых трудовых сфер и, рассматриваемое в терминах теории Бурдьё, трактуется как поле, в котором функционируют специфические символические отношения, практики и агенты [1]. Представленные династии, начав свою историю в советском обществе, и сегодня формируют профессиональную среду в сфере искусства. С исследовательской точки зрения представляется важным выявить факторы формирования династий в сфере искусства в советском обществе (на примере династий актеров).

В социально-гуманитарном знании сформировались несколько различных подходов к исследованию профессиональных династий. Через призму теории социальной мобильности династичность понимается как результат особого селекционного механизма (П.А. Сорокин) [2], с позиций теории социального пространства – как механизм преемственности (сохранения и поддержания) социального капитала семьи (П. Бурдьё) [3] и воспроизводства социальных позиций (Р. Пеннелл, А. Эдгар) [4, 5]. Теоретические и методологические основы изучения профессиональных династий в российском обществе заложены в работах В.А. Мансурова, В.В. Радаева, М.А. Стариковой, О.А. Ткач, О.И. Шкаратана, В.А. Ядова и др. [6, 7, 8, 9, 10]

В рамках данного исследования профессиональные династии рассматриваются как «локализованные в производственной и социально-экономической сфере социальные группы, характеризующиеся кровнородственными отношениями, в которых несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» [11].

Советские профессиональные династии в творческой сфере уже становились объектом исследования ученых. Например, династии художников через призму истории отдельных семей изучались О.И. Зотовой, Г.А. Янковской; династии фотографов – А.А. Захаровой, П.А. Тихоновым; музыкантские династии – Н.В. Нужиной, И.А. Печиной, Л. Рябошапкой; цирковые династии – А.В. Левочкиной. В целом эти работы носят историко-биографический характер и не дают должного социологического обоснования общественных и культурных условий формирования профессиональных династий в сфере искусства в советские годы.

Исследования советских актерских династий ранее были не представлены в научной литературе, однако некоторые особенности формирования профессионального сообщества актеров в советские годы получили отражение в статьях О. Булгаковой, Н.И. Лубашовой, И.С. Петровой, А.Б. Фетюкова [12, 13, 14, 15].

Методологический конструкт исследования включает в себя концепцию преемственности поколений М. Мид, теории преемственности поколений, разработанные Б. Дубиным и И. Коном.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320.

Для достижения поставленной цели в работе применяется анализ 14 биографических документов: биографические очерки, дневники, мемуары и интервью представителей актерских династий, сформировавшихся в советские годы (Боярские, Вертинские, Дворжецкие и Стриженовы). В качестве методологии исследования был выбран подход «истории семей», разработанный французским социологом Д. Берто [16].

Проведенный анализ массива биографических данных позволил сгруппировать факторы, оказавшие влияние на формирование актерских профессиональных династий в советские годы, и классифицировать их на экзогенные и эндогенные. С одной стороны, формирование династий происходило под влиянием социальных факторов, которые в рамках данной работы рассматриваются как экзогенные, связанных с особенностями советского общественно-политического строя. А с другой стороны, в процессе профессиональной социализации индивидов значительное влияние оказывает семья и профессиональные стратегии ее старших представителей (эндогенные факторы). Далее подробно рассмотрим обозначенные группы факторов на примере семейных историй четырех актерских династий.

Основной тенденцией культуры XX века стала ее массовизация. Невзирая на негативные коннотации этого явления, связанные с упрощением культуры, ее ориентацией на развлечение потребителя, существенным достижением культуры СССР явилось включение в нее широких народных масс. В своих мемуарах О.А. Стриженов писал: *«Кинозритель еще лет двадцать назад – это почти вся страна. Он настолько разнообразен, что разделить его по типам невозможно»* [17]. При этом советский теле- и кинопрокат представлял зрителю довольно ограниченный перечень фильмов, что молниеносно делало игравших в них актеров знаменитостями: *«Такие сумасшедшие актерские взлеты в то время были обусловлены отсутствием телевидения. Во всяком случае, отсутствие такого телевидения, которое мы имеем сейчас. Поэтому были полные залы кинотеатров»* (А.О. Стриженов)¹. Важную роль в продвижении советских знаменитостей играли и средства массовой информации, формируя и поддерживая «фамильный бренд».

Профессия актера считалась эксклюзивной, поскольку несмотря на провозглашаемое передовое положение рабочего класса, принадлежность к интеллигенции предоставляла особые возможности. Востребованные актеры помимо основного оклада получали солидные гонорары, медицинское обслуживание, социальное жилье, возможность выезда за границу [15]. Естественно, что актерские семьи, получив описанные блага, желали передать высокий социальный статус детям. М.С. Боярский вспоминал свое детство так: *«Мы с родителями жили на Гончарной улице в коммуналке, в шестиметровой комнате впятером, с крысами, с холодной водой, в отсутствии стола, стульев»* [18]. Успех в кино принес ему не только всесоюзную известность, но и улучшение материального положения: например, гонорар М.С. Боярского за роль в фильме «Д`Артаньян и три мушкетера» составил 3225 рублей, что было примерно равно стоимости 1-комнатной кооперативной квартиры.

Особая ситуация была в семье Дворжецких. Основатель династии В.Я. Дворжецкий несколько раз арестовывался по политическим статьям и провел в ГУЛАГе в общей сложности 14 лет. Выйдя на свободу, он имел ограничение в правах – «минус 100» – запрет жить в больших городах, промышленных центрах, вблизи границ, морских портов, поэтому описанных привилегий в полном объеме не имел. Его сыновья видели в продолжении профессии отца не только возможность самореализации, но и обеспечения материального благополучия. Как вспоминал В.Я. Дворжецкий, его сын Владислав *«очень трудно жил, буквально из жил рвался <...> у него не было даже пальто, он снимал угол у пожилой ассистентки Мосфильма»*. Но, когда он начал сниматься и играть, *«появилась первая в жизни квартира, кооперативная. Он забрал из Омска мать, дочку. Сыну от последнего, тоже распавшегося брака надо было помогать. И он снимался, выступал на встречах, играл в спектаклях. Получал по сто рублей за спектакль – как много, как хорошо, скоро выкарабкаюсь. Иногда играл по десять дней подряд, до изнеможения, до потери сознания»* [19].

Эксклюзивность профессии явилась причиной закрытости советского профессионального сообщества сферы искусства. Актеры театра и кино имели собственные творческие объединения – Союз кинематографистов СССР и Всероссийское театральное общество (с 1986 г. – Союз театральных деятелей), членство в которых было престижным и способствовало формированию корпоративного братства. В данные организации входила лишь небольшая часть «избранных» представителей профессии. Так, например, Ленинградское отделение Союза работников кинематографии по численному составу в несколько раз уступало ленинградским киностудиям.

¹ Александр Стриженов. Человек из ТВ. [Электронный ресурс] // Радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/interview/18563/> (дата обращения: 21.09.2019).

Член оргбюро ЛОСРК И.Ф. Волк упоминал, что приёмная комиссия следовала принципу: *«Лучше сделать ошибку и не принять кого-то, чем широко открыть всем двери в союз»*. При этом не последнюю роль в профессиональном продвижении играли неформальные каналы – фактор личных знакомств, т.н. «блата» [20].

Помимо эксклюзивности, престижности и корпоративности рассматриваемой сферы, ее закрытость была обусловлена и строгими идеологическими рамками, предполагающими цензуру как выпускаемого продукта, так и ограниченность доступа к каналам профессиональной мобильности для неблагонадежных граждан. Из воспоминаний В.Я. Дворжецкого о поиске работы в 1937 г.: *«В Киеве начальник управления культуры сказал мне, что у нас безработных нет, а в театрах не будет для меня больше места. Поехал в Белую Церковь – сто километров от Киева, там разрешена прописка. Предложил себя в театр. Рады. Пошли в НКВД выяснять. Выяснили. Можно, но отвечать за меня режиссер не хочет: у него семья»* [19].

Факторами, детерминирующими карьерное продвижение, были талант актера и одновременно его лояльность по отношению к партии: *«Случалось, что и зрителя обманывали. В театральной программке напишут против малоизвестной фамилии: «Народный артист». Пришедшие на спектакль смотрят на сцену и удивляются: «Кажется, должно быть хорошо, раз «народный», а на самом деле — плохо». Бедный зритель не ведает, что звание «народного» или «заслуженного» он получил не за свою профессиональную работу, а за то, что исправно заседал в парткоме или профкоме <...> Этих «народных» и «заслуженных» в своей среде мы знаем всех наперечет»* (О.А. Стриженов) [17].

Помимо описанных экзогенных факторов, условий, в которых формировались профессиональные династии советских актеров, следует выделить группу эндогенных факторов (те относятся к самой династии).

Наличие в семье успешных в карьерной реализации членов семьи создает благоприятную почву для профессионального становления молодого поколения. Проанализировав биографические очерки представителей известных актерских династий, удалось установить, что пример родителей находит отражение в характере и профессиональных установках будущих актеров. Р.Я. Левите, жена В.Я. Дворжецкого, рассказывая о их общем сыне, Евгении, отмечала: *«Когда он стал взрослеть, то понял, что даже присутствие рядом такого человека, как Вацлав Янович, – пример его жизни, его интереса, кругозора, требовательности к профессии. Пример отца, безусловно, внедрялся в характер сына»* [19].

Семья как один из главных агентов социализации выступает субъектом ранней профессиональной социализации индивида. В изученных биографических документах советских актерских династий отражено, что дети с самого раннего возраста получали возможность познакомиться с особенностями трудовой сферы родителей, попробовать себя на сцене или в кино и, в конечном итоге, определить собственные профессиональные предпочтения. Так, А.А. Вертинская дебютировала в кино еще школьницей («Алые паруса», 1961 г.)¹. А.О. Стриженов вспоминает: *«Я ходил в детский сад только в тех случаях, когда невозможно было взять меня на гастроли, такой закулисный ребенок <...> До 12-13 играл в Художественном театре детей, и дебют мой состоялся году в 1974, в Ленинграде. МХАТ был на гастролях, я бегал, значит, с родителями, и пришла делегация в составе О.Н. Ефремова, Е.А. Евстигнеева в номер и сказали: «Сынок, надо помочь театру». Был эпихальный спектакль «Сталевары», где я играл сына кого-то из шахтеров. Роль моя заключалась в том, что я выходил на сцену, где была такая сталеварская тусовка, я должен был есть пирожные и пить лимонад. Мне платили за это 5 рублей, и я имел привилегию народного артиста – черную Волгу на спектакль и со спектакля»².*

Семья представляет собой малую группу, которая концентрирует в себе такие важные составляющие как культурный и социальный капитал. Родители с высоким уровнем образования создают особую среду для воспитания и развития детей [3], и они, таким образом, получают лучшие карьерные возможности, чем их сверстники. С точки зрения механизма профессионального программирования, культурный и социальный капитал семей, в которых сильны традиции профессиональной преемственности, могут рассматриваться в качестве латентного фактора, определяющего профессиональный путь молодых членов семьи.

Культурный капитал, включающий совокупность знаний, ценностных установок, культурных традиций, характерных для данной семьи, предоставляется детям как базис их обучения и профес-

¹ Фомина О., Бромберг Л. Другие берега Анастасии Вертинской. [Видео файл] // Россия 1. URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/4999 (дата обращения: 21.09.2019).

² Александр Стриженов. Человек из ТВ. [Электронный ресурс] // Радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/interview/18563/> (дата обращения: 21.09.2019).

сиональной карьеры [21]. Важно отметить, что семьи, в которых выросли родоначальники рассматриваемых династий, были представителями дореволюционной интеллигенции: «До революции для всякого культурного человека было нормальным изучать философов, читать лучшую современную и классическую литературу» (В.Я. Дворжецкий) [19]; «Есенин, Бальмонт, Мережковский, З. Гиппиус, Северянин, Саша Черный – с их поэзией, которая тогда в Советском Союзе была под запретом, я познакомился по дореволюционным сборникам, хранившимся в нашем доме. Любовь же к Вийону, Байрону, Ростану, Элюару, Рембо привила мама, которая прекрасно знала французский и немецкий языки» (О.А. Стриженов) [17].

Мать четырех сыновей Боярских, Е.Н. Бояновская-Боярская была дочерью директора государственного банка, преподавала иностранные языки и всю жизнь горячо увлекалась театром [22]. Именно она привила детям любовь к искусству¹. Композитор, русский шансонье, киноактер и поэт А.Н. Вертинский и актриса, художница Л.В. Вертинская стремились дать своим дочерям лучшее образование, особый акцент делали на музыке и иностранных языках [23]. АА. Вертинская вспоминает, что отец учил любить искусство, музыку и литературу, поскольку считал, что вне зависимости от будущей профессии, дочери должны быть всесторонне развиты.

Следующим эндогенным фактором формирования профессиональной династичности является социальный капитал, под которым в научной литературе понимается профессиональный круг общения, последователей и единомышленников, налаженные связи в профессиональной среде, возможная протекция и покровительство. Это обеспечивает быстрый профессиональный старт младших членов династии, более комфортное вхождение в профессию, курирование их продвижения по служебной лестнице и получение выгодных предложений на рынке труда [24].

В проанализированных биографических материалах сами младшие представители актерских династий отрицают возможное влияние социального капитала их семей и так как зазываемого «фамильного бренда» на их профессиональную карьеру: «Никаких преференций в профессии я от своей фамилии не получал. Напротив, смотрели пристальнее, нежели на остальных. Предъявляли двойные требования, мол, соответствуй. И это время ушло лишь годам к тридцати, когда я смог накопить достаточно кино- и театральные работы, чтобы доказать: я являюсь самостоятельной творческой единицей, а не только сыном известных артистов»² (А.О. Стриженов); «После окончания Ленинградского театрального института я пробовался в несколько городских театров. В одном услышал от главного режиссера, что «двоих Боярских ему вполне хватит» (там служили мой отец и дядя), в другом – что нужно лечить голос, очень уж хриплый, и так далее. А Владимиров послушал меня, и на следующий день я уже у него репетировал»³ (М.С. Боярский). Громкая фамилия, по словам Анастасии Вертинской, стала для нее тяжелой ношей: «Я, конечно, долго мучилась. Мне говорили: «Ты дочка Вертинского». И я протестовала внутренне: хотела быть независимой от фамилии. Потом мне говорили: «Какая красивая!». Но в красоте тоже не было моей заслуги. А мне хотелось услышать: «Какая артистка!» Только когда мне это сказали, все встало на свои места»⁴.

В то же время их современники в своих воспоминаниях упоминают, что во многом профессиональный старт потомственных актеров был обусловлен во многом именно социальным капиталом семьи: «Закончил Владик студию обычно, без особенных взлетов, и взяли его в театр драмы, потому что он был Дворжецкий, да еще с такими внешними хорошими данными» (Р.Я. Левите о В.В. Дворжецком) [19].

Социальный капитал семьи обеспечивал и некоторые преференции при поступлении в театральные вузы, отличающиеся высоким конкурсом на место. Помимо возможности лучшей подготовки под наставничеством родителей, не последнюю роль играла известная фамилия. В интервью А.Е. Дворжецкой читаем: «Когда в институт поступала, то понимала: все в курсе, что я дочка Нины и Евгения Дворжецких, все знают, что поступаю по благу. И я это знала, но никуда не могла от этого деться, ведь мне нужно было попасть в институт, а не показывать, какая я самостоятельная»⁵.

¹ Боярские: об одной из самых многочисленных актерских династий России. [Электронный ресурс] // РЕТРОspectra. URL: <https://retrospectra.ru/династия-боярских/> (дата обращения: 21.09.2019).

² Александр Стриженов. [Электронный ресурс] // Women's day. URL: <https://www.wday.ru/stil-zhizny/vibor-redakcii/aleksandr-strijenov-vyidat-zamuj-mladshuyu-doch-poboytes-boga/> (дата обращения: 21.09.2019).

³ Безрукова Л. Рыцарь любви и удачи - Михаилу Боярскому - 65! [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/12/25/boyarskii.html> (дата обращения: 21.09.2019).

⁴ Вертинская - дочь «русского Пьеро», не желающая быть «матерью киллера». [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20091219/200146395.html> (дата обращения: 21.09.2019).

⁵ Почему Анна Дворжецкая стала актрисой? [Электронный ресурс] // WomanHIT. URL: <https://www.womanhit.ru/stars/interview/654238-pochemu-anna-dvorzhetskaya-stala-aktrisoj.html> (дата обращения: 21.09.2019).

В то же время в биографических материалах отражены свидетельства требовательного и даже критического отношения именитых родителей к профессиональной деятельности своих детей. М.С. Боярский в одном из интервью рассказал, что не гордится ни одной ролью своей дочери, актрисы Елизаветы: «Да никакой не горжусь. Что мне гордиться? Пускай сама разбирается со своей судьбой, профессией. Она получила то, что хотела. Я просто очень рад, что у нее двое детей, и что рано или поздно она поймет, что все, чем она занималась, – это романтическая юность»¹. Р.Я. Левите отмечает: «Вацлав Янович к работе своих сыновей относился с трепетом, но очень требовательно. Всё, что он успел увидеть, мы обсуждали дома, анализировали, ему всегда хотелось что-то улучшить, что-то подсказать».

Со слов М.В. Жигалова В.Я. Дворжецкий «рассказывал о сыне Женьке и безумно гордился всеми его успехами. О Владе говорил «впроброс», мол, ну, с ним-то все понятно. В том малом, что Вацлав Янович говорил о Владиславе, мне даже показалась какая-то полущутливая и полусерьезная профессиональная ирония – мол, Актер Актерычем стал! А вот за Женьку очень здорово волновался: как экзамены сдаст? в какой театр попадет? как устроится?» [19].

Фактором сохранения и продолжения профессиональной преемственности выступает также гордость за принадлежность к конкретной династии и фамилии. А.Е. Дворжецкая: «До 9 лет я твердила, что буду кем угодно, но только не актрисой. А когда папы не стало, все СМИ стали писать: мол, злой рок, династия Дворжецких прервана. И тут мне стало так обидно! Ну как же так? Есть же я, есть мой брат Миша! Мы тоже Дворжецкие! И тогда я сказала маме: «Не знаю, чего я там смогу или не смогу в этой профессии, но давай попробуем!». Р.Я. Левите про сыновей Е.В. Дворжецкого писала: «Он [Евгений] совсем другой артист, время другое, но преемственность, продолжение традиции есть, и мне это очень дорого и важно <...> Вацлав Янович не раз говорил мне, что надеется сыграть с Владом в одном фильме, ждал сценария, искал его. Накануне собственной смерти он готовился к кинодуэту с Евгением, тут уж он сам не успел» [19].

Таким образом, формирование актерских династий в СССР происходило в условиях массовизации культуры, развития кинематографа и СМИ, сделавших возможными стремительное карьерное продвижение и всеобщую известность; высокой степени закрытости и корпоративности профессионального сообщества актеров, объяснявшихся эксклюзивностью, престижностью, привилегированностью профессии; влияния идеологии и цензуры со стороны партии, которые выступали одновременно социальным лифтом для политически лояльных актеров (впрочем, не одобряемым профессиональным сообществом) и барьером – для тех, чья идеологическая благонадежность вызвала сомнения.

Среди эндогенных (внутрисемейных) факторов формирования династий актеров следует выделить раннюю профессиональную социализацию молодого поколения; влияние примера успешной профессиональной деятельности родителей; существование установки на профессиональную преемственность и наставничество; гордость за принадлежность к конкретной династии. Также необходимо отметить, что актерские семьи аккумулировали культурный и социальный капитал, имели т.н. «фамильный бренд», что обеспечивало младшим членам династии преференции при поступлении в театральные вузы и благоприятные условия для быстрого профессионального старта. Выявленные факторы обуславливают двойственность (конструктивность и деструктивность) потенциала профессиональной династичности в актерской среде.

Литература

1. Кожемякин Е.А. Идеология в поле искусства: возможности критического дискурс-анализа // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2007. №9 (40).
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество/ Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 544 с.
3. Бурдьё П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Бурдьё Пьер, Пассрон Жан-Клод; [пер. Н.А. Шматко]. М.: Просвещение, 2007.
4. Pennell C. Lineage, Genealogy and Practical Politics: Thoughts on David Hart's Last Work // The Journal of North African Studies. Vol.6, N 2, 2001. P. 1-10.
5. Edgar A. Genealogy, Class, and "Tribal Policy" in Soviet Turkmenistan // Slavic Review. Vo.60. N 2. 2001.
6. Инженерные династии России: монография / научн. ред. В.А. Мансуров. М.: РОС, 2017. 331 с.
7. Радаев В., Шкаратан О. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. 318 с.

¹ Михаил Боярский. [Видео-файл] // YouTube-канал «А поговорить?». URL: https://www.youtube.com/watch?v=Rsl2m-ts-b8&list=PLwV1zUscWc93fzqFhvXMt_8GnG1MNwEdR&index=7&t=0s (дата обращения: 21.09.2019).

8. Старикова М.А. Взаимосвязь карьерной направленности и особенностей родительской семьи (на примере профессиональных династий и семей, не являющихся династиями) // Ученые записки университета Лесгафта. 2013. №3 (97).
9. Ткач О.А. Заводская династия как социально-культурный феномен: советский и постсоветский периоды : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Ткач Ольга Александровна; [Место защиты: Соц. ин-т РАН].- Санкт-Петербург, 2008.- 185 с.
10. Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии) / ред. совет Джоан ДеБарделебен, С. Климова, В. Ядов. – М, 2004. – 278 с.
11. Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. №12. С. 100-103.
12. Boulgakova O. (2003) Les beautés et le pouvoir. N. Laurent (ed.) Le Cinéma «stalinien», questions d'histoire, Toulouse: Presses universitaires du Mirail.
13. Лубашова Н.И. Социология российской кинематографии эпохи социализма // Аналитика культурологии. 2015. №1 (31).
14. Петрова И.С. Основные пути формирования театральных коллективов Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945-1953) // Культурная жизнь Юга России. 2010. №1.
15. Фетюков А.Б. Художественная интеллигенция в «хрущёвский» период: состав и социальный облик (по материалам Ленинграда) // Вестник АГУ. Серия 1. 2011. №3.
16. Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений / Вопросы социологии. 1992. № 2.
17. Стриженов О.А. Исповедь. Алгоритм, 1999.
18. Нордвик В. Судьба мушкетера // Gala Биография. 2009. Февраль. С. 49-66.
19. Гройсман Я.И. Вацлав Дворжецкий – династия. ДЕКОМ, 1999. 159 с.
20. Гринин Л.Е. Феномен информационного общества: “люди известности” // Философия и общество. 2004. №2. С. 5-25.
21. Очкина А.В. Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности (на материалах исследования в провинциальном российском городе) // Мир России. Социология. Этнология. 2010. №1. С. 67-87.
22. Боярская Е.Н. Театральная династия Боярских. Олма Медиа Групп, 2007. 416 с.
23. Вертинский А.Н. Дорогой длиною. Правда, 1990.
24. Иванова Е.Ю., Юрьев П.С. Профессиональные династии: тенденции и формы поддержки // XXI Уральские социологические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. 593 с. С. 498-503.

Cherevkova Alena Igorevna, Postgraduate, Research Assistant, Southern Federal University (160, Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: yaitskova_a@mail.ru

Chikarova Galina Igorevna, Postgraduate, Research Assistant, Southern Federal University (160, Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: galia201292@gmail.com

FORMATION FACTORS OF PROFESSIONAL DYNASTIES OF ACTORS IN SOVIET SOCIETY

Abstract

The article identifies exogenous (determined by the socio-political system), and endogenous (intrafamily) factors in the formation of acting dynasties in Soviet society. The empirical basis of the work is 14 biographical documents (essays, memoirs and interviews with representatives of the acting dynasties of Boyarsky, Vertinsky, Dvorzhetsky and Strizhenov).

Keywords: professional dynasties, continuity, acting dynasties, Soviet society, exogenous and endogenous factors of formation of professional dynasties, sphere of art, culture, dynasties, professional environment.

References

1. Kozhemyakin E.A. Ideologiya v pole iskusstva: vozmozhnosti kriticheskogo diskurs-analiza // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2007. №9 (40).
2. Sorokin P.A. SHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo/ Obshch. red., sost. i predisl. A. YU. Sogomonov. M.: Politizdat, 1992. 544 s.
3. Burd'e P. Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya / Burd'e P'er, Passron ZHan-Klod; [per. N.A. SHmatko]. M.: Prosveshchenie, 2007.
4. Pennell S. Lineage, Genealogy and Practical Politics: Thoughts on David Hart's Last Work // The Journal of North African Studies. Vol.6, N 2, 2001. P. 1-10.
5. Edgar A. Genealogy, Class, and "Tribal Policy" in Soviet Turkmenistan // Slavic Review. Vo.60. N 2. 2001.

6. Inzhenernye dinastii Rossii: monografiya / nauchn. red. V.A. Mansurov. M.: ROS, 2017. 331 s.
7. Radaev V., SHkaratan O. Social'naya stratifikaciya. M.: Aspekt-Press, 1996. 318 s.
8. Starikova M.A. Vzaimosvyaz' kar'ernoj napravlenosti i osobennostej roditel'skoj sem'i (na primere professional'nyh dinastij i semej, ne yavlyayushchihsya dinastiyami) // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2013. №3 (97).
9. Tkach O.A. Zavodskaya dinastiya kak social'no-kul'turnyj fenomen: sovetskij i postsovetskij periody : dissertaciya ... kandidata sociologicheskikh nauk : 22.00.04 / Tkach Ol'ga Aleksandrovna; [Mesto zashchity: Soc. in-t RAN].- Sankt-Peterburg, 2008.- 185 s.
10. Stanovlenie trudovyh otnoshenij v postsovetskoj Rossii (Sociologicheskij analiz pyati sluchaev rossijskogo menedzhmenta v sravnenii s praktikoj Kanady i Germanii) / red. sovet Dzhoan DeBardeleben, S. Klimova, V. YAdov. – M, 2004. – 278 s.
11. Posuhova O.YU. Professional'naya dinastiya kak rezul'tat semejnyh strategij: inerciya ili preemstvennost'? // Vlast'. 2013. №12. S. 100-103.
12. Boulgakova O. (2003) Les beautés et le pouvoir. N. Laurent (ed.) Le Cinéma «stalinien», questions d'histoire, Toulouse: Presses universitaires du Mirail.
13. Lubashova N.I. Sociologiya rossijskoj kinematografii epohi socializma // Analitika kul'turologii. 2015. №1 (31).
14. Petrova I.S. Osnovnye puti formirovaniya teatral'nyh kolektivov Nizhnego Povolzh'ya v poslevoennye gody (1945-1953) // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. 2010. №1.
15. Fetyukov A.B. Hudozhestvennaya intelligenciya v «hrushchiovskij» period: sostav i social'nyj oblik (po materialam Leningrada) // Vestnik AGU. Seriya 1. 2011. №3.
16. Berto D., Berto-V'yam I. Nasledstvo i rod: translyaciya i social'naya mobil'nost' na protyazhenii pyati pokolenij / Voprosy sociologii. 1992. № 2.
17. Strizhenov O.A. Ispoved'. Algoritm, 1999.
18. Nordvik V. Sud'ba mushketera // Gala Biografiya. 2009. Fevral'. P. 49-66.
19. Grojsman YA.I. Vaclav Dvorzheckij – dinastiya. DEKOM, 1999. 159 p.
20. Grinin L.E. Fenomen informacionnogo obshchestva: "lyudi izvestnosti" // Filosofiya i obshchestvo. 2004. №2. P. 5-25.
21. Ochkina A.V. Kul'turnyj kapital sem'i kak faktor social'nogo povedeniya i social'noj mobil'nosti (na materialah issledovaniya v provincial'nom rossijskom gorode) // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 2010. №1. P. 67-87.
22. Boyarskaya E.N. Teatral'naya dinastiya Boyarskih. Olma Media Grupp, 2007. 416 p.
23. Vertinskij A.N. Dorogoj dlinnoyu. Pravda, 1990.
24. Ivanova E.YU., YUr'ev P.S. Professional'nye dinastii: tendencii i formy podderzhki // XXI Ural'skie sociologicheskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii (Ekaterinburg, 15–16 marta 2018 g.) / pod obshch. red. YU. R. Vishnevskogo. – Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2018. 593 p. P. 498-503.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, звание, организация (вуз), полный почтовый адрес организации, контактные данные автора (электронная почта, телефон для связи);

- аннотация 10-12 строк;

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

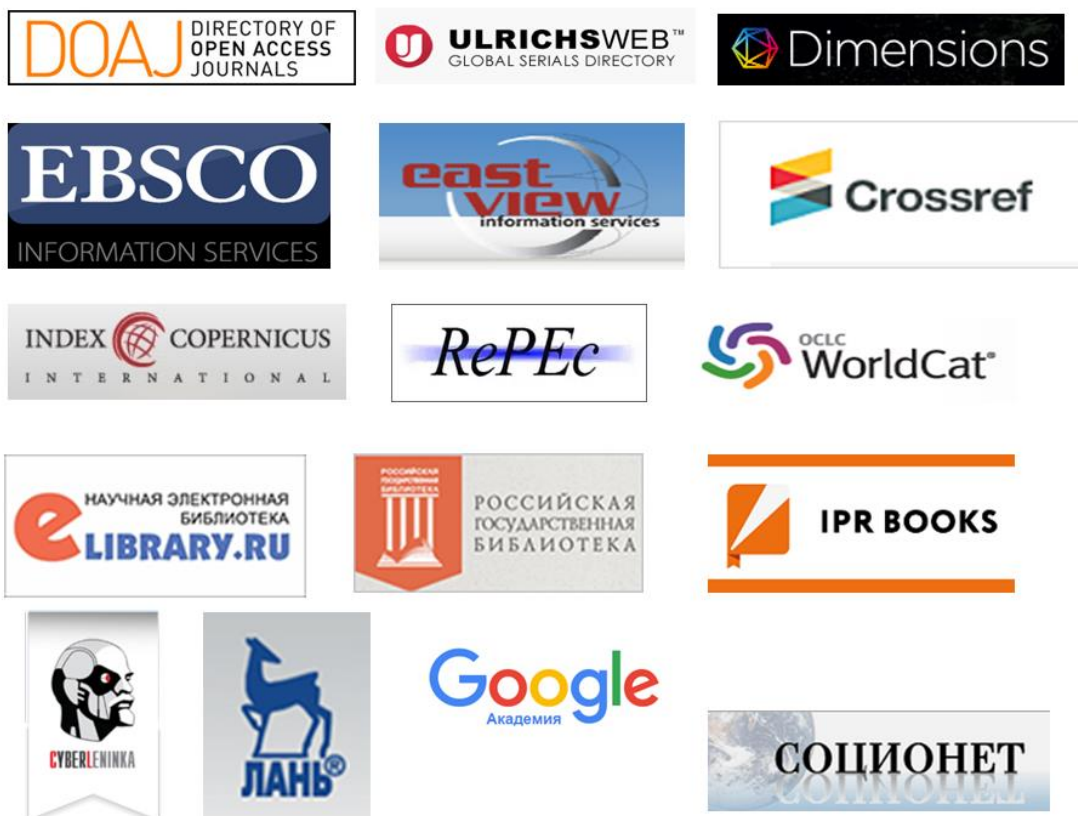
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4. 2019

Выход в свет 25.12.2019. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага писчая. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 7612

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117246, г. Москва, проезд Научный дом, 19, эт. 2, ком. 6Д, оф. 202. Тел. +7 (495) 926 63 96.